

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный технический университет»

На правах рукописи

Морина Людмила Александровна

**РИТОРИКА ДЕКОДИРОВАНИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
Копнина Галина Анатольевна,
доктор филологических наук,
профессор

Новосибирск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ	25
1.1. Социокультурный контекст риторики декодирования	26
1.2. Философские предпосылки формирования риторики декодирования	34
1.2.1. Философия языка как фундаментальный ресурс риторики декодирования	35
1.2.2. Герменевтическое наследие риторики декодирования	46
1.3. Общелингвистические предпосылки становления риторики декодирования	55
1.3.1. Трансфер герменевтической идеологии в лингвистику	55
1.3.2. Когнитивные исследования текста и их роль в формировании риторики декодирования	64
1.3.3. Лингвистика текста как источник идей текстообразования	73
1.3.4. Лингвистическая прагматика и ее связи с риторикой	86
1.3.5. Потенциал теории коммуникации в развитии риторики декодирования	93
1.4. Собственно риторические предпосылки формирования концепции	101
1.4.1. Генезис риторического знания	101
1.4.2. Классическая риторика как методологическая основа риторики декодирования	110
1.4.3. Неориторические направления: концептуальное содержание и дисциплинарные схемы	115
1.5. Риторика декодирования: проблемная ситуация, понятие, объект	133
Выводы	146
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ	152
2.1. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования	152
2.1.1. Риторический текстотип как ментальная сущность	153
2.1.2. Когнитивный статус риторического текстотипа: прототип/инвариант	161
2.1.3. Коммуникативная природа риторического текста и его параметризация	165
2.2. Семиотические основания риторики декодирования	177
2.2.1. Риторический текстотип как код и метакод	177
2.2.2. Знаковая ситуация риторического декодирования текста	181
2.3. Лингвопрагматические основания риторики декодирования	186
2.3.1. Риторическая стратегия текстообразования в ряду смежных понятий	187
2.3.2. Лингвопрагматическая матрица риторического декодирования текста	194

2.4. Лингвориторическая реконструкция текстообразования как ведущий метод риторики декодирования	198
2.4.1. Методологическое состояние современной риторики.....	198
2.4.2. Лингвориторическая реконструкция текстообразования: специфика метода	202
2.4.3. Психолингвистическая верификация метода.....	209
2.5. Дизайн исследования и модель риторического декодирования текста	216
Выводы	225
ГЛАВА 3. РИТОРИЧЕСКОЕ ДЕКОДИРОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТА	231
3.1. Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования.....	231
3.1.1. Тактика объективации целеполагания.....	232
3.1.2. Тактика тематизации	239
3.1.3. Тактика проблематизации	248
3.1.4. Тактика предъявления тезиса	252
3.2. Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования.....	259
3.2.1. Тактика базового композиционирования	262
3.2.2. Тактика аргументационного композиционирования	279
3.2.3. Тактика суперструктурного композиционирования	293
3.3. Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования.....	299
3.3.1. Тактика авторизации.....	300
3.3.2. Тактика адресации	309
3.3.3. Тактика аксиологической экспликации	315
3.3.4. Тактика риторической триггеризации	323
Выводы	337
ГЛАВА 4. ИНСТРУМЕНТАРИЙ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ В МОНИТОРИНГЕ ТЕКСТОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	346
4.1. Эффективность как гносеологическая доминанта риторико-лингвистических исследований	346
4.2. Лингвориторическая реконструкция текстообразования: анализ эффективных практик	355
4.2.1. Аргументация в массмедийной имагологической деятельности... 356	
4.2.2. Элокутивное конструирование медиатекста как фактор эффективности популяризации науки.....	370
4.3. Риторические риски в медиатекстах турбулентных периодов.....	380
4.3.1. Инвентивная зона риторических рисков	382
4.3.2. Диспозитивная зона риторических рисков.....	386
4.3.3. Элокутивная зона риторических рисков	391
4.4. Риторическое диагностирование: опыт экспериментального исследования.....	400
4.4.1. Теоретические посылки риторического диагностирования	400
4.4.2. Описание эксперимента	402

4.4.3. Результаты риторического диагностирования	408
4.4.4. Субметодика интервального шкалирования в интерпретации результатов риторического диагностирования	412
4.4.5. Индекс риторичности	426
Выводы	428
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	433
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	443
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	444
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА	519
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Примеры текстов-стимулов	531
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Примеры диагностических карт	535
ПРИЛОЖЕНИЕ В. Экспериментальные данные	539
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Список рисунков и таблиц	551

ВВЕДЕНИЕ

В диссертационном исследовании представлена концепция риторики декодирования – ее теоретическая разработка и комплексная методологическая апробация.

Гуманитарная наука второй половины XX столетия переживает несколько существенных поворотов, обозначенных философией неопрагматизма, – лингвистический, интерпретативный, риторический [The Rhetorical Turn..., 1990]. Анализ генезиса риторического знания свидетельствует, что «XX век формирует новый запрос на риторику как на средство достижения эффективной коммуникации, причем с отложенным результатом и с максимально широкой областью применения, от научного поиска и эпистемологии до урегулирования межнациональных, локальных, политических и других конфликтов» [Косарев, 2017, с. 4]. Сегодня востребованность риторики определяется не только ее известными технологическими возможностями в обеспечении эффективности коммуникативно-речевого взаимодействия, но и способностью объяснять, регулировать и моделировать процессы понимания, которые «питает глубокий онтологический интерес к проблеме Другого, – в частности, как субъекта или адресата высказывания» [Тюпа, 2010, с. 76]. Риторика, много веков предписывавшая правила эффективного кодирования и исчерпавшая свои исследовательские ресурсы в объективистском направлении «Говорящий–Текст», предлагает в неориторических форматах следование по усложненному маршруту «Говорящий–Текст–Понимающий», открытому для декодирования речекоммуникативного опыта.

Такая тенденция развития неориторической науки обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов – социокультурных, эволюционно-технологических, собственно текстовых. Угасание постмодернистской эпохи, ее наблюдаемое поглощение метамодернизмом, характеризующимся «двойной связью между современным стремлением к смыслу и постмодернистским сомнением в смысле

сущего» [Vermeulen, Akker van den, 2010, p. 6]¹, создают условия для пересмотра научных практик. Сложившаяся к настоящему времени социокультурная ситуация, демонстрирующая, с одной стороны, взрывной рост коммуникационных технологий и массовый спрос на информацию, а с другой, – индивидуальное стремление к преодолению информационной экспансии, вынуждает искать новые риторико-лингвистические пути диагностирования качества текстов как инструментов миромоделирования и оценки их воздействующего потенциала. Более того, в условиях всеобщего медиа, определяющих зависимость массового сознания от СМИ, особенно острой видится проблема преодоления объективированного дерридианской философией несоответствия, возникающего «между тем, что текст “хочет сказать”, и тем, что он принужден означать» [Автономова, 2000, с. 71]. Ценность приобретают не только понимание как таковое, но и понимание того, какими способами и средствами оно достигается, что требует обновления сформированного лингвистикой и риторикой научного инструментария в области изучения текстообразования.

Актуальность настоящего исследования, таким образом, определяется, во-первых, его включенностью в целый ряд гуманитарных направлений, в том числе лингвистических и риторических, связанных с изучением как процессов понимания, так и проблем эффективности речевой коммуникации и дискурсивных практик. Во-вторых, необходим пересмотр методологических предпочтений риторики, обеспечивающий перенос исследовательского внимания с говорящего (кодирующего) на слушающего (декодирующего). Как следствие, в-третьих, фактором актуальности выступает смена исследовательской траектории «Смысл–Текст» (И. А. Мельчук) на направление «Текст–Смысл–Контекст», что соответствует отмечаемой философией языка тенденции к интерпретативизму. В-четвертых, выдвижение новых исследовательских моделей, аккумулирующих полидисциплинарный опыт и реконструирующих

¹ Перевод с английского наш. – Л. М.

текстообразование как результат осознанного вербального кодирования, способствует решению глобальной филологической задачи «экстериоризации понимания» (Г. П. Щедровицкий). В-пятых, активно формирующаяся сегодня теория медиатекстуальности требует переосмысления накопленного теоретического опыта, расширения доказательной базы в условиях динамики развития инфосферы и трансформации текстовой природы, подверженной «дискурсным смещениям» (И. В. Силантьев). Наконец, к факторам актуальности может быть отнесен потенциальный запрос подвергающегося медиатизации общества на риторическую метакомпетентность как результат сформированности «распредмечивающего понимания» (Г. И. Богин), основанного на знаниях о механизмах создания и функционирования текстов. Указанные факторы актуальности отражают условия выбора темы исследования, демонстрируют его теоретическую состоятельность и практическую направленность.

Степень разработанности проблемы исследования. Риторика в любом своем истолковании направлена на текст, трактуемый как «носитель смысла, находящего выражение в его структуре и языковых средствах» [Рогова, 2011, с. 6], как «первичная данность... вообще всего гуманитарно-филологического мышления...» [Бахтин, 2000, с. 299]. Именно обращенность к тексту определяет широту поисковых горизонтов риторики, ее антропоцентричность, аксиологизирующую *Homo loquens*, потенциальную дисциплинарную интегративность, плюралистичность исследовательской идеологии, предполагающую разнообразие сценариев воплощения риторического знания.

Ядро неориторики составляют направления и концепции, оказавшие значительное влияние на теоретическое и методологическое развитие гуманитарной науки в целом: философия риторики А. А. Ричардса; драматическая методология К. Бёрка; аргументационное моделирование С. Тулмина; неориторика Х. Перельмана; прагмадиалектическая теория аргументации Ф. Х. ван Емерена и Р. Гроотендорста; семиология Р. Барта; интерпретативная семиотика У. Эко; общая риторика бельгийской «группы μ », заложившая традиции современной литературной риторики; отечественная литературная

риторика, получившая развитие в трудах С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова; социально ориентированная риторика Ю. В. Рождественского; логико-риторическая теория аргументации А. А. Ивина.

В обширном пространстве неориторических изысканий в последние десятилетия активно развиваются следующие направления: литературная риторика [Бухаркин, 2001, 2017], в контексте которой выделяются компаративная риторика [Тюпа, 2010] и риторика дискурсных смещений [Силантьев, 2006]; риторическая критика [Endres, Hess, Middleton et al., 2016; Будаев, 2016; Катышев, 2018б, 2023; Смолененкова, 2005, 2016]; политическая риторика [Хазагеров, 2002]; медиариторика [Анненкова, 2012б; Шомова, 2003] и политическая медиариторика [Добросклонская, Логинова, 2023]; лингвориторика [Ворожбитова, 2000, 2013]; риторико-статистическая экспертиза [Bécue-Bertaut, Kostov, Morin et al., 2014]; теория риторизованного взаимодействия [Катышев, 2002], в русле которой ведется разработка методик выявления маркеров интерперсональности [Иванов, Катышев, Зайцева, 2025]; систематизирующие исследования элокутивных ресурсов [Копнина, 2009; Москвин, 2022; Хазагеров, 2011]; риторика в составе филологической теории коммуникации [Чувакин, 2011].

Смежную с риторической сферу составляют медиалингвистические и медиадискурсологические исследования, посвященные технологиям речевого воздействия и оценке текстовой эффективности [Иссерс, 2015, 2024; Копнина, Славкина, Цатурян и др., 2024; Котов, 2021; Лукашевич, 2020; Назайкин, 2023; Руженцева, Кошкарлова, Чудинов, 2020; Ухова, 2013; Якоба, 2020, 2023 и др.]. Несмотря на объектно-предметные, методологические, эмпирические различия неориторических и смежных с ними направлений, они так или иначе оказываются объединенными общей проблематикой исследования эффективности речевой коммуникации и воздействующего потенциала дискурса.

Вместе с тем достигнутый уровень в постановке персуазивно-перлокутивной проблематики и опыт изучения эффективности коммуникации требуют развития процедурно-методологического арсенала неориторики: формирования новых исследовательских предложений, связанных

с моделированием действенного текста, оценкой его качества и коммуникативного потенциала, основанных на комбинаторике риторического знания с дискурсологическими, когнитологическими, психолингвистическими, семиотическими, лингвопрагматическими, коммуникативно-синтаксическими и другими достижениями. Такой комплексный подход будет способствовать пониманию природы риторического текста как типологического феномена, решению проблем лакуарности в текстообразовании, выявлению глубинных оснований коммуникативной несостоятельности. Данная установка коррелирует с позицией медиариторики, постулирующей, что «риторика сегодня – это некий когерентный луч филологических дисциплин (стилистики, когнитивистики, прагматики, психолингвистики, лингвоэтики, лингвокультурологии, теории речевых актов). Собственно, тех дисциплин, которые она породила» [Анненкова, 2012а, с. 22]. Обоснованный синтез методологических возможностей риторики и лингвистики является условием валидности неориторических концепций, претендующих на новое научное знание и онтологический статус.

Риторика декодирования как филологическая концепция есть следствие реализации исследовательской потребности в переосмыслении многовекового риторического наследия, возрожденного в эпоху развития общества постмодерна и функционирующего в новых формах в контексте информационно-коммуникационных технологий XXI столетия.

Конструирование концепции риторики декодирования есть подтверждение **гипотезы**, состоящей в том, что риторическое декодирование текста (далее РДТ. – *Л. М.*) есть последовательная уровневая объективация риторического текстотипа как ментальной модели воплощения риторического кода, генетически обусловленного структурой коммуникативного акта и определяющего тем самым эффективность текстообразования.

Объектом исследования является феномен риторического текстообразования в аспекте декодирования его воздействующего потенциала.

Предмет исследования – механизмы текстообразования, реконструирование которых объективирует параметры риторичности текста и диагностирует его эффективность.

Цель исследования состоит в формировании системы теоретических оснований риторики декодирования и демонстрации ее методологических ресурсов.

Указанная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1) описать актуальный социокультурный контекст и систему научных предпосылок становления риторики декодирования;

2) дать концептуальное обоснование риторике декодирования как новому интегративному направлению филологического знания;

3) разработать теоретико-методологические основания риторики декодирования, включая когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические;

4) представить тактико-стратегическую матрицу риторического декодирования и обосновать ведущий метод РДТ – лингвориторическую реконструкцию текстообразования; провести его психолингвистическую верификацию;

5) описать дизайн исследования с опорой на критерии интеллектуального анализа текста и построить уровневую модель РДТ;

6) осуществить риторическое декодирование медиатекстов путем реконструкции способов и средств репрезентации риторических стратегий текстообразования;

7) расширить лингвистические представления о риторико-параметрической специфике медиатекста, механизмах его текстообразования и его персуазивно-перлокутивной природе;

8) реализовать с целью мониторинга текстовой эффективности лингвориторическую реконструкцию текстов массовой коммуникации, иллюстрирующих опыт успешных медиапрактик;

9) сформировать субтеорию риторических рисков на материале медиатекстов турбулентных периодов;

10) разработать и апробировать экспериментальный аппарат и методику риторического диагностирования медиатекста.

Материалом исследования выступает корпус текстов массмедийного дискурса общим объемом более 1 120 тыс. знаков. Кроме того, в результате расшифровки видеоматериалов общероссийского федерального канала «Первый», федеральных каналов медиахолдинга ВГТРК «Россия 1» и «Россия-Культура», платформы YouTube общей продолжительностью 613 минут получены тексты, расширившие исходный корпус. В качестве дополнительного текстового материала привлекаются интернет-комментарии к видео С. Дробышевского на разных YouTube-каналах и отзывы зрителей о телевизионной программе Е. Колесова «Открытие Китая». Эмпирическую базу исследования также составляют результаты риторического диагностирования: 360 заполненных диагностических карт, 2 520 полученных реакций испытуемых.

Теоретическая база исследования сформирована трудами отечественных и зарубежных ученых, посвященными:

- методологии научного познания и моделированию научного исследования (Ю. Д. Апресян, А. А. Гируцкий, Е. С. Кубрякова, Т. Кун, Н. М. Мамедов, К. Р. Поппер, Г. И. Рузавин, Ю. С. Степанов и др.);

- истории мировой риторики, ее цивилизационной роли, глобальными тенденциями развития (R. Barthes, D. P. Gaonkar, С. С. Аверинцев, И. В. Анненкова, В. И. Аннушкин, Н. А. Безменова, Ю. Н. Варзонин, А. А. Волков, Х.-Г. Гадамер, М. Л. Гаспаров, Р. Лахманн, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, М. И. Панов, Л. Е. Тумина, Ю. В. Рождественский и др.);

- философии языка (Л. Витгенштейн, Р. Рорти); семиотической теории (Э. Бенвенист, Ч. У. Моррис, Ч. С. Пирс, У. Эко); теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас); философской герменевтике (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр); философии деконструктивизма (Ж. Деррида), а также интерпретации лингвофилософского наследия (V. Colapietro, F. Fischer, H. Gottweis, C. Koopman,

Н. С. Автономова, М. Н. Вольф, М. С. Козлова, А. В. Косарев, Ю. Коткавирта, А. П. Огурцов и др.); эпистемологии языка (П. Серио); теории методологического мышления (Г. П. Щедровицкий); филологической герменевтике (Г. И. Богин);

– социологии массовой коммуникации и медиакультуре (J. Baudrillard, А. Нерр, F. Krotz, Д. Баррат, М. Н. Володина, Е. И. Горошко, Э. Гриффин, Ги Дебор, Э. Деннис и Дж. Мэрилл, И. М. Дзялошинский, А. В. Костина, И. А. Мальковская, Г. М. Маклюэн, И. Д. Тузовский, С. Фуллер, С. В. Чугров и др.);

– когнитивной лингвистике, в частности концепции понимания как интерпретирующей деятельности (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков); принципам функционализма и когнитивизма (А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, А. Ченки и др.); когнитивному моделированию (P. N. Johnson-Laird, G. Lakoff, А. Г. Баранов, Т. А. ван Дейк, В. Кинч); интерпретации психологической теории прототипов (Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Т. Е. Литвиненко, А. Л. Шарандин); когнитивным исследованиям текста и дискурса (Е. Г. Беляевская, Л. О. Бутакова, Т. А. ван Дейк, Е. С. Кубрякова, Н. А. Мишанкина, В. Е. Чернявская и др.);

– лингвистике текста и лингвистическому анализу текста (R.-A. de Beaugrande, W. Dressler, Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, Р. Водак, Я. Галло, И. Р. Гальперин, С. И. Гиндин, М. Я. Дымарский, В. А. Лукин, О. А. Нечаева, Т. М. Николаева, А. И. Новиков, К. А. Рогова, З. Я. Тураева, К. А. Филиппов и др.);

– медиалингвистике и медиадискурсологии (Е. Н. Басовская, Т. А. Воронцова, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, О. С. Иссерс, М. Ю. Казак, В. И. Карасик, Н. И. Клушина, В. И. Коньков, А. В. Полонский, Г. Я. Солганик, В. В. Хорольский, Т. В. Чернышова и др.);

– прагматике и собственно лингвистической прагматике (Н. Р. Grice, G. N. Leech, J. Verschueren, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик, Дж. Л. Остин, Е. В. Падучева, Дж. Р. Серль, Р. С. Столнейкер, И. П. Сусов, М. К. Тимофеева, Д. Франк, М. А. Шелякин и др.);

– психолингвистическому моделированию речемыслительного процесса (Т. В. Ахутина, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.);

– теории коммуникации (J. Fiske, Э. Гриффин, В. Ф. Иванов, В. Б. Кашкин, В. П. Москвин и др.), в том числе моделированию коммуникации (Н. Д. Lasswell, Т. М. Newcomb, С. Е. Shannon, W. Weaver, N. Wiener, Б. Ю. Городецкий, Е. В. Сидоров, Р. Якобсон и др.);

– теории речевого воздействия (А. Н. Баранов, Р. М. Блакар, А. В. Голоднов, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, П. А. Катышев, Г. А. Копнина, Н. Н. Кошкарлова, С. Л. Кушнерук, А. А. Леонтьев, П. Б. Паршин, Н. Б. Руженцева, А. П. Сковородников, И. А. Стернин, А. П. Чудинов, Е. В. Шелестюк и др.).

Методология исследования обусловлена интегративной сущностью риторики декодирования, сформированной в русле гуманитарной научной традиции кумуляции и реинтерпретации методологических знаний. Поэтому следует выделить базовые методологические источники риторики декодирования, создающие систему ее эвристик.

1. Источником идеи декодирования и рецептивного подхода выступает стилистика декодирования, или стилистика восприятия (М. Riffaterre, И. В. Арнольд, Ю. С. Степанов), которая акцентирует внимание на воздействующем эффекте, производимом художественным текстом. Стилистика декодирования ставит своей целью выявление идейных и эстетических ценностей литературного произведения с опорой на лингвистические наблюдения. Риторика декодирования абсолютизирует текстообразование как ключ к смыслообразованию.

2. Построение модели РДТ реализуется в соответствии с разработанными в области интеллектуального анализа текста (текст-майнинга) требованиями к дизайну исследования, определяющими его тип, уровни и режим анализа, выбор данных, логику вывода (Г. Игнатов, Р. Михальча).

3. Методология риторики декодирования базируется на эмпирико-теоретических принципах психолингвистики, постулирующих относительную изоморфность и взаимонаправленность процессов порождения текста и его восприятия (А. А. Леонтьев, Л. О. Бутакова).

4. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования выстраиваются вокруг понятия риторического текстотипа как ментального образца, воплощающего идею текстовой эффективности. Возможность актуализации данного понятия predetermined опытом психологических, психолингвистических, когнитивных исследований в области моделирования ориентирующих текстопорождающих структур (А. Г. Баранов, Н. А. Бернштейн, Н. Н. Болдырев, П. Я. Гальперин, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, В. Е. Чернявская). Обращение к теории планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и понятий (П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. И. Подольский и др.) объективирует психологические механизмы кодирования, знания о которых позволяют осуществлять декодирование.

5. Методологическим стержнем исследования, организующим РДТ, выступает задающий систему стратегий текстообразования классический риторический канон, переосмысленный в неориторическом ключе в работах А. К. Авеличева, Р. Барта, Н. А. Безменовой, А. А. Ворожбитовой, Е. В. Ключева, А. П. Сковородникова, В. И. Тюпы. Кроме того, в формировании декодирующих процедур учитываются положения лингвосемиотической теории Р. Якобсона, опыт грамматики текста в изучении текстообразования.

6. Трансформацию риторического плана исследования в лингвистический обеспечивают труды в области функционально-коммуникативного синтаксиса Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой; комплексные семантические, грамматические и лингвопрагматические исследования языковой картины мира Т. В. Булыгиной, Б. Ю. Нормана, Е. В. Падучевой, А. Д. Шмелева.

7. Анализ аргументационной специфики медиатекстов основывается на трудах Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки, в значительной степени на теоретических воззрениях нидерландской школы теории аргументации, представленной работами Ф. Х. ван Еемеерена и Р. Гроотендорста, А. Ф. Снук Хенкеманс, М. А. ван Рееса, П. Хоутлоссера, на классификации аргументации А. А. Ивина.

8. Экспериментальная компонента РДТ формируется путем анализа опыта лингвистической экспертизы текста П. А. Катышева и М. А. Осадчего, практики оценки текстовой эффективности Л. В. Уховой, прикладных разработок в сфере управления экономическими рисками.

Методы исследования актуализируются в работе в соответствии с логикой предложенной модели РДТ, следующей принципу дисциплинарной интеграции. На пререконструкционном этапе РДТ для обоснования феномена риторического текстотипа и его параметризации использованы методы когнитивного и коммуникативного моделирования; для описания семиотической природы риторического текстотипа и знаковой ситуации декодирования – семиотическое моделирование. Текстовый этап РДТ демонстрирует применение лингвориторической реконструкции текстообразования – ведущего метода исследования. Содержание метода основано на лингвопрагматической матрице, определяющей систему тактико-стратегических ориентиров декодирования. Зонтичная специфика метода позволяет использовать для выявления репрезентантов риторических тактик широкий спектр известных методов и методик: риторический анализ текста; семантический анализ, осуществляемый в том числе с помощью специализированных электронных онлайн-сервисов; коммуникативно-прагматический анализ; структурно-композиционный анализ, включающий методики членения (декомпозиции) текста; метод реконструкции аргументации; элементы дискурсивного анализа; процедуры контекстуального, лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа; элементы контент-анализа. Контекстуальный этап РДТ связан с использованием метода интерпретации, результативность которого подкрепляется процедурами интен-анализа. На верифицирующем этапе РДТ реализуется метод эксперимента, сопрягающий качественные и количественные операциональные инструменты, включая статистический анализ данных, осуществляемый функциями программы Microsoft Excel. На разных этапах работы привлекается описательно-аналитический метод, включающий приемы сопоставления, обобщения, систематизации, классификации.

Положения, выносимые на защиту

1. Социокультурный контекст современности, характеризующийся стремительно меняющейся информационно-коммуникационной картиной мира, актуализирует и глобализирует проблемы понимания текста и оценки его эффективности, что требует их нового научного осмысления. Помимо внешних факторов, формированию риторики декодирования способствует научный гуманитарный контекст, демонстрирующий разноплановый опыт решения указанных проблем. Научные предпосылки риторики декодирования представлены иерархически организованными и взаимосвязанными методологическими уровнями: философским, лингвистическим и собственно риторическим.

2. Риторическое декодирование текста – сформированный в русле интегративного подхода комплекс исследовательских процедур, объективирующих механизмы риторического текстообразования и диагностирующих их эффективность. РДТ представлено как имитационная исследовательская модель, включающая следующие уровни, или этапы: пререконструкционный, обосновывающий феномен риторического текстотипа; текстовый, реконструирующий механизмы текстообразования; контекстуальный, интерпретирующий результаты предыдущего; верифицирующий, направленный на диагностику текстовой эффективности экспериментальным путем. Каждый этап модели РДТ определяют цель, метод и операциональная единица.

3. Когнитивно-коммуникативная сущность РДТ состоит в распознавании в тексте публичной/массовой коммуникации риторического текстотипа – ориентировочной основы текстообразующих действий, ментального образца эффективного текста, задающего систему параметров риторичности: акциональность, актуальность, аргументированность как основание персуазивности, публичность, диалогичность, которые являются следствием осознанности – макропараметра риторической текстуальности. Риторический текстотип – результат вторичного прототипирования, сформированный моделью

коммуникативного контекста продуцента, программируемой в свою очередь представлениями о коммуникативном акте.

4. Семиотическая природа риторического текстотипа обусловлена тремя измерениями семиозиса – семантическим, синтактическим и прагматическим, что получает отражение в риторическом текстообразовании. Риторический текстотип в практике декодирования обладает способностью представлять знаки другого кода-объекта, что позволяет признать его метасемиотическим конструктом, или метакодом, а риторическое декодирование процессом метасемиотическим.

5. Лингвопрагматические основания концепции складываются путем реинтерпретации структуры и содержания риторического канона и связаны с формированием тактико-стратегической матрицы риторического декодирования, которая является базисом для разработки ведущего метода исследования – лингвориторической реконструкции текстообразования (далее ЛРТ. – *Л. М.*), реализующего принципы телеологичности, уровневости, компонентности, селективности, комбинаторности. Определение корреляционной валидности ЛРТ осуществляется путем обращения к опыту психолингвистического моделирования речемыслительной деятельности. Методологическая сущность ЛРТ состоит в последовательном обнаружении и идентификации репрезентантов риторичности, задаваемых инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегиями текстообразования и составляющими их тактиками и субтактиками. Процедуры ЛРТ характеризуются гибкостью и адаптивностью к конкретным исследовательским задачам: они могут быть применены к отдельным текстообразующим явлениям. Ценность ЛРТ состоит в ее органической возможности сочетаться с интерпретационным методом, обеспечивающим выход за пределы текста в экстралингвистический контекст.

6. Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования есть аналитическое восстановление системы тактик объективации целеполагания, тематизации, проблематизации, предъявления тезиса, в значительной степени определяющих семантический потенциал текста и такие его параметры, как акциональность и актуальность. ЛРТ таким образом

разрешает существующую проблему неупорядоченности исследовательских процедур инвенции, обусловленную особой природой этого этапа текстообразования, непосредственно связанного с затекстовой реальностью.

7. Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования есть поиск ресурсов воплощения тактик и субтактик базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования, определяющих синтактический потенциал текста и в значительной мере его персуазивность. Поскольку условием эффективного текстообразования признается поликомпозиционность, то анализ диспозитивной организации текста осуществляется в разных аспектах – структурно-семантическом, аргументационном, формально-прагматическом. Результатом полиаспектной реконструкции становится репрезентация смыслообразования как процесса поглощения одной текстоформирующей единицы (базового уровня) другой (более высокого) в направлении: коммуникативный регистр речи как строевая единица текста → аргументационный комплекс → суперструктура текста.

8. Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования есть анализ механизмов вербализации тактик аксиологической экспликации, риторической триггеризации, авторизации, адресации, связанных с формированием прагматического потенциала текста и объективирующих такие параметры риторической текстотипичности, как публичность и диалогичность.

9. Субтеория риторических рисков есть подтверждение практико-ориентированного характера РДТ. Выявленные зоны риторических рисков и соответствующие рискоформирующие индикаторы позволяют делать заключения не только о речекоммуникативном качестве текста, но и об интенциональности говорящего, а также о лакунах в его модели коммуникативного контекста.

10. Методика риторического диагностирования текста, сопрягающая качественные и количественные ресурсы, валидирует результаты аналитической практики ЛРТ и демонстрирует потенциал риторики декодирования в области прикладных исследований.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в разработке целостной концептуальной модели и теоретических оснований риторики декодирования. Впервые в рамках неориторической концепции сопрягаются собственно риторические, когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические основания, позволяющие многомерно представить текстообразование как сложный динамический процесс, обеспечивающий метапонимание. Предложены понятие *риторического текстотипа* и система его параметров, что вводит в риторическую теорию когнитивную компоненту, в рамках которой впервые моделируется процесс вторичного прототипирования. В работе обоснован *новый метод – лингвориторическая реконструкция текстообразования*: установлены его принципы, единицы анализа, границы применения, описано содержание. Определены и систематизированы инструменты реконструкции инвентивной стратегии текстообразования. В рамках гибкой синтетической структуры ЛРТ разработаны *новые декодирующие процедуры*: тематическая идентификация, техника идентификации проблемы, методика реконструкции аргументационного композиционирования, методика реконструкции суперструктурного композиционирования. В ходе диспозитивной реконструкции выявлены и описаны устойчивые комбинации единиц текстообразования, а также регистровые варианты, характерные для текстов массовой коммуникации. Реализованный анализ риторической триггеризации обновляет сложившиеся подходы к описанию элокутивных ресурсов текста. Новизна работы заключается также в том, что интерпретация результатов лингвориторической реконструкции основывается на системе параметров риторической текстуальности, что позволяет оценивать воздействующий потенциал медиатекстов. Инновационной разработкой риторики декодирования является *субтеория риторических рисков*. Кроме того, предложена и реализована экспериментальная *методика риторического диагностирования*, включающая качественные и количественные инструменты измерения риторичности медиатекста как основания его эффективности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в развитии опыта исследований номотетического типа, в которых ведущую роль играет текстовый аналитический уровень исследования, сопрягаемый с уровнем контекстуальным. Настоящая работа расширяет методологический арсенал неориторики и лингвопрагматики, связывая алгоритмы текстопостроения с риторической параметризацией, объективирующей идею текстовой эффективности. Данное исследование углубляет когнитивно-коммуникативные, структурно-композиционные и аргументационные аспекты теории медиатекстуальности. ЛРТ, вскрывающая механизмы сверхфразовой организации медиатекста, обогащает эмпирическую базу лингвистики текста и функционально-коммуникативного синтаксиса практикой анализа нехудожественных текстов. Результаты изучения риторической триггеризации дополняют имеющиеся представления о функциональных возможностях средств речевой выразительности. Настоящая работа расширяет терминологический аппарат неориторики, теории речевого воздействия и медиалингвистики. Кроме того, диссертация развивает опыт сформированного в последнее десятилетие полигуманитарного блока исследований, активно эксплуатирующих идею параметризации изучаемого объекта. В концептуальной проблеме декодирования, связанной с процессами понимания и интерпретации, заложен потенциал дальнейшей методологической оптимизации.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью формирования риторического мышления и риторической идеологии, культивирующей принцип осознанного текстообразования, экологичный подход к созданию текстов, их функционированию и потреблению. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания высшей школы таких дисциплин, как «Риторика», «Теория речевой коммуникации», «Теория текста», «Дискурсивный анализ», «Семиотика», «Когнитивная лингвистика», «Лингвистическая прагматика», «История и методология науки», «Основы теории журналистской деятельности», в спецкурсах и практикумах по анализу медиатекста. Возможно применение результатов исследования в ходе реализации

программ дополнительного образования, нацеленных на формирование профессиональной текстовой компетентности и медиаграмотности, на обучение технологиям углубленного чтения, техникам креативного письма. Представляется продуктивным использовать результаты диссертации в медиатеатральности, связанной как непосредственно с созданием текстов разных типов и жанров, так и с измерением текстовой эффективности. Прикладное значение исследования заключается и в возможности применения его отдельных методик в лингвистической экспертизе текста.

Обоснованность полученных результатов и их достоверность обеспечиваются использованием фундаментальных научных трудов отечественных и зарубежных ученых, применением зарекомендовавших себя методов исследования, широкой эмпирической базой работы и репрезентативностью полученных данных, пролонгированным характером самого исследования, обусловившим возможность регулярной промежуточной верификации предложенных теоретических, аналитических и экспериментальных разработок, результатами многолетней апробации исследования.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в форме докладов и сообщений и обсуждены на многочисленных научных мероприятиях разного уровня, в том числе: VIII Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» (Красноярск, СФУ, 2024); VIII и X Международных конгрессах по когнитивной лингвистике (Москва, МГУ, 2018; Екатеринбург, УрГПУ, 2020) и Всероссийских конференциях с международным участием по когнитивной лингвистике, проводимых Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов (Новосибирск, НГТУ, 2022; Тамбов, ТГУ им. Г. Р. Державина, 2023); XIX, XX, XXIII, XXVI Международных научных и научно-практических конференциях по риторике, инициированных Российской ассоциацией исследователей, преподавателей и учителей риторики (Рязань, РГУ им. С. А. Есенина, 2015; Москва, МПГУ, 2016; Москва, МГЛУ, 2020, 2023); II и VI Международных научно-практических конференциях «Язык в координатах

массмедиа» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2017, 2022); международных научных форумах «Медиа в современном мире: 55 и 59 Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2016, 2020); XI, XII, XIV Международных научно-практических конференциях «Коммуникативная культура: история и современность» (Новосибирск, НГУ, 2021, 2022, 2024); I и II Международных форумах языков и культур (Красноярск, СФУ, 2016, 2021); XIX Международном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, РУДН, Институт языкознания РАН, 2019); XIX Международных Березинских чтениях «Языковое бытие человека и этноса» (Москва, МГЛУ, ИНИОН РАН, 2022); Международной научной конференции «Пространства коммуникации: язык, литература, медиа», посвященной 100-летию Иркутского государственного университета (Иркутск, ИГУ, 2018); II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм», посвященной памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой (Омск, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2022); XIV Международном конгрессе МАПРЯЛ «Русское слово в многоязычном мире» (Казахстан, Нур-Султан, 2019); Международной научной конференции «Актуальные проблемы обучения русскому языку XIII» (Чешская Республика, Брно, Университет им. Т. Г. Масарика, 2018); Международной научной конференции «Стилистика: язык, речь и текст» (Республика Беларусь, Минск, БГУ, 2017); VI Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии: гуманитарные ценности в славянских языках и культурах» (Китайская республика (Тайвань), Тайбэй, Чжэнчжи, 2015); Международной научной конференции «Экология родного языка и культуры» (Эстония, Таллин, Таллинский университет, 2015); международных научно-практических конференциях «Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» и «Социальные коммуникации и эволюция обществ», организуемых в разные годы факультетом гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (НГТУ).

Отдельные этапы исследования и его результаты обсуждались на научных семинарах и заседаниях кафедры филологии факультета гуманитарного образования НГТУ, на научных мероприятиях, проводимых Институтом филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.

Результаты исследования уже внедрены в практику преподавания студентам-филологам факультета гуманитарного образования НГТУ таких дисциплин, как «Риторика», «Теория текста», «Филологическая теория коммуникации», использованы в работе лингвистических научно-исследовательских семинаров бакалавров, магистрантов и аспирантов. Кроме того, некоторые материалы диссертации включены в содержание дополнительной профессиональной программы «Управление талантами», реализованной на факультете повышения квалификации НГТУ.

По теме диссертационного исследования опубликованы 54 научные работы, в том числе 22 статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертационных исследований, из них 20 статей в журналах из Перечня ВАК РФ по специальности 5.9.8, в том числе 7 статей в изданиях, индексируемых в наукометрических базах Scopus и Web of Science, 4 главы в коллективных монографиях.

Структура работы отражает последовательное развитие концепции риторики декодирования и включает введение, четыре главы, состоящие из 17 параграфов, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы (758 наименований), список источников эмпирического материала, приложения. Результаты работы иллюстрируют 26 таблиц и 20 рисунков.

В главе 1 «Концептуальное обоснование риторики декодирования» описан социокультурный и научный контексты становления новой концепции. Рассматриваются предпосылки формирования риторики декодирования: философские, лингвистические, собственно риторические. Определяется научно-методологическая сущность риторики декодирования. Глава 2 «Теоретический

базис и методологический арсенал риторики декодирования» представляет когнитивно-коммуникативные, семиотические, лингвопрагматические основания концепции. Получает обоснование ведущий метод – лингвориторическая реконструкция текстообразования. Предложена модель риторического декодирования текста. В главе 3 «Риторическое декодирование медиатекста» осуществляется последовательная лингвориторическая реконструкция способов и средств репрезентации инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, расширяющая представления о медиатекстуальности. Глава 4 «Инструментарий риторики декодирования в мониторинге текстовой эффективности» посвящена демонстрации потенциала лингвориторической реконструкции текстообразования и методики риторического диагностирования в практике оценивания эффективности медиатекстов. В заключении обобщены результаты проведенного исследования и определены его перспективы.

Приложения (А–Г) содержат примеры текстов-стимулов, полученных в результате расшифровки видео, которые послужили экспериментальным материалом исследования (А); образцы заполненных диагностических карт (Б); сводные таблицы, демонстрирующие количественные данные эксперимента (В), а также список рисунков и таблиц (Г). Общий объем диссертационного исследования составляет 552 страницы; объем основного текста – 442 страницы.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ

Обоснование концепции риторики декодирования начинается с признания экспансии интегральной парадигмы лингвистического знания, являющейся «функциональной по своей общей направленности, конструктивной по своему духу и диктующей в своей установочной части выходы... за горизонты традиционной структуральной лингвистики...» [Кубрякова, 1995, с. 230].

Любая научная парадигма представляет собой «объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях» [Кун, 1977, с. 44] и упорядочивается тремя основными звеньями: 1) установочно-предпосылочным; 2) предметно-познавательным; 3) процедурным, или «техническим» [Кубрякова, 1995, с. 167]. Позже Е. С. Кубрякова расширяет этот комплекс параметров организации парадигмы, усложняя его эвалютивным (оценочным) аспектом, и обосновывает возможность применения вышеуказанной структурирующей триады для описания специфики научных школ, направлений, концепций [Кубрякова, 2008, с. 9].

Данная рекомендация позволяет структурировать концептуальное представление риторики декодирования в следующих ракурсах:

- установление предпосылок, обуславливающих формирование новой научной концепции;
- определение проблемной ситуации, целеполагания и объектно-предметной области;
- разработка теоретических оснований и методологического инструментария.

В условиях высокой конкуренции гуманитарного знания в области изучения современных речевых явлений и коммуникативных процессов научно-методологическое обоснование концепции риторики декодирования сопряжено в первую очередь с осмыслением актуального социокультурного контекста как стимула ее становления и одновременно среды формирования.

1.1. Социокультурный контекст риторики декодирования

Социокультурный контекст, в котором формируется риторика декодирования, характеризуется интенсивным развитием средств массовой коммуникации и информации, цифровизацией, активным функционированием социальных сетей, разработкой технологий искусственного интеллекта, в том числе обеспечивающих генерацию текста. Подчеркнем, что именно информационно-коммуникационные процессы и медиатехнологические потребности общества в целом способствовали неориторизации как тенденции развития гуманитарной мысли второй половины XX столетия. Более того, сегодня приходится признать, что «информация является своеобразным товаром, специфика которого приводит к значительным изменениям по сравнению с индустриальной эпохой» [Иванов, 2013, с. 501].

Реакцией научного сообщества на актуальные информационно-коммуникационные процессы становятся многочисленные теории информационного/постиндустриального общества [Белл, 2004; Кастельс, 2000, 2004; Стоуньер, 1986; Тоффлер, 1999, 2002; Drucker, 1993; Masuda, 1981 et al.]. Общество признают информационным в том случае, «если любой разумный член общества, организации или предприятия имеет доступ к техническим устройствам, позволяющим получить любую открытую информацию и знания, а также передавать или получать любые несекретные сведения и сообщения в любое время и в любой точке планеты» [Ракитов, 2016, с. 9]. Общим местом становится мысль о том, что информация есть предмет массового потребления. При этом идеология информационного общества абсолютизирует роль обеспечивающих свободный информационный обмен технологий, выдвигая и развивая тезис: «Средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2019, с. 14].

Сегодня в структуре коммуникативной культуры, как отмечает И. М. Дзялошинский, утверждается технологическая подсистема, в значительной степени способствующая эффективному осуществлению необходимых коммуникативных действий по созданию, распространению и потреблению информационного продукта. Исследователь подчеркивает, что в отличие

от ценностно-смысловой и регулятивной подсистем, участвующих в формировании коммуникативной культуры, технологическая подсистема меняется сегодня чрезвычайно быстро, и теоретическое осмысление этих перемен далеко не всегда успевает за реальностью [Дзялошинский, 2021, с. 10–11]. Данное положение формирует запрос на новые теоретические концепции, осмысливающие технологическую компоненту коммуникативной культуры не столько как инструмент обмена информацией, сколько как мировоззренческую составляющую эпохи интернетизации и медиатизации.

Интернетизация открыла безграничные возможности для самореализации любого индивида, демонстрации речевой креативности, достаточно свободной самопрезентации личности, открытого позиционирования авторского «Я» в массмедийной среде. Как отмечает В. И. Аннушкин, «в эпоху массовой культуры, доступности образования существуют не только тенденции глобализации, универсализма и некоего объединенного усреднения, но и стремление к созданию индивидуального стиля как поновления, утверждающего личное “я” того или иного автора» [Аннушкин, 2005, с. 10–11]. Более того, любой участник интернет-коммуникации сегодня превращается «в потенциальный источник новостного сообщения, значимого в мировом масштабе» [Тузовский, 2020, с. 46]. Таким образом, интернетизация запускает «механизмы виртуализации *социальности*²» [Горошко, 2014, с. 44], что «приводит к усилению плотности межличностных и межгрупповых коммуникаций, но что еще более важно – создает возможность изменения потока этих коммуникаций и таким образом трансформирует социальную структуру общества» [Там же].

Проблематика виртуального существования и социальных изменений емко сформулирована переводчиками работы Т. ван Дейка «Дискурс и власть» в ее вводной части: «Интернет как новое СМИ привел к таким трансформациям глобальной аудитории, при которых прежде молчаливая глобальная аудитория превратилась в шумящий информационный “рой”. В таких условиях наиболее

² Здесь и далее по всему тексту диссертации в цитатах сохраняются авторские шрифтовые выделения и обозначения.

эффективно реализуют себя не те, кто обладает полнотой научной или интеллектуальной легитимности, а те, кто умеет громче других заявить о себе с помощью максимального количества доступных средств» [Кожемякин, Переверзев, 2014, с. 10]. Сложившаяся проблемная ситуация актуализирует разработку и распространение техник коммуникативно-психологической защиты индивида, шире – формирование критического мышления аудитории, способной «просеивать» информационный поток, отделяя зерна от плевел.

Медиатизация в широком понимании как тенденция современности есть «не только процесс появления новых медиа и возникновения все более сложной индивидуальной медиасреды. Не только процесс “все большего и большего” использования медиа в коммуникативной деятельности, но прежде всего метапроцесс, который заключается в меняющейся повседневной жизни, меняющихся конструкциях идентичности и социальных отношений, меняющейся экономике, демократии и досуге, меняющейся культуре и обществе в целом» [Krotz, Nepp, 2011, p. 139]³. Узкий подход к медиатизации связан с ее пониманием как процесса, нацеленного на создание условий для воздействия языка на человека, его способ мышления и поведение [Володина, 2008, с. 17].

На первый взгляд, интернетизация и медиатизация способствуют коммуницируемости социального пространства, которая «активно формирует новый режим приобретения знаний, новостей, личного и делового общения. Однако, погружая человека в непрерывный поток информации, она вместе с тем способствует ускользанию информационных смыслов, информационному “разыгрыванию” и информационному насилию. Социальные субъекты коммуницируют друг с другом. Но их языки общения все меньше совпадают, разнятся, перебивают и подавляют друг друга» [Мальковская, 2005, с. 13]. Известный прогноз Ж. Бодрийяра, облеченный в емкую формулу «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [Baudrillard, 1981, p. 119], получает свое подтверждение в практике повседневности.

³ Перевод с английского наш. – Л. М.

Очевидно, что отмеченная амбивалентность информационно-коммуникационного бытия современного социума, основанная на признании ценности высоких технологий, ежеминутной потребности в них и одновременно осознании их деструктивного потенциала, не может не отражаться на культурном, психологическом и коммуникативном состояниях общества. Цифровые и медиакоммуникационные процессы кардинальным образом меняют жизнь человечества, «порождая новый тип человека в его психофизическом самоощущении и организации его душевного и телесного бытия» [Аннушкин, 2019, с. 24–25]. Наблюдается парадокс информационного общества: обилие СМИ, многоканальность медиа, наличие сверхсовременных средств связи и актуальных гаджетов, обеспечивающих высокую скорость обмена информацией, сетевые возможности общения не облегчают процессы понимания, но, обеспечивая перепроизводство информации и участвуя тем самым в обезличивании субъекта речи, создают коммуникативные риски, а также условия для фрагментаризации личности и потери ее социальной и психологической устойчивости.

В. Н. Базылев выделяет такую тенденциозную черту современного информационного пространства, как агрессивность, создающую угрозу психологической безопасности личности и обуславливающую конфликтогенность социума [Базылев, 2015]. В пространстве массовой коммуникации «агрессия уже не вуалируется, а аккумулируется в качестве основного привлекательного формата» [Гончарова, 2022, с. 232]. Обеспечение как индивидуальной, так и коллективной информационной безопасности становится новым вызовом в условиях разжигаемых информационных/информационно-психологических войн. Понятие «информационная война», активно эксплуатируемое как научным, так и массмедийным дискурсом, определяется как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [Сковородников, Копнина, 2016, с. 42].

Информационные/информационно-психологические войны рассматриваются и как пространство манипулирования и дискредитации, и как условие существования ряда политических и медийных практик, и как результат пропагандистской деятельности (подробнее [Dowse, Bachmann, 2022; Бухарин, Цыганов, 2007; Губарев, 2005; Дзялошинский, Дзялошинская, 2019; Кара-Мурза, 2017; Копнина, Еремина, 2023; Коцюбинская, 2020; Кушнерук, Курочкина, 2020; Кушнерук, Чудинов, 2019; Панарин, 2012; Почепцов, 2015; Приходько, 2023; Лингвистика информационно-психологической войны, 2021 и др.]).

Системный обзор актуальных информационно-коммуникационных, в том числе конфликтогенных, трендов представлен в статье философа и культуролога А. В. Костиной «Информатизация и тенденции развития общества XXI века». Автор, анализируя стремительное развитие новейших технологий как в сфере коммуникации, так и в медицине, промышленности, сельском хозяйстве, констатирует, что социокультурные отношения в новом типе общества информационной эры характеризуются совокупностью разнонаправленных тенденций. Так, вследствие открытости информации как основного ресурса общества увеличивается социальное равенство. Одновременно формируется и феномен цифрового неравенства – в связи с затрудненностью доступа к знанию: уменьшаются связи в обществе, опирающемся на сетевой принцип, социальный лифтинг оказывается чрезвычайно затруднительным. Общество становится предельно рациональным, но при этом становится очевидной мифологизация общественного сознания, в огромном количестве расцветают мистические течения. Культура выступает как инновативная, но также актуализируется и опыт традиционных общественных структур [Костина, 2018]. Автор приходит к выводу, «во-первых, о сложности современных социальных процессов, во-вторых, о нелинейности общественного развития в целом и современного в частности» [Там же, с. 153].

Современное состояние информационно-коммуникационной среды корреспондирует с философией постмодернизма, постулирующей, что «образы становятся важнее того, что они представляют. <...> Постмодернисты убеждены,

что повторяющиеся образы в СМИ приобретают гиперреальность – они более реальны, чем реальные» [Гриффин, 2015, с. 437]. Метафорическое суждение Ж. Бодрийера о том, что «не телевидение является зеркалом общества, а как раз наоборот: это общество является зеркалом телевидения» [Baudrillard, 1988; цит. по: Гриффин, 2015, с. 437], снимает вопрос об искажении реальности в СМИ, но утверждает мысль о том, что сегодня средства коммуникации – единственная реальность, которая у нас есть.

Виртуализация пространства социальных взаимодействий создает условия для утверждения идеологии метамодернизма, или постпостмодернизма. Метамодернизм основывается на признании того, что «виртуальный мир не столько поражает новизной и пародирует, сколько замещает реальность. <...> Все больше входит в практику общение и связь посредством телекоммуникаций (образование, телемедицина, конференции, личное общение и т. д.). Обыденные представления людей в условиях виртуального мира, социальных сетей мультиплицируются. Появляются совершенно новые возможности манипуляции массовым сознанием, причем не только со стороны власти или владельцев СМИ, но и индивидов» [Митрошенков, 2016]. При этом отдельная личность имеет все шансы получить статус медиаперсоны без достаточных для этого оснований – профессиональных, компетентностных, этических.

Виртуальная среда, обладающая способностью искажения реальности и предоставляющая вербальную и мультимодальную свободу выражения как мегакорпорациям, так и индивиду, создает благоприятные условия для существования таких медийных феноменов, как фейковые новости, фактоиды, фанфейки, «фанатские теории», литбейт, поп- и лженаука, астротурфинг, кликбейт, хайп, нарративная журналистика и других, ассоциированных с составляющими концепта постправды [Тузовский, 2020].

В термине «постправда», ставшим словом 2016 года по версии Оксфордского словаря, заложено указание на разницу между определением того, что истинно и что ложно, и установлением условий, в которых определяется, что истинно и что ложно [Фуллер, 2018]. В отношении постправды

приходится говорить именно об истине, а не о правде, поскольку истина универсальна, «одна на всех», а правда может иметь субъективный характер [Кошкарова, Руженцева, 2019, с. 51]. Универсальный характер истины, видимо, определяется тем, что «истинность берет свое начало в доконцептуальном образе мира...» [Арутюнова, 1999, с. 586]. Не случайно С. Фуллер с позиции эпистемологии и социологии науки склоняется к понятию постистины в предлагаемой концепции постправды [Фуллер, 2021, с. 11–12]. «Постправда – это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правдива ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора» [Чугров, 2017, с. 46].

Известно, что современная социокультурная ситуация характеризуется оперативной разработкой и мобильным масштабированием технологий искусственного интеллекта, которые создают новое качество жизни человечества: они обеспечивают существование поисковых систем, баз данных, систем распознавания голосов и лиц, расширяют и совершенствуют возможности робототехники, банковских операций, образовательной сферы, здравоохранения.

Симптоматично, что сегодня инструментальный арсенал постправды пополняется как раз за счет разработок в области искусственного интеллекта, которые предназначались для вполне созидательных целей. К таковым относятся дипфейки – продукты искусственного интеллекта, создаваемые путем машинного синтеза аудиовизуального цифрового контента (изображений, аудио, видео, текста). Дипфейк-технология возникает как программный метод получения новых материалов (текстовых или звуковых) с помощью предварительно собранной базы данных. Однако способность дипфейк-технологии в буквальном смысле стирать грани между реальностью и вымыслом способствует ее функционированию в качестве инструмента ведения информационного противоборства в «гибридных войнах» [Капитанов, Линдре, 2022].

Технологией, взорвавшей общественное сознание в 2023 году, становится Chat GPT – разработка компании OpenAI. «Chat GPT... представляет собой одно из передовых решений в сфере искусственного интеллекта, предоставляющее возможность общения на уровне, близком к человеческому. Эта технология, основанная на модели GPT, использует глубокие нейронные сети для генерации текста и может обрабатывать сложные запросы, адаптируясь к стилю и контексту диалога» [Ермилов, 2023, с. 18]. Функции коммуницирования на естественном языке и текстопорождения, всегда считавшиеся прерогативой человеческой мыслеречевой деятельности, передаются теперь искусственному интеллекту, что освобождает человека от значительной части ментальных усилий, упраздняет некоторые профессиональные функции. Неслучайно «нейросеть» по версии портала «Грамота.ру»⁴ становится словом 2023 года, что свидетельствует о массовом признании цифровых трансформаций, об их социальной значимости.

Однако существует и апокалиптическая трактовка искусственного интеллекта как последнего изобретения человечества, приближающего конец эры *Homo sapiens* [Баррат, 2019]. Она обусловлена, с нашей точки зрения, отнюдь не опасностью непредсказуемости машинного мозга и его выхода из-под контроля человека, а именно включенностью искусственного интеллекта в процессы моделирования постправды.

Таким образом, постправда есть одновременно и «порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом» [Чугров, 2017, с. 45], и «синдром цифровой эпохи» [Тузовский, 2020].

В социокультурном рассмотрении постправда есть «постмодернистская девиация, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов» [Чугров, 2017, с. 46]. И этот отрыв затрудняет выявление иллюзорной гиперреальности, разграничение настоящих образов и стереотипов, деятельности и симулякров, новости и фейка.

⁴ См. URL: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/neyroset-slovo-2023-goda-po-versii-gramoty>.

Именно поэтому «наипервейшая задача сейчас – научить каждого человека распознавать признаки политики постправды...» [Чугров, 2019, с. 54].

Риторика декодирования видит возможности решения поставленной глобалистско-утопической задачи в ее операциональной конкретизации: в содействии повышению качества понимания путем формирования знаний о лингвориторических механизмах создания текстов, в первую очередь массовой коммуникации, и способах определения их коммуникативно-речевого потенциала, включая воздействующий. Вышесказанное позволяет заключить, что социокультурный контекст, замешенный на интернетизации, медиатизации и виртуализации, актуализирует две глобальные проблемы, изоморфные по своей сути, – понимания и диагностирования текстовой эффективности, выступающие концептуальными ориентирами риторики декодирования.

1.2. Философские предпосылки формирования риторики декодирования

Определение предпосылочных параметров есть неременное условие существования любой научной концепции [Кубрякова, 2008]. Под предпосылками в рамках эпистемологической традиции понимают имеющуюся систему знаний о мире, сложившуюся как эмпирическим путем, так и в результате теоретических построений [Гусев, 2009, с. 735]. Систематизация широкого спектра предпосылок риторики декодирования зиждется на универсалиях научного исследования, отражающих «три взаимосвязанных иерархических уровня методологии: философскую методологию, общенаучную методологию и частную методологию» [Гируцкий, 2017, с. 196].

В соответствии с логикой построения научной методологии видится целесообразной дифференциация предпосылочного знания, выступающего источником концептуальных идей риторики декодирования. Система предпосылок формирования риторики декодирования включает три взаимосвязанных уровня: 1) философский как самый высокий в методологической иерархии, устанавливающий принципы научного познания; 2) общелингвистический, принимаемый нами в качестве общенаучного;

3) собственно риторический, самый низкий в иерархии, трактуемый как частнометодологический. Таким образом, концептуальное обоснование риторики декодирования начинаем с обзора философских предпосылок ее становления.

Неориторическое возрождение второй половины XX столетия оказалось возможным в значительной степени благодаря мощному философскому наследию, которое от Платона и Аристотеля до неопрагматизма «философии будущего» сопровождало и питало риторическую мысль, черпая при этом в риторической практике идеи для собственного развития.

Философские итоги XX века сводятся к следующему: «...современная эпоха обнаруживает усложнение условий человеческого бытия в том отношении, что жизнь человека делается более интенсивной, напряженной и динамичной. Особое место в ней занимают процессы общения, с которыми оказываются тесно связаны многие проблемы современного общества и жизни отдельного человека. Именно поэтому в современной философии резко возрастает значение проблематики сознания, языка, понимания текста и, в конечном итоге, человеческого взаимопонимания» [Шаповалов, 1998, с. 42]. Указанные феномены и аспекты бытия, актуальные и для текущей социокультурной ситуации, в истории науки попадают в первую очередь в объектив философии языка и герменевтики.

1.2.1. Философия языка как фундаментальный ресурс риторики декодирования

Зарождение философии языка связано с учениями Платона и Аристотеля. Закрепление Аристотелем за риторикой исключительного права «находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель, 1978а, с. 19], определяющего ее универсальность, становится основанием философской разработки проблематики речевого воздействия.

Резкое возрастание интереса к философскому осмыслению языка наблюдается в конце XVIII – начале XIX вв. в связи с утверждением идеи исторического развития и применением исторического принципа истолкования явлений [Звегинцев, 1964, с. 26]. В этот период В. Гумбольдт (1767–1835) формулирует положение о том, что язык есть особого рода реальность,

характерной чертой которой является саморазвитие, производство самого себя. Г. Гегель (1770–1831) отмечает роль языка в процессе формирования человека, его сознания и мышления. В целом в философии XIX века складывается классическое представление о языке как об исключительном достоянии человека как существа разумного. Начинает постулироваться связь языка с мышлением и способностью к абстрагированию. Уже тогда язык понимается как необходимое условие и средство социализации индивида; происходит осознание важнейшей общественной функции языка – коммуникативной [Шаповалов, 1998, с. 42–43].

В 1930–1960 гг. формируется так называемая лингвистическая философия, или философия обыденного языка, – одно из направлений аналитической философии, получившее интенсивное развитие в Великобритании (Ф. Вайсман, Дж. Остин, Г. Райл, П. Ф. Стросон, Дж. Уиздом и др.) и США (М. Блэк, Н. Малкольм, Дж. Р. Серль и др.).

Важнейшим ресурсом становления лингвистической философии является научное наследие **Людвига Витгенштейна** (1889–1951). Его концепция языковых игр [Витгенштейн, 1994] оказала сильнейшее воздействие на философию и гуманитарные исследования XX столетия и обусловила тем самым создание условий для лингвистического поворота в философии. Исходной посылкой учения Л. Витгенштейна выступает положение о том, что значение слова есть его употребление в языковой игре [Там же, с. 110]. Понятие языковой игры у позднего Л. Витгенштейна сопряжено с формированием особой теории значения, эксплуатирующей идею множественности воплощения слов и выражений в коммуникации. «Наличие этой самой множественности не предполагает чего-то устойчивого и неизменного, поскольку у нас постоянно возникают новые языковые игры. Поле языковых игр зависит от заданного контекста, от установок самого актора коммуникации, который делает возможным само поле языковых игр» [Карпицкая, 2023, с. 82]. Таким образом, язык трактуется как игра, в которой вербальное употребление определяется ситуативным контекстом, а продуцируют и моделируют ее субъекты коммуникации.

Языковые игры в концепции Л. Витгенштейна – «своеобразный аналитический метод (совокупность приемов) прояснения языка, высвечивания его функций, работы. Он мыслится как поиск выходов из разного рода концептуальных тупиков, которыми изобилует философская традиция» [Козлова, 1996, с. 10]. Понятие языковой игры философ связывает с естественным, или обыденным, языком, считая, что в идеальном языке науки подобное невозможно. «Основной корпус повседневного языка составляют не сообщения, что нечто имеет место, а просьбы, пожелания, вопросы, восклицания, приказы и т. д. Эти языковые ситуации и связанный с ними бытийный контекст он и назвал играми» [Добросельский, 2018, с. 6–7].

Особую заслугу Л. Витгенштейна усматривают в том, что «он обнаружил в языке органически присущую ему способность быть орудием человеческой неискренности и более того – провоцировать человека на неискренность» [Шаповалов, 1998, с. 49].

Философское наследие Л. Витгенштейна стало источником и такого метафорического понятия, как «границы языка» [Витгенштейн, 1958]. Постулируемое философом тождество границ мира человеческого существования с границами языка стало одним из идеологических импульсов развития неориторики, которая «уже не предписывает, не нормализует, она вникает в живую практику общения, в ход коммуникативных событий взаимодействия человеческих сознаний, или – выражаясь точнее – субъективных носителей сознания» [Тюпа, 2010, с. 76].

Лингвистическая философия, вдохновленная трудами Л. Витгенштейна, развивает положение о том, что знание должно рассматриваться со стороны его языковой данности, что открывает перспективы развития лингвистических способов освоения мира, а также поиск путей научно-методологического взаимодействия, в который включается риторика.

Риторика как вписанная в социальную реальность важнейшая практика человечества и как порожденная ею речекоммуникативная теория нередко становилась продуктивным источником развития философских идей.

Отметим особую роль риторики в формировании англо-американского прагматизма начала XX в., представленного трудами Ч. С. Пирса, Дж. Дьюи, Ф. К. С. Шиллера, распознающих «эвристический потенциал риторических техник для решения практических задач, что влечет пересмотр оценок античной софистики и тем самым инициирует обращение к релятивизму» [Вольф, Косарев, 2018, с. 47].

Классическая риторическая теория попадает в фокус научных интересов основоположника семиотики, американского логика и философа **Чарльза С. Пирса** (1839–1914), который предлагает ее новую интерпретацию с прагматистских позиций. Риторика, по Пирсу, – это не просто искусство убеждения, но и искусство располагать языковые знаки таким образом, чтобы этот порядок обеспечивал воспринимающему эстетическое удовольствие. При этом прагматизм риторики зиждется на том, что формы выражения написанного способствуют достижению цели говорящего [Colapietro, 2007, р. 17; Вольф, Косарев, 2018, с. 47]. Иначе говоря, «перед риторикой встают следующие задачи – помогать исследователям в процессе коммуникации ясно, обоснованно и логично излагать свои мысли, а также четко определять цели своих работ» [Боброва, 2010, с. 114].

Идея целеполагания окажется чрезвычайно востребованной лингвофилософским сообществом и получит воплощение в теории речевых актов [Остин, 1986; Серль, 1986а, 1986б, 1986в], в частности в ее иллокутивном и перлокутивном аспектах, а также в теории коммуникации при разработке структуры моделей коммуникативного/речевого акта, в прагматических концепциях эффективности речевой коммуникации.

Ч. Пирс трактует риторику как «науку об общении..., которая изучает (в широком смысле понимания этой дисциплины) общие секреты эффективности знаков. Эффективность... проявляется в результативности использования знаков в ходе научных исследований, а также в том, насколько эти знаки помогают приблизиться к окончательной истине» [Боброва, 2010, с. 109]. В работе «Разделение знаков» Ч. Пирс переосмысливает назначение риторики, закрепляя

за ней в составе семиотики функцию установления таких «законов, в соответствии с которыми в каждом научном разуме один знак порождает другой знак, и в частности, одна мысль производит другую» [Пирс, 2000, с. 178], что демонстрирует осознание ученым текстообразующего потенциала риторики.

Исследователи наследия Ч. Пирса отмечают еще один ракурс его риторических изысканий. Поскольку любая мысль формируется с определенной целью, то, согласно Пирсу, этот факт подразумевает существование риторической этики. Ее задача состоит в информировании читателя об этой цели, чтобы тот понимал, нужно ли ему обращаться к тому или иному произведению или нет, что позволяет заранее выстраивать условия и цели коммуникации [Colapietro, 2007, p. 18; Боброва, 2010, с. 109–110; Вольф, Косарев, 2018, с. 47]. Пирс актуализирует как проблему распознавания цели и прогнозирования результатов коммуникации, так и проблему корреляции целеполаганий говорящего и воспринимающего, что значимо для теоретического построения риторики декодирования.

Труды Ч. С. Пирса, Дж. Дьюи, Ф. К. С. Шиллера создают условия для риторического поворота, провозглашенного неопрагматизмом во главе с его идеологом **Ричардом Рорти** (1931–2007). Активный сторонник релятивистских принципов прагматизма американский философ Р. Рорти, деятельность которого связывают с «деконструкцией» теории познания, в 1984 году на Iowa Symposium on the Rhetoric of the Human Science в рассуждениях о сущности гуманитарной науки обозначил три существенных поворота: лингвистический, интерпретативный и риторический [The Rhetorical Turn..., 1990, p. vii].

Лингвистический поворот подготовлен трудами Л. Витгенштейна и наследием лингвистической философии. Понятие лингвистического поворота Р. Рорти обосновывает в антологии «The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method» (1967) [Rorty, 1992]⁵; оно становится концептуальным в метафилософии и постаналитической эпистемологии ученого [Rorty, 1982]. Более того, лингвистический поворот связывают с кардинальными изменениями философии

⁵ Здесь и далее ссылки осуществляются на второе издание указанного сборника.

XX века, обусловленными пересмотром значимости философских категорий XVII века, таких как ум, мысль и опыт, в пользу слова, предложения и значения [Koorman, 2011, p. 61].

Р. Рорти, рассуждая об источниках философии языка, отмечает, что «“лингвистический поворот”... начался как попытка дать непсихологический эмпиризм путем перефразирования философских вопросов в качестве вопросов “логики”» [Рорти, 2022, с. 237]. Обоснование сущности лингвистического поворота сводится к утверждению возможности решения философских проблем либо посредством реформирования языка, либо посредством уточнения наших знаний об используемом языке [Rorty, 1992, p. 3], что определяет приоритет лингвистических методов в философской практике.

Что касается интерпретативного поворота, то Р. Рорти «отдает предпочтение методам субъективной интерпретации, отказываясь от претензий “истинных” методов метафизики или эпистемологии» [Косарев, 2016, с. 15]. Интерпретативный поворот понимают как «лингвистический процесс приписывания значения или ценности коммуникативным текстам» [Гриффин, 2015, с. 48], который «допускает, что возможны многочисленные значения или интерпретации истины» [Там же].

Преодоление объективизма и движение по пути интерпретативизма есть постмодернистская перспектива развития научного знания, открывающая возможности для «перезагрузки» риторики, состоящей в смене ее исследовательского вектора: от технологического создания эффективных текстов (практики кодирования) к теории понимания/метапонимания, основанной на анализе процедур тексто- и смыслообразования (практике декодирования).

Понятие «риторический поворот» входит в научный обиход после публикации книги «The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry» (1990) под редакцией Г. Саймонса. Под риторическим поворотом понимают «такое изменение акцентов в науке, которое (выходя за пределы собственного академического поля риторики), признает, что риторические формы неизбежно участвуют в формировании реальности. Язык не является

нейтральным посредником, и то, какие слова были использованы для описания действительности, имеет существенное значение для ее понимания» [Косарев, 2016, с. 16].

Риторический поворот характеризуется выраженным антиобъективизмом, вниманием к ресурсам языка, связанным с его неопределённостью и неоднозначностью, реабилитацией тропов и фигур как способов освоения и отражения реальности, возвращением интереса к риторическим технологиям и техникам аргументации. Риторический поворот приводит к констатации того, что риторика XX века переступает границы дисциплинарной матрицы классической риторики, традиционно связываемой с искусством убеждения, но сохраняет при этом связь с ее нормами и принципами. За риторикой закрепляется принципиально новое понимание – она должна заменить собой традиционную философию, не претендуя при этом на то, чтобы быть основополагающим, фундаментальным знанием [Vitanza, 1987, p. 41–42]. Присвоение риторике «постфилософского недисциплинарного» статуса определяет такое ее важнейшее свойство, как метадисциплинарность [Ibid., p. 41–43], что обуславливает «использование риторических принципов в качестве методологии поиска, перекладывание методологической функции с философии на риторику» [Косарев, 2017, с. 92].

Новый методологический функционал риторики проявляется в том, что «центр внимания все более смещается к теории аргументации в истолковании научного знания и складывается новый подход в философии науки – **риторика науки**, в центре которой не просто приложение логики аргументации к научному знанию, а изучение под этим углом зрения и научных текстов как форм дискурса и нарративов (повествований), и процедур объяснения и понимания в аргументации, и уяснение корректных и некорректных форм аргументации, и выдвижение на первый план процедур аргументации, а не доказательства» [Огурцов, 2005, с. 68].

Соответственно, оформляется другой поворот, значимый для понимания сущности современного философского и вместе с тем риторического знания, –

аргументативный. Он начинается с признания положения о том, что государственная политика строится посредством языка и является продуктом аргументации [Fischer, Gottweis, 2012, p. 7].

Идеологом аргументативного поворота признают [Ibid, p. 8] немецкого философа и социолога **Юргена Хабермаса**. Ученый, переосмыслив опыт двух мировых войн и констатируя исчезновение культуры демократических переговоров в немецком обществе, отказался от положений философского холизма, целостности и единства мира, природы, истории и обосновал теорию коммуникативного действия⁶ / коммуникативной деятельности⁷ [Хабермас, 2022], которая предлагает новое понимание социальной реальности, основанное на понятии коммуникативной рациональности. Новая модель рациональности Ю. Хабермаса опирается на представление о рациональном обществе, которое представлено рационально освобожденными людьми, говорящими друг с другом как с равными [Косарев, 2017, с. 60–61]. Обоснование понятия коммуникативной рациональности базируется на четырех нормативных требованиях к речевому акту: понятности, истинности, достоверности и нормативной правильности [Мальковская, 2005, с. 92].

В контексте разговора о генезисе риторического знания важно отметить, что теория коммуникативного действия стремится удовлетворить запросы трех типов «познавательных интересов»: технического (прогнозирование и управление), практического (интерпретация и понимание) и эмансипаторного (критика и высвобождение) [Вербилович, 2013, с. 36]. Удовлетворение запроса на интерпретацию и понимание предполагает признание конституирующей роли языка в социальном взаимодействии, ориентированном на «мораль равного уважения» [Хабермас, 2011, с. 20].

⁶ См. оригинал: Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns : Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung ; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft.) / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1981.

⁷ В российском издании 2022 года изменен традиционный перевод названия фундаментальной работы Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» на «Теория коммуникативной деятельности».

Теория коммуникативного действия/деятельности – результат философского поиска гуманистических оснований, способных обеспечить процесс координации действий социальных субъектов и их интеграцию. В определении сущности коммуникативной деятельности Ю. Хабермас исходит из фундаментального противопоставления «ориентация на успех vs. ориентация на взаимопонимание», определяющего два соответствующих типа действий, связанных с социальной поведенческой ситуацией, – стратегическое и коммуникативное [Хабермас, 2022, с. 298–299]. Коммуникативное действие имеет место быть, когда «планы действий... акторов координируются не эгоцентрическими расчетами добиться успеха, а актами взаимопонимания» [Там же, с. 299]. Что касается логики аргументации, то, по Хабермасу, она основывается на признании значимости аргументов оппонировавшей стороной, и только в этом и состоит ее принудительность. Постулируя коммуникативный характер социального действия и признание со стороны Другого, Ю. Хабермас определяет состав коммуникативного действия/деятельности, куда включает: 1) коммуницирующих субъектов, 2) интерсубъективные смыслы, 3) проект, 4) мотивационный комплекс [Огурцов, 2005, с. 70].

Очевидно, что теория коммуникативного действия/деятельности в новых социально-исторических условиях переосмысливает классическую категорию риторики – этос, уходящую корнями в риторическое наследие Исократа, Платона и Аристотеля. «Этос наряду с пафосом и логосом является одной из характеристик коммуникативного сообщества, то есть сообщества, достигающего взаимопонимания и согласия благодаря существованию “общих топосов” – способов смыслополагания и смыслопостижения» [Там же, с. 54].

Ориентация акторов коммуникации на достижение взаимопонимания, актуализирует понятие эффективности, операциональное для современной риторики, лингвистической прагматики и теории коммуникации. Эффективность в трактовке Ю. Хабермаса «означает притязание, заключающееся в том, что избранные средства соответствуют при данных обстоятельствах задаче достижения данной цели. Эффективность действия находится во внутреннем

отношении к истинности прогнозов, которые предполагаются планом действия или правилами действия» [Хабермас, 2007, с. 238]. Такое понимание эффективности коррелирует с идеологией риторики, которая основывается на «признании того факта, что экспоненты риторической составляющей речевого сообщения есть показатели “эффективного” мышления продуцента (говорящего, пишущего) и одновременно необходимые предпосылки для изменения состояния и поведения реципиента (читающего, слушающего)» [Катышев, 2002, с. 31].

Продуктивной для развития методологического потенциала неориторки представляется и разработанная Ю. Хабермасом типология действий, которая позволяет проследить коммуникативно-деятельностную эволюцию. Так, в работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» ученый выделяет преконвенциональные, конвенциональные и постконвенциональные типы действий, или ступени интеракции. Преконвенциональный тип действия воплощается в состязательном поведении, в управляемой силой авторитета интеракции, ориентированной на собственные потребности, а также в ходе развития в управляемом интересами сотрудничестве, возникающем как преодоление состязательного поведения по типу стратегического действия [Хабермас, 2001, с. 227–228, с. 236, с. 248]. Конвенциональный тип представляет собой ролевое действие и далее – руководствующуюся нормами интеракцию. Постконвенциональное действие есть дискурс [Там же, с. 249–250], который, «как форма коммуникации, втягивает людей в отношения признания, в ходе которого высказывания другого понимаются, рефлексированы, интерпретируются, критикуются, уточняются и, наконец, принимаются или отвергаются. <...> Дискурс способствует достижению консенсуса на основе открытости...» [Марков, 2001, с. 325–326]. Именно в дискурсе коммуникативное действие и получает свое воплощение.

В свете традиционного интереса риторики к политическому и массмедийному дискурсам типология действий представляется тем теоретическим базисом, который может быть положен в основу лингвориторического диагностирования ориентации медиатеателя

на взаимопонимание и его нацеленности на интеракцию, иначе говоря, – конструктивного коммуникативного поведения медийной личности.

О. Вербилович, анализируя и оценивая наследие Ю. Хабермаса, резюмирует, что «теория коммуникативного действия многогранна, она аккумулирует в себе мощные теоретические ресурсы философской и социологической мысли, интегрируя познавательный потенциал теоретических школ, которые традиционно находятся в оппозиции (марксизм, “понимающая” социология и структурный функционализм)» [Вербилович, 2013, с. 36].

Трансформация норм коммуникативного взаимодействия, сдвиг в трактовке критериев знания, связанный с переносом внимания с поиска истины на определение правдоподобности, с дедуктивного вывода и доказательства на логику аргументации, с трансцендентального Субъекта на коммуникативное сообщество создают условия для следующего поворота в философии – коммуникативного. Его связывают с анализом возможностей и условий коммуникации как внутри языкового, так и внутри научного сообщества [Огурцов, 2005, с. 54].

Таким образом, обзор ведущих концепций философии языка свидетельствует о динамичности ее развития и во второй половине XX столетия, что обусловлено пересмотром логико-методологических, этических, понятийно-аксиологических и других оснований философского знания. Активные процессы в философии – лингвистический, интерпретативный, риторический, аргументативный, переходящий в коммуникативный, повороты – создают предпосылки для формирования новых риторических, лингвистических и коммуникативных направлений и концепций, открытых к междисциплинарной интеграции и нацеленных на декодирование смыслов.

При этом Дж. Катц, сторонник лингвистического поворота, в работе «Философская релевантность языковой теории» утверждает, что «некоторые философские проблемы можно правильно осмыслить и представить как вопросы, связанные с природой языка, и далее решать их, опираясь на теоретические конструкции, возникающие в рамках теории языка» [Катц, 2011, с. 141].

Признание релевантности теории языка к философским вопросам выступает очередным аргументом в пользу изоморфного характера отношений между философией, лингвистикой, риторикой.

Проведенный обзор «поворотных» тенденций философской мысли позволяет заключить, что фундаментальные идеи неопрагматизма, такие как трансформация объективизма в интерпретативизм, связь эффективности коммуникативного действия с взаимопониманием, универсализация риторики и утверждение ее метадисциплинарности, создают условия для смены методологического вектора внутри самой риторики.

1.2.2. Герменевтическое наследие риторики декодирования

Обращение к герменевтическому наследию при формировании неориторических инноваций обусловлено признанием того, что «между риторикой и герменевтикой существует глубокая и неразрывная связь. Не случайно возрождение и развитие этих двух областей гуманитарного знания в XX в. происходят во многом параллельно» [Бухаркин, 2001, с. 19].

Заявляемое риторикой декодирования исследовательское движение «Текст–Смысл–Контекст» на этапе «от текста к смыслу» не может быть осуществлено без учета достижений герменевтики как области философского знания, онтологическим стержнем которой выступает феномен понимания, трактуемый как «нахождение или приписывание смысла элементам любой (материальной или идеальной) реальности» [Лебедев, 2006, с. 198]. Широкий обзор эволюции проблематики понимания от античности и средневековой экзегетики до ее постмодернистских интерпретаций представлен в серии статей В. В. Феррони [Феррони, 2013, 2014].

Герменевтика как искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов уходит корнями в античность. Одним из первых произведений, связанных с рассмотрением герменевтической проблематики, принято считать сочинение Аристотеля «Об истолковании». С возникновением христианства герменевтическое знание на долгое время становится инструментарием правильного толкования Библии. Общекультурный характер

и статус общей теории понимания герменевтика начала приобретать только в начале XIX века, когда немецкий философ и протестантский теолог Ф. Шлейермахер (1768–1834) обозначил возможности применения герменевтического знания не только к библейским, но и к другим текстам. Возникновение философской герменевтики означало, что из учения о методе познания она превращалась в учение о бытии, базирующееся на категориях понимания и интерпретации [Шаповалов, 1998, с. 52–54]. Тезис П. Рикёра о том, что «интерпретировать – значит идти от явного смысла к смыслу скрытому» [Рикёр, 2002, с. 197], считается краеугольным камнем герменевтики.

Концептуально и методологически значимым для развития философской герменевтики становится понятие герменевтического круга, введенное Ф. Шлейермахером в качестве принципа понимания текста, основанного на взаимосвязи элементов познаваемой системы (например, части и целого, общего и единичного). Идея герменевтического круга, признающая факт того, что беспредпосылочного понимания не существует, получает свое дальнейшее развитие в трудах В. Дильтея, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера [Лебедев, 2006, с. 42–43; Шаповалов, 1998, с. 54–56].

В философии **Ханса-Георга Гадамера** (1900–2002) понимание как центральная герменевтическая категория «приобретает смысл способа существования человека, его фундаментального отношения к окружающему миру. <...> Понимание, согласно Гадамеру, имеет исторический характер, оно представляет собой смыслообразующую деятельность субъекта, ограниченного собственным духовным и жизненным опытом, эпохой и культурной традицией» [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 941]. Философия Х.-Г. Гадамера есть поиски ответа на вопрос: как возможно понимание? Понимание в представлении ученого «есть “род круга” — повторяющаяся структура, где всякая новая интерпретация ссылается на предпонимания и возвращается к ним. Он хочет показать, что понимание является открытым историческим процессом, в котором любой интерпретирующий и любое интерпретируемое уже включены в традицию

понимания. Гадамер подчеркивает, что отношение интерпретирующего к традиции всегда диалогичное и языковое...» [Коткавирта, 1999, с. 48].

В своем главном труде «Истина и метод. Основы философской герменевтики» (1960) Х.-Г. Гадамер именно язык рассматривает как среду герменевтического опыта, а вербальность определяет в качестве герменевтического предмета, обосновывая тем самым языковой характер герменевтического процесса [Гадамер, 1988, с. 229–241].

Онтологичность, историчность, нацеленность на вскрытие механизмов производства смысла, в первую очередь через язык и диалог, обращенность к идее циркулярности понимания позволяют сегодня рассматривать герменевтическое знание в качестве теоретической основы филологических дисциплин, работающих с текстом и интерпретирующих его. Но если базисность герменевтики по отношению к гуманитарным дисциплинам очевидна, то история взаимоотношений риторики и герменевтики стоит особняком и требует отдельного рассмотрения. Неслучайно этому вопросу Х.-Г. Гадамер посвящает отдельную статью «Риторика и герменевтика» (1976).

Х.-Г. Гадамер подчеркивает первичность риторики по отношению к герменевтике, ее всепроникающий характер (даже в составе тривиума – союза грамматики, диалектики и риторики, используемого для образовательных целей). Ученый воспроизводит генезис герменевтики на фоне истории риторики. Он последовательно прослеживает путь развития риторики от античности через этапы ее угасания в эпоху изобретения книгопечатания до периода, когда «средства массовой коммуникации вновь открывают в наши дни двери перед устным словом» [Гадамер, 1991а, с. 192].

Связывая риторику исключительно с практикой устной коммуникации и противопоставляя тем самым ее герменевтике, занятой истолкованием текстов, ученый подчеркивает, что «в одном риторика и герменевтика глубоко родственны: и умение говорить, и умение понимать – это естественные человеческие способности...» [Там же, с. 193]. Другое сходство риторики и герменевтики Гадамер видит в том, что «они имеют дело с универсальностью

всего языкового, а не с вполне ограниченными зонами изготовления чего-либо. С этим взаимосвязано то, что они от естественной, общечеловеческой способности говорения и понимания более или менее гладко переходят к сознательному использованию правил говорения и понимания, правил искусства» [Там же, с. 204]. Иначе говоря, риторика и герменевтика не мыслятся только как «чистые случаи *techne*»: знание риторической теории в отрыве от коммуникативной практики не способствует красноречию, как и зафиксированность текста на письме – недостаточное условие для хорошего истолкования и понимания [Там же, с. 204–205].

Таким образом, Х.-Г. Гадамер уходит от сугубо технологической оценки риторики и признает ее креативный потенциал. Более того, определяя универсальность риторической теории, ученый-герменевт тем самым открывает перспективы для разработки таких лингвориторических методов, которые могли бы верифицировать интерпретативные положения и умозаключения.

Квинтэссенцией онтологической герменевтики Х.-Г. Гадамера становится положение, которое может оказаться востребованным разными гуманитарными дисциплинами: «И искусство истолкования, и искусство понимания – это ведь... не особое умение, которому можно обучиться... – нет, это искусство принадлежит бытию человека как таковому и неотрывно от него» [Там же, с. 206]. Соответственно, утверждается определенный изоморфизм естественной природы говорения и понимания. Кроме того, универсальность герменевтики обусловлена и решаемыми ею задачами «преодоления чуждости текста» и «освоения чуждого в тексте» [Там же, с. 199].

Что касается риторики декодирования, неразрывно связанной с текстами массмедийной практики, то здесь идея «преодоления чуждости текста» трансформируется в идею, согласно нашему определению, «преодоления сопротивления текста». Понимание текстообразующих процессов, реализуемое с помощью декодирующих процедур, «обезоруживает» текст, выявляя его сильные и слабые стороны как следствие актуализации/неактуализации параметров риторичности.

Важно акцентировать внимание на понимании феномена текста в герменевтике. Х.-Г. Гадамер рассматривает текст не с позиции критериев текстуальности, как это традиционно осуществляется в теории текста, не с точки зрения лексических, семантических и собственно грамматических средств его организации. Текст, согласно герменевтической позиции ученого, «представляет собой чистый промежуточный продукт, фазу в процессе установления взаимопонимания, которая как таковая, конечно, включает в себя определенные абстракции, а именно – изоляцию и фиксацию именно этой фазы. Но эта абстракция направлена в прямо противоположном направлении, чем та, которой доверяют лингвисты. Лингвист желает вступить во взаимопонимание не по поводу дела, которое в тексте выражается словами, – он хочет высветить функционирование языка как такового, полагая, что и сам текст может сказать нечто. Он делает темой своего рассмотрения не то, что сообщается, а то, как вообще возможно нечто сообщить, какими средствами производится обозначение» [Гадамер, 1999, с. 215]. Принцип герменевта – «речь отсылает за пределы самое себя» [Гадамер, 1991б, с. 65] – свидетельствует о том, что текст является лишь временной, промежуточной фиксацией языкового произведения. Именно «поэтому в классической философской герменевтике нет необходимости в развёрнутом анализе текста и текстуальности; в онтологии этой герменевтики проблематика текста и текстуальности поглощена проблематикой онтологического статуса “языка”» [Немцев, 2008, с. 36]. Соответственно, развернутый анализ текста остается прерогативой лингвориторических дисциплин, что разграничивает исследовательские пространства лингвистики и герменевтики, закрепляет изучение текстуальности за риторикой и лингвистикой текста.

Однако при выявленном расхождении целеполаганий герменевта и лингвиста по отношению к тексту очевидна точка пересечения двух наук. Так, фундаментальный герменевтический принцип применения (аппликации) предполагает, что интерпретации должны быть подвергнуты тексты, имеющие потенциал эффективного применения. Иначе говоря, «герменевтическая ценность

текста определяется его отношением к возможным перспективам читателя. Может ли интерпретативная работа над этим текстом как-либо повлиять на практические и жизненные перспективы читателя...? Текст должен позволять субъекту герменевтического отношения осуществить какое-то изменение, куда-то “двинуться”» [Там же].

В утверждении движущей силы текста мы видим герменевтический вариант актуализации идеи текстовой эффективности, столь значимой для риторики и лингвистической прагматики. Но если для Х.-Г. Гадамера эффективность – воплощение способности «поставить себя на место Другого и рассмотреть оттуда себя самого» [Коткавирта, 1999, с. 48], то риторическая эффективность есть потенциальная способность текста к установлению баланса между реализованными свойствами риторичности и целеполаганием продуцента.

Другой крупнейший герменевт **Поль Рикёр** (1913–2005) экстраполирует понятие «текст» на социальную практику, «текстуализует» социальное действие, из чего следует, что к человеческой деятельности применимы общие методы познания текста [Немцев, 2008, с. 37]. Так, П. Рикёр определяет «осмысленное действие как текст» [Рикер, 2008], что свидетельствует, с одной стороны, о расширении круга интерпретируемых объектов, а с другой, – о текстоцентризме как мировоззренческом основании.

Как заключает М. Ю. Немцев, «в работах двух крупнейших представителей современной герменевтики основным определением текста является возможность его включения в деятельность читателя (применения) через продуктивную интерпретацию... Текст – это то, что может быть прочитано и интерпретировано» [Немцев, 2008, с. 38].

В свете установления связей между герменевтикой и риторикой отметим, что герменевтическое обоснование процедуры понимания эксплуатирует идею ментального образца: «В общем виде процедура понимания предполагает некоторый *образец*, выдвигаемый в качестве нормы понимания. Сам этот образец формируется как *универсализация прецедента*, принимаемого тем или иным сообществом в качестве стандарта, правила, регулятива» [Огурцов, 2005, с. 77].

В риторике декодирования идея образа как ментальной организующей структуры трансформируется в представление о риторическом текстотипе, который становится исследовательским ориентиром лингвориторической реконструкции текстообразования – обосновываемого нами далее метода риторики декодирования.

Таким образом, герменевтический исследовательский опыт складывается вокруг таких понятий, как язык и текст, проникая в самые разные области гуманитарного знания, выдвигая на первый план основную проблему XXI века – проблему понимания и, как следствие, взаимопонимания в условиях современной глобальной турбулентности.

Актуализация проблемы декодирования не позволяет обойти стороной концепцию деконструкции **Жака Деррида** (1930–2004), предлагающую особый способ работы с текстами. Суть деконструкции наиболее емко сформулирована Н. С. Автономовой, философом и переводчиком трудов Ж. Деррида: «В целом деконструкция – это разборка концептуальных оппозиций, поиск “апорий”, моментов напряженности между логикой и риторикой... Текстовые операции, которые совершают и автор, и читатель, сливаются в незавершенное движение, которое отсылает и к самому себе, и к другим текстам: остается учиться читать тексты по краям и между строк, т. е. там, где, кажется, ничего не написано, но на самом деле написано всё главное для Деррида. Именно в метафорах, примечаниях, неожиданных поворотах в аргументации, т. е. именно “на полях” текста, и работают эти будоражающие силы означения» [Автономова, 2000, с. 71]. Тексты, согласно философской программе ученого, подлежат критическому чтению, несводимому к дублирующему комментированию [Деррида, 2000, с. 313–314]. В текстоцентризме Деррида заключается постмодернистская метафора минувшей эпохи, «которая была устроена как текст... А стало быть, она поддается нашему чтению...» [Там же, с. 112].

Заданный Ж. Деррида поиск того, что «хочет сказать» текст, становится общегуманитарной задачей современности, в решении которой участвуют и философия, и риторика, и лингвистика.

Обзор философских предпосылок формирования риторики декодирования позволяет заключить, что риторика и философия как две равностатусные науки, уходящие корнями в «архаическую мыслительно-словесную культуру» [Безменова, 1991, с. 6], всегда сосуществовали в режиме «борьбы за согласие» (О. Розеншток-Хюсси). Известно как о периодах противостояния риторики и философии, об их разногласиях в сферах гносеологии, этики и образования (например, в раннехристианское время и средние века), так и о ситуациях их примирения (например, в ренессансную эпоху) [Безменова, 1991, с. 5–11].

С. Б. Степаненко, рассматривая сложные отношения философии и риторики, отмечает любопытный факт: «Исторически антириторичность – под лозунгом защиты вещей от слов – оказывалась существенным моментом самоидентификации философии. Риторика была необходимой философии как противоположность (не-философия). В античности именно эти две дисциплины стали конкурентами в борьбе за социальное признание и право истолковывать действительность. Понятно, что необходимый для самоконституирования философии образ риторики вырабатывался специально – в результате сгущения и направленной модификации аспектов реальной риторики» [Степаненко, 2007, с. 5]. Однако в условиях риторического поворота и предшествующего ему поворота лингвистического «риторическое получает шанс быть осмысленным в философии как универсальное измерение мысли» [Там же].

Итак, с одной стороны, риторика как интеллектуальная сфера, связанная с речевым эстетизмом, становилась и становится предметом философской рефлексии, обогащая, развивая и продуктивно модифицируя философское знание. «Разные формы возрожденной риторики (в качестве философии риторики или теории риторики), неориторики и нео-софистики, оформившихся в рамках континентальной философии, такое явление как риторический поворот в науке, связанный с отказом от норм объективизма и реализма, а также претензия риторики на то, чтобы стать новым основанием или методом наук, подменив собой философию, становятся характерными явлениями для дискурса 2-ой половины XX в.» [Косарев, 2017, с. 4]. С другой стороны, сформированная

к началу XXI столетия мощная теоретико-методологическая база философии языка и герменевтики обеспечивает условия для обоснованного выдвижения и развития новых аналитико-интерпретативных направлений филологической науки.

Результатом анализа философского наследия, обеспечивающего становление риторики декодирования, является «банк идей», которые берет на вооружение новая научная концепция, а именно:

- приоритет интерпретативизма над объективизмом; возможность движения в поисках собственного метода по «объективно-интерпретативной шкале» (Э. Гриффин);
- корреляция целеполаганий говорящего (кодирующего) и воспринимающего (декодированного) в ходе аналитической практики;
- утверждение естественной природы говорения и понимания и возможности их изоморфного рассмотрения;
- включение текста в его инструментальной функции в решение проблемы достижения коммуникативной эффективности;
- развитие идеи эффективности действия как риторичности текста;
- признание метадисциплинарного характера новой риторики;
- формирование междисциплинарных коллабораций для решения нериторических задач;
- актуализация образцов как ориентиров, обеспечивающих понимание и метапонимание текстов разных типов, в том числе и риторического;
- деконструирование формы для постижения содержания.

Таким образом, философия языка и философская герменевтика оказывают существенное влияние на идеологические и методологические векторы развития риторико-лингвистического знания, направленные на изучение коммуникативно-речевой эффективности и процессов понимания.

1.3. Общелингвистические предпосылки становления риторики декодирования

Востребованность философских идей лингвистикой, их трансформация и развитие в новом объектно-предметном пространстве демонстрируют связь высшего методологического уровня исследования с общенаучным. Риторика декодирования, определяя проблемный контекст и предметное поле своих инноваций, нацелена на переосмысление той лингвистической методологии, гносеологическая сущность которой связана с феноменами понимания и коммуникативно-речевой эффективности.

1.3.1. Трансфер герменевтической идеологии в лингвистику

Как отмечает А. А. Залевская, «за последние годы проблема понимания вошла в число “мировых проблем”, в исследование которых вовлечены специалисты из разных областей науки во многих странах» [Залевская, 2005, с. 265].

Динамика глобальных информационно-коммуникационных процессов, рост объема информации с одновременным ее обесцениванием, хаотичность информационных потоков, высокая скорость обмена сообщениями, исключая рефлексивный подход к информации, проблемы межличностного речевого взаимодействия в периоды турбулентности, коммуникативные отношения власти и личности, наконец коммуникативное существование в эпоху постправды ставят перед лингвистами трудную, но очевидно актуальную сверхзадачу – «вникнуть в процесс понимания дискурса» [Дейк ван, Кинч, 1988, с. 204].

Герменевтическое наследие позволяет трактовать понимание не иначе как основную структуру человеческого бытия, сквозь призму которого рассматривают сегодня и общение людей, и научное объяснение [Демьянков, 2018, с. 10]. Герменевтика признается одним из интеллектуальных источников когнитивизма [Там же, с. 5], где важную роль играет понятие интерпретации [Болдырев, 2014], а моделирование человеческого понимания включается в реестр приоритетных исследовательских задач.

Т. А. ван Дейк и В. Кинч в программной работе «Стратегии понимания связного текста» обосновывают лингвистическую значимость теории понимания,

подчеркивая при этом, что «не может быть такой теории понимания, которая одновременно была бы и общей, и частной, потому что нет единого, целостного процесса “понимания”. Каждый раз... он кажется чуточку иным. Поэтому нужны как раз основы исследования, ряд принципов и методов анализа, которые можно приложить к конкретным случаям» [Дейк ван, Кинч, 1988, с. 204]. Ученые предлагают концепцию осмысления феномена понимания связного текста, или дискурса, презентующую модель его стратегической обработки (см. подробнее о модели указанных авторов п. 1.3.2).

Сформулированный научным сообществом запрос на новые концепции и теории понимания дает зеленый свет притязаниям риторики декодирования на участие в решении подобных задач.

Освещая научную проблему понимания, мы не можем обойти стороной наследие лидера Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкого (1929–1994), ядерную зону научных изысканий которого составляют мышление, понимание и рефлексия. Он обосновывает **теорию методологического мышления**, фокус внимания которой направлен на системно-структурное строение, смысл и содержание схем мыследействования (МД) [Щедровицкий, 1987, с. 124–146; 1995, с. 281–298; 2005]. По мнению ученого-методолога, «схема МД несет в себе совокупность принципов, определяющих правильный подход в исследовании всех явлений, связанных с мышлением и деятельностью» [Щедровицкий, 2005, с. 782]. Основная схема МД содержит три относительно автономных пояса, расположенных по горизонталям один над другим: 1) пояс социально организованного и культурно закрепляемого коллективно-группового мыследействования; 2) пояс полифонической и полипарадигматической мысли-коммуникации, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (центральный в этой трехпоясной системе); 3) пояс чистого мышления, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, графиках, таблицах, картах, диаграммах и т. п. [Там же, с. 775]. Три указанных пояса МД объединяются в одно системное целое за счет процессов понимания, с одной стороны, а с другой, – за счет процессов рефлексии [Там же, с. 779–780].

Для развития теории риторического декодирования продуктивным является положение о коммуникационной природе текста, вовлеченного в кругооборот мыследействования.

А. Г. Баранов, проецируя теорию Г. П. Щедровицкого на разработанную им концепцию когниотипичности текста, отмечает: «Полноценная текстовая деятельность может реализоваться только в герменевтическом круге движения мысли в трех поясах» [Баранов, 2005, с. 81]. Для практики филологических исследований представляется ценным объективированный Г. П. Щедровицким особый статус такого пояса, как мысль-коммуникация, где коммуницирующие позиционеры, с одной стороны, выражают мысль в вербальных текстах, а с другой, – понимают тексты и создают благодаря этому пониманию смысл ситуации и смысл принятого текста [Щедровицкий, 2005, с. 777].

Идеи лидера Московского методологического кружка нашли свое предметное преломление в **филологической герменевтике** – синтезирующем герменевтическое и филологическое знание направлении, которое получило обоснование и развитие в трудах ученых Тверской герменевтической школы, основанной Г. И. Богиным (1929–2001) [Богин, 1982, 1986; Богатырев, 2001; Галеева, 1999; Крюкова, 2000]. С точки зрения филологической герменевтики, понимание текста есть движение от семантизации (декодирования) языковых знаков и их последовательностей к освоению содержательности познаваемой информации, данной в форме тех же знаковых последовательностей, и от него к смысловому этапу [Богин, 1982, с. 53]. По мнению А. А. Залевской, данный герменевтический подход трактует «понимание как пробуждение рефлексии» [Залевская, 2005, с. 369].

Важным достижением филологической герменевтики становится разработанная Г. И. Богиным типология понимания, включающая три рядоположенных уровня.

1. Семантизирующее понимание, то есть «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции.

2. Когнитивное понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержания познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Распредмечивающее понимание, необходимое при обращении к идеальным реальностям (реальностям сознания, чувствования, воли и т. п.), презентуемых помимо средств прямой номинации, но определенным все же именно в средствах текста. Эти средства в ходе рефлексии над текстом позволяют в определенных условиях распредметить, то есть восстановить те или иные стороны ситуации действования (мыследействования) продуцента [Богин, 1986, с. 15–16].

Данная типология демонстрирует сущность соотношения понятий «содержание» и «смысл»: первые два типа понимания ориентированы на значение, последний – на смысл [Ильина, 2014, с. 267].

Наследие Г. И. Богина и проблематика Тверской герменевтической школы задают актуальную многовекторную практику исследований – от лингвофилософских, нацеленных на осмысление самого феномена понимания, до прикладных, связанных с переводческой или образовательной деятельностью (см. [Понимание и рефлексия..., 2020]).

Установленная филологической герменевтикой триада понимания обуславливает выбор соответствующей каждому типу методики исследования. Очевидно, что востребованный сегодня рецептивный подход, как правило, имеет дело с распредмечивающим пониманием, которое «обеспечивает освоение смыслов, свернутых в тексте в средствах текста, которые выступают в отвлечении от их знаковой функции» [Ильина, 2014, с. 267]. Распредмечивающее понимание обуславливает и целевые ориентиры риторического декодирования, сфокусированного на механизмах текстообразования, определяющих смыслопроизводство.

Признание герменевтической, или интерпретирующей, природы познания способствовало развитию **лингвистической герменевтики**. В зарубежной исследовательской традиции она призвана определить критерии «истинности»,

или «правильности», интерпретации, стандарты оценки интерпретируемого материала, выяснить, определяется ли значение текста осознанным намерением автора или интерпретатора или их подсознанием и презумпциями, внедрить герменевтический инструментарий в практику объяснения и устранения недоразумений в межкультурной коммуникации [Демьянков, 2018, с. 9–10].

В отечественной научной практике лингвистическая герменевтика – особое направление исследований в области изучения языка памятников письменности, в частности славяно-русских переводов Библии. Лингвистическая герменевтика обосновывает и развивает теорию лингвистического герменевтического анализа с опорой на традицию «философии имени», заложенную трудами Д. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева [Камчатнов, 1996]. Прослеживается как сохранение традиций отечественной лингвогерменевтической теории смысла [Глазков, Григорьев, Демидов и др., 2010], так и попытки ее трансформации в некоторую технологию исследования текстового общения [Бузук, Бузук, 2016], которая, с нашей точки зрения, требует своей апробации на репрезентативном эмпирическом материале.

Источником самой идеи декодирования, основополагающей для обосновываемой нами концепции, становится разработанная на рубеже 1960–1970-х годов **стилистика декодирования** [Арнольд, 2002], или **стилистика восприятия** [Степанов, 1965, с. 284–298], корни которой уходят в труды американского филолога-структуралиста и семиотика Майкла Риффатера (1924–2006) [Riffaterre, 1959, 1964].

Стилистика декодирования – лингвостилистическое направление исследований текста, разделяющее герменевтическую идеологию понимания, постулирующее значимость активной читательской деятельности и реализующее литературно-стилистический анализ с позиции получателя речи.

М. Риффатер формулирует задачу стилистики декодирования следующим образом: «...преобразовать фундаментально субъективную реакцию на стиль в объективный аналитический инструмент, найти среди разнообразия суждений константу (закодированные возможности), короче говоря, трансформировать

оценочные суждения в суждения сущностного характера» [Riffaterre, 1959, p. 162]⁸. Значение фигуры читателя настолько велико для М. Риффатера, что именно от его восприятия он отталкивается при построении аналитических процедур, призванных рационализировать читательскую реакцию на художественный текст. Более того, ученый считает, что «при стилистическом исследовании придется использовать *информантов*. Это даст нам информацию о реакциях на текст...» [Ibid.]. Группу информантов, привлекаемых для каждого стимула или стилистической последовательности, М. Риффатер предлагает называть «Среднестатистический читатель» (Average Reader) [Ibid., p. 165]. Очевидна социологическая направленность данного подхода, заложившего традиции зарубежных текстовых исследований (см. о соответствующих методах анализа текста [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017]).

Представления об активном, способном к аналитической рефлексии читателе становятся краеугольным камнем стилистики декодирования И. В. Арнольд (1908–2010). «Декодируя заключенное в литературном тексте сообщение, читатель не может быть пассивным. Он должен объяснять и оценивать, сопоставлять текущую информацию с полученной ранее, т. е., получая информацию, он ее одновременно перерабатывает. Формирование отношения к действительности происходит не только какприятие отношения писателя, но и в мысленной полемике с ним. Декодируется при чтении не только фабульный смысл текста, но и его эмоционально-эстетическое содержание» [Арнольд, 2002, с. 41]. И. В. Арнольд акцентирует внимание на том, что «в стилистике восприятия внимание концентрируется не на писателе, а на результате его творчества, на воздействии, которое текст оказывает на читателя, т. е. на самого анализирующего» [Там же, с. 30–31]. Такое понимание функциональной сущности стилистики декодирования позволяет рассматривать ее в качестве теоретической основы интерпретации текста и сближает с риторикой, в сферу традиционных интересов которой входит изучение

⁸ Здесь и далее перевод с английского наш. – Л. М.

потенциала воздействующей речи. Показательно, что и в слове редактора, предваряющем известный учебник по стилистике И. В. Арнольд, П. Е. Бухаркин отмечает, что «в книге изложено чисто риторическое понимание литературного творчества, которое, кстати сказать, закономерно приводит к обсуждению герменевтических проблем» [Бухаркин, 2002, с. 5]. Таким образом, стилистика декодирования обращает исследователя к проблемам понимания художественного текста, задавая стратегический вектор развития «от текста к смыслу» развивающимся лингвориторическим концепциям и направлениям, включая и риторику декодирования.

Трансфер герменевтической идеологии в **когнитивную лингвистику** прослеживает В. З. Демьянков. Он рассматривает герменевтику в качестве донора идей когнитивистики. Влияние герменевтики на когнитивную науку ученый усматривает в обусловленности методов истолкования представлениями об устройстве и возможностях когниции человека; в гипотетичности интерпретации текста; в наличии обратной связи с деятельностью человека; в социальности и целенаправленности; в консолидации языкового знания с внеязыковым, расширяющей границы доступного мира [Демьянков, 2018, с. 5, с. 11].

В. З. Демьянков с позиции герменевтической идеологии трактует понимание как интерпретирующую деятельность. По мнению ученого, в определение понимания входит набор вспомогательных характеристик, которые можно назвать «модулями понимания» [Демьянков, 1983, с. 58]. Первый модуль связан с использованием языкового знания как «понимания знака» (В. Н. Волошинов). Второй модуль представляет собой построение и верификацию гипотетических интерпретаций: здесь понимание осуществляется параллельно линейному развертыванию речи. Третий модуль – «освоение сказанного»: при понимании чужой речи некоторый внутренний мир (называемый «модельным миром») строится по конкретному высказыванию, тексту и т. п. из внутренних ресурсов интерпретатора, а не берется поэлементно из чужого внутреннего мира. Четвертый модуль устанавливает замысел, намерения

и мотивацию высказывания. Пятый модуль связан с осознанием нетождественности внутреннего и модельного миров – мира говорящего и мира интерпретатора. Содержанием шестого модуля становятся отношения внутри модельного и внутреннего миров, основанные на различении фокуса понимания и фона понимания, создаваемого в результате «вложения» неосознанных презумпций интерпретатора в модельный мир. Седьмой модуль – соотнесение модельного мира и запаса знаний интерпретатора об объективном мире, который имеет свойство постоянно меняться. Восьмой модуль соотносит интерпретацию с линией поведения интерпретатора. Девятый модуль связан с выбором «тональности» понимания как «ключа», определяющего взаимодействие модулей на протяжении более или менее длительного эпизода понимания [Там же, с. 58–64]. В. З. Демьянков заключает, что «“понимание” – это оценочный метатермин для процесса и результата взаимодействия модулей» [Там же, с. 64].

В более поздних исследованиях В. З. Демьянков приходит к выводу об изменчивости актуальности различных модулей понимания в обыденном сознании носителей языка [Демьянков, 2005]. На наш взгляд, В. З. Демьянков развивает предложенную К. Р. Поппером (1902–1994), австрийским и британским философом, трактовку интерпретации как «конечного состояния» понимания [Поппер, 2002, с. 161–162]. Концепция понимания В. З. Демьянкова, разработанная для решения задач искусственного интеллекта, вскрывает механизмы интерпретационной деятельности и может выполнять своего рода верифицирующую функцию при выдвижении новых исследовательских концепций интерпретативно-аналитического характера.

К концу XX столетия огромный опыт в области изучения процессов понимания текста накапливает **психолингвистика**. По меткому замечанию А. А. Залевской, «в отечественной и мировой литературе имеется не поддающееся обзору количество публикаций, так или иначе связанных с проблемами текста и его понимания» [Залевская, 2005, с. 335].

Традиционно отечественные исследования процессов понимания базируются на фундаментальных концепциях Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина,

А. Р. Лурии, на результатах многочисленных экспериментов, которые первоначально были обобщены и теоретически осмыслены в работах А. А. Смирнова, А. Н. Соколова, В. А. Артемова.

В рамках психолингвистического подхода А. А. Залевская отмечает сложившуюся традицию рассмотрения понимания как построения проекции текста [Залевская, 2005, с. 325–326, с. 385–388]. Ее зачинателем считается Н. А. Рубакин [Рубакин, 1987]. Его идеи получают непосредственное развитие в трудах Ю. А. Сорокина [Сорокин, 1985] и А. А. Залевской [Залевская, 1991], а также в концепции образа содержания текста А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1979, 1999, с. 142–144]; в предложенной Н. В. Мохамед (Рафиковой) теории структурной организации смыслового поля текста, определяющей вариативность читательского понимания [Мохамед (Рафикова), 2000]; в исследовании Э. Е. Каминской о взаимодействии между семантическим полем слова и семантическим полем читательской проекции текста [Каминская, 1998]; в экспериментальных исследованиях А. С. Штерн [Штерн, 1992].

Для решения проблем смыслового декодирования несомненную значимость представляют: концепция смыслового восприятия и понимания как единого процесса [Зимняя, 1976]; исследования семантики нехудожественного текста и способов ее формализации, а также методика построения денотатной структуры текста [Новиков, 1982, 1983]; семиосоциопсихологический поход к текстовой деятельности [Дридзе, 1984]; психопоэтическая концепция понимания смыслов текста [Пищальникова, 1999]. Обзор фундаментальных отечественных психолингвистических теорий восприятия и понимания текста представлен в коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» [Российская психолингвистика..., 2021, с. 443–517]. Выделим рецептивную экспериментальную практику исследователей Омского государственного университета, использующих методы семантического дифференциала и интерпретации смыслового содержания текста для диагностирования проблем понимания художественного текста школьниками и студентами [Бутакова, Гуц, 2023; Бутакова, 2024].

Таким образом, теоретико-методологические предпосылки формирования риторики декодирования связаны с опытом направлений и концепций, нацеленных на изучение разных аспектов феномена понимания и эксплуатирующих в той или иной степени общегерменевтическую идеологию, таких как филологическая герменевтика, стилистика декодирования, когнитивная лингвистика, психолингвистика. Иначе говоря, риторика декодирования формируется в русле интегративной теории понимания, представленной широким спектром направлений – от философской и филологической герменевтики до когнитивно-дискурсивных подходов к моделированию процессов восприятия и понимания.

1.3.2. Когнитивные исследования текста и их роль в формировании риторики декодирования

В системе общелингвистических предпосылок становления риторики декодирования теоретико-методологический опыт когнитивной лингвистики представляется нам первостепенным в силу ее природной герменевтичности и выраженного интереса к субъекту, познающему и интерпретирующему реальность.

Определяя в рамках когнитивной науки предмет такого ее системообразующего компонента, как когнитивная лингвистика, Н. Н. Болдырев указывает, что это направление «изучает язык как когнитивную способность» [Болдырев, 2021, с. 23]. Цель когнитивной лингвистики состоит в том, чтобы посредством постижения языка выявить структуры представления знаний и описать существующие между ними и языком зависимости [Там же, с. 24].

Фундаментальные принципы когнитивной лингвистики обусловлены характерными установками, имеющими в современной науке о языке статус парадигмальных: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм/неофункционализм, экспланаторность [Кубрякова, 1995, с. 207].

А. Ченки в качестве ведущих принципов когнитивной лингвистики выдвигает следующие: а) язык – неотъемлемая часть познания; б) язык отражает

взаимодействие между психологическими, коммуникативными, функциональными и культурными факторами [Ченки, 2016, с. 340].

Помимо общеметодологических принципов, когнитивная лингвистика формулирует и принципы языковой конфигурации знаний, позволяющие моделировать процессы концептуализации и категоризации, осуществляемые индивидом в ходе познания мира [Магировская, 2012, с. 122–124].

Отметим, что когнитивную лингвистику характеризует холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста, провозглашение органической связи языкового сознания с психической организацией человека, а также выдвижение требования субъективизации лингвистических исследований, предполагающее привлечение к анализу значения языкового выражения экстралингвистической информации [Скребцова, 2018, с. 34–36].

А. А. Кибрик и В. А. Плунгян, делая обзор фундаментальных направлений современной американской лингвистики, указывают на то обстоятельство, что функциональная и когнитивная лингвистика – это хотя и совместимые, но параллельно существующие направления. При этом с содержательной точки зрения, когнитивная лингвистика, несомненно, – часть функционализма, поскольку она выступает способом объяснения языковых явлений [Кибрик, Плунгян, 2016, с. 324].

Известно, что «когнитивная лингвистика начиналась именно с когнитивной семантики, в рамках которой параллельно развивалась прототипическая семантика и фреймовая семантика. Это школы Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Дж. Тейлора, которые затем сосредоточили внимание на изучении и понимании процессов концептуализации и категоризации мира, метонимичности и метафоричности мышления» [Болдырев, 2021, с. 30].

Не ставя цели осуществить историографический обзор данного направления, мы следуем за А. А. Кибриком и В. А. Плунгяном, которые рассматривают когнитивную лингвистику «в узком смысле» и «в широком смысле». Так, в узком смысле когнитивная лингвистика представляет собой

«набор четко очерченных семантических концепций, обычно связанных с именами конкретных авторов (в первую очередь Лакоффа и Лангакера)» [Кибрик, Плунгян, 2016, с. 324]. Именно такой «узкоформатный» принцип положен в основу работы Т. Г. Скребцовой, включающей описания ставших уже классическими концепций и подходов преимущественно американских ученых-когнитологов, куда входят: теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон); теория прототипов категорий базового уровня (Э. Рош); когнитивная грамматика (Р. Лангакер); теория ментальных пространств (Ж. Фоконье); топологическая семантика (Л. Талми); когнитивные подходы в лексической семантике (сетевая модель П. Норвига и Дж. Лакоффа, сетевая модель Р. Лангакера) и другие [Скребцова, 2018].

В широком смысле, по мысли А. А. Кибрика и В. А. Плунгяна, когнитивная лингвистика – более открытая для интеграции область знания. Ученые ссылаются на содержание 4-ой и 5-ой конференций Международной ассоциации когнитивной лингвистики (Альбукерке, 1995 и Амстердам, 1997), где было представлено много докладов, которые не относились к когнитивной лингвистике в узком смысле, а были посвящены когнитивному объяснению самых различных языковых явлений [Кибрик, Плунгян, 2016, с. 324–325].

Личный опыт участия в отечественных конгрессах и конференциях по когнитивной лингвистике, инициированных Российской ассоциацией лингвистов-когнитологов, позволяет отметить ту же тенденцию. Например, сборники из серии «Когнитивные исследования языка», представляющие материалы Всероссийских научных конференций с международным участием (Новосибирск–2022, Тамбов–2023)⁹, демонстрируют предельно широкий формат когнитологических интересов: от теоретических и методологических вопросов

⁹ См. Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. – Вып. № 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с междунар. участием 15–16 сентября 2022 г. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022; Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев. – Вып. № 3 (54): Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования: материалы Всероссийской научной конференции с междунар. участием 20–21 апреля 2023 г.. – Ч. I, II. – Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2023.

когнитивной лингвистики, когнитивных исследований лексики и грамматики, текста и дискурса до проблем взаимодействия когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, когнитивного переводоведения, когнитивного подхода в изучении профессиональной коммуникации и т. п. Именно широкоформатный подход включает текст как процесс познания и результат лингвоментальных процедур в предметное поле когнитивной лингвистики.

Е. С. Кубрякова, активизируя в среде лингвистов-когнитологов разговор о феномене текста и критериях его определения, задает вопрос о том, «что можно **извлечь** из текстов **помимо** данных о том, как построен тот или иной конкретный текст и почему в нем использованы те, а не иные языковые формы и конструкции» [Кубрякова, 2004, с. 506]. Исследователь находит ответ в определении в первую очередь лингвотипологических критериев текста, углубляя и развивая, по сути, идеи лингвистики текста как научного направления.

Другой продуктивной для формирования риторики декодирования мыслью становится обусловленное признанием системных, онтологических и функциональных свойств текста положение о возможности поместить сегодня категорию текста в число «естественных» и построенных... по прототипическому образцу [Там же, с. 511–512]. Подчеркивая естественный характер категории текста, Е. С. Кубрякова рассматривает текст как концепт с гибкими и подвижными границами. Инвариантное начало категории текста исследователь связывает с критериями, которые определяют нижнюю границу текста, такими как информационная самодостаточность, адресатность, а также целенаправленность, задающая интенциональность. Е. С. Кубрякова актуализирует применительно к категории текста проблему поиска прототипа как «лучшего образца класса», как яркого представителя (эталона, образца) определенной категории, наиболее полно фиксирующего в себе ее признаки, очевиднее всего характеризующие, как репрезентирована сама категория в сознании человека. По мнению ученого, выделение прототипических текстов обусловлено в первую очередь критерием их материальной протяженности, т. е. размером, или объемом, наиболее размытым и неопределенным и связанным

с т. н. верхней границей текста. Это обстоятельство способствует признанию в качестве прототипов текстов малого объема. Е. С. Кубрякова считает, что именно малые тексты представляют собой непосредственную материальную данность, они обозримы и наблюдаемы, обладают четко выраженными пределами в рамках начала и конца, демонстрируют такие текстовые характеристики, как его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. При этом в таких текстах легче описать все связи как между отдельными фрагментами текста – предложениями, так и между частями этих фрагментов. Наконец, у малого текста ясна его информативность, его когнитивные основания, определяющие смысл его создания, его общий замысел и реализованный в особой языковой форме воплощенный итог в виде конкретного семантического (семиотического) пространства [Там же, с. 512–516].

В качестве примеров прототипической группы Е. С. Кубрякова приводит такие малые тексты, как письма и небольшие инструкции к артефактам, статьи в энциклопедиях, публицистические статьи в газетах и журналах, тексты интервью, рецепты и т. п. [Там же, с. 515]. Вопрос о статусной равнозначности данных текстов/жанров, с нашей точки зрения, остается открытым. По всей видимости, исследователь демонстрирует интенцию разграничить художественные и нехудожественные тексты, связывая с последними устойчивую и узнаваемую формальную структуру и немногослойную смысловую организацию, что способствует непротиворечивому выделению того самого «пучка признаков», определяющих наши представления о тексте.

Е. С. Кубрякова, трактуя текст как результат процесса речи, фиксирующий тот или иной фрагмент человеческого опыта и его осмысления, приходит к выводу о том, что «нет таких текстов, которые не явились бы... конечным итогом **дискурсивной**, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности» [Там же, с. 516]. Сделанное заключение открывает перспективы выхода собственно за границы структуры текста в его коммуникативный контекст, что обеспечивает возможности

реконструирования замысла говорящего – как идейно-смыслового, так и текстообразующего. Отметим, что когнитологические положения находятся в прямой корреляции с риторической традицией. «На протяжении всей своей истории риторика учитывала неизменно широкий контекст речевой деятельности: прежде всего автора, адресата и то пространство («канал связи» в терминологии теории информации), в котором текст существует» [Бухаркин, 2001, с. 8].

Для риторики декодирования ключевой становится мысль Е. С. Кубряковой о том, что «текст должен быть рассмотрен как такое произведение, такая протяженность, которая по всей своей архитектонике и организации, по всем использованным в нем языковым средствам и т. д. **должно** обеспечить у адресата формирование его **ментальной модели**. Именно в этом смысле он должен также обеспечить адресату **выход** за пределы непосредственно данного в самом тексте и послужить источником дальнейших возможных интерпретаций текста» [Кубрякова, 2004, с. 517].

А. А. Залевская, описывая динамику исследовательских подходов к пониманию текста и отмечая усиление роли когнитивного направления в развитии мировой науки, указывает на перенос внимания с синтаксической проблематики, связанной с моделированием путей перехода от «поверхностной структуры» к «глубинной», на семантику. Другими словами, исследовательский интерес переключается с синтаксических моделей понимания на стратегические [Залевская, 2005, с. 322]. Понимание в рамках когнитивного подхода начинают связывать с построением ментальной модели [Там же, с. 378], определению сущности которой посвящены исследования Ф. Джонсона-Лэйрда [Johnson-Laird, 1983], Т. А. ван Дейка и У. Кинча [Дейк ван, Кинч, 1988; Kintsch, 1998], Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987].

Понятия модели и когнитивного моделирования становятся ключевыми в когнитивной науке. Когнитивное моделирование предполагает, что текст интерпретируется в соответствии с построенной моделью, которая представляет собой «некоторое знание в долговременной или кратковременной памяти, отвечающее следующим условиям: 1) его структура соответствует структуре

репрезентируемой ситуации; 2) оно может состоять из элементов, соответствующих только перцептивным сущностям (в таком случае оно может быть реализовано как образ, перцептивный или воображаемый), или оно может содержать элементы, соответствующие абстрактным понятиям; их значимость зависит преимущественно от процедур пользования моделями; 3) в отличие от других постулируемых форм репрезентации модели не содержат переменных» [Johnson-Laird, 1983; цит по: Залевская, 2005, с. 379–380].

Дж. Лакофф обосновывает мысль об организации наших знаний с помощью структур, называемых им идеализированными когнитивными моделями (*Idealized Cognitive Models*), при этом категориальные структуры и прототипические эффекты являются побочными продуктами этой организации. Источниками когнитивного моделирования, по мнению самого Дж. Лакоффа, являются следующие концепции: фреймовая семантика Ч. Филлмора, теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когнитивная грамматика Р. Лангакера и теория ментальных пространств Ж. Фоконье [Lakoff, 1987, p. 68].

Заданную когнитивными исследованиями идею ментальной модели как структуры представления знания, организующей понимание, берет на вооружение риторика декодирования, усматривая в таком исследовательском шаге возможность оптимизации устоявшихся процедур традиционного риторического анализа. Переосмысливая понятие ментальной модели, риторика декодирования сопрягает его с понятием текстотипичности, которое «зиждется на когнитивной компетенции как метапринципе семиозиса. На разных уровнях абстракции текстовая деятельность и текст характеризуются разными типами процедурных знаний (стратегий, конвенций, правил), охватывающих как формы текстовой деятельности, так и формы языка. Другой стороной когнитивности выступают декларативные знания – номенклатура языковых выражений и знания о мире» [Баранов, 1997, с. 8].

А. Г. Баранов выстраивает цепочку абстракций текстовой деятельности как движение от замысла и воли субъекта речи к конкретному тексту. Предлагаемую схему он трактует как модель текстопостроения, «так как текстосозидание

в реальном масштабе времени осуществляется как распараллеленный синергетический процесс действия на всех ступенях абстракции (этим характеризуется и процесс понимания текста)» [Там же].

Теоретические воззрения Е. С. Кубряковой, связанные с определением системы текстовых признаков, и обозначенные А. Г. Барановым принципы обусловленности текстовой деятельности когнитивной компетенцией развивает В. Е. Чернявская, активизируя вопрос: необходимо ли новое определение текстуальности? [Чернявская, 2005].

Текстуальность, традиционно понимаемая как совокупность сущностных черт, делающих текст текстом и отличающих текст от не-текста, часто осмысливается с опорой на концепцию Р.-А. де Богранда и В. Дресслера, которая инициирует дискуссии о феноменологическом и онтологическом статусах текста. С позиции ученых, текст как коммуникативное событие характеризуют 7 признаков: когезия, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, интертекстуальность. В случае отсутствия у текста даже одного из 7 признаков следует говорить о «некоммуникативных текстах», или «не-текстах» [Beaugrande de, Dressler, 1981, p. 3].

В. Е. Чернявская считает, что «текстуальность не может быть представлена как набор раз и навсегда заданных, неизменных, “неподвижных”, самодостаточных свойств» [Чернявская, 2005, с. 81]. Определение текстуальности должно быть переведено из статичной плоскости в когнитивно-дискурсивную систему координат для создания модели динамической текстуальности, что позволит включить в нее признаки процессуальности, интеракциональности, культурной маркированности. С позиции когнитивно ориентированного подхода текстуальность может пониматься как узел инвариантных признаков, реализующихся вариативно с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках. Текстуальность, как и другие лингвистические категории, может быть определена с позиции прототипов [Там же, с. 81–82]. Эта мысль оказывается востребованной лингвистическим сообществом. Так,

Е. Г. Беляевская отмечает, что «такие явления, как категории текста... могут рассматриваться в рамках проблемы категоризации» [Беляевская, 2010, с. 102].

Обосновывая прототипический характер текстуальности, В. Е. Чернявская подчеркивает градуальность текстообразующих признаков: одни могут быть доминирующими, регулярно повторяющимися, обладающими более высокой степенью валидности в том или ином типе текста, другие – лишь потенциально возможными. Соответственно, можно говорить о «центральной (ядерной) зоне» текстового континуума, охватывающей тексты, в которых реализован наиболее полный набор установленных признаков, и о периферийной зоне. При этом к ядерной зоне следует относить семантико-прагматические аспекты, а к периферии – структурные, порой ненаблюдаемые на поверхностном уровне [Чернявская, 2005, с. 82].

Рассмотренные подходы к определению текстуальности, по сути, экстраполируют на текст уже апробированную когнитивной семантикой психологическую теорию прототипичности Э. Рош [Rosch, 1975, 1978] и предлагают варианты ее интерпретации в области изучения феномена текста и его типологических манифестаций. Выдвигаемые учеными те или иные комплексы признаков текстуальности можно рассматривать как результат вторичной интерпретации мира в дискурсе, зависящей от индивидуальной концептуальной системы самого субъекта [Болдырев, 2022, с. 23; Дубровская, 2022, с. 327–328].

Из арсенала когнитивных исследований, питающих риторiku декодирования, выделим работу Т. А. ван Дейка и В. Кинча «Стратегии понимания связного текста», демонстрирующую свой вариант объективации феномена понимания. Речь идет о модели стратегической обработки связного текста, или дискурса, которую ученые характеризуют как «динамическую, процессно-ориентированную, оперативную (on-line)» [Дейк ван, Кинч, 1988, с. 156]. Данная модель базируется на предположении, что понимание текста подразумевает не только представление текстовой базы в эпизодической памяти. Понимание обеспечивается также активацией, обновлением и другими способами

функционирования так называемой ситуационной модели, которая есть когнитивное представление событий, действий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится в тексте [Там же, с. 164–165]. Понимание регулируется стратегиями, которые исследователи трактуют как часть нашего общего знания о самих процессах понимания. Полезным для текстовой аналитической практики видится положение о том, что «применяемые стратегии похожи на эффективные рабочие гипотезы относительно правильной структуры и значения фрагмента текста; дальнейший анализ может их и не подтвердить» [Там же, с. 164]. В контексте риторики декодирования эта мысль становится операциональной: стратегии, выступая аналитическими векторами, организуют прогнозирование текстообразующих процедур, при этом реконструирование их языкового/речевого воплощения либо подтверждает, либо опровергает их результативность.

Компонентами модели понимания Т. А. ван Дейк и В. Кинч считают: пропозиционные стратегии, стратегии локальной когерентности (связности), макростратегии, продукционные стратегии, стилистические и риторические стратегии, а также стратегии переработки невербальной информации, когда речь идет об усилении понимания с помощью жестов, мимики, поз [Там же, с. 166–172].

Когнитивная модель понимания Т. А. ван Дейка и В. Кинча актуальна для настоящего исследования своим принципиальным подходом «от репрезентации текста к модели ситуации» [Там же, с. 176], который риторика декодирования расширяет обращением к модели коммуникативного контекста как к источнику информации об интенциональности субъекта текстовой деятельности.

Таким образом, когнитивно ориентированные подходы к выявлению специфики текстовой природы делятся с риторикой декодирования идеей прототипической (образцовой) текстуальности в контексте рассмотрения текста и как результата когнитивной деятельности, и как механизма, запускающего в действие ментальные процессы восприятия, понимания и интерпретации.

1.3.3. Лингвистика текста как источник идей текстообразования

Устанавливая связи риторики декодирования с актуальными для ее становления общеметодологическими источниками, такими как лингвистика

текста и лингвистическая прагматика, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, которая метафорически может быть уподоблена «эффекту бумеранга». Дело в том, что классическая риторика, выступая источником современных коммуникативно ориентированных лингвистических дисциплин, в своей трансформированной неориторической формации вынуждена черпать в их арсенале методологические разработки для собственной аналитической практики «*language in use*», или «языка в действии» (М. А. К. Хэллидей). Утешением в этих обстоятельствах служит аксиоматическое признание междисциплинарности филологического знания, развивающегося в период доминирования неофункциональной парадигмы. «Эта тенденция очень характерна для современной науки в целом и обратна искусственному воздвижению границ, преобладавшему в течение XX века» [Кибрик, Плунгян, 2016, с. 278].

Выделение лингвистики текста в самостоятельное научное направление есть очевидное признание того, что «внетекстовой реальности не существует» [Деррида, 2000, с. 313]. М. М. Бахтин считает, что «где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [Бахтин, 2000, с. 299].

Лингвистика текста, объект которой однозначен, – одно из самых генетически близких к риторике декодирования языковедческих направлений, сфокусированных на тексте. Т. М. Николаева в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» дает следующее ее определение: «Лингвистика текста – научная дисциплина, цель которой – найти и построить систему категорий текста со специфическими для него содержательными и формальными единицами, а также описать условия “правильной” человеческой коммуникации» [Николаева, 1978, с. 469]. И если первая часть дефиниции содержит указание на специфические задачи лингвистики текста, то вторая часть корреспондирует с риторикой, традиционно занимающейся поиском образца эффективного текста, обеспечивающего ту самую «правильную» коммуникацию.

Специалисты в области лингвистики текста единодушно сходятся в том, что первые попытки научного подхода к анализу текста уходят корнями в античную риторику [Филиппов, 2007, с. 19; Галло, Алефиренко, 2020, с. 25, с. 27].

Р. Барт, рассуждая о специфике лингвистики (связного) текста (*linguistique du discours*), или транслингвистики, называет в качестве ее предшественницы риторiku, которая «в течение многих столетий ставила перед собой ту же задачу – фиксацию (правда, сугубо нормативную) речевого кода (*code de la parole*), и... решение этой задачи она тоже начинала с тщательного разграничения различных типов связного текста (художественно-изобразительного, судебного, медитативного, эпидиктического)» [Барт, 1978, с. 448].

В сформированном пространстве дефиниций лингвистики текста [Галло, Алефиренко, 2020, с. 25; Ионова, 2018, с. 8; Николаева, 1978, с. 469 и др.] выделим следующую: «Лингвистика текста – языковедческая дисциплина, занимающаяся анализом языковых закономерностей, которые выходят за рамки одного предложения, она имеет своей целью определить конститутивные признаки текста как единицы языка и тем самым заложить основы теории текста» [Bußmann, 1990; цит. по: Филиппов, 2007, с. 14]. В приведенном определении Х. Бусманна содержится концептуальная идея лингвистики текста о сверхпредложенческом характере объекта ее изучения. Примечательно, что подобные аналитические попытки предпринимались еще в античности – «прежде всего Аристотелем и его последователями, попытавшимися расчленить немиметический текст на такие единицы, как – в порядке возрастания размера – предложения, периоды, более крупные фрагменты (*ekphrasis*, *descriptio*) и, наконец, целые построения (*dispositio*)» [Барт, 1978, с. 444–445].

Круг задач, решаемых лингвистикой текста, обозначен З. Я. Тураевой: 1) изучение текста как системы высшего ранга, основными признаками которой являются целостность и связность; 2) построение типологии текстов по коммуникативным параметрам и соотнесенным с ними лингвистическим признакам; 3) изучение единиц, составляющих текст; 4) выявление текстовых категорий; 5) определение качественного своеобразия функционирования языковых единиц различных уровней в результате их интеграции текстом; 6) изучение межфразовых связей и отношений [Тураева, 2009, с. 7–8].

Лингвистика текста как научное направление начинает формироваться

в Западной Европе. На рубеже 60–70-х годов XX века в зарубежной лингвистике возникает «взрыв интереса» к проблемам текстовой теории. Этот период связан с деятельностью таких ученых, как В. Кох, М. Бенс, П. Хартманн, К. Хайдольф, М. А. Хэллiday, В. Дресслер, З. Шмидт, Г. Вайнрих, Х. Изенберг, А. Вежбицкая и других (см. выпуск VIII известной лингвистической серии)¹⁰.

М. Я. Дымарский, прослеживая эволюцию лингвистики текста, указывает, что «текстовый бум» охватил западную лингвистику по меньшей мере на пятилетие раньше, чем отечественную. Путь зарубежной лингвистики проходил в направлении изучения логических, прагматических, когнитивных, психолингвистических, нейролингвистических аспектов текста. Русская лингвистика текста поспешала за западной. Однако у нас развивалась и своя ветвь – грамматика текста, или текстообразование. Именно на русском материале впервые ставится проблема выделения грамматической единицы текста – «сверхпредложенческого единства», истоки которой обнаруживаются еще в трудах И. А. Фигуровского, Н. С. Пospelова, В. В. Суренского, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского [Дымарский, 1999, с. 3–6].

М. Я. Дымарский подчеркивает специфичность грамматики текста как «именно русской версии лингвистики текста: ведь в западноевропейской и, тем более, американской версиях учение о собственно языковой организации текста никогда не выделялось в особую ветвь» [Там же, с. 6]. Исследователь отмечает стремление зарубежных коллег построить некоторую «глобальную теорию текста вообще», куда входят наблюдения над многочисленными способами межфразовой связи, тема-рематическими последовательностями и прочими средствами когезии и когерентности. «Что же касается учения о “сверхпредложенческих единствах”, то аналогов ему в западноевропейской лингвистике просто нет» [Там же].

По сути, грамматика текста в новых научно-исторических условиях и на новом эмпирическом материале развивает риторические идеи, связанные с решением таких проблем, как определение единицы текстообразования

¹⁰ Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 479 с.

и установление принципов сочетаемости этих единиц в структуре текста.

Так, С. И. Гиндин в статье «Риторика и проблемы структуры текста», выступающей своего рода развернутым комментарием к «Общей риторике» «группы μ», ссылается на трактат Дионисия Галикарнасского «О сочетании имен» и отмечает, что «античные риторы интересовались законами сочетания не только слов, но разнообразных синтаксических единиц – колонов, предложений, периодов» [Гиндин, 1998, с. 357]. Более того, апеллируя к «Риторике» Аристотеля, С. И. Гиндин доказательно демонстрирует, что уже в античности проявляется интерес к периоду как инструменту создания определенного типа «слога» (в терминологии Аристотеля, «нанизывающего» и «непрерывного»), что свидетельствует о стремлении охарактеризовать не столько внутреннее устройство синтаксической единицы, сколько синтаксический стиль в целом. «Таким образом, уже разделение двух типов “слога” предполагает существование определенных, хотя и не эксплицированных сверхфразовых представлений» [Там же].

Учитывая отмеченную выше преемственность, риторика декодирования в поисках методологических ресурсов обращается к «сверхпредложенческой, или сверхфразовой, доктрине» грамматики текста. В XX веке чрезвычайно продуктивной оказывается идея создания парадигм единиц сверхфразовой организации, получающих свою синтагматическую реализацию в пространстве текста и формирующих его композиционно-смысловую структуру. Такими единицами могут выступать: функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) [Нечаева, 1974]; композиционно-смысловые типы речи (демонстрационный, информационный, сентенционный) [Ильенко, 1985]; сложное синтаксическое целое [Поспелов, 1948; Лосева, 1977; Бурвикова, 1981; Дымарский, 1999]; поликомпонентные единства [Карпов, 1983; Беднарская, 2024]; формализованные компоненты текста [Рогова, 1998]; коммуникативные регистры речи [Золотова, 1982; Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]; другие выделяемые исследователями составляющие, бóльшие, чем предложение, и обладающие достаточно устойчивыми когнитивными, коммуникативными и языковыми характеристиками [Гальперин, 2004; Москальская, 1981]. Единицы сверхфразовой

организации есть своеобразные модели представления действительности, являющиеся следствием концептуализации и вербализации мира человеком.

Грамматика текста как «область лингвистики текста, которая исследует собственно языковые закономерности организации текста» [Дымарский, 1999, с. 21], становится для риторики декодирования продуктивным источником знания о единицах текстообразования и принципах их комбинаторики в структуре целого.

Особый интерес риторика декодирования проявляет к такой сверхфразовой единице текста, как коммуникативный регистр речи, получившей развернутое описание в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]. Эту работу М. Я. Дымарский относит к исследованиям, «удачно отражающим существенные черты понимания категории *текст* в современной лингвистике», развивающим «богачейшую, и прежде всего отечественную, традицию лингвистического функционализма» [Дымарский, 1999, с. 11].

Как отмечают Г. А. Золотова и ее коллеги, «функционально-коммуникативная грамматика, опираясь на опыт предшествующей лингвистики и преодолевая ее противоречия, приняла за критерий анализа комплекс трех сущностных признаков языковых явлений: формы, значения и функции. <...> “Коммуникативная грамматика” поставила в центр своего внимания говорящую личность и текст как результат речевой деятельности этой личности» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 486]. Заявленный курс грамматики на коммуникативную ориентированность «помогает понять, что правила существуют как средства управления коммуникативным процессом, как средства порождения и понимания различных текстов...» [Там же, с. 8]. Кроме того, сам выход грамматики за пределы изолированного предложения приводит к построению коммуникативной типологии текстов, в основе которой находится понятие коммуникативного регистра речи – единицы, дифференцирующей тексты и их речевые составляющие по совокупности взаимообусловленных признаков. В системе коммуникативных регистров речи прослеживаются закономерности выражения смысла средствами языка от синтаксиса как элементарных структурно-семантических единиц до текста, включая общие и конкретные принципы его

построения [Там же, с. 486–487].

В формировании аналитических процедур риторики декодирования, связанных с поиском наиболее валидной единицы текстообразования, особое значение имеет обращение к теории коммуникативной грамматики, к ее функционально-синтаксическому опыту описания сверхфразовых единиц, создающих композиционную организацию текста.

Кроме того, ценным ресурсом для риторики декодирования, помимо уже указанных выше исследований в области лингвистики и грамматики текста, становится мировой опыт анализа и интерпретации текста, отраженный в трудах как отечественных [Адмони, 1985; Алефиренко, 2019; Бабенко, 2004; Болотнова, 2009; Гиндин, 1981; Клемёнова, 2017; Москальчук, 2003; Николаева, 1978, 2000; Откупщикова, 1982; Чернухина, 1984; Чернявская, 2014; Черняховская, 1983; Щирова, 2009 и др.], так и зарубежных исследователей [Дресслер, 1978; Beaugrande de, 1982; Beaugrande de, Dressler, 1981; Daneš, 1985; Dolník, Bajžíková, 1998; Gallo, 2013; Halliday, Hasan, 1976; Heinemann, Viehweger, 1991 et al.].

Приведем релевантные для построения концепции риторики декодирования базовые положения лингвистики текста, сформулированные М. Я. Дымарским как результат обобщения текстолингвистических идей конца XX века.

1. Текст (как процесс) обеспечивается изначальной установкой на создание некоего целого, которое, по мнению его создателя, завершено относительно исходного авторского замысла.

2. Текст (как продукт) материально воплощает инициальную установку на создание завершённого целого.

3. Текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью – глубинной и поверхностной, локальной и глобальной, что в итоге оказывается необходимым условием адекватной реконструкции получателем целого; упорядоченность текста в идеале означает прямое и взаимно-однозначное соответствие его внутренней смысловой структуре; в реальности упорядоченность применительно к тексту оказывается

понятием градуальным; однако общее требование упорядоченности и иерархичности структуры является безусловной доминантой процесса текстообразования и лежит в основе его закономерностей.

4. Текст является особой, но не единственной формой выражения смыслового содержания. Специфика текста состоит в том, что это развернутая форма, предполагающая расчленение исходного смыслового континуума (замысла) на ряд составляющих.

5. Связность текста обеспечивают типизированные средства – строевые единицы (единицы текстообразования), универсальные и специализированные коннекторы, многочисленные вспомогательные средства и т. п.

6. Текст как процесс и текст как продукт – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления [Дымарский, 1999, с. 21–22].

Таким образом, любое исследование текстовой организации основывается на учете целостности, завершенности и иерархической упорядоченности текстовой структуры, на признании связности текста как условия его существования и одновременно членимости на строевые единицы, обеспечивающие реконструкцию тексто- и смыслообразования.

Для лингвистики текста операциональным становится положение о существовании двух моделей порождения: вертикальной иерархической и горизонтальной линейной. К такому выводу уже в 1978 году приходит Т. М. Николаева, анализируя подходы к структуре текста Р. Харвега, Т. ван Дейка, В. Н. Топорова, И. П. Севбо, специалиста по теории информации и машинному переводу, И. Петёфи. Последний сосредоточивает внимание на нелинейной модели грамматики текста. Его идея – построить некоторый текст-конструкт, общую идею текста, затем породить все возможные варианты этого текста. И. Петёфи называет развиваемую им теорию «ко-текстуальной», сравнивающей потенциально сосуществующие тексты, а в саму модель он вводит специальный алгоритм такого сравнения. Модель строится на перечне атомарных содержательных предикатов в комбинации с лексиконом, где собственно лингвистическая информация нестрого отличается от экстралингвистической.

Утверждается, что вертикальная модель порождения удачнее применяется к порождению заданных и специальных текстов [Николаева, 1978, с. 33–34].

Доказательством полувековой устойчивости идеи моделирования текста-образца в лингвистике текста становится работа Я. Галло и Н. Ф. Алефиренко «Лингвистика текста: традиции и перспективы», в которой в определенной степени систематизируется обширный опыт европейских и отечественных лингвистов, разрабатывающих когнитивно-дискурсивные основания текстопорождения [Галло, Алефиренко, 2020]. Как указывают авторы в аннотации статьи, в ней «интерпретируются те базовые основы лингвистической текстологии, которые содержат еще не использованный конструктивный потенциал для осмысления процессов порождения и функционирования высказываний разного речежанрового формата. Они служат методологическими предпосылками, необходимыми для реализации межпарадигмальных гипотез феномена текстуальности и теории функционирования основных языковых категорий в связной речи» [Там же, 2020, с. 23].

Я. Галло и Н. Ф. Алефиренко оперируют понятиями «пропозиционная и коммуникативная ипостаси текста», которые коррелируют соответственно с гиперсинтаксическим и функционально-коммуникативным направлениями текстологии. В основе первого лежит понятие «пропозиция»; в основе второго – процессуальность. В рамках пропозиционного подхода исследование концентрируется на семантико-синтаксических отношениях между предложениями или единицами языка в последовательных предложениях, выявляющих когерентность текста. Функционально-коммуникативный подход направлен на так называемое коммуникативное понимание текста как единицы общения, как экспликатора языковой и коммуникативной активности человека, что свидетельствует о связи данного подхода с лингвистической прагматикой. Последняя трактует текст не как последовательность грамматически связанных предложений, но комплексное речевое высказывание, позволяющее его автору целенаправленно коммуницировать с адресатом. Поэтому, делают вывод исследователи, коммуникативно ориентированная лингвистика текста является

телеологической [Там же, с. 26–27]. При этом оба подхода рассматриваются как комплементарные. Кроме того, ученые выделяют три основных фактора предлагаемой методологии, которые в своем триединстве определяют конструктивные положения текстопорождения: (а) двойственная природа языка, (б) когнитивно-прагматическая природа текста и (в) дискурсивно-стилистическая архитектура речевого произведения, коммуникативно ориентированного в своей структурной и смысловой завершенности [Там же, с. 30].

Исследователи развивают понятие «текстема» как «эмический ментальный прообраз речевого произведения», «потенциальный (идеальный) конструкт в отличие от актуального, конкретно создаваемого речевого произведения» [Там же]. Основание тексты формируют фреймовые конфигурации концептов из категориально-семантических признаков субстанциальности, акциональности, темпоральности, качественности и количественности [Там же, с. 32]. Таким образом, в рамках когнитивно-прагматической парадигмы темтема предстает как концептуально обусловленная модель текста коммуникативного назначения [Там же, с. 30].

Идея текста-модели / текста-конструкта / текста-эталона является концептуально значимой для настоящей концепции, выдвигающей в качестве ориентира декодирования риторический текстотип-образец, воспроизводящий процесс кодирования текстов перлокутивно-персуазивной природы, требующих постоянного обновления как условия текстового существования в информационном обществе. Риторика декодирования, рассматривая в качестве операционального инструмента понятие «текстотип», переосмысливает опыт лингвистики текста, связанный с практикой текстовой категориальной параметризации и типологическим измерением многообразного арсенала текстов.

Т. М. Николаева, определяя лингвистику текста как поиск общих текстообразующих закономерностей, а не анализ отдельных употреблений, видит стоящую перед новым на том момент направлением задачу – «найти и построить систему грамматических категорий текста с содержательными и формальными единицами именно этой сферы» [Николаева, 1978, с. 9–10]. Так, ученый, опираясь

на исследования зарубежных коллег, преимущественно Х. Вайнриха и Р. Харвега, предлагает выделять такие содержательные категории, как пред- и пост-информация, рассказ о мире/пересказ мира, ориентированный в основном на времена текстовых предикатов, инициальность/неинициальность, прогрессия/стагнация. Другие попавшие в разряд категорий явления, например, различие политопии/монотопии в высказываниях текста, различие типа и класса (в связи с употреблением определенного/неопределенного артикля), различие контрастоспособности отдельных имен и т. п. [Там же, с. 24–27] больше определяют семантическую специфику высказывания, нежели текст как структурно-смысловое целое. Однако сама попытка актуализировать проблему построения системы текстовых категорий, безусловно, заслуживает внимания.

Традиции системной текстовой параметризации заложены в отечественной лингвистике текста работой И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (1981). Ученый выделяет следующие категории, моделирующие текст и определяющие его природу: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность текста, интеграция и завершенность [Гальперин, 2004]. Важно указать, что под текстом ученый понимает «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Там же, с. 18]. При этом сами категории текста определяются как грамматические. И. Р. Гальперин допускает, что не все выделенные категории присущи любому тексту и не всегда они осознаются как наличествующие даже там, где обязательны. А такие категории, как ретроспекция/проспекция, подтекст, рассматриваемый как одно из воплощений информативности, вообще относятся к факультативным и свойственны лишь определенным типам текста [Там же, с. 22–23].

Л. О. Бутакова характеризует позицию И. Р. Гальперина как функционально- и субъектно-грамматическую, учитывающую и говорящего/воспринимающего, и функционирование текста в коммуникации [Бутакова, Рогожникова, 2019, с. 55].

Категориальный подход, связанный с выдвижением и обоснованием сущностных признаков текста, был активно подхвачен и развит отечественными исследователями [Лукин, 1999; Москвин, 2012; Мурзин, Штерн, 1991; Новиков, 1983; Папина, 2002; Рогова, Колесова, Шкурина и др., 2011; Тураева, 2009 и др.]. Так, А. И. Новиков, понимая текст как речевую единицу, обладающую внешней и внутренней формой, выдвигает следующую систему его признаков: развернутость (как на уровне содержания, так и на уровне языковых средств), последовательность, связность, законченность. Кроме того, отмеченные общие признаки дополняются двумя специфическими: глубинной структурой текста, а также статикой и динамикой текста. При этом статическое состояние связывается с текстом как конечным продуктом речемыслительной деятельности. Динамическое состояние отождествляется с текстом в процессе его порождения, восприятия и понимания [Новиков, 1983, с. 19–31]. Л. О. Бутакова, анализируя концепцию А. И. Новикова, отмечает, что «общий подход к тексту основан на интерпретации его в психологической парадигме, что значит признание *речемыслительной единицей*, содержание которой определяется только в процессе восприятия» [Бутакова, Рогожникова, 2019, с. 56].

Известная концепция семи критериев текстуальности Р.-А. де Богранда и В. Дресслера [Beaugrande de, Dressler, 1981] положена в основу работы «Текст: теоретические основания и принципы анализа», созданной коллективом авторов под руководством профессора СПбГУ К. А. Роговой [Рогова, Колесова, Шкурина и др., 2011]. Заслуга исследователей состоит в «снятии» с категорий текста, относящихся к разряду содержательных, исключительно грамматического статуса. Авторы предлагают текстовые аналитические разработки в аспекте каждой категории: интенциональности, цельности, связности, информативности, воспринимаемости, ситуативности, интертекстуальности. Текст рассмотрен «на основе его содержательных категорий, которые, не будучи

грамматикализированными (то есть имеющими закрепленные средства языкового выражения), обнаруживают определенные тенденции в использовании структурных и языковых средств выражения» [Там же, с. 454].

Отметим, что концепции И. Р. Гальперина и Богранда – Дресслера в исследовательской практике традиционно используются в качестве образцов «прототипного» подхода, аккумулирующего представления об идеальном тексте, связанных с понятиями текстовой нормы и стандартов текстуальности [Москвин, 2012, с. 46].

Сделанный обзор знаковых работ в области лингвистики текста позволяет утверждать, что установление критериев текстуальности становится своего рода теоретико-методологическим условием понимания феномена текста – одним из первых пунктов «дорожной карты» текстового исследования. Таким образом, лингвистический опыт категориального осмысления текста обеспечивает риторике декодирования серьезный теоретический фундамент для определения критериев текстуальности, или параметризации, текста особого типа – риторического. В свою очередь параметризация, конструирующая и вместе с тем объективирующая текст как некоторую идеальную ментальную сущность, создает предпосылки для решения другой глобальной задачи – текстовой типологизации. И здесь лингвистика демонстрирует самую разноплановую научную практику: от выдвижения единственного критерия (например, воспроизводимость/невоспроизводимость) как основания текстовой типологии [Адмони, 1994] до неоднородной полипараметрической классификации речевых произведений [Гаузенблаз, 1978] или рецептивной типологии художественных текстов [Белянин, 1988, с. 43–88].

В. Е. Чернявская, понимая вслед за М. М. Бахтиным тип текста как форму упорядочивания и формализации человеческой коммуникации, онтологически зафиксированную в индивидуальном сознании носителя языка, констатирует, что «знание о глобальных текстовых разновидностях, т. е. текстотипологическое знание, является облигаторной составляющей коммуникативной компетенции в целом» [Чернявская, 2014, с. 66]. Таким образом, актуализируется задача

диагностирования коммуникативной и входящей в ее структуру риторической компетенции, что может рассматриваться в качестве прикладного аспекта риторики декодирования.

Завершая обзор актуальных для риторики декодирования базовых концепций и идей лингвистической текстуальности, мы присоединяемся к сформировавшемуся мнению о том, что «лингвистика текста в ее стремлении к точности метаязыка, единиц описания, категорий, исследовательских методик за короткий промежуток времени достигла значительных результатов и по праву считается сегодня объяснительной отраслью науки, достижения которой востребованы в практике социальных коммуникаций и других прикладных сферах жизнедеятельности человека» [Ионова, 2018, с. 13].

Содружество риторики декодирования с лингвистикой текста объясняется рядом факторов. Во-первых, такой союз снимает с последней обвинения в увлеченности формальной организацией текста, а с риторического подхода – претензии к его излишнему лингвофилософскому теоретизированию. Во-вторых, лингвистика текста предлагает риторике декодирования, в задачи которой входит реконструкция композиционной структуры текста, прошедший апробацию в исследовательской практике арсенал строевых единиц текстообразования, характеризующихся синтезом формы, значения и функции. В-третьих, создается методологический тандем, позволяющий осмысливать горизонтальное и вертикальное измерения текстовой структуры путем объединения возможностей риторической программы «трансформации мысли в слово» и лингвистической программы иерархизации единиц текстовой организации.

1.3.4. Лингвистическая прагматика и ее связи с риторикой

Известно, что прагматика как «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Арутюнова, 1990, с. 389], обязана своим появлением Ч. С. Пирсу и в значительной степени Ч. У. Моррису. Последний в конце 30-х годов XX века в контексте развиваемой им теории знаков вводит само понятие и термин «прагматика».

Подчеркнем, что «в качестве основной предшественницы прагматики Ч. Моррис назвал риторiku» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 21]: прагматика унаследовала от риторики интерес к эффективному использованию языковых средств. В свою очередь Д. Франк в работе «Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике» усматривает в обновленной риторике, переориентированной с монолога на диалог, ресурс для оптимизации прагматики за счет выработанного репертуара стратегий, коммуникативных принципов и формальных моделей употребления, применяемых говорящими и слушающими, нацеленными на эффективное взаимодействие [Франк, 1986, с. 370–373]. Такой ракурс рассмотрения взаимоотношений риторики и прагматики свидетельствует в пользу методологической оснащенности первой.

Генезис прагматики – это параллельное сопряжение не только с риторикой и семиотикой, но и с философией, логикой, психологией, теорией коммуникации. Прагматика связана с различными по целям и методам направлениями лингвистики – семантикой, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой, коммуникативной лингвистикой. «Возникновение прагматики как области конвергенции такого многообразия подходов неизбежно вело к неопределенности границ, наличию автономно развивающихся и зачастую конфликтующих друг с другом теорий...» [Тимофеева, 2018, с. 6]. Ожидаемо, что «методологический аппарат прагматики синтезировал в себе множество приемов и методик, присущих пограничным с ней наукам» [Прохорова, 2003, с. 3].

Проблемам становления прагматики и определению ее онтологического статуса посвящено немало работ [Арутюнова, Падучева, 1985; Бергельсон, Кибрик, 1981; Дымарский, 2015; Столнейкер, 1985; Тимофеева, 2018; Verschueren, 1999, р. 1–11 et al.]. Развитие лингвистической прагматики, или лингвопрагматики, связывают с появлением в 1960–70-х годах теории речевых актов, у истоков которой стояли логики Дж. Остин [Остин, 1986], Дж. Р. Серль [Серль, 1986а, 1986б, 1986в], П. Ф. Стросон [Стросон, 1986]. Так, Р. С. Столнейкер видит сущность прагматики в изучении речевых актов

и контекстов, в которых они реализуются. Прагматикой решаются два рода проблем: во-первых, определение типов речевых актов и «продуктов речи»; во-вторых, описание признаков и свойств речевого контекста и его влияния на пропозицию, выражаемую тем или иным предложением [Столнейкер, 1985, с. 436]. В свою очередь И. П. Сусов в содержательное ядро лингвистической прагматики «включает... тесно связанные друг с другом Теорию речевых актов, Теорию прагматического значения и Теорию коммуникативного взаимодействия» [Сусов, 2006, с. 4].

Понимание речевого акта в качестве инструмента моделирования реальности, идея значимости речевого контекста, а также проблематика коммуникативного взаимодействия получают развитие и в риторике декодирования.

Современная лингвистика обязана теории речевых актов фундаментальной гуманитарной идеей XX столетия – перформативности, связанной с признанием того, что «производство высказывания является осуществлением действия» [Остин, 1986, с. 27]. Разработанное Дж. Остиным понятие перформативности по отношению к высказываниям, не описывающих реальность, но самих являющихся действиями, было подхвачено и экстраполировано на текст Ю. Хабермасом. Переосмысление перформативности (в частности перформативного употребления личного местоимения 1-го лица) в качестве альтернативы дескриптивности приводит Ю. Хабермаса к обоснованию понятия индивидуальности, которое ученый инкорпорирует в свою теорию коммуникативного действия. Перформативность, перенесенная в область текстовой практики, трактуется философом как способ самопрезентации индивидуальности в коммуникации [Хабермас, 1989]. Идеи Ю. Хабермаса обусловили появление в гуманитарных исследованиях термина «перформативный текст», или «текст-перформатив», под которым понимают «тип текста, актуализирующийся в ситуации коммуникации, который является в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых,

действием самопрезентации, репрезентации себя через актуализированные способы мысли и деятельности» [Грязнова, 1998, с. 3].

Признано, что «концепция перформативности преодолевает границы классической теории речевых актов, находит выход в междисциплинарную область исследования, где перформативность становится общей категорией для философии, культурологии, социологии, а также литературоведения, этнологических и медийных дисциплин, что открывает новые перспективы для гуманитарных исследований» [Четыркина, 2006, с. 7–8]. Об идеологической экспансии перформативности свидетельствуют, например, работы, объектами которых становятся «композитная перформативность» [Романова, 2010, с. 8], «дискурсивная перформативность» [Горбачева, 2016], «перформативность коммуникации» [Чигвинцева, 2015]. Иначе говоря, перформативность категоризируется, что и позволяет рассматривать ее в качестве компоненты, составляющей онтологическую сущность прагматики.

В риторике декодирования перформативность, переосмысленная в контексте идей Ю. Хабермаса, рассматривается как основание акциональности – одного из свойств текста риторического типа, способного выступать инструментом социальной деятельности.

Важнейший аспект лингвопрагматических исследований – прагматизация значения, обусловившая неотделимость значения высказывания от прагматической ситуации и коммуникативных целей речевого акта [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 12]. «Чрезвычайно важным условием для выделения прагматического аспекта значения является понимание того места, которое отводит себе говорящий в языковом мире. Центром этого мира является “я”, а локальными и временными координатами, так сказать точками отсчета в организации действительности, – “здесь” и “сейчас”. Этот **эгоцентризм говорящего** находит многообразное проявление в речи, и все соответствующие языковые единицы и конструкции объединяются под знаменем прагматики» [Норман, 2009, с. 8]. Корни этого утверждения уходят в наследие Э. Бенвениста,

актуализировавшего в лингвистике понятие субъективности в языке [Бенвенист, 1974, с. 292–300].

«Я» говорящего является важным сигналом при распознавании текстообразующего замысла в ходе риторического декодирования. Эгоцентрические элементы, эксплицирующие говорящего, являются индикаторами «ответственного субъекта» (Ю. Хабермас), что чрезвычайно значимо в коммуникативном взаимодействии, несмотря на царящее утверждение, что «в прагматике в центре речевого события всегда стоит *адресант*, в риторике речевые действия адресанта предопределены и заданы аудиторией, т. е. *адресатом*» [Анненкова, 2012а, с. 13].

В вопросе определения границ лингвистической прагматики, как отмечает Н. Д. Арутюнова, она «не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Арутюнова, 1990, с. 390]. Многообразие интересов прагматики породило общеизвестное сравнение данной области с «мусорной корзиной» (wastebasket) [Bar-Hillel, 1971]. В защиту лингвистической прагматики скажем, что ее предметная сфера упорядочивается и выстраивается вокруг основных компонентов структуры коммуникативного акта, в первую очередь адресанта, или субъекта речи, и адресата.

Лингвистической прагматикой изучаются: 1) в связи с *субъектом речи*: явные и скрытые цели высказывания; речевые тактики и типы речевого поведения; правила разговора, подчиненные т. н. принципу сотрудничества; прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы, намеки, иносказания и т. п.; референция говорящего; прагматические пресуппозиции; отношение говорящего к тому, что он сообщает; 2) в связи с *адресатом речи*: интерпретация речи, в т. ч. правила вывода косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания; перлокутивный эффект; типы речевого реагирования на полученный стимул; 3) в связи с *отношениями между участниками коммуникации*: формы речевого общения (информативный диалог, дружеская беседа, спор, ссора и т. п.); социально-этикетная сторона речи; соотношение

между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах; 4) в связи с *ситуацией общения*: интерпретация дейктических знаков, а также индексальных компонентов в значении слов; влияние речевой коммуникации на тематику и формы коммуникации [Арутюнова, 1990, с. 390].

Сложно не согласиться, что «все эти разнородные явления объединяются принципом употребления языка в коммуникативных ситуациях, т. е. деятельностью принципом» [Сусов, 2006, с. 33]. Иначе говоря, само использование языка манифестируется как «форма поведения или социальное действие» [Verschueren, 1999, p. 6]¹¹, что коррелирует с пониманием языка как составной части социальной матрицы, структурирующей реальность и управляющей ею [Блакар, 1987].

Обширная проблематика объектно-предметного поля лингвистической прагматики отражена в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях [Birner, 2012; Chapman, 2011; Horn, Ward, 2006; Huang, 2014; Leech, 1983; Levinson, 1983; Mey, 2001; Senft, 2014; Verschueren, 1999; Yule, 1996 et al.; Апресян, 1995, с. 135–177, с. 199–218; Богданов, 1996; Булыгина, 1981; Винокур, 2005; Зельдович, 2012; Падучева, 2014; Норман, 2009; Радбиль, 2006; Радбиль, Рацибурская, Ясаи и др., 2022; Санников, 2008 и др.]. Многовекторность лингвопрагматики наглядно представлена в выделенных М. А. Шелякиным ее разновидностях: от ориентационной и событийно-интерпретирующей до функционально-стилевой прагматики текста [Шелякин, 2010].

Онтологическая сущность лингвистической прагматики формируется вокруг идеи эффективности субъекта в речевой коммуникации. Лингвистическая прагматика, трактующая язык как средство реализации целеполагания и намерений коммуникантов, направлена на решение вопросов успешности коммуникативного взаимодействия, что тесно сближает ее с риторикой. Неслучайно прагматическая концепция «Principles of Pragmatics» («Принципы прагматики») Дж. Лича [Leech, 1983] опирается на риторическую традицию,

¹¹ Перевод с английского наш. – Л. М.

характеризующуюся интересом к проблемам эффективного использования языка в коммуникации. Ученый разграничивает две риторик – межличностную (the INTERPERSONAL rhetoric) и текстовую (the TEXTUAL rhetoric) [Ibid., p. 15]. Именно межличностную риторику Дж. Лич связывает с актуализацией Принципа Кооперации Г. П. Грайса¹² и разработанного им самим Принципа Вежливости, включающего максимы: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии. В свою очередь текстовая риторика основывается на реализации следующих правил: Принципа Обрабатываемости, Принципа Ясности, Принципа Экономии и Принципа Экспрессивности [Leech, 1983, p. 16].

Выделение текстовой риторики, по-видимому, обусловлено притязанием на создание локальной концепции текстуальности. За обозначенными принципами текстовой риторики стоит авторское видение параметров эффективности, позволяющих тексту выступать инструментом воздействия.

Постулаты прагматики есть предпосылочное знание о нормативности коммуникации: они создают представление об образцовой речевой ситуации и закладывают основания для формирования системы параметров эффективного текста, что берет на вооружение риторика декодирования.

В качестве одного из путей объективации эффективности лингвопрагматика предлагает риторике декодирования тактико-стратегический подход к изучению речекоммуникативных процессов и явлений, позволяющий реконструировать интенциональность говорящего. Тактико-стратегический инструментарий прагматики включается в арсенал лингвокогнитивных и лингвокоммуникативных исследований [Дейк ван, 2015; Иссерс, 2006; Олянич, 2007; Паршина, 2007; Янко, 2001 и др.], выполняя широкий спектр функций: моделирование понимания, воссоздание механизмов текстообразования, диагностирование воздействующего потенциала текста, оценивание коммуникативной компетентности субъекта речи и его интенциональности и т. п.

¹² Grice, H. P. *Logic and Conversation* / H. P. Grice // *Syntax and Semantics*. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41–58.

Таким образом, лингвистическая прагматика, генетически уходящая в семиотику, риторику и философскую логику, является источником идеологии «языка в действии». Она обосновывает феномен перформативности, меняющий представление о природе языка с пассивной на активную, действенную; постулирует эгоцентричность говорящего как условие его успешного существования в коммуникации; предлагает тактико-стратегический подход к реческоммуникативным процессам; опирается на интерпретацию контекста. Онтологическая сущность лингвистической прагматики зиждется на фундаменте коммуникативно-речевой эффективности, что объединяет ее с риторикой и обеспечивает возможности их методологического синтеза.

1.3.5. Потенциал теории коммуникации в развитии риторики декодирования

Формирование любой неориторической концепции сегодня не мыслится без обращения к разработкам теории коммуникации – наследницы классической риторики, продолжающей решать задачу анализа «условий успешности и причин неуспешности общения» [Москвин, 2022, с. 5]. При этом в отличие от лингвистической прагматики, диагностирующей успешность с помощью постулатов речевого общения, теория коммуникации сосредоточена на построении моделей, объективирующих коммуникативный акт, и их интерпретации в фокусе речевой эффективности. Моделирование, являясь универсальным методом получения знаний о мире, становится «вечным сюжетом» теории коммуникации. Модель коммуникации нацелена на воспроизведение составных элементов и функциональных характеристик коммуникационного процесса и часто представляется в виде схемы [Кашкин, 2007, с. 67].

Теория коммуникации и аспектно примыкающая к ней семиотика демонстрируют обширный арсенал моделей коммуникации или коммуникативного акта [Shannon, 1948; Lasswell, 1948; Shannon, Weaver, 1964; Hymes, 1979; Berlo, 1960; Holsti, 1969; Newcomb, 1953; Schramm, 1960;

Городецкий, 1989, 2003; Сидоров, 2008; Эко, 2004; Якобсон, 1985 и др.¹³], включая и модель автокоммуникации [Лотман, 1999, с. 21–45].

Г. Г. Почепцов в описываемый им внушительный арсенал моделей коммуникации (от семиотических до прикладных) включает ряд исследовательских концепций, которые не предлагают в привычном алгоритмизированном виде модель, но реализуют в той или иной степени коммуникативный анализ разных сфер человеческого бытия, «тем или иным способом структурируют то пространство, где протекает коммуникация» [Почепцов, 2001, с. 171]. Появление такого расширенного списка авторских моделей коммуникации (скорее, подходов) связано с деятельностью таких ученых, как А. Грамши, В. Шкловский, Г. Шпет, Н. Евреинов, В. Пропп, М. Бахтин, Ч. Моррис, Ц. Тодоров, П. Бурдьё, П. Грайс, П. Ершов, А. Пятигорский, М. Фуко, Й. Хейзинга, К. Леви-Строс, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делез и М. Мосс [Там же, с. 172–228]. Очевидно, что Г. Г. Почепцов выступает сторонником широкого подхода к пониманию модели коммуникации.

Весомый вклад в развитие теоретических аспектов моделирования коммуникации внесли труды чилийских биологов У. Матураны и Ф. Варелы, авторов идеи консенсуального взаимодействия самоорганизующихся (автопоэтических, самотворящих) систем [Maturana, Varela, 1980; Матурана, Варела, 2019], а также теория координированного управления смыслообразованием, разработанная во второй половине XX века американскими социологами Б. Пирсом и В. Кроненом [Cronen, Pearce, 1982].

Для любого риторического исследования значим тот факт, что практика моделирования современной теории речевой коммуникации уходит корнями в наследие античной риторики – в трехкомпонентное построение коммуникативной ситуации, предложенное Аристотелем: «Речь слагается из трех элементов: из самого *оратора*, из *предмета*, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; оно-то и есть конечная цель всего (я разумею

¹³ Подробный обзор моделей массовой коммуникации представлен: [Иванов, 2013, с. 418–457].

слушателя)» [Аристотель, 1978а, с. 24]. Очевидно, что античная «модель» задает основные векторы развития современному коммуникационному моделированию.

Практика реконструирования речевой коммуникации опирается на два типа подходов к ее пониманию: 1) как линейного однонаправленного процесса; 2) как нелинейного процесса, предполагающего обязательную обратную связь («feedback», по Н. Винеру) как речевую или любую заменяющую ее знаковую реакцию адресата [Москвин, 2022, с. 9].

К конструктам линейного типа, получившим широкую исследовательскую популярность, относят предложенную в конце 40-х годов XX столетия модель американского математика и инженера К. Э. Шеннона [Shannon, 1948], называя ее «семенем, из которого выросла теория коммуникации» [Fiske, 1982, p. 6], а также модель коммуникации, разработанную американским политологом Г. Д. Лассуэллом [Lasswell, 1948].

Модель Шеннона характеризуется как трансмиссионная, основанная на идее передачи информации от источника информации посредством кодирующего устройства к приемнику по типу «стимул – реакция». Позже К. Шеннон в соавторстве с У. Уивером добавляют в нее понятия кода и шума – помех, затрудняющих декодирование [Shannon, Weaver, 1964, p. 7]. Эта модель использовалась для анализа радио- и телефонной связи и не была непосредственно связана с языковой аналитикой.

Модель Лассуэлла определяют как вербальную версию модели Шеннона – Уивера [Fiske, 1982, p. 30]; она ориентирована на анализ потенциала СМИ и включает пять компонентов: коммуникатор (who says?), сообщение (what?), канал (in which channel?), получатель (to whom?), эффект (with what effect?) [Lasswell, 1948, p. 37–51]. Особую заслугу Г. Д. Лассуэлла усматривают в выделении прагматического эффекта коммуникативного акта, связанного с результативностью в достижении коммуникативной цели, что особенно актуально для диагностирования продуктивности медиатеатральности, в частности медиатекстов как инструментов воздействия.

К конструктам особого типа, учитывающим процессуальный и вместе с тем

семиотический характер коммуникации, относят модель речевой коммуникации, обоснованную Р. Якобсоном [Fiske, 1982, p. 35]. Она имеет особое назначение – функциональное, призванное продемонстрировать, что каждому компоненту акта речевого общения соответствует определенная функция: адресант – эмотивная функция; адресат – конативная; контекст – референтивная функция; сообщение – поэтическая; контакт – фатическая; код – метаязыковая функция [Якобсон, 1975, с. 198–203; 1985, с. 326]. Шестикомпонентная модель Р. Якобсона «применима как для анализа языка и коммуникативных систем в целом, так и для функционального исследования отдельных речевых и коммуникативных актов и коммуникативных событий» [Кашкин, 2007, с. 95]. Столь широкая востребованность модели объясняется ее стремлением «учесть при анализе высказывания все относящиеся к нему факторы, а не только систему языка или только систему стилей, не только личность и деятельность говорящего, но и личность и деятельность тех, к кому говорящий обращает свое сообщение...» [Сидоров, 2009, с. 13]. Однако считается, что модель Якобсона в силу включения в нее фатической функции, связанной с процессом непосредственного поддержания контакта, «не подходит для описания коммуникативных ситуаций, в которых адресант и адресат разделены временем» [Москвин, 2022, с. 21].

Для риторики декодирования модель Р. Якобсона ценна своей обращенностью к контексту, играющему в декодировании объяснительную функцию, а также рассмотрением сообщения/текста сквозь призму поэтической функции, которая связана с его элокутивным потенциалом.

В. Б. Кашкин отмечает слабые места моделей сугубо линейного типа: упрощение функционального потенциала либо, напротив, введение большого количества функций; сниженная роль адресата (его значительность только в глазах говорящего); отсутствие учета общего языкового фона и общественного характера коммуникации, где наблюдается больше двух минимальных участников, как например, в случаях групповой и массовой коммуникации [Кашкин, 2007, с. 96].

Слабые стороны линейного моделирования призван преодолеть нелинейный

подход, постулирующий, что облигаторной характеристикой коммуникации является обратная связь («feedback») [Wiener, 1954, p. 24]. Возникает практика переосмысления классических моделей коммуникации. Так, «Б. Уэсли и М. М. МакЛейн-мл. распространили действие модели Шеннона – Уивера на все виды коммуникации. Они включили в модель механизм обратной связи и фильтрации, т. е. гейткипера» [Иванов, 2013, с. 427].

В качестве примера модели нелинейного типа, отражающей процессы кодирования и декодирования, нередко приводят разработанную американскими учеными Ч. Осгудом и У. Шраммом т. н. «циркулярную модель (Circular Model)» [Москвин, 2022, с. 9]. Однако целеполагающий компонент коммуникативного акта, концептуально значимый для риторических изысканий, в ней не получает отражения.

В фокусе осмысления процедур риторического декодирования представляется продуктивной модель акта речевой коммуникации, предложенная Е. В. Сидоровым [Сидоров, 2009, с. 17–20]. Она основана на учете трех основных компонентов: первичной коммуникативной деятельности; тексте (речевом произведении); вторичной коммуникативной деятельности [Там же, с. 17]. Е. В. Сидоров в ходе моделирования особое внимание уделяет системному контексту акта речевой коммуникации, куда входят: а) неречевая деятельность отправителя сообщения, продолжением которой и в интересах которой осуществляется его коммуникативная деятельность; б) неречевая деятельность адресата сообщения, продолжением которой и в интересах которой осуществляется его коммуникативная деятельность; в) условия коммуникации (наличие или отсутствие помех, использование или неиспользование технических средств, обстановка общения и др.); г) референтная ситуация – предмет или совокупность предметов, о которых идет речь [Там же].

Состав акта речевой коммуникации представлен Е. В. Сидоровым следующей схемой, где D_1 – деятельность (неречевая) отправителя сообщения; KD_1 – коммуникативная деятельность отправителя сообщения, включающая момент кодирования; T – текст (высказывание, дискурс); KD_2 – коммуникативная

деятельность реципиента сообщения, включающая момент декодирования; D_2 – деятельность (неречевая) реципиента сообщения; при учете условий коммуникации и представлении о референтной ситуации [Там же, с. 18].

Данная модель может рассматриваться как приемлемая для формирования коммуникативных оснований риторического декодирования. Однако целеполагание коммуникантов в качестве структурного компонента в ней не выражено, представлено имплицитно, что требует постоянного дополнительного комментирования при актуализации модели в аналитико-интерпретативной практике.

На первый взгляд, разработка моделей коммуникации представляется эволюционным процессом, корреспондирующим в своей динамике с историей развития лингвистической науки в целом, где «практически нет абсолютных разрывов: творцы нового всегда в той или иной мере опираются на прежние теории, перерабатывают и перетолковывают их» [Серио, 2001, с. 46]. При этом в большинстве моделей коммуникации именно язык в его текстовом воплощении рассматривается в качестве инструмента кодирования сообщения. Однако сегодня мы становимся свидетелями дискуссии, инициированной исследовательской группой Отдела теоретического языкознания и Отдела психолингвистики Института языкознания РАН, посвященной кризису языковой модели и необходимости разработки так называемой коммуникативной модели вербального процесса [Вдовиченко, 2017; Журавлев, Журавлева, 2017]. В данном случае под моделью понимается не привычная процессуальная схема, а сама система взглядов на природу коммуникации, претендующая на статус парадигмы. Основанием такой коммуникативной модели является «принципиальное утверждение, что в процессе естественного говорения/письма говорящий/пишущий совершает осмысленные (воз)действия» [Вдовиченко, 2017, с. 51]. Принципиальным отличием предлагаемого подхода является признание смысловой нетождественности вербальной формы вне личного коммуникативного действия (семиотического поступка). Кроме того, осуществляется перенос фокуса лингвистического исследования на смыслообразующее коммуникативное

действие во всех без исключения случаях использования вербального канала, устного или письменного (а также в случаях коммуникативных действий без его использования). Постулируется последовательный отказ от концепции языка как методологического принципа, признание мнемотехнической и вспомогательной функции языка как теоретического конструкта [Там же, с. 55].

Декларируемое «расставание с языком», требующее, на наш взгляд, системного обоснования, является очевидным поводом для дальнейшей дискуссии или даже полемики, но вне задач и границ настоящего исследования. Однако подчеркнем две актуальные для риторики декодирования исходные посылки, заявляемые в рамках данного коммуникативного подхода: а) «для понимания языкового знака необходим так называемый “контекст” (или конситуация)...» [Вдовиченко, 2021, с. 10]; б) «любой семиотический актор (в том числе говорящий/пишущий) осуществляет коммуникацию не с тем, чтобы употребить знаки языка, а чтобы попытаться всеми возможными способами, доступными в данных условиях, воздействовать на внешнее когнитивное состояние» [Там же, с. 12].

Помимо практики моделирования, теория коммуникации полезна риторике декодирования опытом в области изучения современного коммуникативного пространства, формируемого публичной и массовой коммуникацией. Так, энциклопедией по зарубежной теории коммуникации выступает работа Э. Гриффина «Коммуникация: теории и практики». В ней представлено более 30 исследовательских концепций: установлены их связи с научными традициями, определены ключевые концепты, указаны принципы, сильные и слабые стороны, сферы применения, затронуты этические вопросы. При этом автор группирует описываемые им теории и концепции по уровням: межличностная, групповая, публичная, массовая, кросс-культурная коммуникации. Более того, каждая авторская теория измеряется по шкале «объективная – интерпретативная» [Гриффин, 2015], что коррелирует с философской идеологией «риторического поворота», характеризующейся уходом от объективизма и движением в сторону интерпретативизма.

Контекст изучения публичной коммуникации создают теории,

сформированные в рамках риторической традиции, последовательность рассмотрения которых и демонстрирует движение от объективизма к интерпретативизму: риторика Аристотеля, концепция идентификации и драматической пентады Кеннета Бёрка, нарративная парадигма Уолтера Фишера [Гриффин, 2015, с. 397–433]. Осмысление феномена массовой коммуникации представляют теории, поддерживающие разные исследовательские традиции: медиаэкология Маршалла Маклюэна (социокультурная традиция), семиотика Ролана Барта (семиотическая традиция), культурные исследования Стюарта Холла (критическая традиция, максимальная степень интерпретативности) [Там же, с. 440–482]. Указанные теории сопоставляются на основании нахождения в них так называемых «общих нитей», представляющих собой, по сути, систему диагностических параметров: мотивация, образ собственного «я», достоверность (надежность), ожидание, адаптация к аудитории, социальное конструирование, общее значение, нарратив, конфликт, диалог [Там же, с. 651–671]. Они позволяют устанавливать близость или смежность теоретических воззрений, общие принципы, пути интеграции. В параметрическое описание риторической традиции попадают мотивация, адаптация к аудитории и достоверность (надежность) источника сообщения [Там же, с. 670], корреспондирующая с этическим образом оратора, задаваемым категорией этоса. Надежность говорящего увеличивает вероятность персуазивного эффекта его речи.

Исследование Э. Гриффина выступает для риторики декодированием одним из примеров аналитической параметризации и обнаружения общих оснований у теорий, сформированных как в различных научных традициях, так и занимающих разные места на шкале «объективная (теория) – интерпретативная».

Таким образом, теория коммуникации, выступая наследницей классической риторики, предлагает сегодня богатый опыт построения абстрактных идеализированных моделей-конструктов для формирования научных инноваций, требующий при этом своей коррекции в условиях актуальных информационно-технологических трансформаций.

Генезис моделирования речевой коммуникации демонстрирует постепенную усложненность теоретических конструктов понятием коммуникативного контекста, что позволяет обоснованно направить дальнейший исследовательский поиск по маршруту «Текст–Смысл–Контекст». Кроме того, теория коммуникации параметрически систематизирует знания о специфике публичной и массовой коммуникации, значимые для развития прикладных аспектов риторического декодирования.

Завершая разговор об узловых точках взаимодействия риторики декодирования с лингвистическими направлениями, мы естественным образом осмысливаем не только локальные, но и глобальные перспективы изучения текста. На этом пути значимым представляется следующее умозаключение: «Выстраиваемая нами парадигма современной лингвистической текстологии определяет новые векторы развития теории текста от пропозиционного и коммуникативного истолкования текста... к исследованию его когнитивно-культурологической синергетики» [Галло, Алефиренко, 2020, с. 32].

Проведенный аналитический обзор общелингвистических предпосылок формирования риторики декодирования демонстрирует, что стилистика декодирования, когнитивная лингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика и теория речевой коммуникации выступают мощными источниками теоретических положений и методологических принципов при условии их корректной взаимодополнительности и дисциплинарного синтеза.

1.4. Собственно риторические предпосылки формирования концепции

Собственно риторические предпосылки формирования риторики декодирования мы рассматриваем в качестве частного уровня научной методологии, обосновывающего возможности существования новой концепции.

1.4.1. Генезис риторического знания

Исследовательская повестка гуманитарной науки конца XX и начала XXI веков в той или иной степени определяется такой тенденцией развития мировой гуманитарной культуры, как «риторический Ренессанс», или

«возрождение риторики» (Н. А. Безменова, Т. А. Ладыженская, А. К. Михальская), «риторический поворот» (Р. Рорти), «возвращение риторики» (А. К. Авеличев), «риторический бум, всплеск» (В. И. Аннушкин), «демонтаж красноречия» (Р. Лахманн).

Традиционно риторику определяют как науку о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учетом ее особенностей и в целях получения желаемого эффекта [Авеличев, 1998, с. 10].

Известно, что риторика прошла сложный исторический путь от античности к ее неориторическому воплощению, состоящий как из периодов интеллектуального доминирования (риторика как «царица всех наук» в Древней Греции, «высшая наука управления» (Б. Латини) в эпоху Возрождения), так и «смертей» – периодов упадка, зафиксированных в Европе в начале XIX в., в России – во второй половине XIX в., а затем уже в первой половине XX столетия [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 323–328]. Историограф риторики Н. А. Безменова отмечает: «Огромный творческий потенциал риторики раскрывался на протяжении долгих веков существования европейской цивилизации» [Безменова, 1991, с. 5].

Научная судьба риторики, в том числе и российской, ее отдельные исторические этапы, а также глобальные тенденции развития подробно описаны отечественными и зарубежными философами, историографами риторики и ее теоретиками [Аверинцев, 1996; Анненкова, 2012а; Аннушкин, 1999; Апресян, 1978; Безменова, 1991; Виноградов, 1980; Волков, 1987; Вомперский, 1988; Гадамер, 1991а; Гаспаров, 1972, 1997; Граудина, Миськевич, 1989; Кассен, 2000; Лахманн, 2001; Лосев, 2000а, 2000в; Лотман, 1998; Ман де, 1999; Медведева, 1987; Михальская, 2019; Полан, 2002; Рождественский, 1999, 2003; Тодоров, 1999; Тумина, 2002; Barthes, 1970; Gaonkar, 1990 et al.].

Неориторика «возникает как ответ на усилия академического сообщества по возрождению гуманитарного дискурса, попыткам адаптировать его и сделать жизнеспособным в современных реалиях» [Косарев, 2017, с. 24]. Определение

понятия неориторики традиционно сопрягается с переосмыслением накопленных теоретико-концептуальных ресурсов гуманитарного знания. Неориторика понимается как «симптоматическая интеллектуальная тенденция Новейшего времени, влиятельная и перспективная. <...> У истоков этой тенденции эпохальные по своей значимости работы Айвора Ричардса, Хаима Перельмана, Михаила Бахтина, а в основе – восходящая к Ницше мысль о том, что риторические ухищрения не противостоят “естественному языку”, что сам живой язык непосредственно “риторичен”, и любое человеческое высказывание может представлять интерес для риторики» [Тюпа, 2010, с. 76].

Предвестником возвращения риторики на авансцену мировой науки становится публикация работы А. А. Ричардса «Философия риторики» (1936). Она актуализировала общественную значимость риторики и такого ее действенного инструмента, как метафора [Richards, 1936]. Во второй половине XX века целенаправленная деятельность по возрождению риторики ведется в США. Она сопряжена с созданием Г. Д. Лассуэллом модели массовой коммуникации [Lasswell, 1948]; с разработкой и апробацией Б. Берельсоном контент-анализа [Berelson, 1952]; с обоснованием К. Бёрком драматической методологии, основанной на понятиях идентификации, драматической пентады, мотивационных принципах стратегии искупления и выступившей стимулом развития риторической критики [Burke, 1966, 1969, 1984].

Полномасштабное возрождение неориторики принято связывать с Европой – с публикацией в 1958 году книги С. Тулмина «Использование аргумента» [Toulmin, 2003], а главным образом с изданием во Франции в этом же году трактата Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки «Новая риторика. Трактат об аргументации»¹⁴, в котором получило критическое переосмысление и развитие риторическое учение Аристотеля. Объектом неориторики, или новой диалектики,

¹⁴ Perelman, Ch. *Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Paris: Presses Universitaires de France, 1958. Далее мы обращаемся к следующему изданию этой работы: Perelman, Ch. *The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation* / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca; trans.: J. Wilkinson, P. Weaver. – Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1969.

согласно Х. Перельману, выступает «вся область высказываний, имеющих целью внушение либо убеждение, каковы бы ни были аудитория, которой они адресованы, и их предмет» [Perelman, 1977, р. 19]¹⁵. Теорию аргументации Х. Перельмана рассматривают в качестве неориторического базиса: она существенно расширила границы анализа естественных языков, оказала заметное влияние на формирование проблематики и характер аналитических процедур, оказавшихся востребованными французскими структуралистами [Авеличев, 1998, с. 15–16].

Европейская неориторика представлена различными направлениями и научными школами. Так, во Франции развивалась метариторика, представителями которой являлись структуралисты Р. Барт, Ж. Женетт, П. Куенц, Ж. Кюен, Цв. Тодоров. В Бельгии сложились аргументативная риторика, инициированная трудами Х. Перельмана, и общая риторика как результат деятельности «группы μ » – исследователей Льежского университета. В Нидерландах активно функционирует Амстердамская школа аргументационных исследований, сформированная Ф. Х. ван Еемереном и Р. Гроотендорстом.

С семидесятых годов XX века начинается и отечественный «риторический Ренессанс», обусловленный в значительной степени исследованиями Ю. В. Рождественского. Ученый устанавливает связь риторики со всеми видами словесности, выходя далеко за пределы традиционной ораторской речи, обосновывает социальную функцию риторики, считая ее залогом успеха и благоденствия общества, и определяет этические задачи языка в условиях массовой коммуникации и массовой информации [Рождественский, 1999, 2003]. Специфичность новой риторики Ю. В. Рождественский усматривает в том, что теперь «она адресована массовой коммуникации как новому виду речи» [Рождественский, 2003, с. 15]. В связи с трансформацией пространства своего функционирования риторика начинает пониматься как «искусство управления общественными процессами», которое «объясняет категории политологии

¹⁵ Перевод с французского наш. – Л. М.

и является инструментом развития экономической деятельности, образования и культуры» [Там же, с. 99]. Такой подход к сущности современной риторики, с одной стороны, эксплицирует ее метадисциплинарность, надпредметность, а с другой, отводит ей роль широкой и облигаторной практики, регулирующей общественное благополучие.

Общая идея новой риторики состоит в обнаружении таких культурных форм и практик, «которые способствовали бы социальной сплоченности без стирания различий между соперничающими силами как внутри одного социума, так и между сообществами» [Косарев, 2017, с. 24–25]. Более того, «риторика оказывает самое существенное воздействие на языковую эволюцию, хотя бы тем, что во многом именно она определяет аксиологическую ось языкового сознания» [Бухаркин, 2017, с. 47]. Риторика всегда ценностно ориентирована и оценочна, что отличает ее от многих гуманитарных дисциплин, изучающих речекommunikативные процессы.

Всплеск интереса к риторике во второй половине XX столетия, связываемой с эпохой постмодернизма, закономерен. Дело в том, что «постмодернизм был первым (и последним) направлением XX в., которое открыто призналось в том, что текст не отображает реальность, а творит новую реальность, вернее даже, много реальностей, часто вовсе не зависимых друг от друга. Ведь любая история, в соответствии с пониманием постмодернизма, – это история создания и интерпретации текста» [Руднев, 1997, с. 223]. Увлеченность построением новых миров, облакаемых в сменяющие друг друга тексты, рано или поздно требует инструментария измерения и оценки текстового воздействующего потенциала, шире – влияния виртуальных реальностей на социум. И на этом пути риторика демонстрирует широкий спектр возможностей.

Оценку масштабного функционала риторики в ее исторической перспективе осуществляет Ролан Барт (1915–1980). Он трактует риторику как метаязык (дискурс о дискурсе), состоящий из ряда практик, реализуемых в зависимости от эпохи одновременно или последовательно. Эти практики суть функции риторики, которые Р. Барт определяет следующим образом: 1) техника, то есть

«искусство» в классическом смысле этого слова, а именно – искусство убеждения, свод правил, рецептов, применение которых позволяет убедить слушателя речи (а затем и читателя произведения); 2) обучение; 3) наука или, во всяком случае, протонаука; 4) мораль: риторика является «сводом рецептов» для практических целей, с одной стороны, а с другой, – совокупностью моральных предписаний для контроля языковых «отступлений от нормы»; 5) социальная практика, связанная с признанием права собственности на речь за правящим классом; 6) игровая практика, понимаемая как возможность актуализации «черной риторики», характеризующейся играми, пародиями, непристойными аллюзиями, шутками и т. п. [Barthes, 1970, p. 173–174].

Одним из источников развития широкого подхода к риторике может быть признана концепция риторической коммуникации Б. Франц-Берингер, которая провозглашает персуазивность в качестве доминанты речекоммуникативной деятельности, направленной на изменение внешнего мира [Frank-Böhringer, 1963], осмысление которой предполагает исследовательскую многовекторность.

Мысль о полифункциональности риторического потенциала становится аксиоматическим основанием и для отечественной науки, которая постулирует, что риторика есть «деятельность, дисциплина, мировоззрение» [Михальская, 2019, с. 6].

М. И. Панов отмечает, что «после появления новой риторики, считается, что термин “риторика” должен иметь два смысла: 1) узкий – как обозначение комплексной дисциплины, изучающей ораторское искусство; 2) широкий – при котором объектом риторики становятся любые разновидности речевой коммуникации, рассматриваемые через призму осуществления заранее выбираемого воздействия на получателя сообщения. В этом случае риторика – это наука об убеждающей коммуникации» [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 473]. Воздействие как глобальное целеполагание говорящего основывается на «презумпции успешности», иначе говоря, риторика есть наука об эффективной коммуникации. Широкий подход к объекту риторического знания, аксиоматически признаваемый в науке XXI века, – это следствие научного

плюрализма как эпистемологического принципа, обеспечивающего возможность развития новых риторических концепций и направлений, включая и риторику декодирования.

Осмысление тенденций развития риторического знания не мыслится вне общелингвистического контекста. Обращенность современной науки о языке к проблемам тексто моделирования и понимания текстов есть индикатор антропоцентрического поворота в лингвистике, выдвигающего на первый план «субъективность в языке» (Э. Бенвенист), или человеческий фактор. Мысль о доминировании и значимости принципа антропоцентризма [Арутюнова, 1999; Кубрякова, 1995, с. 207, 212–216; Серио, 1993] в условиях признаваемой полипарадигмальности современной науки о языке [Алпатов, 1993; Березин, 2000; Кибрик, 1995] становится общим местом лингвистических исследований XXI столетия [Алефиренко, 2002; Бугорская, 2004; Джусупов, 2023; Катермина, 2015; Омельченко, 2012; Шаховский, 2008 и др.].

Риторика с ее выраженным интересом к человеческому фактору в языке и коммуникации сыграла ведущую роль в становлении антропоцентризма как доминирующего принципа современного лингвистического мировоззрения. Так, П. Серио в работе «В поисках четвертой парадигмы», рассуждая о научных традициях объективации отношения субъекта к языку, ссылается на риторику как источник идеологии антропоцентризма, сущность которого представлена аристотелевской триадой «говорящий – предмет речи – слушающий» [Серио, 1993, с. 39–40].

Ослабление системно-структурной парадигмы, утрата ею доминантной позиции, выдвижение и усиление таких парадигм, как когнитивная и функционально-коммуникативная, парадигмальная подвижность гуманитарной науки способствуют интеграции риторики, лингвистики, теории коммуникации. Примером таких синтетических образований отечественной научной практики выступают сегодня лингвориторика [Ворожбитова, 2005] и медиариторика [Анненкова, 2012б], находящаяся в тесном сотрудничестве с медиалингвистикой [Добросклонская, 2000, 2005, 2008, 2020].

О способности риторики к дисциплинарной интеграции рассуждал еще Р. Барт, подчеркивая, что «риторику всегда следует рассматривать в структурном взаимодействии с ее соседями (грамматикой, логикой, поэтикой, философией): исторически значимой является игра системы, а не каждая из ее частей сама по себе» [Barthes, 1970, p. 194]¹⁶. Более того, в своем стремлении к научному симбиозу риторика выходит за пределы ближайшего «соседства», результатом чего становятся биориторика [Lyne, 1990], риторика науки [Gross, 1990; После постпозитивизма, 2022, с. 317–342], когнитивная риторика [Лакофф, Джонсон, 2004; Lakoff, Turner, 1989; Fauconnier, Turner, 1994], научная риторика принятия решений [Simon, 1947; Miller, 1990].

Однако риторическая глобализация вызывает обоснованные опасения Д. П. Гаонкара, который, призывая к адекватному пониманию логики дополнительности, выступает против постоянного присутствия риторики в дискурсе других дисциплин, таких как, например, теоретическая физика, экономика, литературная критика, психоанализ. Ученый считает, что такое положение дел наводит на мысль, что риторика является дополнением к этим дискурсам, а не их составной частью. Выход из сложившейся ситуации он видит в выполнении риторикой функции средства, а не основания дискурса. При этом данная функция актуализируется в полной мере в периоды кризиса того или иного дискурса или культуры [Gaonkar, 1990, p. 360–363].

Следуя заложенной Р. Бартом традиции, мы осмысливаем онтологический и функциональный статус риторики в тесной связи с ее ближайшим соседом – лингвистикой. Ю. Н. Варзонин, разворачивая дискуссию о взаимоотношениях лингвистики и риторики, отмечает, что с античности риторика претендовала на владение универсальной моделью обработки информации, касающейся вербальной коммуникации – важнейшей и обширнейшей сферы человеческой жизнедеятельности. К XX веку функции угасающей риторики перенимает лингвистика, не выделяя при этом свою предшественницу в самостоятельный

¹⁶ Перевод с французского наш. – Л. М.

раздел. Более того, многие элементы античной риторической системы оказались перераспределенными между многочисленными дисциплинами современной лингвистики – стилистикой, прагмалингвистикой, социолингвистикой и т. п. [Варзонин, 1998а]. Таким образом, динамичное возрождение риторики, ее возвращение в арсенал «активных» наук породило проблему определения ее места в языкознании.

В. Н. Топоров, отмечая, что становление новой риторики вызвано в первую очередь лингвистическими факторами, включает ее, как и языкознание, в круг семиотических дисциплин. При этом ученый выделяет ряд общих проблем лингвистики и риторики: вариант – инвариант, типы (каталогизация и классификация), общее и частное, универсалии, сопоставление и поиск общего основания, моделирование действительности и т. п. Ученый приходит к выводу о возможностях дальнейшего сознательного контакта риторики и лингвистики, причем с пользой для последней [Топоров, 1990, с. 417].

А. А. Волков, утверждая, что «риторика – персоналистическая теория речи» [Волков, 2005, с. 5], тем самым противопоставляет ее лингвистике, но видит возможность их взаимодействия на условиях дополнительности: «...риторика дополнительна лингвистике, которая абстрагируется от личности и от конкретных обстоятельств общения» [Там же]. А. А. Ворожбитова, переосмысливая опыт дискуссий о взаимосвязи риторики и лингвистики, констатирует их паритетность и взаимодополнительность [Ворожбитова, 2005, с. 9–10].

Согласно И. В. Анненковой, «риторика сегодня <...>, поскольку в ней наличествует очень важная *аксиологическая* компонента, выступает как некое *мировоззрение*. Причины мировоззренческой направленности риторики связаны с тем, что она (риторика) подчиняет речевое поведение вербально осознанной *цели*, а его правила (нормы) – *идеалу*. То есть современная риторика – это, как принято сегодня говорить, *мультилингвистическая*, или точнее – *полигуманитарная* наука...» [Анненкова, 2012а, с. 22].

Такой широкий подход к пониманию онтологического статуса и функционала риторики, выдвигающий ее на первое место в дисциплинарной

иерархии, с одной стороны, открывает практически безграничные возможности в области развития современной риторической методологии, а с другой, – создает риск потери ее уникального предмета – эффективного текстообразования. Безусловно, сегодня онтологическое позиционирование риторики связано с признанием ее фундаментального лингвофилософского статуса, ее мощной мировоззренческой составляющей, способной влиять на аксиологическую картину мира как социальных групп, так и индивида. Однако такая характеристика, как полигуманитарность, не должна распылять, с нашей точки зрения, вполне конкретную сущность риторического знания, сконцентрированного на технологиях эффективной мыслеречевой деятельности и прогнозировании последствий речевого воздействия.

Признанная когерентность риторики создает благоприятные условия для формирования и развития новых гуманитарных теорий и направлений. Разрабатываемая нами концепция относится к тем областям научной практики, которые основываются на интеграции риторики, лингвистики и философии, союз которых зиждется на трехстороннем антропоцентрическом интересе к текстообразующей деятельности говорящего и ее результатам.

1.4.2. Классическая риторика как методологическая основа риторики декодирования

Три базовые дефиниции классической риторики – «искусство убеждать» (Платон, Исократ, Аристотель, Аполлодор), «искусство хорошо говорить» (Квинтилиан, Цицерон) и «искусство украшать речь» (средние века и раннее Возрождение) – приводят к общему пониманию риторики как искусства воздействия [Безменова, 1991, с. 16] и науки об эффективной/воздействующей (конативной) коммуникации [Катышев, 2002, с. 23–32; Эффективная коммуникация..., 2005, с. 473]. Такой широкий объект изучения, сохранившийся на протяжении двух с половиной тысячелетий, есть индикатор методологической фундаментальности риторики и ее технологической устойчивости.

Рассуждения о риторическом методе, несомненно, начинаются с обращения к наследию Аристотеля. А. Ф. Лосев, анализируя историю эстетической мысли

и философии, отмечает: «Энциклопедичность Аристотеля есть не только и не столько следствие его обширного ума и любознательности, сколько своеобразный научный метод. Аристотелевское познание рождается не в результате вторжения отвлеченной логической схемы в пассивный предмет, а в результате наблюдения, сравнения и сопоставления максимально большого числа естественных явлений. Другими словами, в основе аристотелевского метода лежит созерцательное отношение к природе как самостоятельной эйдетической, а следовательно, смысловой ценности» [Лосев, 2000б, с. 439]. Переключка с методом Аристотеля улавливается в звучащем сегодня послые «натурализовать язык, т. е. рассматривать его как естественный феномен» [Кравченко, 2021, с. 31].

К числу естественных явлений, доступных аналитическому наблюдению, относится и речевая коммуникация, сущность которой Аристотель объективирует в законе речи, диктующем цельность внешнего и внутреннего содержания, – в единстве пафоса, этоса и логоса [Рождественский, 1999, с. 98], закладывающем идеологические основания риторического анализа. Традиционный риторический анализ формируется в рамках теории классической риторики, концептуальным стержнем которой являются категории пафоса, этоса и логоса, где первая понимается как источник создания речи, вторая – как условия для ее реализации, третья – как языковое воплощение замысла речи [Там же, с. 70].

Примечателен тот факт, что при очевидной плюралистичности взглядов на риторику ее долголетие зиждется на следовании устойчивой риторической доктрине, «объединяющей в себе некоторый глобальный цикл, названный... идеоречевым. Описание и интерпретация главной риторической схемы, с бóльшим или меньшим объемом модификаций сохраненной на огромном историческом интервале, – сложная задача» [Безменова, 1991, с. 15]. Главная риторическая схема есть риторический канон, трактуемый как «интегральная программа “трансформации” идеи в слово» [Там же, с. 43]. Античный (классический) риторический канон традиционно понимается как «опробованная тысячелетиями и соответствующая общим закономерностям человеческого

мышления и речи парадигма (образец) мыслительной и речевой деятельности» [Михальская, 1996, с. 128].

Структура и содержание риторического канона подробно описаны в целом ряде работ [Barthes, 1970, p. 197–222; Авеличев, 1998, с. 11–12; Безменова, 1991, с. 22–43; Ворожбитова, 2005, с. 88–91, 123–124; Голышкина, 2008; Ключев, 1999; Копнина, Сковородников, 2016; Михальская, 1996, с. 121–165; Тюпа, 2010, с. 69–71 и др.], включая словарно-справочные издания [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 328–339; Эффективное речевое..., 2014, с. 558–559].

Известно, что традиционная структура риторического канона состоит из пяти последовательных этапов, расчленяющих действия оратора во времени: 1) инвенция (лат. *inventio*), или нахождение, изобретение мыслей; 2) диспозиция (лат. *dispositio*), или расположение изобретенного; 3) элокуция (лат. *elocutio*), или словесное оформление речи; 4) мемория (лат. *memoria*), или запоминание речи; 5) акцию (лат. *actio hypocrisis*), или произнесение речи.

Риторика сосредоточивает основное внимание на трех этапах – на создании текста от его докоммуникативного существования (инвенция, диспозиция) до речевого воплощения (элокуция). Инвенция предполагает ментальную разработку содержания текста, его концептуального сценария, формирование семантического каркаса текста. Диспозиция призвана упорядочить содержательно-смысловые компоненты текста: обеспечить его структурно-композиционную и аргументационную организацию. Элокуция есть вербализация текстового конструкта, сформированного предыдущими этапами, это собственно языковое оформление текста.

Н. А. Безменова связывает сущность канона именно с этими этапами мыслеречепроизводства: 1) идеологический анализ темы (референта) с последующей ее субкатегоризацией = инвенция; 2) линейная экспозиция референта = диспозиция; 3) вербализация референта, или собственно текстообразование = элокуция [Безменова, 1991, с. 43]. По мнению Р. Лахманн, риторический канон есть «трехэлементная модель текста» [Лахманн, 2001, с. 6].

А. А. Ворожбитова развивает понимание риторического канона в свете концепции лингвориторики, представляя его как совокупность «этапов универсального идеоречевого цикла “от мысли к слову”, восходящих к частям классической риторики, которые выступают дискурсивным способом воплощения идеологии на уровне связной речи» [Ворожбитова, 2005, с. 123].

В концепции компаративной риторики В. И. Тюпы риторический канон есть трехвекторная эпистемологическая модель коммуникативных процессов и событий, которая обеспечивает преемственность между классической и неклассической риторикой. Ученый предлагает обновленное прочтение риторического канона, связанное с отказом от «правил» как предписаний, а также с поиском закономерностей коммуникативного поведения людей в диалогическом поле взаимодействия их сознаний [Тюпа, 2010, с. 77–78]. Рассматривая проблему преемственности между старым и новым риторическим знанием, В. И. Тюпа демонстрирует дискурсивный подход к пониманию риторического канона. По мнению исследователя, «место правил “инвенции”, “диспозиции” и “элокуции” нормативной риторики прошлого занимают теперь референтная, креативная и рецептивная компетенции дискурса...» [Там же, с. 78].

Относительное единство взглядов на сущность риторического канона позволяет сделать акцент на его технологической природе. Риторический канон понимается как макротехнология производства и презентации речи, демонстрирующая универсальный идеоречевой цикл – «движение от мысли к слову» (Л. С. Выготский), как процедура, фиксирующая процесс и результат мыслеречевой трансформации. При этом каждый этап риторического канона может быть рассмотрен как отдельная технология, вносящая вклад в создание воздействующего эффекта.

Подчеркнем, что для практики кодирования важны такие параметрические показатели риторического канона, как технологичность, задающая текстовый конструкт, но не препятствующая креативности, адаптивности и гибкости в жанровом отношении.

Резюмируя интерпретации риторического канона, мы отмечаем первостепенное внимание классической риторики к феномену текста, находящее отклик в философии М. М. Бахтина, утверждающего, что «текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин, 1986, с. 484].

Таким образом, риторический канон – макротехнология эффективного текстообразования, поэтапно воспроизводящая универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову», обуславливающая практику эффективного кодирования и направляющая мыслеречевую деятельность говорящего в направлении «Смысл–Текст». Риторика декодирования, идущая в обратном направлении «Текст–Смысл», тоже эксплуатирует риторический канон, но не как практическое руководство к действию, а в качестве теоретико-методологической основы своих исследовательских построений. В контексте предлагаемой концепции риторический канон – алгоритм, задающий стратегические этапы риторического декодирования: инвентивный, диспозитивный и элокутивный.

Иначе говоря, классическая риторика решает задачи кодирования, реализуя интегральную программу «трансформации мысли в слово», эксплуатируя при этом образец эффективной мыслеречевой практики. Риторика декодирования, выполняя программу текстовой «распаковки», верифицирует утверждаемое современной филологией положение о том, что для новой риторики рецептивный аспект текстового существования является ведущим.

В риторическом каноне как в устоявшейся системе правил воплощается «глубочайший, вековой эмпиризм... и... деятельностная концепция слова» [Безменова, 1991, с. 17]. Анализируя генезис и идеологию классической риторики, Н. А. Безменова отмечает ее важнейший принцип: «Воздействие есть род деятельности; риторика, таким образом, это деятельность. Речь в риторике понимается в широком смысле как акт, направленное действие» [Там же]. Представления классической риторики о деятельностном характере мыслеречевой практики и речевого воздействия становятся в XX столетии краеугольным камнем

теории речевой деятельности, психолингвистики, коммуникативной лингвистики и, безусловно, неориторики.

1.4.3. Неориторические направления: концептуальное содержание и дисциплинарные схемы

Накопленный неориторический опыт позволяет утверждать, что «в отличие от классической риторики, которую словесное творение занимало преимущественно в его отношении к производящему текст мышлению, современная риторика переносит акцент на воспринимающее сознание, где коммуникативное событие осуществляется, актуализируется как потенциальная возможность, если адресат “поддерживает дискурс” (Фуко)» [Тюпа, 2010, с. 83]. Именно в контексте набирающей силы рецептивной идеологии оказывается возможным формирование риторики декодирования.

Интеграция новой концепции в актуальное риторическое пространство возможна при условии определения дисциплинарной схемы неориторики. Так, типологию неориторических направлений предлагает Н. А. Безменова, куда входят: 1) аргументативная риторика (Х. Перельман); 2) метариторика: а) тексты по истории риторики; б) риторическая критика (Р. Барт, Цв. Тодоров, Ж. Коен, Ж. Женетт, П. Куэнц, М. Арриве и др.); 3) общая риторика (Льежская школа неориторики: Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клинкенберг, П. Менге, Ф. Пир, А. Тринон и др.); 4) парариторика [Безменова, 1991, с. 120–121].

Под парариторикой понимают «исследования имплицитно риторические или использующие основные концепты классической риторики. Как правило, авторы таких работ на риторику не ссылаются, а иногда и вовсе знакомы с ней поверхностно» [Там же, с. 135]. Парариторическими признают прагматику, лингвоэтологию, лингвоэтнографию, психолингвистику, психологию интеллектуальных способностей, стилистику, культуру речи и т. д. [Катышев, 2002, с. 30]. А. В. Косарев, концентрируя внимание на философских концепциях и направлениях, включает в парариторику теорию речевых актов и философию языка [Косарев, 2019, с. 179].

Представленная Н. А. Безменовой в 1991 году типология неориторических направлений требует сегодня своего переосмысления.

Центральное место в неориторической дисциплинарной парадигме занимает **аргументативная риторика, или теория аргументации**, внутри которой сегодня различают три направления: риторическую теорию аргументации, логическую и диалектическую [Bench-Caron, Freeman, Hohmann et al., 2004, p. 99]. Риторическую и логическую теории связывают с именами Х. Перельмана и С. Тулмина, диалектическую, самую молодую, – с работами Ф. Х. ван Еемерена и Р. Гроотендорста, Э. Барта и Э. Краббе, а также Д. Уолтона [Eemeren van, Grootendorst, 1992, 2004; Eemeren van, 2018; Barth, Krabbe, 1982; Walton, 2013].

А. В. Косарев рассматривает три указанных направления теории аргументации сквозь призму триады «процесс убеждения – аргумент – анализ». Риторическая теория аргументации ориентирована на процесс. Оратор обращается к аудитории, на которую направлено речевое воздействие. Важно установить, как происходит процесс убеждения, какие именно техники, средства, состояние аудитории приводят в результате к убеждению, к ожидаемому эффекту. Логическая теория аргументации направлена на анализ продукта аргументации, т. е. собственно аргумента. Диалектическая теория ориентирована на анализ процедуры и призвана определить, как устраняются разногласия и какими средствами достигается соглашение сторон [Косарев, 2019, с. 180].

По мнению И. В. Анненковой, «философский проект Х. Перельмана предопределил ревизию методологического базиса риторики как теории коммуникативного воздействия» [Анненкова, 2012а, с. 8]. Неориторика Х. Перельмана, интерпретируемая им как «логика неформального суждения» [Безменова, 1991, с. 45], возникает вследствие неудовлетворенности «результатами философского поиска, осуществляемого в пределах логического эмпиризма, который не дает возможности в полной мере реализовать запросы практического разума, построить и опробовать модель для разумных практических действий» [Косарев, 2019, с. 181].

Новая риторика, источником которой является аристотелевский канон, согласно Х. Перельману, имеет главной задачей изучение всех типов аргументов, во всех типах высказываний, при любом типе аудитории. Основными понятиями теории аргументации Х. Перельмана становятся аргументация, оратор и аудитория [Безменова, 1991, с. 48]. Х. Перельман в соавторстве с Л. Олбрехт-Тытекой возродили ту часть логики Аристотеля, которую последний называл диалектикой, культивирующей такой тип умозаключений, который имеет целью убедить аудиторию в необходимости принятия того или иного решения и основан на мнении [Там же, с. 47].

По мысли Л. А. Котельниковой и Г. И. Рузавина, «Новая риторика» Х. Перельмана – заслуживающая внимания попытка возродить интерес к недедуктивным и неформальным методам рассуждений [Котельникова, Рузавин, 2001, с. 8]. Ф. Х. ван Еемерен, оценивая вклад Х. Перельмана и Л. Олбрехт-Тытеки в развитие неориторики, указывает, что «они выделили обширный список элементов, которые могут служить отправной точкой или аргументативной схемой при создании аргументации, направленной на убеждение аудитории» [Еемерен ван, 2006, с. 16]. Б. Гаррсен, коллега Ф. Х. ван Еемерена, видит заслугу бельгийских ученых в том, что «они дают описание дискурсивных приемов, которые могут успешно применяться на практике. Их целью является показать, каким образом ту или иную аудиторию можно убедить перенести вероятность истинности посылок на тезис» [Гаррсен, 2006, с. 103–104].

Таким образом, риторическая техника аргументации Х. Перельмана заключается в экспликации сущности аргумента, выявлении целевых схем аргументации, основанных на принципах ассоциации (объединения) и диссоциации (разъединения), и классификации аргументов. Последняя состоит из нескольких подтипов: квазилогическая аргументация; аргументация, основанная на структуре действительности; аргументация, устанавливающая структуру действительности [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 193–404].

Особое место в концепции Х. Перельмана отводится аудитории. Наблюдается отход от классической традиции в понимании частной, или особой

(*particulier*), аудитории как конвенционального сообщества. Базисный аргумент универсальной аудитории и классического идеала познания «*ad rem*» («по существу») заменяется аргументом «*ad hominem*» («к человеку»), апеллирующим к мнению и чувствам человека [Анненкова, 2012а, с. 9]. Кроме того, для развития аргументации необходимо нахождение отправной точки аргумента, общей для аудитории и оратора [Косарев, 2019, с. 186]. Таким образом, учение Х. Перельмана формирует новое понимание аудитории, основанное на признании интеллектуальной связи между говорящим и слушающим.

Проблематика аргументативной риторики Х. Перельмана значительно расширилась за счет исследований таких ученых, как Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, А. Ф. Снук Хенкеманс, Б. Гарссен, М. А. ван Реес, П. Хоутлоссер и других, сформировавших Амстердамскую школу теории аргументации. Научное сообщество Амстердамского университета развивает прагматодialeктический подход к анализу аргументативного дискурса в контексте общей теории аргументации¹⁷. Данный подход основан на совмещении элементов диалектики с нормативным построением теории. Ученые исходят из предположения, что аргументация является частью критической дискуссии, нацеленной на разрешение различий во мнениях. В центре их внимания – модель критической дискуссии, которая служит эвристическим инструментом в ходе аналитической реконструкции и оценочным инструментом в процессе критической оценки. Объектом аргументации в прагматодialeктической теории является «точка зрения», речевой процесс выдвижения которой характеризуется понятием речевого акта и понятием условия успешности, которые включают в себя условие идентификации и условие правильности [Хоутлоссер, 2006, с. 39–42]. В смежном проблемном поле и схожем теоретическом ключе развивают свои концепции Э. Барт, Э. Краббэ, Д. Уолтон и другие.

¹⁷ См. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 296 с.

В рамках прагматодialeктического подхода обращает на себя внимание обоснованный и широко апробированный амстердамцами метод реконструкции аргументации [Eemeren van, Grootendorst, Jackson et al., 1993], который представляется актуальным при разработке аналитических процедур риторики декодирования, а также предложенная типология структур аргументации [Снук Хенкеманс, 2006], способная выступать инструментом изучения текстообразующих процессов.

Важной компонентой дисциплинарной схемы неориторики является **литературная риторика** – направление, инициированное «группой μ » – исследовательско-преподавательским сообществом Льежского университета (Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж. М. Клинкаенберг, П. Менге, Ф. Пир, А. Тринон), издавшим в 1970 году коллективный труд «Общая риторика». Вдохновленные риторическим наследием Аристотеля и структуралистскими работами Р. Якобсона по теории фигур, исследователи считали целью общей риторики анализ механизмов преобразований языка в литературе, прежде всего в поэзии [Дюбуа, Эделин, Клинкаенберг и др., 1998, с. 53].

Как отмечает А. К. Авеличев, выбор литературного текста в качестве объекта риторического анализа обусловлен, во-первых, пристрастием французского структурализма к проблемам художественного (поэтического) языка. Во-вторых, стоящим за этим выбором представлением о литературе как об особом использовании языка. В-третьих, возможностью эксплуатировать моделирующие способности литературы, имитирующей определенные типы коммуникации, что открывает доступ к самым различным типам контекстов [Авеличев, 1998, с. 17–19].

«Группа μ », переосмысливая такие базовые понятия теории художественной речи и стилистики, как «норма» и «нарушение», доказывает очевидность рассмотрения поэтического языка как отступления от нормы, подчеркивая нереперенциальность поэтической речи как средства коммуникации. «Можно сказать..., что содержащееся в ней сообщение адресовано ей самой и эта “внутренняя коммуникация” есть не что иное, как основной принцип

художественной формы» [Дюбуа, Эделин, Клинкаберг и др., 1998, с. 46]. Поэтому авторы «Общей риторики» чаще говорят о преобразовании, или видоизменении, языка, или о кодовых отклонениях в художественной речи. По мнению А. К. Авеличева, «не отвергая... факта сознательных нарушений языковой нормы в качестве одной из характерных особенностей художественной речи, теория общей риторики перемещает центр своего внимания на выявление типов этих нарушений и соответствующих им механизмов обеспечения понимания» [Авеличев, 1998, с. 21].

Продуктивным для становления риторики декодирования видится обращение «группы μ » к функциональной модели коммуникативного акта Р. Якобсона как к теоретическому основанию концептуального построения. При этом лжецы устанавливают иерархию предложенных Р. Якобсоном функций и выдвигают на первое место такой компонент модели коммуникативного акта, как сообщение, которое они понимают как «результат взаимодействия пяти основных факторов, а именно, *отправителя* и *получателя*, входящих в *контакт* посредством *кода* по поводу *референта*» [Дюбуа, Эделин, Клинкаберг и др., 1998, с. 54]. Исследователи переименовывают поэтическую функцию, закрепленную за сообщением, в риторическую, отмечая ее трансцендентность как способность влиять на функционирование самых различных аспектов языкового процесса [Там же, с. 54–55].

Ядром концепции «группы μ » является классификация метабол как всевозможных изменений, касающихся любого аспекта языка. Метаболы включают в себя метаплазмы, метатакис и метасемемы, охватывающие все поле кодовых отклонений; металогизмы имеют непосредственное отношение к преобразованию референциального содержания. Точнее говоря, метаплазмы охватывают область фигур, изменяющих фонетический и/или графический облик языковой единицы; метатакис связан с областью фигур, трансформирующих структуру предложения; метасемемы есть операции на семантическом уровне языковой единицы; металогизмы представляют собой логические операции, которые не подчиняются лингвистическим ограничениям. По сути, исследователи

ставят перед собой стратегическую задачу, которая актуальна и для риторики декодирования, – составление инвентаря единиц членения дискурса. При этом для определения границ между четырьмя основными типами метабол предлагается одновременно использовать следующие дихотомии: 1) по признаку означающее/означаемое; 2) по уровню, к которому относится единица, – слово/предложение (и более крупные единицы) [Там же, с. 56, с. 65–67]. Кроме того, для формирования аналитических процедур риторики декодирования имеет значение и представленная во второй части исследования систематизация фигур, связанных с отправителем и получателем сообщения, а также фигур повествования [Там же, с. 281–347].

Мысль о том, что «риторические фигуры, то есть результат применения четырех базовых операций, встречаются не только в рамках языковой коммуникации» [Там же, с. 57], открывает перспективы экстраполяции разработанных риторических процедур на визуальную и аудиовизуальную коммуникацию (произведения изобразительного искусства, сценический, кинематографический, рекламный, электронный и другие дискурсы).

Проделанная работа по классифицированию метабол приводит «группу μ» к формированию теории этоса, понимаемого как «аффективное состояние получателя, которое возникает в результате воздействия на него какого-либо сообщения и специфические особенности которого варьируются в зависимости от нескольких параметров. Среди этих параметров важное место должно быть отведено самому получателю сообщения» [Там же, с. 264].

А. К. Авеличев полагает, что «в теории метабол и теории этоса заключена практически вся стратегия построения, воспроизведения и восприятия убеждающей речи любого типа» [Авеличев, 1998, с. 22], что оправдывает заявленный статус данного направления – общей риторики.

В истории литературной риторики особое место занимает теоретическое наследие американского литературного критика У. К. Бута, представленное такими его работами, как «Риторика художественной литературы» (*The Rhetoric of Fiction*) [Booth, 1961] и «Современная догма и риторика согласия» (*Modern*

Dogma and the Rhetoric of Assent) [Booth, 1974], которые актуализируют аксиологические аспекты риторического знания. основополагающая работа У. К. Бута «Риторика художественной литературы» развивает и доказывает тезис о том, что любое повествование (narrative) – это одна из форм риторики. Исследователь исходит из того, что аргументация автора в защиту различных своих интересов (commitments), как неэксплицированных, так и явных, предопределяет нашу реакцию на его произведение [Booth, 1961, p. 71]. Бóльшая часть этих интересов, по Буту, опирается на мораль и моральность. В работе «Современная догма и риторика согласия» У. Бут актуализирует вопрос о том, какие обстоятельства заставляют человека менять свою точку зрения и что происходит в ситуациях, когда в споре сталкиваются два диаметрально противоположных мировоззрения [Booth, 1974]. Актуализация и рассмотрение У. К. Бутом этических, аргументационных, контекстуально обусловленных проблем речевого взаимодействия вносят вклад в развитие общей теории понимания.

Литературная риторика в разных ее аспектах получает активное развитие в работах ведущих отечественных ученых, таких как С. С. Аверинцев, П. Е. Бухаркин, М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев, Ю. М. Лотман, И. В. Силантьев, В. Н. Топоров, В. И. Тюпа. Так, П. Е. Бухаркин исследует феномен постриторической культуры, воплощенный преимущественно в русской литературе XIX века, тяготеющей к реализму [Бухаркин, 2001]. И. В. Силантьев, синтезируя традиции нарратологии и дискурсологии, обосновывает риторику дискурсных смещений как аналитическое направление, выявляющее риторические принципы и специфику дискурсивной природы современной газеты и современного романа [Силантьев, 2006]. В. И. Тюпа работает в русле компаративной риторики, развивая ее как менталитетную компаративистику – основанное на таксономии менталитетов направление, изучающее ментальные преобразования культуры как исторические явления [Тюпа, 2010, с. 11–48].

В дисциплинарную схему современной риторики П. А. Катышев, помимо названных направлений, включает риторическую герменевтику и этнориторику [Катышев, 2002, с. 30].

Риторическая герменевтика понимается как учение, рассматривающее феномен понимания как важный фактор интенсификации (усиления) речевого воздействия [Александрова, 1987, с. 71]. Риторическая герменевтика оперирует понятием риторического понимания как «умения осознавать субъективную составляющую высказывания для исполнения ответного действия или оценки воздействующего потенциала стимула» [Катышев, 2018а, с. 75]. Соответственно, проблематика современной риторической герменевтики формируется при осмыслении речекоммуникативных процессов перцепции и интеракции [Там же].

Риторическая герменевтика наглядно демонстрирует свой методологический потенциал в области интерпретации текстов права и рассматривает следующие традиционные вопросы: 1) проблема смысла слов; 2) замысел автора (намерение законодателя) и цель создания текста (закона); 3) объективное и субъективное содержание текста. При этом достижение понимания юридического текста возможно путем использования методов риторики, в частности топического, предполагающего, что языковое выражение нормы права соотносится с тем или иным топосом [Соболева, 1997]. Такой подход выступает основанием для развития практики топической юриспруденции [Соболева, 2001].

Потребность в выделении **этнориторики** возникает в ходе осознания различий национально-культурных традиций речевого общения и поведения и необходимости налаживания успешного межкультурного взаимодействия. А. К. Михальская, определяя этнориторику как область изучения эффективности общения в свете проблем этнической идентичности и национально-культурного разнообразия речевой коммуникации, рассматривает ее в качестве составной части общей риторики [Михальская, 1996, с. 38–39]. П. А. Катышев включает этнориторику в ядро теории конативного общения и связывает с этим

направлением развитие прикладных аспектов интегративного риторического знания [Катышев, 2002, с. 31].

Особое место в парадигме неориторических направлений занимает **риторическая критика**, получившая интенсивное развитие в XX столетии, прежде всего в США, и продолжающая сегодня свое существование [Black, 1965; Borchers, 2006; Foss, 2004; Jasinski, 2001; Endres, Hess, Middleton et al., 2016; Nichols, 1963; Wichelns, 1958 et al.]. Зарождение риторической критики связывают с публикацией статьи Герберта Вичелнза «Литературная критика ораторских речей» (1925). Интенсивное развитие риторической критики начинается в 1950–1960-е гг. XX в. после выхода в свет книг Э. Блэка и М. Николс. Утверждение риторического критицизма как новой аналитической практики ознаменовывает «идеологический поворот» в риторике [Будаев, 2016, с. 210].

Спектр задач, закрепляемых за риторической критикой, многообразен и различается разной степенью категоризации: это и описание, и анализ, и интерпретация, и оценка. Целеполагание риторической критики есть «выявление зависимостей структурных элементов речи от замысла (цели) ратора, а также от взаимосвязей между различными элементами (факторами) речи» [Смолененкова, 2005, с. 12], что свидетельствует об актуализации структурно-функционального подхода в аналитической деятельности.

Э. В. Будаев, осмысливающий феномен политической коммуникации, отмечает, что в задачи «критиков» входит «сделать невидимое видимым»: выявить скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов, обнаружить имплицитное в риторических фактах; выяснить, как риторика влияет и передает культурные стереотипы и ценности. Иначе говоря, риторическая критика нацелена на изучение того, как символические функции реализуются в текстах и посредством текстов [Будаев, 2016, с. 211].

Л. Мэй выделяет особую задачу риторической критики, имеющую метапредметный характер: она «распространяет и обогащает риторические теории, которые являются совокупностью правил и норм речи, принципов

риторических стратегий. Риторическая критика применяет эти нормы и принципы для анализа конкретных культурных феноменов» [Мэй, 2019, с. 450].

Попытки определить сущность риторической критики можно свести к ее пониманию как методологического течения, объединяющего вокруг себя исследования, цель которых состоит в разработке и систематизации процедур, направленных на анализ и оценку воздействующего потенциала и эффективности письменных и устных текстов [Александрова, 1987, с. 71; Катышев, 2002, с. 30; Медведева, 1987, с. 99].

На первый взгляд, такие исследовательские установки можно экстраполировать и на риторику декодирования. Выход из ситуации понятийной неопределенности видится в определении объектно-предметных границ исследования риторической критики и риторики декодирования.

По мнению В. В. Смолененковой, «объектом, или предметом, риторической критики является риторическое произведение (речь) как сложное целое идейно-тематического (замысел и содержание), фактуально-информативного (содержание), структурно-логического (логика), композиционного (композиция), функционально-стилистического (стиль), паралингвистического (фонация и кинесика) уровней в совокупности с характеристиками личности ратора, непосредственной аудитории, историко-политического фона и последствий, вызванных данным публичным выступлением» [Смолененкова, 2005, с. 7–8]. Такой объектно-предметный синкретизм, на наш взгляд, предельно расширяет границы действий риторической критики.

П. А. Катышев разделяет объект и предмет риторической критики, рассматриваемой в качестве специальной (профессиональной, экспертной либо творческой) деятельности, направленной на понимание и оценку речевого воздействия¹⁸. Объект ученый формулирует следующим образом: «к нему можно отнести любой целесообразный продукт человеческой дискурсивной

¹⁸ П. А. Катышев различает риторическую критику как теорию и методологию квалифицированного понимания коммуникативных артефактов (РК₁) и риторическую критику в указанной трактовке (РК₂). Соответственно, предметом РК₁ выступает РК₂ [Катышев, 2018б, с. 19]. Далее представлены объект и предмет РК₂.

деятельности, но в первую очередь к нему причисляют публичную речь» [Катышев, 2018б, с. 19]. Предмет риторической критики, согласно П. А. Катышеву, – воздействующий потенциал сообщения, связанный прежде всего с использованием закономерностей и уровней его организации для изменения сознания и поступков адресата [Там же].

Риторику декодирования и риторическую критику, бесспорно, объединяет исследовательский интерес к воздействующим возможностям текста. Однако очевидно, что в части определения объекта/предмета изучения риторическая критика явно шире риторики декодирования, которая сосредоточена преимущественно на механизмах текстообразования, что позволяет последней претендовать на автономность.

Анализируя опыт американской риторической критики, В. В. Смолененкова отмечает практику разграничения самого публичного выступления и его последствий путем использования понятий риторического акта и риторического артефакта, которые выступают объектом риторико-критической деятельности [Смолененкова, 2005, с. 8]. Риторика декодирования избегает такого «двойного» выдвигания объекта: она сосредоточена на тексте как источнике информации о текстообразовании и субъекте, реализующем его, обращение к последствиям риторического акта выполняет верифицирующую функцию, но не составляет сферу ее прямых аналитических интересов.

Приведенные выше формулировки объекта/предмета риторической критики свидетельствуют о проблематичности установления его границ. В. В. Смолененкова выделяет общую тенденцию в трактовке объекта риторической критики: «расширить область приложения риторической критики до любого продукта человеческой деятельности... При таком подходе объектом риторической критики может стать не только речь, но и фильм, спектакль, реклама, картина, музыкальная пьеса. Целеполаганием может быть не только убеждение, но и информирование, описание, развлечение и др. В этом случае риторическая критика становится *наукой об отношении средств к замыслу*, а ее задачей – определить насколько эффективны были отобранные автором средства

в данной ситуации для достижения его замысла» [Там же, с. 7]. Другими словами, риторическая критика – *«филологическая дисциплина, которая изучает отношение слова к мысли»* [Смолененкова, 2016, с. 23].

Исследовательскому вектору «от слова к мысли» следует и риторика декодирования. При этом точкой пересечения интересов риторической критики и риторики декодирования выступает категория эффективности. Однако поскольку основными генетическими источниками риторики декодирования являются классическая риторика в союзе с лингвистикой текста и лингвистической прагматикой, а риторическая критика «выросла не столько из риторики, сколько из литературной критики» [Там же, с. 25], то путь «от слова к мысли» сопоставляемые дисциплины преодолевают с помощью не тождественного методологического инструментария.

Говоря о методах риторической критики, отмечают, что «обычно анализ проводится с помощью подробного текстуального анализа и исследования исторического и культурного контекста текстов» [Будаев, 2016, с. 211]. В качестве иллюстрации указанных способов анализа риторической критики Э. В. Будаев приводит исследования Г. Стелцнера и К. Бёрка. Первая работа посвящена подробному пословному анализу выступления Ф. Рузвельта от 8 декабря 1941 г. Она ближе к детальному текстуальному анализу. В статье К. Бёрка «Риторика гитлеровской “Борьбы”» больше внимания уделяется символизму фашистского текста на фоне историко-культурного контекста и трансформации религиозной риторической модели в политической коммуникации [Там же].

В. В. Смолененкова конкретизирует понятие текстуального анализа и представляет следующий арсенал методов риторической критики: неоаристотелианский, жанровый, феминистический, метафорный, нарративный, фантазийно-тематический, драматический, метод внимательного прочтения и другие. При этом акцентируется внимание на близости риторической критики к языкознанию и тем лингвистическим дисциплинам, которые изучают функционирование языка, речи, высказывания как акты коммуникации [Смолененкова, 2005, с. 10]. Последнее утверждение открывает доступ

риторической критике практически к любому лингвистическому методу – от стилистики и семантики до социо- и психолингвистики, что свидетельствует о методологической многомерности или даже неустойчивости данной исследовательской практики. П. А. Катышев предпочитает говорить не о методах, а об аналитических процедурах риторической критики и приводит их внушительный список – от интент-анализа до интроспективного анализа [Катышев, 2018б, с. 20].

Методологическая синкретичность характерна и для риторики декодирования, однако все ее исследовательские построения имеют облигаторную методологическую основу – процедуру лингвориторической реконструкции текстообразования.

Близость риторической критики и риторики декодирования наблюдается в фокусе категории субъекта аналитико-интерпретативной деятельности. Так, П. А. Катышев связывает риторическую критику с дискурсивной деятельностью квалифицированного субъекта, профессионального лица, оценивающего воздействующий потенциал и целесообразность речевого акта [Там же, с. 18]. Риторическое декодирование требует подобного типа субъекта в практике реконструкции текстообразования.

Таким образом, на оси неориторических дисциплин риторика декодирования располагается рядом с риторической критикой. Такое соседство объясняется общим вектором движения «от средств к замыслу», обращенностью к лингвистике как источнику общеметодологических решений и схожим спектром характеристик риторического критика и декодирующего как субъектов аналитической практики.

В дисциплинарной схеме современной риторики требует определения своего места и **лингвориторика**, реализующая анализ текстов литературно-художественной коммуникации посредством интегративного лингвориторического подхода. «Последний формируется на пересечении трех категориальных рядов: Этос, Логос и Пафос (нравственно-философское, словесно-мыслительное и эмоциональное начала речи) как идеология любого

речевого поступка; уровни структуры языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный, по Ю. Н. Караулову) как носителя идеологии; этапы универсального идеоречевого цикла “от мысли к слову” (инвенция, диспозиция, элокуция) как способы экспликации идеологии в дискурсивно-текстообразующем процессе» [Ворожбитова, 2013, с. 15–16].

Лингвориторика активно развивается в рамках деятельности Сочинской научной школы «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты», основателем и руководителем которой является А. А. Ворожбитова [Ворожбитова, 2000]. Интегративный лингвориторический подход демонстрирует свои возможности в изучении: фольклорных дискурс-практик [Соборная, Ворожбитова, 2005]; художественного прозаического текста [Киреева, 2012]; русского научно-фантастического дискурса XX века [Стасива, 2010]; языковой и литературной личности [Субботина, 2011]. В последние годы Сочинская лингвориторическая школа демонстрирует выход за пределы литературно-художественной коммуникации в область нехудожественных дискурсивных практик [Зубарев, Ворожбитова, 2022; Хабаров, Ворожбитова, 2022].

Лингвориторика становится для риторики декодирования примером методологического синтеза, в котором задействованы базовые категории классической риторики, теория языковой личности Ю. Н. Караулова и элементы теории речевой коммуникации (в частности, модель коммуникативного акта Р. О. Якобсона), что в итоге позволяет создать модель литературного произведения как поэтико-герменевтической структуры (подробнее [Ворожбитова, 2005, с. 314]).

Для становления риторики декодирования большое значение имеет опыт **медиариторики**. Термин «медиариторика» введен в научный обиход С. А. Шомовой в значении метода изучения политической коммуникации [Шомова, 2003]. Обоснование статуса медиариторики как самостоятельного научного направления осуществлено в диссертационном исследовании И. В. Анненковой [Анненкова, 2012б]. Проблематика медиариторики получает развитие как в работах, эксплицирующих медиариторический категориальный

и понятийно-терминологический аппарат [Аннушкин, 2019; Скокова, 2021; Хафизова, 2021 и др.], так и в исследованиях, относящихся к смежным с медиариторикой направлениям, таким как медиалингвистика, коммуникативная и политическая лингвистика (см. [Васильева, Коцюбинская, 2025; Добросклонская, 2008; Иссерс, 2015, 2024; Лукашевич, 2020; Минаева, 2019; Руженцева, 2024 и др.]).

Медиариторика – это новая¹⁹ прикладная неориторическая дисциплина [Анненкова, 2012б, с. 16], частная риторика языка СМИ [Там же, с. 6] В. И. Аннушкин уточняет, что медиариторика есть «область частной риторики, исследующая теорию и искусство построения речи в области медиатехнологий, как правило, в сфере массовой коммуникации (радио, телевидение, массовая пресса, Интернет, различные виды новых “дисплейных” коммуникаций)» [Аннушкин, 2019, с. 24].

В центре интересов медиариторики находится неориторическая модель дискурса и представленная в нем картина мира. Неориторическая модель дискурса «отражает его с точки зрения соотношения в нем основополагающих риторических категорий (этоса, логоса, пафоса), аксиологической соотнесенности с риторическими канонами и риторическим идеалом, а также характеризует его праксиологическую составляющую» [Анненкова, 2012б, с. 34]. Медиариторика переосмысливает содержание классических риторических категорий, расширяя и обогащая их теорией массовой коммуникации и неориторической теорией аргументации. Так, пафос медиадискурса воплощается в генеральной перлокутивной идее его текстов, называемой риторической модальностью. Логос реализуется в основных стратегиях дискурсивной деятельности средств массовой информации, которые сводятся к различным типам интерпретации и аккумулируют все признаки постмодернистской культуры готового слова. С этосом в медиадискурсе связывают риторическую позицию журналиста,

¹⁹ В период 2010-х годов.

формирующую его индивидуальный или коллективный образ, характеризующийся сегодня протеистичностью [Там же, с. 34–35].

Медиариторика демонстрирует ценный опыт интерпретации классического риторического знания применительно к новым информационно-коммуникационным условиям. Важно отметить, что медиариторика обосновывает возможность экстраполяции риторических исследовательских процедур на медиатекст как феномен персуазивно-перлокутивной природы, обладающий изначальной риторичностью [Там же, с. 11–12], что верифицирует выбор риторикой декодирования медиатекста в качестве основного эмпирического материала. Медиариторика создает нужный для риторики декодирования исследовательский контекст, в котором риторичность медиатекстов приобретает аксиоматический характер. Кроме того, медиариторика провозглашает полигуманитарность в качестве исследовательского принципа, продиктованного сложностью и многомерностью ее предмета исследования – языка СМИ в его ментально-дискурсивном движении, что учитывается и в концепции риторики декодирования.

Обзор неориторических дисциплин представляет и А. Б. Бушев [Бушев, URL], развивая, по сути, тезис о всеохватности риторического знания, его применении в самых разных областях человеческой жизнедеятельности и профессиональной практики: в педагогике, научном общении, дипломатии, сфере паблик рилейшнз, в политической психологии и психологии информационного противоборства, в исследовании общественного и публицистического дискурса и т. п. Исследователь акцентирует внимание на судебной риторике, политической риторике, педагогической риторике, аргументологии, а также на психологическом направлении в риторике, основанном на работах Д. Карнеги и К. Э. Рудестама. Выделяет А. Б. Бушев и теоретическое направление, представленное исследованиями С. С. Аверинцева, Т. В. Анисимовой и Е. Г. Гимпельсон, Н. А. Безменовой, С. Ф. Ивановой, Н. Н. Кохтева, А. К. Михальской, В. Н. Радченко, О. А. Сычева, В. Н. Топорова, Т. Г. Хазагеров и других [Там же]. Очевидно, что данный обзор основан

на дихотомии «теоретические – прикладные дисциплины», что вписывается в традиционный для риторики систематизирующий подход с выделением общей и частных риторик. При этом внимание исследователя сосредоточено преимущественно на кодирующем аспекте риторической деятельности.

Обзор конфигураций дисциплинарных схем неориторики наглядно демонстрирует, что «новая риторика развивается в фундаментальное учение о коммуникативных ситуациях, процессах, актах и событиях, составляющих действительность культурного присутствия человека в мире» [Тюпа, 2010, с. 79]. Такой высокий статус неориторике обеспечивает философский фундамент и общеметодологическая лингвистическая поддержка.

Особую структуру современной риторики, возникшую как результат пересмотра содержания новых подходов к решению вечных проблем речевого воздействия и выдвижения на первый план прикладных аспектов, предлагает П. А. Катышев. Исследователь выделяет:

1) теорию конативного общения, которая складывается в результате синтеза этнориторики, прагматически ориентированных парариторических концепций, психолингвистики, метариторики как направления, обобщающего исторический опыт риторики; кроме того, теория конативного общения может включать теорию ратора, риторическое построение, риторическую герменевтику, речевое взаимодействие как часть прагмалингвистики;

2) приложения теории конативного общения (так называемые «частные риторики», структурируемые сообразно практической задаче);

3) процедуры риторического анализа (так называемая «риторическая критика»; это направление носит междисциплинарный характер, поскольку ведает поисковыми приемами, имеющими значение как для теоретических, так и для оптимизирующих задач риторики) [Катышев, 2002, с. 31–32].

Рассмотренная структура эксплуатирует дихотомию «теоретические – прикладные дисциплины», трансформируя ее в трихотомию «общая теория риторики – частные риторики – инструментальные риторики». На первый взгляд, риторика декодирования по своей методологической сущности тяготеет к третьей

группе, поскольку предлагает операциональный исследовательский инструментарий, привлекает для решения своих задач разработки разных лингвистических направлений, прежде всего лингвистики текста и лингвопрагматики, участвует в решении прикладных задач, связанных с выявлением текстообразующей специфики и мониторингом текстовой эффективности. При этом развиваемые риторикой декодирования когнитивно-коммуникативные, семиотические, структурно-композиционные аспекты текстообразования выводят ее из сугубо инструментальной плоскости в область теории конативного общения.

Завершая разговор о месте риторики декодирования в схемах междисциплинарного взаимодействия, мы констатируем, что предлагаемая нами концепция развивается в благодатном научном контексте, сформированном мощным неориторическим опытом. Риторика декодирования демонстрирует тесное содружество с теорией аргументации, риторической критикой, лингвориторикой и медиариторикой, а также с литературной риторикой в связи с решением частной задачи выявления ресурсов орнаментализации. При этом риторика декодирования формирует свое объектно-предметное пространство, обосновывает и развивает собственный метод исследования.

1.5. Риторика декодирования: проблемная ситуация, понятие, объект

Концептуальное представление риторики декодирования начинается с переосмысления исследовательской посылки, выдвинутой К. Поппером: «...мы никогда не начинаем с наблюдений, а всегда с *проблем* – либо практических проблем, либо проблем *теории, столкнувшейся с трудностями*» [Поппер, 2002, с. 249]. Формирование любой научной инновации предполагает разрешение той или иной проблемной ситуации, возникновение которой «свидетельствует прежде всего о наличии трудности, связанной с противоречием или несоответствием старых методов объяснения новым фактам, открытым в результате экспериментов или систематических наблюдений» [Рузавин, 2005, с. 23]. Обычно проблемную

ситуацию связывают с некоторым предпосылочным, или фоновым, знанием, которое принимается как заранее заданное [Там же, с. 22].

Фоновый контекст, определяющий **проблемную ситуацию** риторики декодирования, характеризуется сменой общериторического вектора, направленного на обновление идеологических установок, теоретического базиса и методологического инструментария, – от говорящего к слушающему, от продуцирования к рецепции, от синтеза к анализу. Следуя К. Попперу, мы констатируем **теоретическую проблему**, решение которой видится в обосновании, построении и апробации новых риторических концепций при сохранении классического риторического фундамента как минимум в качестве общеметодологической или интерпретативной основы.

В ходе осмысления проблемной ситуации важно учитывать, что неориторическая активность связана с постмодернистским временем, которое реабилитирует традиции в их альтернативных вариантах, что «имеет своим опять же вполне естественным следствием перенос внимания на человека как субъекта удовлетворения/неудовлетворения» [Паршин, 1996, с. 23]. Риторика декодирования выступает прямой иллюстрацией данного утверждения: она фокусирует внимание на человеке (на воспринимающем) и помещает классическую риторическую теорию в контекст современного лингвокоммуникативного знания, трансформируя и обновляя ее.

Риторика декодирования складывается в тех условиях, где «формообразующей силой, заключенной в средствах коммуникации, являются сами эти средства» [Маклюэн, 2019, с. 33–34], реализующие свой потенциал в медиатекстах. Под медиатекстом понимают «актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская, 2020, с. 30]. Как отмечалось выше, интерес к функционированию языка в медиа оформился в такое научное направление, как медиалингвистика. Мы наблюдаем активацию внимания к проблеме риторизации современного медийного пространства, решение которой связано с поисками

новых форм коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата, усложнением способов репрезентации массмедийного дискурса, осмыслением роли говорящего и воспринимающего, вовлеченных в процессы трансформации социокультурной реальности. Сегодня «риторизация, решая задачу реализации и развития творческой личности, формирования особого типа убеждающего дискурса, в то же время актуализирует вопрос о возрастании удельного веса личности как агента влияния в процессе медиатизации, модификации и совершенствования практики латентного и явного речевого воздействия в медиатексте» [Панова, 2019, с. 485].

Теория медиатекста формируется в трудах А. Белла [Bell, 1991], Д. Кристала [Crystal, 2006], М. Монтгомери [Montgomery, 1995], Р. Фаулера [Fowler, 1991], Н. Фейерклафа [Fairclough, 1989], а также Т. ван Дейка [Дейк ван, 2014], где тексты массовой информации рассматриваются с позиции различных школ и направлений, таких как социолингвистика, когнитивная лингвистика, теория дискурса (включая и критический дискурс-анализ), контент-анализ, функциональная стилистика, риторическая критика. Исследование медиатекста актуализирует широкий круг вопросов: от описания различных типов медиатекстов до влияния медиаречи на различные сферы социокультурной практики и изучения способов репрезентации доминирования в языке и коммуникации, обуславливающих характер отношений власти и общества.

Осмысление феномена медиатекста в отечественной научной практике связано в первую очередь с выявлением, описанием и систематизацией его сущностных признаков [Добросклонская, 2005, с. 182–183; Дзялошинский, Пильгун, 2011, с. 7–167; Засурский, 2008; Казак, 2012, 2014; Коньков, 2015; Солганик, 2005; Хорольский, 2013], с изучением его дискурсивных характеристик [Карасик, 2024]. В параметрическое поле медиатекста включают такие признаки, как медийность; массовость; интегративность (поликодовость); вторичность; одноразовость, невозпроизводимость; смысловая незавершенность, открытость для многочисленных интерпретаций, массмедийная интертекстуальность; коллективное производство; ограниченный, минимизированный характер

обратной связи [Казак, 2012, с. 320–323]; утилитарность как включенность текста в общую практическую деятельность общества [Коньков, 2015, с. 174]; эмерджентность как превращение множества стандартных текстов в типовые мегадискурсы [Хорольский, 2013, с. 77]. Массмедийность как интегративное качество медиатекста связывается с действием комплекса принципов: технологичности, актуальности, тиражирования, аудитории, повторения, наращивания временного потенциала, продвижения, интертекстуальности, мультимедийности, интерактивности и других [Полонский, 2015].

Ю. В. Рождественский обращает внимание на генетически обусловленную вторичность медиатекстов: «Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются “первичными”. В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла» [Рождественский, 1996, с. 239]. Вторичность медиатекста получает косвенное отражение в одном из базовых положений диссертационного исследования И. В. Анненковой: «Современная медиацентричная эпоха может быть названа *культурой готового слова*» [Анненкова, 2012б, с. 35].

На природу медиатекста проливают свет и попытки типологизировать его многообразие в СМИ [Рябуха, 2020; Чернышова, 2015; Чернявская, 2013], обнаружить в его структуре техники постмодернистского письма, основанные на интертекстуальности и игровых стратегиях [Сметанина, 2002], описать его композиционные воплощения [Ленкова, 2011] и т. п. Специфика медиатекста выявляется и в ходе изучения идиостилевых коммуникативно-когнитивных особенностей текстовой деятельности информационно-медийных языковых личностей разных типов [Болотнов, 2016]. Кроме того, критерии медиатекстуальности получают осмысление при изучении лингвокогнитивных особенностей газетно-публицистических текстов [Чернышова, 2005]; лингвосоциокультурных составляющих газетного журналистского текста [Богуславская, 2008]; стилистической природы публицистики [Клушина, 2019];

Коньков, 2009]. Сегодня в условиях медийной полиформатности актуализируется свойство конвергентности медиатекстов [Засурский, 2008; Анненкова, Хорина, 2024], требующее своего изучения.

Риторика декодирования выдвигает тезис о возможностях расширения и углубления знаний о глубинных критериях медиатекстуальности, о принципах построения медиатекста и его смыслообразующей специфике путем обращения к теории риторики. Здесь в функции аргумента выступает следующее положение, принимающее характер аксиомы: «Поскольку медиадискурс относится к персуазивно-перлокутивному типу дискурсов, можно говорить об изначальной риторичности его текстов, а значит, и о возможности их анализа с помощью категорий риторики...» [Анненкова, 2012б, с. 11–12]. Идея экстраполяции риторической теории на тексты массовой информации, заданная Ю. В. Рождественским [Рождественский, 1999, с. 289–292, с. 433–441, с. 461–465], оказывается поддержанной отечественным гуманитарным сообществом [Бушев, 2024; Воронцова, 2013; Голоднов, 2011; Мори́на, 2024; Панова, 2019 и др.].

Персуазивно-перлокутивная природа медиатекста есть основание его существования в координатах «успешности (эффективности) – неуспешности (неэффективности)», обозначенных для характеристики действенности высказывания еще теорией речевых актов, способствовавшей формированию теории речевого воздействия. В гносеологическом поле гуманитарной науки речевое воздействие является популярным объектом изучения, что, как правило, сопряжено с научным интересом к феноменам массовой коммуникации или медийного дискурса [Абельсон, 1998; Баранов, Паршин, 1986; Блакар, 1987; Доценко, 2003; Желтухина, 2004, 2016; Иссерс, 2013, 2015, 2024; Кара-Мурза, 2017; Копнина, 2007, 2018; Копнина, Славкина, Цатурян и др., 2024; Котов, 2021; Леонтьев, 2019; Михалева, 2009; Оптимизация речевого..., 1990; Паршин, 2000; Речевое воздействие..., 1990; Стернин, 2012; Ухова, 2013; Шелестюк, 2014; Шенк, 1980; Якоба, 2023; Lombardi Vallauri, Baranzini, Cimmino et al., 2020; Lombardi Vallauri, Cominetti, Masia, 2022; Moldovan, 2023; Ophir, Jamieson, 2021; Petty, Cacioppo, 1986; Pratkanis, Aronson, 2002 et al.].

Сегодня аксиоматичным признается положение о тотальном влиянии СМИ на массовое сознание. Так, в конце XX столетия Э. Деннис и Д. Мэрилл в построенной по принципу «тезис – антитезис» работе «Беседы о массмедиа» организовали спор о власти СМИ, центром которого стало противопоставление теории «большой силы СМИ» и теории «минимального эффекта» [Деннис, Мэрилл, 1997, с. 137–155]. Мы отмечаем, что в силу очевидной вездесущности СМИ и их восприятия как неотъемлемой части реальности полемики у авторов не получилось, но дискуссия о тотальности/ситуативности влияния массмедиа состоялась.

Инфосфера XXI века есть доказательство всеислия медиа. Как отмечает М. Р. Желтухина, «исследования масс-медиального дискурса наглядно демонстрируют возрастающую унификацию и догматизацию мышления большинства населения, когда воля ослабевает, а сознание стереотипизируется, автоматизируется, авторитаризируется, рутинизируется» [Желтухина, 2003, с. 38]. Результатом экспансии СМИ становится «появление, распространение и господство т. н. *одномерного сознания*. Это понятие и соответствующий термин возникли по аналогии с названием известной вышедшей в 1964 г. книги немецкого социолога Г. Маркузе “Одномерный человек”²⁰, где показаны возможности и следствия манипулирования массовым сознанием с помощью самых современных СМИ» [Володина, 2008, с. 18]. Одномерность массового сознания, слабо развитое критическое мышление или вовсе его отсутствие как результат целенаправленно уничтожаемой медиа способности интерпретировать есть идеологическое основание проблемной ситуации, инициирующей становление риторики декодирования.

Ги Дебор в работе «Общество спектакля» (1967), исходя из тезиса «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение *спектаклей*» [Дебор, 1999, с. 13], пытается определить факторы, обуславливающие ограниченность массового

²⁰ Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: «REFL-book», 1994. – 368 с.

сознания. Ученый рассуждает следующим образом: «Если в эпоху, когда развиваются подобные технические средства (средства массовой коммуникации. – *Л. М.*), общественные потребности могут удовлетворяться только лишь через их опосредование, если административное управление этим обществом и любые сношения между людьми могут осуществляться теперь только через посредничество этой власти мгновенного сообщения, то это только потому, что это “сообщение”, в сущности, является *однонаправленным*, так что его концентрация ведет к накоплению в руках администрации существующей системы средств, которые и позволяют ей продолжать это, уже predetermined, администрирование» [Там же, с. 16]. Иначе говоря, однонаправленность управляемых медиасообщений ведет к одномерности массового сознания, присущего обществу публичного перформанса, где стираются различия между реальным и ирреальным, отсутствие выдается за присутствие, штампуются и тиражируются убеждения, вкусы и ценности в контексте односторонней псевдореальности.

Другой фактор рисков массового сознания связан с информационной избыточностью и скоростью тиражирования сообщений, характеризующих современное коммуникативное пространство. «Сегодня признано, что влияние СМИ идет не через отдельные сообщения, но через кумулятивный эффект...» [Деннис, Мэрилл, 1997, с. 149]. Тиражирование информации становится условием результативности воздействия. Более того, мультиплицирование информации в сетевом мире способно запускать в действие механизмы самоуправления, альтернативные традиционным общественным процессам, что влечет за собой риски развития а-социальной коммуникации, использующей множественные самоидентичности [Мальковская, 2005, с. 43].

Обилие дублирующей информации, нередко искажаемой при последующих воспроизведениях, порождение фейковых сообщений, демонстрация агрессивной программирующей речи, нивелирование авторства, с одной стороны, а с другой, – выдвижение в качестве лидеров мнений сомнительных фронтменов современной медийной практики актуализируют значимость феномена понимания

и потребность в формировании критико-аналитического мышления, способного обеспечить коммуниканту «защитный барьер».

Именно эта метафора положена П. Б. Паршиным в основу определения понятия «речевое воздействие» – «эффективное преодоление защитного барьера» [Паршин, URL]. Соответственно, риторика декодирования мыслится как одна из концепций, призванных содействовать формированию «защитного барьера» участников коммуникации как инструмента самосохранения личности в условиях тотальной власти СМИ. Вслед за К. Поппером, назовем описанное выше положение дел **практической проблемой**.

Мы полагаем, что в медиатизированном мире с высокой скоростью обновления информации у адресанта нет необходимости усложнять содержательно-смысловую организацию текста: мультиплицируемая текстовая информация, преимущественно содержательно-фактуальная (согласно терминологии И. Р. Гальперина), должна быстро и без труда восприниматься ее получателем. Метацель медиа заключается в создании иллюзии смысловой доступности и ясности медиатекста как информационного продукта, позволяющего потребителю не прилагать серьезных ментальных усилий к его декодированию. Большая часть медиатекстов предназначена быть мгновенно «проглоченной» получателями, что исключает всякую рефлексию, установление причинно-следственных связей, привлечение историко-культурного и ситуативного контекстов и т. п. и формирует инертность массового сознания. При этом бесконечное воспроизведение и кумуляция краткоживущих медиатекстов усиливают необходимый их заказчику воздействующий, часто суггестивный, эффект. Более того, при поглощении массовой аудиторией потока медиатекстов включается в действие «презумпция достоверности», которая часто отменяет возможности критического осмысления.

Выявить пути воздействия, согласно логике риторики декодирования, – понять механику создания риторического текста: вскрыть механизмы текстообразования, активирующие смыслообразование, и установить связи между текстовой структурно-смысловой организацией и коммуникативным контекстом

как источником представлений продуцента о риторической эффективности, то есть осуществить движение по маршруту «Текст–Смысл–Контекст». Соответственно, риторика декодирования, выступая, по сути, в объяснительной и интерпретативной функциях, направлена на понимание понимания. Такая надпредметность риторики декодирования формирует ее онтологический статус и позволяет трактовать ее как концепцию метапонимания.

В контексте риторики декодирования центральным становится понятие эффективности, определяемое как «степень достижения результата общения относительно коммуникативного намерения» [Варзонин, 1998б, с. 57–58]. Измерение эффективности текста нередко связано с декларативными или в лучшем случае прескриптивными положениями, основанными на стереотипных представлениях о хорошей речи и успешной коммуникации. Так, например, сложно не согласиться, что «эффективность коммуникации зависит от точности выбора и корректности использования приёмов и механизмов формирования определённого отношения к предмету общения на рациональном и иррациональном уровне» [Дзялошинский, Пильгун, 2011, с. 71]. Однако измерение заявленных составляющих эффективности требует разработки реальных мониторинговых процедур, включающих экспериментальные методики, что, например, учитывается в моделировании концепции риторики декодирования (см. главу 4).

Понятие «риторика декодирования» вводится нами по аналогии с обоснованным сначала М. Риффатером [Riffaterre, 1959, 1964], а затем на отечественной почве И. В. Арнольд [Арнольд, 2002] понятием «стилистика декодирования, или восприятия». Последнюю определяют как «науку, которая изучает те стороны высказывания, которые передают лицу, принимающему и декодирующему сообщение, образ мыслей лица, кодирующего сообщение» [Арнольд, 2002, с. 17].

Сопоставление стилистики декодирования и риторики декодирования позволяет заключить, что первая ориентирована «на идейные и эстетические ценности литературного произведения параллельно с получением

лингвистической информации. Коммуникативный акт “автор – читатель” оказывается при этом включенным в коммуникативный акт обучения, но не дидактический, а эвристический...» [Арнольд, 2002, с. 33]. Фокус внимания второй направлен на реконструкцию механизмов формирования текста, оцениваемых с позиции оказываемого воздействующего эффекта и рассматриваемых в качестве ключа к пониманию смыслообразования.

Стилистика декодирования сосредоточена на художественном тексте. Риторика декодирования отдает предпочтение текстам публичной и массовой коммуникации, не исключая возможности использования предлагаемых аналитических процедур в практике исследования текста художественного.

Стилистика декодирования и риторика декодирования активно эксплуатируют понятие контекста. Так, М. Риффатер большое внимание уделяет именно стилистическому контексту, который он определяет как «языковой паттерн, внезапно нарушенный некоторым непредсказуемым элементом, при этом контраст, возникающий в результате такого вмешательства, является стилистическим стимулом» [Riffaterre, 1959, p. 171]²¹. Речь идет именно о внутреннем контексте, сформированном представлениями о стилистической маркированности текста. И. В. Арнольд рекомендует в ходе толкования учитывать не только внутренний, но и внешний контекст [Арнольд, 2002, с. 32]. Краеугольным камнем риторики декодирования становится понятие коммуникативного контекста, которое рассматривается и как условие текстообразования, и как его регулятор.

В целом идеология риторики постулирует значимость, с одной стороны, процесса трансформации «мысли в слово», а с другой, – осознания его результата, закрепленного за текстом как продуктом мыслеречевой деятельности. Следовательно, риторика не только обеспечивает говорящего технологиями текстообразования, но и снабжает слушающего инструментарием диагностики текстовой эффективности.

²¹ Перевод с английского наш. – Л. М.

В свете указанных диадических возможностей представляется логичным разделить риторическую деятельность на риторическое кодирование и риторическое декодирование. При этом первое направление связано с практикой технологического текстообразования, реализуемого продуцентом путем следования риторическому канону как эмпирически сложившейся и затем теоретически обоснованной «инструкции» по созданию эффективного текста. Это риторика говорящего, риторика синтеза.

Второе направление мы определяем как теорию и практику реконструирования текстообразования, осуществляемого реципиентом (как правило, аналитиком). Это риторика воспринимающего, риторика анализа. Но если риторическое кодирование с его двухтысячелетней концептуальной идеей риторического канона как технологии эффективного текстообразования, или «завершенной модели речевой деятельности» [Безменова, 1991, с. 43], достаточно освоено в теоретическом, практическом и дидактическом планах, то риторическое декодирование открывает новые горизонты научного поиска.

Риторика декодирования постулирует, что мыслеречевая деятельность продуцента, нацеленного на результативность коммуникации, в идеале определяется и регулируется риторическим каноном как системой требований к качеству текста. При этом риторика декодирования переводит утилитарное понимание риторического канона в область когнитивно-коммуникативного моделирования и последовательно развивает мысль о предопределенности успешного текстообразования риторическим текстотипом – ментальным образцом эффективного текста.

Риторика декодирования – основанная на филологическом теоретико-методологическом фундаменте риторико-лингвистическая концепция, посвященная изучению феномена риторического текстообразования и системной разработке аналитических процедур, объективирующих механизмы создания текстов риторического типа и диагностирующих их коммуникативно-речевую эффективность/неэффективность. **Цель** риторики декодирования – выявление текстообразующего замысла продуцента путем лингвориторической

реконструкции текстообразования. Ее процедуры связаны с последовательным воссозданием текстообразующих действий субъекта речи, в результате чего устанавливаются соответствия/несоответствия между параметрами эффективности, задаваемыми риторическим текстотипом, и риторическими свойствами данного текста, функционирующего в определенном дискурсе.

Риторика декодирования в своих методологических построениях опирается на практику кодирования и основывается на признании риторического текстотипа кодом, аккумулирующим представления о текстовой эффективности, определяемые в значительной степени коммуникативным контекстом (о когнитивно-коммуникативной и семиотической сущности риторического текстотипа см. п. 2.1 и п. 2.2). Риторическое декодирование ориентировано на распознавание и интерпретацию риторического кода, что позволяет диагностировать эффективность/неэффективность текста в коммуникативной практике, то есть оценивать его воздействующий потенциал. Нераспознавание составляющих риторического кода признается фактором рискогенности текста, что подтверждается экспериментальной практикой (см. п. 4.4).

В контексте риторики декодирования риторический канон трансформируется в методологическую матрицу, состоящую из комплекса стратегий и тактик построения эффективного текста, задающих векторы лингвориторической реконструкции текстообразования – основного метода риторики декодирования, который будет подробно рассмотрен далее (см. п. 2.4). Процедурно лингвориторическая реконструкция осуществляется посредством установления корреляций между риторическими параметрами текстовой эффективности, стратегиями и тактиками риторического текстообразования и ресурсами их языкового/речевого воплощения в конкретном тексте.

Объектом исследования риторики декодирования выступает текстообразующий замысел субъекта речи, так или иначе реализованный в тексте и рассматриваемый в аспекте коммуникативно-речевой эффективности. **Предметом** – аналитические процедуры реконструирования и диагностики текстообразующего замысла, выявляющие способы и средства репрезентации

риторических стратегий и тактик создания текста, манифестирующих идею риторической текстуальности.

Обозначенное объектно-предметное поле определяет понятийный аппарат настоящей концепции, в ядро которого входят следующие терминологические новации, которые здесь и далее дефинируются и используются в работе: *риторика декодирования, риторическое декодирование текста, риторический текстотип, лингвориторическая реконструкция текстообразования, риторический метакод, знаковая ситуация риторического декодирования, риторический таргетинг, риторический триггер, риторические риски, риторическая коморбидность, риторическое диагностирование, индекс риторичности.*

Любая научная концепция требует обозначить **границы ее применения**. Например, А. И. Новиков, обосновывая теорию формализации семантики текста и методику построения его денотатной структуры, считает, что поэтические тексты и художественная проза не могут выступать объектами формализации, в то время как технические тексты, а также определенные виды научных, публицистических, учебных текстов в силу своей предметности являются валидным материалом такого исследования [Новиков, 1983, с. 6].

Вышеописанная нами проблемная ситуация напрямую связывает риторику декодирования с актуальной в условиях так называемого медиального поворота в лингвистике [Чернявская, 2013] практикой изучения текстов публичной и массовой коммуникации. При этом мы не исключаем возможности экстраполяции предлагаемых аналитических процедур и на художественный текст, например, в случаях изучения аргументационной организации или субъективации повествования, а также речевого поведения персонажей. Запускаемая художественным дискурсом сложная механика конативности, основанная на взаимодействии содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации, требует коррекции и усложнения алгоритмизированного характера предлагаемого подхода.

Таким образом, определение целеполагания и объектно-предметных ориентиров, разработанность понятийного аппарата, методологическая оснащенность, включенность в полидисциплинарный гуманитарный контекст позволяют нам констатировать сформированность онтологического статуса риторики декодирования. Реализующая исследовательскую программу «Текст–Смысл–Контекст» риторика декодирования позиционируется как концепция метапонимания, расширяющая исследовательский арсенал филологической науки в области анализа мыслеречевой деятельности *Homo loquens*.

Выводы

В данной главе, открывающей исследование, осуществлено концептуальное обоснование риторики декодирования: описан социокультурный контекст, создающий объективные условия для появления новой концепции; рассмотрена система научных предпосылок ее формирования – философских, лингвистических, риторических; представлена «анкета» риторики декодирования, презентующая ее научно-методологическую сущность.

Потребность в риторическом декодировании текста обусловлена сложными отношениями между активно развивающейся информационно-коммуникационной технологической средой и человеком, факторами интернетизации и медиатизации, влияющими на мировоззренческую составляющую социума и личности, перепроизводством информации, трудностями в разграничении истинного и ложного, ведущими к снижению качества процессов понимания.

Определение системы предпосылок формирования риторики декодирования строится на основании взаимосвязи трех иерархически организованных уровней научной методологии: философского, лингвистического и собственно риторического.

Анализ философских предпосылок становления риторики декодирования демонстрирует, что ее появлению способствует широчайший контекст – от Платона и Аристотеля до «философии будущего». Наследие Л. Витгенштейна и представителей лингвистической философии, труды Ч. Пирса, Дж. Дьюи,

Ф. К. С. Шиллера создают условия для провозглашения во второй половине XX столетия главным идеологом неопрагматизма Р. Рорти лингвистического поворота в философии и риторического, связанного с преодолением объективизма, утверждением интерпретативизма и присвоением риторике метадисциплинарного статуса. Истоки риторики декодирования обнаруживаются в трудах Ю. Хабермаса, признающего конституирующую роль языка в социальном взаимодействии, основанном на «морали равного уважения», и трактующего эффективность как достижение взаимопонимания. Корни риторики декодирования уходят и в философскую герменевтику, решающую поставленную Х.-Г. Гадамером задачу интерпретации как «преодоления чуждости текста». Интерпретация П. Рикёром текста как осмысленного действия открывает перспективы экстраполяции методов познания текста на социальную практику. Грамматология Ж. Деррида утверждает деконструирование как способ преодоления языка-посредника на пути к смыслу текста.

Философское наследие формирует базу идеологических установок и методологических допущений, значимых для риторики декодирования: движение исследовательской практики от объективизма к интерпретативизму; корреляция целеполаганий коммуникантов – кодирующего и декодирующего; признание естественной природы говорения и понимания и их изоморфности; развитие идеи эффективности действия как риторичности текста; метадисциплинарность статуса риторического знания; междисциплинарность как условие для решения задач риторического декодирования; актуализация образцов как ориентиров, обеспечивающих понимание и метапонимание текстов, в том числе риторического типа; деконструирование формы для реконструирования содержания. Таким образом, философия языка и философская герменевтика определяют векторы развития риторики декодирования, связанные с изучением феноменов понимания и коммуникативно-речевой эффективности.

Анализ лингвистических предпосылок риторики декодирования, рассматриваемых в качестве общенаучных, устанавливает связь новой концепции с филологической и лингвистической герменевтикой, когнитивными

исследованиями текста, лингвистикой текста, лингвистической прагматикой и теорией речевой коммуникации.

В ходе осмысления трансфера идей герменевтики за пределы собственных границ внимание уделяется *теории методологического мышления* и *филологической герменевтике*, объектом которых выступают мышление, понимание и рефлексия (концепция схем мышледействования Г. П. Щедровицкого; типология понимания Г. И. Богина). Герменевтика признается одним из интеллектуальных источников когнитивизма (В. З. Демьянков).

Когнитивная лингвистика, трактуя текст и как результат познавательной деятельности мыслеречедеятеля, и как механизм, запускающий в действие ментальные процессы восприятия, понимания и рефлексии, предлагает риторике декодирования идею когнитивной модели и когнитивного моделирования (Р. N. Johnson-Laird, G. Lakoff, Т. А. ван Дейк, В. Кинч), которая при экстраполяции на текст объективирует представления о прототипической (образцовой) текстуальности (Е. Г. Беляевская, Е. С. Кубрякова, В. Е. Чернявская). Кроме того, важным для практики риторического декодирования становится положение о регуляции понимания определенными стратегиями, которые признаются частью нашего общего знания о самих процессах понимания (Т. А. ван Дейк, В. Кинч).

Лингвистика текста и риторика декодирования, объединенные текстообразованием как объектом изучения, сосуществуют в отношениях методологического тандема, обеспечивающего синтез риторической программы «трансформации мысли в слово» и лингвистической программы иерархизации единиц текстовой организации. Лингвистика текста предлагает риторике декодирования апробированный практикой анализа (преимущественно художественного текста) арсенал строевых единиц текста сверхпредложенческого уровня, а также базу наблюдений над комбинаторикой текстовых составляющих, обеспечивающих тексто- и смыслообразование (Н. Д. Бурвикова, М. Я. Дымарский, С. Г. Ильенко, Г. А. Золотова, А. Н. Карпов, О. И. Москальская,

О. А. Нечаева, Н. С. Поспелов, К. А. Рогова). Кроме того, лингвистика текста оказывается полезной риторике декодирования опытом в области выдвижения и обоснования текстовых категорий, или параметров текстуальности, определяющих феноменологическую сущность текста (R.-A. de Beaugrande, W. Dressler, И. Р. Гальперин, Т. М. Николаева, А. И. Новиков, З. Я. Тураева и др.).

Лингвистическая прагматика и риторика декодирования разделяют деятельностьный принцип, связанный с эффективным употреблением языка в различных коммуникативных ситуациях, то есть контекстах осуществления речевой деятельности. Философия «языка в действии» («*language in use*») находит отражение в идее перформативности, инициированной теорией речевых актов, которую риторика декодирования экстраполирует на текст риторического типа, трактуя последний и как составную часть реальности, и как инструмент, участвующий в организации коммуникативной ситуации и управлении ею. Кроме того, лингвистическую прагматику и риторику декодирования объединяет интерес к проявлению в речи субъективности (Э. Бенвенист), или эгоцентризма говорящего (Б. Ю. Норман, Е. В. Падучева), определяющего его место в языковом мире. Другой значимый для риторики декодирования опыт лингвопрагматики, актуализирующий проблематику текстовой эффективности, связан с практикой тактико-стратегического моделирования речекоммуникативного процесса (Т. В. Артемова и П. А. Катышев, Т. А. ван Дейк и В. Кинч, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. В. Максимова, А. А. Романов, С. А. Сухих, Т. Е. Янко и др.).

Теория коммуникации оснащает риторику декодирования моделями коммуникации, которые позволяют рассматривать текст как часть дискурсивной практики, где важную роль играют условия контекста. Обращение к арсеналу моделей коммуникации/коммуникативного акта от К. Шеннона до Е. В. Сидорова позволяет риторике декодирования выбрать тот операциональный конструкт, в котором целеполагание адресанта получает максимальную объективацию. Более того, модель коммуникативного акта принимается в концепции риторики декодирования в качестве источника параметризации текста особого типа – риторического.

Таким образом, направления-доноры питают риторику декодирования разработками в области когнитивного и коммуникативного моделирования, структурно-композиционного, синтаксического, коммуникативно-прагматического анализа текста. Иначе говоря, именно методологическая междисциплинарная конвергенция способствует становлению новой интегративной по своей природе концепции.

Анализ собственно риторических предпосылок риторики декодирования демонстрирует, что классическая риторика выступает для становящейся концепции, во-первых, идеологическим ресурсом, культивирующим представления о деятельностном характере речевого воздействия, которые объективированы в категориях пафоса, этоса, логоса и законах речи. Во-вторых, является методологическим источником, позволяющим эксплуатировать технологию риторического канона в практике декодирования.

Обоснование онтологического статуса риторики декодирования связано с определением ее места в разветвленной дисциплинарной схеме неориторических направлений и концепций. Проведенный обзор неориторических направлений позволяет заключить, что пространство исследовательских интересов риторики декодирования граничит с теорией аргументации, риторической критикой, лингвориторикой и медиариторикой, а также с литературной риторикой в связи с решением задачи выявления орнаменталистских ресурсов. Представленный в работах Э. В. Будаева, П. А. Катышева, В. В. Смолененковой опыт описания риторической критики создает предпосылки для сопоставления ее с риторикой декодирования. Их объединяют общий интерес к воздействующему потенциалу текста, следование поисковому вектору «от слова к мысли» и характер субъекта аналитико-интерпретативной деятельности. Однако они имеют разные генетические источники, сохраняют специфичность своей объектно-предметной области, демонстрируют как собственную методологическую приверженность, так и разную комбинаторность общих методов исследования.

Обзор «анкеты» риторики декодирования предваряет положение о том, что сама идея декодирования почерпнута из концепций стилистического анализа

М. Риффатера и И. В. Арнольд, суть которых связана со смещением фокуса исследований художественного текста с позиции «от автора» на восприятие получателя, с оптимизацией читательской активности.

Проблемная ситуация, способствующая формированию риторики декодирования, обусловлена факторами как теоретического, так и практического характера. Теоретический ракурс проблемной ситуации связывается нами со сменой концептуально-идеологического вектора современных риторических изысканий (от продуцирования к рецепции), что требует обновления их теоретического базиса и методологического инструментария. Практическую проблему в условиях глобальной медиатизации и цифровизации мы усматриваем в наблюдаемой одномерности массового сознания, неразвитости критического мышления, отсутствии алгоритмов ориентации в потоках массовой информации, угасании навыков понимания и рефлексии, что влечет за собой преодоление и даже слом «защитного барьера» (П. Б. Паршин) потребителя массового информационного продукта. Поэтому риторическое декодирование осуществляется преимущественно на материале медиатекстов, реконструкция текстообразующего замысла которых есть апробация процедур, способствующих в определенной степени сохранению идентичности реципиента в условиях вездесущности СМИ.

Риторику декодирования мы определяем как основанную на филологическом теоретико-методологическом фундаменте риторико-лингвистическую концепцию, нацеленную на изучение феномена риторического текстообразования и системную разработку аналитических процедур, выявляющих механизмы создания текстов риторического типа и диагностирующих их коммуникативно-речевую эффективность/неэффективность.

Сложившееся представление о проблемной ситуации, наличие объекта и предмета изучения, понятийного аппарата, собственного метода исследования, видение границ его применения свидетельствуют о сформированности онтологического статуса риторики декодирования.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БАЗИС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АРСЕНАЛ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ

Риторика декодирования – научная концепция, формирующаяся в общегуманитарном контексте идеологии междисциплинарного взаимодействия. «Три кита», на которые опирается риторика декодирования, есть система ее теоретических оснований – когнитивно-коммуникативных, семиотических и лингвопрагматических, выходящих за рамки собственно риторического подхода, расширяющих и оптимизирующих его.

2.1. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования

Формирующаяся сегодня когнитивистика текста базируется на положении о том, что «не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления. Это делает текст возможным объектом концептуального и когнитивного анализа...» [Кубрякова, 2004, с. 516]. Когнитивные исследования текста, как правило, представляют собой «анализ процесса или сам процесс кодирования и декодирования смысла текста. В соединении с текстоцентрическим подходом – выявление глубинного смысла, свёрнутой смысловой структуры текста, являющейся воплощением интенции и – через неё – мотива текстопорождающей деятельности автора и читательского восприятия» [Романова, 2013, с. 172]. Таким образом, «дорожная карта» когнитивистики текста определяет перспективы как анализа восприятия разноуровневых смыслов текста, так и изучения текстообразования, сопряженного с обнаружением сигналов авторской интенциональности.

В обозначенное поле исследований встраивается и риторика декодирования, которую на выходе интересует так называемая реконструкция намерений, одним из направлений которой В. З. Демьянков считает реконструкцию плана, связанную с распознаванием стратегического замысла говорящего [Демьянков, 1989а, с. 131].

Риторическое декодирование текста как аналитический процесс «распаковки» текстообразования не может рассматриваться в отрыве

от кодирующей, т. е. текстоформирующей, практики. Валидность этого принципа верифицирует психолингвистика. Так, А. А. Леонтьев, формулируя методологические принципы моделирования языковой способности, выдвигает положение о том, что «в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере частичного, моделирования процессов ее порождения» [Леонтьев, 2005, с. 265]. Данную методологическую позицию ученый основывает на теории «анализа через синтез», представленной в психолингвистической литературе работами М. Халле и К. Стивенса, а также экспериментальной практикой Дж. Миллера и С. Айзарда [Там же, с. 121–126]. В свою очередь Л. О. Бутакова, исследуя авторское сознание как категорию когнитивной поэтики, подчеркивает, что «процессы создания текста и процессы его восприятия – взаимонаправленные, совпадающие по своей сути когнитивные процессы» [Бутакова, 2003, с. 60]. Данное исследовательское положение методологически значимо для риторики декодирования и позволяет обоснованно конструировать ее теоретическую базу на основании психолингвистических и когнитологических представлений об определенном изоморфизме порождения текста и его восприятия.

2.1.1. Риторический текстотип как ментальная сущность

Ключевым понятием риторики декодирования выступает **риторический текстотип** – когнитивная структура, которая аккумулирует знания о параметрах текстовой эффективности. Риторический текстотип представляет собой абстрагированный от конкретного жанрового воплощения ментальный образец, актуализирующий представления о риторической текстуальности, закрепленные в риторическом каноне – эмпирически сложившейся и отрефлексированной макротехнологии эффективного текстообразования. Риторический текстотип задает систему параметров риторического текста – воплощенного в практике коммуникации текстового продукта как результата осознанной мыслеречевой деятельности. Именно риторический текстотип и есть тот «эталонный репрезентант» (А. В. Бондарко), которым в идеале руководствуется как алгоритмом текстопостроения вовлеченный в риторическую деятельность продуцент и который эксплуатирует декодирующий как инструментальный

«распаковки» текстообразующих процедур. Таким образом, в риторическом декодировании восстановление «ситуации мыследействия продуцента» (Г. И. Богин) осуществляется посредством активации декодирующим текстом образца в практике лингвориторической реконструкции текстообразования.

Истоки концептуальной идеи текста-образца / текста-ориентира / текста-эталона / текста-модели / текста-прототипа как определенной структуры представления знаний обнаруживаются в психологических, психолингвистических и когнитивных исследованиях таких ученых, как Н. А. Бернштейн («заданный результат», «модель потребного будущего») [Бернштейн, 1966], П. Я. Гальперин («ориентировочный образ действия») [Гальперин, 1957, 2007], А. А. Леонтьев («образ результата») [Леонтьев, 2005], Е. С. Кубрякова («ментальная модель») [Кубрякова, 2004], Н. Н. Болдырев («прототип как ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории») [Болдырев, 2012, 2021], В. Е. Чернявская («прототипическая форма когнитивной репрезентации») [Чернявская, 2014]. Здесь стоит отметить и теорию планирования текста Р. Водак. Несмотря на общую социологическую направленность, эта теория включает в себя, помимо социально-психологического и лингвистического измерений, еще и когнитивное, в рамках которого производство текста связывается с понятиями плана, фрейма, схемы и скрипта [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017, с. 212–214].

Потребность в выявлении когнитивной структуры, репрезентующей представления об эталонном тексте, способствует актуализации проблематики, связанной с нормализацией текстовой деятельности. Под нормой текстообразования М. Я. Дымарский понимает «совокупность таких языковых качеств “письменного документа” (И. Р. Гальперин), которые позволяют последнему быть адекватной формой речемыслительного произведения (восприниматься, оцениваться как таковая). Это, по сути, образ-посредник, в котором отражено взаимопроникновение формы и содержания, явления и сущности, зафиксированы те необходимые и достаточные качества текста, которые действительно детерминированы законами организации

речемышлительного произведения» [Дымарский, 1999, с. 143]. Конкретизируя далее данное определение, М. Я. Дымарский связывает норму текстообразования с синтаксической адекватностью тематического развертывания, а также со свойствами локальной и глобальной связности текста и его строевыми единицами [Там же, с. 143–144]. Очевидна фокусировка ученого преимущественно на синтаксическом аспекте текстообразования.

Широкий подход к определению текстовой нормы представлен в коммуникативной стилистике. Текстовая норма, согласно Н. С. Болотновой, понимается как «система коммуникативно-прагматических, жанрово-стилистических, композиционно-речевых и других норм, соответствующая определенному типу текста, отражающая его многоплановость, коммуникативную сущность, лингвистическую природу и экстралингвистическую ориентацию» [Болотнова, 2005, с. 93]. Оставляем за коммуникативной стилистикой приоритетное право систематизации и описания текстовых норм, но отмечаем фокусирование исследовательского внимания на организующей роли типа текста как структуры, обуславливающей текстовую деятельность.

Развиваемая риторикой декодирования идея текстотипичности поддерживается функционально-прагматической концепцией текста А. Г. Баранова, обосновывающей схему текстопостроения с опорой на такие понятия, как текстотип, субтип, жанровая схема, когниотип, текст, которые дифференцируются по степени убывания абстрактности [Баранов, 1993, 1997б]. В концепции А. Г. Баранова основное внимание сфокусировано на когниотипе как ментально-лингвистическом фрейме, базе данных, декларативных и частично процедурных, значимых для жанрово обусловленной текстовой деятельности. В эту базу «входят тематические концепты (макроструктуры), композиционные схемы текстов и батареи языковых выражений в их жанрово-стилистической спецификации» [Баранов, 1997а, с. 334]. Ученый устанавливает связь когниотипа с представлениями о жанровой природе текста.

В свою очередь текстотип А. Г. Баранов соотносит с функцией «выражения мотивационно-интенциональной сущности текста. Ее высшим содержательным параметром будет “интенциональность” как социокультурная потребность человека через текстовую деятельность описать мир, изменить его, дать ему оценку» [Баранов, 1995, с. 58]. Делая оговорку, что разбиение текстов на типы имеет гипотетический характер, А. Г. Баранов выделяет следующие текстотипы на основании актуализации таких текстовых функций, как предписание, оценка и описание, связанных с субъективной межличностной модальностью: 1) деонтические (нормативные или предписывающие) тексты, регулирующие совершение действий в соответствии с правилами и нормами социального поведения; 2) аксиологические (оценивающие) тексты, характеризующиеся направленностью воздействия на эмоциональную сферу сознания субъекта общения с целью формирования или изменения определенной шкалы ценностей в его когнитивной системе; 3) эпистемические (непредписывающие или дескриптивные) тексты, к которым применим критерий истинности, ибо они с разной степенью достоверности описывают положение дел в мире [Там же, с. 58–59]. При этом ученый, отмечая взаимосвязь текстовых функций в реальном тексте, приходит к выводу, имплицитно сигнализирующему об ограниченности заданной функциональной триады в стремлении упорядочить текстовое многообразие: «...типологизация затрагивает не тексты как таковые, а функции, т. е. стратегии и конвенции определенного уровня, которыми руководствуются субъекты общения» [Там же, с. 59].

На первый взгляд, риторические тексты коррелируют с аксиологическими, но их функционал не ограничивается направленностью воздействия исключительно на эмоциональную сферу, что свидетельствует об ограниченности переноса идеи фразовой модальности на текстовую природу и о потребности расширения инструментария измерения интенциональности. Однако сама исследовательская установка, связывающая текстотипичность с интенциональностью и стратегизацией, является продуктивной для риторики декодирования.

Ведущую роль в наших концептуальных построениях играет **теория планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и понятий**, получившая развитие в трудах П. Я. Гальперина [Гальперин, 1954, 1957, 1958, 2007], А. В. Запорожца [Запорожец, 1960], А. А. Леонтьева [Леонтьев, 1997], А. И. Подольского [Подольский, 1979, 1987], Н. Ф. Талызиной [Талызина, 1975] и других ученых. Объектом исследования психологов выступает такой феномен, как ориентировочная деятельность субъекта, которая понимается как «средство приспособления к ситуациям, которые отличаются от условий работы механизмов, управляющих автоматическими реакциями. Все такие ситуации характеризуются одним общим признаком, точно указанным И. П. Павловым, признаком новизны. Этот признак, как своеобразный раздражитель, вызывает рассогласование с нервной моделью прошлого опыта, рассогласование выключает механизмы автоматического реагирования и включает механизмы деятельности по ориентировке в ситуации на основе ее психического отражения» [Гальперин, 2007, с. 134].

Природа риторической практики, которая зиждется на глобальном намерении воздействия, сопряжена с потребностью в новизне, связанной как с тематическим репертуаром, так и с оригинальностью языкового воплощения, что активизирует механизмы ориентировки в каждой конкретной коммуникативной ситуации, несмотря на следование общему текстообразующему алгоритму.

Проекция психологической теории на текстообразование связана с переосмыслением таких понятий, как **автоматические и активные действия**, а также **ориентировочная основа действия** (далее ООД. – Л. М.).

Для практики текстообразования представляется релевантной идея выделения автоматических и активных действий. Так, если «действие опирается на готовые механизмы, включая и механизмы его регуляции, оно является автоматическим. Если же действие следует таким отношениям наличной ситуации, путем ориентировки в плане образа, то оно является активным» [Гальперин, 2007, с. 124]. Подчеркнем, что «ориентировка в плане образа составляет условие не только активных реакций, но и увязки их с реакциями

автоматическими или автоматизированными. <...> Автоматические механизмы включаются в состав активных целенаправленных действий там, где в их составе выделяются и узнаются знакомые части» [Там же, с. 126–127]. Последнее положение объясняет сущность риторического текстообразования, в котором технологическая составляющая как следование канону сочетается с речетворчеством как индикатором коммуникативной узнаваемости, вносящей вклад в создание воздействующего эффекта.

Пафосно-этносно-логосная сущность риторической экзистенции с античных времен мыслится исключительно в формате деятельности, но не череды автоматических действий, что коррелирует с психолингвистической теорией мотивации. По мнению Е. Ф. Тарасова, с общеметодологических позиций мотивы общения могут быть сведены в две группы: 1) лежащие за пределами общения, когда общение подчинено производственной в широком смысле деятельности; 2) перешедшие на одну из целей общения, когда общение побуждается собственным мотивом. Мотивы первой группы обладают статусом действия; мотивы второй группы трансформируют действия в деятельность [Тарасов, 2009, с. 144]. Очевидно, что в психолингвистике получает развитие культивируемая с античных времен риторическая идеология пафоса как активного личностного начала речетворческой деятельности.

В теории формирования умственных действий операциональным понятием выступает ООД – «представления о том, на что следует ориентироваться, чтобы правильно выполнить действия» [Гальперин, Пантина, 1957, с. 44]. ООД есть система «опознавательных моментов в обстановке, материале, орудиях и самом процессе действия, которые необходимо учитывать,... чтобы правильно выполнять задание» [Запорожец, 1960, с. 119]. Иначе говоря, сегодня под ООД исследователи понимают «план, проект действия, которое составляется на первом этапе его формирования и в дальнейшем участвует в регуляции действий, определяя их качество» [Лидерс, Фролов, 2012, с. 17].

В настоящей концепции именно риторический текстотип как когнитивная структура знаний, формирующая образ эффективного коммуникативно-речевого

продукта, и выступает в функции ООД субъекта речи, отвечая за качество того текста, который должен быть построен.

При этом важно учитывать, что ООД есть явление компетентностного характера, которое по-разному формируется у продуцентов: «более или менее полно, планомерно или стихийно, с пониманием того, как она выделяется, или без такого понимания» [Гальперин, 1957, с. 60]. Соответственно, мы отмечаем разную степень сформированности знаний продуцентов о риторическом текстотипе, что обусловлено многообразием факторов, связанных с тем или иным уровнем риторической подготовленности, с индивидуальным коммуникативным опытом, с культурно обусловленными традициями общения и т. п. Именно поэтому РДТ распространяется в первую очередь на тексты, создаваемые профессиональными коммуникаторами, специалистами в сфере публичной и массовой коммуникации. Следовательно, владение риторическим текстотипом признается условием существования профессиональных дискурсивных практик, осуществляющих целенаправленное воздействие на массовое сознание.

Представления об ООД углубляются и дифференцируются путем использования такого понятия, как **условия действия**, «под которыми понимают объективные условия, необходимые и достаточные для правильного выполнения действия» [Лидерс, Фролов, 2012, с. 18]. Более того, последователи П. Я. Гальперина оперируют понятием «полная ООД», которая предполагает учет всех условий действия (УД): «полная ООД = УД» [Там же].

Когнитивным коррелятом условий действия, отражающихся в ООД, может выступать, с нашей точки зрения, такая структура представления знаний, как модель коммуникативного контекста, которую мы рассмотрим далее в ходе осмысления коммуникативной природы риторического текста (см. п. 2.1.3). Укажем, что в понимании когнитивной сущности контекстных моделей мы следуем за Т. ван Дейком, который определяет их как «первичные конструкторы памяти, которые объясняют, почему дискурс может быть в значительной степени имплицитным, непрямым, неясным или неполным: слушающие в состоянии

стратегически активизировать релевантные фрагменты моделей, необходимых для понимания дискурса» [Дейк ван, 2015, с. 276].

Определяя кодирование как ориентировочную деятельность продуцента, мы экстраполируем идею ориентировки и на практику декодирования, где обнаружение авторского текстообразующего замысла осуществляется путем соотнесения объекта познания (реального текста) с соответствующим когнитивным ориентиром (риторическим текстотипом-образцом). При этом выявленные несоответствия образцу интерпретируются в фокусе актуализации/неактуализации в текстообразовании составляющих коммуникативного контекста и соответствующих им параметров риторичности.

Продуктивным для формирования теоретических оснований риторики декодирования видится различение уровней ориентировочной деятельности, задающих векторы исследования. Развивая идеи П. Я. Гальперина, исследователи выделяют стратегический, тактический и оперативный **уровни ориентировочной деятельности**. Первый уровень охватывает комплексное отражение проблемной ситуации; на втором решается проблема выбора конкретного действия в конкретной ситуации; третий уровень определяет поиск способов, с помощью которых лучше реализовать выбранное действие [Лидерс, Фролов, 2012, с. 21].

Предлагаемая процедура РДТ осуществляется путем установления разноуровневых соответствий в следующем направлении: (1) риторическая стратегия – (2) объективирующие стратегию риторические тактики – (3) способы и средства тактического воплощения – (4) параметры риторичности/эффективности текста – (5) компонент модели коммуникативного акта (коммуникативный контекст). Процедурные шаги 1–3 отзеркаливают механизмы ориентировочной деятельности, 4–5 связаны с интерпретационным аспектом декодирования.

Амбивалентная сущность риторического текстотипа, участвующего как в кодировании, так и в декодировании, требует определения его когнитивного статуса в рамках обеих ментальных практик.

2.1.2. Когнитивный статус риторического текстотипа: прототип/инвариант

Эксплуатируемая риторикой декодирования идея когнитивной ориентирующей структуры зиждется на отмечаемой учеными возможности текстотипологической идентификации посредством соотнесения текста на различных уровнях с прототипическими моделями [Heinemann, Viehweger, 1991, с. 147]. «**Прототипичность** связывается с наличием в сознании человека некоего образца, “наилучшего примера”, отражающего свойства какого-либо предмета/явления» [Чернявская, 2014, с. 35].

Под прототипом в контексте вызвавших большой резонанс в научных кругах теории прототипов Э. Рош и исследований прототипических эффектов Дж. Лакоффа понимают «такой яркий представитель своей категории (образец, эталон), который наиболее полно фокусирует в себе ее признаки, концентрирует наибольшее число общих для категории черт и очевиднее всего характеризует то, как представлена (репрезентирована) сама категория в сознании человека, с какой структурой знания и опыта она ассоциируется» [Кубрякова, 2004, с. 514–515].

Н. Н. Болдырев в традициях отечественной концептологии понимает под прототипом «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание, концепт категории или наиболее яркого ее представителя, элемента» [Болдырев, 2021, с. 130]. Однако данная дефиниция не затрагивает типы формируемых прототипом знаний и требует своего расширения. Так, «прототип определяет круг знаний об объектах естественных категорий и представлен на базовом уровне категоризации, демонстрируя знания о лучших образцах в категоризации действительности и языка, знания, которые оказываются наиболее типическими для их восприятия...» [Шарандин, 2011, с. 126]. Очевидно, что специфика прототипа как структуры представления знаний характеризуется параметрами типического и образцового, эталонного. Прототип, по определению В. Е. Чернявской, есть «эталон, образцовый вариант для данного класса объектов» [Чернявская, 2014, с. 35]. Кроме того, «прототипические элементы когнитивных категорий обладают наибольшим количеством характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшим

количеством признаков, характерных для членов других категорий» [Болдырев, 2021, с. 127].

Понятие прототипа в исследовательской традиции неразрывно связано с понятием инварианта. При этом дихотомия ментальных сущностей «прототип – инвариант», участвующая в процессах организации познания окружающего мира и представления его результатов, входит в круг дискуссионных понятий когнитивистики. Трактовки отношений между прототипом и инвариантом представлены в работах Н. Н. Болдырева [Болдырев, 2003], А. В. Бондарко [Бондарко, 2003], А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996, с. 201–230], Т. Е. Литвиненко [Литвиненко, 2012], В. Е. Чернявской [Чернявская, 2014], А. Л. Шарандина [Шарандин, 2011] и других исследователей.

Инвариантность в ее традиционном общеметодологическом толковании связывается со свойством ряда значимых для системы соотношений и параметров сохраняться при ее определенных преобразованиях [ФЭС, 1983, с. 205]. Предполагается, что «в инварианте... представлены знания об идеальном объекте, который имеет классовую сущность, объединяя знания о конкретных единичных предметах на основе нахождения в них общих свойств и признаков...» [Шарандин, 2011, с. 126]. Согласно В. Е. Чернявской, «инвариант – это отражение наиболее общих, всегда неизменно сохраняемых свойств класса предметов, это не эталон. <...> Прототип включает в себя инвариантные признаки, то есть обязательные всегда и везде, и факультативные, вариативные. Прототип существует как отдельный объект, инвариант, повторим, это абстракция, недоступная непосредственному восприятию» [Чернявская, 2014, с. 36].

Сегодня прототип и инвариант признаются общенаучными универсалиями, входящими в концептуальные аппараты различных исследований, в том числе лингвистических, направленных на изучение когнитивных и языковых структур. Например, попытка экстраполировать теорию прототипов на текст и тип текста представлена в исследовании В. Н. Корнева [Корнев, 2010]. Укажем, что в общем плане под типами текстов понимают классы текстов, характеризующиеся определенным набором лингвистических и экстралингвистических признаков

[Bußmann, 1990; приводится по: Филиппов, 2007, с. 196]. Обобщая взгляды ученых на явление текстотипичности, К. А. Филиппов утверждает, что «тип текста – это феномен, интуитивно знакомый носителям определенного языка. Они в состоянии идентифицировать различные типы текста, а также выявлять и применять на практике правила, лежащие в основе типологии текстов» [Филиппов, 2007, с. 196]. С нашей точки зрения, сегодня и идентификация типов текстов массовым сознанием, и применение правил типологизации в практике текстообразования являются дискуссионными вопросами, ответы на которые требуют экспериментальных исследований.

Рассмотрим возможности использования понятий «прототип» и «инвариант» в концепции риторики декодирования. То обстоятельство, что риторический текстотип, являясь структурой репрезентации знания, участвует как в обеспечении кодирования, так и декодирования, создает предпосылки для рефлексии о его методологических свойствах – онтологических и гносеологических. Не отменяя диалектизма указанных свойств, мы, тем не менее, отмечаем, что в случае текстообразования актуализируется в первую очередь онтологическая функция риторического текстотипа, направленная на построение новой сущности – текста как инструмента коммуникации. В поисково-аналитической ситуации декодирования риторический текстотип как исследовательская матрица выполняет уже иную функцию – гносеологическую.

Наши рассуждения верифицирует точка зрения Н. Н. Болдырева, который считает, что противопоставление гносеологического и онтологического высвечивает сущность инварианта и прототипа: «инвариант – это понятие, скорее, гносеологического плана, в то время как прототип – понятие онтологического уровня» [Болдырев, 2003, с. 56].

Предложенная логика позволяет связывать прототип с текстообразующей деятельностью, с кодированием, а инвариант – с практикой риторического декодирования текста, где знания декодирующего об идеальном абстрактном объекте проецируются на конкретные тексты, претендующие на статус риторических, с целью диагностирования степени их воздействующего

потенциала и обнаружения зон риторических рисков при параметрическом рассогласовании с текстотипом-образцом.

Представляется продуктивным рассмотрение декодирующей практики с позиции категоризации – познавательного процесса, представляющего собой «мысленное отнесение объекта к определенной категории, которое внешне осуществляется... с помощью языка» [Болдырев, 2021, с. 114]. Так, декодирующий для решения своих задач активизирует инвариант как когнитивную структуру, содержащую комплекс параметров риторической текстуальности. Аналитика декодирующего связана с логическими построениями высокой степени абстракции, с оперированием специальными знаниями об особом типе текста, который обладает постоянными параметрами, являющимися общими для разных риторических текстов в их конкретном жанровом воплощении, что свидетельствует о суперординатном уровне категоризации объекта – высшем в родо-видовой иерархии.

Таким образом, включение понятий «прототип» и «инвариант» в арсенал риторики декодирования способствует расширению знаний о когнитивной природе кодирования, позволяет выдвигать и развивать положения о метакогнитивном характере декодирования, а также очерчивает круг вопросов, связанных с прототипическими эффектами в текстообразовании.

Прототипические эффекты мы наблюдаем в ситуации осмысления когнитивной природы медиатекста. Перлокутивно-персуазивная сущность текстов массовой коммуникации позволяет сформулировать промежуточную гипотезу о генетической обусловленности медиатекста риторическим текстотипом и возможности рассмотрения последнего в качестве прототипа первого.

Параметры риторического текстотипа, питающие интенциональность воздействия, мы трактуем как когнитивные основания, позволяющие сформировать представления о генезисе медиатекста. Риторический текстотип и медиатекст вступают в родо-видовые отношения, где система ядерных критериев первого становится базисом моделирования второго. Видовые, или

дифференциальные, признаки медиатекста (медийность, массовость, поликодовость, вторичность, невоспроизводимость, открытость для многочисленных интерпретаций, массмедийная интертекстуальность и др.) актуализируются посредством погружения риторического текстотипа в инфосферу с учетом представлений о канале распространения (печатный, телевизионный, радиыйный, электронный, мультимедийный) (рисунок 1), что расширяет имеющуюся у продуцента модель коммуникативного контекста, регулирующую текстопорождение.

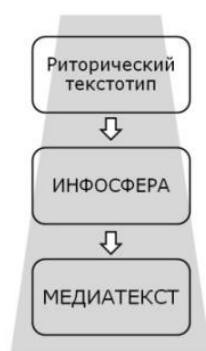

Рисунок 1 – Риторический текстотип как прототип медиатекста

Сферы актуализации риторического текстотипа в массовой коммуникации очевидны: это и политический дискурс; и публицистический дискурс; и религиозный дискурс (проповеди, транслируемые СМИ, просветительские радио- и телеинтервью с представителями духовенства, публичные обращения священнослужителей, массмедийные беседы с религиозными деятелями и т. п.); и образовательный дискурс в его широком понимании (телевизионные, радиыйные, а также демонстрируемые на платформах видеохостингов научные и научно-популярные лекции и беседы, просветительские интервью с деятелями науки и искусства и т. п.).

2.1.3. Коммуникативная природа риторического текста и его параметризация

Фундаментальная мысль Г. П. Щедровицкого о том, что «процессы понимания и структуры смыслов задаются и определяются не только и даже не столько текстом, сколько всей ситуацией коммуникации и деятельности» [Щедровицкий, 2005, с. 145], есть важнейшее теоретическое положение риторики

декодирования. Сегодня методологическим условием изучения феномена текста становится выход за рамки собственно текстовой структуры в коммуникативный контекст. Так, Т. ван Дейк, развивая теорию текстообразования, отталкивается от ставшего сегодня априорным положения: «Естественно, что порождение текстов происходит не в вакууме, а является составной частью коммуникативного контекста» [Дейк ван, 2015, с. 170].

Е. С. Кубрякова, рассуждая о критериях текста и необходимости формирования у адресата ментальной текстовой модели, обеспечивающей понимание, указывает на обязательность выхода за пределы языковых форм, содержащихся в самом тексте [Кубрякова, 2004, с. 517], что становится источником дальнейших интерпретаций. Например, Е. Ф. Тарасов, трактуя текст как превращенную форму реальной действительности, подчеркивает, что в нем, кроме собственно сообщения, есть «информация, которая закодирована в языковых знаках помимо воли и желания коммуникантов и которая позволяет косвенным образом на основе анализа текста получить сведения о самом КА (коммуникативном акте. – *сокращение оригинала – Л. М.*) и его элементах» [Тарасов, 2009, с. 104]. По мнению У. Энгеля, некоторые «внешние», неязыковые особенности ситуации, в которой возникает текст, получают свое отражение в его речевой структуре [Engel, 1994; приводится по: Филиппов, 2007, с. 196].

А. Г. Баранов в контексте когнитивно-прагматического подхода заключает: «Когнитивный подход к языку в действии предполагает рассмотрение проблемы взаимосвязи языка, сознания/интеллекта и действительности. Соответственно, изменяется и отношение к контексту. Если до периода функциональной прагматики обращение к тексту за пределами языковых отношений было эпизодическим, то теперь это методологическое требование. Вопрос лишь в том, что рассматривать как контекст...» [Баранов, 2005, с. 76].

Риторическое декодирование, развивая вышепредставленные гипотезы и умозаключения, ориентируется на возможность извлечения из текста представлений продуцента об исходном коммуникативном контексте. На этом пути мы обращаемся к такой структуре репрезентации знаний, как модель

коммуникативного контекста, которая, как было отмечено выше (см. 2.1.1), определяет условия ориентировочной деятельности продуцента и саму сущность ООД, т. е. риторического текстотипа.

Модель коммуникативного контекста – «специфический тип ситуационной модели, а именно репрезентации коммуникативной ситуации, в которой порождается дискурс» [Дейк ван, 2015, с. 276]. Иначе говоря, «чтобы построить текст, подходящий для данного контекста, люди должны хранить в памяти представление об этом контексте, то есть иметь *контекстную модель*» [Там же, с. 170]. Данная когнитивная структура аккумулирует информацию об участниках речевой коммуникации, их целеполагании, о типе воспроизводимой социальной ситуации, контролирует как стиль, так и содержание, наконец, указывает на то, какой тип текста должен быть построен [Там же]. Представим модель коммуникативного контекста в виде схемы, где многоточие отражает возможности расширения структуры ментального конструкта (рисунок 2):

Рисунок 2 – Модель коммуникативного контекста (по Т. А. ван Дейку)

Т. А. ван Дейк заключает, что именно «типом текста будет определяться стиль и общая организация текста; кроме того, от типа текста зависит его возможное содержание и, следовательно, та информация, которую можно извлечь из модели ситуации» [Там же, с. 171]. Однако мы должны оговориться, что под типом текста Т. ван Дейк имеет в виду то, что в отечественной традиции обычно квалифицируют как речевой жанр. В качестве примеров типа текста ученый приводит рассказ о происшествии, доклад полиции о ситуации, газетное

сообщение, научный доклад и т. п. Такой узкий подход к пониманию типа текста не исключает из контекстной модели ментальных конструкторов более высокой степени абстракции и обобщения, связанных с системой устойчивых текстовых признаков, воспроизводимых и узнаваемых в тех или иных жанровых образованиях.

Модель коммуникативного контекста есть та когнитивная структура, которая определяет текстотипическую параметризацию и обуславливает продуцирование текста. Контекстная модель выступает репрезентантом коммуникативной ситуации, которая представляет собой «совокупность речевых и неречевых условий, необходимых для осуществления речевого действия» [Эффективное речевое..., 2014, с. 223]. Именно коммуникативная ситуация создает реальные условия актуализации и существования текста, которые продуцент соотносит с имеющейся у него контекстной моделью, обладающей той или иной степенью сформированности. Базовые параметрические индикаторы любой коммуникативной ситуации, такие как коммуниканты (адресант и адресат), предмет речи, цель и обстоятельства общения, тип текста, фиксируемые моделью коммуникативного контекста, демонстрируют, что ее прототипическим основанием выступает коммуникативный акт в системе организующих его компонентов.

В свою очередь признание обусловленности риторического текстотипа моделью коммуникативного контекста, обеспечивающей условия действия, приводит нас к обнаружению функционирования **механизма вторичного прототипирования**. Так, коммуникативный акт выступает первичным прототипическим основанием коммуникативной ситуации, формирующей модель коммуникативного контекста, которая в свою очередь обуславливает систему параметров риторического текстотипа, определяемого нами в качестве ООД и вторичной прототипической текстообразующей структуры (рисунок 3).

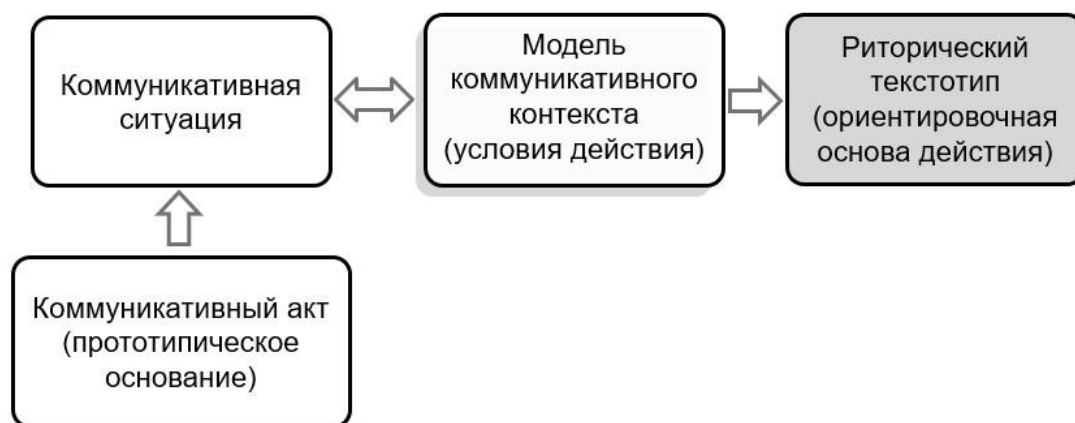

Рисунок 3 – Механизм вторичного прототипирования:
от коммуникативного акта к риторическому текстотипу

Вышесказанное свидетельствует о том, что в своих теоретических построениях риторика декодирования опирается на следующую методологическую посылку: «...смысл и содержание, значения и знания, понимание и мышление рассматриваются сейчас в схемах актов коммуникации. Выбор схемы акта коммуникации в качестве онтологического основания, по сути дела, во многих пунктах предопределяет все то, что может быть нами получено в дальнейшем анализе» [Щедровицкий, 2005, с. 135].

Структура коммуникативного акта представлена в различных концепциях моделирования коммуникации – от линейных механистических конструкторов до сложных нелинейных моделей (см. подробнее п. 1.3.5 настоящей работы).

Риторика декодирования стоит перед выбором такой модели коммуникации/коммуникативного акта, которая удовлетворяет требованиям риторической коммуникации, определяемой как персуазивной формы общения, основанной на взаимосвязи информационного воздействия, аргументации и компетенции ее участников, у которых (хотя бы у одного) есть осознанная коммуникативная цель [Frank-Böhringer, 1963]. К таким требованиям мы относим:

- 1) представленность в структуре модели такого компонента, как целеполагание субъекта речи;
- 2) отражение изоморфных процессов кодирования и декодирования, сигнализирующих о возможном эффекте обратной связи;
- 3) облигаторный учет контекста (обстоятельств общения).

За приведенными требованиями угадывается категориальная триада «пафос – логос – этос»: объективация цели эксплицирует пафос; актуализация кода в модели есть демонстрация логоса; обстоятельства коммуникативного взаимодействия есть не что иное, как этос. Последнее условие коррелирует с базовым принципом лингвистической прагматики: «необходимость обращения к контексту употребления как в содержательных, так и в формализованных исследованиях языка» [Павилёнис, 1986, с. 380].

Наиболее оптимальной для решения задач риторического декодирования представляется модель вербального коммуникативного акта Б. Ю. Городецкого [Городецкий, 1989, 2003] как соответствующая всем вышеперечисленным параметрам. На продуктивность данной модели в контексте риторического аспекта изучения речевой коммуникации обращают внимание и специалисты Алтайского государственного университета [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 23–24].

Б. Ю. Городецкий оперирует понятием вербального коммуникативного акта, понимая под ним основную целостную единицу речевого общения, законченную часть языкового взаимодействия, имеющую естественные границы. Вербальный коммуникативный акт (ВКА), по Городецкому, входит в состав некоторого акта совместной деятельности, включающей физическую, интеллектуальную, эмоциональную, бессознательную, а также неречевую семиотическую деятельность. Типовая разновидность КА – диалог, хотя в общем случае сюда может включаться и монолог. Границы ВКА обычно определяются достижением или явным недостижением некоторой стратегической (для данного акта) цели. В случае, если она не достигается, акт общения квалифицируется как неудачный [Городецкий, 1989, с. 13–14].

Модель Б. Ю. Городецкого, разработанная для решения задач компьютерной лингвистики в рамках интегральной теории моделей вербального общения, примечательна особым вниманием к целям коммуникации. Выдвинутая на передний план модели целевая детерминация речевого акта свидетельствует о телеологическом подходе к пониманию самого феномена коммуникации.

Данная модель не только объективирует идею целеполагания, включая ее в качестве компонента в свою структуру, но и дифференцирует цели на практические и коммуникативные, что полностью соответствует риторической идеологии осознанной текстовой деятельности и эффективного текстообразования.

Практические цели, согласно Б. Ю. Городецкому, вытекают из хода той практической деятельности, в которую включен коммуникативный акт. Коммуникативные цели – это намерения, придающие осмысленность обращению коммуниканта к своему партнеру. При этом цели коммуникативного акта имеют сквозной характер, связывающий и пронизывающий все другие компоненты [Городецкий, 1989, с. 14]. Практические и коммуникативные цели формируют систему коммуникативных замыслов говорящего, которая входит в качестве обобщающего компонента в структуру модели ВКА [Городецкий, 2003].

Другими составляющими модели коммуникативного акта Б. Ю. Городецкого являются:

- коммуниканты: $K_1, K_2, K_3, \dots K_n$, каждый из которых обладает комплексом языковых характеристик, включая параметры языковой способности, языковой личности и коммуникативные роли в данном акте общения, а также комплексом неязыковых характеристик, абсолютных и относительных;
- обстоятельства общения, куда входят как непосредственный акт совместной практической деятельности, так и фоновый контекст, охватывающий физическую сферу и психосоциосферу;
- коммуникативные процессы, которые основаны на работе сложно организованных психолингвистических и социопсихологических механизмов, осуществляющих различные когнитивные операции, из которых складываются главные индивидуальные процедуры каждого коммуниканта, такие как вербализация и понимание, а также совместная процедура управления ходом взаимодействия – коммуникативная интеракция;
- коммуникативный текст, главными компонентами которого выступают речевые произведения, поочередно создаваемые коммуникантами [Там же].

Представим модель Б. Ю. Городецкого в виде схемы (рисунок 4):

Рисунок 4 – Модель коммуникативного акта Б. Ю. Городецкого

В рамках концепции риторики декодирования обращение к структуре коммуникативного акта продиктовано стремлением вскрыть коммуникативно-когнитивные механизмы параметризации такого типа текста, как риторический, выступающего дискурсивным воплощением ментального образца – риторического текстотипа.

Осмысление риторического текста, по мнению С. А. Минеевой, сопряжено с его рассмотрением сквозь призму многоступенчатого процесса риторической деятельности, включающей создание автором устного или письменного текста, исполнение этого текста и рефлекссию адресантом завершенного процесса, а также реконструирование замысла услышанного или прочитанного авторского текста. Риторический текст понимается как диалог, который может иметь формы потенциального диалога (адресный монолог), потенциального диалогизированного монолога (адресный монолог, включающий различные точки зрения, бытующие в аудитории, а также приемы и способы реального диалога) или реального диалога (беседа, обсуждение, спор и др.), который создается равноправными участниками общения на одну тему в ходе доказательства истинности или ложности тезиса. Риторический текст характеризуется такими параметрами, как авторство, адресность, диалогичность как следствие отношений автора и адресата, целостность и связность, влияние (целеполагательность или воздейственность) как результат опять-таки отношений автора и адресата, их

реального или потенциального диалога, ситуативность, или уместность по отношению ко времени и месту общения, жанровость [Минеева, 2002].

Специалисты Алтайского государственного университета актуализируют проблему понимания сущности риторического текста в свете рассуждений о многообразии подходов к пониманию риторики. Исследователи проводят границу между риторическим и нериторическим по следующим оппозитивным признакам: осознанность/неосознанность речи, аргументированность/неаргументированность, художественность/нехудожественность, прозаичность/поэтичность, публичность/непубличность, устность/письменность [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 6]. Очевидно, что первые члены каждой оппозитивной параметрической пары могут характеризовать текст риторического типа как особое явление кругооборота речи. За риторическим текстом закрепляются в первую очередь свойства осознанности, публичности, аргументированности.

А. В. Голоднов, обосновывая в ряде работ сущность риторического метадискурса как особого типологического явления [Голоднов, 2008, 2009], вводит в свою концепцию понятие риторического (персуазивного) текста. Под ним исследователь понимает «текст, доминирующей коммуникативной функцией которого – в иерархии прочих коммуникативных установок – является воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнения, оценки) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий)» [Голоднов, 2010, с. 110]. Риторический текст рассматривается как материальное воплощение комплексного речевого действия (макроакта персуазивности) с иерархической иллокутивной структурой, подчиненной глобальной интенции адресанта текста и ориентированной на реципиента [Там же].

Анализ исследовательских подходов к пониманию природы риторического текста позволяет заключить, что признаки, приписываемые этому типу текста, имеют либо разную степень категоризации, либо синонимичную экспликацию, что требует их системного переосмысления и терминологической

упорядоченности. Так, целостность и связность – неотъемлемые свойства любого линейно организованного текста, инвариантные категории, в норме определяющие феноменологическую сущность текста.

Сопоставление исследовательских точек зрения на природу риторического текста позволяет заключить, что критерий влиятельности, по сути, есть свойство персуазивности. Ситуативность, в свою очередь, неразрывно связана с критерием публичности. Жанровость – неперемное условие публичности текста, так как ожидания аудитории связаны с предъявлением ей требуемого жанра – узнаваемого речевого продукта, соответствующего текущей коммуникативной ситуации. Противное, в свою очередь, выступает фактором риторического риска и ведет к коммуникативным неудачам. На наш взгляд, корректнее говорить о жанровости как универсальной, нежели типологической характеристике текста.

Риторика декодирования призвана не просто списочно обозначить признаки риторического текста, но реализовать системный когнитивно-коммуникативный подход к обоснованию его типологических индикаторов. Осуществить параметризацию текста риторического типа представляется возможным путем обращения к модели речевого/коммуникативного акта, структурные компоненты которой мы рассматриваем как методологические ориентиры для изучения природы риторического текста.

Обращение к структуре коммуникативного акта позволяет установить следующие коммуникативно-когнитивные корреляции между его компонентами и параметрами риторического текста:

- коммуниканты / авторство и адресность, как следствие – диалогичность;
- практическая цель / акциональность как потенциальная способность к изменению фрагмента действительности;
- коммуникативная цель / аргументированность, как следствие – персуазивность;
- обстоятельства общения / публичность;
- процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность предмета речи для реципиента;

– коммуникативный текст / технологическая осознанность текстообразования. Этот критерий относится к метауровню параметризации, отражающему степень рефлексии адресанта над текстообразующей деятельностью и ее качеством.

Таким образом, в сознании кодирующего риторический текст предстает как осознанная, технологически моделируемая вербальная сущность, обладающая свойствами акциональности, актуальности, персуазивности, основанной на аргументированности, публичности и диалогичности. Мотивированность текстовых свойств компонентами коммуникативного акта есть основание построения системы параметров риторического текстотипа и его дискурсивной реализации – риторического текста (рисунок 5).

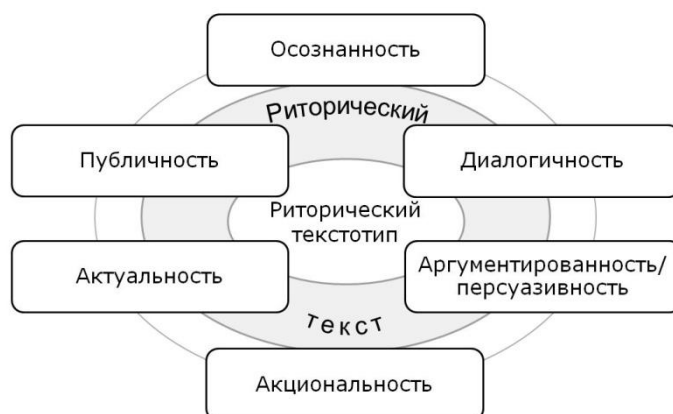

Рисунок 5 – Система параметров риторической текстуальности

В практике декодирования коммуникативно-когнитивные корреляции отражают интерпретативную попытку осмысления природы риторического текста и его ментального прототипа, воплощающего идею эффективного текстообразования. Риторика декодирования основывается на том положении, что текстовая эффективность обеспечивается актуализацией и сохранением в тексте всего комплекса типологических параметров, ориентированных на структуру коммуникативного акта, что и формирует **риторичность** как базовое свойство «персуазивной социокоммуникативной практики, т. е. фактически как дискурсивной характеристики» [Голоднов, 2009, с. 83]. В поддержку данного положения сошлемся на В. Е. Чернявскую, которая определяет текстуальность с общих позиций когнитивного подхода как «узел *инвариантных признаков*,

характеризующих текст как результат и как процесс текstopорождения, *реализующихся вариативно* с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках» [Чернявская, 2005, с. 82]. Отметим, что для текста нериторического типа условие ориентации на параметры эффективности, естественно, не является директивным.

Пересечение когниции и коммуникации – продуктивное решение риторики декодирования, которое способствует выявлению глубинных оснований текстообразования. Когнитивно-коммуникативные корреляции задают параметрическую систему, которая объективирует природу риторической текстуальности. Декодирующий исходит из того, что текст риторического типа программируется структурой коммуникативного акта, каждый компонент которого получает то или иное вербальное воплощение в текстообразовании, что и определяет эффективность текста, а также свидетельствует об осознанном подходе продуцента к текстовой деятельности.

Проекция параметров риторической текстуальности на тот или иной текст позволяет, с одной стороны, диагностировать воздействующие возможности текста, определять области его риторических рисков. А с другой, – обнаруживать лакуны в модели коммуникативного контекста продуцента, то есть осуществлять выход за пределы собственно текстовой структуры. Ориентация декодирующего в его аналитико-интерпретативной практике на текстотип-образец как ментальный репрезентант риторичности открывает перспективы реконструкции интенциональности субъекта речи, выявления его риторической компетентности, видения коммуникативного потенциала текста как инструмента действенной интеракции²².

²² Материалы параграфа 2.1. настоящей работы представлены в различных публикациях автора в сборниках серии «Когнитивные исследования языка». См. список литературы: [Голышкина, 2018, 2020; Морина (Голышкина), 2022, 2023]. Практика интерпретации и применения теории планомерного формирования умственных действий и понятий отражена в статье: Голышкина, Л. А. Текстообразование как ориентировочная деятельность: опыт экспериментального исследования / Л. А. Голышкина // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1 (43). – С. 23–35.

2.2. Семиотические основания риторики декодирования

Современная эпистемологическая ситуация характеризуется признанием того обстоятельства, что «все гуманитарные науки имеют дело с текстами как объективными *данностями*. Это их семиотический аспект, который в наше время не может быть проигнорирован» [Тюпа, 2010, с. 80].

Сегодня общим местом текстовых исследований является мысль о семиотической трактовке текста как единого сложного знака, помещенного в особую среду и характеризующегося своим особым материальным субстратом [Кубрякова, 2004, с. 510]. Если речь идет о кодировании и декодировании как процессах осознанного оперирования знаками, то риторика декодирования как научная концепция не может состояться без определения ее семиотических оснований.

2.2.1. Риторический текстотип как код и метакод

Риторика декодирования аксиоматически признает знаковую природу текста. «Знаковый характер текста вытекает уже из самого определения знака как двусторонней сущности. <...> Вычленение двух планов – плана выражения и плана содержания – в знаке... стало решающим при определении феномена текста» [Земская, Качесова, Комиссарова и др., 2010, с. 83–84].

Проекция типологии знаковых систем, разработанной Ю. С. Степановым, на риторическое декодирование позволяет соотнести его с IX из X рубрик так называемой шкалы семиотичности. Указанная рубрика связана со структурными уровнями языка, которые обладают следующими семиотическими свойствами: «означаемое и означающее сближаются: означаемое – общие отношения в системе языка, а означающее (запись) – форма этих отношений; знак абсолютно выделим» [Степанов, 1998, с. 92].

Выделимость знака свидетельствует о возможности его объективации в русле умозаключения У. Эко: «...найти код – это и значит теоретически постулировать его» [Эко, 2004, с. 83]. В. М. Розин, объясняя сущность стратегии семиотического исследования, отмечает сосуществование различных трактовок самого понятия «код» в научной практике. Так, «код понимается как

семиотический метод анализа структур и как сама семиотическая структура, но часто и как структура восприятия» [Розин, 2001, с. 121].

В риторике декодирования такое расширительное понимание кода преодолевается различением двух взаимообусловленных ментальных процессов – кодирования и декодирования, где код задает существование метакода. Соответственно, в контексте риторики декодирования требуется решение следующих задач: 1) определить сущность текстообразующего кода и декодирующего метакода; 2) описать знаковую ситуацию риторического декодирования текста; 3) обосновать метасемиотический характер риторического декодирования как поискового процесса.

Идея кода и его фиксации традиционно связывается с теорией текстообразования, в которую внесла и вносит свой вклад риторика [Барт, 1978, с. 448]. В рамках риторики декодирования фиксация кода заменяется его распознаванием: создается ситуация, когда риторический код декодирующего как нормативный образец встречается и соотносится с текстообразующим кодом продуцента, что создает предпосылки для формирования методологии лингвориторической реконструкции текстообразования.

Традиционно под кодом с опорой на семиотическое наследие Ч. С. Пирса понимают «знак, приписываемый объекту по соглашению, безотносительно к наличию или отсутствию общих с объектом характеристик» [Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2014, с. 86]. Не вступая в противоречие с классической теорией семиотики и экстраполируя ее на текст как «семиотический организм» (В. М. Розин), мы исходим из конвенционального признания того, что актуализация риторического кода обеспечивает условия для эффективного текстообразования. В ситуации кодирования эффективность понимается как потенциальная способность текста к установлению баланса между реализованными свойствами риторичности и целеполаганием продуцента.

Отметим, что интерес к так называемому идеальному тексту как образцу текстуальности культивирует и теория текста, считая его предметом своего изучения [Москвин, 2012, с. 45].

В риторике декодирования идея кода воплощается в риторическом текстотипе, или ментальном тексте-образце, представляющем собой когнитивную прототипическую структуру, которая аккумулирует представления о текстовой эффективности (см. п. 2.1). Аргументом в поддержку трактовки кода как текстотипа выступает описанная нами выше функционально-прагматическая концепция текста А. Г. Баранова, краеугольным камнем которой является понятие текстотипичности; оно зиждется на обуславливающей текстопостроение когнитивной компетенции продуцента как метапринципе семиозиса [Баранов, 1993, 19976].

В системе свойств риторического текстотипа, генетически обусловленного составляющими коммуникативного акта, особое место занимает критерий технологической осознанности текстообразования. Данное свойство предполагает следование риторическому канону как макротехнологии создания эффективного текста, включающей инвентивный, диспозитивный и элокутивный этапы, которые отзеркаливают универсальный идеоречевой цикл «от мысли к слову». Каждый этап риторического канона имеет свою текстомоделирующую цель и задает три базовых вектора текстообразования: содержательный (инвенция), композиционный (диспозиция) и функциональный (элокуция).

С позиции семиотического осмысления риторический канон представляет собой такую технологическую структуру, где трихотомия «инвенция – диспозиция – элокуция» коррелирует с предложенными Ч. У. Моррисом измерениями семиозиса – семантикой, изучающей отношения знаков к их объектам, синтактикой, устанавливающей отношения знаков друг к другу, и прагматикой, предмет исследования которой – отношение знаков к интерпретаторам [Моррис, 1998, с. 41].

Таким образом, продуцирование текста риторического типа представляет собой процедуру вторичного семиотического означивания, обусловленную знаковой природой ментального текста-образца, актуализирующего идею риторического текстообразования.

Трактовка риторического текстотипа как текстообразующего кода получает верификацию посредством обращения к семиологической концепции У. Эко, в которой код определяется как «структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря тому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко, 2004, с. 84]. Именно такая трактовка кода, связанная с пониманием его как ментальной текстообразующей модели, воспроизводимой в речевой практике, применима к риторическому текстотипу-образцу.

В идеале владение риторическим кодом как ментальным ориентиром позволяет продуценту создавать те самые «конкретные сообщения», способные к воздействию эффекту. Однако успешное воспроизведение риторического текстотипа – сложный процесс, обусловленный текстовыми компетенциями продуцента, типом дискурса, спецификой коммуникативной ситуации, выбранным жанром, корректирующим общие принципы текстопорождения, и т. п. Иными словами, активация риторического кода связана не с любой мыслеречевой деятельностью, а с практикой осознанного текстообразования, нацеленной на результативность.

Положение о том, что «благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым» [Там же, 2004, с. 66], способствует признанию риторического текстотипа инструментом риторического декодирования, диагностирующего конгруэнтность вербальных экспликаторов (означающего) и риторических текстообразующих стратегий, актуализующих параметры текстовой эффективности (означаемого). Иначе говоря, использование декодирующим риторического кода формирует условия для выявления механизмов и установления закономерностей эффективного текстообразования. Практика декодирования основывается на принципе отражения схемы кодирования, выступает своего рода надстройкой над процедурами текстообразования, что позволяет трактовать риторический текстотип как **метасемиотический конструкт, или метакод.**

2.2.2. Знаковая ситуация риторического декодирования текста

Любое семиотическое исследование не может обойтись без реконструирования знаковой ситуации. Обращение к семиотическому учению Ч. С. Пирса позволяет рассматривать знаковую ситуацию как триадическое сосуществование знака, объекта и интерпретанты. «Знак, или *репрезентамен*, это нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме того человека равноценный знак или, возможно, более развитый знак. Тот знак, который он создает, я называю *интерпретантой* первого знака. Далее знак что-то обозначает, — именно свой *объект*» [Пирс, 2000, с. 177].

Особое внимание исследователи уделяют такому компоненту знаковой ситуации, как интерпретанта, который периодически подвергается дискуссионным толкованиям. Так, Ч. У. Моррис определяет интерпретанту как «предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y)» [Моррис, 1998, с. 117].

По мнению У. Эко, перспективным видится понимание интерпретанты как иного способа представления того же самого объекта. Далее исследователь приходит к заключению о запуске с помощью интерпретанты непрерывного процесса семиозиса. Так, «чтобы установить, какова интерпретанта того или иного знака, нужно обозначить этот знак с помощью другого знака, интерпретантой которого, в свою очередь, будет следующий знак, и т. д.» [Эко, 2004, с. 67]. Точка зрения У. Эко объективирует метасемиотическую природу интерпретанты, которая определяется потребностью знака в нескончаемой интерпретации как условия его семиотического существования. В аналогичном ключе представляет свою позицию Н. А. Лукьянова, переосмысляющая учение Ч. С. Пирса, «интерпретанта — своеобразная семиотическая метаединица, метаконструкция, тождественная триадичной структуре знака в его потенциальности и целеустремленности в процессах коммуникации» [Лукьянова, 2012, с. 192]. Рассмотренные трактовки интерпретанты последовательно

дополняют друг друга, объединяясь вокруг концептуального положения о динамичности знака, непременно погруженного в контекст восприятия.

Поскольку процесс декодирования неразрывно связан с представлением о кодировании, реконструируем в первую очередь знаковую ситуацию создания текста риторического типа, которая проливает свет на семиотику декодирования. Так, при кодировании репрезентаменом как конкретным знаком, участвующим в коммуникации, выступает текст. Объектом, в данном случае мысли, становится риторический текстотип как ментальная репрезентация, как прототип будущего текста, способного выступать действенным инструментом коммуникации. Интерпретанта как результат действия знака может трактоваться как предрасположенность текста оказывать персуазивно-перлокутивный эффект путем актуализации параметров риторичности (диалогичности, публичности, персуазивности, аргументированности, актуальности, акциональности, технологической осознанности) (рисунок 6). При этом укажем, что данная знаковая ситуация будет жизнеспособна только в том случае, если интерпретатору, или продуценту, в той или иной степени известен объект. Именно поэтому материалом риторического декодирования становятся в первую очередь тексты профессиональной публичной коммуникации – политической, публицистической, научной, просветительской, религиозной и т. п., продуценты которых обладают текстовой компетентностью, осознают воздействующий и регулятивный потенциал текста.

Рисунок 6 – Знаковая ситуация кодирования

В ситуации декодирования мы реализуем принцип семиотического отзеркаливания. Здесь репрезентаменом выступает риторический текстотип,

актуализация которого обеспечивает поисково-аналитическую деятельность декодирующего. При этом объектом декодирования является, безусловно, текст. Интерпретанта связывается с системой параметров риторического текстотипа, обуславливающих возможности выявления воздействующего потенциала текста-объекта и создающих условия для верификации гипотез интерпретатора. Иначе говоря, интерпретанта основывается на представлениях о риторичности и позволяет делать заключения об эффективности объекта (рисунок 7).

Рисунок 7 – Знаковая ситуация декодирования

Таким образом, определение конститuentов знаковой ситуации декодирования вносит вклад в определение семиотических границ между порождением текста и рефлексией о его порождении, что обостряет потребность включения в семиозис как минимум фигуры интерпретатора.

Предложенное понимание знаковой ситуации декодирования создает обоснованные предпосылки для расширения состава ее элементов путем обращения к семиотической концепции Ч. У. Морриса. Ученый рассматривает семиозис «как пятичленное отношение – V, W, X, Y, Z – в котором V вызывает в W predisposedness к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y) (который, следовательно, не действует как стимул) при определенных условиях (Z). В случаях, где существует это отношение, V есть *знак*, W – *интерпретатор*, X – *интерпретанта*, Y – *значение* [означивание, сигнификация (signification)], а Z – *контекст*, в котором встречается знак» [Моррис, 1998, с. 117]. Включение в знаковую ситуацию позиций W и Z актуализирует такие знаковые свойства, как воспринимаемость и динамичность.

В концепции риторики декодирования в качестве знака V мы, продолжая следовать триадичной логике «объект – репрезентант – интерпретант», рассматриваем риторический текстотип, который есть код эффективного текстообразования. Интерпретатором W здесь выступает декодирующий как включенный в процессы понимания и интерпретации субъект. Предрасположенность к воздействию эффекту, обеспечиваемому параметрами риторического текстотипа, связывается с интерпретантой X . В качестве объекта Y выступает подлежащий декодированию текст, сигнифицирующий идею эффективности. При этом диагностирование результативности текста опирается на реконструкцию инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования, коррелирующих с тремя измерениями семиозиса – семантикой, синтактикой и прагматикой. Контекстом Z для актуализации риторического текстотипа выступают ситуации групповой или массовой коммуникации, где как раз и оказываются востребованными тексты риторического типа.

Особенность рассмотренного семиотического процесса заключается в приписывании риторическому текстотипу не просто статуса знака, но кода, вскрывающего механизмы создания текстовой эффективности, что свидетельствует о метасемиотической природе ментального текста-образца. По сути, идея метакодности/метазнаковости как способности знака представлять знаки другого кода-объекта выступает концептуальным основанием риторики декодирования и позволяет трактовать сам процесс «распаковки» кода как метасемиотический.

Идея метасемиотичности уходит корнями в лингвистическое наследие Э. Бенвениста, где определены типы отношений между семиотическими системами, которые могут быть порождающими, гомологическими и интерпретативными, устанавливающими связи между интерпретирующей и интерпретируемой системами [Бенвенист, 1974, с. 84–86]. Последний тип отношений свидетельствует, что «язык есть интерпретант всех семиотических систем» [Там же, с. 85], что абсолютизирует идею метасемиотичности.

Завершая рассуждения о метасемиозисе РДТ, мы отмечаем, что теоретические положения риторики декодирования находят поддержку в семиотических исследованиях в области информатики и управления, где метазнак, или метауровень знаковой системы, рассматривают «как некоторую управляющую систему над знаковой системой (фрагментом сети знаков), оценивающую ее текущее состояние и предлагающую действия, направленные на ее изменение» [Кулинич, 2016, с. 8–9]. Очевидно, что общая семиотическая база делает жизнеспособной идею междисциплинарных исследований.

Изложенные семиотические основания риторики декодирования сводятся к следующим положениям.

1. Ментальный текст-образец как прототипическая структура представления знания в ситуации текстопорождения есть код, обеспечивающий возможность создания эффективного текста. В ситуации декодирования – это метакод, инвариант, позволяющий реконструировать механизмы текстообразования и осуществлять аналитическую рефлекссию о модели коммуникативного контекста продуцента и о текстовом персуазивно-перлокутивном потенциале. При этом семиотическая природа риторического текстотипа определяется тремя измерениями – семантическим, синтактическим и прагматическим, что получает объективацию в соответствующих текстообразующих стратегиях – инвентивной, диспозитивной, элокутивной.

2. Знаковая ситуация риторического декодирования в ее базовом представлении в качестве семиотического объекта рассматривает исследуемый текст, направляющий поисковую деятельность декодирующего на репрезентацию экспликаторов риторического текстотипа и диагностирование риторичности текста как основания его эффективности.

3. Анализ компонентов расширенной знаковой ситуации РДТ (за счет компонентов интерпретатора и коммуникативного контекста) свидетельствует о метасемиотичности риторического текстотипа и, как следствие, самого процесса декодирования.

Разработанные семиотические основания формируют условия для развития методологии лингвориторической реконструкции, выявляющей способы и средства манифестации стратегий и тактик текстообразования, а также зоны риторических рисков, возникающих в ситуациях несоответствия текстотипу-образцу²³.

Семиотическая база создает обоснованные предпосылки для обращения к лингвопрагматическому аспекту риторики декодирования, поскольку именно «прагматика... изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 3].

2.3. Лингвопрагматические основания риторики декодирования

Лингвопрагматический аспект текстовых исследований, в том числе и риторики декодирования, зиждется на следующих теоретических положениях.

1. «Речь, или говорение, есть употребление языка. Интерес философа к тому, что мы делаем со словами и что с ними можно делать, – это интерес к нашей способности п о н и м а т ь речь и использовать язык для выражения нашего отношения к миру, к носителям языка. Это интерес к нашей способности посредством языка выразить себя и воздействовать на других» [Павилёнис, 1986, с. 380].

2. «Функциональная прагматика как самодавлеющая перспектива ориентируется прежде всего на текст как социальную интеракцию. Ее главной задачей выступает исследование текста в динамике (дискурса)» [Баранов, 2005, с. 76].

3. «Основой коммуникативного понимания текста является новейшая ориентация текстовой лингвистики на закономерности языкового общения. В этой концепции тексты понимаются не как “последствия” предложений, а как

²³ Материалы параграфа 2.2. настоящей работы опубликованы: Морина (Гольшкина), Л. А. Семиотические основания риторического декодирования текста / Л. А. Морина (Гольшкина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 8 (876). – С. 66–72.

коммуникационные единицы или единицы, связанные с человеческим общением...» [Галло, Алефиренко, 2020, с. 26].

Таким образом, текст в фокусе лингвистической прагматики мыслится как динамическое явление, обладающее воздействующим потенциалом, как продукт самовыражения говорящего, погруженный в коммуникативный контекст, который задает ему качественные ориентиры. В свете указанных теоретических установок лингвопрагматическая составляющая концепции риторики декодирования ориентирована на реконструктивный анализ, направленный на «воссоздание на материале текста затекстовых категорий» [Катышев, 2018, с. 20] и способствующий обозначенному исследователями коммуникативному пониманию текста. Иными словами, риторика декодирования устанавливает связь между механизмами текстообразования, параметрами текста и компонентами коммуникативного контекста, определяющими сущность текста как инструмента воздействия.

2.3.1. Риторическая стратегия текстообразования в ряду смежных понятий

Лингвопрагматический и дискурсологический исследовательский опыт обеспечивают риторику декодирования такой операциональной единицей, как стратегия. Понятия стратегии и тактики, зародившиеся в сфере военного дела, со второй половины XX столетия активно включаются в операциональный арсенал лингвистической прагматики. Согласно емкому определению М. Л. Макарова, «стратегия – центральное теоретическое понятие в любой модели прагматики» [Макаров, 2003, с. 192]. Как отмечает О. С. Иссерс, «в основе лексического значения слова *стратегия* лежит идея планирования действий, связанных с социальной конфронтацией, противоборством. В психологической интерпретации этого понятия также сохраняется идея прогноза ситуации и поведения коммуникантов. Поведенческие стратегии оказываются наиболее близкими к предмету нашего исследования – речевым стратегиям. Все виды стратегий объединяются тем, что они представляют собой гипотезы относительной будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности» [Иссерс, 2006, с. 55]. Иными словами, стратегия понимается как

универсальный способ прогнозирования. Кроме того, «стратегии характеризуются гибкостью, целенаправленностью и зависимостью от контекста» [Дейк ван, 2015, с. 139].

В. И. Тюпа, анализируя знаменитую работу М. Фуко «Археология знания», отмечает, что «термин “стратегия” применяется для характеристики исходных, базовых принципов деятельности, подлежащих выбору со стороны деятеля» [Тюпа, 2010, с. 85]. Одним из принципов стратегической организации речевой деятельности признается «принцип Приоритета», который связывают с действием приоритетных стратегий, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющие менее значимые [Бергельсон, Кибрик, 1987, с. 343]. Понимание организующей природы стратегии становится доминирующим в филологической практике, о чем свидетельствует многообразие работ, посвященных исследованию стратегий разных типов: коммуникативных, речевых, регулятивных как разновидности речевых, коммуникативно-речевых, риторических, лингвориторических, когнитивных, семантических, аксиологических и других, в том числе определяющих специфику того или иного типа дискурса (см. об опыте стратегического моделирования [Акаева, 2007; Артемова, Катышев, 2008; Барсукова, 2007; Выровцева, 2022; Голоднов, 2011; Дейк ван, Кинч, 1988; Демьянков, 1982; Иссерс, 1997; 2006; Казыдуб, Тимошева, 2024; Карасик, 2002; Клочкова, 2024; Лесняк, Товкаленко, 2021; Макаров, 2003; Матвеева, Самарская, Селиверстова, 2009; Максимова, 2005; Паршина, 2007; Романов, 1988; Точицкая, 2021; Труфанова, 2001; Тюпа, 2010; Формановская, 1998; Хутыз, 2018; Шейгал, 2004; Шилихина, 2022; Ыйм, 1987; Янко, 2001 и др.]). Более того, в лингвистической теории дефокусирования именно взаимодействие стратегий – аддитивных и неаддитивных – понимается как дискурс [Ирисханова, 2014, с. 245–259].

Определение сущности релевантной для настоящего исследования риторической стратегии требует обращения к понятиям «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» как к явлениям более высокой степени обобщенности (ср., например, семантические, синтаксические, схематические

стратегии). Следует отметить, что коммуникативная и речевая стратегии нередко рассматриваются как синонимы: «Речевая (коммуникативная) стратегия – это общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации, под которой понимается совокупность факторов, влияющих на ход коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные и гендерные характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [Эффективное речевое..., 2014, с. 229].

Однако введенное в научный обиход И. А. Стерниным понятие коммуникативного поведения [Стернин, 1989], основанное на объективации вербального и невербального аспектов, диктует необходимость разграничения коммуникативного и речевого. В прагматической иерархии коммуникативная стратегия понимается как стратегия верхнего уровня, вступающая в инклюзивные отношения с речевой. Развивая идеологию коммуникативности И. А. Стернина, В. Б. Кашкин утверждает, что «коммуникативная стратегия – это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели <...> Стратегия – общая рамка поведения, которая может включать и отступления от цели в отдельных шагах» [Кашкин, 2007, с. 168].

А. А. Романов связывает коммуникативную стратегию с диалогическим общением, определяя ее как тип поведения одного из партнеров в конкретной ситуации, который обусловлен и соотносим с планом достижения коммуникативных (или глобальной) целей в рамках типового фреймового сценария [Романов, 1988, с. 103].

Стратегическое моделирование с позиции его типизированного характера осмысливает Н. В. Максимова, в контексте рассуждений которой коммуникативная стратегия есть «значимая для речевого поведения языковой

личности соотнесенность типа позиции в коммуникации... и типа выражающей эту позицию текстовой формы (ее коммуникативной структуры)» [Максимова, 2005, с. 15].

В. И. Тюпа, подводя итог рассмотрению фундаментальных положений М. М. Бахтина и М. Фуко, считает коммуникативную стратегию неориторическим понятием, которое трактуется как «инвариантная модель взаимодействия участников события общения (дискурса). Если само коммуникативное событие является со-бытием индивидуальностей, то коммуникативная стратегия представляет собой *идентификацию коммуникативного субъекта с некоторой метасубъектной позицией в коммуникативном пространстве дискурса*» [Тюпа, 2010, с. 87]. Инвариантность коммуникативной стратегии обусловлена тем, что «дискурс – это система компетенций: креативной (метасубъектной), референтной (метаобъектной) и рецептивной (метаадресатной)» [Там же, с. 89]. Эти компетенции устойчиво определяют «контуры возможностей текстопроизводства, отвечающего данной ситуации общения» [Там же]. При этом позиционирование говорящего/пишущего в коммуникативном пространстве оказывается одновременно позиционированием и адресата, и объекта в своем высказывании, что приводит исследователя к заключению о трехсторонней сущности дискурса [Там же, с. 87–90].

Вышерассмотренные концепции демонстрируют широкий подход к пониманию коммуникативной стратегии.

Узкий подход, соотносящий коммуникативную стратегию с коммуникативной структурой предложения, представлен в исследованиях Т. Е. Янко. По мнению ученого, «коммуникативная стратегия говорящего состоит в выборе коммуникативных намерений, распределении квантов информации по коммуникативным составляющим и выборе порядка следования коммуникативных составляющих в предложении» [Янко, 2001, с. 38]. Коммуникативная стратегия в рамках данного подхода включает в себя: 1) выбор глобального речевого намерения, например, выступить с сообщением или констатацией факта, задать вопрос, обратиться с просьбой; 2) отбор тех

компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям; 3) определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т. д.; 4) соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии; 5) определение порядка следования коммуникативных составляющих; 6) настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный и т. п.), стиль и жанр [Там же].

Проведенный обзор позволяет под коммуникативной стратегией понимать программу коммуникативного поведения, направленную на достижение коммуникативной цели, тактически реализуемую путем селекции и комбинации вербальных и невербальных средств. Отметим, что для аналитических процедур РДТ понятия селекции и комбинации являются инструментальными, поскольку риторика декодирования, имеющая семиотические основания, опирается на представления о двойственной природе языка. Согласно Р. Якобсону, «в каждом языковом знаке обнаруживается два вида операций» – селекция и комбинация [Якобсон, 1990, с. 114]. Далее это положение становится концептуально значимым для лингвистической теории И. А. Мельчука «Смысл–Текст», представляющей описание языка в виде его функциональной модели [Мельчук, 2012]. Таким образом, теоретический опыт лингвистики позволяет рассматривать селекцию и комбинацию в качестве операциональных принципов РДТ.

Под речевой стратегией мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс, 2006, с. 54], акцентируя при этом внимание на доминирующем функционале вербальных средств в коммуникации. Признано, что речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего [Там же, с. 105]. Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что речевая стратегия задает однозначное прочтение речевого действия, реализуя при этом определенные установки (диспозиции) личности. Речевая стратегия обуславливает определенную последовательность действий говорящего

в соответствии с планом (в случае волевого поведения) или установкой (в случае импульсивного поведения). На структуру речевой стратегии влияют системы ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций, составляющие в совокупности диспозицию личности [Сухих, 1986, с. 73].

Таким образом, коммуникативная и речевая стратегии объединены тем, что определяют говорящему программу действий, направленную на реализацию «глобального намерения» (Т. А. ван Дейк). Но при этом они сосуществуют в отношениях инклюзии, поскольку инструментальный арсенал коммуникативной стратегии шире, чем у речевой, располагающей вербальными средствами.

Разрабатывая стратегическую модель понимания, Т. ван Дейк и В. Кинч в структуре коммуникативной стратегии выделяют особый тип – стратегии риторические, которые «используются для повышения эффективности дискурса и коммуникации. Следовательно, они являются стратегическими по определению, так как используются исключительно в целях вербальной коммуникации, а именно понимания, восприятия дискурса и успешности речевого акта» [Дейк ван, Кинч, 1988, с. 171].

Т. В. Артёмова и П. А. Катышев актуализируют дискуссионный вопрос, связанный с тем, что, по их мнению, понятие риторической стратегии сегодня не имеет четкой трактовки и зачастую характеризуется в качестве стратегии второго порядка [Артемова, Катышев, 2008, с. 12]. К такому заключению исследователей подтолкнула концепция коммуникативно-речевого моделирования О. С. Иссерс, в рамках которой риторическая стратегия рассматривается как частный вариант речевой стратегии, ее типологическое воплощение, где «используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата» [Иссерс, 2006, с. 106–107].

По мнению Т. В. Артёмовой и П. А. Катышева, «из этого определения можно сделать вывод, что без использования риторических приемов и техник нельзя осуществить риторизованную коммуникацию. Подобная условность лишает понятие риторической стратегии самого свойства стратегичности,

поскольку понятие стратегии уже предполагает ориентировку в условиях осуществления какой-либо деятельности с целью выбора форм действия и последующего их воплощения. Стратегия формирует цельный образ действия и сопровождает его на протяжении всего процесса развития, что предопределяет такие характеристики, как планомерность, последовательность, цельность высказывания. Нельзя на одном участке текста использовать риторическую стратегию, а на другом – нет, стратегия носит всеобъемлющий характер» [Артемова, Катышев, 2008, с. 12].

Определение риторической стратегии осуществляется путем соотношения данного понятия с понятием «коммуникативная стратегия», которая рассматривается как «инвариантная модель» (В. И. Тюпа) взаимодействия коммуникантов. В свою очередь риторическая стратегия представляется в качестве реализации коммуникативной стратегии в конкретном высказывании/тексте. Т. В. Артёмова и П. А. Катышев, последовательно сопоставляя по разным критериям стратегии коммуникативную и риторическую, приходят к следующему выводу: «риторическая стратегия представляет собой индивидуальное воплощение коммуникативной стратегии. При этом регулирование процесса построения риторической стратегии происходит под контролем представления об адресате, которое в ходе формирования и реализации риторической стратегии также претерпевает изменения от мыслительного конструкта к речевому» [Там же, с. 13].

В рамках настоящей концепции представление о риторической стратегии формируется путем переосмысления суждения Т. ван Дейка о том, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс» [Дейк ван, 2015, с. 171], что позволяет нам рассматривать этапы текстообразования, регламентируемые каноном, как реализацию соответствующих риторических стратегий – инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

С диспозитивной стратегией текстообразования может быть соотнесено понятие аргументативной стратегии, дефинируемое как «общая линия

аргументативного поведения, определяемая прагматической установкой аргументатора» [Савчук, 2022, с. 31]. Это понятие обосновывается в рамках так называемой аргументативной лингвистики [Там же]. Однако, с нашей точки зрения, выделение аргументативной стратегии сужает потенциал диспозитивной реконструкции, фокусирует внимание исключительно на аргументации, исключая ее связь со структурно-композиционной организацией текста.

Таким образом, риторическая стратегия, регулируемая целеполаганием говорящего, связывается с программой актуализации определенного этапа риторического текстообразования, создающей условия для успешной реализации коммуникативной стратегии. Такое определение риторической стратегии оказывается гораздо шире ее стандартной трактовки как плана оперирования техниками и приемами воздействия. Именно поэтому мы будем пользоваться термином **«риторическая стратегия текстообразования»** (далее РСТ. – Л. М.), что позволит, на наш взгляд, расширить и конкретизировать понимание природы риторического.

Подчеркнем, что связь между РСТ и коммуникативной стратегией двусторонняя: с одной стороны, коммуникативная стратегия задает целевые ориентиры текстообразования; с другой, РСТ обеспечивает условия для воплощения коммуникативной стратегии. Соответственно, декодирование РСТ есть аналитическая реконструкция текстообразующих механизмов.

2.3.2. Лингвопрагматическая матрица риторического декодирования текста

Понятие матрицы, квалифицируемое первоначально как составляющая алгебраического метода, применяется в первую очередь в исторической реконструкции языков. «Матрица есть структурная схема множества лингвистических объектов» [Степанов, 2001, с. 66]. Матрица строится на двоичном основании и количество оцениваемых с ее помощью множеств тоже два [Там же, с. 65].

Представляется продуктивным использовать матричный способ для установления соотношений между такими множествами прагматической природы, как стратегия и тактика.

Структурный костяк лингвопрагматической матрицы риторического декодирования образуют инвентивная, диспозитивная и элокутивная риторические стратегии текстообразования. Актуализация **инвентивной РСТ**, инициирующей создание текста, предполагает ментальную разработку предметного содержания текста согласно целеполаганию субъекта речи и построение во внутренней речи концептуального сценария, объективирующего триаду «тема – проблема – тезис» в качестве основания текстообразующего замысла. **Диспозитивная РСТ** связана с оформлением композиции текста путем селекции и комбинации текстоформирующих единиц (структурно-семантический аспект), построения аргументации (аргументационный аспект) и моделирования текстовой суперструктуры/макроструктуры (формально-прагматический аспект). **Элокутивная РСТ** определяет селекцию и комбинацию языковых средств, в том числе средств выразительности, призванных способствовать наиболее эффективной реализации целеполагания субъекта речи, включая и трансляцию актуальных ценностей. Кроме того, элокутивная стратегия в значительной мере обеспечивает диалогичность текста как условие формирования интерперсональности.

Следование РСТ трактуется с позиции кодирующего как залог построения успешного текста, с точки зрения декодирующего – как неременное знаниевое предусловие, обеспечивающее продуктивную «распаковку» замысла продуцента.

Общим местом лингвопрагматических исследований становится мысль о том, что любая коммуникативная или речевая стратегия приводятся в действие комплексом тактик, что поддерживается психологической теорией, где в структуре ориентировочной деятельности выделяют стратегический и тактический уровни ([Лидерс, Фролов, 2012, с. 21], а также см. п. 2.2.1 настоящего исследования).

Тактикой принято считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегия и тактика находятся в родовидовых отношениях. При этом тактика обладает динамическим характером, обеспечивая стратегическую гибкость, оперативность реагирования на ситуацию

[Иссерс, 2006, с. 110]. Иначе говоря, тактика в лингвопрагматическом понимании есть инструмент материализации стратегии, один из способов достижения коммуникативной цели, рассчитанный на ближайшую перспективу в отличие от глобалистской направленности стратегии.

Интерпретация технологических процедур создания текста, приписываемых каждому из этапов риторического канона, позволяет определить с позиции кодирующего тактическое воплощение обозначенных РСТ. Так, инвентивная стратегия достигает своей цели путем реализации текстоформирующих тактик, связанных с определением тематического репертуара, определяющего содержательно-смысловой каркас текста; с выдвижением проблемы; с предъявлением тезиса; с объективацией целеполагания говорящего. Диспозитивная стратегия, обеспечивающая существование структуры текста и его аргументационное воплощение, приводится в действие системой тактик композиционирования, определяющих базовое композиционное построение, сопряженное с селекцией и комбинацией единиц текстообразования, с аргументационным моделированием текста, а также с макроструктурной/суперструктурной организацией текста. Элокутивная стратегия, вербализующая ментальный конструкт текста и переводящая его из внутренней речи во внешнюю, репрезентована тактиками адресации, авторизации, аксиологической экспликации, а также риторической триггеризации, которая активизирует орнаменталистскую интенциональность.

Тактико-стратегическая интерпретация риторического канона свидетельствуют о том, что «в рамках античной риторической теории было выработано принципиально верное с позиций современных научных представлений понимание механизма коммуникативного процесса в его прагматических аспектах» [Авеличев, 1998, с. 10].

Подчеркнем, что предложенные наименования тактик имеют прескриптивный характер, ориентирующий продуцента в системе текстообразующих процедур. Безусловно, говорящий/пишущий, способный к оперированию такими риторическими тактиками, — языковая личность,

имеющая регулярную текстопродуцирующую и текстосозидающую практику, часто профессиональную (в качестве примера см. работу франко-испанской группы ученых, представляющую многомерную статистическую методологию исследования риторической стратегии в правовой сфере [Bécue-Bertaut, Kostov, Morin et al., 2014]).

Таким образом, риторические стратегии и тактики формируют основанную на представлениях об эффективном текстообразовании лингвопрагматическую матрицу (см. таблицу 1), которую декодирующий принимает на вооружение как методологический конструкт.

Таблица 1 – Тактико-стратегическая матрица риторического декодирования

Риторическая тактика	Риторическая стратегия текстообразования		
	Инвентивная	Диспозитивная	Элокутивная
Тактика объективации целеполагания	+		
Тактика тематизации	+		
Тактика проблематизации	+		
Тактика предъявления тезиса	+		
Тактика базового композиционирования		+	
Тактика аргументационного композиционирования		+	
Тактика суперструктурного/макроструктурного композиционирования		+	
Тактика авторизации			+
Тактика адресации			+
Тактика аксиологической экспликации			+
Тактика риторической триггеризации			+

Представленная лингвопрагматическая матрица демонстрирует достаточно жесткое структурирование множества объектов, связанное с ограничениями на свободу перемещения внутри двухмерного пространства. Ю. С. Степанов называет ее матрицей «с несвободным расположением колонок и строк» [Степанов, 2001, с. 66]. Именно такая строго организованная матрица позволяет очертить «“поле несвободы”, придающее определенность всему структурному рисунку произведения» [Эко, 2004, с. 143], и выступает в качестве основания лингвориторической реконструкции текстообразования – ведущего метода риторики декодирования.

2.4. Лингвориторическая реконструкция текстообразования как ведущий метод риторики декодирования

Традиционно под научно-исследовательским методом понимают «совокупность приемов или операций практического и теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи» [Сpirкин, 1974, с. 472]. Лингвистические направления обладают либо собственными методами, либо используют особую комбинаторику уже известных методов. Выдвижение, обоснование и утверждение нового научного метода в условиях отмечаемого сегодня кризиса в решении вопросов о соотношении языка, мышления и коммуникации (подробнее [Кошелев, 2017, с. 109–156]), есть сложная задача, требующая на входе анализа методологического положения дел.

2.4.1. Методологическое состояние современной риторики

Оценивая методологическое состояние неориторики и отмечая многообразие ее методов, А. А. Чувакин, утверждает, что «проблема метода риторического исследования является все еще слабо отрефлексированной» [Чувакин, 2005, с. 99]. Тем самым ученый формулирует актуальную научную повестку, которую реализуют современные исследователи [Bécue-Bertaut, Kostov, Morin et al., 2014; Endres, Hess, Middleton et al., 2016; Голышкина, 2020].

П. А. Катышев отмечает сложность исчерпывающего описания рациональных методов изучения речевого воздействия. Исследователь объясняет такое положение дел тем, что пока риторика была в забвении, воздействующее общение долгое время входило в сферу интересов ряда наук – социологии, психологии, философии, логики, языкознания и других. Соответственно, каждая из указанных дисциплин сформировала свои подходы и предложила свои средства для изучения конативной коммуникации [Катышев, 2002, с. 33]. В связи с наблюдаемой методологической полифонией неориторики, по мнению П. А. Катышева, имеет смысл говорить не о своеобразии риторических методов, а прежде всего об их познавательной направленности, исходя из которой средства изучения речевого воздействия имеют тенденцию группироваться вокруг теоретического и прикладного полюсов дисциплины [Там же].

Следовательно, современная риторика оперирует теоретическими и прикладными методами. При этом первые «предполагают такое описание конативного общения, при котором свойства, механизмы, структурные и динамические характеристики, условия и особенности функционирования феномена устанавливаются путем идеализации (обобщения) реальных фактов и выявляются при опоре на разнообразные процедуры анализа» [Там же].

Ко вторым отнесем метод риторического анализа, востребованный среди методов коммуникативных исследований. Так, О. А. Леонтович определяет цель риторического анализа как «выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения» [Леонтович, 2011, с. 76]. Исследователь, обобщая опыт зарубежных и отечественных коммуникативистов, представляет систему параметров риторического анализа. Отметим только базовые блоки предложенной процедуры.

I. Общая характеристика текста, куда входят идентификация автора (реальный или фикциональный); характеристики предполагаемой аудитории; контекст (место, время, сфера коммуникации); тема; цель автора; тональность общения; фоновая информация (ситуативная, культурная и т. д.). II. Композиция. III. Логика построения текста. IV. Аргументация. V. Владение речью (правильность/соблюдение речевой нормы, тематическая, ситуативная и пр. уместность, точность, чистота, умеренность, выразительность, ясность, краткость, богатство и т. п.). VI. Экспрессивные средства и стилистические приемы. VII. Риторические формы (повествование, описание, приведение примеров, дефиниции, сравнения, противопоставления и т. д.). VIII. Риторические стратегии (убеждение, внушение, просьба, приказ и т. д.). IX. Невербальные средства усиления риторического воздействия. X. Нарушение риторических норм (вербальная агрессия, искажение аргумента собеседника, поспешные выводы и обобщения, нарушения причинно-следственных связей, избирательное отношение к информации, двусмысленность и т. д.) [Леонтович, 2011, с. 76–78].

Очевидно, что предложенные аналитические процедуры коррелируют с этапами риторического канона. Так, инвенция соотносима с пунктами I и VIII,

диспозиция – с II–IV; элокуцию можно связать с V–VII пунктами; акцию – с IX; нарушения риторических норм, отмеченные в пункте X, обусловлены изменением баланса этоса, пафоса и логоса и могут прослеживаться на всех этапах актуализации риторического канона.

Рассмотренный перечень напоминает скорее реестр потенциальных риторических процедур, чем концептуальную исследовательскую программу в силу того, что, во-первых, заявленная цель риторического анализа не имеет родового обобщающего характера по отношению к номенклатуре процедур. Во-вторых, слабо выражен субъектный характер предложенного подхода (кто говорит и кто слушает?), что противоречит антропоцентричности риторики. Подобное представление методики риторического анализа удобно для реализации дидактических задач, когда есть потребность систематизировать знания о риторических явлениях и процессах и выработать определенные аналитические навыки без их мотивированной связи с диагностированием эффективности текста.

И. В. Анненкова проводит мысль о том, что риторика претендует «на моделирование как методологический способ освоения объекта и предмета» [Анненкова, 2012б, с. 3]. Под моделированием понимают метод исследования, или познания, окружающего мира, в рамках которого для изучения некоторого объекта конструируют модель в виде соответствующего объекта, явления, процесса, которые могут заменить натуру в процессе исследований. Моделирование используется для двух основных целей: для расширения знаний об окружающем мире и разработки эффективных производственных процессов или проектирования механизмов, приборов, технологий, процессов [Кононюк, 2012, с. 11–12]. Указанные цели коррелируют с положением о наличии в арсенале риторики теоретических и прикладных методов.

О моделировании как об общем методе риторики рассуждает и П. А. Катышев. Особое внимание он уделяет так называемому оптимизирующему моделированию, прикладному по своей сути, «когда описываемая проблемная область сохраняется в результирующем представлении – “на выходе” – только те существенные свойства феномена, которые необходимы

для решения поставленной практической задачи» [Катышев, 2002, с. 33]. В рефлексии о специфике риторического познания П. А. Катышев приходит к выводу о том, что все риторические методы дискурсивны: они моделируют речевое воздействие, учитывая, помимо устного и/или письменного текста, еще и экстралингвистические (общечеловеческие, социальные и индивидуальные) элементы (знания о мире, мнения, установки, конвенции, цели адресата и адресанта, результат, время, место, условия протекания события и т. д., а также механизмы преобразования идеи в текст и текст в идею) [Там же, с. 35–36].

Г. Г. Хазагеров, отвергая представления о риторике как о вторичной грамматике, отмечает глубинное родство риторики с категорией «дискурс» на основании объединяющего их стремления выйти за пределы речевого акта [Хазагеров, 2018, с. 360, с. 368]. Иначе говоря, риторика органично вписывается в идеологию дискурсивного анализа, которая основывается на признании того, что «дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров, 2015, с. 8].

Дискурсивность риторики отмечает и Ю. Н. Варзонин: «Риторика... устремлена на “экстралингвистический” контекст, который... не является ее прямым объектом; в этом объекте питает себя большое количество наук, так или иначе изучающих человека. Но в отличие от лингвистики для риторики представляет специальный и специфический интерес координация любых элементов внеязыкового контекста и эффективности речевого и неречевого воздействия» [Варзонин, URL]. Именно дискурсивный характер познания позволяет риторике ставить своей целью осмысление феномена риторической картины мира.

Таким образом, методы современной риторики, имеющие как теоретический, так и прикладной характер, объединены функцией координации текста с внеязыковым контекстом, определяющим интенциональность *Nomo loquens*, и включены в глобальную исследовательскую повестку, направленную на мультиплицирование опыта моделирования эффективной коммуникации.

2.4.2. Лингвориторическая реконструкция текстообразования: специфика метода

Сущность любого метода сводится к тому, чтобы «сделать наблюдения исследователя наблюдаемыми» [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017, с. 33]. Далее авторский коллектив, перефразируя Н. Лумана, конкретизирует: «Методы – это инструкция для наблюдения второго порядка, наблюдения за наблюдателями» [Там же]. В контексте риторики декодирования наблюдателем первого порядка становится кодирующий, отражающий действительность в риторических текстах; соответственно метод понимается как прерогатива декодирующего.

К. Р. Попперу принадлежит формула, представляющая так называемый общенаучный метод предположений и опровержений:

$$P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2,$$

где P_1 – первичная проблема; TT («пробная теория (tentative theory)») – ее первое предположительное решение, пробная интерпретация; EE («исключение ошибок (error elimination)») – это жесткое критическое исследование нашего предположения, пробной интерпретации; P_2 – это проблемная ситуация, какой она выступает после первой нашей критической попытки решить проблему. Она ведет нас ко второй попытке и так далее. Таким образом, заключает философ, мы можем оценить достигнутый нами прогресс, сравнив P_1 с какой-то из наших позднейших проблем (скажем, P_n) [Поппер, 2002, с. 163].

На первый взгляд, постпозитивистская позиция К. Поппера сопрягается с эпистемологической установкой риторики декодирования: дуализм кодирования и декодирования позволяет исследователю существовать в динамическом режиме выдвижения гипотетической теории как предусловия текстового анализа, его реализации, оценки и возможной экспериментальной верификации. При этом коррекции понимания P_1 способствует привлекаемый массив текстового материала, обращение к которому неизбежно на каждом новом аналитическом витке порождает P_2 , P_3 и т. д. Однако попперовская задача опровергнуть сменяется в рамках риторики декодирования задачей оптимизирующего характера – реконструировать.

Ведущим методом риторики декодирования является **лингвориторическая реконструкция текстообразования** – основанная на структуре лингвопрагматической матрицы поэтапная аналитическая процедура, объективирующая и объясняющая в контексте функциональной научной парадигмы риторические механизмы текстообразования.

Цель ЛРТ состоит в «распаковке» текстообразующего кода субъекта речи путем выявления реализованных им риторических стратегий и тактик, отражающих представления продуцента о риторическом текстотипе-образце. Установление соответствий/несоответствий между риторической ментальной моделью и ее конкретным текстовым воплощением позволяет в той или иной степени диагностировать текстовую эффективность и обнаруживать зоны риторических рисков текста, создающие угрозу его воздействию возможностям.

Для понимания сущности предлагаемого метода рассмотрим имеющийся методологический задел. **Идеологическая база ЛРТ** основывается на принципах современной риторики как теории эффективной и целесообразной речи развитого информационного общества, сформулированных Ю. В. Рождественским [Рождественский, 2003] и продвигаемых И. В. Анненковой, П. А. Катышевым, Е. В. Ключевым, А. П. Сковородниковым, И. А. Стерниным, Г. Г. Хазагеровым, А. А. Чувакиным и другими исследователями.

Теоретический фундамент ЛРТ формируется путем переосмысления классического риторического канона, а также тиражируемого сегодня метода риторического анализа с достаточно широкими границами его применения (подробнее о риторическом анализе [Леонтович, 2011, с. 76–78]). Кроме того, представления о новом методе складываются под влиянием неориторической теории, ядро которой сформировано трудами Х. Перельмана, Ф. Х. ван Емерена, Р. Гроотендорста в области изучения аргументации, а также системными исследованиями элокутивных ресурсов Ж. Дюбуа и его соратников.

Исследовательские процедуры ЛРТ, нацеленные на понимание текстообразующих процессов, конструируются в первую очередь в традициях

научной практики лингвистики текста, в том числе ее отечественной версии – грамматики текста. Операциональный арсенал строевых единиц текста ЛРТ черпает в теории функционального синтаксиса, в частности в коммуникативной грамматике, разработанной Г. А. Золотовой и ее коллегами. Кроме того, источниками процедур ЛРТ выступают: теория речевых актов с центральной идеей перформативности (Дж. Остин, Дж. Р. Серль) и обоснованной возможностью ее экстраполяции на текст (Ю. Хабермас); когнитивно-дискурсивные исследования Т. ван Дейка и В. Кинча в области стратегического моделирования понимания связного текста; разработки в области тематического анализа, предлагаемые А. И. Новиковым в контексте изучения семантики текста и способов ее формализации; тематический анализ Т. ван Дейка, его макропропозиционный подход к тексту, являющийся составной частью теории семантических макроструктур, определяющих глобальную связность дискурса. Мощным инструментарием, обеспечивающим развитие ЛРТ, становится метод реконструкции аргументации, апробированный нидерландскими учеными [Eemeren van, Grootendorst, Jackson et al., 1993]. Исследовательский потенциал ЛРТ прирастает за счет опыта лингвопрагматики и теории речевого воздействия, связанного с тактико-стратегическим моделированием речевого поведения языковой личности. Кроме того, инструментарий ЛРТ расширяется путем обращения к исследованиям элокутивного потенциала текста Е. В. Ключева, Г. А. Копниной, В. П. Москвина, Г. Г. Хазагерова, Т. Г. Хазагерова, Л. С. Шириной и других авторов.

Возможность привлечения широкого спектра исследовательских процедур для реализации цели ЛРТ позволяет квалифицировать данный метод как зонтичный.

Принципы ЛРТ определяются в свете когнитивно-коммуникативных и семиотических процессов риторического кодирования и могут быть сведены к следующим положениям.

1. Телеологичность риторической деятельности, являющаяся следствием ее целевой детерминированности, позволяет трактовать реконструкцию

текстообразующих процессов как объективацию целеполагания субъекта речи. «Цель играет центральную роль для реконструкции лингвистического действия, в котором функциональный анализ лингвистического действия обозначает обратное движение “от действия к целям”, которые им управляют» [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017, с. 236].

2. ЛРТ формируется в контексте уровневого подхода к моделированию РДТ²⁴, предполагающего: (0) преаналитический, или пререконструкционный, уровень исследования, который задает систему координат (когнитивно-коммуникативных и семиотических), значимых для понимания риторической природы текста; (1) основной операциональный уровень – текстовый, или реконструкционный, за которым следует (2) уровень контекстуальный, интерпретирующий результаты основного; (3) верифицирующий уровень, связанный с экспериментальной практикой.

3. ЛРТ следует требованиям теории текста и дискурса, связанным с выделением единиц анализа, которые «должны быть а) теоретически обоснованы, б) однозначно определены и с) не должны совпадать» [Там же, с. 59]. Так, в рамках реконструкции элокутивной стратегии базовой единицей анализа становится слово/словосочетание, диспозитивной – сверхфразовые единицы, аргументационные комплексы и макро-/суперструктурные компоненты текста, инвентивной – составляющие концептуального сценария текста (тема, проблема, тезис).

4. Реконструкция каждой РСТ есть анализ селективной специфики и комбинаторных особенностей текстовых составляющих, восходящих к описанным еще Р. О. Якобсоном видам операций, обнаруживаемых в каждом языковом знаке [Якобсон, 1990, с. 114].

Таким образом, телеологичность, уровневость, компонентность, селективность и комбинаторность создают кодекс принципов ЛРТ.

²⁴ См. о концепции уровней текстового изучения, разработанной в сфере интеллектуального анализа текста: Игнатов Г., Михайльча Р. Текст майнинг. Интеллектуальный анализ текста: дизайн исследования, сбор данных и методы анализа / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2021. – С. 84–86.

Описание метода

ЛРТ в соответствии с установленной лингвопрагматической матрицей включает следующие макрооперации:

- реконструкцию инвентивной стратегии текстообразования;
- реконструкцию диспозитивной стратегии текстообразования;
- реконструкцию элокутивной стратегии текстообразования.

Реконструкция инвентивной РСТ есть выявление способов и средств репрезентации триады «тема – проблема – тезис», которая формирует концептуальный сценарий текста, обуславливающий его диктумное содержание. Здесь осуществляются операции, направленные на восстановление риторических тактик, связанных: 1) с выявлением сигналов демонстрации авторского целеполагания; 2) с тематической разработкой текста как альтернативой ее традиционного топического воплощения; 3) с проблематизацией представляемой ситуации; 4) с предъявлением тезиса. Этот этап декодирования объективирует такие свойства риторического текста, как акциональность и актуальность. В структуре акта коммуникации как основания контекстной модели продуцента коррелятом первого пункта является практическая цель говорящего, коррелятом остальных – процессы вербализации и прогнозируемого понимания, осуществляемые во внутренней речи продуцента.

Реконструкция диспозитивной РСТ реализует полиаспектный подход к композиционированию текста, который включает в себя структурно-семантический, аргументационный и формально-прагматический аспекты. На этом этапе предполагается реализация системы операций, направленных на обнаружение способов и средств репрезентации риторических тактик, связанных с базовым композиционным построением, аргументационным моделированием и суперструктурной организацией текста. В результате декодирования должна быть определена цепь трансформаций композиционных единиц разных уровней, демонстрирующая последовательное преобразование смыслов в направлении от содержания к функции и только затем к форме. Диспозитивный этап реконструкции объективирует персуазивность текста,

которая понимается как следствие его аргументационной и композиционной устроенности. Коррелятом в модели коммуникативного контекста здесь выступает коммуникативная цель говорящего.

Реконструкция элокутивной РСТ заключается в выявлении речевой специфики текста путем объективации тактик авторизации и адресации, тактики аксиологической экспликации, а также тактики риторической триггеризации как инновационного аналога стандартной тактики орнаментализации. Декодирующий восстанавливает процессы селекции и комбинации языковых и речевых средств, в том числе и средств выразительности, реализующих целеполагание продуцента. На этом этапе декодирования мы верифицируем такие параметры риторического текста, как диалогичность и публичность. Коррелятом диалогичности в структуре коммуникативного акта являются такие его компоненты, как адресат и адресант. Критерий публичности определяется обстоятельствами публичного/массового общения, требующими внимания к коммуникативным качествам речи. Кроме того, публичность – это параметр, связанный с процессами вербализации и понимания, обуславливающий, во-первых, отбор и комбинаторику аксиологических репрезентантов, соответствующих приоритетам массовой аудитории; во-вторых, демонстрацию речевого своеобразия, что необходимо для устойчивого существования говорящего в медиапространстве.

Представим содержание метода ЛРТ в таблице 2.

Таблица 2 – Процедурные и содержательные корреляции ЛРТ

Риторическая стратегия как компонент ЛПМ²⁵ (макрооперация)	Риторическая тактика как компонент ЛПМ (операция)	Параметры риторического текстотипа	Составляющие модели коммуникативного контекста / коммуникативного акта
Инвентивная	Тактика объективации целеполагания	Акциональность	Практическая цель
	Тактика тематизации	Актуальность	Процессы вербализации и прогнозируемого понимания (активация во внутренней речи)
	Тактика проблематизации		
	Тактика предъявления тезиса		

²⁵ ЛПМ – лингвопрагматическая матрица. – Л. М.

Риторическая стратегия как компонент ЛПМ²⁵ (макрооперация)	Риторическая тактика как компонент ЛПМ (операция)	Параметры риторического текстотипа	Составляющие модели коммуникативного контекста / коммуникативного акта
Диспозитивная	Тактика базового композиционирования	Персуазивность как следствие аргументационной и композиционной организации текста	Коммуникативная цель
	Тактика аргументационного композиционирования		
	Тактика суперструктурного композиционирования		
Элокутивная	Тактика авторизации	Диалогичность	Адресант
	Тактика адресации		Адресат
	Тактика аксиологической экспликации	Публичность	Обстоятельства общения Процессы вербализации (активация во внешней речи) и понимания
	Тактика риторической триггеризации		

Таким образом, предложенный метод направлен на: 1) обнаружение и систематизацию способов и средств вербализации тактик как составляющих стратегий текстообразования; 2) извлечение из текста информации о коммуникативном акте, о контекстной модели продуцента, декодирование его представлений о текстотипе-образце, обеспечивающем эффективное текстообразование; 3) определение зон риторических рисков текста, возникающих вследствие нереализации или некорректного воплощения тактико-стратегической текстоформирующей программы, что сигнализирует о лакунах в когнитивно-коммуникативной системе знаний субъекта речи о тексте риторической природы. Из этого следует, что ЛРТ есть комплексный метод, аналитические результаты которого сопрягаются с интерпретационной компонентой.

Как отмечают исследователи, специальные **критерии качества** не выработаны применительно к прагматическим исследованиям. Тем не менее признается, что «если паттерны или процедуры встречаются в других контекстах за пределами непосредственного текста, это становится критерием для демонстрации валидности лежащих в основе целей, которые участвуют в “обработке” паттернов или процедур» [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017, с. 249]. Исходя из данного положения, критерием качества ЛРТ выступает возможность

экстраполяции метода на обширный корпус текстов, нацеленных на персуазивный эффект. Практико-ориентированный характер ЛРТ позволяет в той или иной степени удовлетворять потребности: в «распаковке» механизмов создания текстов массовой коммуникации, в диагностировании регулирующей текстообразование авторской интенциональности, в том числе различных медиатеделей, в разработке инструментария оценки текстовой эффективности, а также в постановке и решении проблем экологии медиатекстов.

Области применения ЛРТ достаточно многообразны. Выступая, по сути, инструментом диагностики эффективности текста, этот метод может быть использован при проведении лингвистических экспертиз, в обучении филологов лингвистическому анализу и методикам углубленного чтения, в образовательной практике подготовки журналистов, в сфере спичрайтинга, в коммуникативных тренингах, направленных как на освоение технологий успешной текстовой деятельности, так и на обнаружение сигналов речевого воздействия, в том числе и суггестивного типа.

2.4.3. Психолингвистическая верификация метода

Критерий верификации реконструируемых систем, включенный в реестр новаций лингвистики конца XX века [Николаева, 2000, с. 18], активно эксплуатируется в риторике декодирования для подтверждения валидности ее теоретических построений. Так, идея риторического канона как фундамента технологического текстопроизводства и формируемая им тактико-стратегическая матрица как основание метода ЛРТ получают верификацию путем обращения к психолингвистическим исследованиям, предметом которых являются «устройство и функционирование речевых механизмов человека» [Леонтьев, 2009, с. 5].

Сущность риторического канона прослеживается в концепции речемыслительной деятельности Л. С. Выготского, который характеризует процесс речепроизводства как движение «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [Выготский, 1982, с. 358].

В данном положении мы обнаруживаем отражение идеи риторического канона, следование которому позволяет ментальный конструкт текста, созданный во внутренней речи (инвенция, диспозиция), трансформировать в речь внешнюю (элокуция).

Психолингвистика, получившая развитие под влиянием разных по своей теоретико-идеологической направленности концепций Ч. Осгуда, Н. Хомского, Дж. Миллера, Л. С. Выготского, активно оперирует понятием модели речемыслительного процесса [Fromkin, 1971; Garrett, 1975; Levelt, 1993; Ахутина, 2007; Залевская, 1977; Зимняя, 1978, 1985; Леонтьев, Рябова, 1970; Лурия, 1975; Черниговская, Деглин, 1984 и др.].

Несмотря на то, что психолингвистические модели репрезентуют речевое высказывание, их структура и содержание могут быть экстраполированы на текст как речевой феномен на основании их общей природы, а также признанного понимания текста как продукта, реализующего программу речемыслительного действия. Так, тождественность механизмов внутреннего программирования высказывания и текста отмечается А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1999, с. 115].

Продemonстрируем возможность установления взаимосвязей между составляющими риторической тактико-стратегической матрицы и известными моделями и схемами речемыслительного процесса.

В отечественной психолингвистике решение вопроса моделирования речепроизводства опирается в значительной степени на концепцию порождения речи А. А. Леонтьева, которую ученый настоятельно рекомендует называть не моделью, а теорией, основанной на эвристическом принципе, допускающем, что в процессе речепорождения говорящий может следовать различным конкретным моделям [Там же, 1999, с. 113]. А. А. Леонтьев предлагает универсальную схему порождения речи, реализующуюся независимо от выбора конкретной порождающей модели. Оставляя временно в стороне мотивацию и процессы ориентировки, ученый в качестве первого этапа собственно порождения выдвигает внутреннее программирование высказывания, которое соответствует только «содержательному ядру» будущего высказывания – тем его компонентам,

которые связаны отношениями актуальной или латентной предикативности. Далее следует этап грамматико-семантической реализации внутренней программы, включающий в себя систему подэтапов: а) тектограмматический; б) фенограмматический; в) подэтап синтаксического прогнозирования; г) подэтап синтаксического контроля. Затем осуществляется переход к моторному программированию [Там же, с. 113–119].

Т. В. Ахутина обосновывает поэтапную модель (схему) процесса порождения речи, возникшую как результат исследования в первую очередь механизмов синтаксиса по данным нарушений речи при афазиях. На уровне внутренней программы происходит смысловое синтаксирование и выбор смыслов во внутренней речи. На уровне семантической структуры предложения осуществляется семантическое синтаксирование и выбор языковых значений слов. Уровень лексико-грамматической структуры связан с грамматическим структурированием и выбором слов по форме. Завершает модель уровень моторной программы, где реализуется кинетическое программирование и осуществляется выбор артикулем [Ахутина, 2007, с. 195–197].

Вышерассмотренные модели основаны на принципе уровневости и представлениях о внутренней и внешней (моторной) программах действий, на выделении и вместе с тем взаимодействии содержательно-смыслового, семантического и грамматического механизмов порождения речи, что коррелирует с сущностью риторического канона как технологии поэтапной разработки речи, в которой выделяются докоммуникативная и коммуникативная фазы, сопрягающие прагматические, семантические, синтаксические аспекты риторического текстообразования.

В модели А. А. Залевской продуцирование речи представлено следующими базовыми этапами: 1) процесс построения образа результата действия, отправным пунктом которого служит пусковой момент, который может быть как внешним, так и внутренним, т. е. исходящим от самого индивида; 2) процесс смыслового программирования речемыслительного действия, связанного с выбором и комбинаторикой семантических единиц; 3) процесс реализации смысловой

программы речемыслительного действия, обеспечивающий переход от смыслового кода к внешнеречевому коду [Залевская, 1977, с. 13; Залевская, 2007, с. 357].

Структура и содержание модели А. А. Залевской по своей концептуальной сути соотносимы с этапами риторического канона, прагматизированными РСТ: инвентивная стратегия выстраивает тот самый «образ результата действия»; диспозитивная стратегия обеспечивает смыслообразование; элокутивная стратегия трансформирует ментальный текстовый конструкт во внешнюю речь.

Связи прослеживаются и между предлагаемыми нами риторическими стратегиями и психолингвистической схемой-моделью И. А. Зимней, где формирование и формулирование мысли представлено как сложный процесс, в котором разграничиваются три параллельно существующих взаимообусловленных уровня: побуждающий (мотивационно-побуждающий), формирующий и реализующий [Зимняя, 1978, 1985].

Мотивационно-побуждающий уровень характеризует тесная связь и взаимообусловленность мотива как опредмеченной потребности и коммуникативного намерения. «При этом побуждающий уровень, движимый “внутренним образом” той действительности, на которую направлено действие, является импульсом (А. Н. Леонтьев) или “запуском” всего процесса речепроизводства. На этом уровне смысловыражения говорящий знает только о чем, а не что говорить, т. е. он знает общий предмет или тему высказывания и форму взаимодействия со слушателем, т. е. нужно ли ему получить, запросить информацию или выдать ее» [Зимняя, 1978, с. 73].

Формирующий уровень в концепции И. А. Зимней «несет ответственность» за логическую последовательность и синтаксическую правильность речевого высказывания. Он неоднороден и представлен двумя взаимосвязанными и одновременно реализуемыми фазами – смыслообразующей и формулирующей. Смыслообразующая фаза речепроизводства образует и развертывает, согласно И. А. Зимней, общий замысел говорящего, формируя смысловую канву высказывания. Фаза формулирования реализует органичное объединение

номинации и предикации. Исследователь приходит к выводу, что формирующий уровень порождения речи, связанный с реализацией фаз смыслообразования и формулирования, одновременно актуализирует механизм выбора слов, механизм временной развертки и артикуляционную программу, объективирующую замысел в процессе формирования и формулирования мысли посредством языка [Там же, с. 73–78].

Реализующий уровень есть «уровень собственно артикуляции (произнесения) и интонирования» [Там же, с. 79]; он характеризуется «иерархией управления произносительными движениями: от артикуляционной программы – к артикуляционным слоговым командам и к организации внутрислоговых движений» [Зимняя, 1985, с. 98]. При этом И. А. Зимняя акцентирует внимание на взаимообусловленности и взаимосвязанности всех уровней предложенной схемы [Там же, с. 98–99].

Проводя параллели с риторическим видением текстопорождения, мы отмечаем, что инвенция, где происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста, коррелирует с побуждающим уровнем модели речемыслительной деятельности И. А. Зимней. Диспозиция как этап структурно-смысловой организации есть, по сути, фаза смыслообразования формирующего уровня. Элокуция может быть соотнесена с выделенной И. А. Зимней в рамках формирующего уровня фазой формулирования. Риторическое текстообразование есть спроецированная на текст утилитарно-технологическая версия кодирования речевого сообщения, понимаемого психолингвистами как процесс перехода от мысли к развернутой речи, который «начинается с **общей схемы** всего высказывания и лишь затем переходит к поиску отдельных лексем...» [Лурия, 1975, с. 39].

Реализующий уровень в психолингвистической модели И. А. Зимней сопоставляется с заключительным этапом риторического канона – акцио, связанным с произнесением, озвучиванием текста, с его публичным предъявлением аудитории. Отметим, что ЛРТ нацелена на анализ и интерпретацию тех этапов риторического канона, которые отвечают

за текстообразование. Сам акт публичной презентации, предъявление текста аудитории не входит в сферу прямых аналитических интересов риторики декодирования.

Таким образом, установленные корреляции позволяют обозначить психолингвистические аналоги в номинациях РСТ: инвентивная, или мотивационно-побуждающая, стратегия; диспозитивная, или смыслоформирующая; и элокутивная, или стратегия формулирования (вербализации) (см. рисунок 8).

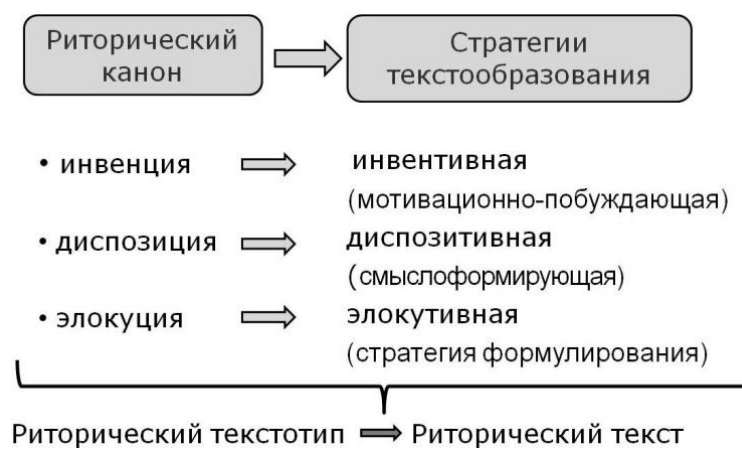

Рисунок 8 – Риторические стратегии текстообразования
в свете психолингвистической теории

Рассмотренные модели речепроизводства, по словам А. А. Леонтьева, «очень близки и в сущности больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу. Поэтому можно считать, что все они отражают единое направление в трактовке процессов речепорождения» [Леонтьев, 1999, с. 121].

Т. В. Ахутина выделяет общие для мировой исследовательской практики тенденции моделирования речепроизводства: 1) представление порождения речи как многоуровневого процесса, на каждом уровне которого специфически репрезентировано будущее высказывание; 2) разделение синтаксических и лексических операций, результаты которых объединяются с помощью специфического механизма «фрейм + слот»; 3) разделение выбора значений слов и выбора форм слов и соответственно различных уровней синтаксиса; 4) принципиальное единообразие разноуровневых механизмов типа

«фрейм + слот»; 5) представление о порождении речи как диалоговом процессе, предполагающем прямые («сверху – вниз») и обратные связи при наличии конкурирующих стратегий [Ахутина, 2007, с. 95–96].

Отраженная в моделях многоуровневость продуцирования речи коррелирует с этапностью риторического канона. Разделение мыслеречевых операций есть принцип существования риторического канона, определяющий его дидактико-прогностический характер. Разделение лексического и синтаксического аспектов получает отражение в операциях риторического текстообразования. Концептуальные идеи уровня синтаксирования (смысловой, семантический, формально-грамматический) прослеживаются в постулируемой риторикой декодирования поликомпозиционности риторического текста как результате трансформации разноуровневых композиционных единиц, обеспечивающих преобразование смыслов по пути от содержания к форме. Идея диалогичности пронизывает всю практику риторического текстообразования и получает вербальную экспликацию на этапе элокуции.

Известно, что отечественная психолингвистика, развивающая деятельностный подход, начинает построение моделей речепроизводства с понятия мотива (см. модели речемыслительного процесса [Ахутина, 2007; Выготский, 1982; Залевская, 1977; Зимняя, 1978, 1985; Леонтьев, Рябова, 1970; Лурия, 1975]). Мотивированность речевой деятельности как отправной пункт деятельностной психолингвистики отсылает к категории пафоса – краеугольному камню риторической теории.

Если риторический канон можно утилитарно понимать как своего рода «пользовательскую инструкцию» для текстопостроения, то психолингвистическая теория выступает способом теоретического обоснования долгожительства разработанных еще в античности мыслеречевых процедур. Кроме того, если риторика с присущим ей дидактизмом и установкой на решение образовательных задач расчленяет этапы текстообразования с целью доведения их до совершенства в погоне за эффективностью коммуникации, то психолингвистическая теория

продуцирования речи проходит путь от моделей последовательной переработки информации к моделям параллельной переработки, признающим взаимообусловленность и симультанность уровней [Залевская, 2007, с. 347–348].

Таким образом, основанная на содержательной сущности риторического канона лингвопрагматическая матрица, задающая системный принцип тактико-стратегического конструирования текста и одновременно алгоритм его анализа, получает верификацию в практике психолингвистического моделирования процессов речемыслительной деятельности, что можно рассматривать применительно к ЛРТ как критерий ее корреляционной валидности²⁶.

2.5. Дизайн исследования и модель риторического декодирования текста

Сформированная объектно-предметная платформа риторики декодирования, ее теоретические и методологические основания позволяют предложить конкретные решения в области дизайна исследования – наиболее критически важного пункта современной научной практики [Creswell, 2014; Gorard, 2013], а также разработать модель риторического декодирования текста как способа систематизации теоретических положений риторики декодирования и ее аналитических процедур.

Дизайн исследования определяют как базовую разработку архитектуры научного проекта, которая позволяет теории, данным и методам исследования взаимодействовать таким образом, чтобы максимизировать способность проекта достигать своих целей [Игнатов, Михальча, 2021, с. 80].

Специалисты в сфере интеллектуального анализа текста (текст-майнинга) предлагают следующие решения по дизайну исследования.

1. Тип исследования (идиографическое или номотетическое, согласно терминологии В. Виндельбанда).
2. Уровень анализа (текстовый, контекстуальный и/или социологический).

²⁶ Корреляционная валидность (термин К. Криппендорфа; см. [Krippendorff, 2004, p. 320–321, 333–336]) – применяемый при оценке качества метода показатель соответствия результата, полученного в результате определенного процесса, некоторым внешним критериям, в первую очередь результатам других методов.

3. Режим анализа (количественные, качественные или смешанные методы).

4. Выбор данных (одна или несколько коллекций документов; стратегический отбор и/или случайная выборка).

5. Логика вывода (индукция, дедукция и/или абдукция) [Там же, с. 82].

Применительно к риторике декодирования предложенные «дизайнерские» решения могут быть адаптированы и определены следующим образом.

1. Тип исследования – номотетическое, т. е. связанное с реализацией «познавательной установки на получение, конструирование, формулировку и обоснование любого общего знания, рассмотрение любых конкретных вещей, объектов и процессов не в их индивидуальном бытии, а как элементов, представителей некоторого класса, с некоторой общей точки зрения. Результатом такой познавательной установки является введение в качестве непосредственного предмета научного познания абстрактных и идеализированных предметов и структур, которым подчиняется функционирование отдельных предметов» [Лебедев, 2006, с. 179]. Действительно, риторика в целом – наука номотетическая, поскольку изучает общие принципы, законы, категории и универсальные технологии мыслеречевой деятельности. В свою очередь и риторика декодирования разрабатывает общие принципы реконструирования текстообразующего замысла, использует такой идеализированный конструкт, как риторический текстотип, задает систему параметров риторической текстуальности, предлагает устойчивый тактико-стратегический инструментарий объективации риторического текстообразования как универсального мыслеречевого процесса.

2. Уровни анализа – текстовый, вскрывающий механику риторического текстообразования, и контекстуальный, интерпретирующий результаты текстового с позиции общих тексто моделирующих тенденций. Оба уровня являются операциональными, связанными с реализацией общей программы РДТ. Кроме того, в данной работе актуален пререконструкционный (преаналитический) уровень исследования – уровень предварительных теоретических построений и допущений, определяющий когнитивно-коммуникативные и семиотические

координаты практики кодирования, значимые для построения процедур декодирования. Возможен и верифицирующий уровень исследования, связанный с реализацией эксперимента, диагностирующего текстовую эффективность.

3. Режим анализа определяется использованием метода ЛРТ, являющегося качественным по цели и специфике. Однако практика РДТ не исключает использования в части решения верифицирующих задач количественных методов, позволяющих диагностировать риторичность/эффективность текста как инструмента воздействия и компонента социокультурной реальности (см. п. 4.4 настоящей работы).

4. Выбор данных предполагает стратегический путь работы с материалом: ЛРТ применяется к текстам массовой и публичной коммуникации на основании признания автора текста риторической личностью – субъектом, обладающим достаточным для существования в медиасреде уровнем текстовой компетентности и риторической грамотности, имеющим регулярную текстообразующую практику и/или опыт профессионального общения. Предполагается работа с коллекциями документов (текстов), которые систематизируются на основании идеи актуализации риторического текстотипа в массмедийном дискурсе.

5. Логика вывода – преимущественно дедуктивная, возможна и абдукционная. «Дедуктивные исследовательские проекты начинаются с теоретических абстракций, выводят гипотезы из этих теорий, а затем создают исследовательские проекты, которые проверяют гипотезы на эмпирических данных» [Игнатов, Михальча, 2021, с. 73]. На текстовом уровне анализа мы следуем дедукции: от задаваемой текстотипической ориентировки как структуры знаний к обнаружению языковых и речевых репрезентантов риторичности. «Абдукция... включает в себя умозаключение, в котором вывод представляет собой гипотезу, которая затем может быть проверена с помощью нового или модифицированного исследовательского проекта» [Там же, с. 76]. Таким способом представляется возможным делать заключения на контекстуальном уровне анализа в случае реализации потребности диагностировать состояние модели коммуникативного контекста продуцента. При этом такой

исследовательский шаг может быть сопряжен с трансформацией номотетического типа исследования в идиографическое.

Модель риторического декодирования текста

Моделирование есть «метод практического или теоретического опосредованного исследования объекта на некоторой промежуточной системе» [Мамедов, 1979, с. 29]. Понятие «модель/моделирование» разработано для представления самого разного рода объектов научного познания – биологических и информационных систем, бизнес-процессов, естественных языков и др. [Hesse, 1970; Wand, Weber, 1990; Апресян, 1966; Карпович, 2018; Мамедов, 1979; Мельчук, 2012; Неуймин, 1984; Ревзин, 1962; Резников, 2015 и др.]. Уже в 70-х годах прошлого столетия стало очевидным, что «моделирование приобрело статус общенаучного метода» [Мамедов, 1979, с. 27].

В лингвистике накоплен серьезный опыт моделирования в области изучения когнитивной деятельности человека. Н. А. Мишанкина, обосновывая базовую для научного дискурса лингвокогнитивную модель и делая обзор мировой практики моделирования, заключает, что «современная когнитивная лингвистика разработала широкий спектр когнитивных моделей идентифицирующего..., категоризирующего... и синтезирующего... типа» [Мишанкина, 2010, с. 5]. Отметим также опыт когнитивного моделирования авторского сознания, включающий разработку методики построения коммуникативной модели поэтического текста [Бутакова, 2001], а также синергетическую модель текстообразования, устанавливающую сценарии приспособления структур друг к другу для экспликации архитектоники целого текста [Моисеева, 2007].

Согласно Ю. Д. Апресяну, «необходимость в моделировании возникает во всех тех научных областях, где объект науки недоступен непосредственному наблюдению. <...> смысл моделирования состоит в том, чтобы вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели» [Апресян, 1966, с. 78–79].

Принято считать, что в общефилософском плане «анализ процесса

моделирования должен начинаться с признания реальности существования моделируемых объектов» [Кононюк, 2012, с. 15]. Такой анализ основывается на принципах теории отражения: а) модель является гносеологическим отражением реально существующего объекта; б) модель является гомоморфным отражением объекта, следствием чего является сокращение и упрощение структуры оригинала; модель воспроизводит лишь основные, наиболее существенные для исследования стороны изучаемого объекта; в) модель всегда предполагает участие в ее создании, конструировании, выборе познающего субъекта [Там же].

Теория моделирования, в том числе и лингвистического, опирается на следующую систему требований и допущений в отношении универсальных свойств модели.

- Моделировать можно только такие явления, существенные свойства которых исчерпываются их структурными (функциональными) характеристиками и никак не связаны с их физической природой.

- Модель всегда является некоторой идеализацией объекта. Обычно модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, т. е. понятиями об идеальных объектах, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных, но построенными «свободно» на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и исследовательской интуицией.

- Всякая модель, в том числе лингвистическая, должна быть формальной, точной и однозначной.

- Всякая интерпретированная модель, в том числе лингвистическая, должна обладать свойством экспланаторности [Апресян, 1966, с.79–99].

Определение парадигмы свойств моделей, универсальных и специальных, актуализирует вопрос об их функционале и типологизации. Так, И. И. Комиссаров, анализируя различные подходы в теории моделирования (Т. Куна, Н. А. Умова, М. Хесса и др.), сводит возможности модели к трем основным функциям: отображательной, связанной со способностью модели

выступать замещающим аналогом реального объекта исследований; объяснительной, упрощающей субъекту понимание исследуемого объекта; эвристической, обуславливающей возможность с помощью модели извлекать новую информацию об исследуемом объекте [Комиссаров, 2020]. Как отмечает Н. М. Мамедов, «многообразие функций моделей в познании дополняется многообразием их типов» [Мамедов, 1979, с. 30].

В теории лингвистического моделирования разработана типология моделей, позволяющая понять специфику моделирования, реализуемого в рамках риторики декодирования. Так, на основании характера рассматриваемого объекта Ю. Д. Апресян выделяет три типа моделей.

1. Модели, в которых в качестве объекта выступают конкретные языковые процессы и явления. Эти модели имитируют речевую деятельность человека.

2. Модели, в которых в качестве объекта рассматриваются процедуры, ведущие к обнаружению того или иного языкового явления. Эти модели в определенной степени имитируют исследовательскую деятельность лингвиста. Их называют моделями исследования.

3. Модели, в которых в качестве объекта предлагаются уже готовые лингвистические описания, а не речевая деятельность человека или исследовательская деятельность лингвиста. Если обычная грамматика является теорией конкретных языковых процессов, то модель третьего типа является теорией теории, или метатеорией [Апресян, 1966, с. 99–100].

Модель РДТ относится к модели второго типа, т. е. является моделью исследовательской.

Ю. Д. Апресян предлагает алгоритм описания моделей по следующим критериям: входные данные; характер исходной информации; характер конечной информации; цель [Там же, с. 108]. Применительно к исследовательской модели даются следующие описания: лингвисту известен текст, который определяет характер исходной информации. Конечная информация в лингвистической модели связывается с грамматикой и словарем, а целеполагание — с моделированием деятельности лингвиста [Там же] (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Критерии исследовательской лингвистической модели Ю. Д. Апресяна

Тип модели	Признаки			
	Что известно	Характер исходной информации	Характер конечной информации	Цель
Исследовательская (структурная лингвистика)	Текст (и множество правильных фраз)	Текст	Грамматика и словарь	Смоделировать деятельность лингвиста

Риторика декодирования, заимствуя у структурной лингвистики магистральную идею модели исследовательского типа, подстраивает ее под свои актуальные цели и задачи. Описывая сущностные признаки модели РДТ, мы меняем характер как исходной, так и конечной информации при актуализации прагматической пресуппозиции «текст есть инструмент воздействия» (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Установочные критерии исследовательской модели РДТ

Тип модели	Признаки			
	Что известно	Характер исходной информации	Характер конечной информации	Цель
Исследовательская (риторика декодирования)	Текст как инструмент воздействия	Риторический текстотип как когнитивная структура, параметры риторичности	Механизмы текстообразования, обеспечивающие эффективность текста либо снижающие ее	Моделирование деятельности декодирующего

Предлагаемая модель риторического декодирования, являясь исследовательской по своей типологической природе, учитывает необходимость включения: а) этапов/подэтапов риторического декодирования текста с указанием их цели; б) соответствующих предложенным этапам методов исследования; в) единиц анализа (см. таблицу 5).

Структуру модели формируют следующие этапы (уровни) риторического декодирования текста: пререконструкционный, представленный когнитивно-коммуникативным и семиотическим подэтапами; текстовый, где реализуются реконструкционные подэтапы – инвентивный, диспозитивный и элокутивный; контекстуальный, реализующий интерпретационные задачи; верифицирующий, имеющий факультативный характер. Содержание модели риторического

декодирования текста определяют такие предписанные каждому этапу и подэтапу индикаторы, как цель, метод и операциональная единица.

Структура настоящей модели наглядно демонстрирует возможности исследовательского движения в направлении «Текст–Смысл–Контекст». Предложенная модель соотносима с этапами гуманитарного познания, представляемыми исследователями в виде ступеней обобщения: созерцание, или наблюдение (Н. В. Максимова), фиксация, систематизация, идентификация как определение типа познаваемого явления, объяснение как реконструкция каких-либо явлений как звеньев закономерного процесса, интерпретация [Троицкий, Тюпа, 2024, с. 15–19]. Переступая через первые три ступени как установочные, мы проводим параллели между пререконструкционным этапом нашей модели и идентификацией, связанной в данном случае с объективацией риторического текстотипа, между текстовым этапом и объяснением, между контекстуальным этапом и интерпретацией. Такие корреляции способствуют обеспечению валидности предложенного исследовательского конструкта.

Таблица 5 – Модель риторического декодирования текста

Этапы риторического декодирования текста	Подэтапы риторического декодирования текста	Сущностные характеристики		
		Цель	Метод	Операциональная единица
(0) Пререконструкционный	Когнитивно-коммуникативный	Сформировать знания о когнитивно-коммуникативной природе текста риторического типа	Когнитивное и коммуникативное моделирование	Риторический текстотип; модель коммуникативного контекста, модель коммуникативного акта
	Семиотический	Определить знаковую специфику кодирования и декодирования	Семиотическое моделирование	Код и метакод
(1) Текстовый, или реконструкционный	Реконструкция инвентивной стратегии текстообразования	Реализовать анализ концептуального сценария текста	Лингвориторическая реконструкция текстообразования	Составляющие концептуального сценария текста
	Реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования	Реализовать анализ композиционно-аргументационной организации текста	Лингвориторическая реконструкция текстообразования	Строчные единицы текста; аргументационные комплексы; суперкомпозиционные составляющие
	Реконструкция элокутивной стратегии текстообразования	Реализовать анализ ресурсов вербализации авторского замысла	Лингвориторическая реконструкция текстообразования	Лексические и синтаксические единицы
(2) Контекстуальный	—	Осуществить интерпретацию результатов ЛРТ, в том числе и применительно к модели коммуникативного контекста продуцента	Интерпретационный, элементы интент-анализа	Параметры риторического текстотипа; компоненты модели коммуникативного контекста
(3) Верифицирующий	—	Подтвердить экспериментально результаты РДТ	Эксперимент	Реакции респондентов

Выводы

В данной главе работы представлена система теоретических оснований риторики декодирования и обоснован ее ведущий метод – лингвориторическая реконструкция текстообразования.

Теоретические воззрения риторики декодирования базируются на признании взаимонаправленности и когнитивной тождественности процессов порождения и восприятия речи, что верифицируют психолингвистические исследования (А. А. Леонтьев, Л. О. Бутакова). Именно поэтому риторическое декодирование как аналитический процесс осуществляется с позиции учета когнитивных процессов кодирования.

Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования складываются вокруг понятия *риторического текстотипа* – когнитивной структуры, аккумулирующей знания о параметрах текстовой эффективности, абстрагированного от конкретного жанрового воплощения ментального текстового образца, воплощающего идею риторического текстообразования и риторической текстуальности. В ситуации кодирования риторический текстотип в функции «эталонного репрезентанта» (А. В. Бондарко) задает продуценту систему параметров, обеспечивающую существование и функционирование риторического текста – реализованного в коммуникации текстового продукта как результата технологически осознанной мыслеречевой деятельности. В свою очередь реконструкция «ситуации мыследействования продуцента» (Г. И. Богин) осуществляется посредством активации декодирующим риторического текстотипа как инструмента для обнаружения индикаторов риторичности.

Эксплуатируемая риторикой декодирования идея текста-образца уходит корнями в психологические, психолингвистические и когнитивные исследования Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, А. А. Леонтьева, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева; в функционально-прагматическую концепцию текста А. Г. Баранова; в теорию планирования текста Р. Водак; соотносится с исследованиями М. Я. Дымарского и Н. С. Болотновой, связанными с определением текстовой нормы.

Источником формирования теоретических оснований и одновременно верификатором концептуальных положений риторики декодирования становится теория планомерного (поэтапного) формирования умственных действий и понятий (П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, А. И. Подольский и др.), объектом изучения которой является ориентировочная деятельность субъекта. Риторика декодирования переосмысливает такие понятия указанной теории, как автоматические и активные действия, ориентировочная основа действия (ООД), условия действия, а также уровни ориентировочной деятельности, и экстраполирует их в качестве когнитивных универсалий на свой понятийный аппарат. Так, в функции ООД выступает именно риторический текстотип как когнитивная структура, формирующая образ эффективного текста и отвечающая за его качество. Когнитивным коррелятом условий действия, отражающихся в ООД, выступает такая структура представления знаний, как модель коммуникативного контекста (Т. А. ван Дейк). Кроме того, продуктивным для настоящей концепции представляется различение уровней ориентировочной деятельности (А. Г. Лидерс, Ю. И. Фролов), задающих векторы риторического декодирования – стратегический, тактический и оперативный.

Когнитивный статус риторического текстотипа определяется его функциями – онтологической и гносеологической, сопряженными с практиками кодирования и декодирования. В текстообразующей деятельности риторический текстотип используется в качестве прототипа, обеспечивающего построение новой сущности – риторического текста. В практике реконструкции механизмов создания текста – в качестве инварианта, направляющего и организующего аналитическую деятельность декодирующего.

Краеугольным камнем риторики декодирования выступает положение о мотивированности риторического текстотипа моделью коммуникативного контекста продуцента, активируемой коммуникативной ситуацией. Прослеживается действие механизма вторичного прототипирования: первоосновой коммуникативной ситуации выступает коммуникативный акт, который через ее посредство определяет содержание модели коммуникативного

контекста субъекта речи, обуславливающей в итоге параметрическую специфику риторического текстотипа.

В поисках операциональной модели коммуникативного акта риторика декодирования обращается к теоретико-прикладным разработкам Б. Ю. Городецкого. Его модель включает в себя целевую детерминанту коммуникативного акта, что свидетельствует о телеологическом подходе к пониманию феномена коммуникации. Кроме того, структура и содержание данной модели отражают изоморфные процессы кодирования и декодирования, сигнализирующие о возможности обратной связи говорящего и слушающего, а также учитывают контекст общения.

Результат теоретических построений риторики декодирования, основанных на пересечении когниции и коммуникации, – установление корреляций между структурными компонентами коммуникативного акта и параметрами, объективирующими природу риторической текстуальности. Выявленные когнитивно-коммуникативные соответствия есть свидетельство глобальной устремленности текста риторического типа к тотальному учету факторов и условий коммуникации. Разработанная система параметров риторического текста отражает его понимание как осознанной, технологически регулируемой вербальной сущности, обладающей свойствами акциональности, актуальности, аргументированности, персуазивности, публичности и диалогичности. Риторика декодирования следует теоретической установке, согласно которой в тексте риторического типа каждый компонент структуры коммуникативного акта получает свое вербальное воплощение, определяющее воздействующий потенциал текста.

Предложенная система параметров риторической текстуальности позволяет сформировать промежуточную гипотезу о возможности признания риторического текстотипа-образца прототипом медиатекста, генетически обуславливающим его перлокутивно-персуазивные свойства.

Семиотические основания риторики декодирования формируются на основе понимания риторического текстотипа как кода, обеспечивающего кодирующему

возможность создания эффективного текста, и как метакода, участвующего в реконструировании механизмов текстообразования и интерпретации полученных лингвистических данных применительно к состоянию контекстной модели продуцента. Семиотическая природа риторического текстотипа обусловлена тремя измерениями семиозиса – семантическим, синтактическим и прагматическим, которые объективированы в практике текстообразования инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегиями.

Знаковая ситуация риторического декодирования, описываемая с опорой на семиотические теории Ч. Пирса и Ч. У. Морриса, включает в себя в качестве *объекта* текст, стимулирующий поисковую деятельность декодирующего к обнаружению экспликаторов риторического текстотипа и диагностированию риторичности текста. Соответственно, в качестве *репрезентамена*, или *знака*, рассматривается риторический текстотип. *Интерпретанта* связывается с параметрами риторичности объекта как залога его эффективности, что формирует условия для верификации гипотез декодирующего. В контексте риторичности декодирования стандартная знаковая ситуация расширяется путем встраивания в нее таких конституентов, как интерпретатор и коммуникативный контекст, что обуславливает метасемиотический характер риторического декодирования как аналитического процесса.

Лингвопрагматические основания риторичности декодирования связаны с понятием *лингвопрагматической матрицы* – исследовательского конструкта, эксплицирующего системный принцип тактико-стратегического построения текста и одновременно алгоритм его анализа, получающий объективацию в ведущем методе – лингвориторической реконструкции текстообразования.

Операциональным понятием настоящего исследования выступает *риторическая стратегия текстообразования*, под которой мы понимаем актуализацию продуцентом программы по реализации определенного этапа риторического текстопроизводства, обуславливающего текстовую эффективность, чем создаются условия для успешной реализации коммуникативной стратегии говорящего.

Интерпретация технологических процедур создания текста, связанных с этапами риторического канона, позволяет выдвинуть инвентивную, диспозитивную и элокутивную стратегии текстообразования и определить их тактическое воплощение. Риторические стратегии и соответствующие им риторические тактики основаны на представлениях об эффективном текстообразовании, закрепленных в предложенной нами лингвопрагматической матрице. Исследовательская корректность данной матрицы обеспечивается признанием того обстоятельства, что говорящий/пишущий, способный к оперированию вышеуказанными риторическими тактиками, – языковая личность, имеющая регулярную, как правило, профессиональную, практику текстопроизводства и коммуницирования.

Разработанная лингвопрагматическая матрица характеризуется достаточно жестким структурированием множества объектов и является основанием *лингвориторической реконструкции текстообразования* (ЛРТ) – ведущего исследовательского метода риторики декодирования. ЛРТ есть поэтапная аналитическая процедура, вскрывающая механизмы текстообразования в свете риторической идеологии эффективности. Цель ЛРТ заключается в объективации текстообразующего кода продуцента путем восстановления риторических стратегий и их тактических конститuentов, способы и средства репрезентации которых позволяют делать заключения о риторичности/нериторичности текста и выявлять зоны риторических рисков текста, создающих угрозы его воздействию возможностям. Интерпретация аналитических результатов ЛРТ становится способом диагностирования актуализованных/неактуализованных в тексте составляющих модели коммуникативного контекста продуцента, что демонстрирует выход за пределы собственно текстовой структуры.

Обоснование метода ЛРТ, помимо определения его цели, включает обзор теоретической базы метода, определение принципов ЛРТ (телеологичности, уровневости, компонентности, селективности и комбинаторности), описание содержательной специфики метода, рефлексия о критериях качества метода, а также указание областей его применения.

С целью верификации концептуальных оснований риторики декодирования осуществлено обращение к психолингвистической теории речемыслительной деятельности. Критериями корреляционной валидности ЛРТ выступают теоретические соотношения, установленные между риторическими стратегиями текстообразования и этапами/уровнями психолингвистических моделей или схем речепорождения А. А. Леонтьева, Т. В. Ахутиной, А. А. Залевской, И. А. Зимней.

Дизайн исследования разработан согласно критериям, обозначенным специалистами в области интеллектуального анализа текста (текст-майнинга). Предложены конкретные «дизайнерские» решения. Преимущественный *тип исследования*, реализуемый риторикой декодирования, – номотетический. *Уровни анализа*, или *этапы*, актуализированы в модели РДТ. *Режим анализа* обусловлен качественным характером метода лингвориторической реконструкции текстообразования; в верифицирующих целях используются количественные методы. *Выбор данных* определяется тем фактором, что лингвориторическая реконструкция применяется к текстам массовой и публичной коммуникации на основании априорности определенной риторической компетентности автора текста. РДТ направлено на работу с коллекциями документов (текстов). *Логика вывода* – преимущественно дедуктивная, возможна абдукционная.

Сформированный теоретико-методологический базис риторики декодирования обуславливает создание *модели риторического декодирования текста*, которая относится к конструктам исследовательского типа, имитирующим деятельность лингвиста. Структура модели РДТ представлена парадигмой этапов, демонстрирующих исследовательское движение от текста к контексту. В нее входят: пререконструкционный этап, состоящий из когнитивно-коммуникативного и семиотического подэтапов; текстовый, включающий подэтапы реконструкции инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий; контекстуальный и верифицирующий этапы. Содержание каждого этапа модели определяют цель, метод и операциональная единица. Модель РДТ становится способом презентации исследовательских возможностей риторики декодирования как концепции метапонимания.

ГЛАВА 3. РИТОРИЧЕСКОЕ ДЕКОДИРОВАНИЕ МЕДИАТЕКСТА

Центральное место в методологическом арсенале РДТ занимает ЛРТ, нацеленная на выявление способов и средств репрезентации инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий создания текста. Согласно разработанной модели РДТ речь идет о **текстовом (реконструкционном) этапе** исследования.

Реализация текстового этапа исследования опирается на сформированные на пререконструкционном этапе знания о когнитивно-коммуникативной природе текста риторического типа и семиотической специфике РДТ. Результаты текстового этапа становятся основанием постреконструкционной интерпретации, открывающей возможности выявления общих текстообразующих тенденций, а также определения интенциональности говорящего, его риторического потенциала, лакун в его модели коммуникативного контекста.

Исследовательское признание риторической природы текста массовой коммуникации позволяет нам обоснованно осуществлять ЛРТ на материале медиатекстов, входящих в различные медиадискурсы – политический, публицистический, религиозный, научно-популярный и другие. При этом мы придерживаемся широкого понимания медиатекста как индивидуального или коллективного продукта мыслеречевой деятельности, целенаправленно создаваемого для размещения и функционирования в любых средствах массовой коммуникации.

3.1. Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования

Цель лингвориторической реконструкции инвентивной стратегии текстообразования состоит в объективации содержательной концепции текста как квинтэссенции авторского замысла. ЛРТ на данном этапе есть «распаковка» риторических тактик, обуславливающих такие свойства риторического текста, как акциональность и актуальность. Воссоздание инвентивной стратегии заключается в моделировании ответа на технологический вопрос «О чем?», который связан

с предметной областью речи и ее содержательным сценарием, подчиненным замыслу говорящего.

Сложная природа инвентивного этапа текстообразования, выходящая за границы текстовой структуры в объективную реальность, подвергается различным интерпретациям. Этот факт отмечают М. И. Панов и Л. Е. Тумина, анализируя трактовки этапа «изобретения» Аристотелем, Платоном, М. В. Ломоносовым, И. С. Рижским, М. М. Сперанским [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 333]. Неориторическая практика, переосмысливая наследие прошлого, краеугольным камнем инвенции считает тему [Безменова, 1991, с. 22–29; Гиндин, 1998, с. 362–363], однако не предлагает устойчивых аналитических процедур комплексного описания инвенции. Более того, и лингвистическая практика отстраняется от инвенции. Как отмечает Б. Ю. Норман, «начальный этап речемыслительного процесса – этап мотива – остается за пределами нашего исследования. И не потому, что нам неинтересно, по какой причине человек начинает говорить и какую конечную цель он при этом ставит, но просто потому, что это – особый и скорее психологический, чем лингвистический, объект исследования» [Норман, 2011, с. 9].

РДТ ставит задачу преодоления категориальной неопределенности инвенции: прослеживает тактические пути отбора и комбинаторики «фрагментов действительности», репрезентация которых обеспечивает предметное содержание сообщения и его концептуальный сценарий. Составляющими последнего выступают *тема*, *проблема* и *тезис* риторического текста, призванные реализовать *авторское целеполагание*.

3.1.1. Тактика объективации целеполагания

Реконструкция тактики объективации целеполагания сопряжена со стремлением обнаружить как контекстные, так и собственно текстовые сигналы акциональности – индикаторы практического целеполагания говорящего, свидетельства включенности текста в построение новой реальности, маркеры предназначенности текста в фокусе авторского текстообразующего замысла. РДТ исходит из понимания того, что управление процессом текстообразования

на инвентивном этапе начинается с осмысления практической цели коммуникативного акта, представляющей собой образ практического результата, который предполагает достичь субъект речи. Иначе говоря, практическая цель связывается с типом социальной деятельности [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 29].

Выявление репрезентантов тактики объективации целеполагания представляется нам одной из наиболее сложных задач РДТ. Для ее решения обратимся к герменевтической теории, в частности к предложенному П. Рикёром пониманию осмысленного действия как текста [Рикёр, 2008]. Но если герменевт текстуализирует действие, то мы идем в обратном направлении – наделяем текст способностью осуществлять действие и влиять тем самым на социальную практику. При этом в качестве предпосылочного условия РДТ мы принимаем доказанный П. Рикёром изоморфизм текста и осмысленного действия, основанный в первую очередь на критерии фиксации смысла/объективации действия [Там же, с. 29–35].

Выявление сигналов акциональности достижимо при условии объективации индикаторов действия. «Эта объективация *возможна* благодаря некоторым внутренним чертам действия, схожим со структурой речевого акта и превращающим “делание” (doing) в подобие высказывания (utterance)» [Там же, с. 30]. Иначе говоря, акциональность текста может быть идентифицирована и репрезентована в системе координат речевых актов – минимальных единиц коммуникации, характеризующихся определенным пропозициональным содержанием и иллокутивной силой. Рассмотрение акциональности сквозь призму теории речевых актов есть следование ставшему аксиоматическим положению о том, что ядром акциональности является перформативность. Предложенная философской логикой и развитая лингвистической прагматикой идеология перформативности прошла путь от обоснования и изучения иллокутивного акта как первичного объекта к тексту как инструменту конструирования реальности и одновременно способу самопрезентации личности.

Перенос идеи перформативности с высказывания на широкую речекоммуникативную практику сопряжен с присвоением тексту статуса действия, являющего составной частью объективного мира. В данном случае речь идет о прагматизации текста. Риторика декодирования постулирует, что текст-перформатив самим актом своей трансформации в коммуникативное событие связывается с совершением действия. Для автора такого текста важно первоочередное понимание реципиентом актуального действия текста, а лишь затем того, о чем этот текст. Основанная на перформативности акциональность обеспечивает возможность вписать текст в действительность, сделать его частью реальности в качестве инструмента реализации и регуляции той или иной коммуникативной ситуации, шире – конструирования определенной дискурсивной практики.

Формула П. Рикёра «текст = действие» приводит к метафорическому понятию «открытый поступок» [Рикёр, 2008, с. 34], с которым связывается возможность понимания и интерпретации текста-действия неограниченным кругом лиц в историческом измерении. Из корпуса исследованных текстов примерами «открытых поступков» выступают Нобелевские речи-лекции, презентующие мировоззренческие, философские, культурные, эстетические и т. п. взгляды, гражданскую позицию лауреатов, области научных достижений и связанные с ними перспективы. Материалом нашего рассмотрения являются тексты таких нобелевских лауреатов, как М. Шолохов (Шолохов, 1965), А. Солженицын (Солженицын, 1970), А. Сахаров (Сахаров, 1975), И. Бродский (Бродский, 1987), Ж. Алферов (Alferov, 2000), К. Новоселов (Novoselov, 2010). Акциональность этих текстов состоит в их интерпретационном потенциале, который обеспечивает возможности трансфера авторских идеологии, знания, опыта из ситуации «здесь и сейчас» в дискурсивное пространство будущего – в новые исторические условия.

Проследим пути объективации акциональности в медиатекстах, онтологическая сущность которых зиждется на «заинтересованной саморепрезентации» [Хабермас, 1989, с. 37], выступающей импульсом

общественного перформанса. Признание текста операциональной составляющей действительности немыслимо без представлений реципиентов об актуальной социально-политической/исторической ситуации и презумпции текстовой деятельности ее участников. Соответственно, первый способ декодирования текстовой акциональности, коррелирующей с практической целью говорящего, может быть определен как **контекстно-жанровый**. Благодатным материалом для декодирования в данном случае выступают жанры ритуального дискурса, понимаемого как «средство формирования традиций власти» [Олянич, 2007, с. 46]: новогоднее обращение/поздравление первого лица государства, компании, организации; торжественное слово, например, главнокомандующего на военных парадах; приветственное слово на открытии массового мероприятия; благодарственное слово как составная часть публичного перформанса и т. п. Перечень примеров легко формируется путем обращения к жанровому арсеналу ритуальной политической или корпоративной коммуникации. Вышеуказанные жанры есть тексты-перформативы, без актуализации которых невозможна реализация самого мероприятия. Они имеют конвенциональную природу, то есть являются непрямым и согласованным условием актуализации события, их ждет массовая аудитория как часть известного сценария. Здесь реконструкция практической цели текста привязана к его жанровой специфике: поздравить, поприветствовать, поблагодарить, открыть мероприятие и т. п.

Контекстно-жанровый способ работает и за пределами ритуальной коммуникации. Например, риторическим текстом, практическая цель которого идентифицируется контекстуально, является выступление Председателя Банка России Э. Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров 28.02.2022 (Набиуллина, 28.02.2022), анонсирующее запуск программы финансовой помощи государству и частным лицам в условиях экономико-политической турбулентности. Перед нами антикризисная речь, информационная по своей природе, действующая в определенный исторический период. Сам акт выступления Председателя Банка России перед массовой аудиторией квалифицируется как способ урегулирования сложной финансово-экономической

ситуации, в соответствии с чем и определяется цель субъекта речи. Из корпуса исследованных нами медиатекстов политической коммуникации, практические цели которых выводятся из контекста и жанрового воплощения, отметим такие тексты-перформативы, как презентационная речь Президента России В. Путина на 119-й сессии Международного олимпийского комитета в Гватемале (Путин, 04.07.2007), а также его обращение к гражданам в связи с реализуемой пенсионной реформой в России (Путин, 29.08.2018). Таким образом, выявление сигналов текстовой прагматизации начинается с контекстно-жанровой реконструкции.

Собственно текстовый способ объективации действия и через него реконструирование практической цели говорящего мы связываем с выявлением в структуре текста перформативных высказываний и определением их типологической отнесенности. Такой способ обнаружения сигналов целеполагания есть **речеактовая идентификация**, которая часто выступает логическим продолжением контекстно-жанрового способа декодирования акциональности. Отправной точкой реконструкции здесь выступают перформативные высказывания, актуализирующие тот или иной речевой акт:

(1) *...мы рекомендуем* банкам идти навстречу клиентам, проводить реструктуризацию кредитов, не назначать пени и штрафы по таким кредитам (Набиуллина, 28.02.2022);

(2) *Советую прийти* на спектакль и *испытать* много положительных эмоций (Надмитов, 15.01.2025);

(3) *...предлагаю* для граждан, которым предстояло выходить на пенсию по старому законодательству в ближайшие два года, установить особую льготу – право оформить пенсию на шесть месяцев раньше нового пенсионного возраста (Путин, 29.08.2018);

(4) *...поручаю* Правительству предложить реальные стимулы для бизнеса (Там же);

(5) *Мы гарантируем*, что строительство олимпийских объектов будет закончено вовремя. На это *мы выделяем* крупную сумму в 12 миллиардов долларов (Путин, 04.07.2007);

(6) *Я желаю* студентам вот, как я, то есть попробовать всё и, наверное, сейчас это самое важное в жизни – не останавливаться и пробовать, пробовать, пробовать... (Пушной, 20.03.2023).

В соответствии с классификацией Дж. Р. Серля [Серль, 1986а] мы отмечаем реализацию директивного речевого акта в таких его разновидностях, как рекомендация (1), совет (2), предложение (3), поручение (4). Здесь не собственно побудительные высказывания, а как раз классические перформативы 1-го лица единственного числа направляют слушающего к совершению некоторого

действия. Директивность в рассматриваемых примерах (1, 3, 4) обусловлена статусно-ролевыми факторами, связанными с фигурами субъектов речи, а именно Председателя Банка России и Президента России. В директивах (1, 3, 4) целеполагание говорящего связывается с возникшей потребностью активных изменений устоявшихся институциональных и социальных систем. Совет (2) характеризуется меньшей степенью директивности, особенно когда он инициирован ведущим солистом Бурятского театра оперы и балета. Отметим и комиссив – речевой акт принятия обязательств. В высказывании (5), где первое лицо государства дает гарантии в организации и проведении на самом высоком уровне мероприятия мирового значения, практическая цель говорящего очевидна.

Выделенные директивы и комиссивы могут быть квалифицированы в качестве так называемых политических перформативов – таких высказываний, «само произнесение которых является политическим действием, формой политического участия» [Шейгал, 2004, с. 217]. Выступая средством конструирования политического дискурса, они являются и вербализованными маркерами акциональности.

Экспрессивные речевые акты выступают индикаторами психологических состояний коммуникантов, что особенно значимо в межличностном общении. Экспрессивные речевые акты делят на социативные и инфлуативные. Первые «реализуют социально заданные регулирующие правила речевого поведения с обязательной положительной оценочностью: понятие благопожелания эксплицитно или имплицитно входит в значение любого социативного высказывания...» [Трофимова, 2008, с. 31]. К ним относят пожелание, поздравление, извинение. Вторые выражают эмотивно-оценочное отношение говорящего к явлениям окружающей действительности. В инфлуативные речевые акты включают комплимент, похвалу, порицание, оскорбление [Там же, 2008, с. 129–348]. Например, пожелание (6) как социативный акт, по сути, содержит сформулированную адресантом для адресата свернутую программу действий «пробовать все», что оказывается возможным только в статусе студента

университета. Соответственно, текст выступления А. Пушного, адресованный абитуриентам, становится инструментом вступительной кампании.

Отмечаемая исследователями проблема существования широкой вариативности форм выражения иллокутивной силы [Рахилина, Бычкова, Жукова, 2021, с. 7–11] заставляет обратить внимание на случаи анонсирования целеполагания, в грамматическом выражении не соответствующие перформативным высказываниям, но по своей семантической сути являющиеся сигналами акциональности:

(1) *Банк России будет принимать все необходимые меры для защиты финансовой и целевой стабильности, поддержке российского финансового сектора и защиты благополучия граждан и экономики в целом* (Набиуллина, 28.02.2022);

(2) *...я решила, что мое участие в президентских выборах действительно может быть шагом на пути к столь необходимым нашей стране преобразованиям* (Собчак, 18.10.2017);

(3) *...не устану повторять, пока это требует повторения: там, где погибнет школа, не будет никакого села* (Шаргунов, 16.05.2019);

(4) *...мы изучаем возможности компаний-утилизаторов отходов добычи нефти и бурения в разных регионах Российской Федерации...* (Иванов, 01.02.2025).

Данные высказывания можно интерпретировать в качестве **косвенных сигналов текстовой акциональности**. Так, Э. Набиуллина обещает поддержку финансовой стабильности со стороны Банка России в период социально-экономической турбулентности (1). К. Собчак декларирует новое положение дел: анонсирует свое участие в президентских выборах (2). С. Шаргунов, писатель, публицист, общественный деятель с опытом депутатской работы в Государственной Думе, утверждает значимость своих речевых действий, позиционируемых в качестве социальных актов (3). Председатель межрегиональной экологической общественной организации «Зелёный Фонд» О. Иванов в связи с экокатастрофой в Черном море заявляет о действиях единомышленников (4).

Подчеркнем, что практическая цель субъектов речи оказывается более наглядной в текстах, получивших реализацию в устной дискурсивной практике, в силу их прямой включенности в коммуникативную ситуацию и актуальный социальный контекст.

3.1.2. Тактика тематизации

Объективация актуальности как параметра текста риторического типа достигается посредством реконструкции тактики тематизации, тактики проблематизации и тактики предъявления тезиса.

Природа риторического текста, ориентированная на эффективность как высший критерий коммуникативной состоятельности, требует от предметного содержания текста выраженной актуальности, злободневности, привязанности к ситуации «здесь и сейчас». Риторический текст – не только ситуативно уместный продукт речемыслительной деятельности, но и текст, освещающий насущные проблемы целевой аудитории и тем самым направленный на позитивное изменение действительности с позиции как ценностных приоритетов ратора, так и реципиентов. Иначе говоря, денотативное пространство текста риторического типа должно представлять интерес не только для говорящего, но и для слушающего. Мы говорим о критерии актуальности как условии корректной вербализации и понимания текста.

Выявление декодирующим тактики тематизации представляет собой процесс выдвижения предположений относительно референциального маршрута говорящего в предметном многообразии мира, сопряженного с постоянной ориентацией на потенциального слушателя.

Классическая риторика в качестве теоретического основания инвенции рассматривала категорию интереса, которая обуславливала обращения субъектов речи к тому или иному «фрагменту действительности». Согласно Е. В. Ключеву, «иметь интерес к чему бы то ни было изначально идентифицировалось с ощущением “важности” этого “чего-то” в жизни общества. <...> На основании данного классификационного критерия выделялись такие **виды интереса**, как общественный, групповой и индивидуальный. Именно эти виды интереса... и диктовали обращение оратора к той или иной теме» [Ключев, 1999, с. 23].

Риторика всегда работала и работает на активацию общественного интереса. Идеальной речевой ситуацией можно признать ту, в которой реализуется совместный интерес сторон. Если такого совпадения не наблюдается, то в целях

обеспечения риторической эффективности необходимо корреспондирование интересов индивидуального и общественного, позволяющего сделать персональное общим, а общее – сопряженным с индивидуальным. Как отмечает Е. В. Ключев, «уровень общественного интереса к той или иной теме есть прежде всего вопрос градуирования» [Там же, с. 26]. Техника градуирования предполагает преобразование предмета личного интереса в общественный. Необходимый для построения текста предмет градуируется говорящим по вертикали таким образом, чтобы оказаться в поле его зрения, после чего искомая ступень градации (доступная пониманию слушателей) переносится по горизонтали в актуальную речевую ситуацию [Там же, с. 28]. Получает воплощение таксономическая схема движения «от частного к общему», которая демонстрирует продуктивный для риторической практики путь выдвижения темы. При этом «общее» становится достоянием слушающего путем интимизации – специального типа конкретизации общего понятия, осуществляемого как приближение предмета к слушателям, создающего эффект апелляции к личным качествам аудитории [Там же, с. 37].

Примером экспликации тематического градуирования, связанного с решением вопроса о границах общественного интереса, выступает текст С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна»:

<...> Я писал на эту тему запросы. Но главное – люди, обращавшие ко всем подряд, не отступали. Они осаждали редакции, депутатов, собирались выйти на сход. И добились своего. Тема не нова: закрытие школы. Но каждый раз это убийственная новость для тех, кто учит и учится, и, конечно, для их семей (Шаргунов, 16.05.2019).

Тематическое градуирование в данном тексте проходит по маршруту «от частного к общему», определяемому различными интересантами: а) родителями учеников малокомплектной Заклинской школы Дновского района Псковской области и Бельской школы, расположенной по соседству; б) учителями этих школ; в) учащимися указанных школ; г) самим депутатом Государственной Думы, писателем и публицистом С. Шаргуновым; д) государством, которое нуждается в селе как ячейке аграрной индустрии страны.

Медiateкст руководствуется принципом: чем больше заинтересованных темой лиц, тем выше вероятность общественного резонанса. Наблюдается прямая связь между тематической направленностью медиатекста, связанными с ним интересантами, их количеством и качественным составом, и актуальностью медиатекста. Частный интерес родителей отстоять сельскую школу расширяется до границ государственной потребности сохранения села.

Реконструкция тактики тематизации должна учитывать существующие ограничения на ввод темы. Т. ван Дейк, рассуждая о тематических репертуарах дискурсов, указывает, что ввод темы регулируют два типа ограничений: а) предопределенность социокультурной ситуацией и коммуникативным контекстом говорящего и слушающего; б) среда и тип дискурса: «рассказы, новости в газетах или по телевидению, романы могут повествовать о разном, но у них есть один общий ограничитель – события должны представлять интерес для тех, кому они сообщаются» [Дейк ван, 2015, с. 56–57]. Последнее положение напрямую соотносится с установленной классической риторикой категорией интереса, реализуемой в текстах описанной выше техникой тематического градуирования и приемом интимизации.

Важно подчеркнуть, что «инвенция не требует от говорящего эксплицитного представления таксономической схемы в речи. Таксономическая схема нужна, скорее, как этап подготовки к сообщению, как этап упорядочивания говорящим его сведений о соответствующем “фрагменте действительности”» [Клюев, 1999, с. 39]. Поэтому рассмотренный выше пример движения интересов «от частного к общему», максимально вербализирующий разные категории интересантов, скорее исключение, чем правило. Тем не менее для практики декодирования тематическое градуирование становится аналитическим инструментом, который позволяет рассматривать тему как результат ментальных динамических процессов, реализуемых в связи с определением необходимого типа аудитории. Тематическое градуирование квалифицируется как риторическая процедура, определяющая границы текстовой актуальности. Переосмысливая

маркетинговую терминологию²⁷, мы трактуем тематическое градуирование как **риторический таргетинг** – одну из установочных техник текстообразования, которая позволяет из всех потенциальных участников массовой коммуникации выдвинуть те типы целевой аудитории, которых непосредственно интересует предлагаемая тематика. Риторический таргетинг – предусловие реализации тактики тематизации, шире – инструмент повышения текстовой эффективности.

Отметим, что сегодня исследовательская практика использует различные процедуры тематического анализа, реализуемые в рамках изучения семантического пространства текста. Это и методика экспликации концептуализированной области художественного текста, которая «основана на семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему, микротему», где тема трактуется как необходимый инструмент моделирования структуры концептосферы [Бабенко, 2004, с. 108]. Это и методика построения денотатной структуры текста, основанная на иерархии подтем и субподтем [Новиков, 1983, с. 147–155]. Это и тематический анализ, предложенный Т. ван Дейком и В. Кинчем в рамках теории макроструктур, нацеленной на описание глобальной связности дискурса [Дейк ван, Кинч, 2015, с. 55–57; Дейк ван, 2015, с. 236–264]. Кроме того, особые процедуры тематического анализа разрабатываются для реализации потребностей интеллектуального анализа текста – исследовательского направления, объединяющего IT-специалистов, лингвистов, антропологов и социологов, изучающих большие массивы неструктурированных данных – контент интернет-пространства, социальных сетей [Boyatzis, 1998; Braun, Clarke, 2006]. Социологи, разрабатывающие качественные методы исследования, предлагают исследовательские процедуры тематической идентификации [Ryan, Bernard, 2003], которые лингвисты внедряют в практику дискурсивного анализа [Туркина, 2018; Ухванова-Шмыгова, 2014].

²⁷ См. URL: <https://gravitec.net/ru/blog/chto-takoe-targeting-kak-rabotaet/>.

Тематический анализ, выявляющий репертуар тем различных жанров и дискурсов, механизмы тематического развития, маркеры тематической смены и т. п., не является целью риторического декодирования. В контексте РДТ традиционное риторическое понимание темы как результата вербализации в тексте того или иного представления о предмете речи усложняется. Определение темы текста как процедура ЛРТ зиждется на обозначенных Т. ван Дейком исследовательских установках, связанных с осмыслением глобальных структур дискурса. Ученый утверждает, что «когда мы говорим о таких понятиях, как “топик”, “тема” или “основное содержание” (“gist”) текста, мы имеем дело со значением и референцией, а не с синтаксической формой, стилем, риторическими приемами и т. п. Кроме того, мы никогда не говорим о (частном) значении изолированных слов или предложений, но всегда о значении больших фрагментов текста или целых текстов. Мы не приписываем темы, или топика, одному предложению, мы делаем это в отношении более протяженных отрезков беседы или текста» [Дейк ван, 2015, с. 237]. Таким образом, тема текста трактуется как семантический импульс текстопостроения, содержательная квинтэссенция концептуального замысла говорящего, которая может быть по-разному предъявлена аудитории.

Поскольку «тема текста отражает затекстовую реальность» [Матвеева, 2010, с. 485], возможны самые разнообразные пути тематического воплощения. Соответственно, реконструкция тактики тематизации связывается с осознанием факторов тематизации и поиском способов тематической идентификации.

Те показатели, которые Т. ван Дейк называет ограничителями ввода темы применительно к практике кодирования, в РДТ рассматриваются как факторы идентификации темы – ее обусловленность как общей социокультурной, так и текущей коммуникативной ситуацией, а также типом дискурса/жанром. Указанные факторы задают соответствующие способы тематической идентификации – контекстно-ситуативный и дискурсивно-жанровый. Так, определение темы часто затруднительно по заголовку медиатекста без знания

референциального контекста: исторического, актуального социального, например, кризисной ситуации, политического и других:

- (1) *Как потребитель из царя превращается в угнетаемый класс* (Миронова, 15.03.2024);
- (2) *Это ломает всю пляжную инфраструктуру* (Данилов-Данильян, 18.01.2025).

Здесь мы реализуем **контекстно-ситуативный способ** реконструкции темы, индикатором которого часто выступает прагматическая пресуппозиция, актуализирующая в данном случае фоновые знания слушателей о текущей социально-экономической ситуации (1) или о случившейся экологической катастрофе (2). Укажем, что в практике ЛРТ тема для единообразия формулируется как ответ на предусмотренный инвенцией технологический вопрос «О чем?» с помощью усеченной номинативной конструкции. Так, тема «О разливе мазута в Черном море» релевантна только для определенного периода. При утрате связи с социально-ситуативным контекстом процесс определения темы усложняется. Наши рассуждения корреспондируют с умозаключениями Т. ван Дейка, к которым ученый приходит под влиянием идей Р. Шенка и Р. Абельсона: «...чтобы понять текст, нужно располагать сложными схемами или *сценариями*, организующими социальные и политические знания. Наконец, когнитивный характер макроинтерпретации также обязательно предполагает процессуально-ориентированный подход к определению топиков текста» [Дейк ван, 2015, с. 240–241]. В данном случае мы имеем дело с макроинтерпретацией, невозможной без фоновых общеполитических знаний, позволяющих давать оценку происходящему и прогнозировать некоторые результаты.

Дискурсивно-жанровый способ тематической идентификации актуален для риторических текстов, которые являются обязательными атрибутами тех или иных дискурсивных практик, основанных на следовании закреплённым в массовом сознании коммуникативным сценариям. Наглядным примером являются жанры ритуальной речи, такие как, благодарственное слово, траурная речь, приветственное слово, официальное поздравление, торжественное слово, посвященное определенному событию, и т. п.:

Дорогие ленинградцы, блокадники, товарищи новосибирцы, наследники Великой Победы! Сегодня не только жители Питера, но и жители всей страны отмечают Великую дату –

80 лет прорыва блокады. Нет, это была еще не победа, неполная победа, это был прорыв после почти полутора лет удушающей страшной блокады (Локоть, 27.01.2023).

Тема выступления мэра Новосибирска А. Локтя на Аллее блокадников, приуроченного к юбилею прорыва блокады Ленинграда в Великой Отечественной войне, выводится в данном случае не столько из знания о памятной дате, сколько из понимания ритуальной природы подобной дискурсивной практики, располагающей соответствующим жанровым и тематическим репертуаром. Актуализируется так называемая дискурсивная семантика (подробнее [Орлова, Бутакова, 2022]): тема массового героизма является доминантной в дискурсе о Великой Отечественной войне, имеет родовой характер, интертекстуальна и получает воплощение в конкретном тексте в связи с содержанием самого памятного мероприятия.

Показателями ввода той или иной темы могут выступать топосы, или топы, — используемые для тематического развития смысловые модели, приуроченные к определенной позиции в общей структуре текста и репрезентующие тот или иной стандартный тип речевой ситуации (см. о топике и сферах применения топического подхода [de Pater, 1965; Алексеев, 2019; Ассуирова, 2003; Аристотель, 1978а, 1978б; Грякалов, 2018; Деханов, 2023; Степанов, 2018; Хазагеров, 2008]). Идентификация топосов определяет **топический способ** выявления темы. «Техника топоса — это техника “задавать вопросы”» [Клюев, 1999, с. 43]. Отвечая на череду семантически мотивированных вопросов, «говорящий тем самым гарантировал упорядоченность предметной области высказывания» [Там же, с. 47]. Так, индикатором темы нередко становится топос «обстоятельства», предполагающий ответ на вопросы: где, когда, как, каким образом? Эта смысловая модель позволяет ввести информацию о событиях, месте, времени, имевших место до текущей коммуникативной ситуации. Например, в тексте выступления Президента РФ В. Путина, посвященного пенсионной реформе, соответствующая тема выводится из предшествующих настоящему моменту событий, репрезентованных топом «обстоятельства»:

16 июня 2018 года Правительство внесло в Государственную Думу законопроект об изменениях в пенсионной системе. 19 июля он был принят парламентом страны в первом чтении (Путин, 29.08.2018).

Такой ввод темы «О пенсионной реформе в РФ» имеет непрямой характер и активизирует дальнейшие причинно-следственные связи между действиями властных структур разных уровней.

Презентацию темы обеспечивает топос «определение», актуализирующий ответ на вопросы: кто и что? Так, в опубликованных на интернет-портале медиахолдинга РБК («РосБизнесКонсалтинг») в 2024–2025 гг. текстах, посвященных перспективным направлениям инженерной деятельности, именно эта смысловая модель показательно определяет ввод и развитие темы:

Дата-инженер (Data Engineer) – это специалист, который собирает и обрабатывает большие данные, загружает их в модель для анализа, а затем организывает их хранение и дальнейшее использование в бизнесе (Плоткина, 27.11.2024);

ML-инженер или Machine Learning Engineer – это специалист, который создает и обучает алгоритмы работы с большими данными (Плоткина, Колосова, 26.11.24);

Промпт-инженер или промтер занимается составлением правильных запросов для нейросетей. <...> Промпт-сфера – это новое направление на рынке IT, которое появилось с активным развитием нейросетей (Колосова, 10.02.2025).

Топический способ определения темы, примененный к вышерассмотренному материалу, реконструирует референциальный выбор автора из сложно организованной системы современных инженерных практик.

Структурно ориентирующий способ тематической идентификации предполагает обращение непосредственно к структурным составляющим текста, выступающим репрезентантами темы, – заглавию и лиду. Лид – следующий за заглавием медиатекста конститuent (высказывание или абзац), который «содержит все важнейшие компоненты сообщения в концентрированном виде» [Добросклонская, 2005, с. 76]. Очевидно, что о теме призвано заявить заглавие как сильная позиция текста – структурный компонент, инициирующий понимание и имеющий фиксированное положение в тексте. Например, заголовок статьи Е. Янушевской «О школьной журналистике. Хотели как лучше?» в издании «Журналист» (Янушевская, 24.10.2023) уже содержит ответ на инвентивный вопрос «О чем?» – презентует тему, усложняя при этом ее предметную

экспликацию авторской рефлексией, связанной с выражением сомнения в состоятельности предложенной темы.

Однако в современной медиапрактике заглавие далеко не всегда является носителем темы текста. Например, заголовок статьи Г. Бовта «*Добро пожаловать в торговый центр “Зомби-лэнд”*» (Бовт, 10.09.2023) не позволяет реципиенту корректно определить тему. Декодирующим инструментом здесь выступает лид: *Почему ТЦ в нынешнем виде не выживут* (Там же).

Собственно текстовый способ тематической идентификации есть обнаружение лексико-семантических индикаторов темы. Рассмотрим пример прямой лексической индикации темы. Так, текст С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» не может быть адекватно тематически идентифицирован адресатом по заглавию в силу его метафоричности: здесь заголовок не формирует устойчивого понимания темы дальнейшего текста. Тематическую объективацию далее инициирует сам автор, прибегая к буквальному использованию соответствующей лексики в структуре текста: *Тема не нова: закрытие школы* (Шаргунов, 2019). Такой авторский внутритекстовый прием вербализации темы имеет явный метатекстовый характер, что освобождает реципиента от ментальных усилий, связанных с тематической реконструкцией.

Для практики ЛРТ релевантной является мысль А. И. Новикова о том, что «определение темы текста есть результат взаимодействия, взаимовлияния всех слов, вошедших в текст вследствие авторского отбора» [Новиков, 1983, с. 89]. Такое «взаимодействие слов» можно проследить путем реконструирования так называемых тематических цепочек текста, представленных совокупностью наименований предмета речи, формирующих тематическое поле текста как залог его целостности [Матвеева, 2010, с. 484–486].

Обратимся к тексту С. Шаргунова «Книжное дело весьма благородно в любых условиях», посвященного книгосберегающей деятельности иркутянина Евгения Гинтова, основателя проекта «Книжный приют». Здесь номинация «Книжный приют» получает следующую предметную конкретизацию, что позволяет понять целевое назначение данного проекта:

...хранение книг, ставших ненужными своим хозяевам, и участие в общественных акциях по сбору макулатуры; ...дать еще одну жизнь старым книгам, чтобы важные мысли и чувства, скрытые автором в этих произведениях литературы, дошли до большего числа любителей; ...люди, которые заняты книжным делом и пытаются приостановить процесс его исчезновения из нашей жизни (Шаргунов, 11.03.2019).

Реконструированная тематическая цепочка «Книжный приют» – проект по сохранению старых книг – проект, реализующий сборы макулатуры в общественных целях – люди, занятые книжным делом, и т. п. позволяет идентифицировать тему текста «О сохранении книг сегодня».

Таким образом, РДТ предлагает следующие способы тематической идентификации, которые в аналитической практике комбинируются и дополняют друг друга: контекстно-ситуативный, дискурсивно-жанровый, топический, структурно ориентирующий, собственно текстовый, выявляющий тематические цепочки, формирующие тематические поля текста, а также прямые лексические маркеры темы. При этом отметим, что данный перечень остается открытым.

Реконструкция текстоформирующего потенциала тактики тематизации верифицирует мысль о том, что само извлечение реципиентом темы из медиатекста не должно вызывать трудностей, поскольку медиапрактика, нацеленная на оперативное взаимодействие с аудиторией, так или иначе следует постулату: «Текст произведет необходимое воздействие, если он понят. Необходимость быть понятым диктует отбор таких средств, которые вызывали бы у адресата адекватное целям коммуникации поведение» [Новиков, 1983, с. 107]. Соответственно, объективация темы – первый шаг на пути к пониманию текста.

3.1.3. Тактика проблематизации

Выявление маркеров тактики проблематизации предполагает обнаружение путей репрезентации противоречия или трудностей, актуальных для слушателей и требующих своего разрешения или преодоления. Иначе говоря, здесь ЛРТ направлена на поиск индикаторов проблемной ситуации, представленных в том или ином виде в тексте.

Проблемная ситуация имеет свое устройство, в котором «вычленяются три основных компонента: то, что дано, то, что требуется получить и то, с помощью чего можно достигнуть результата. Первые два компонента являются

эксплицитными, третий же является неизвестным, искомым. Именно отсутствие компонента, ведущего к цели, и создает проблему, активизирующую мыслительный процесс, поскольку здесь уже нельзя применить известные способы достижения цели, опираясь на прошлый опыт» [Новиков, 1983, с. 65]. Например, Е. Янушевская в статье «О школьной журналистике. Хотели как лучше?» буквально «по полочкам» раскладывает составляющие проблемной ситуации:

Несколько лет назад, 4 июня 2021 года, на сайте МЦКО появился исполненный оптимизма анонс: в новом учебном году в столице стартует проект «Медиакласс в московской школе». В каждом нововведении всегда присутствует риск, что дело пойдет согласно хорошо известной у нас формуле «хотели как лучше – получилось как всегда». Спустить сверху директиву, ясное дело, одно. Понимать, что такое профессия журналиста – другое. Познакомить с ней хотя бы в первом приближении 15-ти и 16-тилетних – третье (Янушевская, 24.10.2023).

Объективация проблемы – одно из условий эффективности текста. Реконструкция тактики проблематизации, как и тактики тематизации, идеологически мотивирована категорией интереса: чем злободневнее для аудитории проблема, чем нагляднее проблемная ситуация, тем оперативнее понимание медиатекста и активнее его общественная интерпретация. Проблематизация выступает катализатором актуальности темы, вносит вклад в обеспечение акциональности как параметра, обуславливающего способность текста выступать инструментом конструирования реальности.

Корпус привлеченных к анализу медиатекстов позволяет обосновать технику реконструкции проблемы, включающую несколько способов ее идентификации: 1) метамакроструктурный; 2) структурно индуцированный; 3) текстовый.

Метамакроструктурный способ выявления тактики проблематизации опирается на идеологическую установку медиаиздания, призванную выделить наиболее острые социальные противоречия, конфликты, вызовы в отдельную макроструктурную составляющую – рубрику/подрубрику, которая предлагает реципиенту уже сформированную и обозначенную проблемную область. Так, издание «Коммерсантъ» имеет в своей макроструктуре специализированные

подрубрики, например, «Проблемы изменения климата»²⁸, «Проблемы экологии»²⁹, «Проблемы журналистов из-за профессиональной деятельности»³⁰, «Проблемы долевого строительства»³¹, «Проблемы при запусках ракет-носителей и спутников»³² и т. п. Такой путь позволяет задать общие векторы проблематизации, играющие роль навигатора в содержательной макроструктуре медиаиздания, и сформировать тем самым свою целевую аудиторию. В данном случае инициатива проблематизации связывается с политикой медиаиздания.

Репрезентантом, демонстрирующим **структурно индуцированный способ** проблематизации, становится лид. Очевидно, что выдвижение проблемы в виде лида облегчает читательское восприятие информации и нивелирует риск формулирования альтернативной, отличной от замысла автора и политики издания, проблематики:

Экологи задумались о минимизации ущерба от разлива мазута в Черном море (Иванов, 01.02.2025);

Пока российские регионы готовились к новогодним праздникам, в Крыму и на Кубани боролись с катастрофой. Песчаные пляжи Анапы пропитались мазутом, на берегу – мертвые дельфины, моллюски, крабы и птицы, а в Крыму волонтеры спасают пострадавших от нефтепродуктов пернатых. Как идет ликвидация последствий крупнейшего экологического бедствия на Черном море – в репортаже «Ведомостей» (Исаева, 04.01.2025);

Мировое сообщество не может договориться, как решать проблему климата (Строкань, 06.12.2023);

Сергей Шаргунов о сельской школе, которую удалось отстоять (Шаргунов, 16.05.2019).

Текстовый способ выявления проблемы предполагает поиск в содержательном пространстве текста ее вербальных индикаторов, задаваемых непосредственно адресантом в двух направлениях – эксплицитном и имплицитном. **Эксплицитный путь** проблематизации обусловлен использованием таких лексических маркеров, как «проблема», «сложности», «трудности», клише типа «ситуация ухудшается», «положение усугубляется» и т. п.:

Стройиндустрия, не успев справиться с кадровым дефицитом, возникшим в разгар пандемии, вновь остро столкнулась с этой проблемой. Сейчас отрасли не хватает почти 25% от необходимого числа работников. Положение усугубилось после объявления частичной

²⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/theme/1189> (дата обращения: 28.11.2024).

²⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/theme/941> (дата обращения: 28.11.2024).

³⁰ URL: <https://www.kommersant.ru/theme/313> (дата обращения: 28.11.2024).

³¹ URL: <https://www.kommersant.ru/theme/1286> (дата обращения: 28.11.2024).

³² URL: <https://www.kommersant.ru/theme/719> (дата обращения: 28.11.2024).

мобилизации, переезда некоторых специалистов за рубеж и возвращения трудовых мигрантов к себе на родину, где спрос на рабочую силу также растет. В ближайшие полгода **ситуация только будет ухудшаться**, ожидает большинство участников рынка (Андрианова, 28.11.2022);

Главная сложность, обозначающаяся уже в зародыше, – насколько верно представление в школах о том, кто такой «журналист», как и с какими целями организовано преподавание на факультетах журналистики, как журналистика соотносится с медиа (Янушевская, 24.10.2023);

По данным опросов ИЭП им. Гайдара, 35% руководителей промышленных предприятий считают **проблемой** негативное влияние ослабления рубля и, как следствие, удорожание импортного оборудования (Мотызлевская, 20.10.2023);

Мы видим, что в мире **ситуация стремительно ухудшается**, в том числе в некоторых странах Америки, Азии, Европы. Прежде всего – из-за распространения нового штамма. <...> После новогодних праздников многие возвращаются домой из поездок, в том числе из-за рубежа (Мишустин, 11.01.2022).

Имплицитный путь проблематизации не связан с использованием прямых лексических индикаторов «проблема», «трудности», «сложности» и т. п., но предлагает более широкую палитру разноплановых маркеров проблемной ситуации, требующих при этом бóльших ментальных усилий реципиента для ее обнаружения. Например, в тексте С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» тема, связанная с закрытием сельских школ, трансформируется в проблему, реализуя топос «причина и следствие»: ...там, где погибнет школа, не будет никакого села (Шаргунов, 16.05.2019). В данном случае закрытие малокомплектной школы в конкретном селе масштабируется до проблемы экзистенциального характера, требующей решения на федеральном уровне. Проблематизация расширяет семантическое пространство текста: обобщает ряд частных конфликтных, спорных или просто сложных ситуаций и переводит их с ситуативного уровня бытования на общественный.

В тексте С. Шаргунова «Книжное дело весьма благородно в любых условиях» проблема эксплицируется посредством демонстрации события, в конструировании которого ведущую роль играют глаголы перформативной природы, участвующие в организации декларативных речевых актов:

*Иркутянина Евгения Гинтова, основателя проекта «Книжный приют»... **оштрафовали** за нецелевое использование земельного участка, а именно: хранение книг... Так **расценило** его деятельность управление Росреестра по Иркутской области* (Шаргунов, 11.03.2019).

Проблематизация может быть реализована посредством стандартной антонимической оппозиции «хорошо – плохо». Именно таким образом музыкант,

шоумен и физик по образованию Александр Пушной, рассказывая абитуриентам страны о Новосибирском государственном университете и его возможностях, обозначает проблему выбора собственного образовательного пути:

*Я не представлял, что я буду учиться где-то на гуманитарных предметах не потому, что у меня **хорошо** было с физикой очень, а у меня было очень **плохо** с литературой* (Пушной, 20.03.2023).

Таким образом, реконструкция тактики проблематизации может осуществляться как минимум такими способами, как метамacroструктурный, структурно индуцированный, текстовый в его эксплицитном и имплицитном воплощениях. Невозможность декодирования риторической тактики проблематизации, отсутствие индикаторов проблемной ситуации в тексте есть свидетельство низкой риторической компетентности субъекта речи. Более того, текст, лишенный проблемы, теряет шансы на эффективное функционирование в массмедийном пространстве.

3.1.4. Тактика предъявления тезиса

Целью функционирования риторического текста является принятие аудиторией тезиса – высказывания, выступающего содержательно-смысловым стержнем текста, обеспечивающим его концептуальное единство. Тезис текста – «мысль-утверждение, для обоснования истинности или ложности которой выстраивается аргументация» [Матвеева, 2010, с. 478]. Иначе говоря, тезис запускает механизмы аргументирования, выступая «связующим мостом» между инвентивным и диспозитивным этапами текстообразования. С формально-логической точки зрения тезис текста «состоит из логического подлежащего (темы целого текста) и логического сказуемого (предиката темы, ее характеристики)...» [Там же]. С семантико-синтаксической позиции тезис – «это законченное по смыслу суждение с субъектом и предикатом» [Анисимова, Гимпельсон, 2003, с. 50]. Очевидная корреляция взглядов на природу тезиса позволяет объективировать его в виде простого двусоставного предложения.

Т. ван Дейк, анализируя структуру газетных новостей, отмечает, что «носители языка могут резюмировать достаточно сложные информационные сообщения с помощью одного или нескольких предложений, и эти предложения

призваны выразить основное содержание, тему, тематический элемент (topic) информации. Мы интуитивно ощущаем, что такие темы или тематические элементы каким-то образом организуют всё наиболее важное в тексте. Они, по сути, определяют “итог” того, что сказано или написано» [Дейк ван, 2015, с. 236–237]. Данное исследование описания, несмотря на использование им понятия «тема», характеризует сущность именно тезиса как смыслового стержня риторического текста с указанием его признаков: концентрация основного содержания текста, оформленность в виде предложения, способность быть достаточно легко идентифицируемым аудиторией. Экстраполяция когнитивно-дискурсивной теории Т. ван Дейка на практику РДТ, безусловно, требует терминологической коррекции: трактовка ученым темы как организующего элемента текста, обязательно оформленного в виде предложения и семантически связанного со всем текстом, есть не что иное, как тезис в его принятом риторическом понимании. Таким образом, выявление тезиса в структуре текста представляет реализацию **семантико-синтаксического способа** реконструкции.

ЛРТ основывается на признании того факта, что тезис может быть как вербализован, так и не вербализован в структуре текста. В первом случае речь идет о следовании традиционной риторической практике выдвижения тезиса, выступающего импульсом аргументационной организации текста и текстообразования в целом. Во втором случае построение риторического текста сопряжено с реализацией особых интенций говорящего, связанных, как правило, либо с его суггестивным целеполаганием, либо с опорой на ситуативный контекст, устойчивое знание которого аудиторией освобождает от вербализации содержательно-смысловой квинтэссенции.

В рамках ЛРТ мы исходим из того, что в ходе вербализации тезиса «оратор может пойти двумя путями: 1) консервативный путь: подтверждается то, что ожидает услышать аудитория (*кризис производства в стране усугубляется...*) – порождает ортодоксальный тезис; 2) творческий путь: переосмысливаются известные факты и предлагается новый путь решения проблемы – порождает парадоксальный тезис» [Анисимова, Гимпельсон, 2004, с. 49].

Реконструируем тактику предъявления тезиса на тематически однородном материале, посвященном проблематике пандемии COVID-19 в России³³, что позволит, на наш взгляд, более наглядно проследить механизмы эксплицирования тезиса в медиатекстах. Обратимся к медиапрактикам разных авторов, а именно: 1) к тексту интервью³⁴ руководителя Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, главного государственного санитарного врача РФ Анны Поповой, полученного в результате расшифровки видеоматериалов программы «Познер» общероссийского федерального телеканала «Первый канал» от 23.03.2020; 2) к тексту интервью «Единственный путь избежать и пятой, и шестой волны – вакцинация», данного Денисом Проценко, главным врачом городской клинической больницы (далее ГKB. – Л. М.) № 40, главным внештатным специалистом по анестезиологии-реаниматологии департамента здравоохранения Москвы, Российской газете от 02.12.2021; 3) к тексту статьи «“Мир” во время чумы» журналиста и публициста Андрея Колесникова, опубликованной в издании «Коммерсантъ» от 01.03.2021.

Тезисом, организующим речевую партию интервью А. Поповой (1), выступает высказывание: *Коронавирус – это очередной вызов, который нужно реализовать с точки зрения снижения рисков от его присутствия* (Попова, 23.03.2020). В главной части данного сложноподчиненного предложения тезис

³³ В настоящем исследовании большой блок иллюстративного материала связан с т. н. пандемийным дискурсом. К настоящему времени сформирована общая теоретическая база, посвященная данной предметно-тематической области. Реакциями лингвистического сообщества на происходящее в языке и массовой коммуникации стали опубликованные Институтом лингвистических исследований РАН сборник научных статей «Новые слова и словари новых слов. 2020» [2020] и коллективная монография «Русский язык коронавирусной эпохи» [2021], посвященные изучению вызванных ситуацией пандемии активных процессов в лексике, семантике, словообразовании, а также множество разноаспектных работ, выявляющих специфику пандемийного дискурса [Башкова, 2020; Белецкий, Автаева, Кузьмичева и др., 2022; Кронгауз, 2020; Морина, 2023; Никитина, Гудкова, 2020; Северская, 2020; Склорова, Лаврухина, 2023; Шилихина, 2022 и др.], в том числе и посредством методов автоматического анализа текстов [Резанова, Сыпченко, 2024].

³⁴ В силу популярности интервью в современных медиа эмпирическая база настоящего исследования включает много текстов данного жанра. При этом фокус реконструкции направляется на речевую партию интервьюируемого, представляющую собой совокупность микротекстов в рамках целого жанрового образования, которые и становятся основным материалом исследования.

представлен классифицирующим суждением, который получает далее развитие в придаточной части, выражающей субъективную модальность как деонтическую необходимость. «Агенса обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает; или если есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить. С деонтической необходимостью связаны понятия моральный долг, обязательство, законопослушное поведение» [Падучева, 2019, с. 139], которые соответствуют аксиологическим установкам и тематическому репертуару политического дискурса. Лексико-семантическое воплощение придаточной части, развивая заданную в главной части стертую метафору вызова, превращает высказывание в административное предписание. Таким образом, деонтическая необходимость свидетельствует о консервативном пути тезисомоделирования, а сам тезис квалифицируется нами как ортодоксальный.

Тезисом текста интервью Д. Проценко (2) становится вынесенное в заглавие-цитату высказывание: *Единственный путь избежать и пятой, и шестой волны – вакцинация* (Проценко, 02.12.2021). Такой заголовок, в котором в форме простого предложения отражена главная мысль текста, журналисты называют хэдлином. По сути, перед нами речевой акт предупреждения, который можно определить как прескриптивную разновидность ортодоксального тезиса, который позволяет субъекту речи как авторитетному медицинскому специалисту диктовать обществу правила поведения, релевантные текущей ситуации.

В тексте А. Колесникова (3) мы реконструируем тезис в виде следующего высказывания: *В борьбе с коронавирусом обнаружен новый центр силы – Федеральное медико-биологическое агентство (ФМБА)* (Колесников, 01.03.2021). Суждение, тяготеющее по своей семантике к экзистенциальному, представляет нам якобы новую сущность, но на самом деле (согласно дальнейшему контексту) известную еще с советских времен структуру, расширившую в пандемийный период свой функционал. Тезисообразующая метафора центра силы в связи с ее прецедентным характером направлена на создание иронического эффекта. При этом отметим, что ирония может быть декодирована подготовленной аудиторией,

готовой к рефлексивно-критическому способу оценки ситуации. Такой тактический шаг демонстрирует выбор творческого пути предъявления тезиса, квалифицируемого нами в качестве парадоксального.

Мы приходим к выводу о том, что медиатексты о пандемии свидетельствуют о возможностях выдвижения ортодоксального тезиса, его прескриптивной разновидности, а также тезиса парадоксального. На тематически однородном материале выявлена следующая тенденция тезисообразования в медиадискурсе, мотивированная фигурой субъекта речи: управленец (А. Попова) следует ортодоксальному пути; врач-просветитель (Д. Проценко) – ортодоксальному прескриптивному; публицист (А. Колесников) – парадоксальному.

В практике РДТ особого внимания заслуживают риторические тексты с невербализованным тезисом. Имплицитный характер бытования тезиса требует его непосредственной реконструкции, заключающейся в выдвижении высказывания, выполняющего, по мнению декодирующего, тезисный функционал.

Решая задачу реконструкции имплицитного тезиса, считаем продуктивным обращение к предложенному Т. ван Дейком **макропропозициональному подходу** к тексту, разработанному в рамках его теории семантических макроструктур. «Понятие макроструктуры было введено для того, чтобы дать абстрактное семантическое описание глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса. <...> Поскольку макроструктуры являются по определению семантическими единицами, они... должны состоять из пропозиций, а именно – из *макропропозиций*. Макропропозиция, таким образом, является пропозицией, выведенной из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса» [Дейк ван, 2015, с. 41–42]. Иначе говоря, макропропозиция есть верхняя ступень в репертуаре пропозиций, достигаемая последовательностью (макро)пропозиций более низкого уровня, соответственно, макроструктура – иерархическое явление, состоящее из нескольких уровней, обусловленных пропозитивным взаимодействием. При этом сама процедура вывода

макропропозиции регулируется макроправилами, устанавливающими принципы извлечения макроинформации из текста, такими как опущение, обобщение, построение, или (ре-)конструкция [Там же, с. 42–43; с. 239].

Опираясь на макроправила и представленную Т. ван Дейком процедуру извлечения макропропозиции из текста новостей [Дейк ван, 2015, с. 237–241], рассмотрим текст С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна»³⁵, где при максимальной экспликации темы и проблемы тезис оказывается невербализованным.

Реализуем **макроправило опущения**, связанное с освобождением от тех пропозиций, которые являются пресуппозицией для другой пропозиции в данной последовательности. Иначе говоря, осуществим содержательную редукцию, или резюмирование, текста. В ходе данной процедуры представляется важным с позиции риторической идеологии сохранить макроструктурную установку его автора, основанную на синтезе новостной (фабульной) и рефлексивной составляющих текста:

(1) Закрытие малокомплектной Заклинской школы Дновского района Псковской области приводит к массовому возмущению и протестам родителей учеников и учителей. Они требуют от местных чиновников сохранения школ, обращаются за помощью в редакции и к депутатам, одним из которых является автор данного текста. С. Шаргунов принимает активное участие в решении возникшей проблемы. Такая же ситуация складывается вокруг Бельской школы. Совместными усилиями школы удается отстоять.

Правительство РФ выделяет определенные средства на развитие сельского хозяйства страны: оказывает финансовую поддержку фермерам и стимулирует сельскую кооперацию. Однако этот фактор не является определяющим в жизни российского села. И только функционирование школы – единственный способ удержать людей в селе. Отсутствие школ провоцирует отток людей из сельской местности, что в итоге приводит к гибели села как основы экономического развития России.

Следующим процедурным шагом становится реализация **макроправила обобщения**:

(2) Закрытие сельских малокомплектных школ сопровождают массовые возмущения и протесты родителей учеников и учителей. В ходе предпринятых ими активных действий школы удается отстоять. Отсутствие школ ведет к оттоку людей из сельской местности, что грозит селу гибелью.

³⁵ На разных этапах исследования (выше, здесь и далее) мы специально обращаемся к тексту С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» (Шаргунов, 16.05.2019) как к показательному эмпирическому материалу, что позволяет демонстрировать последовательность и цельность методологических процедур ЛРТ.

Наконец, реализуем **макроправило построения ((ре-)конструкции)**, позволяющее выделить макропропозицию текста:

(3) *Заккрытие школы приводит к гибели села.*

Мы получили макропропозицию, коррелирующую с тезисом данного текста, который может быть представлен в виде простого двукомпонентного предложения без спрягаемой формы глагола: *Заккрытие школы – гибель села.* Именно такая синтаксическая структура восстановленного тезиса позволяет выдвинуть на первый план фактуальность (в части субъекта) и вместе с тем продемонстрировать оценочность (в части предиката), что соответствует интенциональности публициста, связанной с установлением причинно-следственных связей внутри проблемной ситуации, и сохраняет авторскую афористическую стилистику.

При достаточной трудоемкости реализованной процедуры макропропозициональный подход видится продуктивным способом объективации тезиса как тексто- и смыслообразующего суждения, не получившего при этом своего непосредственного вербального воплощения в тексте.

Таким образом, в ситуациях экспликации тезиса реализуется семантико-синтаксический способ его реконструкции: обнаружены как ортодоксальный, так и парадоксальный варианты тезисомоделирования. Случаи имплицирования тезиса требуют применения макропропозиционального подхода к выявлению базового текстоформирующего суждения текста.

В качестве интерпретационного комментария, отсылающего уже к контекстуальному уровню РДТ, отметим, что элиминирование в тексте способов и средств репрезентации вышерассмотренных тактик может сигнализировать либо о текстообразующих проблемах, возникающих у продуцента в связи с необходимостью запустить процессы вербализации и прогнозируемого понимания, либо о намеренном манипулятивном отказе от демонстрации актуальности текста.

3.2. Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования

Цель лингвориторической реконструкции диспозитивной стратегии текстообразования состоит в анализе композиционно-аргументационной организации текста. ЛРТ в рамках диспозитивного этапа исследования есть «распаковка» риторических тактик, обеспечивающих персуазивность – основанное на аргументированности свойство риторического текста, бесспорно признаваемое в качестве доминантного [Kopperschmidt, 1976; Голоднов, 2010; Земская, Качесова, Панченко и др., 2000]. Персуазивность текста обусловлена в первую очередь коммуникативной целью адресанта, а именно потребностью воздействия на адресата. При этом под персуазивностью понимают не просто речевое воздействие, нацеленное на выстраивание сообщений, способных повлиять на поведение коммуниканта, но «изменение определенной позиции адресата с целью убеждения последнего принять точку зрения отправителя сообщения» [Хутыз, Колчевская, 2018, с. 391].

Признание персуазивности в качестве ведущего параметра текста риторического типа вписывает РДТ в идеологию коммуникативного подхода, исходящего из того, что «смысл сказанного для говорящего/пишущего заключен в производимом коммуникативном воздействии, иначе (если никакой целевой причины говорения/письма у говорящего нет) ему просто незачем говорить/писать» [Вдовиченко, 2017, с. 51].

Диспозитивность связывается с изучением композиционной структуры, или «морфологии текста» (Ю. С. Степанов). ЛРТ в рамках данного этапа декодирования фокусирует внимание на композиции текста риторического типа, которая «представляет собой закономерное мотивированное интенцией Ритора и материалом динамическое развертывание элементов содержания во взаиморасположении и соединении элементов текста различного ранга и целесообразном их соотношении в тексте как целом» [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 104].

Композиция текста, воплощающая традиционную идею единства формы и содержания, – один из основополагающих предметов филологического изучения, получивший разностороннее освещение в трудах М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. С. Выготского, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, В. В. Одинцова, А. А. Реформатского, Б. А. Успенского. При этом устойчивость онтологического статуса композиции не исключает дискуссий о формоцентризме/содержательноцентризме, поскольку потребность в понимании механизмов «производства смыслов» (Ж. Бодрийяр) требует переосмысления классических аксиом и новых междисциплинарных подходов. Опыт риторики, семиотики, лингвистики текста и стилистики текста в области изучения преобразований формальных структур в смысловые позволяет обозначить следующие постулаты, определяющие реконструкцию диспозитивной стратегии текстообразования.

1. Композиция текста есть следствие текстообразования, запускающего в действие смыслопорождение. Данный постулат уходит корнями в идеологию коммуникативной грамматики Г. А. Золотовой: «Постепенно становится яснее, что более результативным и трудным оказывается не столько описание техники связей между предложениями, сколько поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 21]. Не случайно Ю. С. Степанов, рассуждая о генезисе семиотики, подчеркивает, что она «занималась синтактикой в той или иной связи с семантикой» [Степанов, 1998, с. 10].

2. Дискретность и континуальность композиции текста есть результат переосмысления представлений о двойственной природе текстообразования и языка в целом. По мысли Ю. М. Лотмана, «в рамках как индивидуального, так и коллективного сознания скрыты два типа генераторов текстов: один основан на механизме дискретности, другой континуален» [Лотман, 1999, с. 46]. Дуальность текстообразования обусловлена тем, что в каждом языковом знаке обнаруживаются отмеченные Р. Якобсоном два вида операций – селекция и комбинация [Якобсон, 1990, с. 114], которые в ходе декодирования требуют

дискретизации предмета изучения на конститутивные единицы и выявления их комбинаторики. Эту мысль актуализирует и И. А. Мельчук в теории «Смысл–Текст», выделяя два основных параметра описания естественных языков: парадигматическую ось, на которой говорящий выбирает одну из альтернативных языковых единиц, и синтагматическую ось, на которой говорящий соединяет выбранные единицы по правилам данного языка [Мельчук, 2012, с. 31–32].

3. Принципы композиционной организации текста – «динамичность, вариативность, множественность» [Панченко, 2011, с. 144]. Понимание динамичности основывается на представлениях о том, что «текст... не ограничивается тем, что просто *репрезентирует* – *обозначает* – реальную действительность. Когда он что-то обозначает, он вызывает эффект смещения в том, что он же и репрезентирует, и тем самым участвует в движении и преобразовании реальности, которую он застаёт в данный момент в ее незамкнутости...» [Кристева, 2004, с. 34]. Проекция принципа динамичности на композиционную структуру, реализуемая грамматикой текста, обнаруживает насущную потребность в изучении преобразований смысла при поглощении одного смыслового компонента другим [Дымарский, 1999, с. 55]. Таким образом, композиция текста трактуется как цепочка трансформаций структурных единиц, обеспечивающих движение от смысла к тексту при кодировании и от текста к смыслу при декодировании. Вариативность композиционной организации «предстает как дискурсивная трансформация текста, реализующаяся в вариантах композиционного построения текста, актуализирующихся в дискурсе, в реальном общении» [Панченко, 2011, с. 145]. Принцип множественности, или поликомпозиционности, мы связываем с пониманием композиции как индикатора типологической специфики текста, программируемой его имманентными коммуникативными свойствами.

В рамках РДТ постулируется аксиоматичность поликомпозиционности как необходимого условия существования текста риторического типа. Логика риторики декодирования зиждется на предпосылке: чем больше у текстотипа коммуникативных параметров, задаваемых моделью коммуникативного

контекста, тем сложнее и многомернее композиционная организация текста. Соответственно, ЛРТ мыслится как полиаспектная процедура, позволяющая проследить трансформацию смыслов в направлении от содержания к функции и только затем к форме. Заданный вектор предполагает структурно-семантическое, аргументационное и формально-прагматическое описание диспозитивной специфики текста, коррелирующее с тактиками базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования.

3.2.1. Тактика базового композиционирования

Реконструкция тактики базового композиционирования есть выявление структурно-семантического устройства текста. Структурно-семантический аспект изучения композиции предполагает ее понимание как целого, создаваемого соотношением частей, «коммуникативно-смысловое содержание которого выражено средствами языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 450]. Структурно-семантический аспект связан с репрезентацией и объяснением механизмов текстообразования, следствием которых становится смыслопорождение. Иными словами, «одно не отменяет другого, а дополняет его, поскольку в обоих случаях объективной данностью является только текст...» [Чернейко, 2016, с. 449].

Перенимаемый риторикой декодирования опыт лингвистики текста задает требование определения базовой единицы текстообразования. В качестве такого конституента композиционного построения, операциональной единицы моделирования риторического текста мы принимаем выдвинутый в концепции функционального синтаксиса Г. А. Золотовой **коммуникативный регистр**, или коммуникативный тип речи. Коммуникативные регистры – отвлеченные от конкретных текстов «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия и познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 29].

Основанием выбора коммуникативного регистра речи в качестве строевого компонента текста и одновременно единицы его анализа становится методологическая база лингвистики текста, предлагающая сегодня широкий спектр единиц текстообразования, имеющих сверхфразовую природу [Бурвикова, 1981; Гальперин, 1981; Дымарский, 1999; Золотова, 1982; Ильенко, 1985; Москальская, 1981; Нечаева, 1974]. Однако среди множества выдвигаемых текстовых составляющих именно речевой регистр обладает устойчивым набором коммуникативных, когнитивных и языковых параметров, характеризуется соотношением формы, значения и функции. Более того, техника построения и сочетаемости коммуникативных регистров обусловлена самой языковой системой – установлением между композиционными единицами как парадигматических, так и синтагматических отношений [Сидорова, 2016, с. 487]. Именно эти отношения и направляют РДТ по пути изучения селекции регистров речи из соответствующего парадигматического ряда и их комбинаторики в синтагматике целого. Соответственно, реконструкция тактики базового композиционирования является двуступенчатой: включает этап реконструирования селекции и этап реконструирования комбинаторики строевых единиц текста. Выделение тактических этапов требует введения понятия **субтактики** как инструмента декодирования, позволяющего разложить исходную риторическую тактику на составляющие ее глубинные текстоформирующие действия с целью расширения описания механизмов текстообразования.

Субтактика селекции строевых единиц текста

Реконструирование субтактики селекции связано с описанием регистрового состава текстов. Согласно коммуникативной грамматике русского языка система речевых регистров складывается вокруг трех базовых монологических типов речи: репродуктивного, информативного и генеритивного, демонстрирующих три уровня абстракции [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 29]. «Типология коммуникативных регистров представляет собой одновременно систематизацию способов текстового моделирования действительности и функциональную группировку средств языковой системы и принципов построения текстов.

Больший или меньший уровень обобщения, пространственно-временная позиция носителя слова, ментальный или сенсорный способ познания мира, динамический или статический характер изображаемой действительности моделируются в конкретных текстах с помощью представляемой системой языка регистровой техники» [Сидорова, 2016, с. 488].

Анализ эмпирического материала исследования позволяет утверждать, что медиатекст, актуализирующий риторический текстотип, является преимущественно полирегистровым.

Ведущую роль в композиционной организации медиатекста играет **информативный регистр речи**. Этот тип речи «предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, отвлеченные от конкретной длительности единичного процесса, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания, полученного либо в результате неоднократного наблюдения, опыта, узуса, либо в результате логических, мыслительных операций» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 29]. Связь информативного регистра речи со сферой знания определяет его коммуникативную функцию. Она состоит в сообщении об известных говорящему явлениях действительности, абстрагированных от их конкретно-временной длительности и от пространственной отнесенности к субъекту речи. В информативных блоках могут суммироваться узувальные, повторяющиеся события и признаки, а также фиксироваться познавательные, квалификативные сведения о свойствах и связях предметов, явлений, абстрактных понятий [Там же, с. 403]:

... она (Библиотека иностранной литературы. – Л. М.) была создана в далекие 20-е годы. И была создана совершенно замечательной женщиной... Это Маргарита Ивановна Рудомино, такая саратовская девушка, которая с чемоданчиком книг из личной библиотеки своей мамы, преподавательницы немецкого языка приехала в Москву, чтобы убедить всякое там начальство, в частности, Луначарского, что нужно создать Неофилологическую библиотеку. Вот, она ее и создавала (Гениева, 09.04.2014);

Тогда мама убежала на работу и клала меня – с ангиной... – в кровать свою широкую. И там я читал эти дореволюционные книги. Почему-то первым был Тургенев, а потом оказался Гоголь. И Гоголя было полное собрание сочинений, роскошное такое собрание сочинений, которое я с упоением читал очень медленно и подробно. Мне было, наверное, уже лет девять-десять, когда я до этого поднялся (Битов, 27.02.2014);

...коллекционирование действительно началось очень давно. Такие коллекции были и в Древнем Египте, и в античные времена. Слово «пинаотека», то есть собрание картин, возникло в Древней Греции. Были очень известные коллекционеры искусства в эпоху Возрождения. Но эти коллекции не были музеями... (Антонова, 02.04.2014);

Когда я только начинала формировать свой бренд, на какие только шоу я ни соглашалась! Но затем пришло время остановиться. И постепенно я начала отказываться от легковесных шоу и изданий. Мы стали создавать серьезные информационные поводы (Хакамада, 27.09.2018);

...бурное развитие онлайн-торговли нас не миновало, а совсем даже наоборот. После времен ковида людям понравилось делать покупки, не вставая с дивана (Бовт, 10.09.2023);

К седьмому классу получилось разделение на обыкновенных как бы ребят и физико-математический уклон. И это было начало моего пути, потому что уже в конце обучения в этом физмат классе стало понятно, что поступаем мы либо на математику, либо на физику. Мне нравилась больше физика, я поступал на физику, и... никто из нашего класса ни на какие гуманитарные специальности не поступал (Пушной, 20.03.2023).

В приведенных примерах демонстрация знания и опыта говорящего сосредоточена вокруг глаголов прошедшего времени, реализующих весь спектр текстовых функций – имперфективных, перфективных, аористивных.

Особый интерес представляют случаи актуализации данных функций в настоящем времени. Г. А. Золотова указывает на совокупность факторов, таких как условия контекста, чередование глагольных форм, смена субъекта-перцептора и т. п., позволяющих отдельным предложениям или группам предложений с предикатом настоящего времени выступать почти во всех указанных выше текстовых функциях [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 414]. Например, воспроизведение в информативном регистре наблюдаемых или моделируемых процессов связывается с реализацией имперфективной функции глаголами настоящего времени:

Этот текст (личный текст, созданный нашим мозгом. – Л. М.) меняется каждую секунду или даже миллисекунду. Все, что мы сейчас говорим или слушаем, оно уже там лежит. Этот мозг уже другой, и он меняется физически. Меняется качество и количество нейронов и нейронных щупалец этих, дендритов, аксонов. И даже та среда, в которой лежат эти нейроны, меняется. Количество их, величина нервных волокон меняется в зависимости от того, что и как мы учим, то есть это физические изменения. Эффективность серого и белого вещества... меняется (Черниговская, 30.05.2015);

Там разные клоны клеток борются за ресурс, а ресурсом является собственно пациент <...> Когда созревают лимфоциты <...> они начинают изменяться. И чем лучше лимфоцит, вот клетка иммунной системы, чем лучше она узнает новый антиген, тем она чаще делится (Гельфанд, 30.01.2024).

Либо имперфективная функция, реализуемая предикатами настоящего времени, связана с представлением описательной характеристики лица или ситуации:

Примечательно, что в самих США, в этом потребительском раю, защита потребителя не особенно-то работает в сравнении, скажем, с Россией, а тем более – со Скандинавией и Германией. Даже в Британии потребитель, по моим наблюдениям, лучше защищен. <...> У нас правовая и правоохранительная системы работают хуже, но в целом для защиты потребителя норм предусмотрено больше, чем в США. Там нет возможностей проводить дешево и бесплатно разные экспертизы качества товара, возвращать их без причины в определенный срок, тяжелее вернуть товар по гарантии. Ситуация от штата к штату меняется, но в целом у них царство гиперпотребления – основа экономики (Миронова, 15.03.2024).

Коммуникативная грамматика ставит вопрос о соотносительности настоящего времени, не располагающего совершенным видом, с функциями аористива и перфектива, и выявляет условия их актуализации [Там же, с. 414–420]. Так, об аористиве может свидетельствовать контекст, дающий презенсным глаголам возможность сообщать о ряде последовательных действий:

*В нашей прошивке записано: бабушки и дедушки помогают в воспитании детей. И не только финансово. Но и физически. То есть **бросают** работу и **сидят** с внуками (Лобанова, 17.03.2024).*

Проявление перфективных свойств может наблюдаться в случаях эксплуатации каузативных глаголов, осуществляющих воздействие на объект. При этом воздействие воспринимается как достигшее результата:

*...существование Лувра во многом **определяет** смысл существования Французской республики и до сего дня. Так же, как существование Эрмитажа во многом **оправдывает** существование России и в чем-то **оправдывает** существование монархического института в стране... (Сокуров, 16.11.2014).*

Отметим, что настоящее время, участвующее в организации информативного регистра речи, нередко сигнализирует о таких его подтипах, как информативно-логический и обобщающе-логический [Золотова, 1982, с. 350], что позволяет говорящему демонстрировать более высокую степень абстрагирования от действительности, чем в случаях стандартной реализации информативного типа речи в его повествовательных или описательных подрегистрах.

Информативный регистр речи необходим медиатексту в качестве той строевой единицы, которая обеспечивает его фактуальность.

В медитексте, в отличие от текста художественного, на материале которого преимущественно построена коммуникативная грамматика, получает воплощение особый подтип информативного регистра, реализующий семантику будущего, что

обусловлено объяснимой потребностью медиатеяеля в прогнозировании как способе моделирования реальности:

В Китае могут несколько ослабить прессинг в отношении американских компаний... Америка, со своей стороны, может притормозить процесс наложения новых санкций на китайские технологические фирмы. Однако в целом противостояние в технологической области... сохранится (Бовт, 17.11.2023);

Среднестатистическая семья, созданная в 18 лет, вряд ли сможет полностью за свои деньги купить запас хлеба, молока, масла и гречки на месяц, не то что снять квартиру. <...> И в 20 лет они не смогут купить квартиру. И в 23 тоже, если родители им не помогут. То есть мы. А если у молодой семьи не будет своей квартиры, то они приедут жить к родителям (Лобанова, 17.03.2024).

Такой подрегистр можно квалифицировать как **информативно-перспективный**: он связан со сферой прогностики, со знаниями говорящего о перспективах развития, эксплицирует гипотетические сценарии развития положения дел, что сопряжено с активацией средств выражения модальности возможности (*могут ослабить, может притормозить*), а также глагольных форм будущего времени.

Достаточно частотным для композиционной структуры медиатекста является и **генеритивный регистр речи**. Его коммуникативная функция есть обобщение, осмысление информации, соотнесение ее с жизненным опытом, универсальными законами мироустройства, фондом знаний, что достигается путем абстрагирования от событийного времени и места и проецирования на общечеловеческое время, требующее выхода за темпоральные рамки данного текста. В этом регистре происходит нейтрализация оппозиций динамики/статики, повествования/описания, ослабляется активность действия за счет высокой степени абстрагирования от конкретной ситуации, действие приобретает характер вневременного и всевременного [Там же, 2004, с. 30, с. 404]:

...настоящие коллекционеры – это люди страсти, это люди увлечения необоримого. Это как наркомания – настоящие коллекционеры не могут освободиться от необходимости искать новые вещи и находить их (Антонова, 02.04.2014);

...вся наша жизнь распята между этими двумя парадигмами – осознанной необходимостью подчиняться связям и бунтам против этих связей. Причем, бунт, во всяком случае, в искусстве... приводит к положительным результатам (Арабов, 19.05.2014);

Хранить или распространять книги – дело чести. И к людям, занимающимся этим ремеслом, должно быть особое, бережное отношение (Шаргунов, 11.03.2019);

Нельзя человеку запретить паниковать. Человек так устроен, что он соответственно реагирует на ситуацию... (Проценко, 27.03.2020);

Овладевание профессией, что не секрет, начинается с понимания ее задач и функций в обществе, ее социальной миссии – с понимания, почему требования, предъявляемые к специалисту, работающему в этой области, именно такие, а не иные (Янушевская, 24.10.2023).

Неоспоримое знание, основанное на авторитете говорящего, нередко наделяет строевые единицы текста аксиоматичностью и афористичностью:

Люди – это такие существа, которые очень любят иметь дело с виртуальной действительностью...; Мозг – сложнейшая из систем, сопоставим только с Вселенной. Ничего сложнее, чем мозг, мы не знаем. Мы и про него ничего не знаем, мы знаем одно точно, что это сложнейшая система (Черниговская, 30.05.2015);

Личный бренд строится долго – это известный факт. Его сделать быстро просто невозможно, потому что личный бренд – это не только известность. Это сочетание различных факторов. Известность – не самоцель, а инструмент достижения профессиональных целей. Можно стать известным на один день, но брендом ты от этого не станешь (Хакамада, 27.09.2018);

Человек становится человеком в течение всей своей жизни. Становление человека происходит постоянно, если человек над этим трудится и работает. И таким образом человек раскрывает в себе вот этот божественный потенциал, эти божественные качества или не раскрывает... (Отец Алексей Уминский, 29.03.2023).

Генеритивный регистр речи есть индикатор рефлексивного потенциала автора текста, его способности подняться над ситуацией «здесь и сейчас» на высокий уровень абстрагирования, связанный с оперированием ментальными универсалиями. Этот тип речи способен к экспликации содержательно-концептуальной информации текста.

Репродуктивный план в текстах риторического типа не частотен. Канонический **репродуктивный регистр речи** ориентирован на воспроизведение событий действительности как непосредственно воспринимаемых органами чувств говорящего и локализованных в едином с ним хронотопе [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 402–403]. Этот тип речи характеризует «конкретность семантики предикатов и пространственно-временных локализаторов, “наполненность” пространства предметными деталями и наблюдаемыми признаками предметов и явлений, пространственно-временная ориентация относительно фигуры наблюдателя, ограниченность перцептивного поля возможностями человеческого восприятия...» [Сидорова, 2016, с. 488].

Репродуктивный регистр реализуется в медиатекстах в тех редких случаях, когда говорящий непосредственно репрезентует текущую коммуникативную ситуацию, включая воспроизведение своих действий и/или собственного

эмоционального состояния, когда субъект речи указывает на привязанность своих действий к моменту «здесь и сейчас»:

Я так расшумелась...; Я, собственно, хочу на этом закончить...; Я сейчас объясню, в чем дело (Черниговская, 30.05.2015);

Я говорю сейчас несколько о другом (Арабов, 19.05.2014).

Репродуктивный тип речи оказывается связанным с реализацией метакоммуникативной функции, призванной в данном случае отвлечься от содержания, но сосредоточиться на самом акте происходящего, что возможно исключительно в практике устной публичной речи. Репродуктивность здесь состоит не в воспроизведении объективной действительности, а в комментировании текущего акта общения.

Индикаторами репродуктивного плана могут выступать индексальные знаки, указывающие на объект, находящийся в непосредственной зоне наблюдения говорящего и слушающих, что создает необходимую пространственную локализацию. Репродуктивность обеспечивается средствами пространственного дейксиса, которые определяют границы перцептивного поля коммуникантов:

*И **здесь вот** на картинке его лабораторная модель точечного транзистора, значит, база, кристалл германия и два усика на очень близком расстоянии друг от друга, точечные контакты* (Алферов, 12.04.2010);

***Вот эта** карикатура (изображение) отражает нашу систему образования...* (Черниговская, 30.05.2015);

*Я смотрю на **эту** аудиторию, я думаю, что очень мало из **здесь** сидящих хорошо помнят Советский Союз* (Познер, 25.05.2013).

Идентификация репродуктивного регистра часто нуждается в учете контекста, причем как ближнего (внутреннего), обусловленного линейностью текстовых конститuentов, так и культурно-исторического (внешнего), обеспечивающего связи временных срезов:

*...мы пережили 90-е, безденежье, куриные окорочка, «Галину Бланку» и растворимый лимонад **Зико** (в котором могла раствориться даже наша печень). И именно поэтому мы стали очень осознанными родителями. Мы таскали детей во все кружки, спортивные секции, на олимпиады и конкурсы. **И теперь**, честно говоря, **хотелось бы отдохнуть*** (Лобанова, 17.03.2024).

В приведенном примере выявление репродуктивного регистра речи возможно путем установления разной степени абстрагирования говорящего от репрезентуемого. Здесь именно на фоне обширного информативного плана,

содержащего сообщение о прошлом, определяется репродуктивный план: семантическая оппозиция «90-е – *теперь*» устанавливает шкалу временной локализации, которая становится основанием для разделения сфер знания и наблюдения, в данном случае над реакциями говорящего на обсуждаемую проблему.

Нередко индексальные знаки маркируют границу между планами прошлого и наблюдаемого/осязаемого настоящего. Так, в приведенном ниже примере индексальный знак *это*, являясь дейктической единицей, реализующей анафорическую функцию, отсылает к антецеденту – ко всей предшествующей ситуации, к плану прошлого, воплощенному информативным регистром речи (далее ИРР. – Л. М.). При этом осмысление и оценивание прецедента говорящим происходит в настоящем:

...цену за книги основатель этого приюта брал совсем символическую – 50 рублей за том. Понятно же, что у него не было каких-то своих меркантильных задач, а были, скорее, просветительские (ИРР), и это вызывает особую симпатию (репродуктивный РР) (Шаргунов, 11.03.2019).

Соответственно, контекстуальная обусловленность есть одно из условий распознавания репродуктивного плана в медиатекстах. Приведенные примеры (Лобанова, 17.03.2024; Шаргунов, 11.03.2019) свидетельствуют о возможной семантико-смысловой зависимости репродуктивного плана от информативного. Кроме того, отметим эгоцентрическую природу репродуктивности в текстах риторического типа, связанную с наблюдением субъекта речи над собственными действиями и/или состояниями.

Помимо трех вышеописанных монологических регистровых единиц, в коммуникативной грамматике выделяют и диалогические типы речи – **волюнтивный** и **реактивный**, которые не содержат собственно сообщения, но реализуют речевые интенции. При этом делается оговорка о возможности взаимопроникновения диалога и монолога [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 32]. Коммуникативная функция волюнтивного регистра связана с побуждением адресата к действию, с реализацией интенции внести некоторые изменения в «фрагмент действительности». Реактивный регистр речи призван выразить

оценочную реакцию на ситуацию [Там же, с. 33]. Данные регистры периодически используются в медиатекстах для воспроизведения соответствующих диалогических реплик, сохраняя на письме необходимую пунктуационную оформленность:

Меня передавали из рук в руки музейным работникам, сажали в самолет и говорили: «Вы летите туда-то, вас там встретит директор такого-то музея. Вы у него поживете два-три дня, посмотрите все музеи, и мы вас пригласим дальше» (Антонова, 02.04.2014);

Где-то в районе середины 80-х годов министр электронной промышленности СССР Владислав Григорьевич Колесников, как-то встречая меня, говорит: «Жорес Иванович, я сегодня проснулся в холодном поту». Я говорю: «А что случилось?» – «А мне приснилось, что “Планар”³⁶ нет» (Алферов, 13.04.2010).

В первом примере анонсируется некоторая стереотипная программа действий, определяющая ход запланированных событий: мы отмечаем волюнтивную направленность воспроизводимой прямой речи. Во втором примере вопрос «А что случилось?» наглядно демонстрирует характерную для разговорной речи реакцию на ситуацию.

Эффект крайне эмоционального реагирования на происходящее создает тандем вопросительно-восклицательных средств, оформляющих реактивный регистровый блок:

Мы же унижаем себя! <...> С какой стати мэр, когда тысячи лет ты был градоначальник, начальник города? <...> Армия! А войско – плохо? <...> Сколько можно? <...> В чем героизм? <...> Какое слово сегодня жжжет? <...> (Жириновский, 24.12.2014).

Императивные высказывания становятся ядерным средством выражения волюнтивности:

«Горе от ума» давайте осовременим! <...> Покажите это, чтобы было понятно, что и сегодня у нас есть кому-то горе от ума <...> (Там же).

Обзор селективных тенденций в области сверхфразовой организации текста оказывается неполным без учета контаминированных типов речи, неизбежно возникающих в текстообразовании. Авторы коммуникативной грамматики, помимо пяти основных коммуникативных типов речи, выделяют и так называемые **регистровые варианты** – «композиционно-синтаксические фрагменты с регулярными характеристиками, в которых можно видеть

³⁶ «Планар», как поясняет сам Ж. И. Алферов, это компания, где «разрабатывали технологическое оборудование, субмикронная литография, такие установки – с очень точной литографией, которая позволяет делать чипы высокого разрешения. Она была на уровне мировых стандартов...» (Алферов, 12.04.2010).

совмещение, взаимодействие дифференциальных признаков уже известных нам регистров» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 442].

Устойчивой чертой композиционного построения медиатекстов становится наличие такого контаминированного сверхфразового образования, как **информативно-реактивный регистровый вариант**. Согласно нашим наблюдениям он возникает в результате взаимодействия дифференциальных признаков монологического информативного регистра и диалогического реактивного типа речи. По форме это текстовый компонент, представляющий собой вопросный блок, встроенный в монологическую речь. Значение этого регистрового варианта сопряжено с передаваемой информацией, находящейся в сфере знания говорящего о том или ином явлении или процессе. Знания здесь становятся предметом эпистемической рефлексии говорящего. Как отмечает Е. В. Падучева, «в речевом акте вопроса говорящий является субъектом следующих пропозициональных установок: ‘говорящий не знает ответа’; ‘говорящий предполагает, что адресат знает ответ’; ‘говорящий хочет знать ответ’» [Падучева, 2019, с. 42]. Эти пропозициональные установки прослеживаются в описываемом регистровом варианте. При этом попавшее в фокус рефлексии знание может быть как индивидуальным, так и коллективным. По функции этот контаминированный тип речи есть сообщение об осмысляемом, реализуемое как трансляция определенной реакции:

Человек в 18 лет ничего не знает, и он будет журналистом – почему? Что он имеет сказать? Что он понимает в этом мире? (Познер, 26.05.2013);

Кто эти люди, которые управляют? Они умеют? Они подготовлены? У них чувство ответственности есть? Они знают, как принимать решения? (Черниговская, 30.05.2015);

<...> Почему люди не замечают открытости искусства? Почему люди так плохо обучаемы? Почему люди не видят, что искусство уже создано и нового искусства быть не может? Почему люди не могут осознать грандиозной разности и отличия мужчины и женщины? В чем замысел вообще мужчины и женщины? <...> Почему жизнь основана на непрерывной борьбе во всем и везде? <...> (Сокуров, 16.11.2014);

Зачем вообще тогда открывать медиаклассы в каждой третьей московской школе? Зачем школьникам, еще засыпающим в обнимку с розовыми пони, плохо ориентирующимся в социальной реальности и не представляющим себе и близко современный информационный процесс, такие премудрости, как «Управление в креативных индустриях», «Бизнес в медиасфере», «Связи с общественностью» и так далее по тексту из анонса на сайте Министерства образования? (Янушевская, 24.10.2023).

Перед нами не просто эмоциональная реакция, но часто экзистенциальная реакция, которая выступает одновременно и как мировоззренческий индикатор, и как катализатор различных интенций – профессиональных, исследовательских, творческих и т. п., и как обращение к общественному сознанию. Такие сложные по своей природе регистры создают эффект повышенной рефлексивности текста, вносящий свой вклад в обеспечение персуазивности.

В ходе декодирования диспозитивной организации медиатекстов мы обнаруживаем и такое явление, как **регистровая амбивалентность**. Она создается, как правило, путем нарушения оппозиции репродуктивности/информативности, сформированной следующими критериями: разная степень детализации, временная локализованность и семантика предиката (наблюдаемость/ненаблюдаемость, констатация/интерпретация), характер пространственно-временных локализаторов (эгоцентрические, ситуативные/географически-хронологические, объективные). Регистровая амбивалентность связана с размыванием границ конкретности/обобщенности сообщаемого, неясностью репродуктивного и информативного представления событий, что влечет неопределенность регистровой квалификации [Сидорова, 2016, с. 489–493]. Так, например, в медиалекциях мы выявляем обширные повествовательные компоненты, которые обращают на себя внимание в первую очередь снижением степени абстракции и показательной детализацией:

Сам Шокли (американский ученый, лауреат Нобелевской премии по физике. – Л. М.) , я его видел первый раз в 1960 году, была конференция, то есть, была, и сейчас они проходят международные конференции по физике полупроводников, и первая, на которой оказался ваш покорный слуга, была в 1960 году в городе Прага. У нас была большая советская делегация, 70 человек. Было очень много молодежи. Абрам Федорович Иоффе прочитал прекрасную лекцию очень короткую на открытии, где он за полчаса рассказал всю историю исследований физики полупроводников. А потом повторил ее по-английски. А Шокли на открытии прочитал лекцию о явлениях лавинного пробоя в кремниевых рп-структурах. Тоже прекрасная лекция была. Мы так все смотрели, у него, значит, такая здесь лента... Мы все решили, что, наверное, значит, Нобелевская медаль висит там <...> (Алферов, 12.04.2010);

Будучи человеком организованным, я решила, что я все-таки поставлю в известность тогдашнего министра культуры, который был. Это был Николай Николаевич Губенко. Когда ему, значит, изложила, что я собираюсь открывать французский культурный центр, он, знаете, с такой тоской на меня посмотрел <...> и отправилась первый раз в город Париж. В городе Париже, хотя я жила возле Нотр-Дам де Пари, я ничего не видела, потому что мы просидели все эти дни... готова эти договора, в которых я очень мало чего понимала. <...> Я чудно проспала ночь, понимая, что мне ничего такого особенного не грозит. Но когда

на следующий день я ощутила ручку в своей руке, чтоб подписать, я понимала, что меня ожидает <...> (Гениева, 09.04.2014).

Мы отмечаем снижение уровня абстракции, сопровождаемое высокой степенью детализации, актуальное время предиката с семантикой наблюдаемого состояния, привязанные к ситуации пространственно-временные локализаторы, что актуально как раз для репродуктивного регистра. Отмечаемое прошедшее нарративное время позволяет квалифицировать субъекта речи как диегетического повествователя, принадлежащего миру текста и помещенного в хронотоп происходящего. Регистровая амбивалентность, основанная на смешении представлений о разных уровнях абстрагирования от действительности, обеспечивает продуценту возможность еще раз стать участником того, что уже стало частью прошлого, еще раз «проиграть ситуацию» перед аудиторией. При этом реципиент, реагирующий так или иначе на эгоцентричность повествования и высокую степень детализации изображаемого, оказывается вовлеченным в наблюдение за происходящим, становится свидетелем авторской истории.

Таким образом, в ходе реконструкции селекции строевых единиц текста выявлена вся система регистров речи, обоснованная теорией коммуникативной грамматики. Кроме того, нами выделены такой подтип информативного регистра речи, как информативно-перспективный, а также такой регистровый вариант, как информативно-реактивный, характерные для медиатекста.

Установленные тенденции регистровой частотности прослеживаются в тексте С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» (Шаргунов, 16.05.2019). Результатом декодирования тактики базового композиционирования становится выявленный состав строевых единиц, формирующий текстовую структуру: информационный регистр речи – 44,4%; генеритивный регистр – 41,6%; реактивный регистр – 14%.

Субтактика комбинаторики строевых единиц текста

Реконструирование субтактики комбинаторики есть обнаружение способов сочетаемости строевых единиц, определяющих механизмы тексто- и смыслообразования.

Ведущим способом формирования текста риторического типа является комбинаторика **генеритивного регистра речи** (далее в анализируемых примерах ГРР. – Л. М.) **с информативным**. В этом случае вневременной характер и способность генеритивной сверхфразовой единицы к высокой степени обобщения конкретизируются фактуальной информацией, вводимой информативным регистром, что позволяет проецировать накопленный и переосмысленный общечеловеческий опыт на конкретные ситуации, связывать универсальную проблематику с определенными аспектами социальной, профессиональной, интеллектуальной, духовно-нравственной практик:

Но революция по-настоящему..., революция – процесс, на самом деле, конечно, но так же, как и в социальной сфере, происходит в науке и технике, некие события, которые определяют потом развитие надолго (ГРР). И, безусловно, таким вот одномоментным событием полупроводниковой революции 20-го века было открытие транзисторов <...> (ИРР) (Алферов, 12.04.2010);

...нет ничего тяжелее... чем заставить себя думать. И нет ничего тяжелее, чем заставить работать голову нашу (ГРР). Это видно по подросткам, для которых усилие интеллектуальное – это очень-очень большая проблема. Тем более, если есть противодействие <...> (ИРР) (Сокуров, 16.11.2014);

Мы делаем выводы, как правило, из того, что сами видим в реальной жизни, вокруг себя. Кто-то действительно проживает долгую жизнь, а кто-то из наших близких, знакомых, к несчастью, уходит совсем рано (ГРР). Но здесь речь идёт именно об объективной оценке темпов роста продолжительности жизни в России, подтверждённой экспертами Организации Объединённых Наций. Мы поставили перед собой цель выйти к концу следующего десятилетия на продолжительность жизни более 80 лет (ИРР) (Путин, 29.08.2018);

Личный бренд должен обязательно ассоциироваться с вашим конечным результатом (ГРР). <...> Как это было в моем случае. Мой бренд был сделан на политике и поддержке малого бизнеса. Но в 2006 году я официально ушла из политики, и моей целью стало все, что я нарабатывала за это время, конвертировать в неполитические проекты. Я сделала бренд на своих лекциях <...> (ИРР) (Хакамада, 27.09.2018);

Готовность к использованию новой техники – одна из сфер, в которых особенно ярко выражены межпоколенческие различия (ГРР). Владение смартфоном свойственно преимущественно поколению Z (родились в 2001 г. и позднее), миллениалам (1982–2000 гг.) и «реформенному» поколению (1968–1981 гг.): доля пользователей среди них варьирует от 91% до 100% (и 86% по выборке в целом). Среди представителей поколения застоя (1948–1967 гг.) показатель составляет 71%, а в самом старшем и малочисленном поколении оттепели (до 1947 г.) – только 55% (ИРР) (Эксперт, 24.04.2024).

Рассмотренные регистровые комбинации иллюстрируют дедуктивный принцип текстопостроения. Наблюдается и реализация индуктивного принципа в следовании сверхфразовых текстовых единиц: сначала вводится посредством информативного регистра фактуальная информация, затем она обобщается и представляется в виде суждения/-ий с генерализованной семантикой:

За прошедшие три года был проведен огромный по своим масштабам объем реставрационных работ по восстановлению святынь Валаама. Благодаря помощи государства и членов Попечительского Совета подходит к завершению реставрация главной святыни Валаамского монастыря – Спасо-Преображенского собора. <...> Ведутся реставрационные работы и во многих других скитах. Благодаря проведенным работам по благоустройству территории, архитектурно-ландшафтный комплекс Центральной усадьбы монастыря приобрел тот вид, который так поражал паломников, посещавших Валаамскую обитель. Растет число братии, возрождается хозяйственная и благотворительная деятельность обители (ИРР). Роль монастырей в духовном возрождении народа неоценима (ГРР) (Святейший Патриарх Алексей, 2005);

...люди стояли в те годы прямо на улице. В стеклянных таких ящиках были развернуты некоторые газеты, «Московские новости», журнал «Огонек». Люди в очереди стояли, чтобы читать. Большие очереди... Когда шли некоторые программы на телевидении, не было никого на улице. ...Все смотрели, потому что появилось что-то совершенно новое, неожиданное. Никто не догадался, что просто появилась журналистика. Длилось это недолго в том виде (ИРР). Мы же продукт своего прошлого, хотим мы того или нет. Мы никуда не можем деться от этого. И это на нас влияет (ГРР) (Познер, 26.05.2013).

Другая двухкомпонентная формула текстообразования, характерная для медиатекстов, презентуемых преимущественно в устной публичной коммуникации, – комбинация **информативного регистра речи с реактивным**, воспроизводящим либо внутреннюю, либо прямую речь как самого адресанта, так и разных участников коммуникативной ситуации:

Не умер я и не умер мой сосед Максим (ИРР). Почему? (РРР) Потому что мне было 38 лет, а Максиму – 36... Сгорели деньги <...> Но мне было 38, я сказал (ИРР): «Да плевал я на всё. Господи, мир прекрасен, удивителен. Вон деревня – я там вообще корову буду доить. И вообще, гори всё пропадом» (РРР). И это меня спасло и спасло Максима... (ИРР) (Арабов, 19.05.2014);

Приходит Дмитрий Сергеевич Лихачев с палочкой, садится около краешка стола и сидит, и слушает все вот эти протоколы, Зет 39, Зет не 39, какое там оптоволокно, какое не оптоволокно. И я его, в конце концов, спросила (ИРР): «Дмитрий Сергеевич, а, вот, вам-то, собственно говоря, вот это что?» (РРР). Он говорит (ИРР): «Вы знаете, я, ведь, компьютером-то не пользуюсь» (РРР). Я говорю (ИРР): «Ну а что вам интересно слушать эту всю техническую... лабуду?» (РРР). Он говорит (ИРР): «Вы знаете, я ничего в этом не понимаю. Но мне очень интересно, что это такое с философской точки зрения» (РРР) (Гениева, 09.04.2014).

Такая комбинаторика позволяет театрализовать повествование, наделив всех участников коммуникативной ситуации реальными речевыми партиями, и тем самым детализировать и объективировать прошлое, что значимо для медиадискурсивной практики. Воспроизведение диалогических реплик вызывает доверие аудитории, гарантирует определенную подлинность рассказываемой истории, что вносит вклад в формирование персуазивности текста.

Отметим и основанную на сочетаемости **генеритивного регистра речи с информативно-реактивным регистровым вариантом формулу** текстообразования:

Доступность информации огромная (ГРР). Что с этой информацией делать? Я помню, когда я писала кандидатскую диссертацию, был вопрос, где взять литературу? Сейчас вопрос – как от нее избавиться, куда ее деть, эту информацию? (информативно-реактивный регистровый вариант) (Черниговская, 30.05.2015).

Вопросы конкретизируют обобщенную семантику генеритивного регистра, уменьшают степень абстрагирования говорящего от действительности, а сама диалогическая природа вопроса так или иначе демонстрирует реакцию говорящего на заявленную проблему. Такая комбинаторика не характеризуется продуктивностью, но создает эффект диалогичности и тем самым активизирует слушателя, кроме того, нередко выступает индикатором идиостилевого своеобразия.

В медиатекстах достаточно регулярно наблюдается **трехкомпонентная регистровая комбинаторика**. Так, традиционная текстообразующая формула ГРР + ИРР усложняется за счет включения в нее диалогических единиц – чаще реактивного регистра речи, демонстрирующего эмоционально-оценочное проживание ситуации говорящим, а также волюнтивного регистра речи (далее в примерах ВРР. – Л. М.), нацеленного на активизацию коммуникантов:

Великие произведения неисчерпаемы, они не имеют дна (ГРР). Вы читаете сегодня «Войну и мир», а потом прочли через пять лет. И вы удивляетесь (ИРР): «Я же этого не запомнил, я этого не прочел, я этого не знаю» (РРР). Вы слушаете музыку довольно спокойно. Но однажды вы пришли в зал – и вдруг начинаете понимать, что это проникает в нас (ИРР). Это есть счастье, это самые счастливые моменты жизни. И знаете почему? (РРР) Не только потому, что вы сейчас получили наслаждение. А потому, что вы почувствовали: в этот момент вы на одном уровне с создателем. Будь то Толстой, будь то Шопен, будь то Рембрандт (ИРР) (Антонова, 02.04.2014);

...слово – это «лакмусовая бумажка» (ГРР). У шахтеров на каске всегда есть лампочка, которая освещает темный путь в шахте (ИРР). Так же и наше слово детектор, некая локационная система: слыша слово своего собеседника и анализируя все, что оно в себе несет, мы тотчас умозаключаем, что сокрыто «за пазухой» (ГРР). Например, девушка думает (ИРР): «Любит он меня или не любит, довериться или нет человеку, в глазах которого написан неподдельный интерес к моей личности?» (РРР). Пообщавшись с ним, сделайте вывод сами (ВРР) <...> (Протоиерей Артемий Владимиров, 13.02.2015);

Украшения – это признак высокой степени организации сознания, потому что украшения ни для чего не нужны, практически, оно нужно только либо как ритуальное, а это говорит об очень высоком уровне развития психического, либо дарить, то есть это уже не звериное (ГРР). Так там найдены – сама видела – браслет, из чего-то (ИРР), что на мой вкус – нефрит, может, это не нефрит, но похоже (РРР), из двух частей он сделан и он скреплялся

кожаными тесемочками такими; кольцо из камня (ИРР) – вы попробуйте сделать из камня кольцо, вам понравится (ВРР). Нет, ну как сделать из камня кольцо, вы представляете, какая технология? (РРР) (Черниговская, 30.05.2015).

Последний пример демонстрирует возможности четырехкомпонентной комбинаторики за счет использования обоих диалогических регистров речи.

Отметим специфику входящих в приведенные примеры информативных регистров речи. Значительная их часть основана на сочетаемости настоящего и прошедшего времени *читаете – прочли, слушаете – пришли в зал* и т. п. При этом глаголы преимущественно настоящего времени реализуют имперфективно-процессуальную функцию, а глаголы прошедшего времени – аористивную и перфективную. Реализация основного функционала категории вида создает контраст статики и динамики, который отчасти дублирует базовый принцип построения художественного текста, что способствует более активному восприятию информации. Этот принцип предполагает облигаторное чередование в композиционной структуре художественного текста описательных и повествовательных подрегистров информативного либо репродуктивного планов, обеспечивающих развитие сюжетной и фабульной линий.

Встречаем и регистровую комбинаторику, основанную на включении в монологический текст интраперсонального полемического диалога, эксплицируемого в том числе и посредством контаминированных типов речи:

Идеально создать семью с 18 до 24 лет (информативно-волеитивный регистровый вариант) – *такое мнение высказала недавно Татьяна Голикова на фестивале молодежи (ИРР). Любопытно (РРР), подумала я (ИРР). Семью в 18-20 лет они создадут, а ипотеку им кто даст? И как они ее будут выплачивать?* (информативно-реактивный регистровый вариант) (Лобанова, 17.03.2024).

Стимулом здесь выступает извлеченное из социально-информационного контекста ситуативно прецедентное высказывание оппонента, квалифицируемое нами как информативно-волеитивный регистровый вариант: *Идеально создать семью с 18 до 24 лет*. Он возникает в результате контекстуального осложнения информационного сообщения волеитивной семантикой, обеспечивающей побуждение адресата к действию. По форме это высказывание может быть отнесено к двукомпонентным не подлежащно-сказуемым предложениям, которые строятся по несвободной схеме «предикатив – инфинитив». При этом

инфинитив лексически свободен. А позицию первого компонента занимают слова с модальными значениями возможности, целесообразности, волеизъявления, своевременности [КРГ, 1989, с. 442]. В свою очередь ответные реплики представлены реактивным регистром и информативно-реактивным вариантом, отражающим рефлексия говорящего в виде ряда вопросительных предложений; сами указания на субъект речи/мысли представлены средствами информативного регистра. Такой нестандартный регистровый коллаж создает эффект живого диалога, что вносит вклад в обеспечение персуазивности текста.

ЛРТ на данном этапе исследования позволяет сделать выводы о регистровой обусловленности композиции риторического текста. Так, в качестве композиционных доминант мы выделяем комбинаторику генеритивного типа речи с информативным и информативного с реактивным, что в разных текстовых воплощениях может приводить к регистровой триаде «генеритивный – информативный – реактивный».

Проведенный анализ верифицирует статус коммуникативного регистра речи в качестве кванта текстообразования. Реконструкция тактики базового композиционирования, опирающаяся на технику регистрового анализа, есть описание структурно-семантического устройства текста. Оно осуществляется, во-первых, путем определения реестра базовых строевых единиц текста и при необходимости их частотности; во-вторых, посредством выявления способов комбинаторики типов речи в композиционной структуре текста. Реконструкция процедур монтажа регистров в структуре целого позволяет проследивать смысловые преобразования 1-го уровня, предопределенные типологической спецификой текста, однако не объясняет в полной мере механизмов создания воздействующего эффекта текста, его персуазивности, что требует включения в практику РДТ аргументационного подхода.

3.2.2. Тактика аргументационного композиционирования

Реконструкция тактики аргументационного композиционирования продолжает «распаковку» тексто- и смыслообразования, позволяя приблизиться к пониманию механики персуазивности. Вектор ЛРТ на этом этапе исследования

направлен на аргументацию, которая есть «языковая, социальная и рациональная деятельность, целью которой является убедить разумного получателя сообщения в приемлемости какой-либо точки зрения путем выдвижения ряда положений, подтверждающих или опровергающих утверждение, содержащееся в точке зрения» [Еемерен ван, 2006, с. 14]. Данное определение «охватывает не только процесс обоснования точки зрения, но и тот текст (будь он длинным или коротким), который возникает в результате этого процесса» [Там же]. Последнее положение представляется нам чрезвычайно значимым, поскольку поддерживает наше видение аргументации как продуктивной текстоформирующей и смыслообразующей процедуры. Таким образом, реконструкция данной тактики сопрягается с собственно аргументационным аспектом изучения композиции.

ЛРТ в своих аналитических процедурах опирается на разработанную в рамках теории аргументации методологию реконструкции аргументации [Eemeren van, Grootendorst, Jackson et al., 1993], цель которой есть «ясное описание элементов, которые вносят вклад в убеждающий эффект дискурса» [Реес ван, 2006, с. 222]. Признано, что в логическом плане «аргументация представляет собой рассуждение...» [Эффективная коммуникация..., 2005, с. 449]. ЛРТ следует идеологии теории аргументации, которая изучает способы интерпретации и реконструкции аргументации, «связанные с общими свойствами построения рассуждения и с выявлением специфических черт аргументативных структур, которые помогают носителю языка лучше понять ход рассуждения...» [Еемерен ван, 2006, с. 28–29].

Отметим, что рассуждение исследовано и в лингвистике текста. Так, в концепции функционально-смысловых типов речи рассуждение осмыслено как текстовый компонент, логической основой которого выступает умозаключение; его общесмысловое значение связывается с причинно-следственными отношениями, а выполняемые функции – с сообщением и доказательством [Нечаева, 1974, с. 147–194]. В лингвистических характеристиках рассуждения как функционально-смыслового типа речи отражен персуазивный потенциал, получающий реализацию в аргументации.

Согласно теории аргументации реконструирование рассуждений осуществляется «на основе нормативных правил, выработанных для оценки доводов, а также после правильного истолкования составляющих рассуждение аргументов» [Еемерен ван, 2006, с. 29]. Соответственно, декодирующий должен как минимум определить состав аргументов, входящих в структуру рассуждения, и осуществить их классификацию.

Декодирование аргументационного композиционирования требует выдвижения такой текстовой единицы, в рамках которой возможны описание и диагностика аргументов. С этой целью мы вводим понятие **аргументационного комплекса**, под которым мы понимаем структурно-композиционную составляющую риторического текста, участвующую в смысловых преобразованиях 2-го уровня. Аргументационные комплексы складываются в результате тематического деления тезиса на подтезисы, каждый из которых задает систему поддерживающих его аргументов, которая оформляется как определенная аргументативная структура на основании монотематичности. При этом аргументационный комплекс включает в себя текстовые конstituенты смысловых преобразований 1-го уровня – соответствующие сверхфразовые единицы (в нашем случае коммуникативные регистры речи), выполняющие в аргументации определенные функции.

ЛРТ заимствует у теории аргументации и общеметодологический принцип, состоящий в определении и выделении «только тех элементов, которые обладают релевантностью в теоретической концепции исследования и отвечают целям его анализа» [Реес ван, 2006, с. 199]. Релевантными для ЛРТ являются функциональные показатели регистрового состава аргументации, а также критерии качества аргументации, диагностирующие ее воздействующий потенциал, а именно: 1) функциональное назначение регистров речи в аргументации, в том числе и в границах аргументационного комплекса; 2) виды аргументов, входящие в аргументационный комплекс; 3) типы структур аргументации, формирующие аргументационный комплекс.

Выделенные параметры определяют субтактические действия ЛРТ.

Субтактика сверхфразовой организации аргументации

ЛРТ исходит из обусловленности регистровой комбинаторики персуазивной природой риторического текста. Реконструкция данной субтактики направлена в первую очередь на установление связи между коммуникативным регистром как строевой единицей текста со всеми присущими ей семантико-грамматическими характеристиками и выполняемым ею функционалом в аргументации. В ходе ЛРТ выявлен ряд функциональных обязательств коммуникативных типов речи в аргументации. Так, генеритивный регистр в силу своей семантической специфики, характеризующейся генерализацией, способен презентовать тезис/подтезис, а информативный блок – представлять аргументы, поддерживающие выдвинутое суждение. Иначе говоря, генеритивный тип речи выполняет функцию введения тезиса, а информативный – предъявления аргументов. Монтаж генеритивного регистра речи с информативным есть базис авторского рассуждения, логической основой которого выступает доказательство, состоящее из тезиса/подтезиса, соответствующих аргументов и демонстрации – логической связи между первым и вторыми. Указанная регистровая организация, создающая аргументационный комплекс, устойчиво прослеживается в разных медиадискурсах – публицистическом (1), политическом (2), религиозном (3):

(1)...кажется нам крупней, больней и невыносимей, не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам (ГРР = подтезис). <...> В одной стороне под гоненьями, не уступающими древнеримским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан (ИРР = аргумент 1). В другом полушарии некий безумец... мчится через океан, чтоб ударом стали в первосвященника освободить нас от религии (ИРР = аргумент 2) (Солженицын, 1972);

...найдутся те, кто будет предлагать спасать то, что кажется неспасаемым (ГРР = подтезис). Так и с моллами. В США полно в меру креативных предложений по этой части. Все они сводятся к тому, что моллам надо меняться, а иначе не выжить (ИРР = аргумент 1). <...> Зафиксирован случай, когда на ледовом катке внутри молла тренируется на глазах у шопингующей публики местная хоккейная команда (ИРР = аргумент 2) <...> (Бовт, 10.09.2023);

...сегодня, конечно, происходит радикальное снижение качества культурных потребностей людей (ГРР = подтезис). И это радикальное снижение качества культурных потребностей – оно наблюдается не только в нашей стране (ИРР = аргумент 1). Это характерно и для Франции (ИРР = аргумент 2), это характерно и для Италии (ИРР = аргумент 3). Происходит значительное снижение бюджетных статей, чего не было многие-много лет, в бюджете Германии, когда закрываются русские кафедры, когда сокращается финансирование университетов (ИРР = аргумент 4) и так далее, и так далее (Сокуров, 16.11.2014);

Некорректные задания зачастую приводят к осознанному неподчинению сотрудников... (ГРР = тезис). Согласно исследованию, ситуации, при которых сотрудники не могут или не хотят выполнять прямые распоряжения начальства, нередки (ГРР = подтезис). Так, 72% респондентов отметили, что часто получают поручения, которые невозможно выполнить качественно из-за нехватки времени или ресурсов (ИРР = аргумент 1). 62% сталкиваются с непонятными задачами (ИРР = аргумент 2). Каждый второй получал поручения, которые должны быть адресованы другим сотрудникам (ИРР = аргумент 3), а 10% встречаются даже с незаконными, по их мнению, заданиями руководителя (ИРР = аргумент 4) (Кораблева, 25.04.2024);

(2) ...модель глобализации... всё меньше соответствует стремительно формирующейся новой экономической реальности (ГРР = подтезис). За последние три десятилетия доля развитых стран в глобальном ВВП по паритету покупательной способности снизилась с 58 до 40 процентов (ИРР = аргумент 1). В том числе доля государств «Группы семи» сократилась с 46 до 30 процентов (ИРР = аргумент 2), и, напротив, вес стран с развивающимися рынками растёт (ИРР = аргумент 3) (Путин, 07.06.2019);

(3) Педагогика – это область аскетики (ГРР = тезис). Каждый человек, который вступает на путь преподавания знаний другим, должен это ясно понимать. Эта работа связана с подвигом, с самоистощением (ГРР = подтезис), подобно тому, как Христос истощил Себя во имя спасения рода человеческого (ИРР = аргумент) (Святейший Патриарх Кирилл, 2010).

Таким образом, сделанные аналитические наблюдения свидетельствуют о нерасторжимости значения и функции в текстообразовании и смыслопорождении. Определение функциональной роли строевых единиц текста в аргументационном конструировании верифицирует регулярное воспроизведение в различных медийных практиках традиционной **аргументации доказательного типа**.

Возникает вопрос о функциональной роли в аргументации диалогических и контаминированных типов речи. Так, усложнение формулы традиционного рассуждения реактивным регистром речи повышает диалогичность текста, активизирует слушателя, эксплицирует авторскую модальность, следствием чего становится усиление воздействующего эффекта текста. Иначе говоря, диалогические регистры не играют содержательной роли в аргументации, но выполняют каталитическую функцию. Например, в случае развития вышереконструированного нами тезиса *Заккрытие школы – гибель села*:

Правительство РФ распределило почти 14 миллиардов рублей между 83 субъектами РФ на поддержку фермеров и развитие сельской кооперации в 2019–2021 годы (ИРР = аргумент 1). Радует эта новость? Радует (РРР) (Шаргунов, 16.05.2019).

Рассмотрим в рамках аргументационных комплексов частотные регистровые комбинации, включающие контаминированные сверхфразовые образования:

(1) *Мозг, если что-нибудь и умеет, причем любой мозг, всешний мозг, не только человеческий, если он что-нибудь и может, то учиться. Вот это он знает, как делать. Иучение происходит всегда* (ГРР = подтезис): *в лесу ли вы гуляете, блины ли вы печете, он, знай, работает, он свое вынимает из этого* (ИРР = аргумент 1). *И не только на тему, как печь блины, он попутно с этим еще много чего придумал* (ИРР = аргумент 2). <...> *Почему сейчас такая мода на это пошла? На что влияют наши знания о мозге? Точнее сказать, на что должны были бы они влиять? Как организовать образование? Может быть, не надо вкачивать в людей такое количество информации? <...> Ему зачем знать, когда Наполеон женился на Жозефине – это что, важная информация? Или, может, он в Гугле это узнает через полторы секунды?* (информативно-реактивный регистровый вариант) (Черниговская, 30.05.2015);

(2) *Основное правило привлечения к себе внимания в соцсетях и СМИ – не быть похожим на всех и создать событие* (ГРР = подтезис). *Печатные газеты и журналы сейчас менее эффективны* (ИРР = аргумент), *и если вы только начинаете раскручивать бренд, то, конечно, лучше работать онлайн и публиковаться в онлайн-СМИ. Используйте различные способы: пишите авторские статьи, давайте экспертные комментарии и интервью, взаимодействуйте для продвижения на бартерной основе с блогерами* (информативно-волеутикативный регистровый вариант) (Хакамада, 27.09.2018).

Контаминированные типы речи, содержащие очевидную информативную составляющую, так или иначе вносят вклад в аргументационное композиционирование. Они не могут быть квалифицированы как аргументы в силу гипотетичности или прескриптивности предъявляемой информации. Однако они способны формировать своего рода аргументативный резерв, который может быть активирован в сознании реципиента либо (1) путем попытки ответа на поставленные вопросы, либо (2) путем принятия/отклонения прескрипции – в данном случае предлагаемого совета, что создает условия для формирования эффекта диалогичности, вносящего свой вклад в обеспечение персуазивности.

Таким образом, сделанные выше аналитические наблюдения свидетельствует о вариативности аргументации доказательного типа, о существовании ее **доказательно-диалогического подтипа**.

Стоит уделить внимание и тем аргументационным комплексам, в состав которых входят регистры речи, имеющие амбивалентную природу:

Музеи в первую очередь выступают хранителями. Первая и основная задача музеев – собрать и сохранить (ГРР = тезис). *Новый этап наступил с развитием интереса к собиранию искусства в США* (ИРР = подтезис).

В 1963 году, когда я первый раз приехала в Америку, я была потрясена контрастом между тем, что я видела в самих американских городах, и музеями. <...> Огромные поразительные коллекции были куплены и перевезены через океан. В США я провела месяц по приглашению Американской ассоциации музеев. Формат моего визита был таков, что я не имела права жить в отелях – только в семьях руководителей музеев. Первый американский музей, в который я попала, был Музей Изабеллы Стюарт Гарднер в Бостоне. Меня привезли туда глубокой ночью... Ко мне вышел очень пожилой человек с фонариком в руке и повел меня на последний этаж через залы музея. Это был довольно старомодный музей, с гобеленной развеской... Время от времени луч его фонарика освещал какие-то произведения. Тут я смотрю: Боже мой, «Похищение Европы» Тициана – великая картина. <...> Утром, когда я уже проснулась и вышла посмотреть на музей в свете дня, я обнаружила, что музей имел большой внутренний дворик и все фасады внутреннего дворика – это фасады венецианских палаццо. <...> (ИРР ≈ репродуктивный РР = аргументы) (Антонова, 02.04.2014).

В данном аргументационном комплексе тезис эксплицирован средствами генеритивного типа речи; подтезис – информативным регистром, обращающим к энциклопедическим знаниям говорящего. Однако далее мы не обнаруживаем рассуждения, но следуем за увлекательным авторским повествованием, характеризующимся конкретностью, активной включенностью говорящего в репрезентуемое, его привязанностью к ситуации, наблюдением за происходящим. Высокая степень детализации воспроизводимого и эгоцентричность повествования повышают уровень доверия аудитории, усиливая тем самым персуазивный потенциал текста. Подобные случаи трансформации информативного плана в репродуктивный, основанные на регистровой амбивалентности, свидетельствуют о воплощении в медиатекстах **аргументации нарративного типа.**

Таким образом, регистровая техника анализа, выявляющая механизмы текстообразования, и реконструкция аргументации, диагностирующая воздействующие возможности текста, позволяют сделать заключение о существовании таких вариантов сверхфразовой организации медиатекста, как доминантный доказательный тип, актуализирующий рассуждение, в том числе и в его доказательно-диалогической разновидности, а также нарративный тип, демонстрирующий замену рассуждения персонифицированным повествованием. ЛРТ не ограничивается определением типовой сверхфразовой устроенности аргументации и требует квалификации аргументов уже непосредственно в структуре рассуждения.

Субтактика квалификации аргументов

Данный шаг ЛРТ связан с обращением к философско-методологической проблеме разграничения логической и риторической аргументации. Логическая аргументация основана на приоритете доказательства над внелогическими компонентами и следует принципу: «Если имеется доказательство, которое как таковое и воспринято, то аргументация, имеющая в своем составе кроме чисто дискурсивно-логических еще и другие компоненты, не нужна» [Асатрян, 1986, с. 61].

Противоположных взглядов на природу аргументации придерживаются представители неориторики, которые считают, что «далеко не всегда, когда пытаются склонить на свою сторону, прибегают к логически связным аргументам: иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в пользу которой выступает проponent, лежит в интересах адресата; защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на моральных установках» [Демьянков, 1989б, с. 13].

Соответственно, риторическая аргументация понимается как синтез рационального и иррационального, объективного и эмоционального, универсального и неуниверсального, или контекстуального. Систематизация и классифицирование аргументов – традиционная проблема неориторических изысканий, актуализированная работами С. Тулмина и Х. Перельмана, которая получает устойчивые исследовательские решения [Анисимова, Гимпельсон, 2003; Баранов, 1990; Гаррсен, 2006; Ивин, 2003; Москвин, 2008 и др.].

С целью выявления воздействующего потенциала аргументации будем последовательно обращаться к медиатекстам, созданным и функционирующим в период пандемии COVID-19, то есть объединенным общей тематикой и проблематикой. В это турбулентное время медийными фронтменами, в значительной степени определяющими содержание пандемийного медиадискурса, выступают не только политики, но врачи и ученые естественнонаучного профиля. Так, массмедийная практика 2021–2022 гг. демонстрирует рост интереса к естественнонаучному контенту и активизацию просмотров на различных видеохостингах лекций и материалов с участием

известных биологов и вирусологов, таких как К. Северинов, М. Гельфанд, С. Нетесов, А. Баранова и других. Разумеется, что в массмедийную деятельность пандемийного времени активно вовлекаются и врачи, вынужденные решать задачи широкой социальной направленности – от просветительских до психологических. Ведущие врачи известных клиник России становятся участниками многочисленных телешоу и интервью, выступая в роли экспертов, призванных сформировать адекватное ситуации общественное сознание.

Осуществим квалификацию аргументов в тексте интервью Д. Н. Проценко, главного врача ГКБ № 40 г. Москвы, данного им Российской газете в период пандемии COVID-19 (Проценко, 02.12.2021). Напомним, что тезисом данного текста выступает высказывание: *Единственный путь избежать и пятой, и шестой волны – вакцинация* (Там же).

В официальном пандемийном медиадискурсе доминируют рациональные аргументы, представленные статистическими данными, которые свидетельствуют о динамике распространения заболевания, количестве вакцинированных, результатах лечения, смертности и т. п. (см. в качестве примеров³⁷). Статистику традиционно относят к сильным аргументами (аргументами «ad rem»), рассматривают как компонент универсальной аргументации, которая «применима в любой аудитории» [Ивин, 2003, с. 23].

В ответе на открытый вопрос «Сколько сейчас пациентов с коронавирусом в Коммунарке?» Д. Проценко не может не использовать статистические сведения:

В настоящий момент у нас лечатся 934 пациента. 237 из них – в отделении реанимации и интенсивной терапии, 111 находятся на ИВЛ. Дыхание остальных поддерживается по большей части высокопоточным кислородом. Всего за прошедшие год и девять месяцев пандемии мы пролечили более 56 тысяч больных (Проценко, 02.12.2021).

³⁷ Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ: стенограмма от 11.01.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/44308/>; Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ: стенограмма от 23.07.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/42860/>; Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ: стенограмма от 01.12.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/40995/>.

Однако Д. Проценко не превращает представление количественной информации в отчет, а умело трансформирует в повествование от лица профессионала – в нарратив о типизированном опыте, доверие к которому поддерживается статусом действующего врача. Говорящий использует эмпирические аргументы, обосновывающие структуру реального, в частности аргумент-пример, который посредством апелляции к частному случаю «призван обосновать правило» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 214]. Как отмечают основатели неориторической теории, «в естественных науках частные случаи используются... как примеры, которые должны привести к формулировке некоего закона или к определению некоей структуры...» [Там же, с. 208]. С помощью примера, демонстрирующего отрицательную динамику состояния условного пациента, Д. Проценко не просто убеждает в прогрессировании и необратимости заболевания, но типизирует имеющийся опыт, превращая единичный случай в тенденцию:

Главное отличие первой волны от второй и последующих – более быстрое, я бы даже сказал, стремительное развитие заболевания. Очень быстрая прогрессия повреждения легких. Вот только что поступил пациент с 25 процентами поражения легочной ткани, а буквально через 48 часов у него может быть повреждено уже 80–90 процентов легких. И это на фоне лечения! (Проценко, 02.12.2021).

Другой специфической чертой аргументации Д. Проценко является наличие аргументов-иллюстраций, наделяющих текст объяснительным потенциалом:

Вообще же вопрос о наличии того или иного препарата достаточно сложный (подтезис). Я убедился в этом, когда еще в рамках своей деятельности на кафедре анестезиологии и реаниматологии занимался антимикробной терапией. Как-то посчастливилось побывать в одной из зарубежных лабораторий, которые синтезируют антибиотики. Узнал, что химики ежедневно генерируют тысячу молекул в надежде, что они станут спасительным средством для той или иной болезни. Но до клинической стадии испытаний из этой тысячи доходит только одна молекула (аргумент-иллюстрация 1). <...> Но, конечно же, мы очень ждем эту молекулу. И, похоже, свет в конце тоннеля появился. Один из фармацевтических гигантов дал недавно первые данные об исследованиях противовирусного препарата против COVID-19 (аргумент-иллюстрация 2) (Там же).

Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека видят назначение иллюстрации в возможности «укрепить убежденность слушающего в правильности уже известного и принятого правила путем приведения частных случаев, которые проясняют общее изложение, демонстрируют его значение с помощью целого

ряда возможных применений, усиливают эффект его присутствия в сознании слушающего» [Перельман, Олбрехт-Тытека, 1987, с. 214].

В приведенном речевом материале мы обнаруживаем обоснование структуры реальности посредством иллюстрации, апеллирующей к частному случаю из опыта действующего врача. Очевидно, что воздействующий потенциал аргумента-иллюстрации гораздо выше, нежели у частотных статистических сводок, приводимых в массмедийном пространстве в качестве «сильного» аргумента турбулентного периода. Кроме того, иллюстративные аргументы позволяют субъекту речи реализовывать свою просветительскую миссию, чрезвычайно значимую в ситуации социальной напряженности и нестабильности.

Воздействующий потенциал текста Д. Проценко, ставшего в период пандемии медийным фронтменом профессионального медицинского сообщества, формируется путем использования персональной эмпирической аргументации, где активно функционируют аргументы-примеры и аргументы-иллюстрации, отсылающие к опыту реальной врачебной практики, который так или иначе ценит массовая аудитория.

Субтактика структурирования аргументов

Оценка качества аргументации невозможна без обращения к анализу структур аргументации, что диктует необходимость «не только четкого осознания отдельных аргументов, но также и понимания связи между этими аргументами. Если не ясно, является тот или иной аргумент независимым от других аргументов, которые входят в состав сложного аргумента (сложной аргументации), то невозможно установить, какой вред принесет негативная оценка подобного довода» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123]. Иными словами, осмысление типа связи сложной аргументации позволяет прогнозировать оценку аргументов реципиентами, шире – персуазивный эффект текста.

Выделяют три основных типа структур аргументации: подчинительную аргументацию, сочинительную аргументацию, множественную аргументацию. Подчинительная аргументация представляет собой последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой. Сочинительная аргументация

есть связанное рассуждение, где каждый из приводимых аргументов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все доводы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают точку зрения. Множественная аргументация трактуется как конвергентное рассуждение, в котором каждый аргумент до известной степени самостоятельно доказывает точку зрения. Кроме того, в рамках сложной аргументации возможно объединение всех трех типов аргументативных структур [Там же, с. 123–124].

Например, в текстах политического пандемийного медиадискурса доминирует **сочинительная аргументация**. Так, мэр столицы С. Собянин на заседании президиума Координационного совета при Правительстве РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией в ответ на вопрос премьер-министра М. Мишустина «*Как Москва прошла новогодние праздники?*» (Мишустин, 11.01.2022) выстраивает аргументационный комплекс следующим образом³⁸:

С. Собянин: *Праздничные дни в Москве прошли более или менее спокойно (подтезис), все службы работали в штатном режиме, в том числе и медицинские службы (аргумент 1). Какого-то критического роста заболеваемости не наблюдалось (аргумент 2). Госпитализации шли в рамках 600–750 пациентов в сутки, что, в общем, для Москвы означает невысокий уровень (аргумент 3)* (Собянин, 11.01.2022).

Ответ на заданный вопрос не мог быть удовлетворен приведением одного аргумента; в официальной ситуации заседания, актуализирующей речевой жанр отчета, уместным является комплекс взаимозависимых доводов.

Примеры воплощения такой структуры аргументации, как сочинительная, характерны для политического дискурса:

Р. Минниханов: *...ситуация в республике стабильная и находится на постоянном контроле (подтезис). В резерве имеется 50% коек, при необходимости мы можем в течение недели в два-три раза нарастить их объём (аргумент 1). Лекарства есть. Все вопросы решены (аргумент 2). Кроме того, мы ввели более жёсткие меры на транспорте: действует система QR-кодов (аргумент 3). Все места общественного пребывания работают строго в режиме, который определён Роспотребнадзором (аргумент 4). <...>* (Минниханов, 11.01.2022);

С. Ситников: *За весь период пандемии на территории Костромской области зарегистрировано подтверждённых 48 952 случая новой коронавирусной инфекции (аргумент 1). На пике подъёма заболеваемости, в конце октября, выявлялось 210 заболевших в сутки (аргумент 2)... В целях снижения заболеваемости нами с 22 октября прошлого года были приняты дополнительные ограничительные меры. На территории области было приостановлено проведение публичных массовых мероприятий (аргумент 3), введён режим*

³⁸ Тезис анализируемого текста: *Идет борьба с коронавирусом* (Мишустин, 11.01.2022).

обязательной самоизоляции для невакцинированных граждан старше 60 лет (аргумент 4). <...> (Ситников, 11.01.2022).

В последнем примере подтезис не эксплицирован в силу уже сложившегося к моменту выступления губернатора Костромской области прагматического контекста, снимающего необходимость в выдвижении утвердительного суждения о готовности региона к борьбе с пандемией.

Потребность в связанном рассуждении возникает в политическом медиадискурсе, когда субъекту речи необходимо показать весь спектр своих управленческих достижений и возможностей, обозначить горизонты реализованного и реализуемого.

Подчинительная аргументация, или последовательное рассуждение, оказывается востребованной в случаях описания одного и того же референта, например, программы углубленной диспансеризации, утвержденной Правительством РФ:

М. Мишустин: *Последствия коронавируса могут быть действительно очень серьезными. Особенно у людей с хроническими заболеваниями. Только специалисты могут оценить ущерб, который вирус нанёс здоровью (комплексный подтезис). Поэтому с 1 июля началась программа углублённой диспансеризации перенёсших ковид (аргумент 1). На её проведение в текущем году предусмотрено 8 млрд. рублей (аргумент 2). <...> Углублённая диспансеризация и реабилитация входят в программу гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, которую Правительство утвердило в конце декабря (аргумент 3). Министерству здравоохранения совместно с региональными властями поручено провести информационную кампанию, чтобы привлечь граждан к прохождению углублённой диспансеризации после ковида (аргумент 4). Только врач может, назначив определённые исследования, выявить последствия болезни. Лучше не затягивать и обратиться в поликлинику, чтобы восстановить здоровье (вывод) (Мишустин, 11.01.2022).*

Обращение к тексту интервью Д. Проценко демонстрирует **синтез структур аргументации**, усложняющий текстовую организацию. Так, в рамках одного аргументационного комплекса прослеживается комбинаторика сочинительной и подчинительной аргументации, что позволяет говорящему перейти от фактуальной констатации к объяснению сущности конкретного явления, например, телемедицины:

Москва вообще дала стране яркий пример умения работать в сложившихся обстоятельствах (подтезис). <...> В столице же как только появились вакцины, задействовали под них самые большие и самые лучшие площадки, какие только можно представить: Лужники, ГУМ, Гостиный Двор, театр оперы «Геликон», множество торговых центров. Заслуживает внимания и еще один из инструментов, который стал широко использоваться в пандемию в Москве, – консультирование с помощью телемедицинского

центра (сочинительная аргументация). На таких виртуальных консилиумах у нас обсуждаются самые тяжелые случаи. Врачи в «красной зоне», рядом с пациентом. Все участники консилиума не просто общаются с ними, но и видят на мониторах все показатели исследований КТ, лабораторных анализов. Это помогает сообща принять взвешенное решение по дальнейшему лечению пациента, от которого нередко зависит его жизнь. Весь этот опыт сейчас успешно тиражируется по стране (подчинительная аргументация) (Проценко, 02.12.2021).

В ходе анализа структур аргументации мы обнаруживаем явление параллельных умозаключений, возникающее в результате имплицитной смены доказываемого подтекста. Так, на вопрос журналиста об эффекте вакцинации Д. Проценко выстраивает последовательное рассуждение, выдвигая сначала подтекст *Большого эффекта, не говоря о суперэффекте, пока нет*, который далее развивает следующим образом:

Еще летом мы говорили, что 60 процентов вакцинированных, к которым Москва стремилась вначале, при новых, более заразных штаммах будет уже недостаточно (аргумент 1). Нужно двигаться к 80 процентам. Но до такого уровня Москве еще далеко, потому что отношение к вакцинам в обществе очень сдержанное (аргумент 2). Объяснить причину этой сдержанности я не могу (вывод) (Там же).

Последнее высказывание-вывод создает скачкообразный переход к качественно иной аргументации, связанной уже не с критической оценкой общей ситуации, но со сферой опыта и компетенций действующего врача:

А вот то, что из лежащих в реанимации 98 процентов – невакцинированные пациенты, знаю точно (аргумент 1). Те же 2 процента вакцинированных, которые все-таки попадают в реанимацию, это люди сотягающими сопутствующими болезнями – ожирением, сахарным диабетом (аргумент 2). <...> В первую и вторую волны ковида эти больные были практически обречены (аргумент 3), а сейчас состояние у них не критическое, мы их, как правило, спасаем (аргумент 4). <...> И с коронавирусом можно жить, но только путем вакцинации (вывод) (Там же).

Мы наблюдаем неразграничение аргументационных комплексов, которое возникает вследствие опущения подтекста, возможно, в связи с логическим сбоем. Однако подтекст легко реконструируется путем опоры на выдвинутые аргументы в виде высказывания с субъектом и предикатом: *Вакцинация тем не менее производит ожидаемый эффект.*

Таким образом, разнообразие структур аргументации в дискурсе Д. Проценко способствует его риторической состоятельности и медийной узнаваемости.

Реконструкция аргументационного композиционирования позволяет проследить смысловые преобразования 2-го уровня: декодирующий, определяя

аргументативный функционал текстовых единиц 1-го уровня смысловых преобразований, а также квалифицируя аргументы и способы их взаимодействия внутри аргументационных комплексов, вскрывает тем самым текстомоделирующие механизмы формирования персуазивности.

3.2.3. Тактика суперструктурного композиционирования

Развитие идеи поликомпозиционности есть следование положению Т. ван Дейка и В. Кинча о том, что «большие последовательности сложных семантических структур, таких как предложения, изображения, сцены или действия, не могут быть должным образом обработаны без обращения к каким-либо структурам более высокого уровня» [Дейк ван, Кинч, 2015, с. 48]. Так, аргументационные комплексы, являясь сложными конститuentами, определяющими, по сути, содержательно-смысловой костяк текста, требуют своего объединения в композиционные единицы более высокого уровня, создающие узнаваемую слушателями форму.

Реконструкция тактики суперструктурного композиционирования обусловлена последним компонентом методологической триады «значение – функция – форма» и связана с формально-прагматическим аспектом изучения структурной организации текста. Значимость композиционной формы для практики построения текста риторического типа, позиционируемого в качестве эффективного инструмента коммуникативного взаимодействия, является краеугольным камнем риторической теории [Гиндин, 1998, с. 360–362; Гольшקיная, 2019; Ключев, 1999, с. 62–146; Панченко, 2011 и др.]. Известно, что «риторикой разрабатывались не просто композиции – разрабатывались целесообразные композиции, то есть композиции, лучше всего отвечающие потребностям... коммуникантов...» [Ключев, 1999, с. 63]. Как отмечают специалисты Алтайского университета, «прагматика композиционного построения рассматривает проблемы композиции в связи с воспринимающим речью, т. е. Аудиторией (читателем, слушателем)» [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 98]. С этой позиции универсальной, или естественной, признается трехчастная композиция, предусматривающая членение речевого целого

на обязательные суперкомпоненты – вступление, основную часть и заключение. Кроме того, «важным... оказывалось не только взаиморасположение частей, но и отношение каждой из частей к речевому целому как с точки зрения пропорций, так и в плане содержания частей» [Клюев, 1999, с. 63].

Подчеркнем, что риторическая эффективность определяется возможностью реципиента определять границы композиционных составляющих при восприятии текста. По сути, композиционные суперединицы выполняют функцию коммуниктивно-семиотических сигналов, где вступление закладывает систему координат коммуникации, основная часть реализует текстовую концепцию, заключение – подведение итогов и выход из заданной текстом речевой ситуации. Подобный тип членения обосновывает и И. Р. Гальперин, называя его объемно-прагматическим и отмечая необходимость учета таких факторов, как объем (размер) части текста и установка на внимание читателя [Гальперин, 2004, с. 51–52].

Конструкт, включающий вступление, основную часть и заключение, может быть истолкован в фокусе концепции макростратегий Т. ван Дейка и В. Кинча в качестве глобальной схематической структуры, или *суперструктуры*, которая задает общую форму дискурсу и может быть эксплицирована в терминах конкретных категорий, определяющих тип дискурса [Дейк ван, Кинч, 2015, с. 41]. Эта структура имеет канонический порядок и общие семантические ограничения, регулируемые схематической стратегией [Там же, с. 65]. Связь между суперструктурами и макроструктурами ученые комментируют следующим образом: «...макроструктуры – это семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы» [Там же, с. 41]. Соответственно, суперструктуры и макроструктуры находятся в отношениях инклюзии. Именно за суперструктурой закрепляется формомоделирующая функция, что позволяет ввести в РДТ понятие суперструктурного композиционирования. Подчеркнем, что ЛРТ не исключает оперирования *тактикой макроструктурного композиционирования*, когда речь идет о следовании семантико-прагматическому принципу макроорганизации текста, например, при разбиении его на главы,

параграфы, пункты, подпункты и т. п., имеющие соответствующие внутренние заголовки, над- и подзаголовки, составляющие заголовочный комплекс.

Суперструктурное композиционирование, с нашей точки зрения, в идеале предполагает интеграцию аргументационных комплексов и их включение преимущественно в основную часть риторического текста, а также оформление коммуникативно-прагматической рамки текста – вступления и заключения, нацеленных на активизацию внимания аудитории, на установление интерперсональных отношений.

Возникает вопрос о маркерах суперструктурных компонентов, которые мы, следуя принципу поликомпозиционности, ищем в аргументационной организации текста. Так, в образцовом риторическом тексте во вступлении выдвигается тезис, перекидывая семантико-смысловой мост к основной части. «Композиционная середина связана с аргументативной разработкой спорного положения, следовательно, реализуется функция изложения аргументативной структуры. Композиционное завершение выполняет функции разработки программы деятельности для Аудитории...» [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 34]. Конкретизация этих функций возможна путем установления корреляций с типом заключения, которое, в терминологии Е. В. Ключева, может быть суммирующим, типологизирующим и апеллирующим. Суммирующее заключение связано с подведением итогов и формулированием выводов. Данный тип заключения предполагает ретроспективный ход говорящего: он мысленно возвращается к важнейшим пунктам основной части и строит заключение как напоминание о них. Суммирующее заключение определяют как синтетическое, основанное на логическом подходе к структурированию речи. Типологизирующее заключение понимается как ставящее сообщение в перспективу или вводящее фон для лучшего его понимания. Этот тип заключения характеризуют как аналитический. Апеллирующее заключение есть способ эмоционально покинуть речевую ситуацию, реализующий при этом функцию интимизации сообщения. Данный тип заключения считают паралогическим [Ключев, 1999, с. 138–146].

Осуществим суперструктурное членение на материале исследованного выше в других аспектах текста С. Шаргунова «Оттолкнуться от дна» (Шаргунов, 16.05.2019), указывая единицы композиции на предыдущих этапах ее моделирования – аргументационном и базовом (таблица 6).

Таблица 6 – Суперструктурное членение медиатекста

Супер-структурный компонент текста	Регистровые маркеры и аргументативные корреляты	Аналитические комментарии
Вступление	<i>Радость? Радость, хоть и ничего весёлого (РРР). Я писал на эту тему запросы. Но главное – люди, обращавшиеся ко всем подряд, не отступали. Они осаждали редакции, депутатов, собирались выйти на сход. И добились своего (ИРР). Тема не нова: закрытие школы. Но каждый раз это убийственная новость для тех, кто учит и учится, и, конечно, для их семей (ГРР = тезис)</i>	Введение оценочной и контекстуальной информации как предпосылок экспликации тезиса Выдвижение тезиса средствами ГРР, его реконструирование: <i>Закрытие школы – гибель села</i> (см. п. 3.1.4)
Основная часть	<i>Шум подняли родители учеников малокомплектной Заклинской школы Дновского района Псковской области (подтезис = ИРР). Более 40 подписей под воззванием (аргумент 1 = ИРР). «Школа не требует капремонта (аргумент 2 = ИРР), – написали люди, – на 100 процентов обеспечена педагогами (аргумент 3 = ИРР). Ребята ежегодно показывают стабильные результаты на итоговой аттестации (аргумент 4 = ИРР), поступают на бюджетные места в профессиональные образовательные учреждения (аргумент 5 = ИРР)...».</i> <i>Похоже, усилия жителей Заклинья и всех неравнодушных (отдельное спасибо псковским журналистам) привели к победе. Школу обещано не закрывать (промежуточный вывод = ИРР). «Все волнения сказались на душевном подъёме учеников и учителей, с таким воодушевлением дети ещё не учились» (ИРР), – говорит Елена Дмитриева, директор Заклинской школы. А рядом ещё и Бельская школа, которую тоже хотели закрыть (подтезис = ИРР). И тоже люди не смирились (аргумент 1 = ИРР). И тоже угроза, надеюсь, отступила (аргумент 2 = ИРР)</i>	Аргументационный комплекс 1 (АК 1) основан на широкой эмпирической аргументации, в рамках которой аргументы-иллюстрации представлены «привлеченными к доказательству» субъектами речи – жителями села и директором школы, что обеспечивает объективность точки зрения автора на основе полифонии мнений Реализация связанного рассуждения Промежуточный вывод сопровождается цитатой в функции альтернативного аргумента Оформление АК 2, реализующего подчинительную аргументацию, усеченную вследствие проводимой аналогии

Супер-структурный компонент текста	Регистровые маркеры и аргументативные корреляты	Аналитические комментарии
	<i>Не отмалчиваться – бесхитростный, но ценный рецепт выживания. Не всегда помогает. А шанс даёт. Чиновники ведь очень не любят огласки их недобрых замыслов. Поэтому в ответ на шум предпочитают отступить (вывод = ГРР). Можно впасть в тотальное уныние, а можно и нужно биться за каждую школу и каждую больничку, выбивать деньги для наших людей, давить на государство, стараясь расширить каждую бюджетную статью (подтезис = ГРР).</i> <i>Правительство РФ распределило почти 14 миллиардов рублей между 83 субъектами РФ на поддержку фермеров и развитие сельской кооперации в 2019–2021 годы (аргумент 1 = ИРР). Радует эта новость? Радует (РРР).</i> <i>На селе у нас живёт 40 млн. человек (аргумент 2 = ИРР). Для многих регионов сельское хозяйство – основа существования и развития. Определённое завоевание (аргумент 3 = ИРР, обобщающе-логический подтип). Вопрос: куда пойдут эти деньги, под чьим приглядом? (РРР)</i>	Формулирование развернутого вывода к АК 1 и АК 2 средствами генеритивного регистра речи, обеспечивающего типизацию ситуации Оформление АК 3 путем трехкомпонентной комбинаторики: ГРР + ИРР + РРР Универсальная аргументация, представляющая собой попытку последовательного рассуждения, сопровождаемого оценочной реакцией говорящего
Заключение	<i>Дело даже не в том, что требуются гораздо большие вливания, а в том, что – не устану повторять, пока это требует повторения (авторский комментарий-вставка): там, где погибнет школа, не будет никакого села. И деньгами на пашню уже не поможешь. Люди уедут. Любое посягательство на жизнь школы – это покушение на человеческие жизни (общетекстовый вывод = ГРР). Разор и разгром. Самое настоящее преступление (РРР) (Шаргунов, 16.05.2019)</i>	Экспликация заключения преимущественно средствами ГРР с включением оценочной реакции Тип заключения – типологизирующий

Представленный в табличном формате анализ позволяет наглядно продемонстрировать трансформацию единиц разных уровней композиционной организации текста – от его строевых до суперструктурных компонентов, обеспечивающих динамику композиционирования (рисунок 9).

Рисунок 9 – Уровни композиционирования

Таким образом, формально-прагматический аспект диспозитивного декодирования связан с выявлением смысловых преобразований 3-го уровня, являющихся результатом поглощения суперструктурой единиц 2-го уровня и отражающих логику текстообразующего движения в направлении от значения к функции и наконец к форме.

Подводя итоги декодирования диспозитивной стратегии текстообразования, мы прежде всего констатируем, что ЛРТ позволяет объективировать механизмы достижения коммуникативной цели продуцента, связанной с обеспечением персуазивности текста. Исследование подтверждает, что поликомпозиционность является условием существования риторического текста, обусловленным его типологической спецификой и речеактовой зависимостью, и включает такие аспекты изучения его композиционной организации, как структурно-семантический, аргументационный и формально-прагматический. Полиаспектный подход к изучению композиции позволяет иерархизировать единицы ее формирования на разных уровнях структурного моделирования текста и проследить обеспечивающий смыслообразование процесс поглощения композиционной единицы одного уровня другой. В рамках декодирования каждой тактики последовательно выявлены следующие преобразования смысла:

- 1-ый уровень (тактика базового композиционирования) – комбинаторика коммуникативных регистров речи как строевых единиц текста;
- 2-ой уровень (тактика аргументационного композиционирования) – установление и закрепление за строевой единицей текста определенной

аргументативной функции, формирование регистрами речи аргументационных комплексов;

– 3-ий уровень (тактика суперструктурного композиционирования) – оформление суперструктуры текста путем инкорпорирования аргументационных комплексов преимущественно в основную часть риторического текста, а также оформление его коммуникативно-прагматической рамки – вступления и заключения.

Кроме того, в диспозитивной реконструкции реализована возникшая потребность в аналитических процедурах не только тактического, но и субтактического уровня. Такое исследовательское решение обусловлено доминантной позицией персуазивности в системе параметров риторической текстуальности.

3.3. Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования

Цель лингвориторической реконструкции элокутивной стратегии текстообразования состоит в выявлении механизмов вербализации таких параметров риторического текста, как публичность и диалогичность³⁹.

ЛРТ, прослеживая на данном этапе тактические пути «облечения мысли в слова» (А. А. Ворожбитова), предлагает в качестве ориентиров декодирования аксиологические экспликативы и средства речевой выразительности, необходимые для публичного существования текста, а также вербальные репрезентанты коммуникативных категорий «адресант» и «адресат», обеспечивающие диалогичность текста.

³⁹ Научный интерес к диалогичности, сформированный трудами М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, определяет существование сегодня такого направления, как диалогическая лингвистика. Она обосновывает принцип диалогизма в описании языка и текста, изучает природу диалогической коммуникации и диалогические речевые жанры [Диалогическая лингвистика, 2019; Шпильная, 2016], специфические коммуникативные единицы диалогической речи [Колокольцева, 2001], структуру и динамику русского разговорного диалога [Борисова, 2009]. Кроме того, диалогичность находится в фокусе внимания медиалингвистики [Басовская, Воронцова, 2020, 2022; Дускаева, 2012 и др.].

Для объективации воздействующего потенциала элокутивной стратегии обратимся к монотематическим медиатекстам, посвященным проблематике коронавирусного периода. Вышеотмеченная тенденция к выдвижению врачей на передний план массмедийной практики обуславливает использование релевантной эмпирической базы. Осуществим ЛРТ на материале текстов интервью, данных различным СМИ в 2020–2023 гг., следующими специалистами: представленным выше Д. Н. Проценко; М. А. Лысенко, главным врачом ГКБ № 52 г. Москвы; В. И. Вечорко, главным врачом ГКБ № 15 им. О. М. Филатова г. Москвы; Л. В. Фединой, главным врачом ГКБ № 12 г. Новосибирска, руководителем ковидного госпиталя, организованного на базе указанной больницы; В. Л. Купрейчиком, терапевтом ММКЦ «Коммунарка».

3.3.1. Тактика авторизации

Реконструкция тактики авторизации предполагает знание сложившегося исследовательского контекста. Идея авторизации уходит корнями в концепцию диктумно-модусной организации предложения Ш. Балли, в теорию модальности В. В. Виноградова. Сам термин «авторизация» предложен в рамках концепции функционального синтаксиса Г. А. Золотовой. Авторизация связывается с введением в предложение, содержащее информацию об объективной действительности, второго структурно-семантического плана, который указывает на «субъект, “автора” восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова, 1973, с. 263]. В концепции семантического синтаксиса Т. В. Шмелевой авторизация получает статус квалификативной модусной категории, связанной с идентификацией источника информации. Авторизация предполагает, что «автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых» [Шмелева, 1988, с. 35].

Мы наблюдаем расширение подходов к феномену авторизации, подтверждающее прогноз Г. А. Золотовой о необходимости выхода при изучении субъектности и в особенности полисубъектности за пределы синтаксиса предложения в стилистику речи, в структуру текста [Золотова, 1982, с. 155].

Сегодня можно говорить о формировании текстового направления в изучении авторизации, о чем свидетельствуют соответствующие исследования [Баженова, 2001; Гричин, 2017; Копытов, 2004; Сыроватская, 2009 и др.]. В контексте РДТ особенно продуктивной представляется мысль о текстообразующей функции авторизации, выявляемой вследствие выхода ее изучения на уровень текста [Гричин, 2017, с. 16]. Более того, мы разделяем идею полифункциональной синтетичности, послужившую основанием для введения понятия так называемой риторической авторизации, связанной не только с формулированием точки зрения адресанта, демонстрацией им собственного отношения к явлениям действительности в ходе создания текста, но и с оказанием воздействия на адресата [Сыроватская, 2009].

Традиционный риторический взгляд на авторизацию предполагает ее понимание как способа «проявления “я” оратора при помощи разнообразных языковых средств, которые придают сообщению субъективный характер и способствуют установлению коммуникативного контакта между оратором и слушателями» [Кохтев, 1992, с. 145]. Очевидно, что коммуникативная функция имплицитует, так или иначе, воздействующие возможности авторизации.

Риторика декодирования в отношении к авторизации не вступает в противоречие с традиционным риторическим подходом и его обновленными версиями. Она развивает их и рассматривает авторизацию как способ субъективации речи, инструмент выражения «Я» говорящего, обеспечивающий установление и поддержание коммуникативного контакта, как текстообразующую компоненту, выступающую индикатором когнитивного опыта адресанта, связанного с механизмами вербальной персонификации. Риторика декодирования наследует идеи Э. Бенвениста, утверждавшего, что «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию “Ego” – “мое я”» [Бенвенист, 1974, с. 293]. Иначе говоря, языковая эгоцентричность выступает основанием субъектности как способа идентификации индивидуума: «тот есть “ego”, кто *говорит* “ego”» [Там же, с. 294].

Аналитическая практика риторики декодирования связана с той разновидностью медиатекста, которая характеризуется «особым типом автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского я), рассчитанной на массовую аудиторию» [Солганик, 2005, с. 15]. Указанные критерии коррелируют с компонентом «адресант», входящим в основание контекстной модели продуцента. Соответственно, субъектность имеет когнитивно-коммуникативную природу, а автороцентричность рассматривается в качестве условия успешного существования медиатекста в массовой коммуникации.

В аналитической риторической практике ядро средств авторизации составляют эгоцентрические единицы языка: личные местоимения 1-го лица, формирующие т. н. *я*- и *мы*-высказывания, соответствующие притяжательные местоимения, а также вводные слова и обороты, являющиеся показателями субъективной модальности.

Местоимение-эгоцентрик *я* в первую очередь эксплицирует говорящего, поскольку «в норме имеет конкретно-референтный статус» [Падучева, 2019, с. 360]. *Я*-высказывания демонстрируют непосредственную причастность субъекта речи к сообщаемому, что повышает, с одной стороны, персональную ответственность за транслируемую информацию, с другой, – уровень доверия аудитории. *Я*-высказывания оказываются релевантными в коммуникативных ситуациях пандемии, где врачу для оказания воздействующего эффекта на сомневающуюся и периодически настороженно настроенную аудиторию просто необходимо демонстрировать свою включенность в происходящее.

В текстах исследуемых интервью мы отмечаем активную эксплуатацию интервьюируемыми *я*-высказываний. Врачи оперируют эксплицитными эгоцентрическими высказываниями в ответах на открытые вопросы, посвященные биографическим фактам, мировоззренческим, этико-аксиологическим и профессиональным принципам, которые представляют актуальный интерес для целевой аудитории, а также в ситуациях выражения персонального

экспертного мнения или демонстрации своего эмоционально-психологического состояния:

Я... не истина в последней инстанции; Я знаю, что я могу в любую точку набрать телефон...; Я лишил себя счастья раз в неделю общаться со своими родителями... (Проценко, 27.03.2020); Я очень рад, что, например, в апреле вакцинировал своих родителей...; Я всей своей нормальной человеческой, не врачебной логикой не могу понять, как можно заразиться фрагментом вакцины; ...я с первого дня говорил, что вакцинация – это не защита от инфицирования; Я думаю, что в России от России не уйти; Я хочу поменять и помочь перезагрузить систему здравоохранения (Проценко, 31.07.2021);

Я не могу сказать, что ощущается активное эмоциональное выгорание...; Со свободным временем как-то не очень в последние несколько лет, я бы сказала (Лысенко, 05.03.2022);

Я изначально собирался военным быть...; Я вообще не ищу легких путей, да и они как-то обходят меня стороной...; Я понимал, что чем больше людей будет знать об этой беде, тем больше, наверное, удастся предотвратить случаев заболевания. <...> я делал это целенаправленно, в просветительских целях; Лично я предпочел не селиться в гостинице, а жить прямо в больнице, мне так было удобнее... (Вечерко, 09.07.2020); Я всегда живу в таком темпе, и живу, начиная с детства. Если этого темпа не будет, жизни не будет у меня. Иначе я не умею; Я уже не раз говорил, что вакцинация – это на сегодня цивилизованный и эффективный способ борьбы с инфекционными заболеваниями (Вечерко, 24.12.2021);

Я горжусь нашим коллективом, понимаю, как им непросто работать; Ещё я переживала за хозяйственную службу – электриков и сантехников, за айтишников, боялась, вдруг откажутся идти в «красную» зону, когда будет нужно; Смотрю на врачей – они тут, как космонавты, бегают; Мечтаю о том, что мне не нужно будет жить 24 часа в сутки с телефоном, я буду спокойна за родных, за сотрудников, не нужно будет думать, кто тяжёлый лежит в реанимации (Федина, 29.09.2020).

Эффект выраженной субъектности создает и притяжательное местоимение *мой*. Однако оно не частотно в исследуемых текстах, предполагаем, что в силу нарочито показательной эгоцентричности:

Моя работа сводится к прямому взаимодействию с врачами и заведующими реанимационных отделений; ...мой рабочий день – это ежедневный анализ историй болезни, ежедневные обходы в реанимациях...; ...если бы я был правительством, то начал бы с того, что попытался бы построить открытые взаимоотношения с народом моей страны (Купрейчик, 18.10.2021).

В ходе моделирования эмпирической универсальной аргументации врачи, как правило, отдают предпочтение коллегиальному профессиональному *мы*, акцентируя внимание на коллективном характере антиковидной практики. Иначе говоря, авторизующую функцию реализуют местоимения *мы* и соответствующие предикативные формы, формирующие *мы*-высказывания:

...мы должны были запустить больницу номер 40 в Коммунарке. 15 марта она была подготовлена. Мы ее приняли, мы занимались подбором персонала... (Проценко, 27.03.2020); Мы активно применяем у пациентов в тяжелом состоянии... биологически активные препараты, ингибиторы интерлейкина-6; Нам удалось это статистически собрать, правильно обработать, разбить по группам, и в ближайшее время появится публикация; Мы

каждый день с коллегами делаем обход в красной зоне...; **Мы разграничили** зоны и **уменьшили** плотность палат (Проценко, 31.07.2021);

Мы не совсем в коронавирусе, мы работаем с пациентами с коронавирусной инфекцией. <...> Конечно, за два года **мы приобрели** много знаний об этой инфекции, **мы выстроили** все свои процессы внутри...; **Мы считаем**, что рано или поздно коронавирусная инфекция, безусловно, не будет такой агрессивной... (Лысенко, 05.03.2022); ...**мы занимаемся** людьми в том числе и со скомпрометированным иммунитетом... (Лысенко, 28.09.2021);

За последний год **мы провели** много всевозможных исследований, **обновили** парк оборудования по контрактам жизненного цикла; **Мы** уже неоднократно об этом **говорили**: и вирус меняется, и лечение меняется; **Мы научились** более оперативно **реагировать, управлять** нашим «кораблем» большим (Вечерко, 24.12.2021); **У нас** изначально были четко регламентированы действия... (Вечерко, 09.07.2020);

...**мы все поступали** когда-то в медицинский институт, в училища, и не предполагалось, что наденем белый халат, туфли на каблучках и будем вышагивать. **Мы знали**, куда шли учиться; **Мы почитали** в интернете, **посмотрели**, как это делается в Москве в Коммунарке, **посоветовались** с главными специалистами нашего Минздрава; Чего **мы только не делали!** И разные очки **покупали**, и спиртом **натирали**, и мылом – только что **не плевали** на них; **Мы забираем** на себя пациентов из распределительных госпиталей (Федина, 29.09.2020);

Мы как штаб напрямую **общаемся** со всей командой общих и узких специалистов. **Привлекаем** людей к помощи в сложных моментах (Купрейчик, 18.10.2021).

Условием адекватного восприятия массовой аудиторией *мы*-высказываний становится однозначность входящего в них личного местоимения *мы*, выполняющего дейктическую функцию. Авторизация легко декодируется адресатом, когда референциальная отнесенность индексального знака *мы* не вызывает сомнений. Здесь дейктическая единица *мы* определенно указывает на главных врачей и их коллег-единомышленников, на то профессиональное сообщество, которое включено в преодоление турбулентности.

Созданию необходимого воздействующего эффекта способствует комбинаторика в структуре высказываний или сверхфразовых единиц как самих местоимений-эгоцентриков *я* и *мы*, так и их сопряжение с притяжательным местоимением *наш/наши*. Такой способ экспликации авторизации позволяет субъекту речи усилить свое позиционирование в качестве неотъемлемой части трудового коллектива, имплицировать как свою вовлеченность в разрешение турбулентной ситуации, так и распределение ответственности за происходящее:

Я горжусь **нашим** коллективом, понимаю, как им непросто работать; **Я** призываю **наших** сотрудников помнить, что врачи и сестры должны быть милосердными, должны сострадать пациентам (Федина, 29.09.2020);

Мы создали внутри **нашей** больницы центр вакцинации для сотрудников и родственников, понимая, в каких условиях работают доктора... (Проценко, 31.07.2021);

*Я работаю вместе с Татьяной Алексеевной Павленко, врачом-кардиологом. Я работаю как терапевт, она – как терапевт и кардиолог. Часть **нашей** работы можно выполнять дистанционно* (Купрейчик, 18.10.2021);

*...у **нас** такой эмоциональный подъем, я бы сказала, направленный на какие-то научные изыскания, новые протоколы, новые предложения. Что касается **нашего** коллектива, то я безумно благодарна людям, я не устаю повторять, за то, что ни один человек из **нашего** основного штата не развернулся и не ушел* (Лысенко, 05.03.2022);

*...я могу сказать, что **мы** справились с этим на оценку четыре с плюсом»* (Вечерко, 2020); *Кстати, **мы** решили сделать у себя музей, 40 лет, которые работает больница, собрать воедино – **наши** шаги, развитие, работу, достижения, людей, самое главное – это человеческий ресурс; **Мы** будем поздравлять **наших** работников* (Вечерко, 24.12.2021).

Отметим, что детализированный анализ интервью В. Вечерко постковидного периода выявляет тенденцию к уменьшению я-высказываний и преобладание притяжательного местоимения *наш/наши* в авторизирующей функции. Данное обстоятельство объясняется сформированной за несколько лет пандемии медийной узнаваемостью В. Вечерко, нивелирующей потребность в публичной презентации личности главного врача Филатовской больницы:

*Например, в **нашей** больнице проводилось исследование по определению частоты и тяжести постковидного синдрома. По **нашим** данным, чаще всего пациенты отмечали психоэмоциональные нарушения (72,4% пациентов)... Для более детального изучения постковидного синдрома **нашими** врачами был апробирован специальный опросник...* (Вечерко, 05.03.2023).

Индексальный знак *наш/наши*, как и в вышерассмотренных случаях актуализации местоимения *мы*, характеризует определенность референциальных границ, что соответствует исходным представлениям риторики декодирования об отсутствии у реципиентов затруднений при установлении значения авторизирующей единицы.

Авторизация создается и путем эксплуатации вводных слов и оборотов, которые, «в основной своей части, выражают отношение говорящего к сообщаемому (т. е. имеют в речевом дискурсе подразумеваемым субъектом говорящего) и тем самым входят в сферу субъективной модальности» [Падучева, 2019, с. 150]:

Безусловно**, люди, которые только что прошли вакцинацию, должны внимательно за собой следить...; Ситуация ожидаемая, к **сожалению (Лысенко, 28.09.2021); ***Безусловно**, серьезно страдают категории населения, которые не получили вакцинацию...; В настоящее время мы, **безусловно**, очень много читаем того, что выпускают наши коллеги...; Но мне, **безусловно**, больше всех помнится пациент «ноль»..., **действительно**, было много раздумий...; Мы, **естественно**, оптимисты; **Конечно**, пациентов было огромное количество уже за этот период...; Ну, **конечно**, люди устали* (Лысенко, 05.03.2022);

*Конечно, случаев намного меньше, но это не значит, что можно пренебречь мерами предосторожности; Оценивать работу, **наверное**, другие будут... (Вечерко, 09.07.2020); Обида, **конечно**, есть. Она есть у каждого, кто перенес это заболевание в тяжелой форме...; Средства индивидуальной защиты, **конечно**, ситуацию меняют...; **Наверное**, последняя волна – одна из самых напряженных за время работы с ковидом (Вечерко, 24.12.2021); **Наверное**, пока все не переболеют, вирус не уймется (Федина, 29.09.2020).*

В рассмотренных контекстах вводные слова и словосочетания являются индикаторами причастности субъекта речи к проживаемой социумом турбулентной ситуации. Такой эффект инклюзии возникает за счет характеристики говорящим степени достоверности знания. В данном случае речь идет об эпистемической модальности: «в ее семантике содержится оценка говорящим степени вероятности того или иного факта» [Аверина, 2020, с. 12]. Так, вводное слово *безусловно* (особенно частотное в речевых партиях М. Лысенко, становящееся идиостилевым маркером) выражает оценку достоверности информации; в свою очередь лексемы *конечно, действительно, естественно* усиливают эффект соответствия ожиданиям массмедийной аудитории, развеивают неопределенность происходящего. В условиях турбулентности такие средства становятся инструментами искоренения неуверенности, сомнения, страха, повышающими доверие к говорящему. Вводное слово *наверное* выражает оценку достоверности информации и обеспечивает присущую любому кризисному времени осторожность суждений. В высказываниях, содержащих оборот *к сожалению*, получает реализацию пропозициональная установка неодобрения. Таким образом, в исследуемых текстах представлен широкий арсенал лексических единиц, выражающих оценку достоверности говорящим сообщаемого как соответствующего либо не соответствующего действительности. Выявленный арсенал вводно-модальных средств способствует обострению интереса аудитории к субъекту речи как к индивиду, способному к демонстрации эмоционально-интеллектуального отношения к предмету речи.

По мнению Е. В. Падучевой, инвентаризирующей возможные средства субъективной модальности, «в группе с компонентом знание самое частотное слово – *кажется*» [Падучева, 2019, с. 151]. Высказывания, включающие это

слово, квалифицируют как квазиассертивы, отличая их от вышерассмотренных показателей гипотетичности. Квазиассертивные высказывания могут быть использованы в тех случаях, когда говорящий располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел, хотя не вполне убежден в ее достоверности. Квазиассертивы делят на «импрессивы», «квотативы» и «операторы неуверенной оценки» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 298–299]. Выделенные исследователями «виды квазиассертивов служат для выражения разных видов неуверенности – говорящий не доверяет собственной оценке (мне кажется или по-моему), собственным впечатлениям (“импрессивы”) или информации, полученной от других (“квотативы”))» [Там же, с. 300].

Исследуемые тексты демонстрируют широкий арсенал квазиассертивов, относящихся к группе средств, демонстрирующих некоторую неуверенность своей оценки, что естественно для турбулентного времени:

Мне кажется, что пока всё равно нужно поберечься; Мне кажется, мы ещё долго будем узнавать новое о коронавирусе (Федина, 29.09.2020);

...мне кажется, настоящая взаимопомощь всегда должна быть незаметна (Проценко, 2020); *...мне кажется, 80% клинических исследований, которые публиковались за последние полтора года, так или иначе связаны с COVID-19; Есть четкое понимание и инструкция: шесть месяцев после болезни – вакцинация, шесть месяцев после вакцинации – ревакцинация. Мне кажется, это самый правильный ответ на данный вопрос; Мне кажется, мы все-таки придем к цифровизации, когда данные о вакцинированном человеке будут отображаться в глобальном пространстве* (Проценко, 31.07.2021);

Эти вопросы хорошо изучены и, как мне кажется, по поводу них уже очень много говорили. Портрет пациента остается неизменным (Купрейчик, 18.10.2021).

Не лишены исследуемые тексты и квазиассертивов-импрессивов, которые «используются в тех случаях, когда говорящий располагает непосредственной перцептуальной информацией о действительном положении дел, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 299]:

Мне кажется, что я никогда так не волновалась...; ...это счастье, что они (пациенты. – Л. М) уходят от нас, но, с другой стороны, мы настолько проникаем друг в друга эмоционально, конечно, это слезы радости, поэтому, мне кажется, их уже самих по себе достаточно для того, чтобы ощутить счастье результата (Лысенко, 05.03.2022);

Мне кажется, сейчас уже есть фаза принятия, все истерики заканчиваются, все понимают, что другого пути нет (Проценко, 31.07.2021);

Мне кажется, что пациенты это (милосердие, сострадание – Л. М.) оценивают; Мне кажется, плохого самочувствия добавляет страх из-за того, что это коронавирус и неизвестно, как он себя поведёт (Федина, 29.09.2020).

В синтаксическом плане *мне кажется* в разных модальных воплощениях — обычно главная предикативная единица в составе сложноподчиненного предложения, определяемая как безличная с косвенно выраженным субъектом.

Стоит выделить случаи трансформации квазиассертива в гипотетическое высказывание, маркером которого выступает условная конструкция:

Мне кажется, если бы я был правительством, то начал бы с того, что попытался бы построить открытые взаимоотношения с народом моей страны (Купрейчик, 18.10.2021).

Вводные авторизующие конструкции могут реализовывать потребность субъекта речи в демонстрации его персональной точки зрения, направляющей внимание массовой аудитории на сформированное опытом индивидуальное или коллегиальное знание, на экспертное видение ситуации:

На мой взгляд, кто-то должен заниматься просветительской деятельностью...; ...на наш взгляд, нам удастся разорвать еще больше цепочек заражений... (Вечерко, 24.12.2021);

...гораздо важнее, на мой взгляд, что в программу заложен ключевой принцип перезагрузки — ориентация отечественного здравоохранения на пациента; Но самое главное, что спасает, на мой взгляд, — это поддержка общества, простых граждан, когда ты видишь, как важен для них твой труд (Проценко, 02.12.2021).

В последнем примере авторизация, заданная вводным оборотом, усиливается придаточной частью сложноподчиненного предложения, содержащей *ты*-высказывание (*когда ты видишь*), где референтом *ты* является именно говорящий, что поддерживается последующей придаточной частью, эксплицирующей семантическую дуальность «они–ты» (*для них твой труд*). Кроме того, стоит учитывать, что «референт местоимения *я/ты* — это результат абстракции отождествления ряда однотипных ситуаций. Речь идет об обобщении конкретных случаев. Предполагается, что в каждом из таких случаев выделяется протагонист, лицо, находящееся в фокусе эмпатии, и что высказывание касается не одного конкретного случая, а целого класса однотипных ситуаций. При этом может обобщаться личный опыт говорящего...» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 335]. Результатом такой генерализации становится намеренное снижение эгоцентричности, создающее, с одной стороны, эффект взгляда извне на себя и свою деятельность, а с другой, — приобщение слушателя к освоению экспертного опыта, влекущее за собой повышение его статуса, что вносит вклад в упрочение связи говорящего с аудиторией.

Реконструкция тактики авторизации позволяет сделать заключение о высоком уровне субъектности текстов медицинского пандемийного дискурса, что в контексте социальной напряженности турбулентного времени рассматривается нами в качестве оптимизирующего фактора.

3.3.2. Тактика адресации

Реализация говорящим тактики адресации есть речеповеденческий акт признания существования Другого. Сформированная философией концепция Другого вводит в лингвистику ряд важнейших проблем диалогизации, связанных с превращением субъекта сознания в объект познания, а также с поляризацией своего и чужого [Арутюнова, 1999, с. 647–649].

Риторика декодирования разделяет ставшее общим местом современной лингвистики положение: «Хорошей может быть только речь, ориентированная на адресата, речь в которой автор учитывает уровень культуры, знаний, интересов, социальный статус и другие качества адресата, вовлекает его в процесс общения... Адресат при этом (даже в монологической речи) становится существенно значимым участником общения. <...> А это значит, что любое эффективное речевое общение по сути диалогично» [Кормилицына, 2007, с. 211–212]. Следовательно, адресация рассматривается как непременная составляющая текста риторического типа. Не случайно в исследованиях медиатекстовой практики утверждается мысль о том, что «образ адресата оказывается запечатленным во всех элементах структуры текста» [Каминская, 2009, с. 7], что свидетельствует о категоризации процессов адресации. Образ адресата в текстах массовой коммуникации определяют как семантико-прагматическую категорию, аккумулирующую устойчивые представления о том, кому предназначен текст, а также координирующую и регулирующую текстовое поведение автора [Там же, с. 19–20].

Сегодня, по мнению исследователей, отмечаются изменения в адресованности медиатекста: происходит размывание, или деконкретизация, образа адресата. «Данный процесс идет как на содержательном, так и на формальном уровне, проявляясь, с одной стороны, в невнимании журналиста

к фоновым знаниям читателей/слушателей/зрителей, с другой – в отказе от принципа стилистического единства текста и регулярном пренебрежении литературной нормой» [Басовская, Воронцова, 2020, с. 19]. При этом в условиях интернетизации и медиатизации фактор «размытого адресата» рассматривается уже не как аномалия, но как закономерный процесс, минусы которого искупаются в сети возможностями оперативного получения информации для заполнения смысловых лакун и выбором «комфортного» информационного канала [Там же].

Несмотря на такую тенденцию, в текстах риторического типа адресация остается неизменным условием построения субъект-субъектных отношений, обусловленных риторической категорией этоса, что требует ее речевой манифестации. Арсенал средств адресации многообразен и включает: обращения; конструкции с местоимениями 2-го лица (преимущественно множественного числа) и соответствующими глагольными формами – т. н. *ты-* и *вы-*высказывания; *мы-*высказывания, объединяющие говорящего с аудиторией; императивные речевые акты; вопросы и вопросно-ответные комплексы, интегрированные в монологическую речь с функцией имитации диалога; риторические вопросы; экспрессивные контактоустанавливающие, а также метатекстовые конструкции [Кормилицына, 2007, с. 212; Кохтев, 1992, с. 150–153].

В исследуемых интервью пандемийного времени, на первый взгляд, спектр адресующих средств, направленных на сближение с массовой аудиторией, не слишком широк. Это объясняется тем, что адресация оказывается подчиненной диалогической природе жанра интервью, коммуникативная сущность которого ориентирована в первую очередь на поддержание контакта с интервьюером и лишь затем, нередко опосредованно, с массмедийным слушателем:

Вы имеете в виду жалобы, характерные для омикрона?;... вы знаете, самым необычным симптомом в предыдущие две волны были нарушения вкуса и запаха, очень характерные для этой болезни...; Вы знаете, мы проводили такую активную интернет-связь с нашими коллегами в самом начале, особенно с коллегами из Китайской народной республики... (Лысенко, 05.03.2022).

Однако турбулентное время требует целенаправленного взаимодействия с массовым адресатом, его удержания в фокусе внимания интервьюируемого как эксплицитными, так и имплицитными способами. Так, в привлеченных к анализу

медиатекстах выявлена актуализация *мы*-высказываний, реализующих значение объединения говорящего и слушающего:

Мы же болели раньше гриппом, гнойной ангиной, пневмония протекала тоже с астеническим синдромом, но не так было (Федина, 29.09.2020);

...чем больше заградительных и карантинных мер *мы примем* сами для себя, тем это будет более эффективно (Проценко, 27.03.2020); ...*мы просто не хотим* или *боимся признаваться*, что коронавирус с нами надолго (Проценко, 31.07.2021);

Ведь *мы привыкли жить* в мире, где всё, что *мы хотим*, доступно *нам* в течение 24 часов и доставляется курьером OZON (Купрейчик, 18.10.2021);

Любые испытания даются *нам* для чего-то, в том числе и такие тяжелые испытания, для того, чтобы *мы*, наверное, *остановились и осознали* очень многие вещи для себя, в том числе как для специалистов в какой-то области, точно также для просто личностных человеческих восприятий. *Мы научились понимать*, что есть очень многие вещи, которых *мы не замечаем*, которые очень дороги для нас... (Лысенко, 05.03.2022);

...если *мы проведем* Новый год у близких друзей, *не будем* активно контактировать с окружающими, то... *нам* удастся разорвать еще больше цепочек заражений... (Вечерко, 24.12.2021).

В речевых партиях Л. Феединой, Д. Проценко, В. Купрейчика и М. Лысенко *мы*-высказывания квалифицируются нами преимущественно как генеритивные, семантика которых создает эффект обобщения/подытоживания человеческого опыта и позволяет демонстрировать непротиворечивую авторскую рефлексия, которая в кризисное время охотно принимается массовой аудиторией. В речи В. Вечерко местоимение 1-го лица множественного числа и соответствующие глагольные формы обеспечивают ненавязчивую экстраполяцию рекомендаций и пожеланий говорящего на жизнедеятельность слушающего, реализуя, по сути, косвенный директивный речевой акт.

Адресация в исследуемых текстах создается и с помощью таких традиционных эксплицитных средств диалогизации, как императивы, репрезентующих требование или профессиональный совет, которые дает согражданам опытный специалист в пандемийной ситуации:

Держите социальную дистанцию, *носите* маски – все просто (Вечерко, 09.07.2020);

Первое – *перестаньте контактировать* с вашими пожилыми родственниками (Проценко, 27.03.2020).

Однако отметим, что врачи не злоупотребляют императивными речевыми актами, что обусловлено корректной в актуальном контексте коммуникативно-психологической установкой «вербовки союзников» (Е. В. Ключев),

а не нарочитой демонстрацией профессионального статуса и безапелляционного знания, способных вызывать всеобщее раздражение.

С целью сближения с массовой аудиторией интервьюируемые прибегают к реализации такого риторического приема, как имитация диалога. Например, В. Вечерко вводит в свою речевую партию претендующее на статус аксиомы высказывание, содержащее фактуальную информацию, которое сопровождает вопрос в адресующей функции и автоответ, не подразумевающий возражений:

Вакцина, по сути, спасла человечество от многих болезней, именно массовая вакцинация избавила мир от оспы. Как можно к этому относиться? Только положительно (Вечерко, 24.12.2021).

Д. Проценко использует прием имитации диалога для создания наглядности той или иной ситуации коронавирусного периода, где ядерным элементом выступает вопросительное *мы*-высказывание в адресующей функции:

К примеру, человек получает первый компонент вакцины, на десятый день заболевает. Мы его считаем вакцинированным? <...> Конечно, нет. Вакцинированным можно считать человека, у которого прошло 14 дней после введения второго компонента (Проценко, 31.07.2021).

Обеспечению эффекта диалогизации способствует и введение типизированной вымышленной речи, которая воспроизводит узнаваемую массовым сознанием стандартную ситуацию, сопровождаемую соответствующей речевой реакцией:

...Какие сейчас модные разговоры в общественном месте, чем сейчас меряются мужчины? Да, антителами. В календаре есть сезонная вакцинация от гриппа, вы совершенно правы, и мы не задумываемся: “Так, у меня в мае были сопли, я кашлял, у меня, видимо, был грипп. Так, в сентябре по календарю мне нужно сделать прививку. А не померить ли мне антитела от гриппа?” (Проценко, 31.07.2021).

Развертывание вымышленного диалога в формате «*ты-общения*» с условным адресатом, являющимся социально безответственным лицом, становится в ситуации пандемии действенным способом активизации внимания аудитории:

*А почему от **твоего** волеизъявления и права должен погибнуть мой родитель? Я так ведь вопрос ставлю. Окей, **ты антиваксер, ты сидишь** дома, и возвращается сценарий марта, прекрасно работающие сервисы доставки еды, продуктов. **Работаешь** удаленно, если **твой** работодатель это позволяет, – вот они, **твои** свободы. Но почему ради **твоих** свобод я должен попадать в группу риска, рисковать пожилыми родителями? Самая большая внутренняя свобода – это быть социально ответственным перед людьми, которые находятся рядом с **тобой** (Проценко, 31.07.2021).*

В исследуемых медиатекстах выявлены и случаи адресации, направленные на публичное взаимодействие с профессиональным сообществом. Так, Л. Федина обращается с директивным речевым актом к сотрудникам медицинских учреждений; Д. Проценко реализует экспрессивный речевой акт, выражающий благодарность:

Я призываю наших сотрудников помнить, что врачи и сестры должны быть милосердными, должны сострадать пациентам (Федина, 29.09.2000);

Очень хочу... сказать спасибо всем тем врачам, с которыми я работаю, с которыми я не работаю, которых я не знаю. Они не только в Москве... (Проценко, 27.03.2020).

Таким образом, ЛРТ выявляет несколько групп средств адресации, направленных, во-первых, на взаимодействие с интервьюером; во-вторых, на сближение и упрочение контакта с массовой аудиторией, в том числе скептически настроенной; в-третьих, на демонстрацию связи с профессиональным медицинским сообществом. При этом ориентация на контакт с массовой аудиторией занимает приоритетное положение в контексте реализации интенциональности субъекта речи.

Диалогический синтез

Максимальный воздействующий эффект обеспечивает **комбинаторика адресации и авторизации** в структуре сверхфразовых компонентов текста, что позволяет проследивать в ходе ЛРТ явление диалогического синтеза. Например, Д. Проценко, комбинируя средства адресации и авторизации, освещает проблему антивакцинаторства, крайне болезненную как для медицинского, так и для широкого непрофессионального сообщества:

А на чем строится гипотеза антиваксеров? Это же наброс на вентилятор: «А, вы не забеременеете!» Есть какие-то исследования? Есть понятная технология создания вакцины, если говорить про «Спутник V». Она не вчерашняя. Аргументы с моей стороны, как проваксера, очень простые – публикации непрекращающиеся, которые демонстрируют все как есть, исследования из других стран, если вы не верите нам, российским докторам и ученым. Да, наверное, я, к сожалению, снизил свою социальную активность в этом плане, потому что сколько можно? (Проценко, 31.07.2021).

Врач продолжает реализацию приема имитации диалога и задает сообществу антиваксеров несколько проблемных вопросов, в том числе и открытого типа, которые усиливает эмоционально-оценочным сленгизмом «*Это же наброс на вентилятор*», являющимся прототипом английского

идиоматического оборота «*When the shit hits the fan*». Такой способ косвенного выражения субъективной модальности фиксирует эмоциональную реакцию Д. Проценко на выдвигаемый антиваксерами аргумент о невозможности забеременеть после прививки. Кроме того, наблюдаемая стилевая сниженность выступает особым способом представления врачебного знания, который «обеспечивает эффективное восприятие неподготовленной аудиторией сложных медицинских процессов, что в значительной степени повышает заинтересованность читателей в обсуждаемом вопросе» [Магировская, Влодарчик, 2021, с. 121]. Добавим, что упрочению контакта с аудиторией сомневающимися служит и использование *вы*-оборота в рамках условной придаточной конструкции («если вы не верите нам»).

Кроме того, диалогический синтез может осуществляться путем актуализации в структуре высказывания притяжательного местоимения 1-го лица единственного числа и косвенного обращения: *И это второй мой довод уважаемым антиваксерам* (Проценко, 31.07.2021).

Эффективным воздействующим приемом выступает комбинаторика адресующих средств с имплицитной авторизацией, создаваемой грамматической семантикой обобщенно-личного компонента в структуре полипредикативного предложения: *Живем мы один раз, и чем больше ты людям поможешь, тем больше тебе воздастся* (Вечерко, 09.07.2020).

Известно, что в обобщенно-личных предложениях выражаются генерализованные наблюдения над конкретными явлениями или ситуациями, которые представляются говорящему бесспорными, претендующими на истину. Данное качество сближает обобщенно-личные предложения с афоризмами и другими видами общих, или универсальных, высказываний, обладающих «всеобщностью содержания» [Рогова, 2001, с. 157]. При этом специфическим компонентом грамматической семантики обобщенно-личных предложений выступает значение личной причастности любого лица к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений [Скобликова, 2006, с. 136–137]. Как отмечает Е. В. Падучева, «родовой субъект ОЛП имеет в виду, в первую очередь,

говорящего...» [Падучева, 2019, с. 366]. Кроме того, обращает на себя внимание двусоставность конструкции «*ты людям поможешь*». Подчеркнем, что «в двусоставных обобщенно-личных конструкциях “приглашение” собеседника (читателя) к совместным наблюдениям выражено по сравнению с односоставными более ярко» [Скобликова, 2006, с. 139].

В приведенном высказывании создается эффект коллективной причастности к происходящему, который далее усиливается экзистенциальным вопросом к аудитории с незамедлительно следующим за ним ответом самого интервьюируемого: *А что самое главное? Это здоровье* (Вечерко, 09.07.2020).

Диалогический синтез есть индикатор продуктивного подхода к взаимодействию с аудиторией, один из факторов обеспечения медийной популярности врачей, позволяющий добавить к их профессиональным заслугам еще и характеристику успешных коммуникаторов.

3.3.3. Тактика аксиологической экспликации

Эффективное функционирование текста риторического типа в медиапространстве обеспечивается активацией параметра публичности, связанного с демонстрацией ценностных предпочтений говорящего, не вступающих в конфликт с устоявшейся аксиологической парадигмой общества. «Объектом ценностного отношения может быть любое сущее – физический мир (объекты живой и неживой природы, природные катаклизмы, техногенные процессы, исторические события). Ценностно мерным объектом является и сам человек, его ментальный внутренний мир» [Лингвистика и аксиология..., 2011, с. 79].

Аксиологичность – имманентное свойство риторического взаимодействия, отраженное в аристотелевских законах речи и риторических категориях, в первую очередь в этосе; это этическая компонента публичного и массового общения, которая в той или иной степени регулирует механизмы репрезентации ценностей на разных этапах текстообразования.

Нацеленность на декодирование ценностных репрезентантов в тексте есть следование сформулированным Е. Ф. Серебренниковой принципам

аксиологичности дискурса/текста и текстовой (внутридискурсивной) аксиологической референции. Последний принцип в рамках концепции аксиологической лингвистики закрепляет за некоторым цельнооформленным вербальным, паравербальным или визуально-вербальным произведением (или его фрагментом) статус пространства смыслообразования, достаточного для целей определения (измерения) в нем интенционального актуализованного оценочного смысла [Там же, с. 43–44].

Риторика декодирования постулирует, что ценности для обеспечения оперативного восприятия и однозначного понимания получают в медиатексте, тем более турбулентного периода, свою облигаторную вербальную экспликацию. При этом репрезентанты ценностей обладают в структуре текста повышенной семантической значимостью, что обеспечивает им нередко статус ключевых единиц (знаков, слов), обуславливающих смыслообразование.

Ключевые знаки, или «смысловые вехи» (А. Н. Соколов), «смысловые опорные пункты», «выразители некоего общего смысла» (А. А. Смирнов), «смысловые ядра» (А. Р. Лурия), «являются своеобразными “точками контакта” воспринимаемого речевого потока с внутренней системой опыта, точками пересечения общего, объективного и индивидуального, субъективного» [Залевская, 2005, с. 201]. В контексте такого понимания ключевого знака пересечение опыта говорящего и аудитории, «сближение сознаний» (Х. Перельман) возможно только при наличии общих концептуально-идеологических оснований, объективаторами которых выступают аксиологемы – ценности, получающие в тексте вербальное воплощение.

Базовыми свойствами ключевых знаков являются: 1) повышенная семантическая мотивированность как следствие способности отражать в основном тему текста, а рему – через ассоциативные связи [Сахарный, Штерн, 1988, с. 39]; 2) повторяемость; 3) частое попадание в сильную позицию текста; 4) градуальность, предполагающая как минимум две соотносимые между собой единицы [Лукин, 1999, с. 108–112].

Методологическим инструментом обнаружения в структуре текста ключевых знаков, выступающих в функции ценностных доминант, является контент-анализ в его классической количественной версии, реализующей принцип частоты встречаемости той или иной категории [Тичер, Мейер, Водак и др., 2017, с. 88–98]. В реестре разноуровневых процедур контент-анализа мы ориентируемся прежде всего на семантико-прагматический анализ, который «соотносит... эффект текста с определенными словами или предложениями, несущими значения» [Там же, с. 99]. Другим методологическим источником ЛРТ становится опыт формализации семантики текста, опирающийся на положение о том, что «слова... могут взаимодействовать между собой, находясь в разных предложениях и даже тогда, когда грамматическая связь между ними никак не выражена. Поэтому это взаимодействие слов необходимо рассматривать глобально в рамках целого текста» [Новиков, 1983, с. 88]. Одним из путей изучения такого взаимодействия становится ранжирование всех знаменательных лексических единиц по степени их семантической значимости в организации смысловой структуры текста, что обуславливает применение методики анализа текста по вербальным ключевым знакам, или ключевым словам [Булатова, 2013; Лукин, 1999, с. 83–89, с. 105–127; Корытная, 1996; Мурзин, Штерн, 1991; Сахарный, Штерн, 1988; Ягунова, 2007 и др.]. С целью поддержки наших теоретико-методологических построений отметим, что критерии учета количественности и целостности текстовой структуры оказываются релевантными и для изучения интерперсональности, в частности для определения риторической функции идеологом как ценностно маркированных единиц, являющихся разновидностью аксиологом [Иванов, Катышев, Зайцева, 2025].

Заданная исследователями глобальная установка на изучение «взаимодействия всех слов» в рамках целого текста, а также потребность в установлении показателей частотности сегодня может быть реализована автоматизированным способом. Для выявления ключевых знаков текста обратимся к предоставляемой специализированным онлайн-сервисом Advengo технологии SEO (Search Engine Optimization), являющейся, по версии

разработчиков, профессиональным инструментом для оценки качества текстов и их семантического анализа⁴⁰. SEO-технология осуществляет «анализ текстового контента с целью определения основных характеристик, которые важно знать для его оптимизации под поисковое продвижение. В результате семантического анализа текста становятся известны: объем текста (количество смв. с пробелами и без них); количество обычных и стоп-слов; процент водности; тошнота документа (классическая и академическая); частотность употребления отдельных слов и фраз (в частности, ключевых); ошибки (грамматические и орфографические)» [Что такое..., URL].

ЛРТ исходит из того, что статус ключевого знака лексическая единица получает при попадании в семантическое ядро текста. Определим семантическое ядро соотносимых по проблематике интервью турбулентного времени на материале следующих текстов: Л. Федина «Врачи пытаются понять, куда коронавирус выстрелит во второй раз» (29.09.2020); Д. Проценко «Почему я должен рисковать родными из-за антиваксера» (31.07.2021); В. Вечерко «Четвертая волна COVID – одна из самых напряженных» (24.12.2021); М. Лысенко «Рано или поздно COVID станет управляемым» (05.03.2022). При этом за релевантный для ЛРТ показатель частоты вхождения лексической единицы в семантическое ядро принимаем $> 0,5 \%$. В анализ включаем только речевые партии интервьюируемых (см. таблицы 7–10).

Таблица 7 – Семантическое ядро текста интервью Л. Феединой (29.09.2020)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
все	41	1,29
пациент	31	0,97
работать	22	0,69
больница	19	0,60
сотрудник	17	0,53

⁴⁰ URL: <https://advego.com/text/seo/>. Здесь и далее автоматизированный семантический анализ реализован ресурсами Advego.com.

Таблица 8 – Семантическое ядро текста интервью Д. Проценко (31.07.2021)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
пациент	25	0,94
вакцинация	16	0,60
вакцинировать	15	0,56
все	15	0,56
вакцина	14	0,53

Таблица 9 – Семантическое ядро текста интервью В. Вечерко (24.12.2021)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
много	8	0,83
медицинский	7	0,73
пациент	7	0,73
тяжелый	6	0,62
заболевание	5	0,52
работа	5	0,52

Таблица 10 – Семантическое ядро текста интервью М. Лысенко (05.03.2022)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
какой-то	24	1,24
пациент	17	0,88
безусловно	16	0,82
инфекция	14	0,72
все	11	0,57
конечно	10	0,52

Выявленное семантическое ядро текстов позволяет реконструировать концептуальный замысел говорящих, выступает вербальным индикатором их прагматических установок, их ценностных приоритетов, включая и профессиональные, которые из сферы личного, индивидуального экстраполируются на область общего, коллективного. Установление семантического ядра позволяет осуществить аксиологическую интерпретацию ключевых единиц текста.

Показательно, что зону семантических совпадений исследуемых текстов формируют лексемы *пациент* и *все*, что позволяет говорить о пациентоориентированности врачей, о человекоцентричности их мировоззрения, а также о потребности во всеобщности здоровьесберегающих усилий в турбулентное время. Представления о пациенте как абсолютной ценности, как объекте жизнесохранения объединяют тексты медицинского пандемийного дискурса. Определительное местоименное слово *все* с семантикой полноты охвата в качестве кванторной единицы актуализирует ряд контекстуальных значений: задействованность субъектов медицинских институций в решении поставленных перед ними задач; указание на объем реализуемого; демонстрация масштаба проблем и т. п.:

Все сотрудники, которые должны были работать с ковидными пациентами, прошли дистанционное обучение по лечению ковида; Сейчас практически все пациенты поступают с пневмониями (Федина, 29.09.2020);

Для столицы были созданы все условия, чтобы быстро и качественно пройти вакцинацию. Например, я всех своих знакомых направлял в Гостиный Двор, где внятная логистика, нет скоплений людей (Проценко, 31.07.2021);

Как только появилась вакцина, они все (сотрудники больницы, которым за 70 лет. – Л. М.) вернулись в строй, и они все работают (Лысенко, 05.03.2022).

Статус аксиологем в пандемийное время приобретают понятия, потенциально открытые для развития ценностной семантики, такие как *работа* и *сотрудник*. В качестве ситуативной аксиологемы, актуализирующейся только в конкретных условиях, выступает лексема *вакцина* и ее производные. Кроме того, семантический анализ позволяет выделить проблемные зоны пандемийной ситуации: *больница, много, тяжелый, заболевание, инфекция*. Данные единицы не репрезентуют аксиологемы, но создают фон для формирования ценностного ядра пандемийного дискурса и его интерпретации.

Из ряда выявленных единиц выбивается неопределенное местоимение *какой-то*, часто употребляемое М. Лысенко в составе оборота *в какой-то степени*. Здесь проявляет себя индивидуальная речеповеденческая тактика некатегоричности, связанная с выражением некоторой осторожности суждений в условиях пандемийной неопределенности.

Поскольку акторами пандемийного дискурса выступают не только врачи, но политики и публицисты, обратимся к текстам о пандемии из серии материалов «Стоны страны: депутатский дневник» (2020) С. Шаргунова. Результаты семантического анализа с показателем $> 0,5 \%$ приводим в таблице 11.

Таблица 11 – Семантическое ядро текстов о пандемии С. Шаргунова «Стоны страны: депутатский дневник» (2020)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
врач	13	1,31
больница	11	1,11
больной	9	0,91
средство	7	0,71
один	6	0,60
заболеть	5	0,50
отделение	5	0,50
пациент	5	0,50
письмо	5	0,50
помощь	5	0,50
чиновник	5	0,50

Слово *врач*, оказавшееся наиболее частотным в семантическом ядре исследуемого материала, выступает в качестве того ключевого знака, «по отношению к которому определяется вес прочих знаков» [Лукин, 1999, с. 110]. Повышенная семантическая значимость лексемы *врач* в организации смысловой структуры текста позволяет квалифицировать ее как аксиологему, задающую вектор субъектных отношений в рамках пандемийной ситуации: *врач – больной/пациент – чиновник*. Иначе говоря, автор текста внедряет в парадигму смыслов пандемийного времени такую аксиологему, как *врач*, которую он контекстуально противопоставляет ключевому знаку *чиновник*, осознанно понижая ценностный статус должностного лица семантико-стилистическим способом – прибегая к использованию такой номинации, которая вызывает в массовом сознании негативные коннотации:

Вероятно, слишком сложная задача для некоторых чиновников, с которых требуют отчётности чиновники повыше, – организовать борьбу с коронавирусом не в ущерб другим больным. Не обрекая их на боль и опасность гибели, не оставляя без лечения (Шаргунов, 2020).

Обширная тематическая группа формируется вокруг ключевого знака *больница*, потенциально открытого для аксиологизации в условиях пандемии: *больной, врач, заболеть, отделение, средство, помощь*. Помимо уже отмеченных акторов пандемийной ситуации (*больной, врач*), очевидной аксиологичностью в ситуации турбулентности обладают ключевые знаки *помощь* и *средство*.

С целью верификации процедуры реконструкции тактики аксиологической экспликации представляется продуктивным обращение к другой турбулентной ситуации и репрезентирующим ее текстам. Осуществим семантический анализ монолога спортивного комментатора Карена Адамяна (Адамян, 26.04.2024), который сразу после известия о разрушительном наводнении в апреле 2024 года в Оренбургской области объявил о сборе средств пострадавшим и отправился с целью оказания помощи в родной город⁴¹ (см. таблицу 12).

Таблица 12 – Семантическое ядро текста К. Адамяна (26.04.2024)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
тысяча	10	0,96
семья	8	0,77
жилье	7	0,67
затопить	7	0,67
деньги	6	0,58
знать	6	0,58
один	6	0,58
Оренбург	6	0,58
остаться	6	0,58

В данном тексте отмечается аксиологизация материальных потребностей пострадавших от наводнения: *тысяча (рублей), деньги, жилье*. Такие

⁴¹Текст монолога «Дети ночуют с коровами. Страшно» опубликован 26.04.2024 журналистом Г. Телингатером на спортивном портале championat.com. См. URL: <https://www.championat.com/football/article-5528592-navodnenie-v-orenburge-monolog-futbolnogo-kommentatora-i-blogera-karena-adamyana-kak-on-pomog-postradavshim-intervyu.html>.

аксиологемы мы квалифицируем как конситуативные, связанные исключительно с условиями преодоления возникшей турбулентности: *Перечисляли кому-то 80 тысяч, кому-то 100 тысяч, кому-то 150 тысяч; У кого-то жилья не осталось...* (Адамян, 26.04.2024).

Внеситуативные ценности репрезентуют лексемы *семья, Оренбург*. Аксиологический потенциал лексем *остаться* и *один* выявляется только контекстуально: *Люди остались без дома; ...люди остались вообще в одной футболке и одних штанах* (Там же).

Таким образом, обращение к составляющим семантического ядра текста позволяет реконструировать актуальные в определенной конситуации ценностные предпочтения говорящего и средства их репрезентации.

3.3.4. Тактика риторической триггеризации

Реконструкция элокутивной стратегии текстообразования сопряжена с выявлением тенденций орнаментализации, связанных с эксплуатацией потенциала средств выразительности, выступающих в функции приемов речевого воздействия. Так, Ж. Женетт определяет риторику в целом как систему инвентаризированных посредством риторического кода фигур как отклонений от узуса, за каждой из которых закреплено свое коннотативное значение [Женетт, 1998, с. 205–217]. Анализ тропеического и фигурального способов отражения действительности в тексте – традиционная риторико-стилистическая процедура. Именно поэтому «современный лингвист, занимающийся исследованием проблем элокуции как учения о словесном оформлении мысли, имеет в распоряжении богатое теоретическое наследие, в том числе многочисленные работы (от античности до наших дней), в которых описываются различные приемы речевого воздействия – прежде всего фигуры речи и тропы» [Копнина, 2009, с. 7]. В связи с этим обстоятельством представляется продуктивным не мультиплицировать в рамках ЛРТ сложившийся к настоящему времени опыт описания и классифицирования средств речевой выразительности, а выбрать актуальный вектор рассмотрения элокутивной специфики текста, направленный на выявление индикаторов так называемой риторической триггеризации.

Понятие «триггер», основанное на метафорическом переосмыслении идеи «спускового крючка», в первую очередь входит в концептуальный аппарат современной психиатрии и психологии. Исследователи психических состояний и психических нарушений определяют триггер (часто в контексте исследований аддиктивного поведения) как «эмоционально нагруженное вербальное и/или физическое событие, которое активирует управляющий эмоциями модуль психической деятельности. Как правило, содержание триггера несет бессознательно травмирующую природу, связанную с какой-то угрозой, что вызывает эмоциональную реакцию» [Короленко, Шпикс, Турчанинова, 2021, с. 159].

В последнее десятилетие понятие «триггер» утверждается в маркетинговой практике и различных областях научного знания, в том числе и лингвистического. «В гуманитарной науке триггерными называют любые объекты, явления или события, которые оказывают влияние на поведение людей или общество в целом. Все чаще понятие “триггер” используют применительно к языку и речи. В лингвистике триггерами называют то, что способствует возникновению нового значения, определяет развитие сюжета, порождает острую негативную реакцию и т. д., то есть это понятие оказывается многозначным» [Копнина, Роу (Забродина), Цатурян, 2024, с. 917]. Данное понятие может трактоваться и как ключевой момент в сюжетопостроении, обуславливающий развитие событий [Карасик, 2015].

Н. Б. Руженцева и ее коллеги, разделяя традиционное психологическое понимание триггера как какого-либо предмета, явления или события, вызывающего эмоциональный ответ, сужают фокус рассмотрения триггеризации до понятия «триггера в дискурсе власти». Исследователи определяют его как «устное или письменное высказывание представителей власти, вызывающее острую негативную реакцию общественности и СМИ и имеющее прагматическую организацию» [Руженцева, Кошкарлова, Чудинов, 2020, с. 100]. Уральские ученые предпринимают попытку типологизации высказываний-триггеров, получивших репрезентацию в дискурсе власти. Опираясь на интенциональные основания, они выделяют триггеры-мнения, соотносимые с речевыми жанрами совета, оскорбления, угрозы, и триггеры-предложения, коррелирующие с жанрами

запрета, осуждения и заповеди. Кроме того, актуализируя идею прагматической рамки, включающую адресата в качестве ее обязательного компонента, авторы обосновывают диалогическую природу триггера и предлагают рассматривать реакции на него [Там же].

Г. А. Копнина и А. Н. Забродина оперируют понятием «речевого триггера» – высказывания, обладающего способностью «в определенной конситуации переключать внимание адресата, вызывая у него такие ценностные ассоциации и эмоциональные переживания (как правило, травмирующего типа), которые могут способствовать переосмыслению того или иного события, явления и/или мотивировать его на совершение нужного адресанту действия, поступка» [Забродина, Копнина, 2023, с. 108–109]. Исследователи предлагают процедуру декодирования речевого триггера, принципиальной позицией которой является обязательное рассмотрение вербализованной эмоциональной-оценочной реакции на текст [Там же, с. 109–111]. Красноярские ученые выдвигают следующие критерии идентификации триггерных высказываний: 1) наличие ответных реакций на высказывание, указывающих на возникшие эмоции/чувства и на оценочное отношение адресата к сообщаемой информации; 2) наличие в смысловой структуре высказывания компонентов, которые основаны на оценке значимости какого-либо объекта, относятся к историко-культурным, нравственным и другим ценностям или отсылают к ним; 3) наличие лингвистических маркеров триггерности – тех языковых/речевых средств, которые обусловлены целенаправленностью высказывания оказать речевое воздействие на эмоции, т. е. призваны моделировать реакции адресата [Копнина, Роу (Забродина), Цатурян, 2024, с. 921–923]. Последний критерий позволяет нам обосновать и ввести в обиход ЛРТ понятие риторического триггера.

Риторический триггер – разновидность речевого триггера, представляющая собой, как правило, высказывание, оказывающее влияние на аффективную, когнитивную или мотивационную сферы реципиента путем активации тропеического потенциала языковых/речевых ресурсов. При этом для усиления эффекта могут быть использованы возможности фигур. Иначе говоря,

лингвистическим маркером риторической триггерности становятся средства речевой выразительности, или риторические приемы.

С позиции риторической эпистемологии логос риторической триггеризации есть «формальная переработка языкового материала» [Дюбуа, Эделин, Клинкаберг и др., 1998, с. 47], возникающая как следствие пафоса, связанного с реализацией идиостилевой идентификации, требующей небанальных инструментов воздействия. Не случайно исследователи отмечают, что «коммуникативный потенциал триггеров обнаруживается в семантико-прагматических преобразованиях (метафоризация, языковая игра, гибридность вербального и визуального), в словообразовательной активности, в податливости к ассоциативным связям и др.» [Синельникова, Селезнева, 2022, с. 96–97].

По замыслу адресанта, травматичность риторического триггера должна выполнять терапевтическую функцию и иметь позитивные последствия для адресанта, в чем просматриваются этические основания взаимодействия коммуникантов. Известно, что «триггерные высказывания могут провоцировать как отрицательные, так и положительные реакции» [Забродина, Копнина, 2023, с. 113]. Именно на запуск последних и рассчитан риторический активатор. Соответственно, условием этоса становится потенциальная конструктивность риторического триггера, что отличает его от триггерных высказываний деструктивного характера, доминирующих сегодня в современном медийном поле. Таким образом, базовые индикаторы риторической триггерности – репрезентированный средствами выразительности риторический прием как формирующее основание, а также интенциональность, имеющая в идеале созидательную направленность.

Изучение процессов воздействия диктует избирательный подход к иллюстративному материалу. Для практики ЛРТ актуальным представляется следующее положение: «Триггер запускает семантический механизм текстопорождения, формирует событие текста на основе события жизни» [Синельникова, Селезнева, 2022, с. 96]. Для массмедиа имеют особую значимость те события жизни, которые либо инициируют кризисные периоды социального

существования, либо формируются внутри них. Любая турбулентная ситуация – политические взрывы, экономические коллапсы, эпидемии, стихийные бедствия и т. п. – открывает безграничные возможности триггеризации. В такие периоды активизируется практика воздействия на глубинные бессознательные архетипные источники. «К последним относится структура двухстороннего архетипного сэлфа, который имеет как “светлую”, так и “темную” стороны. Эти стороны отождествляются с иррациональными понятиями Добра и Зла, Здоровья и Болезни, Порядка и Хаоса, Жизни и Смерти. Эти полярные стороны неразрывно связаны. Преобладание влияния одной из них приводит к уменьшению влияния другой на эго-структуру» [Короленко, Шпикс, Турчанинова, 2021, с. 153].

Триггеризация (особенно турбулентных периодов) культивирует игру с иррациональными категориями и понятиями, определяющими человеческое бытие. При этом потребность в оказании необходимого воздействия обуславливает трансформацию абстрактного в конкретное, приближенное к человеческой природе. Именно поэтому вербальное воплощение риторических триггеров часто связано с реализацией принципа антропоморфизма, объективированного посредством риторического приема **олицетворения**:

Врачи пытаются понять, куда коронавирус выстрелит во второй раз (заголовок-подводка⁴²); Коронавирус не любит тучных людей...; ...коронавирус нам ещё преподнесёт сюрпризов, он однозначно мутирует. Он, наверное, не ожидал, что такое мощное лечение будет и так быстро всё произойдёт, поэтому пытается приспособиться, чтобы выжить (Федина, 29.09.2020);

Идея одна – не допустить свехвоспаления, которое очень быстро переводит больного из палаты в отделение реанимации (Проценко, 31.07.2021); Вакцинация защищает не от заражения, а от смерти (заголовок-подводка) (Проценко, 03.08.2021);

Вакцина, по сути, спасла человечество от многих болезней, именно массовая вакцинация избавила мир от оспы (Вечерко, 24.12.2021); ...следует не забывать, скольких людей вакцинация спасла (Вечерко, 05.03.2023);

...мы перестаем пользоваться своей нейронной сетью, и она деградирует (Дробышевский, 21.06.2024);

Искусственный интеллект отвечал в пьесе «Пиромани. Праздник одиночества» за сценографию и образы актеров (Алабина, 02.11.2023);

...искусственный интеллект решает задачи бизнеса (Журавлева, 30.07.2024);

Искусственный интеллект научился предсказывать внезапную смерть (Авдеенко, 02.07.2025).

⁴² Обращаем внимание на то, что «триггеры часто выносятся в сильные позиции текста» [Копнина, Роу (Забродина), Цатурян, 2024, с. 923].

Рассмотренные примеры иллюстрируют такое явление, как «олицетворение абстрактных понятий, или персонифицированная материализация абстракции» [Копнина, 2009, с. 468]. Здесь мы имеем дело с метафорическим олицетворением, основанным на идее «фиктивности – допущения подобия (или сходства) онтологически гетерогенных сущностей» [Там же, с. 298]. Метафорические основания рассмотренных примеров имеют преимущественно языковую природу. Известно, что языковая метафора – «готовый элемент лексики, такую метафору не нужно каждый раз создавать, “делать” – ее берут готовой и употребляют в речи...» [Скляревская, 1993, с. 31]. Воздействующий эффект в наших примерах создается за счет новизны и непознанности самого предмета речи: коронавирус, вакцинация (от ковида), искусственный интеллект. Так, коронавирус очеловечивается, вакцинация уподобляется сверхчеловеку, способному спасать и избавлять от вселенского зла, что сопровождается гиперболизацией, необходимой, по замыслу адресанта, в ситуации борьбы с недоверием к предлагаемым мерам профилактики. Искусственный интеллект освоил практически все ментальные операции и готов выйти за границы человеческих возможностей. При этом активации эмоций способствуют и апелляция к историческому опыту, к внушающему доверие прецеденту, создающая эффект репереживания, и демонстрация алармистских наблюдений над повседневностью.

В одном ряду с олицетворением, безусловно, рассматривается **метафора** как ведущий инструмент риторической триггеризации. «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27]. Т. В. Черниговская, ссылаясь на точку зрения Б. Скиннера, подчеркивает, что «эмпирической основой метафорики является постоянный и непременный контроль языка над вновь открытыми свойствами или явлениями мира» [Черниговская, 2017, с. 236]. Продолжая эту мысль, она отмечает, что перенос значений с известного на неизвестное, установление подобий можно рассматривать как естественную для человека мыслительную операцию, как один из способов усвоения новой информации [Там же]. Метафора оценивается как «в высшей степени

репрезентативный троп. Она, как никакой другой троп, дает нам прочувствовать лежащее в ее основе сравнение, то есть отчетливо предполагает операцию аналогического типа» [Клюев, 1999, с. 184]. Возникает метафорическая проекция, или когнитивное отображение [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27], которое и обеспечивает возможность триггеризации. Рассмотрим примеры таких проекций: об экспансии искусственного интеллекта – *нам скоро крышка* (Черниговская, 30.05.2015); публицистическая деятельность общественного деятеля – *летопись беды страны* как реакция на социальные проблемы – *стоны страны*; судьбы врачей в ситуации пандемии – *большая беда* (Шаргунов; 16.10.2020); события 90-х гг. прошлого столетия – *тяжелая травма* (Шаргунов, 03.10.2023)⁴³; обширная коммунальная авария зимой в Новосибирске – *кольцо ада* (Ощепков, 11.01.2024); потребитель либо *царь*, либо *дойная корова* (Миронова, 15.03.2024); инструменты искусственного интеллекта – *игра с огнем* (Кузелев, 11.02.2025).

Турбулентные времена и кризисные ситуации, характеризующиеся, как правило, культивацией мистицизма и актуализацией веры в сверхъестественное, эксплуатируют метафору чуда, способную формировать риторический триггер:

Настоящее чудо: четыре истории людей при экстренной посадке самолета (Жирнов, 12.09.2023);

Чудес у нас было немало. Это, в первую очередь, пациенты, которые в крайне тяжелом состоянии, с почти 100 % поражением легочной ткани, которые прошли все подачи кислорода и дошли до ЭКМО, справились с болезнью. Можно сказать, второй раз родились на свет. ***Это своего рода чудо***» (Вечерко, 24.12.2021).

С онтологической точки зрения чудо – «проявление сверхъестественной силы Божественного всемогущества в фактах обыденной жизни» [Рынковой, 2010, с. 46]. Метафора чуда (спасения, исцеления) в силу своей типичности и регулярной воспроизводимости имеет статус конвенциональной, или стертой. В приведенных примерах авторы прибегают к деконструкции образной основы метафоры путем контекстуального объяснения природы «сверхъестественного».

⁴³ Н. С. Болотнова, анализируя идиостиль С. Шаргунова как медиальности, участвующей в формировании массмедийного дискурса, особо выделяет «метафорический субстиль автора, профессионально владеющего искусством слова» [Болотнова, 2022, с. 58].

Именно в этой попытке объяснения метафоры и наблюдается такая ее особенность, которая получила название «фрагментарности метафорического структурирования» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 89], когда «метафорический перенос... не имеет глобального характера – переносятся не все, а лишь некоторые существенные характеристики источниковой области (того, с чем происходит сравнение)» [Баранов, 2007, с. 74]. Иначе говоря, феномен чуда есть еще и результат человеческих усилий. Риторический триггер, основанный на метафоре чуда, выступает доказательством того, что «триггеры могут активизировать не только состояния угрозы экзистенциального характера, но состояния готовности к интенсивным положительным переживаниям позитивных эмоций» [Короленко, Шпикс, Турчанинова, 2021, с. 160].

Метонимия, традиционно соседствуя с метафорой на основании объединяющей их функции расширения способов наименования, тоже входит в арсенал средств, способствующих оформлению риторического триггера. Исследовательская дилемма разграничения метонимии и метафоры, заданная еще Р. Якобсоном, получила свое решение путем обращения к понятиям денотации и коннотации. Согласно участникам группы μ , «метафора строится на основе денотативных, ядерных сем, входящих в толкование слова. При метонимии используются коннотативные семы, то есть семы смежные, принадлежащие к более обширному целому и входящие в определение этого целого» [Дюбуа, Эделин, Клинкаберг и др., 1998, с. 216]. В связи с этим метафору считают характеризующим тропом, а метонимию – тропом идентифицирующим, то есть определяющим [Клюев, 1999, с. 192]. В свою очередь отношения между членами метонимии «могут проявляться в логической и временной смежности (одновременность, последовательность), а также в совмещении или соприкосновении в пространстве» [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 246]. При этом логическая и временная смежность порождают метонимию типа «абстрактное вместо конкретного» и «конкретное вместо абстрактного», например, «произведение – автор»; пространственная смежность проявляется в метонимии типа «изделие – материал» и «содержимое – содержащее» [Там же]. Например,

риторический триггер «...коронавирус с нами надолго» (Проценко, 31.07.2021) основан на пространственной смежности: мы устанавливаем отношения *коронавирус = коронавирусные болезни* по типу «содержимое – содержащее». В случае актуализации риторического триггера «...больные оказались наедине с кошмаром» (Шаргунов, 2020) наблюдается логическая смежность, устанавливающая отношения «абстрактное вместо конкретного»: *кошмар = ситуация закрытия многопрофильных больниц и невозможность получения срочной хирургической помощи*. По такому же принципу строится риторический триггер «Искусственный интеллект и нейросети уже в театре...» (Иванычева, 19.06.2024), актуализирующий проблему экспансии искусственного интеллекта и возможного упразднения ряда театральных профессий. В этом примере *искусственный интеллект и нейросети = технологии мультимедийной инсталляции, изменяющие видеоряд на экране в зависимости от движения человека, разработки вариантов декораций и эскизов костюмов, светового и музыкального решений спектакля и т. п.* Не случайно метонимию относят к числу фигур краткой речи [Москвин, 2022, с. 131]. Конкретизация того, что понимается под кошмаром и под искусственным интеллектом в театре, осуществляется уже в контексте.

Триггерный потенциал очевиден в контаминации метафоры и метонимии:

Любое посягательство на жизнь школы – это покушение на человеческие жизни (Шаргунов, 16.05.2019);

...восторжествовало «право силы», и это наградило страну тяжелой травмой. Люди разочаровались в разговорах о демократии, перестали верить, что от них что-то зависит. Мы до сих пор в постскрипуме той пальбы (Шаргунов, 03.10.2023).

Риторический триггер может формироваться на основе **автономазии** – тропа, часто рассматриваемого как разновидность метонимии или метафоры [Брандес, 2004, с. 372], реже – синекдохи [Клюев, 1999, с. 194] или перифразы [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 258]. Дискуссионный характер природы автономазии обусловлен тем, что данный троп так же, как и другие ведущие метасемемы, демонстрирует расширение возможностей наименования. Кроме того, «автономазия... тоже содержит в себе элемент аналогии, правда, подобно многим тропам, часто без указания признака, по которому сравниваются члены

анalogии» [Клюев, 1999, с. 195]. Антономазия при всей неоднозначности ее трактовок (см. обзор точек зрения [Копнина, 2009, с. 320–326]) понимается как прием, эксплуатирующий семантический потенциал имени собственного, часто прецедентного:

*Я подумала, вот сидит в классе 20 человек, откуда я знаю, кто они, эти дети? Один из них, может быть, этот, второй, может быть, **Моцарт**, третий, может быть, **Гитлер**, четвертый, может быть, **Пикассо**. Откуда я знаю, как я смею их учить?* (Черниговская, 30.05.2015).

В создании риторического триггера участвует и **антитеза**. По мысли Р. Барта, рефлексирующего о процессах называния и упорядочивания мира, функция антитезы «заключается в том, чтобы, при помощи такого металингвистического инструмента как имя, освятить (и освоить) принцип разделенности и неслиянности противоположностей. Испокон веков Антитеза призвана разъединять; она ищет опору в самой природе противоположностей... Члены Антитезы отличаются друг от друга не просто наличием или отсутствием того или иного признака..., но тем, что оба они *маркированы*: их различие отнюдь не вытекает из диалектического процесса взаимодополнения (невесомость против полновесности); напротив, антитеза – это противоборство двух полновесных элементов, застывших друг перед другом в ритуальной позе, словно два тяжеловооруженных воина...» [Барт, 2001, с. 50]. Иначе говоря, антитеза осуществляется для того, чтобы поставить понятия в отношения контраста, актуализируя формулу «А не есть В (В не есть А)», при условии, что противопоставляемые понятия в принципе соотносимы [Клюев, 1999, с. 200].

Примером реализованного антитетического триггера выступает реакция слушателя лекции Т. Черниговской «Как научить мозг учиться» (30.05.2015). В попытках снять концептуальное мировоззренческое противоречие слушатель адресует лектору следующий вопрос, сопровождаемый демонстрацией собственной точки зрения:

Вот вы несколько раз повторили: «Есть я и есть мой мозг», все-таки кто такой тогда я? Ну я не про тело говорю, естественно. Мне все-таки кажется, что я – это и есть мозг (Черниговская, 30.05.2015).

Заданная адресантом в ходе лекции антитеза «*Я не есть мой мозг*» вызывает когнитивный аффект аудитории, что требует от ученого вторичного доказательства состоятельности выдвинутой антитезы уже в режиме дискуссии с опорой на последние эксперименты психологии, физиологии и нейролингвистики.

Триггерный характер высказывания может создаваться за счет использования риторических приемов, основанных на нарушении логических законов, например:

...продолжительность жизни растет, но при этом мы все равно вымираем (Дробышевский, 21.06.2024); И вот если убрать разом все проблемы – тут же вылезет что-то новое. Убираешь паразитов – вылезают аллергии. Если убрать все волокна из пищи, пищеварение будет работать хуже, зубы станут портиться. Наш организм не рассчитан на слишком хорошие условия, для него это плохо (Дробышевский, 22.03.2021).

Использование тропов в триггеризации, с одной стороны, усиливает воздействующий потенциал текста за счет активации образности, с другой стороны, может потребовать от реципиентов определенных ментальных усилий, направленных на декодирование семантических сдвигов и установление аналогий, иными словами, некоторой аналитической работы, к которой готовы далеко не все. Соответственно, эффективность риторического триггера не абсолютна, а потенциальна, что должен учитывать продюцент в текстообразовании.

Если в формировании триггера функционал тропов, создающих вариации значений, очевиден, то роль фигур, представляющих вариации структур, кажется на первый взгляд второстепенной. Однако сделанные аналитические наблюдения позволяют связывать фигуры с реализацией принципа комплементарности, определяющего качество или состояние взаимодополняемости. Воплощение данного принципа сопряжено, как правило, с выполнением фигурой **каталитической функции**, призванной придать ускорение действию речевого/риторического триггера.

Рассмотрим ряд примеров, иллюстрирующих действие принципа комплементарности. Известно, что в ситуациях турбулентности активация

архетипического триггера «Смерть» является беспроигрышным вариантом обеспечения воздействующего эффекта:

К великому сожалению, пациенты всё равно умирают, особенно возрастные люди (1). Часто коронавирус уже излечен, но на его фоне ухудшаются основные заболевания: как правило, это ХОБЛ, сахарный диабет, ишемическая болезнь сердца (2) (Федина, 29.09.2020).

В данном случае высказывание (1), реализующее функцию триггера, усиливает последующее высказывание (2), содержащее контекстуальное противопоставление *коронавирус/основные заболевания*, которое сопровождает **амплификация** – риторический прием, который в широком ракурсе определяют как совокупность изобразительных средств, связанных с увеличением протяженности текста [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 197]. Иначе говоря, амплификация «ориентирована на “захламление” сообщения деталями» [Клюев, 1999, с. 259]. Ж. Женетт вообще трактует амплификацию как способ распространения сюжета [Женетт, 1998, с. 392]. Однако именно на основании критериев трансформации структуры предложения и расширения формального пространства текста амплификацию относят к фигурам.

Встраивая амплификацию в классификацию риторических приемов, Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина определяют ее как фигуру мысли, у которой в отличие от тропа названы сопоставляемые компоненты [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 197]. При этом амплификация может актуализировать как классический топос «целое – часть», так и предъявлять это целое с разных сторон. Г. А. Копнина включает такие проявления амплификации в блок риторических приемов, основанных на отклонениях от «общего принципа нерегулярности текстовой структуры», в частности в группу отклонений с оператором аттракции на основе соподчинения [Копнина, 2009, с. 400, с. 417–418]. Так, именно посредством соподчинительной амплификации получают объективацию составляющие метатриггера COVID-19⁴⁴ – long COVID и post COVID:

*Я для себя **long COVID** считаю ситуацию, когда люди в течение двух и более месяцев (а пожилые пациенты – зачастую и дольше) не могут вернуться к изначальному качеству жизни. **Когнитивная дисфункция, забывчивость, быстрая утомляемость,***

⁴⁴ Понятия «метатриггер» и «метатриггер COVID-19» определены в работе: [Синельникова, Селезнева, 2022].

раздражительность, появление панических атак, в том числе и у молодых людей, у которых это не самая частая проблема (Проценко, 31.07.2021);

...постковидный синдром развивается тогда, когда в организме уже нет коронавируса. И значит, у пациента симптомы обусловлены уже не самим возбудителем, а процессами, которые изначально провоцируются иммунологическим дисбалансом. Причина этого дисбаланса – чрезмерная активация иммунной системы, переходящая с течением времени в иммунную супрессию. А далее это распространяется на нервную, дыхательную системы, опорно-двигательный аппарат, желудочно-кишечный тракт, на другие системы организма. Поэтому ученые утверждают: постковидный синдром – это новое состояние, спровоцированное перенесенной новой коронавирусной инфекцией (Вечерко, 05.03.2023).

Наблюдаемая информационная избыточность, созданная однородными членами предложения, необходима для перевода абстрактных представлений о *long COVID* и *post COVID* в конкретное опредмеченное знание, которое призвано способствовать расширению спектра эмоций адресата.

Естественно, что ситуация неопределенности, нестабильности, появление новых реалий и понятий требуют активизации просветительской работы, подключения экспертного знания, сформированного в результате длительного практического опыта. Именно поэтому анализ медиатекстов турбулентных периодов демонстрирует востребованность такого речевого субжанра, как объяснение, структурной основой которого выступает амплификация, квалифицируемая как фигура мысли.

Рассмотрим случаи актуализации каталитической функции посредством риторических приемов, относящихся к фигурам других типов. Например, катализатором триггера может становиться **анафора** – «фигура прибавления, основанная на повторении значимого элемента (слова, словосочетания, реже – части сложного слова, морфемы) в начале каждого отрезка речи (предложения, фразы, строки, синтагмы)» [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 200]. Действие анафоры связывают с отклонениями от синтаксической нормы или ее нейтрального варианта, создаваемыми путем позиционно-лексического и синтаксического повторов [Копнина, 2009, с. 362–368]:

Время течет в одну сторону?** Вот вопрос, если ребенок задаст, то ему двойку поставят в школе, а это очень серьезный вопрос. **Время течет в одну сторону? Оно течет с одинаковой скоростью? Оно течет без перерывов? (Черниговская, 30.05.2015);

***Людей** искусственно травливают, **людей** втравляют в пустые разговоры и дразги по поводу прошлого. **Людей** бесконечно делят на догматические лагеря, **людей** лишают возможности защиты их прав и интересов* (Шаргунов, 16.10.2020).

Анафорические высказывания Т. Черниговской способствуют активации риторического триггера «*Я не есть мой мозг*». Единоначатие, использованное С. Шаргуновым, призвано усилить действие заданного им метафорического метатриггера «*Стоны страны*». В обоих примерах анафора сопровождается **синтаксическим параллелизмом**, который Г. А. Копнина включает в блок риторических приемов, основанных на отклонениях от «общего принципа нерегулярности текстовой структуры», в частности в группу отклонений с операторами совмещения на основе тождества или сходства [Там же, с. 400, с. 401–415]. Таким образом, синтаксический параллелизм пополняет список инструментов, способствующих триггеризации. Это утверждение зиждется на том, что «механика... параллелизма такова, что, видя родственность конструкций, адресат, пользуясь опять же законами аналогии, рассматривает как “родственные” и смыслы, ими передаваемые» [Клюев, 1999, с. 238].

Парцелляция как «фигура размещения, состоящая в расчленении исходной целостной структуры (высказывания)» [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 251], включаемая в блок риторических отклонений от синтаксической нормы, в частности в группу отклонений с оператором расчленения [Копнина, 2009, с. 387–389], так же играет роль катализатора в получении необходимых реакций от запускаемых базовых триггеров:

*Закрытие многопрофильных больниц. **Повсеместно.** Вернее, отказ от того, чтобы заниматься пациентами, у которых диагноз не COVID-19* (Шаргунов, 2020);

*...в переходном возрасте подростки испытывают типичное желание идти наперекор родителям. Поэтому дети перебегают дорогу в неположенном месте, ходят без шапки и вообще всячески пытаются отойти от родительских правил. **Любых*** (Лобанова, 06.06.2023).

В первом примере обращает на себя внимание исходная синтаксическая структура в виде номинативного предложения, относящегося к однокомпонентному типу, в котором «предикативный признак конкретизируется как существование <...> чьей-либо деятельности, действия...» [КРГ, 1989, с. 453]. При этом оказывается эллиптированной распространяющая словоформа с субъектным значением – просящееся указание на производителя действия: *закрытие кем? чиновниками*. Расчленение единой синтаксической структуры приводит к выделению из нее обстоятельственного парцеллята

«Повсеместно», что создает эффект гиперболизации, который же и заставляет субъекта речи в целях сохранения правдоподобия при конструировании метатриггера «Стоны страны» прибегнуть в постпозиции к уточнению, корректирующему ситуацию. Во втором случае определительный парцеллят «Любых» обеспечивает создание эффекта категоричности, способствующий иллюстрации проблемы отношений отцов и детей.

Таким образом, риторический триггер – особый инструмент воздействия, реализующий риторический принцип орнаментализации, обеспечивающий тексту возможность быть замеченным в массмедийном пространстве.

Выводы

Полученные результаты риторического декодирования основаны на применении метода лингвориторической реконструкции текстообразования (ЛРТ), который выявляет семантическую, синтаксическую и прагматическую устроенность медиатекста. Технологический инструментарий ЛРТ представлен аналитическими процедурами «распаковки» способов и средств, репрезентирующих действие инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий риторического текстообразования.

Лингвориторическая реконструкция инвентивной стратегии текстообразования – это комплекс разработанных и апробированных нами процедур декодирования, который включает тактики объективации целеполагания, тематизации, проблематизации, предъявления тезиса, в значительной степени определяющих семантический потенциал текста.

Реконструкция тактики объективации целеполагания, связанная с выявлением сигналов акциональности медиатекста, осуществляется контекстно-жанровым и собственно текстовым способами. В рамках последнего результативна речеактовая идентификация, объективирующая речевую интенцию говорящего путем интериоризации средств выражения перформативности.

Реконструкция тактики тематизации, вскрывающая наряду с нижеприведенными тактиками механизмы создания актуальности текста,

опирается на учет риторической таргетности медиатекста, а также на экстралингвистические факторы обусловленности темы общей социокультурной и/или коммуникативной ситуацией, а также типом дискурса и/или жанром. В рамках ЛРТ предложены следующие способы тематической идентификации медиатекстов: контекстно-ситуативный, связанный с действием прагматической пресуппозиции; дискурсивно-жанровый; топический; структурно ориентирующий; собственно текстовый, выявляющий функционирование тематических цепочек в тексте.

Реконструкция тактики проблематизации осуществляется метамакроструктурным способом, учитывающим идеологию медиаиздания в области рубрикации медиатекстов; структурно индуцированным способом, рассматривающим возможности проблематизации с помощью лида; текстовым способом в его эксплицитном и имплицитном воплощениях.

В рамках *реконструкции тактики предъявления тезиса* получает реализацию семантико-синтаксический способ, прослеживающий ортодоксальный и парадоксальный пути тезисоформирования в текстах массовой коммуникации. Тексты турбулентных периодов свидетельствуют об активации в рамках первого направления тезирования его прескриптивной разновидности. Выявленные пути эксплицитного тезирования позволяют установить корреляции между спецификой тезиса и типом адресанта (управленец, действующий врач, журналист/публицист). Для реконструкции имплицитного тезиса использован макропропозициональный подход Т. ван Дейка, устанавливающий макроправила извлечения макроинформации из текста: опущение, обобщение, построение.

Лингвориторическая реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования есть аналитическая объективация тактик базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования, определяющих синтаксический потенциал текста и в значительной степени обуславливающих его персуазивность.

Реконструкция тактики базового композиционирования связана со структурно-семантическим аспектом изучения композиции, требующим

выдвижения сверхфразовой строевой единицы текста. Переосмысленный в рамках концепции риторики декодирования опыт лингвистики текста позволил использовать в качестве базового конституента композиционного построения и одновременно операциональной аналитической единицы обоснованный в концепции функционального синтаксиса Г. А. Золотовой коммуникативный регистр речи. Способность регистров речи вступать в парадигматические и синтагматические отношения становится основанием для выделения соответствующих субтактик ЛРТ – селекции и комбинаторики. Использование субтактики как процедурной единицы оказалось необходимым для углубления представлений о механизмах создания текста.

Результатом реконструирования *субтактики селекции строевых единиц* является описание регистрового состава исследуемых медиатекстов. Проведенный анализ свидетельствует о доминировании информативного регистра речи в структуре медиатекстов, что объясняется потребностью текстов массовой коммуникации в эксплуатации и аккумуляции содержательно-фактуальной информации. Медиатексты демонстрируют примеры вариативности информативного регистра речи: обнаружены его подтипы, в частности обобщающе-логический и информативно-перспективный, связанный со сферой знания говорящего о перспективах, о видении положения дел. Достаточно частотен в медиатекстах генеритивный регистр речи, выступающий индикатором авторской рефлексии и способный эксплицировать содержательно-концептуальную информацию. Репродуктивный регистр не частотен: он реализуется в медиатекстах, когда субъект речи непосредственно воспроизводит текущую коммуникативную ситуацию – описывает свои действия и/или собственное эмоциональное состояние. Периодически функционируют в медиатекстах и диалогические регистры – реактивный и волюнтивный, а также контаминированные типы речи – регистровые варианты, среди которых отмечается востребованность информативно-реактивного. Таким образом, в ходе реконструкции селекции строевых единиц медиатекстов выявлена вся система регистров речи, предложенная коммуникативной грамматикой. Кроме того, нами

выделены такой подтип информативного регистра речи, как информативно-проспективный, а также регистровые варианты – информативно-реактивный и информативно-волеитивный, характерные для текстов массовой коммуникации. Отмечены и случаи регистровой амбивалентности, связанные с трансформацией информативного плана в репродуктивный.

В результате реконструирования *субтактики комбинаторики* установлены так называемые формулы текстообразования, фиксирующие способы сочетаемости строевых единиц текста. Ведущим способом формирования исследуемых медиатекстов выступает комбинаторика генеритивного регистра речи с информативным, что позволяет проецировать переосмысленный общечеловеческий опыт на конкретные ситуации, связывать универсальную проблематику с определенным человеческим знанием. Другая двухкомпонентная формула текстообразования, характерная больше для практики устной публичной коммуникации, представлена комбинацией информативного регистра речи с реактивным, воспроизводящим реакцию на ситуацию как самого адресанта, так и разных участников коммуникативной ситуации. Достаточно регулярно в медиатекстах воспроизводится трехкомпонентная формула текстообразования: генеритивный регистр, информативный, реактивный или волеитивный, союз которых создает эффект диалогичности и вовлекает аудиторию в речевое взаимодействие. Проведенный анализ закрепляет за коммуникативным регистром речи статус кванта текстообразования. Экстраполяция на массмедийные тексты инструментария коммуникативной грамматики, апробированного преимущественно на текстах художественной литературы, расширяет исследовательскую практику лингвистики текста, функционально-коммуникативного синтаксиса и формирует представления о механике текстообразования за границами художественного дискурса.

Реконструкция тактики аргументационного композиционирования связана с выявлением механизмов композиционного построения, запускаемых в действие самим процессом аргументации. Инструментарий ЛРТ на этом этапе формируется под влиянием методологии реконструкции аргументации, разработанной

исследовательской группой под руководством Ф. Х. ван Емерена. С целью многофакторного описания составляющих аргументации нами предложено понятие аргументационного комплекса – сформированного в результате тематического деления тезиса на подтезисы монотематического структурно-композиционного блока, в границах которого строевые единицы текста (коммуникативные регистры) наделяются аргументативным функционалом. Разработана методика реконструкции аргументационного композиционирования, направленная на определение: 1) функций строевых единиц текста в составе аргументационного комплекса; 2) видов аргументов, входящих в комплекс; 3) типов структур аргументации, формирующих аргументационный комплекс. Обозначенные векторы определяют соответствующие субтакты ЛРТ: сверхфразовой организации аргументации, квалификации аргументов, структурирования аргументов.

Реконструирование *субтакты сверхфразовой организации аргументации* сопряжено с установлением аргументационных функций регистровых единиц текста. Так, характерная для медиатекста комбинаторика генеритивного регистра речи с информативным формирует авторское рассуждение. При этом генеритивный тип речи выполняет функцию введения тезиса, а информативный – предъявления аргументов. Такая регистровая организация аргументации прослеживается в разных медийных практиках – публицистической, политической, религиозной, научно-популярной и других. ЛРТ, синтезирующая техники регистрового анализа и реконструкции аргументации, выявляет два типа сверхфразовой организации медиатекста: а) доминантный доказательный тип, актуализирующий рассуждение, в том числе в его доказательно-диалогической разновидности; б) нарративный тип, основанный на трансформации информативного плана в репродуктивный, формирующий персонифицированное повествование.

В результате реконструирования *субтакты квалификации аргументов*, реализованного на материале интервью главного врача ГКБ № 40 (ММКЦ «Коммунарка») г. Москвы Д. Проценко (Проценко, 02.12.2021), выявлены те

виды аргументов, которые эксплуатирует массмедийный дискурс турбулентного времени. Частотна универсальная аргументация, представленная статистическими сведениями. Возрастает значимость персональной эмпирической аргументации, квалифицируемой как «обосновывающей структуру реального» (Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека), в границах которой активно функционируют аргументы-примеры и аргументы-иллюстрации, отсылающие к опыту реальной врачебной деятельности.

Декодирование субтактики структурирования аргументов, осуществленное на материале разных медиатекстов пандемийного дискурса, выявляет доминирование такой структуры аргументации, как сочинительная, или связанное рассуждение. Подчинительная аргументация, или последовательное рассуждение, востребовано, как правило, в ситуациях описания одного и того же референта. Обнаружены случаи комбинаторики в рамках аргументационного комплекса таких структур аргументации, как сочинительная и подчинительная, что позволяет говорящему переходить от фактуальной констатации к объяснению сущности конкретного явления.

Реконструкция тактики суперструктурного композиционирования связана с формально-прагматическим аспектом композиционной организации текста. Суперструктурное композиционирование есть интеграция аргументационных комплексов и их включение в основную часть риторического текста, а также оформление коммуникативно-прагматической рамки текста – вступления и заключения, традиционно призванных активизировать внимание аудитории. Предложена методика реконструкции суперструктурного композиционирования, реализующая принцип поликомпозиционности. Она основывается на установлении корреляций между суперструктурными компонентами риторического текста, его аргументационным составом и регистрами речи как базовыми конституентами текста.

Полиаспектный подход к изучению композиции позволил проследить поглощение композиционной единицы одного уровня другой, обеспечивающее смыслообразование. Последовательно выявлены следующие преобразования

смысла: 1-ый уровень (тактика базового композиционирования) – комбинаторика коммуникативных регистров речи как строевых единиц текста; 2-ой уровень (тактика аргументационного композиционирования) – закрепление за строевыми единицами текста функций, выполняемых ими в аргументации, формирование регистрами речи аргументационных комплексов; 3-ий уровень (тактика суперструктурного композиционирования) – организация суперструктуры текста: инкорпорирование аргументационных комплексов в основную часть текста, оформление вступления и заключения как облигаторных составляющих композиции текста риторического типа.

Лингвориторическая реконструкция элокутивной стратегии текстообразования определяет прагматический потенциал текста путем выявления механизмов вербализации тактик авторизации и адресации, объективирующих диалогичность текста, а также тактик аксиологической экспликации и риторической триггеризации, связанных с параметром публичности.

Реконструкция тактики авторизации, осуществленная на материале текстов медицинского медиадискурса периода пандемии COVID-19, свидетельствует о достаточно высокой степени их субъективации. Указанные медиатексты демонстрируют повышенную экспликацию авторского «Я» в связи с потребностью массовой аудитории в экспертном знании и вызывающем доверие опыте, в определении субъекта ответственности, в психологической поддержке.

Реконструкция тактики адресации, реализованная на том же эмпирическом материале, выявляет как типовые средства и способы взаимодействия с массовой аудиторией, например, *мы*-высказывания с однозначно декодируемой референциальной отнесенностью, так и нестандартные, такие как имитация диалога с вопросно-ответными комплексами или введение типизированной вымышленной речи. Действенным инструментом воздействия становится синтез ресурсов авторизации и адресации, создающий диалогичность текста и обуславливающий интерперсональность.

Реконструкция тактики аксиологической экспликации нацелена на выявление ценностных доминант, обеспечивающих принятие текста аудиторией. Декодирование аксиологических репрезентантов осуществляется посредством семантического анализа текста, основанного на психолингвистических принципах выявления ключевых знаков в семантической структуре текста и реализуемого с применением элементов SEO-технологии – автоматизированного инструмента для оценки качества текстов. Выявленные семантические ядра текстов позволили вычленить аксиологемы, гипотетически разделяемые целевой аудиторией говорящего. Анализ текстов турбулентных периодов подтверждает, что невербализованность аксиологем антропоцентрического характера создает угрозу текстовой эффективности.

Реконструкция тактики риторической триггеризации сопряжена с исследованием орнаменталистского потенциала текста. Введено понятие риторического триггера как особой разновидности речевого триггера, который представляет собой, как правило, высказывание, оказывающее влияние на аффективную, когнитивную или мотивационную сферы реципиента путем активации тропеического потенциала языковых/речевых ресурсов и в идеале предполагающее конструктивность результата речевого действия. На материале медиатекстов преимущественно турбулентных периодов выявлены тропы, формирующие риторические триггеры: метафора, олицетворение, метонимия, антономазия, антитеза, а также риторические приемы, основанные на нарушении законов логики. Риторическая триггерность возрастает при контаминации тропеических средств. Фигуры, такие как амплификация, анафора, синтаксический параллелизм, парцелляция, реализуют в ходе триггеризации принцип комплементарности и используются в функции катализатора воздействия.

Таким образом, ЛРТ, полностью воспроизводящая предложенный нами теоретический конструкт тактико-стратегической матрицы, усложненный в ходе анализа субтактическим инструментарием (рисунок 10), подтверждает свою валидность в практике риторического декодирования медиатекста.

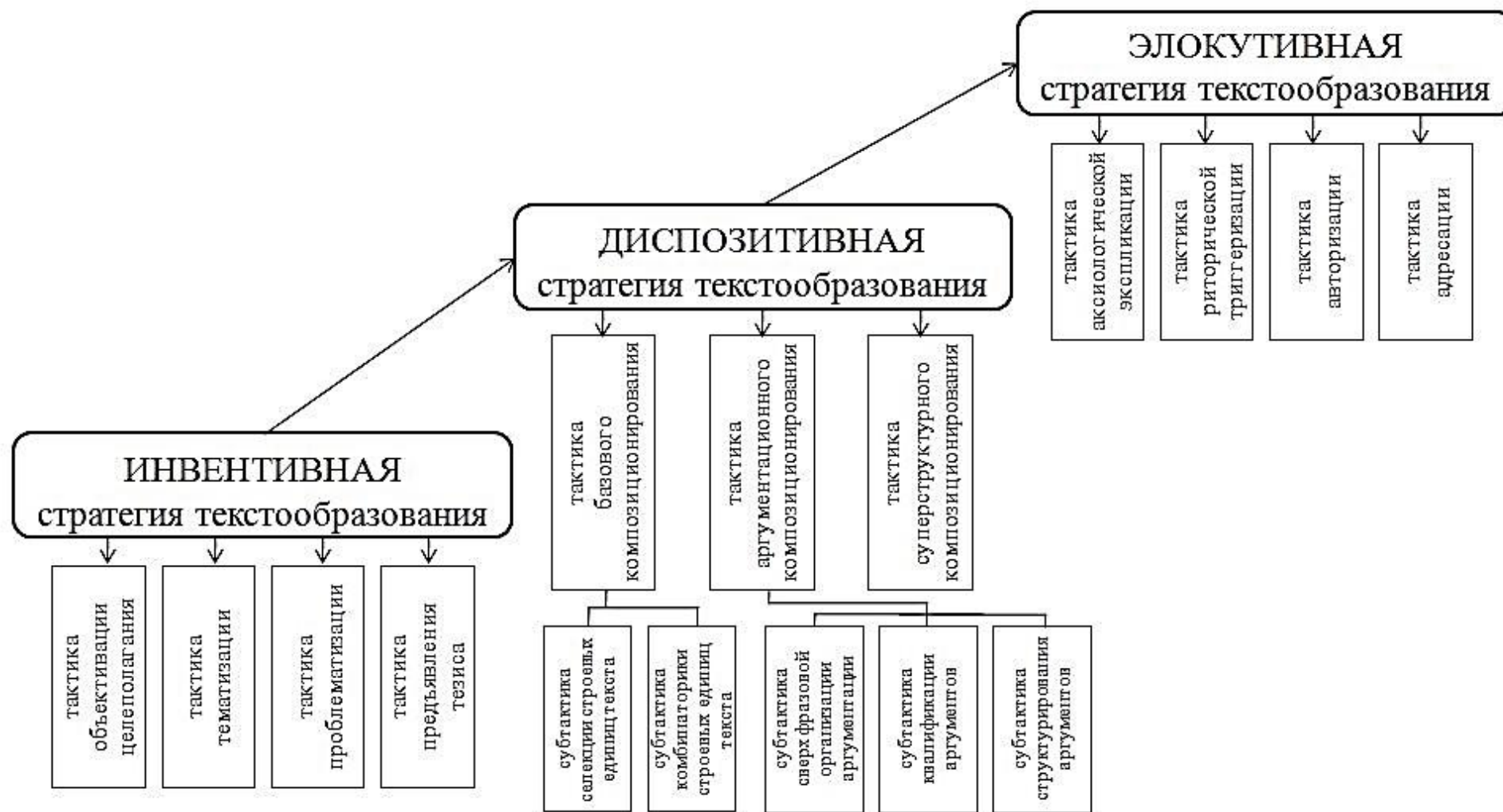

Рисунок 10 – Комплексная матрица лингвориторической реконструкции текстообразования

ГЛАВА 4. ИНСТРУМЕНТАРИЙ РИТОРИКИ ДЕКОДИРОВАНИЯ В МОНИТОРИНГЕ ТЕКСТОВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Определение сущности феномена текстовой эффективности – проблема, решаемая практической риторикой на протяжении ее многовекового существования в связи с неослабеваемой потребностью человечества в создании и функционировании текстов.

4.1. Эффективность как гносеологическая доминанта риторико-лингвистических исследований

Эффективность текста и коммуникации в разных ее типологических воплощениях – многовекторный объект научной рефлексии, который интегрирует опыт самых разных гуманитарных и информационно-коммуникационных направлений и дисциплин – от культуры речи до философии языка, от лингвистической прагматики до комплексных медиалогических и маркетинговых изысканий. Сегодня, когда открывшийся доступ к различным информационным ресурсам и платформам провоцирует и обеспечивает массовое текстопроизводство, поиск инструментов измерения эффективности текстов как никогда актуален. Информационное состояние современного общества, характеризующееся симптомом информационного перепроизводства, позволяет трактовать эффективность текста как проблему лонгитюдных исследований, регулярно активизирующуюся и трансформирующуюся под влиянием коммуникационной среды и технико-технологических факторов.

Идеология коммуникативно-речевой эффективности уходит корнями в аристотелевскую триаду законов речи, которые Ю. В. Рождественский трактует как закон общежителства, определяющий коммуникативное целеполагание, закон цельности внешнего и внутреннего содержания и закон смыслового ограничения речи [Рождественский, 1999, с. 98]. История изучения текстовой эффективности связана и с наследием софистов – античных «бродячих учителей

красноречия» (А. Ф. Лосев), где оформляется понимание необходимости обучения текстовой деятельности для решения практических задач.

Действенность слова емко иллюстрирует известный философский афоризм «Слова суть дела» [Витгенштейн, 1994, с. 232], который в условиях глобальной власти медиа и стремительной цифровизации можно рассматривать в качестве универсального лейтмотива современных дискурсивных практик.

Эффективность – категория параметрическая. Соответственно, любая исследовательская концепция, претендующая на оценку эффективности, обычно понимаемой как «отношение достигнутого результата и предварительно намеченной цели» [Василик, 2003, с. 469], должна предлагать обоснованную систему критериев ее диагностирования.

Отечественные лингвистические традиции понимания эффективности основаны на понятии «хорошая речь», сформулированном О. Б. Сиротининой в одноименной коллективной монографии. Хорошая речь определяется как речь целесообразная, успешная для адресанта и эффективная для адресата. Вопрос о качестве речи нельзя решать вне знания ситуации ее осуществления и распространения, ее целей и задач, отношений между коммуникантами, характера и свойств адресата речи. Хорошую речь характеризуют правильность, а также соответствие нужной в данной ситуации функциональной разновидности литературного языка и используемой устной или письменной форме речи, национальным традициям общения и этическим нормам поведения [Сиротинина, 2007, с. 27–28].

Риторические трактовки категории эффективности в целом соответствуют предписывающе-нормативному характеру лингвистической традиции. Так, А. К. Михальская, определяя ретиорику как теорию и мастерство эффективной речи, связывает с понятием эффективности целесообразность, силу речевого воздействия и гармонизацию отношений говорящего и адресата [Михальская, 1996, с. 32–34]. Ю. В. Рождественский считает, что эффективность речи определяют свойства новизны, уместности и правильности [Рождественский, 1997, с. 115].

П. А. Катышев видит перспективным рассмотрение эффективности в качестве частного (внутридисциплинарного) принципа, диктующего необходимость представлять категории языка, речи, речевой деятельности и речевого поведения в двух аспектах: с точки зрения осуществления ими функции воздействия и с позиции оптимизации конативной (воздействующей) коммуникации [Катышев, 2002, с. 26]. Далее исследователь дает объяснение самому принципу эффективности: «это методологическая установка, конкретизирующая общий гуманитарный принцип, согласно которому язык... есть... посредник, сознательно, ответственно, ненасильственно, самобытно применяемый людьми» [Там же]. Очевидно, что принцип эффективности корреспондирует с признанным риторическим взглядом на речевую коммуникацию как «коммуникацию действенную, эффективную, оптимальную, целенаправленную, с осознанием говорящим собственной или партнера речекоммуникативной деятельности и ее продукта/объекта (текста)» [Земская, Качесова, Панченко и др., 2000, с. 11].

Проблему параметризации эффективности речевого общения решала и решает **прагматика**, предлагая серьезный опыт разработки принципов и постулатов, определяющих условия успешности коммуникации. Наиболее известен обоснованный в рамках теории импликатур Г. П. Грайса Принцип Кооперации, суть которого традиционно сводят к следующему положению: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]. Принцип Кооперации реализует постулаты, которые Г. П. Грайс, вслед за Иммануилом Кантом, распределяет по четырем категориям – Количества, Качества, Отношения (Релевантности) и Способа [Там же, с. 222–223].

Постулаты Г. П. Грайса рассматривают как описание норм, управляющих вербальной коммуникацией, или, со ссылкой на О. Дюкро, как «законы дискурса» [Кильмухаметова, 2006, с. 171]. Практика интерпретации постулатов Грайса свидетельствует о стремлении придать им характер универсалий. Но сам ученый выдвигает Принцип Кооперации в первую очередь с целью объяснения

механизмов речевого имплицирования. Концепция Г. П. Грайса призвана доказать гипотезу о том, что коммуникативные постулаты позволяют говорящему вкладывать, а слушающему извлекать из высказывания бóльшее содержание, чем в нем непосредственно выражается. Говорящий при этом воплощает свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что может быть выведено слушающим при помощи постулатов общения.

Инициированная Г. П. Грайсом теория имплицатур получает развитие в работе «Постулаты речевого общения» Д. Гордона и Дж. Лакоффа [Гордон, Лакофф, 1985]. Они эксплуатируют идею Г. П. Грайса о том, что часто высказывание одного содержания влечёт за собой выражение другого, и видят своей основной задачей решение проблемы взаимодействия некоторых грамматических правил и коммуникативных постулатов в рамках разрабатываемой ими естественной логики. Д. Гордон и Дж. Лакофф вводят понятие постулатов речевого общения, или коммуникативных постулатов (*conversational postulates* (CP)), действие которых иллюстрируется преимущественно на материале просьб с учётом условий искренности и мотивированности [Там же, с. 265–270]. Исследователи различают пути формализации принципов речевого общения, включая их в концептуальный аппарат порождающей семантики.

Нередко в исследовательской практике Принцип Кооперации Г. П. Грайса дополняется Принципом Вежливости Дж. Лича, который представлен следующими постулатами, или максимами: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech, 1983]. Этому обстоятельству способствовал и сам Дж. Лич, который посвятил рассмотрению Принципа Кооперации Грайса отдельную главу в своем труде «*Principles of Pragmatics*» («Принципы прагматики») [Ibid., 1983, p. 79–103].

Стоит отметить, что сама идея выдвижения постулатов, или принципов, или правил, или законов, речевого общения оказывается чрезвычайно востребованной лингвистикой и теорией коммуникации [Азнабаева, 1999; Гриффин, 2015, с. 685; Демьянков, 1982; Карасик, 2009, с. 262–269; Рождественский, 1996, с. 53–58;

Стернин, 2012, с. 97–124]. Именно поэтому Г. А. Копнина, делая развернутый обзор многочисленных исследовательских предложений в этой области, актуализирует проблему их классифицирования и выделяет монопринципные и полипринципные концепции [Копнина, 2009, с. 53–62].

Примером полипринципной концепции является предлагаемая П. А. Катышевым **теория риторизованного взаимодействия**, представляющая собой интегральный подход к рассмотрению типов речевого воздействия в диалогическом общении. Он основан на эксплуатации как конвенциональных правил, так и конвенциональных принципов (кооперации, конверсии, транспорта референта, ориентации на адресата, адекватности, ориентации на адресанта, оптимального кодирования сообщения), мотивированных тем или иным прагмакомпонентом (апперцепционная база общающихся, направленность сообщения, предмет речи, адресант, адресат, код). С целью выявления сущности риторизованного (кооперативного) взаимодействия устанавливаются корреляции между прагмакомпонентом, конвенциональным принципом и конвенциональными правилами, регулирующими тип воздействия – фатику, информирование, убеждение, суггестию [Катышев, 2002, с. 129–136].

В предложенных конвенциональных принципах и правилах заложена система критериев эффективной коммуникации, обусловленных прагмакомпонентами, которые есть корреляты составляющих структуры коммуникативного акта. Ориентация на структуру коммуникативного акта в ходе параметризации текстовой эффективности видится мотивированным и продуктивным исследовательским ходом, концептуальным для риторики декодирования.

Отметим, что теория речевого воздействия и текстовой эффективности активно развивается именно в интегративном направлении. Так, Е. В. Шелестюк предлагает изучать речевоздействующий потенциал на всех основных этапах речевого общения: в области авторской интенциональности («на входе»); в сфере актуализации авторского замысла с помощью языковых ресурсов (в тексте); в области восприятия сообщения («на выходе»). Исследователь обосновывает

комплексную методологию, включающую иллокутивный, локутивный и перлокутивный ракурсы рассмотрения речевого воздействия. На первом этапе определяется с помощью статистических подсчетов соотношение фрагментов текста, выражающих речевые акты убеждения, внушения и побуждения. На втором этапе рассматривается аргументативный и суггестивный потенциал текстового материала. На третьем дается прогноз о степени успешности текста в коммуникации. Концепция предусматривает и этап верификации результатов анализа посредством реализации эксперимента, основанного на применении метода семантического дифференциала и топологического анкетирования [Шелестюк, 2014, с. 217–218]. Такой подход служит теоретическим стимулом для построения новых концепций интегративного типа, расширяющих и подтверждающих аналитические результаты экспериментальной практикой.

Опыт осмысления эффективности медиатекста предлагает и **медиалингвистика**. Это направление, возникшее на стыке лингвистики и медиалогии и включающее в себя как минимум грамматику медиаречи, медиастилистику, критику медиаречи, в поисках адекватной методологии исследования результативности медиатекстов обращается к праксиологии – учению о принципах и методах эффективной деятельности [Дускаева, 2019]. Медиалингвистика устанавливает связь с праксиологией на основании объединяющего их интереса к эффективной человеческой деятельности. Медиалингвисты, опираясь на «Трактат о хорошей работе» Т. Котарбинского (1975), следуют за праксиологией, которая осуществляет анализ деятельности в четырех направлениях: во-первых, разрабатывая типологии средств действий; во-вторых, устанавливая эффективные нормативные действия; в-третьих, выявляя процедуры речевой деятельности; в-четвертых, давая критическую оценку человеческих действий в свете их достоинств и методов, применяющихся в этих действиях [Дускаева, 2019, с. 6]. Очевидно, что праксиологическая теория представляет универсальную базу для гуманитарных дисциплин, претендующих на изучение феномена речевой эффективности.

Эффективность массмедийного функционирования текста становится одним из предметов изучения **психолингвистики**. Так, А. А. Леонтьев обращает внимание на ряд специфических проблем повышения эффективности массовой коммуникации, куда входят: а) дифференцированная в социально-групповом и стилистическом отношении языковая ориентация сообщений массовой коммуникации; б) языковые аспекты персонификации; в) речевое обеспечение диалогичности массовой коммуникации; г) учет «стандартов канала», связанных с обеспечением таких языковых характеристик сообщения массовой коммуникации, которые не вызывали бы затруднений или нежелательных дополнительных эффектов при его восприятии. Ученый приходит к заключению о социальной природе проблем эффективности массовой коммуникации [Леонтьев, 2019, с. 72–73], что разделяет и риторика декодирования.

Для формирования прикладных диагностических процедур риторики декодирования ценным оказывается опыт **судебной лингвистической экспертизы** в области параметрического моделирования. Так, предложенная П. А. Катышевым и М. А. Осадчим параметрическая судебно-лингвистическая модель выступает инструментом выявления зон правовых рисков, связанных с распространением порочащих сведений и клеветы, с совершением оскорбления, а также преступлений экстремистской направленности [Катышев, Осадчий, 2018]. Актуализация рассматриваемой модели предполагает выдвижение списка параметров идентификации вербальных признаков правонарушения, выявление их качественных и количественных проявлений, а также установление квалификационного показателя каждого искомого параметра и квалификационной суммы показателей всех параметров [Там же, с. 26]. Авторитетность параметрической методики лингвистической экспертизы становится основанием для ее переосмысления и адаптации к решению прикладных задач риторики декодирования.

Обширный опыт в области **экспертизы эффективности рекламного текста** как феномена массовой маркетинговой коммуникации представлен в работах Л. В. Уховой [Ухова, 2012, 2013]. Она отмечает, что «при всем

многообразии методов оценки эффективности рекламного сообщения... нет единого критерия оценки коммуникативной эффективности текстов коммерческой рекламы, включающего все необходимые параметры эффективности рекламного сообщения и позволяющего оценить качество содержания рекламного текста» [Ухова, 2013, с. 37]. Решить данную проблему представляется возможным путем использования в диагностике эффективности рекламных текстов мета-анализа как особого типа синтезирования информации, применяемого в процессе оценивания, позволяющего получить достаточно точные результаты. Л. В. Ухова включает в мета-анализ следующие параметры оценки качества рекламного текста: рекламное сообщение, рекламное обращение, рекламное послание, композиция, общее впечатление и запоминаемость [Там же, с. 38]. В данной методике мы также наблюдаем реализацию идеи параметризации, что в очередной раз свидетельствует о ее исследовательской востребованности.

Таким образом, подходы к изучению коммуникативно-речевой эффективности (той или иной степени теоретической оформленности) и принципы выдвижения параметров ее объективации достаточно разнообразны. Их предлагают и отечественная культуроречевая школа, и риторические направления, и лингвопрагматика, имеющая солидный арсенал разработок постулатов успешного общения, и медиалингвистика, активно адаптирующая к своим задачам прагматическую теорию, и лингвоконфликтология, создающая алгоритмы параметризации, и экспериментальные исследования перлокутивной специфики текстов. Такое положение дел свидетельствует о способности категории эффективности актуализировать «разнообразие исследовательских сценариев» [Катышев, 2002, с. 27].

Общая идеологическая установка в области мониторинга эффективности текста вырастает из утилитарной практики, свидетельствующей о том, что «экономические условия функционирования СМИ способствуют превращению медиатекста в товар, текст создается с учетом мотивов и потребностей среднестатистического потребителя» [Технологии медиатекста, 2023, с. 87]. В теории медиалогии выделяют два подхода к измерению эффективности

медiateкста – экономический и психологический. Первый оценивает рыночные последствия публикации: объем рыночного отклика аудитории, долю продаж, выбор издания, лояльность потребителя и т. п. Здесь речь идет о финансовой эффективности, основанной на принципе получения максимальной выгоды при минимальных затратах. Второй – психологический, выявляющий коммуникативную эффективность как степень выполнения определенных задач по достижению запланированных аффектов, формирующих определенные паттерны поведения [Там же, с. 89; Назайкин, 2023, с. 33]. Эти подходы напрямую не касаются оценки качества текста как вербального продукта; они нацелены исключительно на диагностику следствий текстового бытования – коммерческих или когнитивно-поведенческих.

Коммуникативисты, медиалингвисты, а также специалисты-практики, использующие текст в качестве профессионального инструмента, охвачены поиском разноаспектных алгоритмов измерения текстовой эффективности, сопрягающих качественные и количественные методы и процедуры [Быкова, Гавра, Слуцкий, 2017; Горбенко, 2022; Дэвис, 2003; Киуру, 2013; Кутлалиев, Попов, 2006; Ляйнеманн, Байкальцева, 2006; Назайкин, 2011, 2023; Ухова, 2012, 2013; Щепилова, Щепилов, 2013; Якоба, 2023 и др.].

Примером такой синтетической разработки выступает рассмотренное выше в параметрическом аспекте исследование эффективности рекламного текста Л. В. Уховой. На основании выработанных критериев автором предложен алгоритм оценки эффективности рекламного текста вербально-визуального типа с выявлением индекса эффективности [Ухова, 2013, с. 39]. Данный подход к измерению текстовой эффективности представляет экстраполяцию мета-анализа, основанного на статистических процедурах и результатах двух и более гетерогенных исследований, на конкретный тип текста.

Отметим, что в поле параметрического измерения эффективности попадают сегодня не только журналистские, рекламные и PR-тексты, формирующие медиaprостранство, но и тексты художественной литературы.

Систематизируя критерии эффективности текстов разных типов и обобщая наблюдения над практикой измерения текстовой результативности, А. Н. Назайкин заключает, «что эффективность текста в отечественной коммуникативистике изучается, но до сих пор не систематично и в разной степени углубленности. Не выработан общий взгляд на понятие эффективности текста, не разработаны общие подходы к ее оценке, которые могли бы стать фундаментом для подходов специфических» [Там же, с. 32].

В перспективе разработки общей теории текстовой эффективности риторика декодирования может предложить два инструмента измерения качества текста – лингвориторическую реконструкцию как методологическую процедуру и риторическое диагностирование как экспериментальную методику.

4.2. Лингвориторическая реконструкция текстообразования: анализ эффективных практик

ЛРТ, реализуя дифференцированную тактико-стратегическую матрицу, является особым многокомпонентным методом, обладающим адаптивным потенциалом. Иначе говоря, с помощью ЛРТ решаются исследовательские задачи не только глобального, но и локального характера, связанные с декодированием определенных текстообразующих этапов и их составляющих. ЛРТ выступает обширным источником аналитических процедур, которые посредством селекции и комбинаторики могут быть превращены в специализированную методику, сфокусированную на том или ином текстообразующем явлении, например, только на аргументации. Более того, методологическая гибкость ЛРТ и ее интерпретационные возможности позволяют не только объективировать механику текстообразования, но и демонстрировать критический подход к тексту – выявлять как сильные стороны текстообразующей деятельности, так и слабые, являющиеся следствием лакуарности в модели коммуникативного контекста адресанта. ЛРТ – аналитический инструмент определения риторичности как основания текстовой эффективности.

Посредством адаптированной под аспектные исследовательские установки ЛРТ рассмотрим риторическую специфику тех текстов, которые получили эмоциональный отклик и интеллектуальную оценку массовой аудитории, что является главными показателями текстовой состоятельности.

4.2.1. Аргументация в массмедийной имагологической деятельности

Риторические текстообразующие навыки чрезвычайно востребованы в медийной имагологической практике, связанной с формированием в массовом сознании образов других государств, народов, культур. Построение образа неизведанной страны или приграничного соседа всегда обусловлено сложными историческими, геополитическими, культурными, этическими и т. п. факторами и предполагает ответы на череду вопросов: «Какими средствами производится такое конструирование? Что в таком конструировании “подвластно” его инициаторам, проводникам и адептам, – а что принадлежит социокультурной “стихии” и может стать неожиданностью для них самих? Наконец, можно ли найти оптимальное соотношение рациональных и иррациональных (прежде всего, эмоциональных) составляющих этого образа?» [Бокавнева, 2021, с. 163]. Образ страны понимается как «знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Швецова, 2012, с. 288]. Нередко эти понятия и суждения превращаются в т. н. гетерогенные стереотипы – национально маркированные устойчивые представления об иных этнических общностях, обеспечивающие амбивалентность восприятия других лингвокультур [Питина, 2021, с. 108–120].

Образ страны попадает в фокус изучения имагологии – сферы исследований разных гуманитарных дисциплин, занимающейся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи [Ощепков, 2010, с. 251]. Эта область знания, раскрывая образ «чужого», нацелена на разработку «некой общей парадигмы рецепции “чужих” в пространстве того или иного национального сознания» [Папилова, 2011, с. 31]. При этом источниками имагологического знания могут выступать язык, культура (и массовая, и элитарная), различные виды искусства,

литература, фольклор, данные семиотики, этнолингвистики, этнопсихологии, этнографии, этнологии, культурологии, истории, политологии, что свидетельствует о междисциплинарном характере имагологии [Там же].

Из рамок обширного междисциплинарного контекста выделяется лингвистическая имагология [Камалова, 2020; Папилова, 2024; Сун, 2018; и др.], которая «изучает языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства (или народа) в конкретном дискурсе» [Костина, 2011, с. 9], в том числе и в массмедийном.

Представляется корректным различать имагологию как теорию и методологию и имагологическую деятельность, которая может выступать эмпирической базой для научных изысканий первой.

Имагологические исследования нередко организованы вокруг традиционных мировоззренческих дихотомий «Север – Юг», «Запад – Восток». В области современного гуманитарного знания дихотомия «Запад – Восток» сформирована на основании признания того факта, «что одно из главных отличий восточной и западной цивилизаций заключается в их отношении к человеку и обществу: в Европе доминирует личностно ориентированная культура, а в Азии преобладает культура, основанная на коллективистском типе мышления» [Кошкарлова, 2021, с. 68]. Осмысление специфики сосуществования и противостояния двух цивилизационных миров чаще всего осуществляется на материале российско-китайских отношений и соответствующих дискурсивных практик [Нестерова, 2010; Руженцева, Антонова, 2013]. Причины научного интереса к российско-китайской коммуникации и межнациональному дискурсу очевидны. Согласно материалам Российского исторического общества «история российско-китайских отношений насчитывает четыре столетия, что делает Китай самым древним соседом нашей страны и в прямом, и в переносном смысле. На этом пути государства сближались и отдалялись, переживая периоды дружбы и охлаждения, но ткань отношений никогда не рвалась...» [Павлов, 2019]. Эти же факторы обуславливают и интерес массмедиа к российско-китайскому межкультурному взаимодействию.

В 2016 году на Первом канале стартовала продержавшаяся несколько лет в эфире с разной степенью регулярности выходов телевизионная программа «Открытие Китая» (2016–2017, 2019). Ее автором и ведущим являлся Евгений Колесов – бизнесмен, видеоблогер, общественный деятель, член союза переводчиков России и Международной федерации переводчиков, автор романа «Китаец», а также многодетный отец, большое внимание уделяющий всестороннему развитию своих детей. В анонсе телешоу «Открытие Китая» указано, что в каждом выпуске «Евгений рассказывает обо всех аспектах жизни этой загадочной страны – от особенностей менталитета местных жителей до стоимости продуктов питания, а также дает практические советы всем тем, кто собрался посетить Китай или планирует там вести бизнес»⁴⁵.

Солидный опыт жизни Е. Колесова в Китае (около 20 лет на момент выхода программы), широта его интересов, демонстрируемые прямолинейность и оценочность выступили теми факторами, которые обеспечили авторскому циклу о Поднебесной достаточно высокие телевизионные рейтинги. Так, на сайте «Отзовик» рейтинг программы составляет 4,5 из 5 баллов, положительные рекомендации – 90%⁴⁶. На сайте Irecommend.ru указан рейтинг 4,9⁴⁷; на сайте My shows в 2016 году – 4,212⁴⁸.

Приведем наиболее типичные реакции зрителей на «Открытие Китая»:

Отличная передача! Много-много интересных фактов о Китае «из первых уст», так сказать» (vika ezhevika. Отзовик, 04.06.2016)⁴⁹; *Вы не пожалеете, у меня одни восторги!* (Ландыш Майский. Отзовик, 18.03.2016); *Таких передач должно быть как можно больше на нашем телевидении* (агент009. Отзовик, 08.07.2016); *Интересная передача!* (Marishka-led. Отзовик, 31.01.2023)⁵⁰; *«Открытие Китая» с Евгением Колесовым – это глоток свежего воздуха на Первом канале! Современный Китай глазами нашего соотечественника* (Lissa 7. Irecommend, 29.04.2016;); *Если любишь Китай тебе точно сюда. Одна из лучших передач на Первом. Очень хотелось бы второй заход* (nasty_vl88, Irecommend, 24.05.2019)⁵¹.

⁴⁵ URL: https://kino.mail.ru/tvshow_905739_otkritie_kitaya/ (дата обращения: 08.07.2024).

⁴⁶ См. URL: https://otzovik.com/reviews/teleperedacha_otkritie_kitaya_perviy_kanal/.

⁴⁷ См. URL: <https://irecommend.ru/content/otkrytie-kitaya>.

⁴⁸ См. URL: <https://myshows.me/view/49288/otkrytie-kitaa-season-1/>.

⁴⁹ В комментариях здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация.

⁵⁰ URL: https://otzovik.com/reviews/teleperedacha_otkritie_kitaya_perviy_kanal/ (дата обращения: 08.07.2024).

⁵¹ URL: <https://irecommend.ru/content/otkrytie-kitaya> (дата обращения: 08.07.2024).

Очевидно, что высокая популярность программы на Первом канале, обеспечившая Е. Колесову медийную узнаваемость, повлияла и на востребованность последующих продуцируемых им медиатекстов разных жанров, в которых автор продолжил с присущим ему энтузиазмом моделирование образа страны-соседа.

Изучение вербальной репрезентации в медиатекстах «чужого», «другого», обычно осуществляемого через сопоставление со «своим», с нашей точки зрения, может быть сопряжено с реконструкцией текстообразующих механизмов аргументации, формирующих в массовом сознании образа определенной страны или народа. Укажем, что под аргументацией понимают «способ речевого воздействия на адресата с помощью тезисов и аргументов, в результате которого в модель мира адресата вводятся новые знания с целью непосредственного или опосредованного влияния на процесс принятия им тех или иных решений» [Баранов, 2007, с. 250].

Мы рассматриваем включение аргументации в арсенал имагологического моделирования в качестве обеспечивающего «сближение сознаний» (Х. Перельман) способа текстообразования. РДТ, устанавливающее соответствия между способами/средствами воплощения стратегий текстообразования и параметрами текстовой эффективности, особое внимание уделяет персуазивности как результату аргументированности. Естественно, что массмедийная имагологическая практика зиждется на аргументационной основе: содержащийся в аргументации ценностно-ориентированный компонент позволяет считать ее действенным инструментом моделирования образа той или иной страны.

С целью декодирования аргументационных механизмов имагологического моделирования медиатекстов мы обращаемся к ЛРТ как к источнику аналитических процедур, реализуемых в рамках декодирования инвентивной и диспозитивной стратегий текстообразования и части репрезентующих их тактик, а также к тактике аксиологической экспликации, входящей в ресурсы элокутивной стратегии. Релевантными для указанной цели выступают следующие аналитические операции тактического уровня:

- 1) объективация тезиса, задающего содержательно-смысловые и аксиологические векторы формирования текста;
- 2) квалификация видов аргументов, развивающих тезис;
- 3) выявление структур аргументации, или типов рассуждений, оформляющих аргументационные комплексы как единицы композиционной организации текста;
- 4) верификация ценностных доминант аргументации.

В контексте заявленного целеполагания рассмотрим текст интервью «Поднебесная без прикрас», данного Евгением Колесовым журналистке издания «Уральские авиалинии» Юлиане Новоселовой в 2018 году по следам телепрограммы «Открытие Китая». Кроме того, в целях интерпретации используем материалы YouTube-канала Евгения Колесова, посвященные Китаю⁵².

Тезис

Квалификация и анализ аргументов невозможны без выявления тезиса – высказывания, выступающего содержательно-смысловым стержнем текста, который обеспечивает его целостность и создает условия для аргументационного развития. В интервью «Поднебесная без прикрас» тезис не вербализован ни интервьюером, ни интервьюируемым. Однако он легко реконструируется путем опоры на ситуативный контекст и оценочные характеристики Китая, эксплицированные в вопросах интервьюера. Поскольку интервью «Поднебесная без прикрас» было в значительной степени инициировано показом по центральному телевидению авторской программы Е. Колесова «Открытие Китая», то само упоминание интервьюером этого медиасобытия создает контекстуальные предпосылки для тезисообразования:

– Евгений, авторская программа на центральном российском телевидении называется «Открытие Китая». А когда случилось ваше знакомство с этой страной?⁵³.

⁵² URL: https://www.youtube.com/channel/UC3Ly8ZIZx_zSY-5V4mCUZcQ (дата обращения: 08.07.2024).

⁵³ Здесь и далее текст интервью приводится по: Колесов Е. Поднебесная без прикрас: интервью Ю. Новоселовой [Электронный ресурс] // Уральские авиалинии: бортовой журнал. – 2018. – № 2 (103). – С. 61–63. – URL: <https://www.uralairlines.ru/uam/>.

Отметим, что вопросы Ю. Новоселовой, адресованные Е. Колесову, уже содержат оценочную компоненту, выступающую индикатором стереотипных представлений европеизированного человека о Китае и эксплуатирующую антитезу «Запад–Восток»:

– *Расскажите о ваших первых впечатлениях об этой стране: что поразило больше всего?; Сложно ли постичь эту удивительную страну человеку европейскому?*

Интервьюер активно участвует в моделировании тезиса, который мы реконструируем в виде суждения: *Китай – удивительная страна, требующая постижения россиянами*. Восстановленный тезис мы квалифицируем как положительный гетеростереотип, который входит в сферу фоновых знаний коммуникантов, что и позволяет участникам диалога его не вербализовывать. Это высказывание-тезис, демонстрирующее аксиологические доминанты просветительской медиапрактики Е. Колесова, является смысловым лейтмотивом целого ряда его медиатекстов/медиасообщений о Китае⁵⁴, даже в тех случаях, когда речь идет о подводных камнях, возникающих в ходе взаимодействия с китайским бизнесом⁵⁵, или о качестве китайского товара⁵⁶.

Виды аргументов

Отталкиваясь от реконструированного тезиса, мы квалифицируем аргументы Е. Колесова, конструирующие образа Китая, как свидетельства очевидца: вступает в силу «презумпция автобиографизма», обеспечивающая высокую степень доверия к говорящему, которая подтверждается реакциям телевизионной аудитории:

<...> Ведущий Евгений Колесов произвёл самое приятное впечатление. Поскольку это человек, который многие годы сам живёт в Китае, то абсолютно доверяешь каким-то отдельным моментам. Колесов общается на китайском, сразу проникаешься уважением к человеку, который выучил очень трудный язык <...> (lars001. Отзовик, 16.06.2016)⁵⁷;

⁵⁴ См. Китайская библиотека и прогресс [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MW9CkIrCLNM>; Невероятная история китайца [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ATqqL0SPDfs>;

⁵⁵ См. Фарфоровый бизнес [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CGCarIaXpG0&t=2s>.

⁵⁶ См. Правда о китайском качестве [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A-UtMGMkxnE>.

⁵⁷ URL: https://otzovik.com/review_3447188.html (дата обращения: 08.07.2024).

<...> Только человек, живущий непосредственно в стране, может рассказать всю подноготную. Колесов подкупает своей простотой. Он увлекательно и с юмором рассказывает о всяких необычных деталях китайской повседневности, здесь нет типичных фактов для туристов, только важная информация из первых уст! <...> (Софи_но_не_Лорен. Irecommend, 10.09.2017)⁵⁸.

Фактор доверия аудитории позволяет квалифицировать аргументы бизнесмена и телеведущего преимущественно как универсальные эмпирические, которые характеризует применяемая в любой аудитории «ссылка на опыт, на эмпирические данные» [Ивин, 2003, с. 25], например:

Тогда, в середине 1990-х, неизгладимое впечатление на меня произвело засилье в китайских городах велосипедов, рикш, маленьких автобусов со свешивающимися из них людьми и кричащими всякие зазываловки. <...> Китайцы ведь начали свое экономическое чудо не с телефонов и компьютеров, а с пластмассовых тазиков и мячиков-попрыгунчиков (Колесов, 2018).

Приведенные аргументы основаны на фактуальной информации. К. И. Бринев с позиции специалиста по лингвистической экспертизе текста отмечает, что «высказывания-факты обладают истинностным значением... Отсюда высказывания-факты описывают какое-то положение дел...» [Бринев, 2019, с. 197]. А. А. Ивин с логико-философской позиции утверждает, что «и эмпирическая аргументация, и ее частный случай – эмпирическое подтверждение – применимы, строго говоря, только для описательных утверждений» [Ивин, 2003, с. 25]. При этом «цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру...» [Там же, с. 19]. Таким образом, наличие у высказываний-фактов истинностного значения позволяет рассматривать их в качестве базового средства формирования рациональной составляющей образа страны.

Особый интерес в плане аргументационной квалификации представляют случаи оценки Е. Колесовым реалий Китая, тенденций его развития, а также национальных черт китайцев:

...Самое яркое воспоминание – вонь пластика; Мой Китай густонаселенный, живой, бурлящий, ежедневно меняющийся. Каждый город Китая, в котором я жил, был интересен по-

⁵⁸ URL: <https://irecommend.ru/content/vse-chto-vy-khoteli-znat-o-kitae-i-dazhe-bolshe-kuda-delos-khoroshee-shou> (дата обращения: 08.07.2024).

своему; У китайцев надо учиться терпению, спокойствию, уважению, умению ставить цели (Колесов, 2018).

В данном случае мы имеем дело с высказываниями-оценками (нормами), которые «не могут быть истинными или ложными. Отсюда... высказывания-нормы (оценки) предписывают или определяют линии нашего поведения» [Бринев, 2019, с. 197]. В случае реализации оценочной функции высказывание выступает «как стандарт, перспектива, план; <...> цель оценки – сделать так, чтобы мир отвечал словам» [Ивин, 2003, с. 19].

Отсутствие у оценочных высказываний истинностного значения позволяет трактовать их как средство, участвующее в создании эмоциональной составляющей образа страны. При этом возникает вопрос об универсальности/неуниверсальности оценочных высказываний-аргументов в данном тексте. На первый взгляд, смещение фокуса внимания с объективного (фактуального) на субъективное редуцирует степень универсальности аргумента. Однако высказывания-оценки предъявляются с позиции личного опыта телеведущего: они практически безапелляционно принимаются на веру аудиторией благодаря конвенциональному признанию бизнесмена и блогера экспертом по Китаю, точки зрения которого, сформированные на основании «взгляда изнутри», не могут быть подвергнуты сомнению. Поэтому позволим себе квалифицировать оценочные высказывания как универсальные аргументы второго плана, усиливающие эффект высказываний-фактов.

Отметим и использование Е. Колесовым неуниверсальной, или контекстуальной, аргументации, которая «эффективна лишь в определенной аудитории. Контекстуальные способы убеждения охватывают аргументы к традиции и авторитету, к интуиции и вере, к здравому смыслу и вкусу и др.» [Ивин, 2003, с. 24]. Очевидный случай синтеза аргументов «апелляция к традиции» и «апелляция к авторитету» наблюдаем в следующем ответе:

Задумайтесь, почему у китайцев такие успехи? Потому что они не умничают. Партия сказала: «Надо» – китайский народ идет и делает, а не обсуждает решения правительства. Почему? Это еще от Конфуция: государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном (Колесов, 2018).

Здесь неуниверсальные аргументы представляют, с позиции говорящего, ценностные ориентиры китайского народа, которые основаны на глубинной связи прошлого и настоящего. Подчеркнем, что «историческая модель времени у китайцев повёрнута в другом направлении. Спереди находится пройденный путь предков, на который обращён взор китайца» [Тань, 2004, с. 48].

Нередко аргументационная дихотомия «универсальное/неуниверсальное (контекстуальное)» соотносится напрямую с оппозицией «рациональное/иррациональное (эмоциональное)». Однако, как отмечает А. А. Ивин, «такое различие не является... оправданным. Оно резко сужает сферу “рационального”, исключая из нее большую часть гуманитарных и практических рассуждений, немислимых без использования “классики” (авторитетов), продолжения традиции, апелляции к здравому смыслу, вкусу и т. п. Контекстуальная аргументация должна быть принята как необходимый составной элемент рациональной аргументации» [Ивин, 2003, с. 24].

Таким образом, квалификация аргумента оказывается значимой для понимания механизмов формирования как рациональной составляющей образа Китая, опирающейся на универсальные эмпирические аргументы и контекстуальные аргументы к традиции и авторитету, воплощающие основополагающие аксиологемы национальной картины мира, так и эмоциональной компоненты, построенной на оценочных аргументах, претендующих на статус универсальных.

Рассмотрим, каким образом на основании комбинаторики аргументов, организующих рассуждения, моделируется аргументационная структура текста.

Структуры аргументации, или типы рассуждений

Как отмечалось выше (см. п. 3.2.2), в неориторической теории выделяют три основных типа структур аргументации: подчинительную, или последовательное рассуждение; сочинительную, или связанное рассуждение; множественную, или конвергентное рассуждение. При этом стандартное построение любого рассуждения предполагает выдвижение тезиса или подтезиса, развивающего тезис, выстраивание системы аргументов, формулирование заключения.

Реконструкция аргументативных структур свидетельствует о нетипичном построении рассуждений интервьюируемого в тексте интервью «Поднебесная без прикрас». Напомним, что данный текст актуализирует тезис «*Китай – удивительная страна...*». Наиболее показательным примером раскрытия данного тезиса выступает ответ Е. Колесова на вопрос интервьюера: «*Какой он, ваш Китай?*» Здесь демонстрация точки зрения эксперта по Китаю реализует дедуктивный способ текстоформирования, осложненный внедрением в рассуждение мнения, не выполняющего непосредственно аргументативной функции и способствующего сужению тезиса:

Мой Китай густонаселенный, живой, бурлящий, ежедневно меняющийся (аргумент 1). *Каждый город Китая, в котором я жил, был интересен по-своему* (аргумент 2). ***Мне понятнее такая категория, как люди*** (суждение-мнение). *Я знаю китайцев, знаю их особенности в зависимости от местности их проживания* (аргумент 3). *И больше всего мне нравится сверять свои знания, наблюдать за тем, как, богатея, люди меняются* (аргумент 4). *Как они меняются в лучшую сторону, много путешествуя* (аргумент 5) (Колесов, 2018).

В данном примере аргументы 1 и 2 формируют конвергентное рассуждение, где «каждый аргумент самостоятельно доказывает (до известной степени) точку зрения» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123–124]. Далее аргументативная структура нарушается суждением-мнением «*Мне понятнее такая категория, как люди*», который в силу своей субъективности и семантической неопределенности снижает доказательный потенциал следующего довода, из которого мы выводим информацию об обусловленности характера китайцев регионом проживания. Аргументы 3, 4 и 5 формируют сочинительную аргументацию: доводы вступают в отношения соотнесенности с исходной точкой зрения, характеризуются взаимозависимостью и демонстрируют кумулятивный эффект. Данный аргументационный комплекс реализует задаваемую интервьюером подтему, условно называемую нами «Мой Китай».

Наблюдаются случаи активации аргументации путем выдвижения суждения-мнения, трансформируемого в подтезис, который уже и получает доказательство в структуре рассуждения:

Никогда не заикливался на том, как именно постигаю Китай (суждение-мнение), *потому что когда живешь в стране, все происходит естественно. Не существует определенного алгоритма* (подтезис) – *идешь с друзьями в ресторан, что-то они рассказали,*

что-то ты (аргумент 1), попробовали новое блюдо (аргумент 2), обсудили (аргумент 3)... Это естественный процесс (вывод) (Колесов, 2018).

В приведенном примере реализовано последовательное рассуждение, где «один довод поддерживает другой» [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123]. На основании монотематичности мы прослеживаем формирование аргументационного комплекса, называемого «Способы постижения Китая».

Моделируя образ чужой страны, много лет живущая в ней рефлексирующая личность рано или поздно сталкивается с потребностью развенчания стереотипов:

Раньше какой был стереотип: китайцы работают за плошку риса (суждение-стереотип). А мы показываем в «Открытии Китая» современную ситуацию, и люди удивляются уровню зарплат в Китае. Они выше, чем в России, на порядок (контраргументы) (Колесов, 2018).

Далее Е. Колесов без всякого логического перехода начинает выстраивать сочинительную аргументацию, которая является ответом на заданный ранее самим говорящим вопрос «Задумайтесь, почему у китайцев такие успехи?», который, по сути, имплицитно суждение-подтезис «*Китайцы – нация дисциплинированная*»:

У китайцев нет такого понятия, как «кухонные разговоры» (аргумент 1), они не общаются на политические темы (аргумент 2), не ставят себя на место председателя Си (аргумент 3) и не раздают советы, как управлять страной (аргумент 4). <...> (Колесов, 2018).

Приведенное наблюдение Е. Колесова согласуется с мнением российских востоковедов, которые отмечают такое важное следствие китайского воспитания, как незыблемое уважение к иерархии, воспринимаемое как внешнее проявление духовного и нравственного совершенства. Власть в Китае не отделяется от авторитета, мудрости и личной добродетели, и китаец всегда живёт с чувством уважения к власти [Малявин, 2016, с. 119; Бокавнева, 2020, с. 141].

Рассмотренная выше сочинительная аргументация способствует представлению тематически обусловленного аргументационного комплекса «Национальные особенности китайцев».

Стоит отметить, что сложные структурные отношения в исследуемом тексте возникают не только между аргументами, но и при эксплицировании вывода, который неожиданно принимает на себя функцию подтезиса и запускает механизмы доказательства:

Китай умеет удивлять (суждение-подтезис), здесь каждые три дня появляется небоскреб высотой от 60 этажей (аргумент). А вообще могу сказать так: Поднебесная – это живой организм, разрастающийся назло скептикам (вывод = суждение-подтезис), которые как начали еще лет тридцать назад предсказывать Китаю катастрофу, так и сегодня не унимаются (аргумент 1). А Китай чихать хотел на всех скептиков и пессимистов, у него свой план (аргумент 2) (Колесов, 2018).

Здесь нивелирование функции вывода и запуск механизмов последовательного рассуждения, или подчинительной аргументации, обуславливают воплощение подтемы «Удивительные факты», лежащей в основании соответствующего аргументационного комплекса. В данном случае Е. Колесов развивает метафорическую модель «Китай – это чудо», периодически актуализируемую российскими СМИ в зависимости от политического контекста (подробнее о массмедийном моделировании образа Китая см. [Чэн, 2020]).

Проведенный анализ выявляет использование в ходе моделирования образа Китая всех трех типов структур аргументации – сочинительной, подчинительной, множественной. При этом отмечены некоторые логико-смысловые сбои в рассуждениях, что объясняется эмоциональностью говорящего и увлеченностью предметом обсуждения. Установлены тенденции осложнения структуры аргументационных комплексов суждениями-мнениями, субъективирующими и без того персонифицированное повествование, отмечена смена функции вывода. С одной стороны, такая аргументационная устроенность речевой партии Е. Колесова свидетельствует о его выраженном стремлении щедро делиться своими богатыми наблюдениями над жизнью страны-соседа. Посредством универсализации аргументации и ее разнопланового структурирования ведущий формирует многоплановый образ Поднебесной, столь необходимый для просвещения соотечественников в условиях перепроизводства информации. С другой стороны, сама многогранность и противоречивость такого объекта представления и оценки, как Китай, влияет на специфику и качество аргументационной организации текста.

Аргументационное моделирование любого образа связано с тематическим аспектом, включенным в смыслопроизводство. Неслучайно фактор тематической уместности входит в парадигму условий, регулирующих выбор и применение

аргументов [Москвин, 2008, с. 45–58], а монотематичность является критерием качественного рассуждения.

В интервью «Поднебесная без прикрас» мы обозначили следующие задаваемые интервьюером и далее развиваемые интервьюируемым подтемы, организующие аргументационные комплексы, и шире – содержательно-смысловую структуру текста: «Обстоятельства знакомства с Китаем», «Первые впечатления о Китае», «Удивительные факты», «Мой Китай», «Способы постижения Китая», «Национальные особенности китайцев», «Русская диаспора в Китае», «Российские туристы в Китае», «Взаимоотношения России и Китая».

Очевидно, что предлагаемая Е. Колесовым тематическая матрица, формирующая образ Китая, может рассматриваться при изменении переменной компоненты как универсальная для имагологического моделирования.

Аксиологическая верификация

Общим местом риторических изысканий является мысль о том, что аргументация, реализующая воздействующую функцию, эксплуатирует ценности, актуальные для аудитории. В случае с просветительской медиапрактикой субъект речи транслирует основанные на персональном опыте ценности, которые позиционирует как потенциально значимые для адресата, как принимаемые аудиторией.

В рамках концепции РДТ мы исходим из того, что ценности в текстах риторического типа (каковыми и являются интервью и медиасообщения Е. Колесова) актуализируются не только в выборе аргументов, но и получают облигаторную вербальную экспликацию, характеризуются повторяемостью и повышенной семантической значимостью, то есть имеют статус ключевых единиц, обеспечивающих смыслообразование.

С целью выявления в тексте интервью «Поднебесная без прикрас» ключевых слов, выступающих аксиологическими маркерами, мы обратились к SEO-технологии, основанной на процедурах контент-анализа. С помощью онлайн-сервиса Advengo.com установлено семантическое ядро исследуемого текста, куда входят следующие наиболее частотные лексические единицы

(от 0,49–0,5 % и >), претендующие на статус аксиологем в силу их повышенной смысловой мотивированности (см. таблицу 13):

Таблица 13 – Семантическое ядро текста интервью Е. Колесова

«Поднебесная без прикрас» (2018)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
Китай	16	1,95
китаец	8	0,97
Россия	6	0,73
русский	5	0,61
меняться	4	0,49
много	4	0,49

Результаты семантического анализа реконструируют концептуальный замысел Е. Колесова, выступают вербальным индикатором его прагматических установок и ценностных ориентиров, которые из сферы индивидуального, субъективного экстраполируются на российское массовое сознание. Выявленные единицы свидетельствуют о том, что для россиянина, много лет связанного с Поднебесной, Китай является неременной мировоззренческой составляющей. При этом его осмысление осуществляется путем постоянного сопоставления с Россией, с ее реалиями и традициями. Кроме того, компоненты семантического ядра высвечивают такую характеристику образа современного Китая, как динамичность, что верифицируется практикой современности: оперативным включением Китая в глобальные технологические тренды, ростом экономического благосостояния, стремлением китайцев познавать мир.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что, во-первых, РДТ обогащает лингвистическую имагологию аналитическими процедурами реконструкции текстообразования, в частности аргументации, которые проливают свет на смыслообразование, создавая условия для выявления ценностей и аксиологически значимых смыслов, определяющих образ «чужого». Во-вторых, предложенная исследовательская методика, выросшая из комплекса

операциональных действий ЛРТ, выступает инструментом вскрытия персуазивного эффекта текста, включенного в имагологическую практику⁵⁹.

4.2.2. Элокутивное конструирование медиатекста как фактор эффективности популяризации науки

В последнее десятилетие в пространстве массмедиа активно развивается научно-просветительское направление, нацеленное на популяризацию научных знаний и достижений, о чем свидетельствуют многочисленные телевизионные программы, периодические и интернет-издания⁶⁰, а также YouTube-каналы, созданные нередко представителями научного сообщества или при их участии и имеющие высокие показатели подписки⁶¹. Гости и эксперты научно-популярных медиа – представители разных областей научного знания, среди которых лидируют специалисты естественнонаучного направления. Последнее обстоятельство объясняется как недавно пережитой пандемией COVID-19, так и генетически обусловленной мотивацией индивида расширять свои знания в области процессов жизнедеятельности и здоровьесбережения. Так, высокую медийную узнаваемость и популярность сегодня имеют такие отечественные ученые, как нейробиолог В. А. Дубынин, нейролингвист Т. В. Черниговская, молекулярный биолог К. В. Северинов, биоинформатик М. С. Гельфанд, эволюционный биолог А. В. Марков, биолог А. Ю. Панчин, палеоантрополог С. В. Дробышевский и другие.

⁵⁹ Материалы п. 4.2.1 настоящей работы частично представлены: Морина, Л. А. Аргументационное моделирование образа Китая в просветительском интервью (из опыта риторического декодирования) / Л. А. Морина // Филология и лингводидактика: российско-китайский научный диалог: коллективная монография / под ред. А. Г. Кротовой. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. – Гл. 1.1. – С. 10–24.

⁶⁰ По данным компании «Медиалогия», лидерами медиарейтинга «ТОП-15 самых цитируемых СМИ научно-популярной тематики» в III квартале 2024 г. стали интернет-ресурс «Naked-science.ru», а также газета «Наука в Сибири» и интернет-ресурс «Nplus1.ru» [URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/13448/>]. Во II квартале 2025 г. лидерство в этом медиарейтинге осталось за интернет-ресурсом «Naked-science.ru» [URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/14039/>].

⁶¹ Например, на конец 2024 года YouTube-канал «Лекторий Достоевский» – 1,68 млн. подписчиков; «Arzamas» – 1,62 млн. подписчиков; «ПостНаука» – 1,37 млн. подписчиков; «Redroom» – 972 тыс. подписчиков; «Kuji podcast» – 858 тыс. подписчиков; «Антропогенез.ру» – 577 тыс. подписчиков; «ЦентрАрхэ» – 482 тыс. подписчиков и др.

Медiateкстовая деятельность ученых-популяризаторов является актуальным объектом изучения медиалингвистики и медиалогии в целом [Ophir, Jamieson, 2021; Багиян, Моногарова, 2018; Воронцова, 2024; Выровцева, 2022; Дускаева, Иванова, Пую, 2024; Коньков, 2022; Макарова, 2013; Панюкова, 2024; Сухая, 2012; Тертычный, 2013 и др.]. Очевидно, что «актуальность изучения такой проблемы, как речевые формы популяризации научных знаний в медиадискурсе, определяется интенсивным развитием науки и дальнейшим нарастанием объема сведений, которые должны быть донесены до массовой аудитории в доступной и привлекательной форме, но без избыточного упрощения и смысловых искажений» [Басовская, Воронцова, 2022, с. 432].

Фактор медийной востребованности является основанием для обращения к медiateкстовой деятельности Станислава Дробышевского – российского палеоантрополога, кандидата биологических наук, доцента кафедры антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, научного редактора научно-просветительского портала Антропогенез.ру, видеоблогера, активного популяризатора науки. Обзор медийной активности ученого может занять несколько страниц, поэтому укажем только основные информационные ресурсы, используемые им для популяризации науки: авторский YouTube-канал «Дробышевский», Telegram-канал «Проекты Дробышевского», YouTube-каналы «Лекторий Достоевский», «ПостНаука», «Основа», «НаукаPRO», «За пределами вселенной» и многие другие. В контексте разговора о текстовой эффективности укажем и некоторые показатели охвата аудитории, связанные с тем или иным выступлением С. Дробышевского, например: YouTube-канал «Айрат Хайруллин»: «7 видов людей вымерло до нас?» (2024) – 1,5 млн. просмотров⁶²; YouTube-канал «Центр Архэ»: «Жизнь тропическая: Кому в плейстоцене жить хорошо?» (2023) – 932 тыс. просмотров; YouTube-канал «Основа»: выпуск «Парадоксы человека: Почему человек без хвоста, но с мозгом?» (2024) – 551 тыс. просмотров; авторская программа на RTVI

⁶² Здесь и далее сведения о просмотрах приведены на декабрь 2024 года.

«Человек разумный»: «Что может погубить человечество?» (2023) – 515 тыс. просмотров; «Что можно узнать о предках по левому мизинцу?» (2024) – 722 тыс. просмотров, «Как выжили современные хомосапиенсы и куда делись все остальные?» (2024) – 477 тыс. просмотров; Антропогенез.ру: «Мифы о происхождении рас» (2024) – 525 тыс. просмотров и многие другие.

Такая коммуникативная успешность ученого, безусловно, связана с эффективностью продуцируемых им текстов, отвечающих критериям публичности и диалогичности, которые призваны обеспечить продуктивность интеракции. В данном случае, моделируя методику анализа медиатекстов научно-популярного дискурса, мы обращаемся к потенциалу ЛРТ, связанному с реконструкцией элокутивной стратегии текстообразования, отвечающей за «трансформацию мысли в слово». Матрица ЛРТ предлагает нам комплекс тактик, способных диагностировать текстовые свойства публичности и диалогичности, которые можно представить в виде следующих декодирующих процедур, вскрывающих механизмы элокутивного конструирования текста:

- 1) определение семантического ядра текста с установлением его аксиологических доминант;
- 2) выявление потенциала речевой и в ее составе риторической триггеризации, связанной с орнаментализацией текста риторического типа;
- 3) рассмотрение диалогических ресурсов текста – авторизации и адресации.

Осуществим апробацию предложенной методики на материале текста интервью, данного С. Дробышевским журналисту сайта «Vtomske.ru» Д. Бердниковой 25.10.2022. Важное условие при отборе материала – наличие у данного текста читательских комментариев, создающих условия для верификации ряда результатов ЛРТ.

Аксиологические доминанты

В рамках традиционной практики ЛРТ обращаемся к SEO-технологии (ресурсы Advego.com.), позволяющей определить семантическое ядро исследуемого текста. Наиболее частотные лексические единицы (от 0,5 % и >),

потенциально способные выступать в качестве аксиологом, представлены в таблице 14.

Таблица 14 – Семантическое ядро текста интервью С. Дробышевского (25.10.2022)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
обезьяна	21	1,11
много	20	1,05
информация	14	0,74

Очевидно, что в массмедийном дискурсе лексема *обезьяна* не является аксиологемой. Однако *обезьяна* в дискурсе палеоантрополога-популяризатора квалифицируется как индивидуальная аксиологема, значимая компонента научной картины мира, базовое понятие, выступающее смысловым стержнем концептуальных построений ученого. В тексте интервью лексема *обезьяна* организует реализацию топоса «род–вид», основанного на гиперогипонимических отношениях:

Если присмотреться внимательно к обезьянам в зоопарке, если есть больше одного вида, то они тоже очень разные и по многим признакам друг от друга отличаются гораздо больше, чем мы от кого-то из них. Если, например, взять человека и гиббона, то у обоих хвоста нет, а у макаки есть. В этом случае у нас с гиббоном больше общего, чем у него с макакой. <...> Наша история сложилась таким образом, что мы стали двуногими, разумные, с орудием и так далее. А у шимпанзе, например, сложилось так, что они живут в лесу, бегают на четвереньках, лазают по деревьям, едят бананы (Дробышевский, 25.10.2022).

Лексема *обезьяна* является компонентом терминосистемы индивидуального дискурса палеоантрополога, выступает тем концептуальным образованием, вокруг которого ученый выстраивает сопоставления, сравнения и противопоставления, часто рассчитанные на реализацию имплицитных дискуссионно-полемиических установок говорящего.

Лексема *много*, вошедшая в семантическое ядро, относится к числительным, которые «обозначают неопределенное количество единиц» [КРГ, 1989, с. 247]. Известно, что при сочетании с абстрактными существительными количественное значение слов *много* и *мало* «оказывается затемнённым, размытым. Оно подавляется значениями меры, степени, имеющими субъективно-оценочный характер...» [Канафьева, 2018, с. 33]. Соответственно, оценочный потенциал слова *много* может быть определен только в фокусе лексической

сочетаемости: много информации; много времени, сил, энергии; есть много людей; много знаний и т. п.

Безусловной аксиологемой данного текста является ключевое слово *информация*, которое, выступая составной частью концептосферы ученого-просветителя, внедряется им в качестве необходимой научной ценности в массовое сознание:

...есть набор информации, и мы его воспринимаем. А раз информация усвоена, она не склонна меняться; передача концентрированной информации, она должна именно передаваться от индивида к индивиду. Если мы не обмениваемся ею, не тренируем мышление, то оно пропадает (Дробышевский, 25.10.2022).

Речевая/риторическая триггеризация

Исследуемый текст организует свое семантическое пространство вокруг двух речевых триггеров, презентуемых следующими высказываниями: *Мы и есть обезьяны, специфический вариант* и *Личное бессмертие обернется тотальным вымиранием для всех* (Дробышевский, 25.10.2022). Последнее высказывание используется в качестве заголовка интервью. Важнейшим критерием триггерности выступает реакция аудитории (см. о критериях триггерности [Копнина, Роу (Забродина), Цатурян, 2024]), свидетельствующая о результативности воздействия в данном случае на ее когнитивную сферу:

Почему-то еще Станислав противопоставляет человека и обезьяну. Человек разумный а обезьяна не разумная. Человек и есть обезьяна, со всей обезьяньей психологией, эмоциями и повадками. И я склонен считать человека не разумным, а чуть более разумным чем другие обезьяны. Другие обезьяны тоже разумны, но не в той степени, как человек. И еще он указывает что обезьяны учатся только на своих ошибках, нет обезьяны также наблюдают за своими сородичами и перенимают опыт особенно в части использования орудий и технологий при добыче пищи. <...> (Федя. Vtomske.ru, 25.10.2022);

О бессмертии товарищ рассуждает довольно поверхностно. Во-первых, видов бессмертия может существовать множество. они могут быть конкурентны между собой. И вообще, это чисто математическая задача – как обставить человеческий функционал. Во-вторых, и это главное, чтобы говорить о бессмертии, надо говорить о бессмертии предметно. Смерти людей отбивают морзянку в демографической статистике, то есть человек (как и любая бактерия) является расходным материалом Вселенной для проведения вычислений. <...> (Вадим Тюменцев. Vtomske.ru, 25.10.2022);

Сейчас идёт глобальный регресс человечества. Человек, тыкающий пальцем по стеклу смартфона, неосознанно превращается опять в обезьяну!!! Вживание чипов не за горами, грядёт тотальное управление низшими расами. :(((((Andrei777. Vtomske.ru, 25.10.2022)⁶³.

⁶³ Во всех приведенных комментариях авторские орфография и пунктуация сохранены.

Комментарии представляют собой не просто ответную реакцию, но экспликацию собственной точки зрения, пусть даже и лишенной научных оснований. Авторы приведенных комментариев демонстрируют попытку выдвижения речевых триггеров второго порядка, или триггеров-реакций, подтверждающих стимульный статус рассматриваемых нами первичных высказываний. Воздействие на когнитивную сферу аудитории оборачивается влиянием на аффективную, о чем в комментариях свидетельствуют эмоционально-оценочные речевые маркеры.

Триггерный характер высказывания *Мы и есть обезьяны, специфический вариант* создается путем экспликации бытийного, или экзистенциального, суждения, подрывающего веру в уникальность человеческой особи. Высказывание-триггер *Личное бессмертие обернется тотальным вымиранием для всех* представляет собой косвенный речевой акт угрозы, семантическим ядром которого становится словосочетание *тотальное вымирание*.

Что касается орнаменталистской специфики высказывания-триггера *Мы и есть обезьяны, специфический вариант*, то очевидно использование перифразы в качестве триггерообразующего риторического приема. Высказывание *Личное бессмертие обернется тотальным вымиранием для всех* имеет более сложную тропеическую устроенность: концептуальным основанием здесь выступает противопоставление «личное, индивидуальное – тотальное, всеобщее», сопровождаемое олицетворением, которое представляет собой персонифицированную материализацию абстракции.

Таким образом, актуализированные в данном интервью высказывания-триггеры имеют преимущественно статус риторических, что является одним из факторов усиления текстового воздействия.

Адресация

Результативность массмедийной коммуникативно-речевой практики С. Дробышевского обеспечивается навыками демонстрации диалогичности. Подчеркнем, что адресация анализируется нами не в межличностном ракурсе как способ взаимодействия с интервьюером, а с позиции моделирования

и регулирования актов массовой коммуникации. Естественно, что жанр интервью не предполагает использования средств открытой адресации массовой аудитории: в тексте нет обращений, императивных конструкций, побуждающих к действию, или многочисленных эксплицитных вопросов. Зато текст насыщен *мы*-высказываниями, выполняющими специфическую адресующую функцию. Антецедентом местоимения *мы* выступает не конкретная целевая аудитория ученого-популяризатора, а человечество в целом. *Мы*-высказывания имеют генерализованный характер и нацелены на активацию способности адресата к обобщению, шире – на формирование образно-исторического мышления слушателей:

В отличие от обезьян, мы склонны доверять опыту других, учиться на чужих ошибках в том числе; Мы уже минимум 40 миллионов лет – коллективные существа и завязаны на других индивидах. В одиночестве жить можно, но, как правило, происходит помутнение рассудка. Потому что мы настолько социальные, что мы должны общаться <...>; Мы до сих пор живем семьями <...> (Дробышевский, 25.10.2022).

Мы-высказывания частотны и в форме генитивной конструкции:

У обезьяны нет никакой цели за собой убирать <...> И у нас тоже нет этой тяги к чистоте, но мы можем делать это сознательно <...>; У нас врожденной чистоплотности нет <...>; ...у нас сейчас ценность особи заключается не в сохранности клеток, а в сохранности информации, накопленной при жизни (Там же).

Эффект генерализованной диалогичности обеспечивается и притяжательным местоимением 1-го лица множественного числа, которое периодически включается в состав *мы*-высказываний:

Наши предки жили исходно в лесу...; Наша история сложилась таким образом, что мы стали двуногими...; ...наше мышление – это язык, необязательно голосовой, может быть жестовый, письменный; ...потом наши потомки будут нас раскапывать (Там же).

Референциальные границы сужаются, когда в структуру высказывания включается местоимение *вы*, что создает эффект переноса глобального опыта человечества на локальную современную ситуацию и сближает интервьюируемого, интервьюера и аудиторию:

Например, и я, и вы носим очки. Для первобытного охотника плохое зрение – это ужасно. Он просто не сможет охотиться и, скорее всего, умрет от голода. А мы с вами прекрасно живем, так как у нас есть очки (Там же).

Что касается использования вопросительных конструкций, обеспечивающих адресацию, то их в исследуемом тексте практически нет. Но

в контексте рассуждений об отрицании массовым сознанием родственной связи человека и обезьяны появляется риторический вопрос-восклицание, представленный как прием имитации эмоциональной реакции условного типизированного полемиста:

Аналогично с обезьянами многие думают: «Что я такой же, что ли?!» Тем более информированность об обезьянах у среднего человека низкая... (Там же).

Приведенный пример демонстрирует отмеченное Е. В. Падучевой неспецифическое употребление в настоящем времени местоимения 1-го лица единственного числа в обобщающем значении [Падучева, 2019, с. 360]. Известно, что местоимение-эгоцентрик «я» – традиционное авторизирующее средство. Однако С. Дробышевский расширяет стандартный арсенал средств адресации путем включения в него личного местоимения 1-го лица единственного числа, имеющего родовую референцию: *Психологически проще верить, что я – особенный* (Дробышевский, 25.10.2022). А дальнейший контекст как раз и верифицирует обобщающее значение личного местоимения «я»: *А если еще кто-то в это верит, появляется чувство сплоченности и мысли, что злые ученые нас всех обманывают* (Там же).

Специфика адресации С. Дробышевского заключается не в традиционной обращенности к массовой аудитории, не в формировании стандартной массмедийной интеракции, а в вовлечении своих слушателей в диалог с прошлым, где границы между говорящим и слушающим стираются, поскольку оба рассматриваются в качестве равноценных биологических особей в контексте антропогенеза.

Авторизация

Элокутивное конструирование текста риторического типа невозможно без авторизации, запускающей механизмы субъективации речи. Эффективность медиатекста связывается с умеренной демонстрацией «Я» говорящего в практике массовой коммуникации.

В речевой партии С. Дробышевского декодированы две авторизирующие линии – индивидуальная и коллективная, соответствующими репрезентантами

которых выступают *я*- и *мы*-высказывания. Так, в первую очередь говорящий идентифицирует себя в качестве активного участника палеоантропологических изысканий:

...про поведение древних обезьян мы догадываемся по их костям...; ...по остаткам жилища и прочего мы видим поведение в чистом виде; ...но пока мы копаем, сами создаем культурные слои такие...; ...мы получаем массу информации, которую никак иначе раньше получить не могли (Дробышевский, 25.10.2022).

Личное местоимение 1-го лица множественного числа в совокупности с соответствующими глагольными формами позволяют говорящему позиционировать себя не столько как популяризатора науки, сколько как ученого, связанного с конкретными исследовательскими практиками, что формирует репутацию эксперта. Подчеркнем, что в ходе ЛРТ не возникло сомнений в референциальной отнесенности местоимения *мы* в приведенных контекстах. Здесь референтом *мы* выступает мировое антропологическое сообщество, куда включен сам субъект речи как действующий исследователь.

Персонификация посредством использования *я*-высказываний прослеживается, но не частотна:

...я могу уже сам не ошибаться...; Я, например, антропологией всю жизнь занимаюсь, у меня в голове довольно много знаний. Но когда я учу студентов, я не могу переложить все содержание своей головы в их головы (Там же).

Важным индикатором авторизации в научном и научно-популярных дискурсах выступают средства выражения субъективной модальности. Так, отметим вероятностное суждение, сформированное эпистемической возможностью, выражающей неполноту знаний говорящего:

Возможно, у такого человека в гене хорошая мутация, которую он может передать своим детям (Там же).

Другим маркером эпистемической модальности, связанной с оценкой достоверности говорящим сообщаемого как соответствующего либо не соответствующего действительности с точки зрения его знаний об этом сообщаемом, в данном тексте выступает вводное слово *конечно*, усиливающее эффект соответствия ожиданию:

Но есть, конечно, и сознательные люди, которым достаточно один раз сказать, что поступают они неправильно...; Но адекватный человек, конечно, может напрячь мозги и понять, что та информация была фигней... (Там же).

ЛРТ демонстрирует, что в речевой партии С. Дробышевского вводные слова и конструкции, эксплицирующие эпистемическую модальность и тем самым эгоцентричность, не частотны. Объяснение этого обстоятельства мы связываем с разными факторами. Во-первых, именно так, на наш взгляд, проявляется специфика научно-популярного дискурса, отличающегося от собственно научного игнорированием установки «подвергать всё сомнению». Во-вторых, огромный риторический опыт говорящего сопряжен с просветительским стремлением минимизировать субъективное в пользу объективного.

Проведенный анализ позволяет заключить, что одним из условий эффективного текстообразования становится нахождение баланса между адресующими и авторизующими средствами. Приоритет адресации над авторизацией предпочтителен для обеспечения продуктивной коммуникативной интеракции в формате научно-популярного дискурса.

Безусловно, помимо выявленных характеристик, медиариторическая практика С. Дробышевского активно эксплуатирует весь арсенал возможностей научно-популярного стиля: минимизацию терминологического аппарата, частое использование речевых субжанров объяснения и сопоставления, включение элементов разговорного стиля речи и просторечия.

В фокусе обсуждения феномена эффективности текста действенным доводом выступают те зрительские комментарии, которые имеют метакодovou, или метакоммуникативную, направленность, то есть содержат оценку риторической деятельности ученого-популяризатора:

Оооо!!! Была на этой лекции!!! Эмоций, как от концерта рок-звезды! <...> (@pornochka6367. Prima_tv, 2024)⁶⁴; Потрясающая ёмкость речи: ни пауз, ни длиннот, информация прям в живом понятном виде и непрерывным потоком. Для мозга одно удовольствие это воспринимать (@buloveinvideo-art8901. Prima_tv, 2024)⁶⁵; Огромное спасибо Станислав! У вас талант нести знания живым, веселым и современным языком в массы. Я старше Вас, не имею никакого отношения к биологии, но с огромным интересом слушаю Ваши лекции и заинтересовался историей. Считаю Вас лучшим популяризатором науки!

⁶⁴ Здесь и далее в комментариях сохранены авторские орфография и пунктуация.

⁶⁵ Этот и предыдущий комментарии: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tXaCQFeMCw4&t=118s> (дата обращения: 08.07.2024).

((@РусланНигматьянов. Лекторий Живой город, 2023)⁶⁶; *Дробышевский, мое почтение за ваш труд. Ваши микро лекции на простом обывательском языке объясняют мироустройство. Спасибо!!!* (@andrewbelov8639. RTVI Развлечения. Дробышевский. Человек разумный, 2023)⁶⁷.

Подобные реакции есть результат действия вторичной популяризации, отмечаемой В. И. Коньковым в контексте предлагаемой им типологии целей популяризаторов научного знания [Коньков, 2022, с. 63–65]. Специфика текстов вторичной популяризации «состоит в том, что изложение научной проблемы переводится в сферу повседневности. Обычно это блог, где автор работает с аудиторией в сфере устной многоканальной речи, которая для аудитории является привычной речевой средой обитания. <...> Зрителям предлагается проблема, способная заинтересовать обычного образованного человека...» [Там же, с. 65], что влечет за собой вторичную адаптацию научного материала.

Таким образом, реализованная реконструкция подтверждает, что элокутивное конструирование медиатекста, обеспечивающее его публичность, диалогичность и интеракциональность, определяет риторическую и медийную состоятельность ученого-популяризатора. Предложенная модификация ЛРТ подтверждает свою валидность, выступая тем инструментарием, который позволяет запустить процессы метапонимания текста, связанные с интерпретацией транслируемых смыслов и оценкой текстового воздействия.

4.3. Риторические риски в медиатекстах турбулентных периодов

Понятие риторического риска вводится в понятийный аппарат риторики декодирования по аналогии с различными типами рисков, отмечаемых в человеческой деятельности: коммуникативные риски [Викторова, Кормилицына, Сиротинина, 2016], политические риски, финансовые риски, правовые, военные, технические, производственные и т. п.

Актуальность выявления механизмов формирования риторических рисков обусловлена факторами как теоретического, так и прикладного характера.

⁶⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=24q0Jtd-tXw&t=19s> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶⁷ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PKmvRhCChtI> (дата обращения: 08.07.2024).

В первом случае речь идет о лингвофилософском и широком лингвистическом осмыслении феномена эффективности коммуникативно-речевого взаимодействия и воздействия. Во втором случае риторические риски рассматриваются в контексте диагностирования эффективности текста как центрального конституента конкретной речекommunikативной ситуации и инструмента конструирования действительности.

Риторический риск есть опасность снижения текстовой эффективности, которая возникает вследствие несоблюдения технологий риторического текстообразования и создает тем самым угрозу реализации авторского коммуникативно-речевого замысла.

Феномен текстовой эффективности актуализируется в турбулентные периоды человеческого существования, которые проявляют потенциал текстов массовой информации в регуляции социальных процессов, в оценке и переоценке общественно значимых явлений. Турбулентность, понимаемая как характеристика миропорядка, создается совокупностью факторов, куда включают технологические революции, в частности информационно-коммуникационные, транснациональные проблемы, глобальные финансовые рынки, а также естественные источники, связанные с действием природных катаклизмов, ведущих к дестабилизации человеческого бытия [Полулях, 2017].

Осмысление турбулентности в фокусе риторического декодирования есть поиск ответа на вопрос об онтологическом статусе, функционале и качестве текстов массовой информации, участвующих в урегулировании социальной напряженности и преодолении конфликтности, неизбежно сопровождающих катаклизмические и кризисные процессы. Именно в турбулентный период как никогда наглядно проявляются связи медиатекста с внетекстовой реальностью. Кроме того, именно в переломные периоды человеческого существования оказываются востребованными тексты, характеризующиеся актуальностью, акциональностью, аргументированностью, персуазивностью, диалогичностью, т. е. есть имеющие риторическую природу. Указанные факторы направляют фокус лингвориторических изысканий на оценку и диагностирование

медиатекстовой эффективности, понимаемой как достижение баланса между практической целью субъекта речи и достигнутым результатом.

Эффективность коммуникации турбулентного времени связана с реализацией неориторического принципа «сближения сознаний», нацеленного на поддержание устойчивого диалога как способа преодоления кризисного состояния общества и индивидуума. Такая установка требует риторического подхода к исследованию текстовой деятельности, опирающегося на признание осознанности в качестве макропараметра текстообразования.

Методологическим инструментарием в ходе декодирования риторических рисков выступает ЛРТ, которая осуществляет восстановление механизмов текстообразования как обеспечивающих воздействующий эффект, так и снижающих его. ЛРТ обнаруживает несоответствия между критериями риторичности и их вербальным воплощением, диагностируя тем самым как сильные, так и слабые стороны текста. Операциональное тактическое разнообразие ЛРТ позволяет считать ее продуктивной процедурой для определения вербальных индикаторов текстовой результативности. В соответствии с методологическими принципами ЛРТ мы следуем трем стратегиям декодирования – инвентивной, диспозитивной и элокутивной, которые определяют границы одноименных зон риторических рисков.

Материалом диагностирования риторических рисков выступает корпус медиатекстов, связанных с разными турбулентными событиями последнего десятилетия в жизни российского общества, такими как пенсионная реформа 2018 года, пандемия COVID-19 2020–2022 гг., разрушительное наводнение на Южном Урале и в Западной Сибири в апреле 2024 года.

4.3.1. Инвентивная зона риторических рисков

Инвентивная стратегия декодирования диагностирует такие риторические параметры текста, как актуальность и акциональность. Последняя понимается и как потенциальная способность текста участвовать в изменении текущего положения дел, и как реализованное текстом действие. Данная стратегия декодирования в соответствии с сущностью инвенции как этапа

текстообразования направлена на определение риторических рисков, связанных с экспликацией практического целеполагания адресанта, с качеством содержательной концепции текста, с разработанностью его концептуального сценария, запускающего в действие механизмы аргументации. Об инвентивной зоне риторических рисков свидетельствуют следующие выявленные нами индикаторы: 1) неопределенность практической цели говорящего; 2) ортодоксальность тезиса; 3) имплицитность, или невербализованность, тезиса.

Неопределенность практической цели

Объективация практической цели говорящего нередко осуществляется контекстно-жанровым способом: реципиент реконструирует «глобальное намерение» продуцента на основании знаний актуальной социально-политической или исторической повестки, своих представлений о жанровой организации тех или иных коммуникативных событий и ситуаций. Такой подход к тексту требует достаточно эрудированной и коммуникативно грамотной аудитории. Гораздо бóльшим потенциалом в области воздействия на массовое сознание обладают высказывания-перформативы, представляющие собой индивидуализированные речевые действия, участвующие в изменении объективной реальности путем прямого выражения намерений говорящего: *Я рекомендую...; Я призываю...; Я предлагаю...; Я соболезнаю...; Мы обещаем...; Мы требуем...* и т. п. Перформативные высказывания позиционируют субъекта речи как непосредственного участника событий, как индивидуума, включенного в происходящее, что позволяет слушающему достаточно легко фокусироваться на интенциональности говорящего.

В практике ЛРТ выявление целеполагания говорящего осуществляется путем речеактовой идентификации: в русле классической теории речевых актов мы фиксируем директивные, комиссивные, экспрессивные и т. п. высказывания [Серль, 1986а]. По сути, декодирование иллокутивной силы задает систему координат для реконструкции семантически ориентированных составляющих инвентивной стратегии текстообразования: темы, проблемы, тезиса. При этом в контексте РДТ мы, следуя за Ю. Хабермасом, связываем первое лицо

единственного числа с экспликацией автономии и индивидуальности субъекта коммуникативного действия [Хабермас, 1989], экстраполируем идею перформативности с высказывания на текст, что закрепляет за последним такой критерий, как акциональность.

Инвентивному риску, связанному с имплицитностью практической цели говорящего, подвержена, например, речевая партия министра здравоохранения РФ М. А. Мурашко в интервью, данном им Н. Аскер-Заде в программе «Вести» на телеканале «Россия 1» (Мурашко, 13.12.2021). Здесь речеактовая идентификация нерелевантна в силу отсутствия в тексте перформативных высказываний. И только контекстуальный способ, обусловленный знанием о текущей эпидемиологической ситуации и появившихся новых способах борьбы с ковидом, позволяет реконструировать целеполагание говорящего — сформировать доверие россиян к отечественным вакцинам в условиях появления такого нового штамма коронавируса, как омикрон.

Речеактовая идентификация практической цели говорящего затруднительна и в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. В. Паслера, данного им корреспонденту Российской газеты В. Зотиковой в связи с наводнением в подведомственном ему регионе (Паслер, 21.04.2024). Только контекстуальный способ декодирования позволяет связать акциональность текста с публичной демонстрацией системы мероприятий, направленной на преодоление последствий разрушительного наводнения и реализацию социально-экономической поддержки населения.

Ортодоксальность тезиса

Ортодоксальность тезиса есть следствие консервативного подхода к его выдвижению. Именно такой подход к тезированию объединяет речевые партии всех участников заседания президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории РФ от 11.01.2022. Тезис, естественно, вербализует председатель Правительства РФ: *Идет борьба с коронавирусом* (Мишустин, 11.01.2022). Этот тезис есть бытийное, или экзистенциальное, высказывание,

констатирующее существование актуального процесса. На фоне устойчивого тиражирования в СМИ образа мировой войны с коронавирусом стертая метафоричность высказывания создает эффект восприятия борьбы с ковидом как обыденного явления. Данное высказывание, превратившееся в речевой штамп пандемийного времени, мы определяем как ортодоксальный тезис, который снижает злободневность проблематики и тем самым актуальность текста. В текстах выставленных на сайте Правительства РФ для массового ознакомления стенограмм заседаний Координационного совета, регулярно проводимых в течение 2020–2022 гг., выдвижение ортодоксального тезиса – устойчивая текстообразующая черта:

Во многих регионах ситуация с распространением коронавирусной инфекции остаётся достаточно напряжённой (Мишустин, 01.12.2020); *Ситуация с коронавирусом остаётся напряжённой* (Мишустин, 23.07.2021); *Ситуация с коронавирусом остаётся сложной* (Мишустин, 08.02.2022).

Безусловно, высокая степень официализации и регламентации заседаний правительственных структур не располагает к креативности. Соответственно, наличие ортодоксального тезиса оценивается как следование требованиям официально-делового стиля речи и принятым нормам общения. Однако тиражирование ортодоксального тезиса, его воспроизведение от текста к тексту в рамках типизированной коммуникативной ситуации рутинизирует положение дел, снижает актуальность проблематики, что может формировать репутационные риски субъекта политической коммуникации.

Имплицитность тезиса

Вербализация и публичное предъявление тезиса есть факторы оптимизации восприятия и понимания текста. В свою очередь имплицитность тезиса снижает его возможности выступать семантическим фундаментом, гарантирующим воспринимающему содержательно-смысловую целостность текста. Имплицитный тезис как ментально реконструируемое высказывание, требующее вывода адресатом из сообщения, может затруднять распознавание концептуального замысла субъекта речи, формировать условия для альтернативного тезирования, не соответствующего замыслу говорящего.

Например, в тексте обращения Президента России В. В. Путина к гражданам, посвященном вопросам реформирования пенсионного законодательства (Путин, 29.08.2018), тезис имеет имплицитный характер. Невербализованность тезиса здесь компенсируется речевым актом обращения, где говорящий субъективирует практическую цель выступления, делает текст эгоцентрически ориентированным:

...обращаюсь к вам напрямую, чтобы подробно рассказать обо всех аспектах изменений, предлагаемых Правительством, обозначить свою позицию и поделиться с вами своими предложениями, которые считаю принципиальными (Путин, 29.08.2018).

Процедура реконструкции объективирует тезис-суждение: *Пенсионная реформа в России – назревшая необходимость в сложившихся экономических условиях*. Публичная вербализация такого тезиса затрудняет реализацию необходимых в условиях критики реформы речевых тактик снижения категоричности и компромисса.

4.3.2. Диспозитивная зона риторических рисков

Диспозитивная стратегия декодирования реконструирует механизмы обеспечения такого доминантного свойства текста риторического типа, как аргументированность, которая выступает фундаментом персуазивности. Данная стратегия декодирования в соответствии с сущностью диспозиции как этапа текстообразования выявляет риторические риски в области аргументации. Как отмечает А. Н. Баранов, «неуспех аргументации очень часто зависит от прагматических факторов аргументирования, определяемых отношениями “говорящий vs. акт аргументации (лингвистическая прагматика)”, “говорящий vs. слушающий (прагматика коммуникатов)”» [Баранов, 1990, с. 17]. О диспозитивной зоне риторических рисков сигнализируют такие индикаторы, которые демонстрируют отношение говорящего к составляющим акта аргументации, а именно: 1) однотипность аргументации; 2) подмена аргументов гипотетическими утверждениями; 3) частотность связанных рассуждений, или доминирование сочинительной аргументации. При этом результатом действия лингвопрагматических факторов становится нарушение баланса взаимодействия между коммуникантами.

Однотипность аргументации

Однотипность аргументации нередко возникает как следствие увлеченности говорящим универсальной системной аргументацией, под которой понимают «обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений» [Ивин, 2003, с. 79]:

Набор мер противодействия инфекции остаётся прежним (подтезис). Значимую роль играет своевременное тестирование (аргумент 1). Ранняя диагностика позволяет быстрее начать лечение и оградить от риска заражения других людей (аргумент 2). <...> В стране идёт масштабная кампания по вакцинации от коронавируса (аргумент 3). <...> (Мишустин, 11.01.2022);

Все известные варианты коронавируса, так же как и другие респираторные инфекции, передаются воздушно-капельным путём (аргумент 1). Это важное знание (оценочная реакция). Мы знаем сегодня, что он так же устойчив или неустойчив в окружающей среде (аргумент 2), так же чувствителен ко всем дезинфекционным средствам, ко всем средствам обеззараживания (аргумент 3), он так же не передаётся при соблюдении санитарных требований, при изоляции органов дыхания, при защите органов дыхания, при сокращении контактов между людьми (аргумент 4). <...> (Попова, 11.01.2022);

...среди заболевших – люди, у которых уже есть иммунитет к штамму коронавируса. У многих (аргумент 1). И течение на этом фоне идет либо бессимптомно, либо с незначительными клиническими проявлениями (аргумент 2). На сегодняшний день никакой угрозы ни жизни, ни утяжеления состояния мы не видим. Ситуация стабильная, ровная (аргумент 3), люди на сегодняшний день получают минимальную терапию (аргумент 4) (Мурашко, 13.12.2021).

В рассмотренных примерах наблюдается семантическая трансформация информативного регистра речи, презентующего систему аргументов, в генеритивный, коммуникативная функция которого есть обобщение, осмысление информации, соотнесение ее со сложившимся арсеналом устойчивых знаний, с универсальными законами мироустройства. Этот тип речи демонстрирует высокую степень абстрагирования от конкретной ситуации, вневременной характер действия [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004, с. 30, 404]. Отмечаемая регистровая амбивалентность, формирующая генерализованную семантику, переводит аргументы в разряд универсалий, которые начинают восприниматься как трюизмы. Мы наблюдаем процесс десемантизации, который способствует ритуальности коммуникации и снижает персуазивный эффект текста.

В медиадискурсе турбулентного времени активно эксплуатируется статистика: количественная информация о динамике распространения

заболевания или о масштабах стихийного бедствия, о росте смертности или о стабилизации и т. п. необходима переживающим различные потрясения людям для правильной ориентации в текущей ситуации, для принятия адекватных решений и следования тем или иным мерам. Статистические данные, выступая в функции рациональных аргументов, традиционно признаются «сильными» доводами, вызывающими доверие аудитории. Однако эффективность риторической аргументации обеспечивает не приоритет рационального над эмоциональным, универсального над контекстуальным, а их синтез. Обилие статистики препятствует адекватному восприятию фактуальной информации, ее критической оценке и аналитическому сравнению. Очевидно, что осознанное восприятие массива количественных данных требует подготовленного слушателя. Указанные факторы позволяют нам включить злоупотребление статистикой в диспозитивную зону риска:

По итогам первой недели текущего года в стране зарегистрировано 112 006 случаев заболевания COVID-19, и показатель составляет 76,33 на 100 тысяч населения, что ниже на 19,4%, чем на финальной неделе ушедшего года. Но мы видим признаки ухудшающейся эпидситуации, и заключаются они в том, что в 35 регионах показатель превышает среднероссийский. <...> (Попова, 11.01.2022);

На 11 января 2022 года в республике выявлено 43 749 заболевших. За весь период пандемии выздоровело 36 800 человек, мы потеряли 1497 человек. Показатель заболеваемости в республике составляет 1123 человека на 100 тысяч населения. <...> (Минниханов, 11.01.2022);

По состоянию на субботу к нам поступило уже 372 798 заявлений на получение выплат. Выплаты назначены 42 942 оренбуржцам, а 38 016 человек уже получили деньги. Замечу, мы направили 10 миллиардов рублей на поддержку пострадавших от наводка. Но это не основная часть средств (Паслер, 21.04.2024).

Последний пример, демонстрирующий реализуемый губернатором Оренбургской области речевой субжанр отчета, призванный рассказать об оказываемой пострадавшим при наводнении помощи, сопровождает вопрос-реплика журналистки В. Зотиковой: «Как бы за общими цифрами не потерять конкретного человека?» (Там же). Данный вопрос и выступает метапоказателем риторической уязвимости губернаторской речи, наполненной статистикой.

Подмена аргументов гипотетическими утверждениями

В теории аргументации под гипотетическими утверждениями понимают компоненты умозаключений, функционирующие в качестве посылок

и находящиеся на переднем плане аргументации, т. е. выраженные эксплицитно [Герритсен, 2006, с. 79]. Грамматическими маркерами гипотетичности в рамках аргументационного комплекса могут выступать: показатели будущего времени, возникающие в ряду аргументов-высказываний, эксплицированных в прошедшем или настоящем времени; предложения, выражающие условные отношения.

Например, в границах аргументационного комплекса, представляющего систему уже реализованных мер в поддержку пострадавших от наводнения (*назначены, получили, направили*), появляется высказывание, претендующее на статус аргумента: *Значительную помощь область **получит** из федеральной казны* (Паслер, 21.04.2024). Включенность данного высказывания в структуру сочинительной аргументации, на первый взгляд, позволяет ему функционировать на правах аргумента. Однако грамматический контраст «прошлое – будущее» заставляет обратить внимание на гипотетичность действия (*получит*) при утвердительном характере высказывания. Идентификация данного высказывания как аргумента осуществляется реципиентом за счет невыраженности онтологической, или алетической, модальности. Мы не обнаруживаем маркеров алетической модальности – *может/сможет, можно*. Говорящий пользуется тем обстоятельством, что «онтологическая возможность вытекает из объективного устройства мира» [Падучева, 2019, с. 134.], и это позволяет реципиенту воспринимать данное высказывание в качестве полноправного элемента системы аргументов.

Рассмотрим пример гипотетических утверждений, оформленных в виде условных предложений, в которых «значение обусловленности конкретизировано как связь ситуаций предопределяющей (в придаточной части) и предопределяемой, т. е. ситуации-следствия (в главной части)» [КРГ, 1989, с. 565]:

Сейчас на территориях, освобождаемых от паводка, работают более 160 комиссий по оценке ущерба имуществу и комиссии, которые оценивают состояние жилья (аргумент). В случае если комиссия признает, что дом подлежит капитальному ремонту, размер выплаты рассчитывается по 7 000 рублей за квадратный метр официально оформленной общей площади дома или квартиры (гипотетическое утверждение 1). Если же дом подлежит сносу, то полагается выплата на приобретение другого жилья из расчета нормы, умноженной на 68,712 тысячи рублей (гипотетическое утверждение 2) (Паслер, 21.04.2024).

В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда говорящий связывает осуществление того или иного действия с выполнением некоторого условия. Причем здесь за счет оформленности придаточной части в форме синтаксического индикатива, выражающего значение потенциальной обусловленности [Там же, с. 567], моделируется «“реальное условие”, событие высоковероятное» [Падучева, 2018, с. 95]. Последнее обстоятельство и способствует восприятию и идентификации гипотетических высказываний в качестве аргументов.

Частотность связанных рассуждений

Преобладание в аргументации связанных рассуждений, их доминирование над последовательными и конвергентными рассуждениями также формирует область диспозитивных рисков. Напомним, что связанное рассуждение квалифицируется как сочинительная аргументация, основанная на совокупности взаимозависимых доводов. Последовательное рассуждение есть подчинительная аргументация, конвергентное рассуждение – множественная [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123–124].

Связанное рассуждение – неперенный атрибут политического дискурса, обеспечивающий возможности презентации и самопрезентации:

...ситуация в республике стабильная и находится на постоянном контроле (подтезис⁶⁸). В резерве имеется 50% коек, при необходимости мы можем в течение недели в два-три раза нарастить их объём (аргумент 1). Лекарства есть. Все вопросы решены (аргумент 2). Кроме того, мы ввели более жёсткие меры на транспорте: действует система QR-кодов (аргумент 3). Все места общественного пребывания работают строго в режиме, который определён Роспотребнадзором (аргумент 4) (Минниханов, 11.01.2022);

В целях снижения заболеваемости нами с 22 октября прошлого года были приняты дополнительные ограничительные меры (подтезис). На территории области было приостановлено проведение публичных массовых мероприятий (аргумент 1), введён режим обязательной самоизоляции для невакцинированных граждан старше 60 лет (аргумент 2). Для посещения ресторанов, торговых центров, организаций культуры и фитнес-центров, бассейнов, салонов красоты, гостиниц и других организаций массового пребывания людей установлено требование о наличии QR-кода, сертификата о пройденной вакцинации от коронавируса или перенесённой COVID-инфекции в течение последних шести месяцев (аргумент 3). За соблюдением ограничительных мероприятий был установлен жёсткий контроль, количество проверок, рейдов увеличилось кратно (аргумент 4) (Ситников, 11.01.2022).

⁶⁸Здесь и в следующем примере подтезисы развивают общий тезис: *Идет борьба с коронавирусом.*

Потребность субъекта политического медиадискурса в связанном рассуждении возникает, когда ему необходимо наглядно продемонстрировать результаты своей деятельности, детализированно обозначить внушительный объем реализованного. Сочинительная аргументация обеспечивает эффект повышенной доказательности: говорящий, предугадывая возможные возражения, конструирует обширное пространство доводов, упрочивая тем самым, с его точки зрения, персуазивный потенциал текста. В коммуникативном плане связанное рассуждение нацелено на ограничение возможностей слушающего в оперативном достраивании аргументации, в ее расширении, что чрезвычайно важно для любого политика, взаимодействующего с разнородной и не всегда предсказуемой массовой аудиторией.

Подытоживая сказанное, мы отмечаем, что доминирование связанных рассуждений, увлеченность универсальной системной аргументацией, избыточность статистики любой жанр политического дискурса способны превратить в формализованный отчет, персуазивность которого может оказаться под угрозой.

4.3.3. Элокутивная зона риторических рисков

Элокутивная стратегия декодирования осуществляет диагностирование таких текстовых параметров, как диалогичность и публичность. Эта стратегия декодирования в соответствии с сущностью элокуции как этапа текстообразования выявляет риторические риски в области механизмов вербализации авторского замысла. В первую очередь угрозу текстовой состоятельности создает отсутствие корреляций в системе ценностных ориентиров коммуникантов, что особенно болезненно воспринимается в турбулентное время, когда аудитория нуждается во взаимопонимании и сближении мировоззренческих позиций. Кроме того, элокутивные риски часто возникают при нарушении баланса в использовании ресурсов создания диалогичности, что подрывает интерсубъективность как необходимое условие эффективного взаимодействия. Что касается турбулентных периодов человеческого существования, то диалогичность становится той

коммуникативной потребностью, удовлетворение которой способствует солидаризации и социально-психологической стабильности. Об элокутивной зоне риторических рисков сигнализируют следующие индикаторы: 1) нивелирование ценностей, ожидаемых аудиторией; 2) игнорирование адресации; 3) вуалирование авторизации; 4) нарочитая демонстрация авторизованности.

Нивелирование аксиологизации

Аксиологизация турбулентных периодов строится на обращенности как к понятиям высокой степени абстрагирования (жизнь, смерть, человек, свобода и т. п.), так и к вполне конкретным реалиям, которые обуславливают выживание и благополучие человека в кризисных условиях (еда, зарплата, лекарства, медицинская помощь и т. п.). Проследим реализацию данной тенденции в тексте интервью Д. Паслера (Паслер, 21.04.2024) путем проведения автоматизированного семантического анализа (ресурсы Advego.com.). Его результаты представим в таблице 15.

Таблица 15 – Семантическое ядро текста интервью Д. Паслера (21.04.2024)

Фраза / слово	Количество	Частота, %
выплата	8	1,05
рубль	8	1,05
тысяча	8	1,05
жилье	6	0,79
паводок	6	0,79
получить	6	0,79
много	5	0,66
новое	5	0,66
подлежать	5	0,66
работать	5	0,66
имущество	4	0,52
комиссия	4	0,52
Орск	4	0,52
пострадать	4	0,52

В данном случае аксиологическая интерпретация результатов семантического анализа базируется исключительно на знании ситуативного контекста, позволяющего включать в категориальный ряд ценностей единицы материального порядка: *выплата, рубль, жилье, новое (жилье)*. Такие

аксиологемы краткоживущи, конситуативны, то есть связаны исключительно с условиями возникшей турбулентности и потребностями ее преодоления.

Риторические риски здесь обусловлены тем фактором, что большинство выявленных ключевых знаков лишены ценностной составляющей и выступают маркерами административно-управленческого дискурса, где традиционно востребованы лексемы *получить, подлежать, имущество, комиссия* и т. п. Происходит нивелирование ценностных доминант за счет активации элементов казенного языка.

Игнорирование адресации

Игнорирование адресации как ведущего способа создания диалогичности текста создает серьезные риски в реализации универсальной риторической задачи по «вербовке союзников» (Е. В. Ключев). В периоды турбулентности адресация становится своеобразным метапоказателем коммуникативно-аксиологических приоритетов власти, от которой люди ждут как активной включенности в происходящее, оперативного реагирования, так и выражения соучастия, сопереживания, сочувствия, что возможно только в режиме диалога.

Так, в тексте интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера (Паслер, 21.04.2024) эксплицитных адресующих риторических средств не обнаружено. Чиновник не использует медиавозможности интервью как инструмента массовой коммуникации, способного взаимодействовать не только с интервьюером, но и с широкой аудиторией. Безусловно, в тексте реализована косвенная адресация, представленная номинациями, образующими контекстуально-обусловленную тематическую группу «Жители Оренбургской области»: *оренбуржцы, орчане, пострадавшие, пострадавшие от паводка, люди, проживающие в пунктах временного размещения* и т. п. Такой путь взаимодействия с населением есть свидетельство выстраивания субъект-объектных отношений вместо продуктивных субъект-субъектных, сокращающих дистанцию между разностатусными коммуникантами.

В транслируемых в 2021 году интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко на телеканале «Россия 1» (программа «Вести»), реализующих

интенцию призыва населения страны к коронавирусному сопротивлению цивилизованными методами, арсенал средств адресации не содержит ожидаемых *вы-*высказываний. Частотным средством косвенной адресации выступает лексема *каждый*, реализующая значение «один из ряда подобных, взятый подряд, без выбора, без пропусков; всякий, любой» [МАС, 1999, с. 13]. Она участвует в формировании высказываний генеритивного типа, обладающих семантикой обобщения и создающих эффект типизации:

...каждый человек индивидуален (Мурашко, 16.07.2021); *Вернуться к своей стабильной работе... об этом, наверное, мечтает каждый...* (Мурашко, 13.12.2021).

Рискоформирующим фактором в данном случае становится то обстоятельство, что отмеченные попытки контактоустановления не частотны, и это не способствует воздействию эффекту текста.

Адресующую роль периодически играют *мы-*высказывания, интересубъектная направленность которых определяется в ситуативном контексте:

....здесь – роль каждого. В том числе пройти вакцинацию, соблюдать правила. Мы должны это сделать, это мы умеем делать (Мурашко, 13.12.2021).

Адресующий эффект в приведенном *мы-*высказывании усиливает субъективная модальность со значением деонтической возможности, связанная с долгом, с требованиями к поведению, в том числе и массовому. «Деонтическая возможность – это возможность действий некоторого агенса, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» [Падучева, 2019, с. 135]. Однако трансляция долженствования часто не приветствуется аудиторией, что формирует определенную рискогенность.

Вуалирование авторизации

Турбулентное время способствует выдвижению коммуникативных лидеров, имеющих устойчивый взгляд на происходящее и демонстрирующих свою активную социальную и/или профессиональную позицию, что требует их нахождения в гуще медиасобытий, их публичного участия в регуляции кризисных процессов. Именно поэтому в дискурсе турбулентного времени особую роль играет авторизация – инструмент выдвижения «Я» говорящего, запускающий механизмы субъективации речи и медийной персонификации. Идентификация

говорящего аудиторией основывается в первую очередь на вербальных эксплицитных показателях эгоцентричности: личных местоимениях 1-го лица и соответствующих глагольных формах, формирующих *я*- и *мы*-высказывания, притяжательных местоимениях 1-го лица, показателях эпистемической модальности.

Конкретно-референтная природа личного местоимения 1-го лица ед. числа наделяет *Я*-высказывания способностью демонстрации непосредственной причастности говорящего к сообщаемому, что, с одной стороны, влечет за собой повышение персональной ответственности за транслируемую информацию, с другой, укрепляет доверие аудитории, что чрезвычайно значимо для периода потрясений.

В тексте интервью М. Мурашко телеканалу «Россия 1» от 16.07.2021 мы не обнаруживаем употребления *я*-высказываний как ядерных средств авторизации и диалогичности в целом, столь ожидаемых аудиторией в нестабильный период. Отсутствие такого значимого для общения эгоцентрика, как личное местоимение 1-го лица единственного числа, подтверждается семантическим анализом, реализованным с помощью онлайн-сервиса Advego⁶⁹. Отметим и непредставленность соответствующих определенно-личных предложений.

Авторизующую функцию в текстах интервью министра здравоохранения выполняют преимущественно *мы*-высказывания, что характерно для политического дискурса в целом, предпочитающего коллективную субъектность:

Каждую неделю видим прирост. Вот сейчас мы видим этот прирост еще в 2 раза; Мы рекомендуем [привакцинироваться] со следующей недели...; Мы единичные видели такие реакции; ...мы вводим иммунобиологический препарат... (Мурашко, 16.07.2021); Мы посещали сейчас Пермский край...; Мы работаем над этим (Мурашко, 13.12.2021).

Зону элокутивных рисков формируют те случаи, в которых декодирование *мы*-высказываний осложняется неясностью референциальной отнесенности самого индексального знака *мы*, размывающей его семантические границы, например:

⁶⁹ URL: <https://advego.com/text/seo/>.

Наиболее высокий рост сегодня **мы видим** – это Алтайский край, **мы видим** – Астраханская область подрастает <...> Вот сейчас **мы видим** этот прирост еще в 2 раза (Мурашко, 16.07.2021); **Мы видим**, что заболеваемость стабилизировалась...; **Мы говорим** о коллективном иммунитете как методе формирования такой общей защиты... (Мурашко, 13.12.2021).

В приведенных примерах определение значения местоимения *мы* требует ментальных усилий реципиента: *мы* – это министр и россияне, тогда реализуется адресующая функция; или *мы* – это министр и подведомственная ему министерская команда, или министр и Правительство РФ, или министр и медицинские работники и т. п., тогда речь идет об авторизации. Очевидно, что референциальная неопределенность личного местоимения 1-го лица множественного числа (особенно в высказываниях с предикативным центром, содержащим глагол восприятия *видеть*) создает проблемы идентификации субъекта действия. Высказывания с неясной референциальной отнесенностью дейктической единицы *мы* затрудняют оперативное реконструирование слушающим образа коллективного субъекта, реализующего некоторую совокупность действий. Кроме того, размытость референциальных границ затрудняет в целом разграничение адресации и авторизации. Указанные обстоятельства усложняют понимание, что обуславливает снижение текстовой эффективности.

Подтверждением того, что ситуации, сопряженные с принятием социально значимых решений, способствуют моделированию образа коллективного политического субъекта, выступают результаты автоматизированного семантического анализа текста интервью губернатора Оренбургской области Д. Паслера Российской газете (Паслер, 21.04.2024) в части выявления эгоцентрических элементов:

- *мы* (в авторизирующей функции): количество – 7, частота – 0,92%;
- *я*: количество – 2, частота – 0,26%;
- *мой*: количество – 1, частота – 0,13%.

Интерпретация результатов свидетельствует о демонстрации включенности в происходящее административной команды, что не умаляет заслуг губернатора, а демонстрирует его умение организовать работу различных структур. Однако

турбулентное время требует от главы области демонстрации не только коллективной, но и персональной ответственности, на которую рассчитывает население пострадавшего региона.

Нарочитость авторизации

Обратной стороной конструирования диалогичности становится увлеченность говорящим авторизованностью. Элокутивные риски может создавать нарочитая демонстрация средств авторизации, чрезмерно фокусирующая внимание адресата на фигуре адресанта. Так, частотность я-высказываний в их разноплановом синтаксическом воплощении, периодическая активация притяжательных местоимений и средств выражения субъективной модальности максимально персонифицируют повествование:

У меня коронавирусом тяжело заболели пожилые родители. Понимая весь размах эпидемии, **обязан сказать** и вот о чём. Удары приходятся по лечащим другие недуги и ими страдающим. Об этом пишут **мне** отовсюду врачи и пациенты. Что-то **приходится решать** в ручном, как говорится, режиме. Например, **звонил** в один чиновно-медицинский кабинет, **выбивал** химиотерапию для незнакомой женщины (Шаргунов, 23.07.2020); **Я** достаточно много, регулярно, часто на сайте «Свободная пресса» **рассказываю** о бедах людей <...> Эта тема и **моих** телепрограмм, и депутатских запросов, и, **разумеется**, колонок на сайте «Свободная пресса». **Я** буквально совсем недавно **добился** больших важных выплат семье, **к сожалению**, погибшего анестезиолога-реаниматолога <...> (Шаргунов, 16.10.2020).

Авторизация позволяет С. Шаргунову как общественному деятелю демонстрировать свою включенность в происходящее, свою активную гражданскую позицию, реализацию депутатской миссии, просто человеческое неравнодушие. Однако гиперавторизованность создает, на наш взгляд, эффект публичной отчетности, что обуславливает имплицитные риски дистанцирования коммуникантов, основанные на противопоставлении социально-статусных ролей: с одной стороны, активный общественный деятель, с другой, пассивный, неспособный защитить свои интересы граждан. Неприятие повышенной авторизованности может объясняться еще и бытующими в национальном сознании представлениями о свойствах отечественного риторического идеала, среди которых традиционно выделяется скромность (о характеристиках русского риторического идеала см. [Михальская, 2019, с. 48–79]). Таким образом, зона элокутивных рисков формируется вследствие нарушения баланса

в использовании способов и средств аксиологизации и диалогизации, что может повлечь за собой уже не риторические, но репутационные риски для субъектов речи как социальных акторов⁷⁰.

Завершая обзор тенденций риторического рискоформирования, мы отмечаем потребность в понятийно-терминологической оформленности явления, связанного с обнаружением у одного текста нескольких рисков, относящихся к разным зонам текстообразования. Трактовка риска как нарушения, некоторого системного сбоя допускает рассмотрение терминологического аппарата медицины и биологии в качестве источника понятийных аналогий и соответствующих номинаций. Тем более что практика экстраполяции медицинской и биологической терминологии на языковые процессы и речевые явления периодически прослеживается в отечественной лингвистике. Например, А. П. Сковородников и Г. А. Копнина в рамках лингвоэкологии вводят понятие языковой травмы как повреждения, нанесенного языку или какой-либо его подсистеме вследствие вредных воздействий или ухудшения среды его обитания. Более того, ученые расширяют терминосистему лингвоэкологии такими понятиями, как лингвоастенизмы, лингвотоксины, лингвоперверсивные явления и т. п. [Сковородников, Копнина, 2017]. Г. Г. Хазагеров в круг таких явлений, как риторика, грамматика и дискурс, вводит понятие гомеостаза как способности открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Свойство гомеостаза исследователь проецирует на научное дискурсивное сообщество и адаптационные проблемы научного дискурса, демонстрируя перспективы сближения риторического и дискурсивного подходов [Хазагеров, 2018].

Выявленные посредством ЛРТ у одного текста разные по своей текстообразующей природе риторические риски позволяют нам ввести

⁷⁰ Материалы параграфа 4.3. частично представлены: Морина, Л. А. Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Морина // Научный диалог. – 2024. – № 13 (4). – С. 132–151.

в исследовательский обиход риторики декодирования понятие коморбидности и адаптировать его к задачам реконструкции текстообразования. В журнале «Клиническая медицина» медики-исследователи, делая обзор подходов к данному понятию, определяют коморбидность как «сосуществование двух и/или более синдромов или заболеваний, патогенетически взаимосвязанных или совпадающих по времени у одного пациента вне зависимости от активности каждого из них...» [Верткин, Румянцев, Скотников, 2012, с. 6]. В Евразийском руководстве для врачей-терапевтов «*коморбидность* определяется как сочетание у одного больного двух или более хронических заболеваний, этиопатогенетически взаимосвязанных между собой или совпадающих по времени появления вне зависимости от активности каждого из них» [Коморбидность пациентов..., 2024, с. 120].

Риторическая коморбидность устанавливается при обнаружении у текста двух и более текстообразующих нарушений или сбоев, относящихся чаще всего к разным зонам риторических рисков, которые в своем синтезе существенно влияют на снижение текстовой эффективности. Иными словами, риторическая коморбидность есть сосуществование в «анамнезе» текста нескольких риторических рисков, как правило, разной этиологии, способных привести текст к его коммуникативной несостоятельности. Использование в понятийном аппарате и метаязыке риторики декодирования данного термина позволяет маркировать те тексты, риторическая неразработанность которых ведет субъекта речи к коммуникативной неудаче или даже провалу и подрывает онтологические основания самого коммуникативного события. Исследование явления риторической коморбидности намечает перспективы развития теории текстообразующей лакунарности, направленной на выявление когнитивных искажений и пустот в модели коммуникативного контекста говорящего.

4.4. Риторическое диагностирование: опыт экспериментального исследования

В модели РДТ заложена возможность проведения верифицирующего этапа исследования, связанного с реализацией эксперимента, направленного на осмысление феномена текстовой эффективности.

4.4.1. Теоретические посылки риторического диагностирования

Исходной установкой РДТ является положение о невозможности объективации и измерения эффективности медиатекста исключительно лингвистическими и/или риторическими методами, так как его результативность, помимо вербального качества, определяется комплексом разнородных факторов: сигналами обратной связи с получателями медиасообщения, местом текста в поисковых системах, охватом аудитории и общим количеством контактов с ней, виральностью, цитируемостью, вовлеченностью, средним временем контакта (просмотра, чтения, прослушивания) и т. п. Требуется подключение технологических возможностей веб-аналитики, телеметрических исследований, техник нейропсихологии и т. п. Тем не менее диагностировать риторичность – посильная задача, тем более что перлокутивно-персуазивная природа медиатекста определяет возможности применения к нему именно лингвориторических подходов и соответствующих аналитических процедур, в том числе и метариторических, выявляющих индикаторы текстовой результативности в массовом сознании.

Под риторичностью мы понимаем совокупность текстовых параметров, которые имеют коммуникативно-когнитивную генетическую обусловленность, отвечают требованиям риторического канона как технологии эффективного текстообразования, прошедшей многовековую речекоммуникативную апробацию, и могут быть подвержены экспериментальной верификации. Риторичность, как уже неоднократно отмечалось, является основанием текстовой эффективности и подлежит диагностированию. Соответственно, в задачи риторики декодирования входит разработка инструментария измерения риторичности.

Риторическое диагностирование – экспериментальная методика, направленная на идентификацию и оценку параметров риторичности текстов (и медиатекстов в частности), позволяющая квалифицировать и прогнозировать их эффективность.

Теоретические основания риторического диагностирования есть следствие базовых положений риторики декодирования (см. Главу II), которые мы обобщим в виде следующих постулатов.

1. Представления о риторичности заложены в самой структуре коммуникативного акта, каждый компонент которого влияет на объем и содержание коммуникативного контекста продуцента, обуславливающего текстообразование.

2. Идея риторичности в результате вторичного прототипирования воплощается в системе параметров риторического текстотипа – когнитивной структуры, моделирующей образ эффективного текста.

3. Диагностирование риторичности предполагает интерпретацию методологического потенциала ЛРТ, ее оптимальную редукцию и содержательную адаптацию к возможностям освоения носителями языка процедур декодирования. Данное положение получает реализацию в структуре и содержании карты риторического диагностирования, специально разработанной для выявления реакций респондентов на сигналы риторичности.

Экспериментальная практика риторического диагностирования призвана доказать следующие **гипотезы**.

1. Эффективность текста в значительной степени обеспечивается воплощением в медиатексте всей системы параметров риторичности, имеющих коммуникативно-когнитивную мотивированность. Отсутствие реакций реципиентов на то или иное текстовое свойство, его нераспознавание способно свидетельствовать о риторических рисках медиатекста, снижающих его воздействующие возможности вследствие текстообразующих тактико-стратегических нарушений, часть которых может иметь манипулятивный характер.

2. Диалогичность текста в системе параметров риторичности поддается однозначному диагностированию реципиентами в связи с устойчивой вербальной экспликацией.

3. Акциональность текста – наиболее сложный параметр диагностирования, требующий контекстуальных знаний и интерпретационных навыков.

4. Результаты риторического диагностирования могут стать основанием для определения индекса риторичности медиатекста.

4.4.2. Описание эксперимента

Цель эксперимента заключается в подтверждении или опровержении выдвинутых гипотез путем обращения к неоднородному текстовому материалу в качестве стимула восприятия.

Риторическое диагностирование как экспериментальная методика РДТ осуществляется поэтапно. **На подготовительном этапе** риторического диагностирования создаются условия для реализации эксперимента: 1) утверждение с опорой на теорию риторики декодирования параметров диагностирования; 2) разработка на сформированной параметрической базе карты риторического диагностирования как операционального инструмента; 3) подготовка корпуса медиатекстов для риторического оценивания испытуемыми. **Основной этап** связан непосредственно с процедурой проведения риторического диагностирования, куда входят: 1) ознакомление испытуемых с картой риторического диагностирования; 2) видеодемонстрация медиатекста либо его фрагмента, обладающего целостностью и относительной содержательно-смысловой завершенностью; 3) оценка риторического качества медиатекста посредством заполнения карты риторического диагностирования. **На заключительном этапе** осуществляются: 1) статистическая обработка результатов диагностирования с помощью функционала программы Microsoft Excel; 2) анализ и интерпретация полученных данных в контексте теоретических положений риторики декодирования; 3) оценка валидности диагностической карты и верифицируемости гипотез эксперимента.

Идея параметризации зарекомендовала себя как продуктивная в моделировании грамматических явлений и процессов [Chomsky, 1986; Jaeggli, Kenneth, 1989], в когнитивной лингвистике [Демьянков, 1996]; в дискурсологии [Булатова, 2011; Кибрик, 2009; Серебренникова, 2013; Якоба, 2020]; в лингвистической экспертизе текста [Бринев, 2020; Катышев, Осадчий, 2018; Осадчий, 2020].

Методика сбора реакций испытуемых отражена в структуре и содержании **карты риторического диагностирования текста**. Она разработана по аналогии с параметрической судебно-лингвистической моделью [Катышев, Осадчий, 2018, с. 26–27; Осадчий, 2020, с. 7–10], переосмысленной с позиции целеустановок риторики декодирования.

Структура предлагаемой нами карты риторического диагностирования включает следующие уровни:

- а) код параметра: *A, B, C, D, E*;
- б) список параметров риторичности: *диалогичность, публичность, аргументированность, актуальность, акциональность*;
- в) качественные характеристики реализации каждого параметра;
- г) количественные характеристики реализации каждого параметра.

Содержание диагностической карты определяется описанием сущности качественных и количественных параметров. Формулировки качественных параметров намеренно примитивизированы для испытуемых, но при этом полностью отражают специфику риторической технологии эффективного текстообразования. Качественная характеристика *диалогичности* как важнейшего свойства текста риторического типа представлена двумя подпараметрами (A_1 и A_2), связанными, во-первых, с авторизацией – с декодированием аудитории сигналов экспликации «Я» говорящего, с опознанием индикаторов субъективации речи, во-вторых, с адресацией – с фиксацией механизмов активации внимания аудитории и реализации в тексте функции диалогизации. Оценивание качества *публичности* осуществляется, как и выше, по двум подпараметрам (B_1 и B_2): во-первых, диагностирование доступности сообщения (речевой, понятийной,

аксиологической); во-вторых, распознавание аудиторией средств выразительности и элементов индивидуального стиля говорящего, обеспечивающих запоминаемость речи. Диагностирование *аргументированности* связано со способностью реципиента к восприятию и пониманию фактуальной информации, к оценке качества рассуждения, обуславливающего воздействующий эффект. Качественная характеристика *актуальности* учитывает возможность обнаружения в тексте значимых для целевой аудитории предмета, темы, проблемы, формирующих концептуальный сценарий текста. Диагностирование *акциональности* сопряжено с декодированием потенциала медиатекста как инструмента осуществления социального действия, с осознанием его способности выступать составным компонентом события реальной действительности.

Количественные характеристики каждого параметра и подпараметра оцениваются по системе двоичного исчисления, апробированной в рамках практики лингвистов-экспертов [Осадчий, 2020, с. 10, с. 22, с. 62–64, с. 97]. Степень проявления каждого свойства измеряется от 0 до 1 [0; 1], где 1 обозначает проявление признака, его реализованность (положительный параметр), 0 – невыраженность признака, его нереализованность (отрицательный).

В основании диагностической карты просматриваются элементы метода последовательных интервалов, или метода выбора, который «заключается в том, что испытуемому предлагается несколько объектов/стимулов, из которых он должен выбрать те, которые соответствуют заданному критерию» [Пищальникова, Хлопова, 2019, с. 45].

Карта риторического диагностирования предлагается испытуемым в виде таблицы, в столбцах и строках которой указаны вышеописанные компоненты (см. таблицу 16, а также Приложение Б). После ознакомления с медиатекстом реципиенты должны диагностировать риторичность медиатекста: в последнем столбце карты они дают оценку реализованности/нереализованности параметра – либо 1, либо 0. Формат таблицы в практике риторического диагностирования

зарекомендовал себя как удобный и для получения реакций испытуемых, и для их последующей статистической обработки.

Таблица 16 – Карта риторического диагностирования текста

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра (соответствующее выделить)
А (А ₁ , А ₂)	Диалогичность	Демонстрация адресантом (говорящим) своего авторского «Я», своего мнения, позиции, отношения	0; 1
		Демонстрация внимания к адресату (слушающему), установление и поддержание с ним контакта	0; 1
В (В ₁ , В ₂)	Публичность	Доступность восприятия информации	0; 1
		Использование средств выразительности, запоминающийся авторский стиль/манера речи	0; 1
С	Аргументированность	Наличие фактов и сведений, способных заинтересовать, убедить и/или переубедить слушателя	0; 1
Д	Актуальность	Обсуждение общественно-значимой темы/предмета, рассмотрение важных для слушателей проблем	0; 1
Е	Акциональность	Способность текста осуществлять действие; функционирование текста в качестве составной части события	0; 1

В качестве комментария к диагностической карте укажем, что предложенный параметрический перечень имеет системный характер, поскольку он мотивирован структурой и содержанием риторического канона и соответствует стратегиям текстообразования, а также рассмотренным выше зонам риторических рисков (см. п. 4.3). Установленные коррелятивные отношения представим в таблице 17.

Таблица 17 – Риторические основания параметрической системы

Наименование параметра	Риторическая стратегия текстообразования и соответствующая зона риторического риска
Диалогичность	Элокутивная
Публичность	Элокутивная
Аргументированность	Диспозитивная, инвентивная
Актуальность	Инвентивная
Акциональность	Инвентивная

Наращивание доказательной базы риторического диагностирования заняло несколько лет, в течение которых реализовано три итерации, связанные со сбором и обработкой экспериментального материала. Каждая итерация характеризуется привлечением разных текстов-стимулов, а также неодинаковым количеством участников. Испытуемыми в разные периоды проведения эксперимента выступили студенты и магистранты различных вузов г. Новосибирска в возрасте от 18 до 25 лет: преимущественно Новосибирского государственного технического университета, а также Новосибирского государственного университета и Новосибирского государственного медицинского университета.

Основной этап проведения эксперимента основан на реализации итерационного подхода, направленного на последовательную проверку выдвинутых гипотез путем поэтапного привлечения нового материала-стимула.

Экспериментальная итерация 1 (конец 2021–2022 гг.). Использованы два стимульных текста, субъекты речи которых имеют разный социально-профессиональный статус – политик и врач. Текст-стимул 1: интервью министра здравоохранения РФ Михаила Мурашко журналистке телеканала «Россия 1» Н. Аскер-Заде от 16.07.2021 «Иммунитет, повторная вакцинация и побочные реакции»⁷¹. Текст представлен участникам диагностирования в видеоформате, длительность – 4 минуты 38 секунд эфирного времени. Текст-стимул 2: интервью главного врача Московской городской клинической больницы № 52, доктора медицинских наук Марьяны Лысенко журналисту и телеведущему В. Познеру (выпуск телевизионной программы «Познер» на Первом канале от 04.10.2021)⁷². Текст также представлен в видеоформате. Общая длительность интервью – 52 минуты; испытуемым предложен для прослушивания автосемантический фрагмент интервью продолжительностью примерно 4 минуты 30 секунд (17:50–22:25), что сопоставимо с условиями восприятия текста 1. В обоих случаях диагностированию подвергалась только речевая партия интервьюируемого.

⁷¹ URL: <https://www.vesti.ru/article/2589136>.

⁷² URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-maryana-lysenko-pozner-vypusk-ot-04-10-2021>.

Основание выбора текстов-стимулов – текущая пандемийная ситуация. Совокупное количество испытуемых – 240 человек: 120 испытуемых диагностировали каждый текст.

Экспериментальная итерация 2 (2023 г.). Текст-стимул 3: выступление выпускника физического факультета Новосибирского государственного университета, музыканта, певца, телеведущего Александра Пушного «Почему я выбрал НГУ?» на YouTube-канале NSU LIFE⁷³. Текст представлен в видеоформате. Длительность звучащего текста – 6 минут 25 секунд. Основание выбора текста-стимула – формирование образовательной мотивации студентов в постковидное время. Количество испытуемых – 70 человек.

Экспериментальная итерация 3 (2024 г.). Текст-стимул 4: интервью антрополога Станислава Дробышевского «Тупик эволюции» YouTube-каналу «Сила тока»⁷⁴. Общая длительность интервью – 1 час 30 минут; участникам эксперимента предложен для прослушивания автосемантический фрагмент продолжительностью примерно 6 минут (1:35–7:40). Основание выбора текста-стимула – медийная популярность антрополога, его просветительская медиаактивность. Количество испытуемых – 50 человек.

После прослушивания каждого из вышеуказанных медиатекстов требовалось выявить реализованность/нереализованность параметров риторичности согласно предложенным качественным индикаторам и заполнить представленную карту риторического диагностирования путем указания количественных показателей степени проявленности признака (либо 1, либо 0). Далее количественные реакции были суммированы по каждому параметру с показателем «0» и с показателем «1»; затем по каждому критерию риторичности определен процент реализованности от общего числа полученных реакций.

Примеры текстов-стимулов, использованных в ходе риторического диагностирования, приведены в Приложении А настоящей работы. Примеры заполненных испытуемыми диагностических карт представлены в Приложении Б.

⁷³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e1FcTAwo5k8>.

⁷⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XcJeercPFs&t=602s>.

Приложение В, состоящее из таблиц 23–26, сгенерированных в программе Microsoft Excel, демонстрирует экспериментальные данные и результаты проведенных статистических расчетов.

4.4.3. Результаты риторического диагностирования

Всего в ходе эксперимента обработано 360 карт риторического диагностирования; получено 2 520 реакций.

Экспериментальная итерация 1, текст-стимул 1

Обработано 120 карт риторического диагностирования; получено 840 реакций.

В тексте интервью министра здравоохранения РФ М. Мурашко телеканалу «Россия 1» от 16.07.2021 *диалогичность* авторизующего характера (A_1) диагностировали 15,8% испытуемых, в то время как 84,2% не обнаружили сигналов авторизации. *Диалогичность* адресующей направленности (A_2) в данном тексте установили 62,5% участников эксперимента; 37,5% указали на нереализованность адресации.

Публичность текста, связанная с диагностированием доступности информации (B_1), отмечена 97,5% испытуемых, соответственно, 2,5% дали отрицательный ответ. *Публичность* как индикатор авторского стиля или манеры речи (B_2) оценили только 6,7% участников эксперимента; при этом 93,3% участников не выявили речестилевой индивидуальности говорящего.

Аргументированность (C) диагностировали 85% респондентов; соответственно, 15% не обнаружили реализованности данного параметра. *Актуальность* текста (D) признали 93,3% испытуемых; 6,7% посчитали текст неактуальным. *Акциональность* текста (E) смогли диагностировать 69,2%, тогда как 30,8% испытуемых дали отрицательную оценку параметра.

Сводные результаты риторического диагностирования текста-стимула 1 отражены в нижеприведенной гистограмме (рисунок 11).

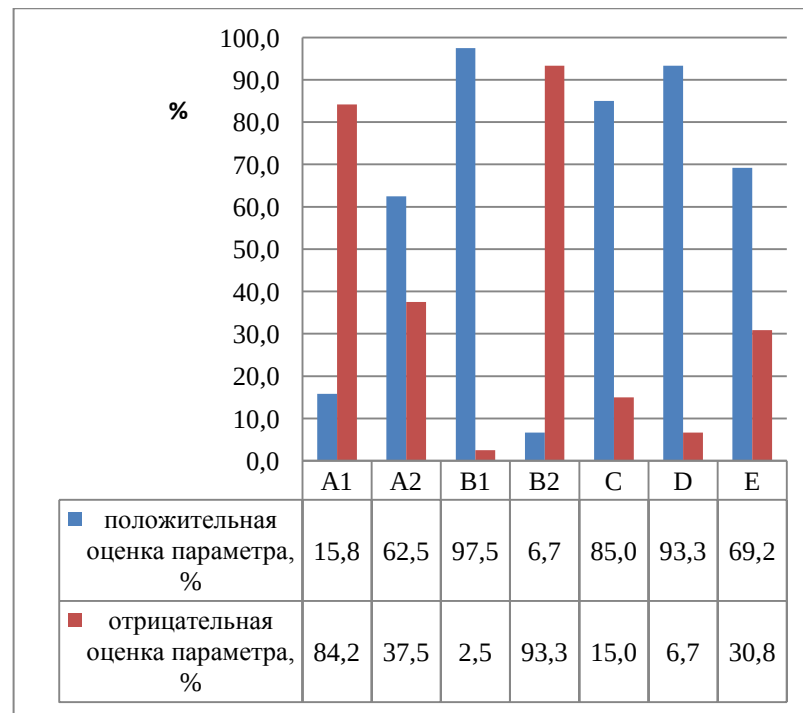

Рисунок 11 – Результаты риторического диагностирования текста-стимула 1

Экспериментальная итерация 1, текст-стимул 2

Обработано 120 карт риторического диагностирования; получено 840 реакций.

В тексте-стимуле, представляющем собой автосемантический фрагмент интервью главного врача МГКБ № 52 г. Москвы М. Лысенко, данного В. Познеру 04.10.2021, *диалогичность* в ее авторизующей функции (A₁) отметили 97,5% участников диагностирования; 2,5% не обнаружили сигналов субъектности. *Диалогичность* в адресующей функции (A₂) установили 91,7% участников эксперимента; 8,3% продемонстрировали отрицательную реакцию.

Публичность в контексте доступности восприятия информации (B₁) положительно оценили 86,7% испытуемых; отрицательно – 13,3%. *Публичность*, ассоциированную с сигналами речевой выразительности, идиостилевыми чертами (B₂), диагностировали 67,5% респондентов; 32,5% дали отрицательную оценку.

Аргументированность (C) отметили 65%; при этом 35% испытуемых указали на нереализованность параметра. *Актуальность* (D) диагностировали 96,7% участников эксперимента; 3,3% отреагировали отрицательно. Мнения испытуемых о текстовой *акциональности* (E) разделились поровну: 50% ее обнаружили, 50% – нет.

Сводные результаты риторического диагностирования текста-стимула 2 отражены в нижеприведенной гистограмме (рисунок 12).

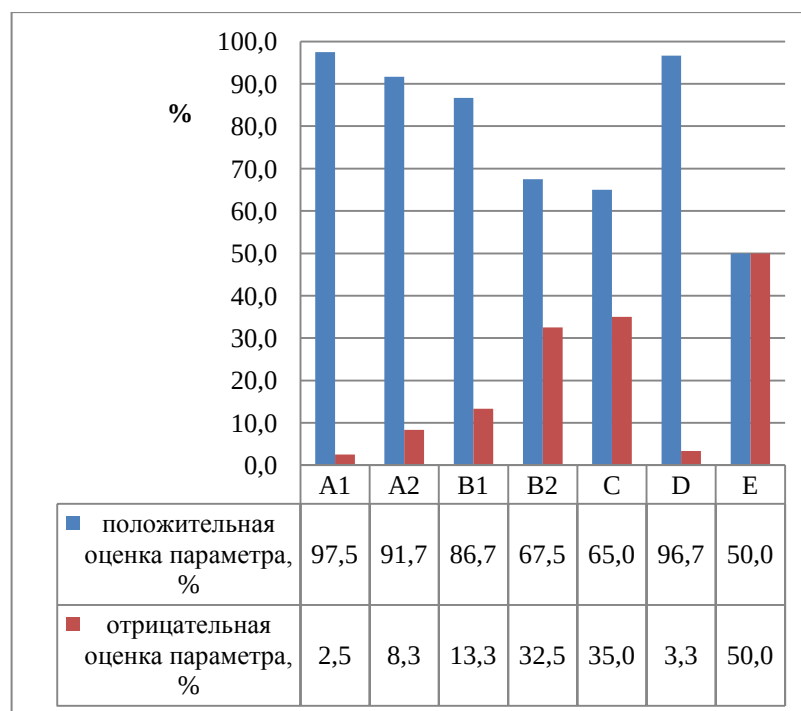

Рисунок 12 – Результаты риторического диагностирования текста-стимула 2

Экспериментальная итерация 2, текст-стимул 3

Обработано 70 карт риторического диагностирования; получено 490 реакций.

В тексте А. Пушного «Почему я выбрал НГУ?», опубликованного на YouTube-канале NSU LIFE, *диалогичность* авторизующей направленности (A_1) диагностировали все участники эксперимента – 100%. *Диалогичность* адресующего характера (A_2) выявили 58,6% испытуемых; 41,4% указали на нереализованность параметра.

Публичность текста, осмысляемую в свете речекоммуникативной доступности (B_1), диагностировали 85,7% испытуемых; в то время как 14,3% не оценили данный признак положительно. *Публичность* как параметр, связанный с речестилевой индивидуальностью говорящего (B_2), отметили 81,4% испытуемых; 18,6% не обнаружили указанной характеристики.

Аргументированность текста (C) оценили положительно 80% испытуемых; соответственно, 20% не обнаружили этот параметр. *Актуальность* текста (D) признали 74,3% испытуемых; 25,7% включенных в эксперимент

квалифицировали текст как неактуальный. *Актуальность* текста (Е) диагностировали 54,3%; при этом 45,7% оценили это текстовое свойство отрицательно.

Сводные результаты риторического диагностирования текста-стимула 3 отражены в нижеприведенной гистограмме (рисунок 13).

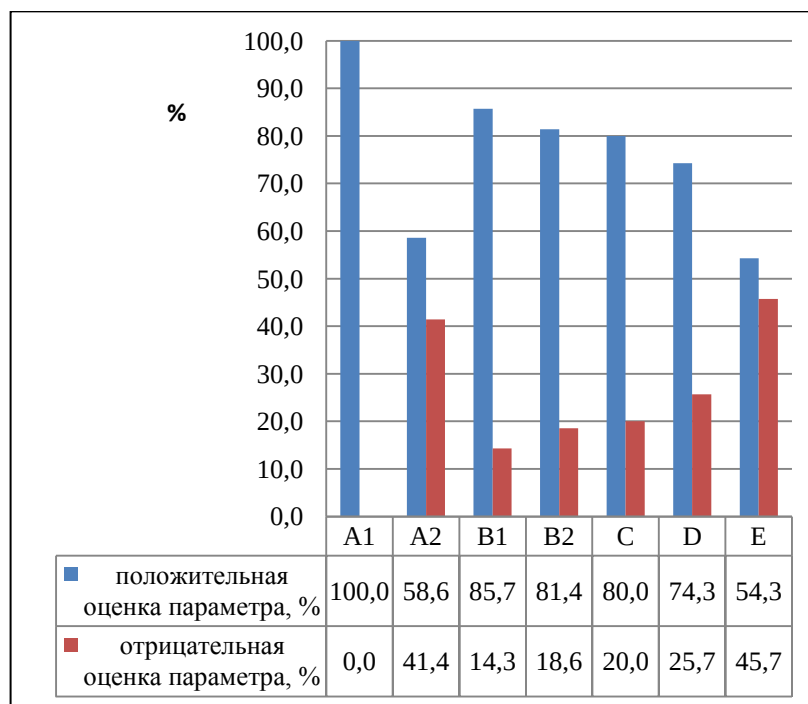

Рисунок 13 – Результаты риторического диагностирования текста-стимула 3

Экспериментальная итерация 3, текст-стимул 4

Обработано 50 карт риторического диагностирования; получено 350 реакций.

В предложенном для диагностирования автосемантическом фрагменте интервью С. Дробышевского «Тупик эволюции», данном YouTube-каналу «Сила тока», *диалогичность* в ее авторизирующей функции (A₁) диагностировали 94% испытуемых; 6% не обнаружили сигналов субъективации речи. *Диалогичность* в адресующей функции (A₂) квалифицировали 60% участников эксперимента; при этом 40% эксплицировали отрицательную реакцию.

Публичность, рассматриваемую в контексте доступности восприятия информации (B₁), оценили положительно 90% испытуемых; отрицательную оценку дали 10%. *Публичность*, ассоциированную с идиостилевыми

маркерами (B₂), диагностировали 76%; в то время как 24% участников дали отрицательную оценку.

Аргументированность (C) отметили 88% испытуемых; 12% указали на отсутствие признака. *Актуальность* (D) диагностировали 92%; соответственно, 8% испытуемых отреагировали отрицательно. *Акциональность* текста (E) определили 58% участников эксперимента; при этом 42% не выявили данный параметр.

Сводные результаты риторического диагностирования текста-стимула 4 отражены в нижеприведенной гистограмме (рисунок 14).

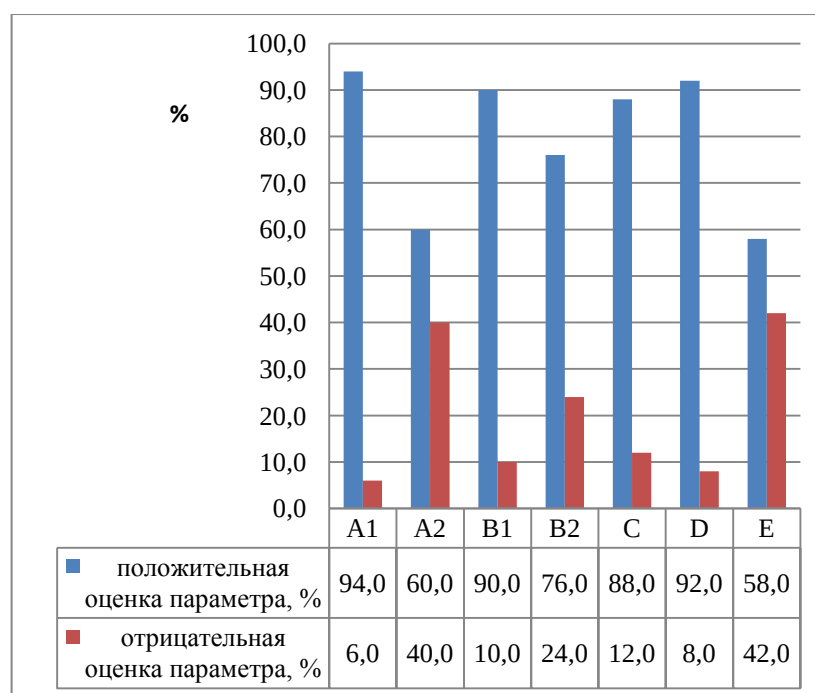

Рисунок 14 – Результаты риторического диагностирования текста-стимула 4

4.4.4. Субметодика интервального шкалирования в интерпретации результатов риторического диагностирования

Итерационный подход позволяет наращивать доказательность выдвинутых гипотез путем непрерывного анализа получаемых результатов, их поэтапной интерпретации и корректировки.

Все экспериментальные итерации направлены на последовательное доказательство состоятельности гипотезы 1, которая строится вокруг понятия риторического риска, градуальная природа которого позволяет применить субметодику интервального шкалирования. Ее назначение состоит в том, чтобы

осуществить анализ результатов риторического диагностирования согласно установленной процентной шкале от 0% до 100% с одинаковым интервалом шкалирования (в 25 порядковых позиций). Предлагаемая шкала демонстрирует степень проявления, или обнаружения, каждого параметра диагностической карты, объективированного в полученных реакциях. Каждый интервал шкалирования от высокой до низкой степени актуализации признака соответствует определенному типу риска.

Источником типологии рисков выступает теория управления рисками, где выделяют следующие области: зону допустимого риска, критического риска, катастрофического риска, а также безрисковую зону [Фирсова, 2012]. По аналогии с зарекомендовавшей себя в аналитической практике типологией предлагаем рассматривать и соответствующие типы риторических рисков. Представим предложенный инструментарий интервального шкалирования в формате таблицы, отражающей корреляции между определенным интервалом шкалы диагностирования, степенью обнаружения параметра и типом риторического риска (см. таблицу 18).

Таблица 18 – Субметодика интервального шкалирования результатов риторического диагностирования

Интервал процентной шкалы	Степень обнаружения параметра	Тип риторического риска	Комментарии
От 100% до 76%	Высокая	–	Безрисковая область
От 75% до 51%	Средняя	Допустимые риски	Снижают качество текста, но не ведут к коммуникативной неудаче, то есть являются приемлемыми
От 50% до 26%	Ниже средней	Критические риски	Коммуникативная неудача
От 25% до 0%	Низкая	Катастрофические риски	Создают угрозу общественной или профессиональной репутации субъекта речи, то есть являются предельными рисками

Важным фактором, учитываемым в ходе анализа, выступает и степень расхождения реакций испытуемых, которая может быть представлена как максимальным разрывом показателей (100% и 0%), так и нулевым (50% и 50%).

В качестве критического разрыва, свидетельствующего об определенных трудностях декодирования сигналов риторичности и требующего интерпретативного объяснения, мы рассматриваем расхождения в полученных показателях эксперимента, составляющие менее 25%.

Экспериментальная итерация 1

Анализ результатов диагностирования текста-стимула 1 (М. Мурашко) согласно предложенной субметодике шкалирования фиксирует неравномерность, скачкообразность актуализации параметров риторичности.

О безрисковой области свидетельствуют реакции испытуемых, связанные с обнаружением сигналов публичности (B_1), аргументированности (С) и актуальности текста (D). Большинство испытуемых (117 (97,7%) из 120 человек) отмечают при оценке публичности доступность транслируемой говорящим информации, что является неременным условием продуктивного функционирования медиаречи. Аргументированность текста получает достаточно высокую оценку испытуемых (85%), что, несомненно, способствует реализации целеполагания говорящего. В условиях ковидного времени актуальность данного текста не вызывает дискуссий. Однако те диагностические карты, которые заполнили в конце 2021 года 35 респондентов пилотной экспериментальной группы, продемонстрировали абсолютную актуальность текста (100%) [Морина, 2022, с. 58]. Поскольку сбор реакций осуществлялся пролонгировано со второй половины 2021 года по 2022 год включительно, итоговые показатели актуальности снизились (93,3%), что свидетельствует о рутинизации ковидной проблематики с течением времени.

Область допустимых рисков со средней степенью проявления признака формируют реакции, диагностирующие диалогичность в адресующей функции (A_2) и акциональность (Е). Оценка адресации оказывается на грани установленного критического расхождения показателей (25%): 75 испытуемых ее диагностируют (62,5%), а 45 человек ее не обнаруживают (37,5%). Отметим, что пилотный эксперимент 2021 года показал всего лишь 14,3% расхождений в оценках испытуемых: 20 человек дали положительный ответ,

а 15 продемонстрировали нулевую параметрическую реакцию [Морина, 2022, с. 57–58]. И в рамках пилотного эксперимента, и при итоговой экспериментальной итерации, охватившей уже не 35, а 120 человек, просматривается, так или иначе, тенденция к паритетности параметрического оценивания. Данное обстоятельство мы объясняем трудностями, возникающими у реципиентов при декодировании *мы*-высказываний, семантическая специфика которых характеризуется неясностью референциальной отнесенности местоимения *мы*, способного выступать как в авторизирующей, так и адресующей функциях. Что касается акциональности, то она оказывается в сфере допустимых рисков с показателем 69,2%: 83 респондента осознают перформативные возможности текста, а 37 испытуемых – нет.

Попадание того или иного параметра в область катастрофических рисков может стать катализатором глобальной коммуникативной неудачи, подрывающей не только речевой имидж, но и профессиональную или общественную репутацию говорящего. В тексте-стимуле 1 таким рискоформирующим фактором выступает нереализованная авторизация (A_1), столь ожидаемая аудиторией в турбулентное время: 101 (84,2%) из 120 испытуемых не обнаружили признаков субъектности, не выявили сигналов персонификации. Другим фактором, создающим угрозу текстовой эффективности, становится отсутствие речестилевой индивидуализации, коммуникативно-речевой узнаваемости говорящего в обширном поле массмедийной практики. О низкой степени активации критерия публичности, обеспечивающего речевую идентификацию говорящего (B_2), свидетельствуют выявленные показатели: 112 (93,3%) из 120 испытуемых дают отрицательную оценку. Описанные параметры логически взаимосвязаны: средства авторской репрезентации индивидуализируют сообщение, способствуют его субъективации, участвуют в формировании речевой манеры говорящего, шире – его индивидуального стиля. Нераспознавание испытуемыми авторизации и необнаружение примет речевой индивидуальности обусловлены выбранной политиком коммуникативной стратегией жанровой трансформации, нацеленной

на замещение речевого жанра интервью официальной инструкцией, что обезличивает текст и не способствует оригинальности мыслевыражения.

Выявленные экспериментально риски подтверждаются результатами ЛРТ, определяющей пути снижения текстовой эффективности (см. выше п. 4.3).

Анализ результатов диагностирования текста-стимула 2 (М. Лысенко) выявляет устойчивую параметрическую активацию. Мониторинг эффективности определяет здесь высокую (A_1, A_2, B_1, D) и среднюю (B_2, C, E) степени проявления параметров риторичности.

О безрисковой области свидетельствуют реакции испытуемых на сигналы диалогичности как в авторизующей (97,5%), так и адресующей (91,7%) функциях, а также ответы, подтверждающие доступность воспринимаемой информации (86,7%). Высокую положительную оценку получила актуальность текста (96,7%), что говорит о признании авторитета главного врача в условиях поиска экспертного мнения, значимого в ситуациях неопределенности и неустойчивости.

Допустимые риски связаны с параметрами речестилевой индивидуальности, речевой выразительности (67,5%) и аргументированности (65%). Безусловно, по небольшому фрагменту сформировать устойчивый речевой образ говорящего сложно, тем более что М. Лысенко нельзя назвать узнаваемой медийной личностью. Тем не менее речь гостя В. Познера характеризуется ясностью и доступностью, чему нередко способствует использование риторического приема аналогии, выраженной авторизацией, а также адресацией, периодически сопряженной с приемом имитации диалога (например, с условным совокупным антиваксером), что и позволило большей части испытуемых положительно оценить критерий публичности. Предполагаем, что высокой оценке речевой выразительности не способствуют встречающиеся в речи М. Лысенко буквальные лексические повторы, дискурсивные слова типа *да, да вот, ну вот* и т. п., частотность неопределенных местоименных слов, избыточность индексальных знаков, а также иногда фиксируемые неточности словоупотребления, как например:

Я очень люблю «Записки юного врача» Булгакова – у нас прямо «Тьма египетская». Есть там такой рассказ во всей этой истории, да вот, который отражает, как писали когда-то в сопроводительных и вступительных документах, да, отражает «необразованность крестьян того времени». Ну вот у меня ощущение, что мы как-то в этом смысле перешли в ту историю, да, и готовы абсолютно некорректно воспринимать информацию ради какой-то позы. Я не могу понять, чем это объяснено... (Лысенко, 04.10.2021).

Оценка аргументированности испытуемыми требует комментирования. Так, М. Лысенко в своей речевой партии постоянно демонстрирует экспертную рефлексию, прибегая к такому функционально-смысловому типу речи, как рассуждение со стандартной логической основой в виде доказательства. В предложенном испытуемым тексте-стимуле обращают на себя внимание эмпирические аргументы, апеллирующие к личному опыту говорящего и призванные тем самым развенчать идеологию антиваксерства:

Очень многие молодые люди сейчас за ЗОЖ (подтезис). Это стало модным и популярным (оценочное суждение). У меня девятинадцатилетний сын. Он сейчас борется за правильное питание, за то, чтобы заниматься спортом, и т. д., и т. д. (аргумент 1), его окружение так же (аргумент 2). И я вижу в этом окружении точно такое же восприятие вакцинации. У меня такое ощущение, что у нас что-то случилось с восприятием... (вывод) (Там же).

Аргументационная триада дает логический сбой в ее последней части – выводе, уводящем авторское умозаключение в другую предметно-проблемную область. Соответственно, логические сбои в финале умозаключения являются рискоформирующими факторами.

Выделим и результаты диагностирования акциональности, которые демонстрируют абсолютную паритетность мнений испытуемых – минимум расхождения реакций (50% на 50%). Равнозначность оценок акциональности приводит нас к мысли о сложности ментальной объективации данного критерия, связанного с перлокутивно-персуазивной природой медиатекста.

Проблемно-тематическая общность, массмедийный характер, хронологическая близость, одинаковое количество привлеченных участников эксперимента, статусность субъектов речи позволяют нам осуществить сопоставление текстов-стимулов 1 и 2 (см. таблицу 19 и рисунок 15).

Таблица 19 – Сопоставление результатов риторического диагностирования текста-стимула 1 и текста-стимула 2

Код параметра риторичности	Наименование параметра	Положительные реакции на тексты-стимулы	
		Текст-стимул 1 (М. Мурашко)	Текст-стимул 2 (М. Лысенко)
A ₁	Диалогичность (авторизация)	15,8%	97,5%
A ₂	Диалогичность (адресация)	62,5%	91,7%
B ₁	Публичность (доступность)	97,5%	86,7%
B ₂	Публичность (речевое своеобразие)	6,7%	67,5%
C	Аргументированность	85%	65%
D	Актуальность	93,3%	96,7%
E	Акциональность	69,2%	50%

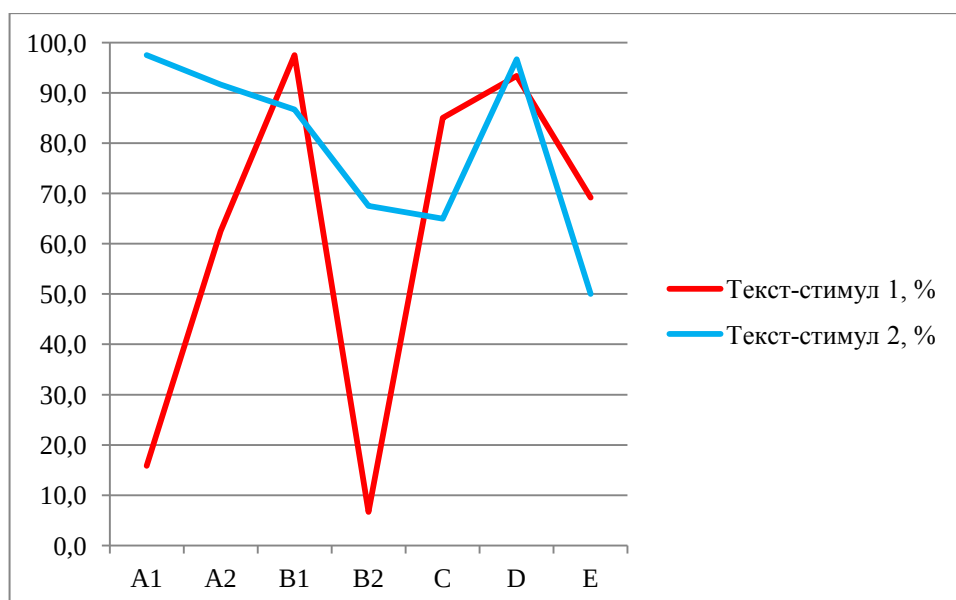

Рисунок 15 – Параметрические кривые текста-стимула 1 и текста-стимула 2

Амплитуды, фиксирующие максимальный разброс значений двух параметров, свидетельствуют о риторической коморбидности текста 1.

Экспериментальная итерация 2

Анализ результатов диагностирования текста-стимула 3 (А. Пушкин) призван подтвердить или опровергнуть гипотезу 2, связанную со спецификой обнаружения сигналов диалогичности, а также гипотезу 3, определяющую акциональность в качестве параметра, требующего контекстуальных знаний декодирующего. Кроме того, данный экспериментальный этап продолжает

верифицировать гипотезу 1, связанную с доказательством значимости системы параметров риторичности для текстовой эффективности.

Диагностирование диалогичности в авторизирующей функции (A_1) демонстрирует абсолютную эффективность: все 70 испытуемых (100%) отметили воплощение параметра. Автобиографический нарратив А. Пушного, повествующий о его учебе в НГУ и полученных возможностях, выполняет PR-функцию и пронизан авторизацией:

<...> Я не представлял, что я буду учиться где-то на гуманитарных предметах <...> Я в Институте ядерной физики занимался ускорителем. Мой диплом как раз и был о том, где я методом конечных элементов рассчитывал поперечный импеданс пучка, импеданс – это сопротивление <...> В аспирантуру я поступил и проучился там год. В трудовой написано, что я отчислен из аспирантуры с правом на восстановление. Я уже понимаю, что я никогда не восстановлюсь в аспирантуре, но у меня всё равно это право ещё есть, и поэтому сорокасемилетнего дядю ещё греют эти мысли. Я, наверное, не был создан для технической работы в чистом виде, но вот сочетание как бы лирики и физики во мне без физики, без физики бы не дало такого результата, который есть сейчас у меня <...> (Пушной, 20.03.2023).

В свою очередь оценка адресующего потенциала текста (A_2) не отличается единодушием: 41 человек (58,6%) диагностировали адресованность, а 29 испытуемых (41,4%) ее не обнаружили. Эти показатели попадают в область допустимых рисков. Однако достаточно низкая степень расхождения показателей (17,2%) допускает возможность попадания адресации в область критических рисков при увеличении количества респондентов.

С целью верификации подобной оценки выявим средства адресации, реализованные в исследуемом тексте. Адресующий компонент текста А. Пушного открывает речевой акт пожелания, за которым следуют обеспечивающие диалогичность *вы*-высказывания, включающие и побудительные конструкции:

Я желаю студентам, вот как я, то есть попробовать всё, и, наверное, сейчас это самое важное в жизни – не останавливаться и пробовать, пробовать, пробовать (речевой акт пожелания). Не факт, что вы, поступив на физфак или, например, занимаясь квантами, будете следующим Эйнштейном. Но поверьте, вам очень много даст университет, вы даже этого ещё не осознаёте, вы потом это поймёте, лет через десять, как это понял я. Когда я учился в аспирантуре, была мысль: что я тут делал шесть лет, зачем мне это всё надо? А потом я понял, что без университета бы не случилось того, что случилось сегодня. Поэтому радуйтесь, что вы поступили и, конечно, не бросайте и получите хотя бы диплом магистра, как я, а уж если вы закончите аспирантуру и защитите кандидатскую – ну тогда вы вообще звёзды (Пушной, 20.03.2023).

Направленность текста на абитуриентов и студентов очевидна. Однако эгоцентричность текста вуалирует адресованность, чему способствуют эго-сравнения, включенные в структуру *вы*-высказываний. Данный текст выступает наглядной иллюстрацией мысли И. А. Мельчука: «Естественный язык очень “эгоцентричен” – в том смысле, что большое количество языковых знаков особым образом кодируют точку зрения “я” (т. е. Говорящего – того, кто произносит рассматриваемый текст в данном речевом акте); точка зрения адресата языком не кодируется практически никогда. Эта эгоцентричность проявляется самыми разнообразными способами и в словаре, и в грамматике» [Мельчук, 2012, с. 23]. Экстраполируя это положение на текст, использующий естественный язык в качестве инструмента своей объективации, мы делаем заключение о том, что текстообразование «перенимает» свойство языковой эгоцентричности. Реакции испытуемых на индикаторы диалогичности приводят к заключению о том, что сигналы авторизации декодируются однозначно, в то время как идентификация адресации дискуссионна (см. рисунки 16 и 17).

Рисунок 16 – Результат диагностирования диалогичности в авторизующей функции в тексте-стимуле 3

Рисунок 17 – Результаты диагностирования диалогичности в адресующей функции в тексте-стимуле 3

Высокая степень авторизованности текста обуславливает оценку идиостилевого своеобразия говорящего (B_2), составившую 81,4% и свидетельствующую тем самым о безрисковой области. Об отсутствии риторических рисков говорят и реакции испытуемых на параметры доступности информации (B_1) и аргументированности (C): 85,7% и 80%.

Оценка актуальности текста (D) попадает в зону допустимых рисков и составляет 74,3%. Ожидаемый нами более высокий процент положительных реакций оказывается немного сниженным. Мы объясняем это обстоятельство тем, что участники эксперимента уже являются студентами и выбор образовательного пути ими сделан. Однако очерченная А. Пушным собственная образовательная траектория от школы до аспирантуры, способствующая успешности карьеры медиаперсоны, не позволяет оценке актуальности низко опуститься даже в пределах области допустимых рисков.

Диагностирование акциональности (E) оказывается на границе допустимых и критических рисков: 38 испытуемых определяют данное текстовое свойство (54,3%), а 32 респондента его не обнаруживают (45,7%). Здесь выявляется низкая степень расхождения показателей (8,6%), допускающая при увеличении количества испытуемых возможность вхождения акциональности в область критических рисков (см. рисунок 18).

Рисунок 18 – Результаты диагностирования акциональности в тексте-стимуле 3

Экспериментальная итерация 3

Анализ результатов диагностирования текста-стимула 4 (С. Дробышевский) призван расширить доказательную базу гипотез 1, 2 и 3 и обеспечить верификацию экспериментальной итерации 2.

Текст С. Дробышевского, представляющий собой мини-лекцию о специфике, видах естественного отбора и его регуляции, демонстрирует единогласие респондентов, проявляющееся во включении в безрисковую зону следующих параметров (A_1 , B_1 , B_2 , C , D): диалогичность в авторизирующей функции (94%); публичность, ассоциированная и с доступностью информации (90%), и с речевой выразительностью и речевым своеобразием (76%); аргументированность (88%); актуальность (92%). Отметим высокую оценку актуальности как знак того, что проблемы эволюционного развития человечества волнуют молодежь и формируют определенное поле ее интеллектуальных интересов, соотносимых с процессами и явлениями современности.

То обстоятельство, что среди приведенных оценок наименьший процент реакций набирает идиостилевая специфика текста, вызывает вопрос, поскольку речевой имидж С. Дробышевского достаточно узнаваем и основан на умении популяризатора сочетать элементы научного стиля и просторечия, что обычно вызывает симпатию молодой аудитории. Мы полагаем, что неординарность публичной речи антрополога была недооценена испытуемыми вследствие необходимости говорящего прибегнуть к научному определению некоторых

базовых понятий, например, естественного отбора, а также к ряду развернутых объяснений, которые направлены на активацию у слушателей навыков установления причинно-следственных связей, требующих ментальных усилий, выводящих пассивного слушателя из состояния комфорта: *Естественный отбор – это изменение частот генотипов в следующем поколении по сравнению с предыдущим <...> мутации случаются, рекомбинации происходят...* (Дробышевский, 30.05.2023).

Однако вводя уже следующее определение, конкретизирующее базовое, говорящий не изменяет своему популяризаторскому принципу комбинаторики научного и обыденного: *Стабилизирующий отбор – шаг вправо-влево, и человек просто помирал...* (Там же).

Область допустимых рисков сформирована реакциями испытуемых на такие параметры (A_2 , E), как диалогичность в адресующей функции – 60% (рисунок 19) и акциональность – 58% (рисунок 20).

Нестабильность распознавания адресации в тексте С. Дробышевского (30 человек ее обнаруживают, а 20 – нет) заставляет нас прибегнуть к аналитическим процедурам ЛРТ, которые выявляют устойчивую адресованность:

У нас было некоторое поколение, у него были свои генетические варианты <...> Оттого, что мы немножко вышли из-под давления факторов среды (климата, хищников, паразитов), у нас не отбор замедлился, а наоборот, пошло всё во все стороны <...> У нас пошел дестабилизирующий отбор... (Там же).

Но адресованность здесь особого характера: *мы*-высказывания, частотные в речи популяризатора науки, имеют не конкретную множественную, но обобщающую семантику; здесь референтом *мы* является не говорящий и научное сообщество или говорящий и его массмедийная аудитория, а человечество в его эволюционном рассмотрении. Такая референциальная специфика требует слушателя, готового к абстрагированию, способного мыслить дедуктивно, умеющего моделировать родо-видовые отношения и декодировать их в практике коммуникации.

Рисунок 19 – Результаты диагностирования диалогичности в адресующей функции в тексте-стимуле 4

Для верификации гипотезы 2 обобщим результаты всех трех итераций, касающиеся оценки параметра диалогичности в адресующей функции (см. таблицу 20).

Таблица 20 – Сопоставление данных о диалогичности в функции адресации (A₂)

Реакции испытуемых	Текст-стимул 1	Текст-стимул 2	Текст-стимул 3	Текст-стимул 4
+	62,5%	91,7%	58,6%	60,0%
—	37,5%	8,3%	41,4%	40,0%

Остановимся на полученных оценках акциональности, вызывающих очевидную дискуссионность (см. рисунок 20):

Рисунок 20 – Результаты диагностирования акциональности в тексте-стимуле 4

Как и в предыдущих итерациях, отмечается низкая степень рассогласования реакций (< 25%), свидетельствующая о непростом оценочном выборе

испытуемых. Для верификации гипотезы 3 представим обобщающие наблюдения в таблице 21:

Таблица 21 – Сопоставление данных о диагностировании акциональности (Е)

Реакции испытуемых	Текст-стимул 1	Текст-стимул 2	Текст-стимул 3	Текст-стимул 4
+	69,2%	50,0%	54,3%	58,0%
—	30,8%	50,0%	45,7%	42,0%

Сопоставление положительных реакций по всем экспериментальным итерациям показывает, что акциональность ни разу не попала в безрисковую область. Более того, при увеличении количества испытуемых наблюдается снижение положительных оценок данного параметра и просматривается возможность его перехода из области допустимых рисков в сферу критических, грозящих коммуникативной неудачей. Отметим и то обстоятельство, что текст-стимул 1, где субъектом речи является министр здравоохранения, демонстрирует самый высокий процент акциональности. Предполагаем, что испытуемые связывают реализацию данного текстового свойства со статусом говорящего, обладающего возможностями влиять в той или иной степени на происходящее.

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что диагностирование акциональности – непростая ментальная задача, требующая, во-первых, однозначного понимания самой сущности данного параметра как способности текста выступать составной частью реальности, вписываться в актуальные коммуникативные ситуации, имеющие общественную значимость и/или медийный резонанс. Во-вторых, диагностика данного параметра связана не с оперативным считыванием вербальных сигналов, а с интерпретацией. Корректное диагностирование акциональности зависит от знаний разных типов контекстов (коммуникативного, культурного, политического и т. п.), понимания функционального назначения медиатекста, его места и роли в моделировании актуальных коммуникативных событий. Иначе говоря, акциональность текста оказывается наиболее сложным параметром диагностирования, а осознание

перлокутивно-персуазивного потенциала текста требует достаточно подготовленного респондента.

4.4.5. Индекс риторичности

Предлагая такой верифицирующий для аналитических и экспериментальных процедур риторики декодирования показатель, как индекс риторичности, мы в первую очередь переосмысливаем имеющийся в лингвистике опыт анализа эффективности рекламного текста, который рассматривается в качестве разновидности медиатекста. Так, Л. В. Ухова предлагает исчислять индекс эффективности рекламного текста путем его оценки как экспертами, так и потребителями. Выдвигаются оцениваемые текстовые параметры, которым эксперты присваивают коэффициенты значимости (K_z). Далее осуществляется расчет коэффициента качества по формуле: $K_k = \frac{B_i * K_{zi}}{B_{\text{общ}}}$, где B_i – балльная оценка уровня i -го параметра, K_{zi} – коэффициент значимости i -го параметра, $B_{\text{общ}}$ – общая сумма баллов, определяемая как произведение максимального уровня балльной оценки на общее количество анализируемых параметров. Среднее арифметическое суммы коэффициентов экспертной и потребительской оценок определяет индекс эффективности рекламного текста [Ухова, 2013, с. 39–43].

Для обоснования субметодики расчета индекса риторичности могут иметь значимость такие составляющие индексации, как средняя балльная оценка каждого параметра и общая сумма баллов как максимально возможная в ходе диагностирования. При этом коэффициент значимости параметра для риторического диагностирования оказывается нерелевантной позицией, поскольку все приведенные параметры оценки с точки зрения риторической идеологии имеют одинаковый вес в текстообразовании.

Индекс риторичности текста – это показатель степени распознавания реципиентом параметров риторичности текста, обуславливающих его эффективность.

Процедура расчета индекса риторичности состоит из трех этапов: 1) определить среднее арифметическое каждого параметра, заданного в карте

риторического диагностирования; 2) вычислить среднюю совокупную параметрическую оценку текста путем суммирования полученных средних арифметических каждого параметра; 3) полученный результат разделить на максимальный балл, который есть произведение высшей параметрической оценки (в данной методике это 1) на общее количество оцениваемых параметров, которых согласно карте риторического диагностирования 7.

Соответственно, формула вычисления индекса риторичности ($I_{\text{рит}}$) может быть представлена следующим образом:

$$I_{\text{рит}} = \frac{\sum_{i=1}^n \bar{x}_i}{B_{\text{макс}}},$$

где $\bar{x}_i$ – среднее арифметическое значение i -го параметра, n – количество параметров диагностирования (в данном случае от 1 до 7), $B_{\text{макс}}$ – максимальная сумма баллов риторического диагностирования текста.

Представим результаты вычисления индекса риторичности, произведенные с помощью функционала программы Microsoft Excel (см. таблицу 22):

Таблица 22 – Индексы риторичности текстов-стимулов

Текст-стимул	Индекс риторичности
Текст-стимул 1	0,62
Текст-стимул 2	0,78
Текст-стимул 3	0,76
Текст-стимул 4	0,80

Исчисленные индексы риторичности есть квинтэссенция результатов риторического диагностирования. Очевидно, что самый низкий индекс имеет текст, два параметра которого попадают в зону катастрофических рисков, что демонстрирует риторическую коморбидность, а остальные пять с высокой и средней степенями проявления признака позволяют ему существовать в медийном поле на грани приемлемости и коммуникативной неудачи.

Индекс риторичности – динамический показатель, который не может быть константой и жестко заданным нормативом текстовой эффективности в силу множества факторов – от полной утраты медиатекстом актуальности до изменения качественного состава испытуемых. Его функциональное назначение заключается в возможности фиксировать определенные срезы

коммуникативной реальности путем объективации представлений носителей языка о качестве текста и мнений о его воздействующем потенциале.

Полученные индексы риторичности можно назвать пользовательскими, не экспертными, поскольку они рассчитаны на основании реакций массовой однотипной аудитории, хотя и не лишенной некоторых риторических знаний. Считаем, что такой подход оправдан, поскольку именно на восприятие, понимание и оценку медиатекста массовым сознанием и призвана ориентироваться практика медийного текстопроизводства.

Выводы

Настоящая глава демонстрирует возможности участия риторики декодирования в формировании общей теории текстовой эффективности как актуальной задачи, стоящей перед широким кругом исследователей текстуальности и специалистами-практиками, продуцирующими и оценивающими тексты как составляющие различных профессионально-коммуникативных практик. Риторика декодирования предлагает два операциональных инструмента измерения эффективности текста – лингвориторическую реконструкцию как аналитическую процедуру и риторическое диагностирование в качестве экспериментальной методики.

Представлены методологические вариации ЛРТ для решения моноаспектных исследовательских задач, а именно для определения персуазивного потенциала аргументации в практике имагологического моделирования, а также для выявления элокутивной специфики научно-популярной речи. С целью осмысления феномена текстовой эффективности мы осуществили ЛРТ на материале тех медиатекстов, авторы которых приобрели высокую медийную популярность и являются активными профессиональными коммуникаторами.

На материале текста интервью Евгения Колесова (Колесов, 2018), популярного блогера и телеведущего, представлявшего несколько лет на ведущем федеральном телеканале современный Китай массовой аудитории, в результате

реконструкции аргументации выявлены два направления в формировании образа страны – рациональное и эмоциональное. Первое основано на эксплуатации универсальных эмпирических аргументов, а также контекстуальных аргументов, апеллирующих к основополагающим для китайской картины мира ценностям, таким как традиция и авторитет. Второе связано с актуализацией оценочных аргументов, претендующих на статус универсальных в силу массового признания телеведущего экспертом по Китаю. Кроме того, эффективность имагологической практики обеспечивается разнообразием используемых говорящим структур аргументации.

Другим материалом, попавшим в фокус ЛРТ, стал текст интервью Станислава Дробышевского (Дробышевский, 25.10.2022), чрезвычайно востребованного сегодня в медиа палеоантрополога, активно формирующего российский научно-популярный дискурс. Результаты ЛРТ демонстрируют широкий арсенал способов и средств реализации элокутивной стратегии текстообразования, которые обеспечивают идиостилевую узнаваемость говорящего и в конечном счете его коммуникативную успешность. К таковым относятся речевые, в том числе риторические, триггеры, используемые популяризатором для активации массового интереса к проблемам эволюции и научного понимания мира в целом. Установлено, что результативность массмедийной практики ученого создается и за счет демонстрации диалогичности, в первую очередь особой адресации, которая характеризуется не стандартной обращенностью к массовой аудитории, а ее вовлечением в диалог с прошлым, в ретроспективу человеческой эволюции.

Результаты получивших массовое признание медийных практик демонстрируют валидность ЛРТ в выявлении механизмов эффективного текстообразования как стимула метапонимания.

Значимым компонентом риторики декодирования становится разработанная нами субтеория риторических рисков, получившая апробацию на материале текстов политического дискурса турбулентных периодов. Предложено понятие риторического риска, понимаемого в качестве опасности снижения текстовой

эффективности, которая возникает вследствие несоблюдения технологий риторического текстообразования и создает тем самым угрозу реализации авторского коммуникативно-речевого замысла. В соответствии с концептуальной логикой и методологическими принципами риторики декодирования выделены зоны риторических рисков – инвентивная, диспозитивная, элокутивная. Описаны индикаторы, сигнализирующие о каждой зоне риска. Инвентивные риски в исследуемых текстах формируются за счет неопределенности практической цели говорящего, ортодоксального характера тезиса или его имплицитности. Индикаторами диспозитивной зоны рисков выступают: однотипность аргументации, в том числе перенасыщение текста статистикой, подмена аргументов гипотетическими утверждениями, частотность связанных рассуждений, актуализирующих сочинительную структуру аргументации. Об элокутивной зоне риска свидетельствуют такие явления, как нивелирование аксиологизации, игнорирование адресации, вуалирование авторизации либо, напротив, ее нарочитость.

В рамках субтеории риторических рисков введено понятие риторической коморбидности как сосуществования в «анамнезе» текста двух и более риторических рисков, как правило, разной этиологии, приводящих текст к его коммуникативной несостоятельности.

Предложенный в модели риторического декодирования верифицирующий этап получает свою реализацию в экспериментальной методике риторического диагностирования текста, направленной на идентификацию параметров риторичности, результаты которой создают условия для оценки и прогнозирования эффективности/неэффективности текста. Важнейшей теоретической посылкой риторического диагностирования становится актуализация понятия риторичности как основания текстовой эффективности и обоснования возможности ее измерения экспериментальным путем.

Реализация эксперимента стала следствием выдвижения его цели и четырех гипотез. Описаны подготовительный, основной и заключительный этапы риторического диагностирования. Идея параметризации текста, проходящая

красной нитью через настоящее исследование, получает реализацию в структуре и содержании карты риторического диагностирования. Моделирование данной карты и ее оценочные процедуры опираются на авторитетный опыт специалистов в области лингвистической экспертизы текста. Диагностическая карта является инструментом сбора экспериментальных данных, ее валидность проверена экспериментальными итерациями начиная с 2021 года. В процессе нашего эксперимента обработано 360 карт риторического диагностирования; получено 2 520 реакций.

Подробно описаны три экспериментальные итерации, направленные на доказательство выдвинутых гипотез на разном текстовом материале. В качестве стимулов, предложенных испытуемым, выступили тексты таких медиаперсон, как М. Мурашко (министр здравоохранения РФ), М. Лысенко (главный врач ГKB № 52 г. Москвы), А. Пушной (музыкант, телеведущий, бывший физик, выпускник НГУ), С. Дробышевский (палеоантрополог, доцент МГУ, популяризатор науки).

Для интерпретации результатов эксперимента разработана субметодика, предлагающая интервальную процентную шкалу (от 0% до 25%; от 26% до 50%; от 51% до 75%; от 76% до 100%), где каждый интервал шкалы коррелирует со степенью обнаружения испытуемыми параметров риторичности (низкая; ниже средней; средняя; высокая), а также с соответствующей областью риска (катастрофическая; критическая; допустимая; без риска). Субметодика интервального шкалирования зарекомендовала себя в качестве оптимального инструментария, позволяющего устанавливать соответствия между количественными и качественными показателями эксперимента. Кроме того, при анализе данных учитывался критерий, связанный со степенью расхождения реакций испытуемых (максимальный разрыв – нулевой).

В результате всех трех экспериментальных итераций доказана гипотеза 1: установлена взаимосвязь между эффективностью текста и обнаружением у него всех искомых компонентов риторической параметризации. При этом определено, что степень распознавания реципиентами того или иного текстового свойства

во избежание коммуникативных неудач не должна опускаться ниже среднего уровня, то есть области допустимых рисков.

Гипотеза 2, выдвигающая предположение об однозначном диагностировании диалогичности, в ходе экспериментальных итераций 2 и 3 не подтверждена в силу выявленного при диагностировании адресации критически низкого показателя расхождения реакций ($< 25\%$), что указывает на набирающую силу тенденцию к паритетности мнений респондентов «за» и «против», на дискуссионный характер интерпретации этого параметра.

Гипотеза 3, рассматривающая акциональность как наиболее сложный параметр диагностирования, требующий контекстуальной эрудированности реципиента, подтверждена результатами всех экспериментальных итераций.

В ходе интерпретации результатов эксперимента для разрешения противоречивых ситуаций декодирования применялся прием встречной проверки, связанный с проведением аналитических процедур из арсенала ЛРТ. Посредством анализа текста были объяснены причины снижения положительных реакций на аргументацию М. Лысенко, выявлена специфика адресации в речи С. Дробышевского, проиллюстрирована идея языковой эгоцентричности.

Гипотеза 4 получила подтверждение в предложенной процедуре расчета индекса риторичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риторика декодирования как гуманитарная научно-исследовательская концепция отвечает социокультурному запросу современности на «децентрированное миропонимание» (Ю. Хабермас), на «практическую организацию коммуникации и взаимопонимание» (Г. П. Щедровицкий), демонстрирует значимость метакоммуникативных и метатекстовых знаний, позволяющих человеку ориентироваться в современном дискурсивном пространстве и сохранять идентичность в условиях всемогущества медиа. Она предлагает инструменты реконструкции текстообразования, необходимые для определения внутренней устроенности текста и понимания его внешней персуазивно-перлокутивной функциональности с позиции воспринимающего субъекта.

Методология риторического декодирования текста представлена парадигмой этапов (от пререконструкционного до верифицирующего), достижение целей которых обеспечивается определенным методом и операциональной единицей, что свидетельствует о воплощении модельного конструкта концепции в реальной исследовательской практике. Риторика декодирования в своей базовой версии демонстрирует номотетический подход к объекту исследования, сосредоточенный на общих принципах и механизмах риторического текстопостроения, на устойчивой параметризации риторического текстотипа-образца, которая организует аналитические процедуры текстового уровня исследования.

Риторика декодирования органично вписывается в контекст современной гуманитарной науки, трактующей знание как «поле координации и субординации высказываний, в котором понятия появляются, определяются, применяются и преобразуются...» [Фуко, 2004, с. 334], и демонстрирует возможности междисциплинарной интеграции. Сама система предпосылок формирования риторики декодирования выстраивается в иерархическом порядке: философский уровень как наивысший в научной методологии, лингвистический как

общенаучный и риторический как частный. При этом все методологические уровни рассматриваются во взаимодействии.

Философский методологический контекст риторики декодирования создается путем реинтерпретации релевантных положений философии языка и философской герменевтики и представлен комплексом исследовательских установок, признающих движение исследовательских итераций от объективизма к интерпретативизму; корреляцию целеполаганий говорящего и Другого; эффективность действия как результат риторичности текста; метадисциплинарный статус риторического знания; междисциплинарность как условие реализации риторического декодирования; актуализацию образцов как ориентиров, обеспечивающих понимание и метапонимание текстов.

Общенаучный методологический контекст риторики декодирования сформирован такими направлениями-донорами, как когнитивная лингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика, теория речевой коммуникации. Они обеспечили риторику декодирования процедурными разработками в области когнитивного и коммуникативного моделирования, когнитивно-дискурсивного анализа, коммуникативно-прагматического анализа, структурно-композиционного и синтаксического анализа текста.

Частнонаучный методологический контекст риторики декодирования строится как переосмысление технологии риторического канона – доктрины, обеспечивающей преемственность классического и нового знания.

Теоретическая разработанность и методологическая оснащенность, сформированный категориальный и понятийный аппараты риторики декодирования позволяют ей занять свою нишу в сложно организованном пространстве взаимодействия нериторических направлений и концепций. Ее исследовательские интересы вступают в отношения конвергенции с риторической критикой, теорией аргументации, лингвориторикой и медиариторикой, сохраняя при этом свою объектно-предметную область и теоретико-методологическую идентичность.

Онтологический статус риторики декодирования обеспечивается разработанными теоретическими основаниями: когнитивно-коммуникативными, семиотическими, которых требует апелляция к идее кода, лингвопрагматическими. Риторика декодирования валидирует такие понятия, как риторическое декодирование текста, риторический текстотип, риторический код и метакод, знаковая ситуация риторического декодирования, лингвопрагматическая матрица риторического декодирования, лингвориторическая реконструкция текстообразования.

К существенным теоретическим результатам исследования относим обоснование понятия *риторического текстотипа* как когнитивной структуры, обеспечивающей эффективное текстопроизводство, и метода *лингвориторической реконструкции текстообразования*.

Идея риторического текстового образца есть следствие реинтерпретации психологических, психолингвистических и когнитологических представлений о прототипичности, а также положений теории планомерного формирования умственных действий и понятий. Моделирование процесса вторичного прототипирования, презентующего коррелятивные отношения между риторическим текстотипом, моделью коммуникативного контекста и коммуникативным актом, способствует объективации глубинных когнитивно-коммуникативных оснований текстообразования и актуализирует проблематику контекстной лакунарности говорящего. Предложенные теоретические разработки обеспечивают многовековой риторической идее эффективности современное антропоцентрическое прочтение. Признание метакодowości риторического текстотипа и метасемиотичности риторического декодирования делают обоснованными притязания настоящей концепции на изучение процессов метапонимания.

Лингвориторическая реконструкция как ведущий метод исследования есть результат систематизации представлений о прагматической природе риторического текстообразования, объективированных в тактико-стратегической матрице. Данный метод основан на принципах телеологичности, уровневости,

компонентности, селективности и комбинаторности, обеспечивающих его валидность. Лингвориторическая реконструкция текстообразования является иерархически организованным методом, где уровень идеологический, или стратегический, задается риторической теорией текстообразования, содержательные ориентиры определяются прагматикой риторического текстопроизводства – соответствующими тактиками и субтактиками, а инструментальный уровень связан со способами и средствами их вербализации, поиск и идентификация которых осуществляются посредством конкретных лингвистических методик.

Результаты лингвориторической реконструкции позволяют делать интерпретационные заключения не только о процессах текстоформирования как таковых, но и об интенциональности говорящего, о состоянии его модели коммуникативного контекста, определяющей то или иное качество текста. Лингвориторическая реконструкция текстообразования имеет не нормирующий, а аналитико-диагностический характер: если несоответствие прагматическому риторическому минимуму рассматривается как угроза текстовой состоятельности, то любой выход за пределы заданной матрицы есть основание для рефлексии о креативном потенциале субъекта речи. Именно поэтому границы применения риторического декодирования не ограничиваются текстами массмедийного дискурса: предлагаемая методология уже получила определенную апробацию на материале текстов дипломатического дискурса (см. [Морина (Гольшшкина), 2023]) и может проецироваться на тексты художественного дискурса для понимания их нарративной организации, изучения субъективации повествования, речевого поведения персонажей и т. п.

Стоит отметить, что лингвориторическая реконструкция демонстрирует гибкость и адаптивность своих процедур к решению локальных исследовательских задач, о чем свидетельствует опыт анализа аргументационной составляющей имагологической практики медиаперсоны, а также элокутивной специфики медиатекстов, обеспечивающих научную популяризацию.

Обоснование и апробация метода лингвориторической реконструкции текстообразования есть попытка преодоления слабой отрефлексированности риторического метода, отмечаемой отечественными учеными.

Настоящее исследование демонстрирует, что апелляция в целях верификации предлагаемых в нем научных решений к психолингвистической теории речемыслительной деятельности представляется продуктивной практикой. Обращение к получившим академическое признание схемам и моделям порождения речи, разработанным отечественными психолингвистами, определяет корреляционную валидность риторических стратегий и в целом лингвориторической реконструкции текстообразования.

Проецирование методологии риторического декодирования на медиатекст углубляет теорию медиатекстуальности, что демонстрирует экпланаторность новой концепции. Признание прототипичности риторического текстового образца по отношению к медиатексту открывает перспективы инвентаризации и иерархизации типологических параметров последнего, что способствует расширению представлений о генезисе текстов массовой коммуникации. Кроме того, риторическое декодирование медиатекста, исследуя узловые точки текстообразования, предписанные риторической стратегической триадой, определяет их языковое воплощение.

С позиции неориторического методологического состояния процедурно неустойчивой областью риторических изысканий является инвентивный этап текстообразования, связанный с такими сложно объективируемыми категориями, как практическая цель говорящего, тема, проблема. Лингвориторическая реконструкция преодолевает неформленность аналитических подходов, предлагая упорядоченный инструментарий *реконструкции инвентивной стратегии текстообразования*. Он представляет собой комплекс процедур декодирования, а именно тактик объективации целеполагания, тематизации, проблематизации, предъявления тезиса, в значительной степени определяющих акциональность и актуальность текста. Реконструкция тактики объективации целеполагания зиждется на вариативности трактовки категории

перформативности. Предложенный контекстно-жанровый способ определения цели говорящего есть следствие заданного Ю. Хабермасом расширенного понимания перформативности как текстовой способности к реализации действия, рассматриваемой в контексте социокультурного существования. Речеактовая идентификация, реконструирующая эксплицитные и косвенные сигналы текстовой акциональности, выявляет вариативность средств выражения иллокутивной силы высказывания. Реконструкция тактики тематизации учитывает риторическую таргетность медиатекста, а также тематическую мотивированность общей социокультурной и/или коммуникативной ситуацией, типом дискурса, жанром. Валидны следующие способы тематической идентификации: контекстно-ситуативный, дискурсивно-жанровый, топический, структурно ориентирующий, собственно текстовый. Реконструкция тактики проблематизации осуществляется метамакроструктурным, структурно индуцированным, текстовым способами. Отсутствие сигналов проблематизации в медиатексте выступает фактором его попадания в зону критического риска. Реконструкция тактики предъявления тезиса, учитывающая семантико-синтаксические характеристики высказывания, обнаруживает в медиатекстах ортодоксальный, в том числе прескриптивный, и парадоксальный механизмы тезирования, обусловленные в определенной степени социально-профессиональным статусом субъекта речи.

Реконструкция диспозитивной стратегии текстообразования связана с поиском репрезентантов тактик базового, аргументационного и суперструктурного композиционирования. Это наиболее дифференцированная исследовательская процедура, поскольку система декодируемых тактик здесь усложняется субтактиками, что объясняется ответственностью диспозиции за персуазивность текста. Тактическое и субтактическое разнообразие упорядочивается структурно-семантическим, аргументационным и формально-прагматическим аспектами диспозитивной реконструкции, отражающими действие принципа поликомпозиционности. Применяемый полиаспектный подход позволяет проследивать динамику композиционирования, состоящую

в переходе текстообразующих единиц в смыслообразующие: от комбинаций коммуникативных регистров речи через построение аргументационных комплексов к суперструктурному оформлению текста. Реконструированный многоступенчатый диспозитивный процесс свидетельствует об обусловленности эффективности медиатекста его поликомпозиционной организацией.

Если традиционные риторические исследования описывают композицию текста с позиции трехчастного членения, то лингвориторическая реконструкция вскрывает разные пласты композиционной организации текста и фокусирует внимание на его сверхпредложенческой строевой единице. В качестве таковой мы оперируем коммуникативным регистром речи (Г. А. Золотова), который обладает устойчивым комплексом коммуникативных, когнитивных и собственно языковых параметров, онтологизирующих триединство формы, значения и функции. В контексте аналитических процедур риторики декодирования коммуникативный регистр речи трактуется как источник зарождения аргументации, что позволяет синтезировать достижения грамматики текста и теории аргументации. Выявленные в ходе исследования формулы регистровой комбинаторики определяют базовую текстообразующую специфику медиатекста, а закреплённые за строевыми единицами аргументационные функции объясняют глубинные процессы формирования персуазивности. Проведенная инвентаризация способов и средств, реализующих диспозитивную стратегию текстообразования, позволяет рассматривать медиатекст в качестве типологического феномена, что вносит вклад в решение общелингвистических проблем текстовой типологизации.

Реконструкция элокутивной стратегии текстообразования в комплексе тактик авторизации, адресации, аксиологической экспликации, риторической триггеризации сопряжена с объективацией языковых/речевых ресурсов, обеспечивающих диалогичность и публичность медиатекста. Обращение к эмпирическому материалу, посвященному проблемам пандемийного времени или ликвидации стихийных бедствий, проливает свет на природу текстов, формирующих медиадискурс турбулентных периодов. Привлечение монотематического и моножанрового (интервью) материала для реконструкции

тактик авторизации и адресации как залога диалогичности способствует типизации наблюдаемых речевых явлений. При этом соблюдается условие равностатусности говорящих: анализируются речевые партии врачей как акторов пандемийной ситуации. Речевые репрезентанты тактики авторизации свидетельствуют о выраженной субъектности пандемийных медиатекстов, что в условиях турбулентности рассматривается как способ продвижения и утверждения экспертного знания, реализующего функцию научной коррекции массового сознания. Результаты реконструкции тактики адресации демонстрируют полилогичность речи врачей, взаимодействующих в формате интервью не только с интервьюером, что естественно для данного жанра, или опосредованно с медицинским сообществом, но и с массовой аудиторией, выражающей разное, порой негативное, отношение к актуальным событиям, предлагаемым мерам профилактики и т. п. Диалогический синтез авторизации и адресации выступает оптимальным способом организации интеракции и одновременно индикатором риторической компетентности говорящего.

В ходе реконструкции тактики аксиологической экспликации продуктивность демонстрирует автоматизированный семантический анализ текста. Выявленные ценностные доминанты подтверждают пациентоориентированность медицинского медиадискурса пандемийного времени, а также ту или иную степень антропоцентричности речевых практик субъектов речи, включенных в разрешение турбулентных ситуаций. Реконструкция тактики риторической триггеризации есть оптимальное решение проблемы описания орнаменталистского потенциала медиатекста в условиях существующего обширного арсенала классификаций тропов и фигур.

Обращение на протяжении всей работы к медиатекстам различных турбулентных периодов как к составляющим эмпирической базы исследования абсолютизирует значимость текстов массовой информации как в регуляции ими процессов объективной действительности, так и в формировании той реальности, которая необходима бенефициарам коммуникации. Настоящее исследование верифицирует востребованность в кризисные периоды человеческого

существования, нуждающиеся в эффективном взаимодействии, риторического текстотипа-образца в практике массмедийного текстопроизводства, чем подтверждается гипотеза исследования.

Вклад риторики декодирования в общую теорию текстовой эффективности состоит в последовательной разработке и пролонгированной апробации квалитативного и квантитативного инструментария, способствующего определению воздействующего потенциала медиатекста, – лингвориторической реконструкции текстообразования и методики риторического диагностирования.

Методологический потенциал лингвориторической реконструкции текстообразования позволяет развивать основанную на идее риторической параметризации *субтеорию риторических рисков*, которая осуществляет инвентаризацию угроз текстовой состоятельности в границах требований инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования. Специфичность изучения риторических рисков в контексте настоящей концепции состоит не только в синхронизации текущих аналитических наблюдений над соответствием/несоответствием параметрам риторической текстуальности, но и в возможности выявления устроенности контекстной модели автора, включая совокупного, лакун в ее структуре, сигнализирующих как о риторической компетентности субъекта речи, так и о его интенциональности, в том числе манипулятивного характера. Иначе говоря, лингвориторическая реконструкция направлена на сопряжение лингвопрагматических, когнитивно-коммуникативных, когнитивно-дискурсивных аспектов текстового исследования, чем определяется экспланаторный потенциал риторики декодирования, соответствующий требованиям современной лингвистической парадигмы.

Настоящая работа демонстрирует, что применение лингвориторической реконструкции в декодировании текстов персональных медиапрактик сопряжено с трансформацией исследования номотетического типа в идиографическое, основанное на признании уникальности явления, процесса, события.

Предложенная *методика риторического диагностирования*, сформированная путем синтеза квалитативных показателей с квантитативными,

представляет собой гибкий инструментарий мониторинга риторичности. Разработанные в рамках риторического диагностирования субметодики интервального шкалирования риторических рисков и вычисления индекса риторичности могут быть включены в арсенал прикладных исследований, нацеленных на измерение эффективности текста и дискурсивных практик.

Перспективы исследования связаны с двумя глобальными траекториями развития концепции риторики декодирования – номотетической и идиографической. Первый путь рассматривается как накопление общих теоретических сведений о закономерностях риторического текстообразования путем расширения эмпирической тексто-дискурсивной базы исследования. Второй путь предполагает экстраполяцию методологии лингвориторической реконструкции текстообразования на конкретные тексты как составляющие определенной социокультурной ситуации с целью установления их речевой уникальности и персуазивно-перлокутивной специфичности.

Полученный опыт в области аналитики риторических рисков имеет обоснованные шансы развиться в теорию текстообразующей лакунарности, когнитивно-дискурсивную по своей сути, включенную в решение глобальной гуманитарной задачи изучить «механизмы человеческой интеллектуальной коммуникации» (Г. П. Щедровицкий). Кроме того, мы усматриваем возможности расширения методики риторического диагностирования путем введения в нее дополнительных квалитативных и квантитативных параметрических индикаторов. В целом перспективной представляется разработка и оптимизация экспериментальных методик определения текстовой эффективности, диагностирующих понимание и активирующих метапонимание.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АК – аргументационный комплекс

РР – регистр речи

ВРР – волюнтивный регистр речи

ГРР – генеритивный регистр речи

ИРР – информативный регистр речи

ЛПМ – лингвопрагматическая матрица

ЛРТ – лингвориторическая реконструкция текстообразования

ООД – ориентировочная основа действия

РДТ – риторическое декодирование текста

РРР – реактивный регистр речи

РСТ – риторическая стратегия текстообразования

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельсон, Р. П. Структуры убеждений / Р. П. Абельсон ; пер. с англ. П. Б. Паршина // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост.: В. М. Сергеев, П. Б. Паршин ; общ. ред. В. В. Петрова. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998. – С. 317–380.
2. Авеличев, А. К. Возвращение риторики / А. К. Авеличев // Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг [и др.]. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1998. – С. 5–25.
3. Аверина, А. В. Эпистемическая модальность и синтаксическая неподчинимость в немецком и русском языках / А. В. Аверина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 4–24.
4. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С. С. Аверинцев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
5. Автономова, Н. С. Деррида и грамматология / Н. С. Автономова // Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц. и вст. ст. Н. С. Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – С. 7–107.
6. Адмони, В. Г. Грамматика и текст / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63–69.
7. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания : монография / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 153 с.
8. Азнабаева, Л. А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Азнабаева Лариса Алексеевна. – М., 1999. – 46 с.
9. Акаева, Э. В. Коммуникативные стратегии профессионального медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Акаева Элеонора Вячеславовна. – Омск, 2007. – 23 с.
10. Александрова, Л. Н. Риторика и герменевтика (Развитие и современное состояние теоретических исследований в ФРГ) / Л. Н. Александрова //

Неориторика: генезис, проблемы, перспективы : сб. научно-аналит. обзоров / отв. ред. Н. А. Безменова. – М. : ИНИОН, 1987. – С. 70–90.

11. Алексеев, А. В. Ускользящий «топос»: к вопросу о содержании понятия и пределах его применимости / А. В. Алексеев // МЕТОД : московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. – Вып. 9: Методологические аспекты трансдисциплинарного трансфера знаний / ред.-сост. М. В. Ильин. – М., 2019. – С. 98–113.

12. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс: Смыслопорождающий механизм текста : монография / Н. Ф. Алефиренко. – Градец Кралове : Gaudeamus, 2019. – 226 с.

13. Алефиренко, Н. Ф. Парадигмы современной науки о языке: Традиции и инновации / Н. Ф. Алефиренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2002. – № 1. – С. 5–13.

14. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.

15. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – 2-е изд., стер. – М. : Изд-во МПСИ ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 432 с.

16. Анненкова, И. В. Место риторики в зарубежной и отечественной филологии [Электронный ресурс] / И. В. Анненкова // Филология: научные исследования. – 2012а. – № 2 (06). – С. 5–24. – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=59597 (дата обращения: 20.01.2024).

17. Анненкова, И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель (лингвофилософский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10; 09.00.13 / Анненкова Ирина Васильевна. – М., 2012б. – 60 с.

18. Анненкова, И. В. Типы конвергентности современного медиатекста [Электронный ресурс] / И. В. Анненкова, К. А. Хорина // Медиаскоп. – 2024. – № 2. – URL : <http://www.mediascope.ru/2864> (дата обращения: 01.02.2025).

19. Аннушкин, В. И. Медиариторика: современный статус и важнейшие задачи / В. И. Аннушкин // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение : сб. статей XXII междунар. науч. конф., 30 янв. –

1 февр. 2019 г. – М. : Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 23–31.

20. Аннушкин, В. И. О современном состоянии русской риторики как науки и учебной дисциплины / В. И. Аннушкин // Записки Горного института. – 2005. – Т. 160, Ч. 2. – С. 10–14.

21. Аннушкин, В. И. Первая русская «Риторика» XVII века : Текст. Перевод. Исследование / В. И. Аннушкин. – М. : Добросвет, 1999. – 362 с.

22. Апресян, Г. З. Ораторское искусство / Г. З. Апресян. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 278 с.

23. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 304 с.

24. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Изд. дом ЯСК, 1995. – 767 с.

25. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики. – М. : Изд-во МГУ, 1978а. – С. 15–164.

26. Аристотель. Топпика // Аристотель. Сочинения в 4 томах. – М. : Мысль, 1978б. – Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. – С. 348–533.

27. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.

28. Артемова, Т. В. К вопросу об определении понятия «риторическая стратегия» / Т. В. Артемова, П. А. Катышев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 11–13.

29. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.

30. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.

31. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Изд. дом ЯСК, 1999. – 896 с.

32. Асатрян, М. В. Экстраполяция и аргументация / М. В. Асатрян // Философские проблемы аргументации. – Ереван, 1986. – С. 61.

33. Ассуирова, Л. В. Топосы как риторические категории и структурно-смысловые модели порождения высказывания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Ассуирова Лариса Владимировна. – М., 2003. – 38 с.

34. Ахутина, Т. В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса : монография / Т. В. Ахутина. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 216 с.

35. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 462 с.

36. Багиян, А. Ю. Лингвопрагматическая организация современного устного научно-популярного дискурса (на материале английского языка) [Электронный ресурс] / А. Ю. Багиян, А. Г. Моногарова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – 4 (31). – С. 1–11. – URL : [file:///C:/Users/admin/Downloads/pdf_031-001_IScaVcp%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/admin/Downloads/pdf_031-001_IScaVcp%20(1).pdf) (дата обращения: 22.10.2024).

37. Баженова, Е. А. Научный текст как система субтекстов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Баженова Елена Александровна. – Екатеринбург, 2001. – 366 с.

38. Базылев, В. Н. Агрессивность современного информационного пространства / В. Н. Базылев // Человек. Культура. Образование. – Сыктывкар, 2015. – № 2 (16). – С. 198–207.

39. Баранов, А. Г. Динамические тенденции в исследовании текста / А. Г. Баранов // Stylistika. – Opole, 1995. – Vol. IV. – С. 54–69.

40. Баранов, А. Г. Когниотипичность жанра / А. Г. Баранов // Stylistika. – Opole, 1997a. – Vol. VI. – С. 331–343.

41. Баранов, А. Г. Когниотипичность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // Жанры речи : сб. науч. трудов / отв. ред. В. Е. Гольдин. – Саратов : Колледж, 1997б. – Вып. 1. – С. 4–12.

42. Баранов, А. Г. Прагматика – функциональная перспектива языка / А. Г. Баранов // *Stylistika*. – Opole, 2005. – Vol. XIV. – С. 75–86.
43. Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста : монография / А. Г. Баранов. – Ростов-н/Д : Изд-во РГУ, 1993. – 182 с.
44. Баранов, А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 ; 09.00.13 / Баранов Анатолий Николаевич. – М., 1990. – 48 с.
45. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 592 с.
46. Баранов, А. Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // *Роль языка в средствах массовой коммуникации*. – М., 1986. – С. 100–143.
47. Баррат, Дж. Последнее изобретение человечества: Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens : пер. с англ. / Дж. Баррат. – 2-е изд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2019. – 396 с.
48. Барсукова, М. И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Барсукова Марина Игоревна. – Саратов, 2007. – 21 с.
49. Барт, Р. S/Z / Р. Барт ; пер. с фанц.: Г. К. Косикова, В. П. Мурат. – 2-е изд., испр. / под ред. Г. К. Косикова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
50. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт ; пер. с франц. Т. Д. Корельской // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 442–463.
51. Басовская, Е. Н. Современный медиатекст: фактор «размытого адресата» / Е. Н. Басовская, Т. А. Воронцова // *Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки*. – 2020. – Вып. 121, № 7 (441). – С. 15–20.

52. Басовская, Е. Н. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности / Е. Н. Басовская, Т. А. Воронцова // Медиалингвистика. – 2022. – № 9 (4). – С. 431–445.

53. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 473–500.

54. Бахтин, М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.

55. Башкова, И. В. COVID-19 – Ковид: русификация интернационализма / И. В. Башкова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 689–692.

56. Беднарская, Л. Д. О развитии синтаксических идей А. Н. Карпова в XXI веке / Л. Д. Беднарская // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкознание. – 2024. – Вып. 4 (20). – С. 139–149.

57. Безменова, Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 215 с.

58. Белецкий, С. Б. Узловые и периферийные точки пандемийного дискурса: парадигматика и синтагматика / С. Б. Белецкий, Д. Н. Автаева, П. А. Кузьмичева, С. Б. Чудинова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 15 (11). – С. 1655–1679.

59. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.

60. Беляевская, Е. Г. Текст как пространственная структура (к проблеме уровней категоризации) / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка: сб. науч. трудов. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – Вып. VII. Типы категорий в языке. – С. 101–109.

61. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста: монография / В. П. Белянин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 123 с.

62. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; пер. с франц.: Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышева, И. Н. Мельникова ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
63. Бергельсон, М. Б. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка / М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 343–355.
64. Березин, Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. / Ф. М. Березин // Лингвистические исследования в конце XX века : сб. обзоров / отв. ред. Ф. М. Березин. – М. : ИНИОН РАН, 2000. – С. 9–25.
65. Бернштейн, Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н. А. Бернштейн. – М. : Медицина, 1966. – 349 с.
66. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти : пер. с англ. / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. статей / сост.: В. М. Сергеев и П. Б. Паршин; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–125.
67. Боброва, А. С. Место риторики в логике Ч. С. Пирса / А. С. Боброва // РАЦИО.ru. – 2010. – № 4. – С. 107–116.
68. Богатырев, А. А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста / А. А. Богатырев. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2001. – 197 с.
69. Богданов, В. В. Лингвистическая прагматика и ее прикладные аспекты / В. В. Богданов // Прикладное языкознание : учебник / отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 268–275.
70. Богин, Г. И. Типология понимания / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-т, 1986. – 87 с.
71. Богин, Г. И. Филологическая герменевтика / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-т, 1982. – 86 с.
72. Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов : монография / В. В. Богуславская. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.

73. Бокавнева, О. В. За границу Великой стены: особенности национального характера китайцев / О. В. Бокавнева // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 137–142.

74. Бокавнева, О. В. Образ Китая в России: история вопроса / О. В. Бокавнева // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – № 5 (2). – С. 161–174.

75. Болдырев, Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола / Н. Н. Болдырев // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариантность. – СПб. : Наука, 2003. – С. 54–74.

76. Болдырев, Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира : сб. науч. трудов / отв. ред. вып. В. З. Демьянков. – С. 20–28.

77. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022. – Вып. № 1 (48): Вторичные структуры в языковой картине мира : коллективная монография / отв. ред. С. Г. Виноградова. – С. 19–79.

78. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – 5-е изд., испр. и доп. – Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. – 236 с.

79. Болдырев, Н. Н. Теоретические аспекты языковой категоризации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – Вып. X: Категоризация мира в языке: коллективная монография. – С. 17–120.

80. Болотнов, А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Болотнов Алексей Владимирович. – Томск, 2016. – 39 с.

81. Болотнова, Н. С. О понятии «текстовая норма» в коммуникативной стилистике текста / Н. С. Болотнова // *Stylistyka*. – Opole, 2005. – Vol. XIV. – С. 87–102.
82. Болотнова, Н. С. Отражение идиостиля автора в программе «Двенадцать» Сергея Шаргунова / Н. С. Болотнова // *Медиалингвистика*. – 2022. – 9 (1). – С. 51–63.
83. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
84. Бондарко, А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность – вариативность*. – СПб. : Наука, 2003. – С. 5–36.
85. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – 3-е изд. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
86. Брандес, М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
87. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К. И. Бринев. – М. : ЛЕНАНД, 2020. – 200 с.
88. Бринев, К. И. Факты и оценки, факты и мнения: анализ оппозиций субъективное/объективное, верифицируемое/неверифицируемое / К. И. Бринев // *Культура и текст*. – 2019. – № 4 (39). – С. 194–201.
89. Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н. В. Бугорская // *Вопросы психолингвистики*. – 2004. – № 2. – С. 18–25.
90. Будаев, Э. В. Методология и методики исследования политической коммуникации в зарубежной политической лингвистике. Риторическая методология исследования политической коммуникации / Э. В. Будаев // *Теория и методика лингвистического анализа политического текста : коллективная монография / отв. ред. А. П. Чудинов*. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2016. – С. 210–217.

91. Бузук, Г. Л. Лингвистическая герменевтика: о формировании дисциплинарного статуса / Г. Л. Бузук, Л. Г. Бузук // Вестник Полесского государственного университета. Сер. общественных и гуманитарных наук. – 2016. – № 1. – С. 22–28.

92. Булатова, Э. В. К вопросу о ключевых знаках журналистского текста / Э. В. Булатова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 80, № 21 (312). – С. 92–96.

93. Булатова, Э. В. К вопросу о типологических и структурных параметрах дискурса / Э. В. Булатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2 (89). – С. 111–116.

94. Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 333–342.

95. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

96. Бурвикова, Н. Д. Закономерности линейной структуры монологического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бурвикова Наталия Дмитриевна. – М., 1981. – 44 с.

97. Бутакова, Л. О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Бутакова Лариса Олеговна. – Омск, 2001. – 459 с.

98. Бутакова, Л. О. Восприятие и понимание текста носителями русского языка разного возраста: психолингвистический аспект / Л. О. Бутакова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. – 2024. – № 2. – С. 58–72.

99. Бутакова, Л. О. Интерпретация художественного текста: поэтика «с человеческим лицом», «усредненным» сознанием или поэтика без «лица» и «сознания»? / Л. О. Бутакова // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 57–63.

100. Бутакова, Л. О. Основы теории текста: диахронный и синхронный

аспекты : учеб.-метод. пособие / Л. О. Бутакова, Т. П. Рогожникова. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2019. – 95 с.

101. Бутакова, Л. О. Проблемы понимания художественного текста в психолингвистическом аспекте / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 6. – С. 56–68.

102. Бухарин, С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – М. : Академический проект, 2007. – 382 с.

103. Бухаркин, П. Е. От редактора / П. Е. Бухаркин // Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – С. 3–6.

104. Бухаркин, П. Е. Риторика и история литературного языка / П. Е. Бухаркин // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 47–53.

105. Бухаркин, П. Е. Риторика и смысл: Очерки : монография / П. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 167 с.

106. Бушев, А. Неориторические исследования [Электронный ресурс] / А. Бушев // Игорь Родченко. Обучение и консультации : сайт. – URL : <http://old.rodchenko.ru/liter/articles/others/16/> (дата обращения: 10.01.2024).

107. Бушев, А. Б. Языковые и риторические особенности электронной речи / А. Б. Бушев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 6 (887). – С. 18–24.

108. Быкова, Е. В. Оценка эффективности в PR: использование коэффициентов / Е. В. Быкова, Д. П. Гавра, П. А. Слуцкий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, Вып. 2. – С. 275–284.

109. Варзонин, Ю. Н. Риторика и лингвистика [Электронный ресурс] / Ю. Н. Варзонин // Тверской лингвистический меридиан : сайт. – 1998а. – URL : <http://lingvolab.chat.ru/library/Varzonin2.htm> (дата обращения: 15.10.2024).

110. Варзонин, Ю. Н. Теоретические основы риторики / Ю. Н. Варзонин. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 1998б. – 120 с.

111. Василик, М. А. Основы теории коммуникации / М. А. Василик. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
112. Васильева, Ю. О. Аксиологическая составляющая медиаобраза Китая в контексте политической конфронтации (на материале американских СМИ) / Ю. О. Васильева, Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. – 2025. – № 1 (109). – С. 46–53.
113. Вдовиченко, А. В. Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели: проект, смыслообразование, общение / А. В. Вдовиченко // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 2 (32). – С. 50–61.
114. Вдовиченко, А. В. Речепорождение в коммуникативной модели: производство и понимание словосодержащего воздействия / А. В. Вдовиченко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. – 2021. – Вып. 68. – С. 9–23.
115. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
116. Вербилович, О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Вебрилович // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади / под ред.: Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013. – С. 35–52.
117. Верткин, А. Л. Коморбидность / А. Л. Верткин, М. А. Румянцев, А. С. Скотников // Клиническая медицина. – 2012. – № 10. – С. 4–11.
118. Викторова, Е. Ю. Коммуникативные риски, их причины, способы предупреждения и преодоления / Е. Ю. Викторова, М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред.: О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2016. – С. 9–22.
119. Виноградов, В. В. Поэтика и риторика / В. В. Виноградов // Избранные труды: О языке художественной прозы. – М., 1980. – С. 98–175.

120. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения: монография / Т. Г. Винокур. – 2-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 176 с.
121. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и сверено с авториз. англ. пер.: И. Добронравовым, Д. Лахути. – М. : Изд-во иностр. лит., 1958. – 133 с.
122. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы : в 2 ч. / пер. с нем.: М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
123. Волков А. А. Основы риторики : учеб. пособие для вузов / А. А. Волков. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 304 с.
124. Волков, А. А. Неориторика Брюссельской школы / А. А. Волков // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы : сб. науч.-аналит. обзоров. – М. : ИНИОН, 1987. – С. 46–69.
125. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М. : Академический Проект ; Альма Матер, 2008. – С. 6–23.
126. Вольф, М. Н. Риторический поворот основателей прагматизма / М. Н. Вольф, А. В. Косарев // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 47–53.
127. Вомперский, В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. / В. П. Вомперский. – М. : Наука, 1988. – 180 с.
128. Ворожбитова, А. А. Лингвориторика дискурсивных процессов литературно-художественной коммуникации: алгоритмы и перспективы исследовательских действий / А. А. Ворожбитова // Мир русского слова. – 2013. – № 4. – С. 15–20.
129. Ворожбитова, А. А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты : монография / А. А. Ворожбитова. – Сочи : Изд-во СГУТиКД, 2000. – 319 с.

130. Ворожбитова, А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление : учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2005. – 367 с.

131. Воронцова, Т. А. Научно-популярный лингвистический дискурс в СМИ: актуализация лингвистических знаний в массмедиа / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2024. – Вып. 137, № 5 (487). – С. 85–92.

132. Воронцова, Т. А. Риторическая культура диалогического медиадискурса / Т. А. Воронцова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 80, № 21 (312). – С. 115–119.

133. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.

134. Выровцева, Е. В. Полемическая стратегия в представлении нового знания в авторском проекте «Голый землекоп» / Е. В. Выровцева // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации : монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб. : Медиапапир, 2022. – С. 131–143.

135. Гадамер, Х.-Г. Риторика и герменевтика / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. А. В. Михайлова // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991a. – С. 188–206.

136. Гадамер, Х.-Г. Семантика и герменевтика / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. В. С. Малахова // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М. : Искусство, 1991b. – С. 60–71.

137. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

138. Гадамер, Х.-Г. Текст и интерпретация / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. Е. М. Ананьевой // Герменевтика и деконструкция / под ред.: В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. – СПб., 1999. – С. 202–242.

139. Галеева, Н. Л. Параметры художественного текста и перевод / Н. Л. Галеева. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 1999. – 154 с.
140. Галло, Я. Лингвистика текста: традиции и перспективы / Я. Галло, Н. Ф. Алефиренко // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 23–38.
141. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
142. Гальперин, П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. – 7-е изд. М. : Кн. дом «Университет», 2007. – 336 с.
143. Гальперин, П. Я. Зависимость двигательного навыка от типа ориентировки в задании / П. Я. Гальперин, Н. С. Пантина // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. – 1957. – № 2. – С. 43–46.
144. Гальперин, П. Я. Опыт изучения формирования умственных действий / П. Я. Гальперин // Доклады на совещании по вопросам психологии, 3–8 июля 1953 г. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1954. – С. 188–201.
145. Гальперин, П. Я. Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий / П. Я. Гальперин // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. – 1958. – № 2. – С. 75–78.
146. Гальперин, П. Я. Умственное действие как основа формирования мысли и образа / П. Я. Гальперин // Вопросы психологии. – 1957. – № 6. – С. 58–69.
147. Гаррсен Б. Схемы аргументации / Б. Гаррсен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 99–122.
148. Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Гаспаров М. Л. Избранные труды: в 2 т. – Т. 1. О поэтах. – М., 1997. – С. 556–586.
149. Гаспаров, М. Л. Цицерон и античная риторика / М. Л. Гаспаров // Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М. : Наука, 1972. – С. 4–73.
150. Гаузенблз, К. О характеристике и классификации речевых произведений / К. О Гаузенблз ; пер. с англ. Т. Н. Молошной // Новое

в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 57–78.

151. Герритсен, С. Невыраженные послышки / С. Герритсен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 64–98.

152. Гиндин, С. И. Риторика и проблемы структуры текста / С. И. Гиндин // Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг [и др.]. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 355–364.

153. Гиндин, С. И. Что такое текст и лингвистика текста / С. И. Гиндин // Аспекты изучения текста : сб. науч. трудов. – М. : Изд-во РУДН, 1981. – С. 25–32.

154. Гируцкий, А. А. Общее языкознание / А. А. Гируцкий. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 238 с.

155. Глазков, А. В. Лингвистическая герменевтика / А. В. Глазков, А. В. Григорьев, Д. Г. Демидов [и др.]. – М. : Прометей, 2010. – 112 с.

156. Голоднов А. В. Риторический метадискурс: к определению понятия / А. В. Голоднов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. – 2008. – № 2 (13). – С. 7–18.

157. Голоднов, А. В. Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста / А. В. Голоднов // Вестник Иркутского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 109–114.

158. Голоднов, А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Голоднов Антон Владимирович. – СПб., 2011. – 42 с.

159. Голоднов, А. В. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса / А. В. Голоднов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 104. – С. 77–87.

160. Голышкина, Л. А. Когнитивно-коммуникативные основания риторики декодирования / Л. А. Голышкина // Когнитивные исследования языка. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2020. – Вып. 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках / отв. ред. А. П. Чудинов. – С. 544–547.

161. Голышкина, Л. А. Модель коммуникативного контекста как когнитивная основа текстообразования: к проблеме выявления типологической специфики текстов / Л. А. Голышкина // Когнитивные исследования языка. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. – Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире / отв. ред. Л. А. Манерко. – С. 486–489.
162. Голышкина, Л. А. Полиаспектность композиционной структуры риторического текста / Л. А. Голышкина // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 94–109.
163. Голышкина, Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Голышкина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 9–14.
164. Голышкина, Л. А. Риторика. Основы теории. Практикум : учеб. пособие / Л. А. Голышкина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. – 232 с.
165. Голышкина, Л. А. Текстообразование как ориентировочная деятельность: опыт экспериментального исследования / Л. А. Голышкина // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 1 (43). – С. 23–35.
166. Гончарова, Л. М. К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме / Л. М. Гончарова // Общая и русская лингвоаксиология : коллективная монография / М. С. Милованова (отв. ред.), К. Я. Сигал, В. И. Карасик [и др.]. – М. – Ярославль : Канцлер, 2022. – С. 228–252.
167. Горбачева, Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Горбачева Елена Николаевна. – Тамбов, 2016. – 40 с.
168. Горбенко, С. SEO-текст [Электронный ресурс] / С. Горбенко // 360-media.ru : сайт. – 03.10.2022. – URL : <https://360-media.ru/blog/seo-prodvizhenie/seo-tekst/> (дата обращения: 20.10.2024).
169. Гордон, Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. – С. 276–302.

170. Городецкий, Б. Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов [Электронный ресурс] / Б. Ю. Городецкий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог 2003». – М., 2003. – URL : <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

171. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 24. Компьютерная лингвистика. – С. 5–31.

172. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е. И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллективная монография / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2014. – С. 9–52.

173. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс ; пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. – С. 217–237.

174. Граудина, Л. К. Теория и практика русского красноречия / Л. К. Граудина, Г. И. Миськевич. – М. : Наука, 1989. – 256 с.

175. Гринев-Гриневич, С. В. Основы семиотики : учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 256 с.

176. Гриффин, Э. Коммуникация: теории и практики : пер. с англ. / Э. Гриффин. – Харьков : Гуманитарный центр, Науменко А. А., 2015. – 688 с.

177. Гричин, С. В. Авторизационная модель научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гричин Сергей Владимирович. – Томск, 2017. – 40 с.

178. Грязнова, Ю. Б. Перформативные тексты в методологии науки : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.08 / Грязнова Юлия Борисовна. – М., 1998. – 16 с.

179. Грякалов, А. А. Топос и субъективность: Свидетельства утверждения А. А. Грякалов. – СПб. : Наука, 2018. – 567 с.

180. Губарев, А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Губарев Алексей Борисович. – Уссурийск, 2005. – 170 с.
181. Гусев, С. С. Предпосылки / С. С. Гусев // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : Канон +, РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 735.
182. Дебор, Ги. Общество спектакля / Ги Дебор ; пер. с франц.: С. Офертаса, М. Якубович. – М. : Логос, 1999. – 224 с.
183. Дейк ван, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ.: Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 344 с.
184. Дейк ван, Т. А. Макростратегии / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. – 2-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – С. 41–67.
185. Дейк ван, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
186. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. – 2-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 320 с.
187. Демьянков, В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 172 с.
188. Демьянков, В. З. Когниция и понимание текста / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3 (006). – С. 5–10.
189. Демьянков, В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: интерпретирующий подход к аргументации / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 327–337.
190. Демьянков, В. З. Параметризация / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 118–123.

191. Демьянков, В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–67.
192. Демьянков, В. З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 5–14.
193. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М. : ИНИОН АН СССР, 1989б. – С. 13–40.
194. Деннис, Э. Беседы о масс-медиа / Э. Деннис, Дж. Мэррилл ; пер. с англ.: А. Касьяненко, Н. Кигай. – М. : Вагриус, 1997. – 383 с.
195. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида ; пер. с франц. и вст. ст. Н. С. Автономовой. – М. : Ad Marginem, 2000. – 512 с.
196. Деханов, С. А. Топосы как риторические приемы аргументации в процессе судебного доказывания / С. А. Деханов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 255–258.
197. Джусупов, М. Антропоцентризм в триединстве человек – язык – социум и его выражение в пословице / М. Джусупов // O‘zbekistonda xorijiy tillar. – 2023. – № 5 (52). – С. 122–142.
198. Дзялошинский, И. М. Коммуникативная культура в цифровой цивилизации / И. М. Дзялошинский // Коммуникативная культура: история и современность : материалы XI междунар. науч.-практ. конф., 29 окт. 2021 г. : в 2 ч. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. – Ч. 1. – С. 9–14.
199. Дзялошинский, И. М. Медиатекст: особенности создания и функционирования : монография / И. М. Дзялошинский, М. А. Пильгун. – М. : Изд-во НИУ ВШЭ, 2011. – 377 с.
200. Дзялошинский, И. М. Российские СМИ: как создается образ врага : монография / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская. – Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2019. – 316 с.

201. Диалогическая лингвистика : коллективная монография / под науч. ред. Н. Н. Шпильной ; отв. ред.: М. В. Воронец, Н. И. Тюкаева. – Барнаул : Изд-во АлтГПУ, 2019. – 320 с.
202. Добросельский, Л. Язык играет человеком, или Реальность Витгенштейна / Л. Добросельский // Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ, 2018. – С. 5–8.
203. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) : монография / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
204. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.
205. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления : монография / Т. Г. Добросклонская. – [б. м.]: [б. и.], 2020. – 180 с.
206. Добросклонская, Т. Г. Политическая медиариторика: системный подход к исследованию речевых практик политического медиадискурса / Т. Г. Добросклонская, П. Г. Логинова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – № 4. – С. 47–54.
207. Добросклонская, Т. Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка) : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.04 / Добросклонская Татьяна Георгиевна. – М., 2000. – 48 с.
208. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – 3-е изд., испр. и перераб. – СПб. : Речь, 2003. – 304 с.
209. Дресслер, В. Синтаксис текста / В. Дресслер ; пер. с нем.: О. Г. Ревзиной, Т. Я. Андрющенко // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 111–137.
210. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии : монография / Т. М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 268 с.

211. Дубровская, О. Г. Вторичная интерпретация мира в дискурсе / О. Г. Дубровская // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022. – Вып. № 1 (48): Вторичные структуры в языковой картине мира : коллективная монография / отв. ред. С. Г. Виноградова. – С. 323–341.

212. Дускаева, Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 4–18.

213. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : монография / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожинной. – 2-е изд, доп., испр. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2012. – 274 с.

214. Дускаева, Л. Р. Научная популяризация в медиа как социально-коммуникативная практика: выражение резистентности / Л. Р. Дускаева, Л. Ю. Иванова, А. С. Пую // Медиалингвистика. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 181–199.

215. Дымарский, М. Я. Прагматика как векторная семантика / М. Я. Дымарский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 118–125.

216. Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) : монография / М. Я. Дымарский. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 284 с.

217. Дэвис, Дж. Исследования в рекламной деятельности: теория и практика / Дж. Дэвис. – М. : Вильямс, 2003. – 864 с.

218. Дюбуа, Ж. Общая риторика / пер. с франц. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 392 с.

219. Еемеерен ван, Ф. Х. Современное состояние теории аргументации / Ф. Х. ван Еемеерен // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 14–33.

220. Ермилов, Д. И. Chat GPT: новая технология общения с клиентами в банковской сфере / Д. И. Ермилов // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 7. – С. 18–22.

221. Желтухина, М. Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие – восприятие – интерпретация / М. Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 38–51.

222. Желтухина, М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – М., 2004. – 44 с.

223. Желтухина, М. Р. Эффективное воздействие в масс-медиа: моделирование страха / М. Р. Желтухина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 3. – С. 25–28.

224. Женетт, Ж. Фигуры: в 2-х т. / Ж. Женетт. – Т. 1. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

225. Журавлев, И. В. К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы / И. В. Журавлев, Ю. В. Журавлева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3 (33) – С. 48–61.

226. Забродина, А. Н. Речевые триггеры в интернет-коммуникации (на материале социальной интернет-сети «ВКонтакте») / А. Н. Забродина, Г. А. Копнина // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2023. – № 2 (54). – С. 101–122.

227. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику : учебник / А. А. Залевская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во РГГУ, 2007. – 560 с.

228. Залевская, А. А. Метафора и формирование проекций текста / А. А. Залевская // Текст в коммуникации. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1991. – С. 158–168.

229. Залевская, А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека / А. А. Залевская. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.

230. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
231. Запорожец, А. В. Развитие произвольных движений / А. В. Запорожец. – М. : Изд-во Акад. педагог. наук РСФСР, 1960. – 431 с.
232. Засурский, Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции / Я. Н. Засурский // Язык современной публицистики : сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 7–13.
233. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. / В. А. Звегинцев. – 3-е изд., доп. – М. : Просвещение, 1964. – 466 с.
234. Зельдович, Г. М. Прагматика грамматики / Г. М. Зельдович. – М. : Изд. дом ЯСК, 2012. – 648 с.
235. Земская, Ю. Н. Основы общей риторики : учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Н. В. Панченко, А. А. Чувакин ; под ред. А. А. Чувакина. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2000. – 110 с.
236. Земская, Ю. Н. Теория текста : учеб. пособие / Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова [и др.] ; под ред. А. А. Чувакина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 224 с.
237. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М. : Просвещение, 1978. – 159 с.
238. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / И. А. Зимняя // Смысловое восприятие речевого сообщения / отв. ред.: Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. – М. : Наука, 1976. – С. 5–33.
239. Зимняя, И. А. Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка / И. А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике / под ред. Е. Ф. Тарасова. – М. : Наука, 1985. – С. 85–99.
240. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН им. В. В. Виноградова ; Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – 544 с.

241. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса : монография / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
242. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка : монография / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
243. Зубарев, С. В. Дискурс современной прессы как смысловое поле формирования ценностных ориентиров коллективной языковой личности (микроконцептосфера «Богатство») : монография / С. В. Зубарев, А. А. Ворожбитова. – М. : Флинта, 2022. – 177 с.
244. Иванов, В. Ф. Массовая коммуникация / В. Ф. Иванов. – Киев : Академия Украинской Прессы ; Центр Свободной Прессы, 2013. – 902 с.
245. Иванов, П. К. Интерперсональность и риторические функции идеологом в тексте политического блога / П. К. Иванов, П. А. Катышев, О. В. Зайцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 29–42.
246. Ивин, А. А. Риторика: искусство убеждать : учеб. пособие / А. А. Ивин. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 304 с.
247. Игнатов, Г. Текст майнинг. Интеллектуальный анализ текста: дизайн исследований, сбор данных и методы анализа : пер. с англ. / Г. Игнатов, Р. Михайльча. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2021. – 344 с.
248. Ильенко, С. Г. Предложение в текстовом аспекте / С. Г. Ильенко // Предложение в текстовом аспекте : межвуз. сб. науч. трудов. – Вологда : Изд-во Вологод. ГПИ, 1985. – С. 3–13.
249. Ильина, Е. В. Филологическая герменевтика как методология исследования модальной структуры художественного текста / Е. В. Ильина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 1 (23). – С. 266–269.
250. Ионова, С. В. Лингвистика текста в стремлении к точности и широте / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 6–14.

251. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования : монография / О. К. Ирисханова. – М. : Изд. дом ЯСК, 2014. – 320 с.
252. Иссерс, О. С. Videоблог врача как новая дискурсивная практика медицинского общения в виртуальной среде / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 730–745.
253. Иссерс, О. С. Дискурсивные практики нашего времени: монография / О. С. Иссерс. – М. : ЛЕНАЛД, 2015. – 272 с.
254. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : монография / О. С. Иссерс. – 4-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.
255. Иссерс, О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 51–54.
256. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О. С. Иссерс. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 240 с.
257. Казак, М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – № 1 (4). – С. 65–76.
258. Казак, М. Ю. Специфика современного медиатекста / М. Ю. Казак // Лингвистика речи. Медиастилистика: коллективная монография, посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика / Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, В. В. Славкин [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2012. – С. 320–334.
259. Казыдуб, Н. Н. Аксиологические стратегии в масс-медиаальном дискурсе [Электронный ресурс] / Н. Н. Казыдуб, А. Б. Тимошева // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2024. – № 3 (42). – URL : <http://ifmstuca.ru/CE/index.php/100000/discourse-text/s15561> (дата обращения: 02.02.2025).
260. Камалова, С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Камалова Софья Дамировна. – М., 2020. – 189 с.

261. Каминская, Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Каминская Татьяна Леонидовна. – СПб., 2009. – 46 с.

262. Каминская, Э. Е. Слово и текст в динамике смыслового взаимодействия: Психолингвистическое исследование : монография / Э. Е. Каминская. – Новгород : Изд-во НовГУ, 1998. – 134 с.

263. Камчатнов, А. М. Теоретические основы лингвистической герменевтики и опыт ее приложения к изучению языка славяно-русских переводов Библии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Камчатнов Александр Михайлович. – М., 1996. – 40 с.

264. Канафьева, А. Ф. Из опыта преподавания русского языка: много, мало – это какая часть речи? / А. Ф. Канафьева // Теоретические и методологические проблемы обучения современному русскому языку : сб. материалов межрегион. конф. МГОУ, г. Москва, 20 октября 2018 г. / отв. ред. Н. Б. Самсонов. – М., 2018. – С. 32–35.

265. Капитанов, А. Дипфейк: невинная технология для развлечения или угроза современному обществу? [Электронный ресурс] / А. Капитанов, Ю. Линдре // Российский совет по международным делам : сайт. – 23.09.2022. – URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dipfeyk-nevinnaya-tekhnologiya-dlya-razvlecheniya-ili-ugroza-sovremennomu-obshchestvu/> (дата обращения: 10.02.2024).

266. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2017. – 464 с.

267. Карасик, В. И. Дискурсивные характеристики медиатекста / В. И. Карасик // Медиалингвистика в современной научной парадигме / под ред.: Н. И. Клушиной, Т. В. Ицкович, Л. В. Селезневой. – М. : Флинта, 2024. – С. 172–199.

268. Карасик, В. И. Изменение внешности как лингвокультурный сюжетный триггер / В. И. Карасик // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 2 (4). – С. 16–30.

269. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
270. Карасик, В. И. Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
271. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / под ред. В. И. Герасимова. – 2-е изд. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – С. 5–11.
272. Карпицкая, Е. К. Языковые игры через призму взглядов Л. Витгенштейна и Ж.-Ф. Лиотара [Электронный ресурс] / Е. К. Карпицкая // Гуманитарный акцент. – 2023. – № 1. – С. 81–89. – URL : <https://www.rsuh.ru/upload/main/text/gumaccent/gumaccent-01-2023.pdf#page=81> (дата обращения: 11.02.2024).
273. Карпов, А. Н. Поликомпонентные единства с идентичными элементами в русской монологической речи : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Карпов Александр Николаевич. – Тула, 1983. – 438 с.
274. Карпович, В. Н. Модель и реальность: об определении понятия теоретической модели как способа описания объекта и предмета научной теории / В. Н. Карпович // Философия науки. – 2018. – № 2. – С. 17–29.
275. Кассен, Б. Эффект софистики / Б. Кассен ; пер. с франц. Л. Россиуса. – М., СПб. : Московский философский фонд ; Университетская книга ; Культурная инициатива, 2000. – 252 с.
276. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
277. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. О. И. Шкаратана. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

278. Катермина, В. В. Человеческий фактор в языке / В. В. Катермина // Человек. Культура. Образование. – Сыктывкар, 2015. – № 2 (16). – С. 222–232.
279. Катц, Дж. Философская релевантность языковой теории / Дж. Катц // Философия языка : пер. с англ. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – С. 141–166.
280. Катышев, П. А. К определению сущности риторической герменевтики / П. А. Катышев // Русский язык за рубежом. – 2018а. – № 5 (270). – С. 75–80.
281. Катышев, П. А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике / П. А. Катышев, М. А. Осадчий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 24–34.
282. Катышев, П. А. Риторика как дисциплина / П. А. Катышев // Риторика : УМК для студентов гуманитарных факультетов / Л. А. Араева, М. В. Вяткина, П. А. Катышев [и др.] ; под ред. П. А. Катышева. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 2002. – С. 21–54.
283. Катышев, П. А. Риторическая критика в гносеологическом и онтологическом измерениях / П. А. Катышев // Русский язык за рубежом. – 2018б. – № 2 (267). – С. 18–23.
284. Катышев, П. А. Риторическая критика в дискурсе блогосферы: режим оценивания коммуникативных феноменов / П. А. Катышев // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни : коллективная монография / Е. В. Белоглазова, Е. В. Бобырева, Н. А. Боженкова [и др.] / под науч. ред. Н. А. Боженковой, М. Р. Желтухиной. – М. : Инфра-М, 2023. – С. 148–159.
285. Катышев, П. А. Риторизованное взаимодействие / П. А. Катышев // Риторика : УМК для студентов гуманитарных факультетов / Л. А. Араева, М. В. Вяткина, П. А. Катышев [и др.] / под ред. П. А. Катышева. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 2002. – С. 123–140.
286. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации : краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 256 с.

287. Кибрик, А. Е. Куда идет современная лингвистика // Лингвистика на исходе XX века : тез. междунар. конф. / А. Е. Кибрик. – М., 1995. – Т. 1. – С. 217–219.
288. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
289. Кибрик, А. А. Функционализм / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян // Современная американская лингвистика / под ред.: А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – С. 276–339.
290. Кильмухаметова, Е. Ю. Основные понятия теории релевантности / Е. Ю. Кильмухаметова // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291. – С. 170–172.
291. Киреева, Т. В. Документально-художественный синтез как дискурсивная стратегия литературной личности: лингвориторический подход (А. И. Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Киреева Татьяна Витальевна. – Нальчик, 2012. – 24 с.
292. Киуру, К. В. SEO-копирайтинг как технология создания текстов для сайтов спортивных клубов / К. В. Киуру // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 85, № 35 (326). – С. 64–68.
293. Клемёнова, Е. Н. Квантор. Смысл. Текст. Интерпретация / Е. Н. Клемёнова. – М. : Флинта: Наука, 2017. – 168 с.
294. Ключкова, Е. С. Коммуникативные стратегии в виртуальной научной дискуссии в условиях речевого конфликта / Е. С. Ключкова // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 78–84.
295. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста : монография / Н. И. Клушина. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта, 2019. – 241 с.
296. Ключев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учеб. пособие для вузов / Е. В. Ключев. – М. : ПРИОР, 1999. – 272 с.
297. Кожемякин, Е. А. От переводчиков / Е. А. Кожемякин, Е. В. Переверзев // Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация

доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – С. 8–11.

298. Козлова, М. С. Идея «языковых игр» / М. С. Козлова // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М., 1996. – С. 5–24.

299. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Татьяна Николаевна Колокольцева. – Саратов, 2001. – 48 с.

300. Комиссаров, И. И. Основные функции моделирования в философии и науке [Электронный ресурс] / И. И. Комиссаров // Гуманитарный вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. – 2020. – Вып. 2. – С. 1–13. – URL : <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-2-658> (дата обращения: 20.11.2024).

301. Коморбидность пациентов с хроническими неинфекционными заболеваниями в практике врача-терапевта. Евразийское руководство / О. М. Драпкина, А. В. Концевая, А. М. Калинина [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2024. – Т. 23, № 3: 3696. – С. 113–418.

302. Кононюк, А. Е. Обобщенная теория моделирования. Начала. – К. 1., Ч. 1. / А. Е. Кононюк. – Киев, 2012. – 602 с.

303. Коньков, В. И. Популяризация научных знаний в медийной среде: речевые стратегии / В. И. Коньков // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации : коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Ю. М. Коняева. – СПб. : Медиапир, 2022. – С. 61–66.

304. Коньков, В. И. Стилистические явления в речевой практике СМИ / В. И. Коньков // Вестник Пермского государственного университета. – 2009. – Вып. 6. – С. 14–18.

305. Коньков, В. И. Утилитарность как базовое свойство медиатекста / В. И. Коньков // Медиалингвистика. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2015. – Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа : сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Н. С. Цветова. – С. 174–177.

306. Копнина, Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения / Г. А. Копнина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 7–19.

307. Копнина, Г. А. Основные векторы развития лингвистики информационно-психологической войны / Г. А. Копнина, Е. В. Еремина // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 16 (6). – С. 895–910.

308. Копнина, Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 176 с.

309. Копнина, Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыта системного описания : монография / Г. А. Копнина. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 576 с.

310. Копнина, Г. А. Риторический канон в свете современной лингвистики / Г. А. Копнина, А. П. Сковородников // Выпуск 12: Риторика – Лингвистика : сб. статей / ред. М. П. Тихонова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. – С. 37–47.

311. Копнина, Г. А. Триггерные высказывания в новостном интернет-дискурсе: опыт экспериментального исследования / Г. А. Копнина, И. А. Славкина, Г. А. Цатурян, А. Н. Роу // Медиалингвистика. – 2024. – № 11 (4). – С. 433–447.

312. Копнина, Г. А. Триггерные высказывания как объект лингвистических исследований: проблема определения и критерии идентификации / Г. А. Копнина, А. Н. Роу (Забродина), Г. А. Цатурян // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(5). – С. 916–925.

313. Копытов, О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте: авторизация и персуазивность : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Копытов Олег Николаевич. – Владивосток, 2004. – 28 с.

314. Кормилицына, М. А. Риторическая организация речи (адресованность речи) / М. А. Кормилицына // Хорошая речь: коллективная монография / под ред.: М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 211–222.

315. Корнев, В. Н. Средства локальной и глобальной связности публицистического текста (на примере немецкого политического комментария) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Корнев Владимир Николаевич. – СПб., 2010. – 22 с.

316. Короленко, Ц. П. Спектры психических переживаний: норма и патология : монография / Ц. П. Короленко, Т. А. Шпикс, И. В. Турчанинова ; под науч. ред. Ц. П. Короленко. – Новосибирск : ООО «Немо Пресс», 2021. – 284 с.

317. Коротная, М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Коротная Марина Леонидовна. – Тверь, 1996. – 16 с.

318. Косарев, А. В. Прагматистские основания риторического поворота: историко-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Косарев Андрей Викторович. – Томск, 2017. – 255 с.

319. Косарев, А. В. Риторический поворот: концепция риторического исследования в науке / А. В. Косарев // Философия науки. – 2016. – № 4 (71). – С. 13–25.

320. Костина, А. В. Информатизация и тенденции развития общества XXI века / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 1. – С. 143–156.

321. Костина, К. В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Костина Ксения Викторовна. – Иркутск, 2011. – 19 с.

322. Котельникова, Л. А. Системный подход к процессу убеждения и аргументации / Л. А. Котельникова, Г. И. Рузавин // Теория и практика аргументации : сб. ст. / Ин-т философии РАН ; отв. ред. И. А. Герасимова. – М., 2001. – С. 7–27.

323. Коткавирта, Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера / Ю. Коткавирта ; пер. с нем. Т. Б. Марковой // Герменевтика и деконструкция / под ред.: В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. – СПб., 1999. – С. 47–67.

324. Котов, А. А. Механизмы речевого воздействия : монография / А. А. Котов. – М. : Изд-во РГГУ, 2021. – 432 с.

325. Кохтев, Н. Н. Основы ораторской речи / Н. Н. Кохтев. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 240 с.
326. Коцюбинская, Л. В. Информационная война: методологические принципы лингвистического исследования / Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. – 2020. – № 4 (82). – С. 53–59.
327. Кошелев, А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка : монография / А. Д. Кошелев. – М. : Изд. дом ЯСК, 2017. – 528 с.
328. Кошкарлова, Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве : монография / Н. Н. Кошкарлова. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. – 360 с.
329. Кошкарлова, Н. Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 50–56.
330. Кравченко, А. В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму. (Новая повестка дня в языкознании.) / А. В. Кравченко. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 432 с.
331. КРГ – Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред.: Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. – М. : Русский язык, 1989. – 639 с.
332. Кристева, Ю. Текст и наука о тексте / Ю. Кристева // Избранные труды: Разрушение поэтики. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 33–52.
333. Кронгауз, М. А. Screenlife в эпоху карантина / М. А. Кронгауз // Коммуникативные исследования. – 2020. – № 4. – С. 735–744.
334. Крюкова, Н. Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Крюкова Наталия Федоровна. – Тверь, 2000. – 288 с.

335. Кубрякова, Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение / Е. С. Кубрякова // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 4–14.
336. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
337. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Изд. дом ЯСК, 2004. – 560 с.
338. Кулинич, А. А. Семиотические когнитивные карты. Ч. 1. Когнитивный и семиотический подходы в информатике и управлении / А. А. Кулинич // Проблемы управления. – 2016. – № 1. – С. 2–10.
339. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
340. Кутлалиев, А. Х. Эффективность рекламы / А. Х. Кутлалиев, А. В. Попов. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2006. – 416 с.
341. Кушнерук, С. Л. Информационно-психологическая война в зарубежной коммуникации: взгляд дискурсолога / С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2020. – Вып. 121, № 7 (441). – С. 97–105.
342. Кушнерук, С. Л. Становление лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4 (1). – С. 105–118.
343. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер с англ.: А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
344. Лахманн, Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического / Р. Лахманн ; пер. с нем.: Е. Аккерман, Ф. Полякова. – СПб. : Академический проект, 2001. – 368 с.

345. Лебедев, С. А. Философия науки : словарь основных терминов. – 2-е изд., перераб. и доп. / С. А. Лебедев. – М. : Академический Проект, 2006. – 320 с.
346. Ленкова, Т. А. Медiateкст в свете текстообразующих стратегий : монография / Т. А. Ленкова. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 136 с.
347. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований : монография / О. А. Леонтович. – М. : Гнозис, 2011. – 224 с.
348. Леонтьев, А. А. Восприятие текста как психологический процесс / А. А. Леонтьев // Психолингвистическая и психологическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев : Вища школа, 1979. – С. 18–29.
349. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики : учебник для студентов высш. учеб. заведений / А. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр.и доп. – М. : Смысл : Изд. центр «Академия», 1999. – 288 с.
350. Леонтьев, А. А. От редактора / А. А. Леонтьев // Слобин Д. Психолингвистика. Грин Дж. Психолингвистика. Хомский и психология : пер. с англ. Е. И. Негневицкой / под общ. ред. А. А. Леонтьева. – Изд. 5-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 5–16.
351. Леонтьев, А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А. А. Леонтьев ; под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Смысл, 2019. – 271 с.
352. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания : монография / А. А. Леонтьев. – 3-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 312 с.
353. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 1997. – 365 с.
354. Леонтьев, А. А. Фазовая структура речевого акта и природа планов / А. А. Леонтьев, Т. В. Рябова // Планы и модели будущего в речи. – Тбилиси : Изд-во ин-та психологии им. Д. Н. Узнадзе, 1970. – С. 27–32.
355. Лесняк, М. В. Коммуникативные стратегии англоязычного спикера в научно-популярном медиадискурсе (на примере материалов проекта Ted

Conference) / М. В. Лесняк, А. А. Товкаленко // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 465. – С. 22–28.

356. Лидерс, А. Г. Развитие представлений об ориентировке и ориентировочной деятельности в концепции П. Я. Гальперина / А. Г. Лидерс, Ю. И. Фролов // Культурно-историческая психология. – 2012. – Т. 8, № 4. – С. 13–27.

357. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия оценочных смыслов : коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова [и др.]. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

358. Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга IV / отв. ред. А. П. Сковородников. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2021. – 340 с.

359. Литвиненко, Т. Е. Прототипичность vs. инвариантность в определении текста / Т. Е. Литвиненко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2 (18). – С. 140–147.

360. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000а. – 880 с.

361. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000б. – 624 с.

362. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2000в. – 846 с.

363. Лосева, Л. М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых / Л. М. Лосева // Русский язык в школе. – 1977. – № 1. – С. 90–94.

364. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Изд. дом ЯСК, 1999. – 464 с.

365. Лотман, Ю. М. Риторика / Ю. М. Лотман // Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). – СПб. : Искусство–СПб, 1998. – С. 404–422.

366. Лукашевич, Е. В. Структура массмедийного концепта ПРОТЕСТ: дискурсивные практики современности / Е. В. Лукашевич // Вестник

Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 6: Журналистика. – С. 228–238.

367. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа : учебник / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.

368. Лукьянова, Н. А. Уровни соподчинения семиотических элементов в коммуникативном пространстве / Н. А. Лукьянова // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321, № 6. – С. 191–196.

369. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики : монография / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 252 с.

370. Ляйнеманн, Р. Измерения медиарилейшнз: как оценить вклад PR в успех компании / Р. Ляйнеманн, Е. Байкальцева. – М. : Вершина, 2006. – 248 с.

371. Магировская, О. В. Категориальная конфигурация знаний / О. В. Магировская // Когнитивные исследования языка. – М. : Изд-во Ин-та языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – Вып. X: Категоризация мира в языке : коллективная монография. – С. 121–150.

372. Магировская, О. В. Репрезентация научного знания в дискурсе экспертных блогов врачей (на материале английского и русского языков) / О. В. Магировская, Е. А. Влодарчик // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1 (40). – С. 117–123.

373. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

374. Макарова, Е. Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития / Е. Е. Макарова // Вестник Московского университета. – 2013. – № 2. – С. 98–104.

375. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева. – 5-е изд., испр. – М. : Кучково поле, 2019. – 464 с.

376. Максимова, Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия : монография. / Н. В. Максимова. – М. : Изд-во РГГУ, 2005. – 317 с.

377. Мальковская, И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы : монография / И. А. Мальковская. – 2-е изд., испр. – М. : КомКнига, 2005. – 240 с.

378. Малявин, В. В. Китайский этнос, или дар покоя / В. В. Малявин. – Иваново : Роща, 2016. – 522 с.
379. Мамедов, Н. М. Моделирование и синтез знаний : монография / Н. М. Мамедов. – Баку : Элм, 1979. – 107 с.
380. Ман де, П. Аллегория чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / Ман де П. ; пер. с англ. С. Никитина. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. – 368 с.
381. Марков, Б. В. Мораль и разум / Б. В. Марков // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб. : Наука, 2001. – С. 287–377.
382. МАС (Малый академический словарь) – Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 2. – 4-е изд., стер. – М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
383. Матвеева, Г. Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Г. Г. Матвеева, И. В. Самарская, Л. Н. Селиверстова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2009. – Сер. 12. – С. 50–56.
384. Матвеева, Т. В. Тема текста // Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-н/Д : Феникс, 2010. – С. 484–486.
385. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – 2-е изд., доп. – М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.
386. Медведева, С. Ю. Риторика и риторическая критика в США / С. Ю. Медведева // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы : сб. научно-аналит. обзоров / отв. ред. Н. А. Безменова. – М. : ИНИОН, 1987. – С. 91–113.
387. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И. А. Мельчук. – М. : Изд. дом ЯСК, 2012. – 176 с.
388. Минаева, Л. В. Речь в мире политики : монография / Л. В. Минаева. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 224 с.
389. Минеева, С. А. Диалогические основы развивающего образования: размышления об «идеальной форме» и трудностях достижения [Электронный ресурс] / С. А. Минеева // Образование 21 века: достижения и перспективы. – Рига,

2002. – URL : http://old.experiment.lv/rus/biblio/obraz_21veka/2.3_mineeva.htm (дата обращения: 20.01.2024).

390. Митрошенков, О. А. Что придет на смену постмодернизму? [Электронный ресурс] / О. А. Митрошенков // Metamodern: журнал о метамодернизме. – 15.02.2016. – URL : <https://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (дата обращения: 10.02.2024).

391. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия : монография / О. Л. Михалева. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

392. Михальская, А. К. Основы риторики. Мысль и слово : учеб. пособие / А. К. Михальская. – М., 1996. – 416 с.

393. Михальская, А. К. Сравнительно-историческая риторика : учеб. пособие / А. К. Михальская. – М. : ФОРУМ ; ИНФРА-М, 2019. – 320 с.

394. Мишанкина, Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.19 / Мишанкина Наталья Александровна. – Томск, 2010. – 44 с.

395. Моисеева, И. Ю. Синергетическая модель текстообразования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Моисеева Ирина Юрьевна. – Челябинск, 2007. – 39 с.

396. Морина (Голышкина), Л. А. «О мерах для сближения с Монголией»: риторическое декодирование аналитической записки / Л. А. Морина (Голышкина) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2023. – № 4. – С. 31–38.

397. Морина (Голышкина), Л. А. Аргументационная специфика пандемийного медиадискурса: практика риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 6. – С. 171–182.

398. Морина (Голышкина), Л. А. Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования / Л. А. Морина (Голышкина) // Когнитивные исследования языка. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. – Вып. 3 (50): Когниция,

культура, коммуникация в современных гуманитарных науках / отв. ред. Е. В. Федяева. – С. 305–308.

399. Морина (Голышкина), Л. А. Семиотические основания риторического декодирования текста / Л. А. Морина (Голышкина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 8 (876). – С. 66–72.

400. Морина, Л. А. Аргументационное моделирование образа Китая в просветительском интервью (из опыта риторического декодирования) / Л. А. Морина // Филология и лингводидактика: российско-китайский научный диалог : коллективная монография / под ред. А. Г. Кротовой. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2023. – Гл. 1.1. – С. 10–24.

401. Морина, Л. А. Зоны риторических рисков в медиатекстах турбулентного времени / Л. А. Морина // Научный диалог. – 2024. – № 13 (4). – С. 132–151.

402. Морина, Л. А. Об эффективности пандемийного медиатекста: экспериментальные наблюдения в фокусе риторического декодирования [Электронный ресурс] / Л. А. Морина // Этнопсихолингвистика. – 2022. – № 3 (10). – С. 51–61. – URL : <https://epl-inion.org/article.php?id=106> (дата обращения: 07.12.2024).

403. Морина, Л. А. Прототип и инвариант в концепции риторического декодирования текста / Л. А. Морина // Когнитивные исследования языка. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – Вып. 3 (54): Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. – Ч. 2. / отв. ред. Л. А. Фурс. – С. 733–737.

404. Моррис, Ч. У. Из книги «Значение и означивание» / Ч. У. Моррис ; пер. с англ. В. П. Мурат // Семиотика. Т. 1 / общ. ред. Ю. С. Степанова. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 116–130.

405. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис ; пер. с англ. В. П. Мурат // Семиотика. Т. 1 / общ. ред. Ю. С. Степанова. – Благовещенск : Изд-во БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – С. 36–88.

406. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
407. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс : монография / Г. Г. Москальчук. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
408. Москвин, В. П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов / В. П. Москвин. – Ростов-н/Д : Феникс, 2008. – 637 с.
409. Москвин, В. П. Понятие текста и критерии текстуальности / В. П. Москвин // Русская речь. – 2012. – № 6. – С. 37–48.
410. Москвин, В. П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения / В. П. Москвин. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2022. – 218 с.
411. Мохамед (Рафикова), Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Мохамед (Рафикова) Наталия Валерьевна. – Тверь, 2000. – 346 с.
412. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие : монография / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1991. – 171 с.
413. Мэй, Л. Риторическая критика: теоретический и практический аспекты / Л. Мэй // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение : сб. статей XXII междунар. науч. конф., 30 ян.– 1 февр. 2019 г. – М. : Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 449–455.
414. Назайкин, А. Н. Эффективный рекламный текст в СМИ / А. Н. Назайкин. – М. : Изд-во МГУ, 2011. – 480 с.
415. Назайкин, А. Н. Современные подходы к оценке эффективности текста / А. Н. Назайкин // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2023. – Т. 22, № 9: Филология. – С. 31–40.
416. Немцев, М. Ю. О понятии «текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр) / М. Ю. Немцев // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 309. – С. 36–38.
417. Нестерова, О. А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия : автореф.

дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Нестерова Ольга Александровна. – М. , 2010. – 40 с.

418. Неуймин, Я. Г. Модели в науке и технике : история, теория, практика / Я. Г. Неуймин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 189 с.

419. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) : монография / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурятское книжн. изд-во, 1974. – 261 с.

420. Никитина, О. А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) / О. А. Никитина, О. А. Гудкова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4 (39). – С. 123–132.

421. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 467–472.

422. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. Лингвистика текста. – С. 3–39.

423. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Изд. дом ЯСК, 2000. – 680 с.

424. Новиков, А. И. Лингвистический и экстралингвистический элементы семантики текста / А. И. Новиков // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М. : Наука, 1982. – С. 10–22.

425. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация : монография / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 216 с.

426. Новые слова и словари новых слов. 2020: сб. науч. статей / отв. ред. Н. В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2020. – 220 с.

427. Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего: От замысла к высказыванию / Б. Ю. Норман. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 232 с.

428. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б. Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
429. Огурцов, А. П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности / А. П. Огурцов // Философия науки. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2005. – Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – С. 54–81.
430. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич. – М. : Гнозис, 2007. – 407 с.
431. Омельченко, С. Р. В поисках антропологии языка / С. Р. Омельченко // Научный диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 76–84.
432. Оптимизация речевого воздействия : коллективная монография / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. А. Безменова [и др.] ; ред. Р. Г. Котов. – М. : Наука, 1990. – 240 с.
433. Орлова, Н. В. Дискурсивная семантика: онтологические основания и опыт реконструкции / Н. В. Орлова, Л. О. Бутакова // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 30–37.
434. Осадчий, М. А. Русский язык в судебном процессе : Книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR / М. А. Осадчий. – 2-е изд., стереотип. – М. : ЛЕНАНД, 2020. – 256 с.
435. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин ; пер. с англ. А. А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 22–129.
436. Откупщикова, М. И. Синтаксис связного текста / М. И. Откупщикова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 103 с.
437. Ощепков, А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.
438. Павилёнис, Р. И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) / Р. И. Павилёнис // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 380–388.

439. Павлов, В. Путь длиною в 400 лет. История российско-китайских отношений [Электронный ресурс] / В. Павлов // Российское историческое общество : сайт. – 25.12.2019. – URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/put-dlinoyu-v-400-let-istoriya-rossijsko-kitajskikh-otnoshenij.html> (дата обращения: 08.10.2024).

440. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений : монография / Е. В. Падучева. – М. : Изд-во ЛКИ, 2014. – 296 с.

441. Падучева, Е. В. Эгоцентрические единицы языка / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – М. : Изд. дом ЯСК, 2019. – 440 с.

442. Панарин, И. Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И. Н. Панарин. – М. : Поколение, 2012. – 228 с.

443. Панова, Е. Ю. Риторизация современного медиaprостранства как фактор релевантности проблемы риторического кода в медиадискурсе / Е. Ю. Панова // Медиалингвистика. – 2019. – № 6 (4). – С. 484–495.

444. Панченко, Н. В. Композиция как традиционный объект филологических исследований: форма и/или содержание / Н. В. Панченко // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – Т. 1, № 2 (70). – С. 140–147.

445. Панюкова, С. А. Трансформация научно-популярной журналистики в современном информационном пространстве : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 5.9.9 / Панюкова Светлана Александровна. – Челябинск, 2024. – 24 с.

446. Папилова, Е. В. Имагология в рамках филологии / Е. В. Папилова // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 1. – С. 204–213.

447. Папилова, Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Сер. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.

448. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов журналистов и филологов / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

449. Паршин, П. Б. Речевое воздействие [Электронный ресурс] / П. Б. Паршин // Кругосвет : энциклопедия. – URL : https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika (дата обращения: 07.04.2024).

450. Паршин, П. Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П. Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика. – М. : Междунар. ин-т рекламы ; Изд. дом Гребенникова, 2000. – С. 55–73.

451. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.

452. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика: монография / О. Н. Паршина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

453. Перельман, Х. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» (Часть 3, Глава III. Аргументация, обосновывающая структуру реального) : пер. с франц. / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека ; сост. : В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 207–264.

454. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс ; пер. с англ.: К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М. : Логос, 2000. – 448 с.

455. Питина, С. А. Русская и англоязычная лингвокультуры: контрастивный анализ / С. А. Питина // Мир языка и национальная культура: взгляд из современности : коллективная монография / Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева [и др.]. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. – С. 107–169.

456. Пищальникова, В. А. Психопозитика : монография / В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1999. – 175 с.

457. Пищальникова, В. А. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – Вып. 4 (820). – С. 38–50.

458. Подольский, А. И. Интеллект в системе ориентировочной деятельности / А. И. Подольский // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / под ред. О. К. Тихомирова. – М., 1979. – С. 204–210.

459. Подольский, А. И. Функциональное развитие познавательной деятельности в условиях ее планомерного формирования : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.07 / Подольский Андрей Ильич. – М., 1987. – 450 с.

460. Полан, Ж. Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Ж. Полан ; пер. с франц. А. Шестакова. – СПб. : Наука, 2002. – 336 с.

461. Полонский, А. В. Массмедийность: диалектика массмедийной формы / А. В. Полонский // Медиалингвистика. – Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа : сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб. : Изд-во СПбГУ, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 41–45.

462. Полулях, Д. С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка / Д. С. Полулях // Политическая наука. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 245–260.

463. Понимание и рефлексия в России : сб. материалов докл. на междунар. науч.-практ. конф., г. Тверь, 29–30 ноября 2019 г. / отв. ред.: М. В. Оборина, М. Е. Отставнов. – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2020. – 462 с.

464. Поппер, К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

465. После постпозитивизма : сб. науч. статей [Электронный ресурс] / научн. ред. и сост.: И. Т. Касавин, И. Д. Невважай, Л. В. Шиповалова, Д. С. Артамонов. – М. : Русское общество истории и философии науки, 2022. – 769 с. – URL : <http://rshps.ru/books/congress2022.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

466. Пospelов, Н. С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. – М.–Л., 1948. – Вып. 2. – С. 43–68.

467. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструментарий политики / Г. Г. Почепцов. – М. : Алгоритм, 2015. – 256 с.

468. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-

бук ; Киев : Ваклер, 2001. – 656 с.

469. Приходько, М. В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия / М. В. Приходько // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2023. – № 3. – С. 57–71.

470. Прохорова, Т. Н. Реализация прагматического потенциала современного русского языка в жанрах газетной журналистики : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.01 ; 10.01.10 / Прохорова Татьяна Николаевна. – Белгород, 2003. – 48 с.

471. Радбиль, Т. Б. Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, Л. Ясаи [и др.] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – № 1. – С. 149–153.

472. Радбиль, Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи / Т. Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. – 2006. – № 2 (12). – С. 56–79.

473. Ракитов, А. И. Постинформационное общество / А. И. Ракитов // Философские науки. – 2016. – № 12. – С. 7–19.

474. Рахилина, Е. В. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова, С. Ю. Жукова // Вопросы языкознания. – 2021. – № 2. – С. 7–27.

475. Ревзин, И. И. Модели языка / И. И. Ревзин. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 190 с.

476. Реес ван, М. А. Интерпретация и реконструкция аргументации / М. А. ван Реес // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 198–238.

477. Резанова, З. И. Оценочный фон риск-коммуникации в сфере здоровья: новости vs Твиттер (на материале текстов о пандемии COVID-19) / З. И. Резанова,

Ю. Е. Сыпченкова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2024. – № 92. – С. 94–111.

478. Резников, В. М. Объяснение явлений посредством моделей в естествознании и их понимание / В. М. Резников // Философия науки. – 2015. – № 4. – С. 29–39.

479. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации : коллективная монография / Е. Ф. Тарасов, Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина [и др.] ; отв. ред.: Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1990. – 136 с.

480. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр ; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М. : Канон-Пресс-Центр; Кучково поле, 2002. – 624 с.

481. Рикёр, П. Модель текста: осмысленное действие как текст / П. Рикёр ; пер. с англ. А. Борисенковой // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 25–43.

482. Рогова, К. А. О значении и употреблении обобщенно-личных предложений / К. А. Рогова // Тенденции развития русского языка : сб. статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / отв. ред. В. И. Трубинский. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 155–164.

483. Рогова, К. А. О смысловой глубине текста / К. А. Рогова // Материалы XXVII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – СПб., 1998. – Вып. 12. Секция стилистики русского языка, Ч. 1. – С. 27–32.

484. Рогова, К. А. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пособие / К. А. Рогова, Д. В. Колесова, Н. В. Шкурина [и др.] ; под ред. К. А. Роговой. – СПб. : Златоуст, 2011. – 464 с.

485. Рождественский, Ю. В. Общая филология / Ю. В. Рождественский. – М. : Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

486. Рождественский, Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. – 3-е изд., испр. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 176 с.

487. Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. – 2-е изд., испр. – М. : Добросвет, 1999. – 482 с.

488. Розин, В. М. Семиотические исследования : монография / В. М. Розин. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 256 с.
489. Романов, А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А. А. Романов. – М. : Изд-во Ин-та языкознания АН СССР ; Тверской СХИ, 1988. – 183 с.
490. Романова, Л. А. Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Романова Лариса Алексеевна. – Великий Новгород, 2010. – 48 с.
491. Романова, Т. В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками / Т. В. Романова // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – Т. 8, № 1. – С. 170–181.
492. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти ; пер. с англ. В. В. Целищева. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2022. – 368 с.
493. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021) : коллективная монография / науч. ред.: И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. – М. : Изд-во Ин-та языкознания–ММА, 2021. – 626 с.
494. Рубакин, Н. А. Библиологическая психология и литературоведение: доклад обществу любителей российской словесности, читанный 11 мая 1927 г. в Москве / Н. А. Рубакин // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1987. – С. 136–165.
495. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
496. Руженцева, Н. Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи : монография / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 291 с.
497. Руженцева, Н. Б. Портрет политика в зеркале разговорной речи (на материале печатных СМИ) / Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 33–41.

498. Руженцева, Н. Б. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ / Н. Б. Руженцева, Н. Н. Кошкарлова, А. П. Чудинов // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 99–114.

499. Рузавин, Г. И. Методология научного познания : учеб. пособие для вузов / Г. И. Рузавин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 287 с.

500. Русский язык коронавирусной эпохи : коллективная монография / Т. Н. Буцева, Х. Вальтер, И. Т. Вепрева [и др.] ; ред. коллегия: Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 2021. – 610 с.

501. Рынковой, И. В. Феномен чуда / И. В. Рынковой // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 5 (37). – С. 46–52.

502. Рябуха, О. В. К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов / О. В. Рябуха // Исследования языка и современное гуманитарное знание. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 72–80.

503. Савчук, Т. Н. Тактика эмоционального усиления аргументации в письменном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 478. – С. 30–43.

504. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Изд. дом ЯСК, 2008. – 624 с.

505. Сахарный, Л. В. Набор ключевых слов как тип текста / Л. В. Сахарный, А. С. Штерн // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности : сб. науч. тр. – Пермь, 1988. – С. 34–51.

506. Северская, О. И. Ковидиоты на карантинках: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 887–906.

507. Серебренникова, Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса / Е. Ф. Серебренникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2. – С. 13–18.

508. Серио, П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио ; авториз. пер. с франц. Ю. С. Степанова // *Философия языка, в границах и вне границ* / под ред. Ю. С. Степанова. – Харьков : ОКО, 1993. – С. 37–52.

509. Серио, П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. / П. Серио ; авториз. пер. с франц. Н. С. Автономовой. – М. : Изд. дом ЯСК, 2001. – 360 с.

510. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. В. З. Демьянкова // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986а. – Вып. 17. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 170–194.

511. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. Н. В. Перцова // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986б. – Вып. 17. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 195–222.

512. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. И. М. Кобозевой // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986в. – Вып. 17. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 151–169.

513. Сидоров, Е. В. Онтология дискурса : монография / Е. В. Сидоров. – 2-е изд. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

514. Сидорова, М. Ю. Регистровая техника и ее возможности / М. Ю. Сидорова // *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста* : сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. – М. : Едиториал УРСС, 2016. – С. 487–497.

515. Силантьев, И. В. Газета и роман : Риторика дискурсных смещений : монография / И. В. Силантьев. – М. : Изд. дом ЯСК, 2006. – 224 с.

516. Синельникова, Л. Н. Триггеры резонансности и формирование пандемического коронавирусного дискурса / Л. Н. Синельникова, Л. В. Селезнева // *Критика и семиотика*. – 2022. – № 2. – С. 91–113.

517. Сиротинина, О. Б. Основные критерии хорошей речи / О. Б. Сиротинина // *Хорошая речь* : коллективная монография / под ред.: М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 16–28.

518. Складьяревская, Г. Н. Метафора в системе языка : монография / Г. Н. Складьяревская. – СПб. : Наука, 1993. – 152 с.

519. Складьярова, Н. Г. Лингвосемиотика медийного пандемического дискурса (на материале англоязычных публикаций, посвященных эпидемии коронавируса) / Н. Г. Складьярова, А. В. Лаврухина // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 492. – С. 40–49.

520. Скобликова, Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) : учеб. пособие / Е. С. Скобликова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 320 с.

521. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2016. – № 1 (55). – С. 42–50.

522. Сковородников, А. П. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. – 2017. – № 4 (19). – С. 70–79.

523. Скокова, Т. В. Медиариторические модели российских печатных СМИ в период конституционного кризиса 1992–1993 гг. и выборов в Государственную Думу I созыва («Известия», «Правда», «Независимая газета») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Скокова Татьяна Владимировна. – М., 2021. – 26 с.

524. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы : монография / Т. Г. Скребцова. – М. : Изд. дом ЯСК, 2018. – 392 с.

525. Сметанина, С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) : монография / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

526. Смолененкова, В. В. Основы риторической критики : учеб. пособие / В. В. Смолененкова. – М. : Форум: Инфра-М, 2016. – 192 с.

527. Смолененкова, В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Смолененкова Валерия Владимировна. – М., 2005. – 24 с.

528. Снук Хенкеманс, А. Ф. Структуры аргументации / А. Ф. Снук Хенкеманс // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 123–161.

529. Соболева, А. К. Топическая юриспруденция / А. К. Соболева. – М. : Добросвет, 2001. – 225 с.

530. Соболева, А. К. Риторическая герменевтика и интерпретация текстов права / А. К. Соболева // Риторика. – 1997. – № 1 (4). – С. 103–130.

531. Соборная, И. С. Этнокультурные особенности русских, польских и немецких сказок (лингвориторический аспект) : монография / И. С. Соборная, А. А. Ворожбитова. – Сочи : Изд-во СГУТиКД, 2005. – 107 с.

532. Солганик, Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 7–15.

533. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста : монография / Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1985. – 166 с.

534. Спиркин, А. Г. Метод / А. Г. Спиркин // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М., 1974. – Т. 16. – С. 472.

535. Стасива, Г. Д. Русский научно-фантастический дискурс XX в. как лингвориторический конструкт : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Стасива Галина Дмитриевна. – Нальчик, 2010. – 23 с.

536. Степаненко, С. Б. Философия и риторика / С. Б. Степаненко // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311, № 7. – С. 5–9.

537. Степанов, А. Д. Понятие топос – проблема границ / А. Д. Степанов // Мир русского слова. – 2018. – № 2. – С. 41–46.

538. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики : монография / Ю. С. Степанов. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.

539. Степанов, Ю. С. Французская стилистика / Ю. С. Степанов. – М. : Высшая школа, 1965. – 354 с.
540. Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Изд. дом ЯСК, 1998. – 784 с.
541. Стернин, И. А. О понятии коммуникативного поведения / И. А. Стернин // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. – Halle, 1989. – S. 279–282.
542. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учеб. издание / И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
543. Столнейкер, Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер ; пер. с англ. В. В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 419–438.
544. Стоуньер, Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер ; пер. с англ. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на западе. – М. : Прогресс. – С. 392–409.
545. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII. – С. 131–150.
546. Субботина, И. К. Языковая и литературная личность А. Гайдара в лингвориторических параметрах советского художественно-идеологического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Субботина Инга Кеворковна. – Нальчик, 2011. – 23 с.
547. Сун, Дандань. Лингвистическая имагология как направление современных научных исследований: обзор литературы / Дандань Сун // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. статей. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2018. – Т. 9, № 9. – С. 387–393.
548. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – М. : Восток–Запад, 2006. – 200 с.

549. Сухая, Е. В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания / Е. В. Сухая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 6 (639). – С. 212–220.

550. Сухих, С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 71–77.

551. Сыроватская, Н. С. Риторическая авторизации и формы её выражения в журналистских текстах аналитического типа (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Сыроватская Надежда Сергеевна. – СПб., 2009. – 18 с.

552. Талызина, Н. Ф. Управление процессом усвоения знаний / Н. Ф. Талызина. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 344 с.

553. Тань, Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность : монография / Аошуан Тань. – М. : Изд. дом ЯСК, 2004. – 240 с.

554. Тарасов, Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е. Ф. Тарасов // Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / отв. ред. А. А. Леонтьев. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 15–147.

555. Тертычный, А. А. Быть ли научно-популярной журналистике? / А. А. Тертычный // Вестник Воронежского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 212–217.

556. Технологии медиатекста: учеб. пособие для вузов / И. В. Ерофеева, О. В. Сафронов, Ю. А. Полякова [и др.]. – 2-е изд, испр. – СПб. : Лань, 2023. – 152 с.

557. Тимофеева, М. К. О границах и содержании прагматики / М. К. Тимофеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 5–18.

558. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса : пер. с нем. / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. – Харьков : Гуманитарный Центр, 2017. – 356 с.

559. Тодоров, Цв. Теории символа / Цв. Тодоров ; пер. с франц. Б. Нарумова. – М. : Дом интеллектуальной книги ; Русское феноменологическое общество, 1999. – 408 с.

560. Топоров, В. Н. Риторика / В. Н. Топоров // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 416–417.

561. Тоффлер, Э. Третья волна : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.

562. Тоффлер, Э. Шок будущего : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.

563. Точицкая, Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого воздействия в жанрах арт-журналистики (рецензия, репортаж) / Н. А. Точицкая // Медиалингвистика. – 2021. – Т. 8, № 3. – С. 287–298.

564. Троицкий, Ю. Л. Концепция гуманитарного образования / Ю. Л. Троицкий, В. И. Тюпа // Стратегии понимания и становления языковой личности: инновации коммуникативной дидактики : коллективная монография / науч. ред. Н. В. Максимова. – Новосибирск : ООО «ЭКСЕЛЕНТ», 2024. – С. 11–24.

565. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ : монография / Н. А. Трофимова. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

566. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филологические науки. – 2001. – № 3. – С. 56–65.

567. Тузовский, И. Д. Постправда как синдром цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего / И. Д. Тузовский // Философская мысль. – 2020. – № 12. – С. 42–60.

568. Тумина, Л. Е. Русская риторика XVII–XX веков: учение о повествовании : монография / Л. Е. Тумина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 132 с.

569. Тураева, З. Я. Лингвистика текста. Текст: структура и семантика : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – 2-е изд., доп. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.

570. Туркина, О. А. Тематический анализ как разновидность дискурс-анализа: синтез социологического и лингвистического подходов / О. А. Туркина // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2018. – № 2. – С. 76–83.

571. Тюпа, В. И. Дискурсные формации: очерки по компаративной риторике : монография / В. И. Тюпа. – М. : Изд. дом ЯСК, 2010. – 320 с.

572. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса : монография / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск : Изд-во БГУ, 2014. – 223 с.

573. Ухова, Л. В. Теоретические проблемы исследования эффективности рекламного текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ухова Лариса Владимировна. – Ярославль, 2013. – 452 с.

574. Ухова, Л. В. Эффективность рекламного текста: синергетический подход / Л. В. Ухова // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 1. – С. 218–223.

575. Феррони, В. В. Философская проблема понимания: от классики – к современности. Ч. 1: Классика / В. В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. – 2013. – № 2. – С. 50–71.

576. Феррони, В. В. Философская проблема понимания: от классики – к современности. Ч. 2: Понять Другого: эволюция проблемы понимания в естественных, социальных и гуманитарных науках / В. В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. – 2014. – № 1. – С. 20–36.

577. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : курс лекций / К. А. Филиппов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – 331 с.

578. Фирсова, О. А. Способы оценки степени риска [Электронный ресурс] / О. А. Фирсова // Наука-2020. – 2012. – № 1 (1). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-otsenki-stepeni-riska> (дата обращения: 10.12.2024).

579. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во Гос. ин-та русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.

580. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк ; пер. с англ. А. А. Кибрика // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 363–373.

581. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с франц.: М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб. : Изд. центр «Гуманитарная Академия» ; Университетская книга, 2004. – 416 с.

582. Фуллер, С. Постправда : пер. с англ. [Электронный ресурс] / С. Фуллер // ПостНаука : сайт. – 18.04.2018. – URL : <https://postnauka.org/longreads/84059> (дата обращения: 10.02.2024).

583. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть / С. Фуллер ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.

584. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

585. Хабаров, А. А. Межкультурный диалог США и Китая в парадигме информационно-психологической войны: лингвориторический аспект / А. А. Хабаров, А. А. Ворожбитова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 1. – С. 29–41.

586. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб. : Наука, 2001. – 379 с.

587. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 35–40.

588. Хабермас, Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов / Ю. Хабермас // Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. – М. : Весь мир, 2011. – С. 15–26.

589. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. Б. Рахманова // Вопросы социальной теории. – 2007. – Т. I ; Вып. 1. – С. 229–245.

590. Хабермас, Ю. Теория коммуникативной деятельности: Т. 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Т. 2. К критике функционалистского разума / Ю. Хабермас ; пер. с нем. А. К. Судакова. – М. : Весь Мир, 2022. – 880 с.

591. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М. : Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.

592. Хазагеров, Г. Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз / Г. Г. Хазагеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 22, № 2. – С. 357–372.

593. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2011. – 432 с.

594. Хазагеров, Г. Г. Топос vs концепт: К изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-н/Д., 2008. – Вып. 3. – С. 6–26.

595. Хазагеров, Т. Г. Общая риторика: курс лекций; словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина ; отв. ред. Е. Н. Ширяев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1999. – 320 с.

596. Хафизова, А. А. Неполиткорректные приёмы медиариторики (на примере теледебатов Д. Трампа и Дж. Байдена) / А. А. Хафизова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. – 2021. – № 6. – С. 79–89.

597. Хорольский, В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля / В. В. Хорольский // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 75–88.

598. Хоутлоссер, П. Точки зрения / П. Хоутлоссер // Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ.: В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой ; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 34–63.

599. Хутиз, И. П. Коммуникативные категории и стратегии лекционного дискурса / И. П. Хутиз // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 10 (88). – Ч. 2. – С. 374–379.

600. Хутиз, И. П. Персуазивность: специфика феномена в некоторых типах институционального дискурса / И. П. Хутиз, В. А. Колчевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 2 (80). – Ч. 2. – С. 391–394.

601. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика / под ред.: А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – С. 340–369.

602. Чернейко, Л. О. Смысловая структура художественного текста и принципы ее моделирования / Л. О. Чернейко // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст., посвящ. юб. Г. А. Золотовой. – М. : Едиториал УРСС, 2016. – С. 449–460.

603. Черниговская, Т. В. Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологические исследования языковой компетенции) / Т. В. Черниговская, В. Л. Деглин // Ученые записки Тартуского университета : труды по знаковым системам / отв. ред. Ю. М. Лотман. – 1984. – Т. XVII. – С. 33–44.

604. Черниговская, Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание / Т. В. Черниговская. – 3-е изд. – М. : Изд. дом ЯСК, 2017. – 448 с.

605. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1984. – 116 с.

606. Чернышова, Т. В. Профессионально-речевые практики и медиатекст (к основанию функционально-стилевой типологии) / Т. В. Чернышова // Медиалингвистика. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2015. – Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа : сб. статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Н. С. Цветова. – С. 103–105.

607. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Чернышова Татьяна Владимировна. – Барнаул, 2005. – 37 с.

608. Чернявская, В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2 (005). – С. 77–83.

609. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

610. Чернявская, В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 122–127.

611. Черняховская, Л. А. Смысловая структура текста и ее единицы / Л. А. Черняховская // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 117–126.

612. Четыркина, И. В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Четыркина Инна Валерьевна. – Краснодар, 2006. – 34 с.

613. Чигвинцева, О. А. Перформативность коммуникации: от фатики к прагматике / О. А. Чигвинцева // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 107–113.

614. Что такое семантический анализ текста [Электронный ресурс] // Академия SEO : сайт. – URL : <https://seo-akademiya.com/seo-wiki/semanticheskij-analiz-teksta/> (дата обращения: 15.03.2024).

615. Чувакин, А. А. К построению филологической теории коммуникации: статья первая / А. А. Чувакин // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 7–18.

616. Чувакин, А. А. К теории методов риторического исследования / А. А. Чувакин // Записки Горного института. – СПб., 2005. – Т. 160, Ч. 1. – С. 99–100.

617. Чугров, С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 42–59.

618. Чугров, С. В. Эпоха постправды как новая реальность / С. В. Чугров // Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии : учеб.

пособие / под ред. Л. С. Сальниковой. – М. : Изд. дом «Научная библиотека», 2019. – С. 45–59.

619. Чэн, Юйсяо. Образ Китая в российских СМИ: лингвокогнитивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Юйсяо Чэн. – Екатеринбург, 2020. – 24 с.

620. Шаповалов, В. Ф. Основы философии современности. К итогам XX века : курс лекций для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей вузов / В. Ф. Шаповалов. – М. : Флинта : Наука, 1998. – 272 с.

621. Шарандин, А. Л. Методологический статус понятий «инвариант» и «прототип» в современной лингвистике / А. Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4 (029). – С. 121–127.

622. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

623. Швецова, М. Г. Роль СМИ в конструировании образа страны / М. Г. Швецова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 3. – С. 288–298.

624. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : монография / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

625. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография / Е. В. Шелестюк. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 344 с.

626. Шелякин, М. А. Очерки по прагматике русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Русский язык – Медиа ; Дрофа, 2010. – 285 с.

627. Шенк, Р. К. Обработка концептуальной информации / Р. К. Шенк ; пер. с англ. Г. В. Сенина ; под ред. В. М. Брябина. – М. : Энергия, 1980. – 361 с.

628. Шилихина, К. М. «Ваксеры» и «анти-ваксеры»: научно-популярный дискурс и конкуренция стратегий убеждения в агональной коммуникации / К. М. Шилихина // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. – СПб. : Медиапир, 2022. – С. 173–183.

629. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. – 54 с.

630. Шомова, С. А. Медиариторика как метод политической PR-коммуникации / С. А. Шомова // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2003. – № 4. – С. 49–60.

631. Шпильная, Н. Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Шпильная Надежда Николаевна. – Кемерово, 2016. – 624 с.

632. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: Экспериментальное исследование : монография / А. С. Штерн. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992. – 236 с.

633. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 800 с.

634. Щедровицкий, Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.

635. Щедровицкий, Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание / Г. П. Щедровицкий // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. 1986. – М., 1987. – С. 124–146.

636. Щепилова, Г. Г. Модели эффективности рекламы и ее воздействие на потребителя / Г. Г. Щепилова, К. В. Щепилов // Медиаальманах. – 2013. – № 3. – С. 6–13.

637. Щирова, И. А. Текст в период доминирования когнитивных наук: проблемы и возможные решения / И. А. Щирова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой / отв. ред. Н. К. Рябцева. – М. : Изд. дом ЯСК, 2009. – С. 723–735.

638. Ыйм, Х. Я. Прагматика речевого общения / Х. Я. Ыйм // Интеллектуальные процессы и их моделирование. – М. : Наука, 1987. – С. 196–207.

639. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. –

СПб. : Симпозиум, 2004. – 544 с.

640. Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь-справочник / отв. ред. М. И. Панов ; сост. М. И. Панов, Л. Е. Тумина. – М. : ООО Агентство «КРПА Олимп», 2005. – 960 с.

641. Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / Т. Б. Аверина, Н. Н. Акулова, И. Б. Александрова [и др.] ; ред. А. П. Сковородников ; редкол. Г. А. Копнина [и др.] ; Сиб. федер. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. текстовые дан. (PDF, 7,7 Мб). – Красноярск : Изд-во СФУ, 2014. – 852 с.

642. Ягунова, Е. В. Коммуникативная и смысловая структуры текста и его восприятие / Е. В. Ягунова // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 32–49.

643. Якоба, И. А. Дифференциация мягкой, жесткой и умной силы в медийном дискурсе реагирования: экспериментальное исследование / И. А. Якоба // Медиалингвистика. – 2023. – № 10 (2). – С. 265–279.

644. Якоба, И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Якоба Ирина Александровна. – Иркутск, 2019. – 399 с.

645. Якобсон, Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон ; пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры : сб. пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред.: Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 110–132.

646. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон ; пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против» : сб. пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болгар. яз. / под ред.: Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М., 1975. – С. 193–230.

647. Якобсон, Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. Якобсон ; пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Р. Якобсон Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. яз. / общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – С. 319–330.

648. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи : монография / Т. Е. Янко. – М. : Изд. дом ЯСК, 2001. – 384 с.

649. Bar-Hillel, I. Out of the Pragmatic Wastebasket / I. Bar-Hillel // *Linguistic Inquiry*. – 1971. – Vol. 2, № 3. – P. 401–407.
650. Barth, E. M. From Axiom to Dialogue: A Philosophical Study of Logics and Argumentation / E. M. Barth, E. C. W. Krabbe. – Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1982. – 340 p.
651. Barthes, R. L'ancienne rhétorique [Aide-mémoire] / R. Barthes // *Communications*. – 1970. – Vol. 16, is. 1. – P. 172–223.
652. Baudrillard, J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. – Paris : Galilée, 1981. – 235 p.
653. Beaugrande de, R.-A. Introduction to Text Linguistics / R.-A. de Beaugrande, W. Dressler. – London, New York : Longman, 1981. – 270 p.
654. Beaugrande de, R.-A. Text production. Toward a Science of Composition / R.-A. de Beaugrande. – Norwood, New Jersey : Ablex, 1982. – 256 p.
655. Bécue-Bertaut, M. Rhetorical Strategy in Forensic Speeches: Multidimensional Statistics-Based Methodology / M. Bécue-Bertaut, B. Kostov, A. Morin, G. Naro. – DOI 10.1007/s00357-014-9148-9 // *Journal of Classification* – Vol. 31, is. 1. – P. 85–106.
656. Bell, A. The Language of the News Media / A. Bell. – Oxford : Blackwell Publ., 1991. – 306 p.
657. Bench-Capon, T. J. M. Computational Models, Argumentation Theories and Legal Practice / T. J. M. Bench-Capon, J. B. Freeman, H. Hohmann, H. Prakken. – DOI 10.1007/978-94-017-0431-1_4 // *Argumentation Machines. New Frontiers in Argument and Computation* / ed. by C. Reed, T. J. Norman. – Kluwer, 2004. – P. 85–120.
658. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research / B. Berelson. – Glencoe, Illinois : Free Press, 1952. – 220 p.
659. Berlo, D. K. The Process of Communication: An Introduction to Theory and Practice / D. K. Berlo. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1960. – 318 p.
660. Birner, B. J. Introduction to Pragmatics / B. J. Birner. – Wiley-Blackwell, 2012. – 342 p.

661. Black, E. *Rhetorical Criticism: A Study in Method* / E. Black. – New York : Macmillan, 1965. – 192 p.
662. Booth, W. C. *Modern Dogma and the Rhetoric of Assent* / W. C. Booth. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – 254 p.
663. Booth, W. C. *The Rhetoric of Fiction* / W. C. Booth. – Chicago : University of Chicago Press, 1961. – 455 p.
664. Borchers, T. A. *Rhetorical Theory. An Introduction* / T. A. Borchers. – Belmont : Wadsworth, 2006. – 346 p.
665. Boyatzis, R. E. *Transforming Qualitative Information: Thematic Analysis and Code Development* / R. E. Boyatzis. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1998. – 200 p.
666. Braun, V. *Using Thematic Analysis in Psychology* / V. Braun, V. Clarke. – DOI 10.1191/1478088706qp063oa // *Qualitative Research in Psychology*. – 2006. – № 3 (2). – P. 77–101.
667. Burke, K. *A Rhetoric of Motives* / K. Burke. – Berkeley : University of California Press, 1969. – 340 p.
668. Burke, K. *Language as Symbolic Action : Essays on Life, Literature, and Method* / K. Burke. – Berkeley : University of California Press, 1966. – 514 p.
669. Burke, K. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose* / K. Burke. – 3d ed. – Berkeley : University of California Press, 1984. – 336 p.
670. Chapman, S. *Pragmatics (Macmillan Modern Linguistics, 6)* / S. Chapman. – Brand : Red Globe Press, 2011. – 304 p.
671. Chomsky, N. *Barriers (Linguistic Inquiry Monograph 13)* / N. Chomsky. – Cambridge, Mass. ; London : MIT Press, 1986. – 114 p.
672. Colapietro, V. C. *S. Peirce's Rhetorical Turn* / V. Colapietro. – DOI 10.2979/TRA.2007.43.1.16 // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. – 2007. – Vol. 43, № 1. – P. 16–52.
673. Creswell, J. W. *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches* / J. W. Creswell. – 4th ed. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2014. – 270 p.

674. Cronen, V. The Coordinate Management of Meaning: a theory of communication / V. Cronen, W. B. Pearce // Human communication theory / In F. E. X. Dance (ed.). – New York : Harper & Row, 1982. – P. 61–89.
675. Crystal, D. Language and The Internet / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 304 p.
676. Daneš, F. Věta a text. Studie ze syntaxe spisovné češtiny / F. Daneš. – Praha: Akademie, 1985. – 236 p.
677. Dolník, J. Textová lingvistika / J. Dolník, E. Bajžíková. – Bratislava : Stimul, 1998. – 134 p.
678. Dowse, A. Information Warfare: Methods to Counter Disinformation / A. Dowse, S. D. Bachmann. – DOI 10.1080/14751798.2022.2117285 // Defense & Security Analysis. – 2022. – September, Vol. 38, is. 4. – P. 453–469.
679. Drucker, P. F. Post-Capitalist Society / P. F. Drucker. – New York : HarperBusiness, 1993. – 232 p.
680. Eemeren van, F. H. Argumentation Theory: A Pragma-Dialectical Perspective / F. H. van Eemeren. – Cham : Springer Nature, 2018. – 206 p.
681. Eemeren van, F. H. Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum, 1992. – 252 p.
682. Eemeren van, F. H. Reconstructing Argumentative Discourse / F. H. van Eemeren, R. Grootendorst, S. Jackson, S. Jacobs. – Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1993. – 206 p.
683. Eemeren van, F. H. Systematic Theory of Argumentation: The Pragma-Dialectical Approach / F. H. van Eemeren, R. A. Grootendorst. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 226 p.
684. Endres, D. In Situ Rhetoric: Intersections between Qualitative Inquiry, Fieldwork, and Rhetoric / D. Endres, A. Hess, M. K. Middleton, S. Senda-Cook. – DOI 10.1177/1532708616655820 // Cultural Studies ↔ Critical Methodologies. – 2016. – Vol. 16, is. 6. – P. 511–524.

685. Fairclough, N. *Language and Power* / N. Fairclough. – London : Longman Group Ltd, 1989. – 272 p.

686. Fauconnier, G. *Conceptual Projection and Middle Space* [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner // UCSD: Department of Cognitive Science, University of California. Technical Report 9401. – La Jolla, California, 1994. – URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862 (accessed: 15.02.2024).

687. Fischer, F. *Introduction: The Argumentative Turn Revisited* / F. Fischer, H. Gottweis. – DOI 10.1215/9780822395362 // *The Argumentative Turn Revisited. Public Policy as Communicative Practice* / ed. by F. Fischer, H. Gottweis. – Durham & London : Duke University Press, 2012. – P. 1–27.

688. Fiske, J. *Introduction to Communication Studies* / J. Fiske. – 2nd ed. – London, New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2002. – 220 p.

689. Foss, S. K. *Rhetorical Criticism: Exploration and Practice* / S. K. Foss. – Long Grove, Illinois : Waveland Press, 2004. – 472 p.

690. Fowler, R. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press* / R. Fowler. – London : Routledge Publ., 1991. – 254 p.

691. Frank-Böhringer, B. *Rhetorische Kommunikation* / B. Frank-Böhringer. – Quickborn b. Hamburg : Schnelle, 1963. – 99 s.

692. Fromkin, V. A. *The Non-anomalous Nature of Anomalous Utterances* / V. A. Fromkin // *Language*. – 1971. – Vol. 47, № 1. – P. 27–52.

693. Gallo, J. *Text ako diskurzívno-pragmatická kategória. Habilitačná práca* / J. Gallo. – Nitra, 2013. – 137 p.

694. Gaonkar, D. P. *Rhetoric and Its Double: Reflections on the Rhetorical Turn in the Human Sciences* / D. P. Gaonkar // *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / ed. by H. W. Simons. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – P. 341–366.

695. Garrett, M. F. *The Analysis of Sentence Production* / M. F. Garrett // *The Psychology of Learning and Memory: Advances in Research and Theory* / ed. by G. H. Bower. – New York : Academic Press, 1975. – Vol. 9. – P. 133–177.

696. Gorard, S. Research Design: Creating Robust Approaches for the Social Sciences / S. Gorard. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2013. – 232 p.
697. Gross, A. G. The Origin of Species: Evolutionary Taxonomy as an Example of the Rhetoric of Science / A. G. Gross // The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H. W. Simons. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – P. 91–115.
698. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman, 1976. – 384 p.
699. Heinemann, W. Textlinguistik. Eine Einführung (Reihe Germanistische Linguistik) / W. Heinemann, D. Viehweger. – Tübingen : Niemeyer, 1991. – 310 s.
700. Hesse, M. B. Models and Analogies in Science / M. B. Hesse. – Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1970. – 184 p.
701. Holsti, O. R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities / O. R. Holsti. – Reading, MA : Addison-Wesley Publisher, 1969. – 236 p.
702. Horn, L. R. The Handbook of Pragmatics / L. R. Horn, G. L. Ward. – Malden, MA : Blackwell Publ., 2006. – 864 p.
703. Huang, Y. Pragmatics (Oxford Textbooks in Linguistics) / Y. Huang. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University press, 2014. – 464 p.
704. Hymes, D. H. On Communicative Competence / D. H. Hymes // The Communicative Approach to Language Teaching / eds. C. J. Brumfit & Johnson. – Oxford : Oxford University Press, 1979. – P. 5–26.
705. Jaeggli, O. A. The Null Subject Parameter and Parametric Theory / O. A. Jaeggli, J. S. Kenneth. – DOI 10.1007/978-94-009-2540-3_1 // Studies in Natural Language and Linguistic Theory / eds.: O. A. Jaeggli, K. J. Safir. – Dordrecht : Springer, 1989. – Vol. 15. – P. 1–44.
706. Jasinski, J. The Status of Theory and Method in Rhetorical Criticism / J. Jasinski // Western Journal of Communication. – Summer 2001. – Vol. 65, is. 3. – P. 249–270.

707. Johnson-Laird, P. N. *Mental Models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness* / P. N. Johnson-Laird. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 526 p.

708. Kintsch, W. *Comprehension: A paradigm for cognition* / W. Kintsch. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 486 p.

709. Koopman, C. *Rorty's Linguistic Turn: Why (More Than) Language Matters to Philosophy* / C. Koopman // *Contemporary Pragmatism*. Editions Rodopi. – 2011. – Vol. 8, № 1 (June 2011). – P. 61–84.

710. Kopperschmidt, J. *Allgemeine Rhetorik. Einfuehrung in die Theorie der Persuasiven Kommunikation* / J. Kopperschmidt. – Stuttgart, Berlin, Koeln, Mainz : Kohlhammer, 1976. – 216 s.

711. Krippendorff, K. *Content Analysis. An Introduction to its Methodology* / K. Krippendorff. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2004. – 430 p.

712. Krotz, F. *A Concretization of Mediatization: How 'mediatization works' and why mediatized worlds are a helpful concept for empirical mediatization research* / F. Krotz, A. Hepp. – DOI 10.1386/ejpc.3.2.137_1 // *Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication*. – 2011. – Vol. 3 (2). – P. 137–152.

713. Lakoff, G. *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

714. Lakoff, G. *Woman, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

715. Lasswell, H. D. *The Structure and Function of Communication in Society* / H. D. Lasswell // *The Communication of Ideas*. – New York : Harper and Brothers, 1948. – P. 37–51.

716. Leech, G. N. *Principles of Pragmatics* / G. N. Leech. – London ; New York : Longman Group Limited, 1983. – 250 p.

717. Levelt, W. J. M. *Speaking: From intention to articulation* / W. J. M. Levelt. – Cambridge, MA ; London : The MIT Press, 1993. – 566 p.

718. Levinson, S. C. *Pragmatics (Cambridge Textbooks in Linguistics)* / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press Publ., 1983. – 438 p.

719. Lombardi Vallauri, E. Implicit argumentation and persuasion. A measuring model / E. Lombardi Vallauri, L. Baranzini, D. Cimmino [et al.]. – DOI 10.1075/jaic.00009.lom // Journal of Argumaentation in Context. – 2020. – Vol. 9, is. 1. – P. 95–123.

720. Lombardi Vallauri, E. The persuasive and manipulative power of implicit communication / E. Lombardi Vallauri, F. Cominetti, V. Masia. – DOI 10.1016/j.pragma.2022.04.015 // Journal of Pragmatics. – 2022. – № 197. – P. 1–7.

721. Lyne, J. Bio-Rhetorics: Moralizing the Life Sciences / J. Lyne // The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H. W. Simons. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – P. 35–57.

722. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. – Washington, D.C. : World Future Society, 1981. – 194 p.

723. Maturana, H. R. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living / H. R. Maturana, F. J. Varela. – Dordrecht : Reidel Publishing Company, 1980. – 176 p.

724. Mey, J. L. Pragmatics: An Introduction / J. L. Mey. – 2nd ed. – Wiley-Blackwell, 2001. – 418 p.

725. Miller, C. R. The Rhetoric of Decision Science, or Herbert A. Simon Says / C. R. Miller // The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H. W. Simons. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – P. 162–184.

726. Moldovan, A. Persuasive presuppositions / A. Moldovan. – DOI 10.1016/j.pragma.2023.04.004 // Journal of Pragmatics. – 2023. – Vol. 211. – P. 96–104.

727. Montgomery, M. An Introduction to Language and Society / M. Montgomery. – 2nd ed. – London : Routledge, 1995. – 308 p.

728. Newcomb, T. M. An Approach to the Study of Communicative Acts / T. M. Newcomb // Psychological review. – 1953. – Vol. 60, № 6. – P. 393–404.

729. Nichols, M. H. Rhetoric and Criticism / M. H. Nichols. – Baton Rouge : Louisiana State University Press, 1963. – 151 p.

730. Ophir, Y. The Effects of Media Narratives about Failures and Discoveries in Science on Beliefs about and Support for Science / Y. Ophir, K. H. Jamieson. –

DOI 0.1177/09636625211012630 // Public Understanding of Science. – 2021. – № 30 (8). – P. 1008–1023.

731. Pater de, W. A. Les Topiques d'Aristote et la dialectique platonicienne / W. A. de Pater. – Fribourg : Editions St. Paul, 1965. – 268 p.

732. Perelman, Ch. L'empire rhétorique: Rhétorique et argumentation / Ch. Perelman. – Paris : Librairie Philosophique J. Vrin, 1977. – 198 p.

733. Perelman, Ch. The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca ; trans.: J. Wilkinson, P. Weaver. – Notre Dame, London : University of Notre Dame Press, 1969. – 578 p.

734. Petty, R. E. Communication and Persuasion: Central and peripheral routes to attitude change / R. E. Petty, J. T. Cacioppo. – New York : Springer, 1986. – 286 p.

735. Pratkanis, A. R. Age of Propaganda: the everyday use and abuse of persuasion / A. R. Pratkanis, E. Aronson. – New York : W. H. Freeman : Henry Holt and Co., 2002. – 434 p.

736. Richards, I. A. The Philosophy of Rhetoric / I. A. Richards. – Oxford : Oxford University Press, 1936. – 144 p.

737. Riffaterre, M. Criteria for Style Analysis / M. Riffaterre. – DOI 10.1080/00437956.1959.11659690 // WORD. – 1959. – 15 (1). – P. 154–174.

738. Riffaterre, M. The Stylistic Function / M. Riffaterre // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. – Cambridge : Mas, 1964. – P. 316–323.

739. Rorty, R. M. Introduction: Metaphysical Difficulties of Linguistic Philosophy / R. M. Rorty // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. by R. M. Rorty with two retrospective essays. – Chicago : The University of Chicago Press, 1992. – P. 1–39.

740. Rorty, R. M. Consequences of Pragmatism: Essays 1972–1980 / R. M. Rorty. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1982. – 288 p.

741. Rosch, E. H. Cognitive Representation of Semantic Categories / E. H. Rosch. – DOI 10.1037/0096-3445.104.3.192 // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – Vol. 104, № 3. – P. 192–233.

742. Rosch, E. H. Principles of Categorization / E. H. Rosch, B. B. Lloyd // Cognition and Categorization. – Hillsdale ; New Jersey : Lawrence Elbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
743. Ryan, G. W. Techniques to Identify Themes / G. W. Ryan, H. R. Bernard. – DOI 10.1177/1525822X02239569 // Field Methods. – 2003. – Vol. 15, is. 1. – P. 85–109.
744. Schramm, W. How Communication Works / W. Schramm // The Process and Effects of Mass Communication. – University of Illinois Press, 1960. – 586 p.
745. Senft, G. Understanding Pragmatics / G. Senft. – London : Routledge, 2014. – 232 p.
746. Shannon, C. E. The Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon. – DOI 10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338 // The Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27, № 3. – P. 379–423.
747. Shannon, C. E. The Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon, W. Weaver. – Urbana : University of Illinois Press, 1964. – 132 p.
748. Simon, H. A. Administrative Behavior: a Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization / H. A. Simon. – New York : Macmillan, 1947. – 259 p.
749. The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H. W. Simons. – Chicago : University of Chicago Press, 1990. – 388 p.
750. Toulmin, S. E. The Uses of Argument / S. E. Toulmin. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 258 p.
751. Vermeulen, T. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker. – DOI 10.3402/jac.v2i0.5677 // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2, is. 1. – P. 1–14.
752. Verschueren, J. Understanding Pragmatics (Understanding Language Series) / J. Verschueren. – London : Edward Arnold ; New York : Oxford University Press, 1999. – 312 p.
753. Vitanza, V. J. Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric / V. J. Vitanza // Rhetoric Review. – 1987. – Vol. 6, № 1. – P. 41–66.

754. Wand, Y. An Ontological Model of an Information System / Y. Wand, R. Weber // IEEE Transactions on Software Engineering. – 1990. – Vol. 16, № 11. – P. 1282–1292.

755. Walton, D. Methods of Argumentation / D. Walton. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 308 p.

756. Wichelns, H. A. The Literary Criticism of Oratory / H. A. Wichelns // The Rhetorical Idiom: Essays in Rhetoric, Oratory, Language, and Drama / presented to H. A. Wichelns, with reprinting of His «Literary Criticism of Oratory» (1925) / ed. by D. C. Bryant. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1958. – P. 5–43.

757. Wiener, N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society / N. Wiener. – London : Free Association Books, 1989. – 224 p.

758. Yule, G. Pragmatics (Oxford Introduction to Language Studying Series) / G. Yule. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 138 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА

1. Авдеенко Е. Искусственный интеллект научился предсказывать внезапную смерть [Электронный ресурс] // Газета.ru. 02.07.2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/2025/07/02/26177732.shtml> (дата обращения: 02.07.2025).
2. Адамян К. Дети ночуют с коровами. Страшно [Электронный ресурс] // Телингатер Г. Монолог комментатора, который помогал людям в Оренбурге. 26.04.2024. – URL: <https://www.championat.com/football/article-5528592-navodnenie-v-orenburge-monolog-futbolnogo-kommentatora-i-blogera-karena-adamyana-kak-on-pomog-postradavshim-intervyu.html> (дата обращения: 22.11.2024).
3. Алабина К. Вот ИИ и всё: в Москве показали созданный совместно с нейросетью спектакль [Электронный ресурс] // Известия. 02.11.2023. – URL: <https://iz.ru/1598905/katerina-alabina/vot-ii-vse-v-moskve-pokazali-sozdannyi-sovmestno-s-neirosetiu-spektakl> (дата обращения: 18.04.2025).
4. Алферов Ж. И. Полупроводниковая революция. Наука и общество. Лекция 1, прочитанная в рамках проекта «ACADEMIA» [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура». 12.04.2010. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yoe7vxHIy-Y> (дата обращения: 28.09.2024).
5. Алферов Ж. И. Полупроводниковая революция. Наука и общество. Лекция 2, прочитанная в рамках проекта «ACADEMIA» [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура». 13.04.2010. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=mfo_4gozrV4 (дата обращения: 28.09.2024).
6. Андрианова Д. Россияне не идут в строители [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 28.11.2022. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5692719> (дата обращения: 09.10.2024).
7. Антонова И. А. Музей моей мечты [Электронный ресурс] // Открытая лекция. 02.04.2014. – URL: <http://openlecture.webflow.io/lectures/antonova> (дата обращения: 27.09.2024).

8. Арабов Ю. Н. Самый жизненный сценарий [Электронный ресурс] // Открытая лекция. 19.05.2014. – URL: <https://openlecture.webflow.io/lectures/arabov> (дата обращения: 27.09.2024).

9. Битов А. Г. О Гоголе и вообще [Электронный ресурс] // Открытая лекция. 27.02.2014. – URL: <https://openlecture.webflow.io/lectures/bitov> (дата обращения: 27.09.2024).

10. Бовт Г. Глобус на двоих не делится: почему Китай пока не готов противостоять США [Электронный ресурс] // Газета.ru. 17.11.2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/17880595.shtml> (дата обращения: 30.09.2024).

11. Бовт Г. Добро пожаловать в торговый центр «Зомби-лэнд» [Электронный ресурс] // Газета.ru. 10.09.2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/17559968.shtml> (дата обращения: 30.09.2024).

12. Бродский И. Нобелевская лекция. 1987 [Электронный ресурс] // NOBLIT.RU. – URL: <https://noblit.ru/node/1338> (дата обращения: 10.07.2024).

13. В России посчитали уровень смартфонозависимости [Электронный ресурс] // Эксперт. 24.04.2024. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/v-rossii-poschitali-uroven-smartfonozavisimosti/> (дата обращения: 09.10.2024).

14. Вечерко В. И. Было страшно за детей, за себя – нет: интервью [Электронный ресурс] // Mos.ru. 09.07.2020. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/76728073/> (дата обращения: 06.09.2023).

15. Вечерко В. И. Постковидный синдром включает более 100 симптомов различной степени выраженности: интервью И. Краснопольской [Электронный ресурс] // Российская газета. 05.03.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/02/23/valerij-vechorko-postkovidnyj-sindrom-vkliuchaet-bolee-100-simptomov-razlichnoj-stepeni-vyrazhennosti.html> (дата обращения: 06.09.2023).

16. Вечерко В. И. Четвертая волна COVID – одна из самых напряженных: интервью О. Овчинниковой [Электронный ресурс] // РИА Новости. 24.12.2021. –

URL: <https://ria.ru/20211224/vechorko-1765219072.html> (дата обращения: 06.09.2023).

17. Гельфанд М. С. Как эволюция повлияла на болезни и иммунитет?: интервью А. Соколовскому [Электронный ресурс] // Александр Соколовский. 30.01.2024. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cR2fcJvWjQE> (дата обращения: 28.09.2024).

18. Гениева Е. Ю. О культуре, вере и великих спутниках [Электронный ресурс] // Открытая лекция. 09.04.2014. – URL: <https://openlecture.webflow.io/lectures/genieva> (дата обращения: 28.09.2024).

19. Данилов-Данильян В. И. Это ломает всю пляжную инфраструктуру: интервью П. Химшиашвили, П. Сироткину [Электронный ресурс] // РБК. 18.01.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/01/2025/6788b7cc9a79474f3e474202> (дата обращения: 21.01.2025).

20. Дробышевский С. Бессмертие человека обернется тотальным вымиранием: интервью Д. Бердниковой [Электронный ресурс] // Vtomske.ru. 25.10.2022. – URL: <https://vtomske.ru/interview/194900-stanislav-drobyshevskii-bessmertie-cheloveka-obernetsya-totalnym-vymiraniem?/> (дата обращения: 22.10.2024).

21. Дробышевский С. В России даже неандертальцы не жили. Здесь жить нельзя: интервью А. Сахнину [Электронный ресурс] // Москвич. 22.03.2021. – URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/v-rossii-dazhe-neandertaltsy-ne-zhili-zdes-zhit-nelzya-antropolog-stanislav-drobyshevskij/> (дата обращения: 22.10.2024).

22. Дробышевский С. Тупик эволюции: интервью А. Асадову и Д. Хорошилову [Электронный ресурс] // Сила тока. 30.05.2023. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XcJeercPFs&t=602s> (дата обращения: 22.10.2024).

23. Дробышевский С. Человек в городе как обезьяна в клетке: интервью И. Бариннову [Электронный ресурс] // ТАСС – Наука. 21.06.2024. – URL: https://nauka.tass.ru/interviews/21154317?utm_source=google.com&utm_medium=

organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 22.10.2024).

24. Жириновский В. В. Выступление на Госсовете 24.12.2021 [Электронный ресурс] // ЛДПП–ТВ. 16.03.2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s1D-r7D0r4I&t=234s> (дата обращения: 20.07.2024).

25. Жирнов С. Настоящее чудо: четыре истории спасения людей при экстренной посадке самолета [Электронный ресурс] // Вечерняя Москва. 12.09.2023. – URL: <https://vm.ru/accidents/1078969-nastoyashee-chudo-chetyre-istorii-spaseniya-lyudej-pri-ekstrennoj-posadke-samoleta> (дата обращения: 21.10.2024).

26. Журавлева М. Как искусственный интеллект решает задачи бизнеса [Электронный ресурс] // РБК. 30.07.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/business/30/07/2024/66a7a35a9a79476982873df9> (дата обращения: 18.04.2025).

27. Иванов О. Экологическая катастрофа в Чёрном море [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 01.02.2025. – URL: <https://argumenti.ru/society/2025/02/936710> (дата обращения: 04.02.2025).

28. Исаева Н. «Эта катастрофа еще будет аукаться». Репортаж с мазутных пляжей Анапы и Керчи [Электронный ресурс] // Ведомости. 04.01.2025. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/01/04/1084559-reportazh-s-mazutnih-plyazhei> (дата обращения: 02.02.2025).

29. Колесников А. «Мир» во время чумы [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 01.03.2021. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4711208> (дата обращения: 04.08.2024).

30. Колесов Е. Китайская библиотека и прогресс [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MW9CkIrCLNM> (дата обращения: 08.07.2024).

31. Колесов Е. Невероятная история китайца [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ATqqL0SPDfs> (дата обращения: 08.07.2024).

32. Колесов Е. Поднебесная без прикрас: интервью Ю. Новоселовой [Электронный ресурс] // Уральские авиалинии: бортовой журнал. – 2018. – № 2 (103). – С. 61–63. – URL: <https://www.uralairlines.ru/uam/> (дата обращения: 08.07.2024).

33. Колесов Е. Правда о китайском качестве [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A-UtMGMkxnE> (дата обращения: 08.07.2024).

34. Колесов Е. Фарфоровый бизнес [Электронный ресурс] // Канал Евгения Колесова. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CGCarIaXpG0&t=2s> (дата обращения: 08.07.2024).

35. Колосова Т. Искусство общаться с нейросетями: профессия промпт-инженер [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 10.02.2025. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/644766579a79474213ddbc24> (дата обращения: 24.03.2025).

36. Кораблева А. Когда начальник не прав [Электронный ресурс] // Эксперт. 25.04.2024. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/kogda-nachalnik-ne-ukaz/> (дата обращения: 16.08.2024).

37. Кузелев А. Как искусственный интеллект нас обманывает? [Электронный ресурс] // Men Today. 11.02.2025. – URL: <https://www.mentoday.ru/technics/gadgets/kak-iskusstvennyi-intellekt-nas-obmanyvaet/> (дата обращения: 18.04.2025).

38. Купрейчик В. Л. Я не понимаю людей, которые отказываются прививаться: интервью Е. Шутовой [Электронный ресурс] // XX2BEK. 18.10.2021. – URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/therapist-vasily-kupreychik> (22.01.2024).

39. Лобанова З. От аренды самоката до покупки кроссовок: как научить детей финансовой кибербезопасности [Электронный ресурс] // Мои финансы. 06.06.2023. – URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/ot-arendy-samokata-do-pokupki-krossovok-kak-nauchit-detej-finansovoj-kiberbezopasnosti/> (дата обращения: 24.11.2024).

40. Лобанова З. Даст бог зайку – пусть сам и воспитывает [Электронный ресурс] // Газета.ru. 17.03.2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/18428677.shtml> (дата обращения: 16.08.2024).

41. Локоть А. Е. Новосибирск многим обязан Ленинграду [Электронный ресурс] // КПРФ Новосибирск. 27.01.2023. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=d_02UzX-xrM (дата обращения: 16.08.2024).

42. Лысенко М. А. Интервью В. Познеру [Электронный ресурс] // Первый канал. Познер. 04.10.2021. – URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-maryana-lysenko-pozner-vypusk-ot-04-10-2021> (дата обращения: 25.08.2023).

43. Лысенко М. А. Прививку надо делать однозначно: интервью программе «Вести в 20:00» телеканала «Россия 1» [Электронный ресурс] // Вести.ru. 28.09.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2619554> (дата обращения: 25.08.2023).

44. Лысенко М. А. Рано или поздно COVID станет управляемым: интервью О. Овчинниковой [Электронный ресурс] // РИА Новости. 05.03.2022. – URL: <https://ria.ru/20220305/lysenko-1776665736.html> (дата обращения: 25.08.2023).

45. Минниханов Р. Сообщение президента Республики Татарстан [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 11.01.2022. – URL: <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения: 28.08.2023).

46. Миронова А. Как потребитель из царя превращается в угнетаемый класс [Электронный ресурс] // Газета.ru. 15.03.2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/18418921.shtml> (дата обращения: 28.09.2024).

47. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской

Федерации: стенограмма. 01.12.2020. – URL: <http://government.ru/news/40995/> (дата обращения: 28.08.2023).

48. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 23.07.2021. – URL: <http://government.ru/news/42860/> (дата обращения: 28.08.2023).

49. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 11.01.2022. – URL: <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения: 28.08.2023).

50. Мишустин М. Вступительное слово [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 08.02.2022. – URL: <http://government.ru/news/44509/> (дата обращения: 28.08.2023).

51. Мотызлевская П. Руководители 35% промышленных компаний считают ослабление рубля проблемой [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 20.10.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6283929> (дата обращения: 04.08.2024).

52. Мурашко М. Иммуитет, повторная вакцинация и побочные реакции: интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] // Вести.ru. 16.07.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2589136> (дата обращения: 20.10.2023).

53. Мурашко М. Нужно три недели, чтобы оценить эффективность наших вакцин против «Омикрона»: интервью телеканалу «Россия 1» [Электронный ресурс] / М. Мурашко // Вести.ru. 13.12.2021. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2652128> (дата обращения: 20.10.2023).

54. Набиуллина Э. С. Выступление Председателя Банка России по итогам заседания Совета директоров [Электронный ресурс] // Банк России. 28.02.2022. –

URL: <https://www.youtube.com/watch?v=miNYMtVPFOc> (дата обращения: 18.07.2024).

55. Надмитов Н. Мы старались придерживаться классической постановки [Электронный ресурс] // Министерство культуры Бурятии: официальный сайт. 15.01.2025. – URL: <https://minkultrb.ru/news/news/35383-nadmit-nadmitov-ob-opere-evgeniy-onegin-my-staralis-priderzhivatsya-klassicheskoy-postanovki/> (дата обращения: 10.02.2025).

56. Отец Алексей Уминский. Проблема понимания Добра и Зла [Электронный ресурс] // Polit.world. 29.03.2023. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=I2d_7DqOoDs2 (дата обращения: 28.08.2024).

57. Ощепков А. Еще одно «кольцо ада». Почему из-за одной аварии на левом берегу может замерзнуть половина Новосибирска? [Электронный ресурс] // NGS.ru. Новосибирский городской сайт. 11.01.2024. – URL: <https://ngs.ru/text/house/2024/01/11/73107206/> (дата обращения: 20.12.2024).

58. Паслер Д. Интервью В. Зотиковой [Электронный ресурс] // Российская газета. 21.04.2024. – URL: <https://rg.ru/2024/04/21/reg-pfo/gubernator-orenburzhia-rasskazal-rg-kak-v-regione-pomogaiut-postradavshim-ot-pavodka.html> (дата обращения: 28.08.2024).

59. Плоткина А. Data Engineer: как организовать большие данные на пользу бизнесу [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 27.11.2024. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/624e919b9a7947a10bc22af5> (дата обращения: 24.01.2025).

60. Плоткина А., Колосова Т. Учитель для робота: чем занимается ML-инженер [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 26.11.2024. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/628428ba9a79472e7e07f5c4> (дата обращения: 24.01.2025).

61. Познер В. О журналистике [Электронный ресурс] // РИА Новости. 26.05.2013. – URL: <https://ria.ru/20130526/939573538.html#13696711302893&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration> (дата обращения: 27.09.2024).

62. Попова А. Доклад об эпидемиологической ситуации в регионах и работе по выявлению нового штамма коронавируса [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 11.01.2022. – URL: <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения: 28.08.2023).

63. Попова А. Интервью В. Познеру [Электронный ресурс] // Первый канал. Познер. 23.03.2020. – URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-anna-porova-rozner-vurusk-ot-23-03-2020> (дата обращения: 28.08.2023).

64. Протоиерей Артемий Владимиров. Устное и письменное слово в просветительской деятельности: интервью Д. Бересневу [Электронный ресурс] // Союз. 20.01.2015. – URL: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 24.08.2024).

65. Проценко Д. Вакцинация защищает не от заражения, а от смерти: интервью радио «Комсомольская правда» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 03.08.2021. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/4387836/> (дата обращения: 25.08.2023).

66. Проценко Д. Единственный путь избежать и пятой, и шестой волны – вакцинация: интервью Л. Проценко [Электронный ресурс] // Российская газета. 02.12.2021. – URL: <https://rg.ru/2021/12/02/denis-procenko-edinstvennyj-put-izbezhat-i-piatoy-i-shestoj-volny-vakcinaciia.html> (дата обращения: 25.08.2023).

67. Проценко Д. Почему я должен рисковать родными из-за антиваксера: интервью Е. Губернаторову [Электронный ресурс] // РБК. 31.07.2021. – URL: <https://www.rbc.ru/society/31/07/2021/61040f029a79479026cfcbbc8> (дата обращения: 25.08.2023).

68. Проценко Д. Разговор без масок: интервью Н. Федермессер [Электронный ресурс] // Нюта Федермессер. 27.03.2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Yul9I3TXc7I> (дата обращения: 25.08.2023).

69. Путин В. В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Президент

России: официальный сайт. 07.06.2019. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 21.09.2024).

70. Путин В. В. Выступление на 119-й сессии Международного олимпийского комитета [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 04.07.2007. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24402> (дата обращения: 21.09.2024).

71. Путин В. В. Обращение Президента к гражданам России [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 29.08.2018. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58405> (дата обращения: 21.09.2024).

72. Пушной А. Почему я выбрал НГУ? [Электронный ресурс] // NSU LIFE. 20.03.2023. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e1FcTAwo5k8> (дата обращения: 20.02.2024).

73. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека: Нобелевская лекция. 1975. [Электронный ресурс] // Yabloko.ru. – URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_nobel_lec.html (дата обращения: 10.07.2024).

74. Святейший Патриарх Алексий. Речь на заседании Попечительского Совета по восстановлению Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в храме Христа Спасителя [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. 30.05.2005. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/19432.html> (дата обращения: 22.08.2024).

75. Святейший Патриарх Кирилл. Выступление на открытии XIV Всемирного русского народного собора «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества» [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. 25.05.2010. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1166562.html> (дата обращения: 22.08.2024).

76. Ситников С. Сообщение губернатора Костромской области [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции

на территории Российской Федерации: стенограмма. 11.01.2022. – URL: <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения: 28.08.2023).

77. Собчак К. Ксения Собчак объявила об участии в выборах президента России [Электронный ресурс] // Ведомости. 18.10.2017. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/30/736005-sobchak-viborah-prezidenta> (дата обращения: 30.08.2024).

78. Собянин С. Сообщение о ситуации с коронавирусом в Москве [Электронный ресурс] // Заседание президиума Координационного совета при Правительстве по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации: стенограмма. 11.01.2022. – URL: <http://government.ru/news/44308/> (дата обращения: 28.08.2023).

79. Сокуров А. Н. Об ответственности одного человека перед историей [Электронный ресурс] // Открытая лекция. 16.11.2014. – URL: <https://openlecture.webflow.io/lectures/sokurov> (дата обращения: 27.09.2024).

80. Солженицын А. Нобелевская лекция по литературе. 1970 [Электронный ресурс] // NOBLIT.RU. – URL: <https://noblit.ru/node/1231> (дата обращения: 10.07.2024).

81. Строкань С. Пятьдесят оттенков зеленого [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 06.12.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6381343> (дата обращения: 16.08.2024).

82. Федина Л. Врачи пытаются понять, куда коронавирус выстрелит во второй раз: интервью М. Тищенко [Электронный ресурс] // NGS.ru. Новосибирский городской сайт. 29.09.2020. – URL: <https://ngs.ru/text/health/2020/09/29/69483361/> (дата обращения: 25.10.2023).

83. Хакамада И. Ищите себя, а не славу, бренд ради бренда – опустошающая история [Электронный ресурс] // Ирина Хакамада. 27.09.2018. – URL: <https://hakamada.ru/ishhite-sebya-a-ne-slavu-brend-radi-brenda-opustoshayushhaya-istoriya/> (дата обращения: 24.12.2024).

84. Черниговская Т. В. Как научить мозг учиться? [Электронный ресурс] // Открытое пространство. 30.05.2015. – URL: <http://otkrytoe-prostranstvo.ru/passed->

lecture/tatyana-chernigovskaya-kak-nauchit-mozg-uchitsya/ (дата обращения: 28.09.2024).

85. Шаргунов С. Книжное дело весьма благородно в любых условиях [Электронный ресурс] // Российская газета. 11.03.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/03/11/reg-sibfo/sergej-shargunov-knizhnoe-delo-vesma-blagorodno-v-liubyh-usloviiah.html> (дата обращения: 12.07.2024).

86. Шаргунов С. Не надо отворачиваться от своих трагедий: интервью П. Басинскому [Электронный ресурс] // Российская газета. 03.10.2023. – URL: <https://rg.ru/2023/10/03/devianosto-tretij-god.html> (дата обращения: 12.07.2024).

87. Шаргунов С. Оттолкнуться от дна [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. 16.05.2019. – URL: <https://svpressa.ru/blogs/article/232864/> (дата обращения: 12.07.2024).

88. Шаргунов С. Стоны страны слышу постоянно [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. 16.10.2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=o1Uk1euubjM> (дата обращения: 10.11.2023).

89. Шаргунов С. Стоны страны: депутатский дневник [Электронный ресурс] // Наш современник. – 2020. – № 6. – URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=27619> (дата обращения: 10.11.2023).

90. Шолохов М. Нобелевская речь. 1965 [Электронный ресурс] // NOBLIT.RU. – URL: <https://noblit.ru/node/1057> (дата обращения: 10.07.2024).

91. Янушевская Е. О школьной журналистике. Хотели как лучше? [Электронный ресурс] // Журналист. 24.10.2023. – URL: <https://jrnlst.ru/2023/10/24/145509/> (дата обращения: 09.10.2024).

92. Alferov Zh. Double Heterostructure Concept and its Applications in Physics, Electronics and Technology. Nobel Lecture. 08.12.2000 [Electronic resource]. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2000/alferov/lecture/> (accessed: 12.07.2024).

93. Novoselov K. Graphene: Materials in the Flatland. Nobel Lecture. 08.12.2010 [Electronic resource]. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2010/novoselov/lecture/> (accessed: 12.07.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Примеры текстов-стимуловNSU LIFE, 20.03.2023⁷⁵**Александр Пушной****Почему я выбрал НГУ?**

Я выбрал физфак заранее, ну в том плане, что я учился в нормальной школе сначала, называлась средняя школа № 25 для гопников, потому что это была самая плохая школа в округе, но зато не надо было переходить через дорогу, когда идёшь от моего дома к этой школе. И мама решила, что безопасность важнее. К 7 классу получилось разделение на обыкновенных как бы ребят и физико-математический уклон, и это было начало моего пути, потому что уже в конце обучения в этом физмат классе стало понятно, что поступали мы либо на математику, либо на физику. Мне нравилась больше физика, я поступал на физику, и, по-моему, никто из нашего класса ни на какие гуманитарные специальности не поступал.

Я не представлял, что я буду учиться где-то на гуманитарных предметах, не потому, что у меня хорошо было с физикой очень, а у меня было очень плохо с литературой. Отец работал в вычислительном центре: он занимался кучей всяких проблем, связанных, например, с ловлей того, что летает вокруг Земли и представляет опасность для Земли. Все смотрим страшные фильмы катастрофы, где падает большой метеорит на Землю. И занимался так же сейсмикой, а это оказались очень пересекающиеся истории, где нужно доставать сигнал из такого соотношения сигнал/шум, где, казалось бы, ты ничего добыть не сможешь. Но и в сейсмике, и в опасностях, связанных с космическими всякими объектами, есть одна важная и очень общая особенность – это непредсказуемость событий. Когда я поступил на физфак, я понял, что дойти до того уровня, на котором отец работает и уже двигает передний край науки, до этого дойти не так просто, я в итоге так и не дошёл.

Я в Институте ядерной физики занимался ускорителем. Мой диплом как раз и был о том, где я методом конечных элементов рассчитывал поперечный импеданс пучка. Импеданс – это сопротивление. Вот этот импеданс нужно было посчитать почему, потому что от импеданса зависит амплитуда колебаний, а если амплитуда колебаний будет больше, чем радиус этой камеры, то, как говорят очень трогательно все, кто занимается электронными пучками: пучок погибнет, ну то есть он упадёт на стенку и закончит своё существование. И вот надо было эти частицы вот так вот сжать и разогнать, чтобы потом они столкнулись между собой уже где-то. Вот в ЦЕРНе как раз мы и рассчитывали поперечный импеданс пучка в камере LHC – Large Hadron Collider, ну это большой адронный коллайдер. А дальше, уже столкнувшись там, эти частицы должны, значит, целый зоопарк породить всяких других частиц, и уже люди более высокого ранга – физики-теоретики должны были там предсказать, что-то поймать. Бозон Хиггса тогда ещё ловили, а потом поймали, а мы по идее должны были быть теми людьми, которые вот собирают эту небанальную установку, которую собирает весь мир.

В аспирантуру я поступил и проучился там год. В трудовой написано, что я отчислен из аспирантуры с правом на восстановление. Я уже понимаю, что я никогда не восстановлюсь в аспирантуре, но у меня всё равно это право ещё есть, и поэтому сорокасемилетнего дядю ещё греют эти мысли. Я, наверное, не был создан для технической работы в чистом виде, но вот сочетание как бы лирики и физики во мне без физики, без физики бы не дало такого результата, который есть сейчас у меня. Подход системный, попытку всегда найти некую закономерность в том, в чём закономерности, казалось бы, нет, знание многих законов освобождает от знания огромного количества фактов. И эти знания, как ни странно, очень сильно помогают

⁷⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=e1FcTAwo5k8> (дата обращения: 20.02.2024).

в лирической сфере деятельности, потому что лирики многие начинают паниковать и в общем выходить из себя, когда они не видят некую закономерность в лирике, они там тоже есть, и их понимание очень сильно упрощает тебе жизнь в лирической среде.

Тяжело было учиться, такого количества информации, которое тебе вываливают в первые три года преодолеть невозможно. Ну я же как раз учился в то время, когда появлялись компьютеры. Из физфака огромное количество людей ушли именно в IT, но остались люди, в том числе и мои однокашники, которые занимаются физикой.

Вот эта часть, которая называлась у нас внеучебная, – которая клубы, «Квант», соответственно, где я был, там КБрД (Контора Братьев Дивановых – Л. М.), – это просто дало мне путёвку в жизнь, в общем-то да, в мою вот такую, скажем, медийную. КВН НГУ состоял из этих клубов, мы были часть клуба, я был частью команды, и так удалось мне себя как бы зарекомендовать, и все увидели, что, да, этот человек что-то может в этой области делать, и как бы это потом дало мне некий старт. Но для меня НГУ – это физфак. Если мне скажут: «Вот что тебе вообще в целом дал НГУ?». Ну вот я всё уже практически перечислил, начиная от лирики и заканчивая физикой. Плюс, конечно же, круг общения, круг общения людей, глядя на которых ты думаешь: ёлки-палки, а я так тоже, наверное, могу, я попробую – вдруг у меня получится, то есть такой хороший стимул, хорошая конкуренция.

Я, наверное, уже тогда понял, что вот чистой воды музыкой мне заниматься не надо, потому что, как говорится: «Ну не Моцарт ты, Саша, давай так признаемся честно». Но если бы я тогда не пошёл в универ, а пошёл бы куда-нибудь в музучилище, что я хотел сделать, я бы уже где-нибудь в ресторане спился, я думаю, уже сто процентов, а так получилось, что я вот как музыкант может не очень нужен человечеству, но на сочетании музыки-физики и какая-то гуманитарная часть плюс какая-то познавательная часть: в общем, всё вот это вместе в куче плоскостей этих пересекающихся в одной точке, где нахожусь я, это имеет какое-то значение.

Я желаю студентам вот, как я, то есть попробовать всё, и, наверное, сейчас это самое важное в жизни – не останавливаться и пробовать, пробовать, пробовать. Не факт, что вы, поступив на физфак или, например, занимаясь квантами, будете следующим Эйнштейном, но поверьте, вам очень много даст университет, вы даже этого ещё не осознаёте, вы потом это поймёте, лет через десять, как это понял я. Когда я учился в аспирантуре, была мысль: чё я тут делал шесть лет, зачем мне это всё надо? А потом я понял, что без университета бы не случилось того, что случилось сегодня. Поэтому радуйтесь, что вы поступили и, конечно, не бросайте и получите хотя бы диплом магистра, как я, а уж если вы закончите аспирантуру и защитите кандидатскую – ну тогда вы вообще звёзды.

Подкаст «Сила тока», 30.05.2023⁷⁶

Станислав Дробышевский

Тупик эволюции: интервью А. Асадову и Д. Хорошилову

А. Асадов (интервьюер): Добрый день дорогие друзья! С вами подкаст «Сила тока». У нас сегодня в гостях антрополог Станислав Владимирович Дробышевский, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии биологического факультета МГУ и научный редактор издания «Антропогенез.ру». Здравствуйте! (С. Дробышевскому)

С. Дробышевский: Здравствуйте!

А. Асадов: Станислав Владимирович, спасибо большое, что согласились к нам прийти <...>

С. Дробышевский <...>

⁷⁶ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8XcJeercPFs&t=602s> (дата обращения: 22.10.2024).

А. Асадов: Станислав Владимирович, если вы не против, мы чуть-чуть так про эволюцию поговорим с вами. Вот у нас в школе учат, что двигателем эволюции вообще, вот развитие изменчивости, является естественный отбор. Вот и на протяжении веков и тысячелетий как бы он существовал в активной фазе. А сейчас вроде бы мы немножечко естественный отбор как-то ну ограничиваем ввиду того что, медицина развивается, разные формы препятствий этому процессу у нас происходят. Вот с вашей точки зрения, мы этим образом тормозим чуть-чуть эволюцию, тем самым, что естественный отбор как-то притормаживаем. Или как это вообще?

С. Дробышевский: Ну естественный отбор – его нельзя притормозить, потому что естественный отбор – это изменение частот генотипов в следующем поколении по сравнению с предыдущим. Вот у нас было некое поколение, у них были какие-то свои там генетические варианты, они наплодились – и в следующем поколении чуть-чуть другие генетические варианты. И этот процесс, он не остановим как бы, потому что мутации случаются, рекомбинации происходят, то есть смешивание родительских вариантов, и в любом случае следующее поколение будет чуть-чуть другое. Это всё естественный отбор: жесткий он, нежесткий – это уже степени как бы. И более того, от того, что мы немножко вышли из-под давления каких-то факторов среды (ну там климата, хищников, паразитов как бы да), у нас не отбор замедлился, а, наоборот, пошло всё во все стороны, то есть изменчивость-то увеличилась. То есть раньше у нас было стабилизирующий отбор, и шаг вправо-влево – человек просто помирал, ну предок какой-то, да, и оставались только вот штампованные, одинаковые, которые максимально приспособлены к данным условиям среды. А теперь, поскольку у нас хищников там, конкурентов, прочего ничего нет, то мы можем быть разными. У нас пошел дестабилизирующий отбор, но это тоже естественный отбор. И более того, он ускорился на самом деле. Теперь-то выживают все подряд: выживают и слепые, и хилые, и кривые, и косые – какие угодно. И это прекрасно, потому что, если раньше все были штампованные, а теперь все разные. Изменчивость больше, а гены между собой не обязательно сцеплены. Например, если у меня астигматизм, ну допустим, он генетически там наследуется, хотя тоже не факт, но допустим, вот и какой-то ещё другой признак есть, ну какой-нибудь замечательный, но хочется быть обладателем замечательного признака, ну там признак X так называемый, и, если бы в прошлом будучи каким-нибудь там питекантропом, я бы помер от того, что я слепой, и гениальный признак X со мной бы закончился, а теперь не закончился. И теперь пусть я немножко подслеповат, но у нас есть культура – я надел очки (даже умным кажусь), и свой этот чудесный признак X передаю следующему поколению. И чем больше выживает народу, тем больше каких-то чудесных вот этих мутаций и рекомбинаций тоже выживает и переходит в следующее поколение, не будучи загнoblёнными через другие какие-то неприятные там признаки. Ну и поскольку вот эти бывшие вредными признаки теперь уже и невредные, то как бы и хорошо, можно с ними жить. Ну, допустим, там пониженная мускулатура и слабое зрение раньше меня свели бы в могилу, но я бы уже давно лежал в земле, а сейчас не лежу. Значит, это невредные признаки, потому что вредность определяется собственно тем, что эти гены не переходят в следующее поколение. А теперь переходят – значит, они невредные. Ну так же, как, допустим, отсутствие хвоста у каких-нибудь там обезьян, не знаю, 50 млн. лет назад было вредным признаком, потому что надо было по деревьям прыгать. А теперь ну вот вы же вряд ли страдаете от того, что у вас хвоста нет, живёте, я думаю, прекрасно и нормально. Ну и так же все другие признаки, которые вот позволяют нам как бы сейчас жить... Ну знаете они невредные как минимум. Может, даже и полезные в какой-то степени. И в каком-то далёком будущем, может быть, мой астигматизм окажется полезным, но это вряд ли, я сомневаюсь в этом, но что-то там может оказаться полезным. Вот так что это хорошо. Ну а к тому же есть еще второй момент, что вот это исчезновение естественного отбора, с чего вы начали, оно очень мнимое, то есть живя в большом городе и как бы в безопасности с кучей еды, с медициной какой-никакой, да и всё как бы у нас хорошо там (вода из крана течёт, ну и всё здорово), нам кажется, что это среднее статистическое значение по планете, а это не так. На планете подавляющее большинство людей живёт далеко не в таких чудесных условиях. Ну есть чудесные страны, типа там Республики Чад, Сомали, Уганды какой-нибудь, да там Кот-

д'Ивуара, там всякие прочие там Уганды, там не знаю Коста-Рики, вот так что Гаити – тоже замечательное место на планете. И там естественный отбор действует по полной программе так же, как он действовал там в далекие времена, если не хуже на самом деле, и более того, там-то как раз рождаемость сильно больше смертности, вот. А у нас с нашей этой чудесной замечательной жизнью, дестабилизирующим отбором рождаемость ниже смертности, и вот эти вот хорошо живущие популяции, они на самом деле вымирают. Ну то есть вот эти городские благоустроенные популяции, они всё время сокращаются, потому что ну просто они не воспроизводятся. Когда детей меньше, чем родителей – это вымиранием называется. А население планеты растёт за счёт тех популяций, которые живут всё ещё в дикости в достаточной, и там отбор себе прекрасно идёт.

Ну вот поэтому и отсутствие отбора хорошо. Ну оно не отсутствие этого – это тоже отбор, только другое направление отбора. То есть отбор-то в любом случае есть. Вот и жёсткий стабилизирующий отбор тоже на планете присутствует. То есть мы сейчас находимся в таком чудесном эволюционном моменте, когда у нас разные варианты, и мы можем быть разными, а это хорошо. Это, знаете, что в будущем, когда произойдёт какая-нибудь неприятность, но она точно произойдет, всегда она происходит, кто-нибудь да выживет и кто-нибудь да не помрет из вот этого всего великолепия, которое у нас сейчас есть. И отбор идет в самых разных направлениях – тут одни, тут другие, кто-нибудь да выживет. А если бы это было, не знаю, 50 тысяч лет назад... Наступил бы какой-нибудь ледниковый период – и все померли, кто был не приспособлен. Да потом наоборот потепление – опять все померли, и шансов помереть было гораздо больше, а теперь меньше. Даже без всякой культуры – просто за счет того, что мы очень разные.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Примеры диагностических карт

2022

Оценка риторичности / эффективности текста

Вуз НГТУ
 Возраст 21
 Пол жен.

Таб. 1. Риторическое диагностирование 1

Код па-ра-мет-ра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра (соответствующее выделить)
А	Диалогичность	Демонстрация адресантом (говорящим) своего авторского «Я», своего мнения, позиции, отношения	0; 1
		Демонстрация внимания к адресату (слушающему), установление и поддержание контакта с ним	0; 1
В	Публичность	Доступность восприятия информации	0; 1
		Использование средств выразительности, запоминающийся авторский стиль	0; 1
С	Аргументированность	Наличие фактов и сведений, способных заинтересовать, убедить и переубедить слушателя	0; 1
Д	Актуальность	Обсуждение общественно-значимой темы/предмета, рассмотрение важных для слушателей проблем	0; 1
Е	Акциональность	Способность текста осуществлять действие; функционирование текста в качестве составной части события	0; 1

Продолжение карты риторического диагностирования

2022

Таб. 2. Риторическое диагностирование 2

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра (соответствующее выделить)
А	Диалогичность	Демонстрация адресантом (говорящим) своего авторского «Я», своего мнения, позиции, отношения	0; 1
		Демонстрация внимания к адресату (слушающему), установление и поддержание контакта с ним	0; 1
В	Публичность	Доступность восприятия информации	0; 1
		Использование средств выразительности, запоминающийся авторский стиль	0; 1
С	Аргументированность	Наличие фактов и сведений, способных заинтересовать, убедить и переубедить слушателя	0; 1
Д	Актуальность	Обсуждение общественно-значимой темы/предмета, рассмотрение важных для слушателей проблем	0; 1
Е	Акциональность	Способность текста осуществлять действие; функционирование текста в качестве составной части события	0; 1

2023-05-16

Оценка риторичности / эффективности текста

Вуз НГТУ (НЭТИ)Возраст 20Пол Ж

Таб. 1. Риторическое диагностирование

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра (соответствующее выделить)
А	Диалогичность	Демонстрация адресантом (говорящим) своего авторского «Я», своего мнения, позиции, отношения	<u>0</u> ; 1
		Демонстрация внимания к адресату (слушающему), установление и поддержание контакта с ним	0; <u>1</u>
В	Публичность	Доступность восприятия информации	0; <u>1</u>
		Использование средств выразительности, запоминающийся авторский стиль	<u>0</u> ; 1
С	Аргументированность	Наличие фактов и сведений, способных заинтересовать, убедить и переубедить слушателя	<u>0</u> ; 1
Д	Актуальность	Обсуждение общественно-значимой темы/предмета, рассмотрение важных для слушателей проблем	0; <u>1</u>
Е	Акциональность	Способность текста осуществлять действие; функционирование текста в качестве составной части события	0; <u>1</u>

Оценка риторичности / эффективности текста

Вуз Новосибирский Государственный Университет ФАКУЛЬТЕТ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
 Возраст 22
 Пол М

Таб. Риторическое диагностирование

Код па-ра-мет-ра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра (соответствующее выделить)
А	Диалогичность	Демонстрация адресантом (говорящим) своего авторского «Я», своего мнения, позиции, отношения	0; ①
		Демонстрация внимания к адресату (слушающему), установление и поддержание с ним контакта	①; 0
В	Публичность	Доступность восприятия информации	0; ①
		Использование средств выразительности, запоминающийся авторский стиль	①; 0
С	Аргументированность	Наличие фактов и сведений, способных заинтересовать, убедить и/или переубедить слушателя	0; ①
Д	Актуальность	Обсуждение общественно-значимой темы/предмета, рассмотрение важных для слушателей проблем	0; ①
Е	Акциональность	Способность текста осуществлять действие; функционирование текста в качестве составной части события	0; ①

ПРИЛОЖЕНИЕ В. Экспериментальные данные

Таблица 23 – Данные экспериментальной итерации 1: текст-стимул 1

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
1	0	1	1	0	1	1	0
2	0	1	1	0	1	1	1
3	0	1	1	0	1	1	1
4	0	1	1	0	1	1	1
5	0	1	1	0	1	1	1
6	0	1	1	0	1	1	1
7	0	0	1	0	1	1	1
8	0	0	1	0	1	1	0
9	0	0	1	0	1	1	1
10	0	0	1	0	1	1	1
11	0	0	1	0	1	1	0
12	0	1	1	1	1	1	1
13	0	1	1	0	1	1	1
14	1	1	1	0	1	1	1
15	1	1	1	0	1	1	0
16	0	1	1	0	1	1	1
17	0	1	1	0	0	1	1
18	1	0	1	0	1	1	1
19	0	1	1	0	1	1	1
20	0	0	1	0	1	1	0
21	0	0	1	0	1	1	1
22	0	0	1	0	1	1	0
23	0	1	1	0	0	1	0
24	0	0	1	0	1	1	1
25	0	0	1	0	1	1	0
26	0	1	1	0	1	1	0
27	0	0	1	1	1	1	1
28	0	1	1	0	1	1	0
29	0	1	1	0	1	1	1
30	0	1	1	0	0	1	1
31	0	0	1	0	0	1	0
32	0	0	1	0	0	1	0
33	0	1	1	0	1	1	0
34	0	0	1	0	0	1	0
35	0	1	1	0	1	1	0
36	0	1	1	0	1	1	1

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
37	0	1	1	0	1	1	0
38	0	0	0	0	1	1	1
39	0	1	1	0	1	1	1
40	0	0	1	0	1	1	0
41	0	0	1	0	1	1	0
42	0	1	1	1	1	0	1
43	0	1	1	0	1	1	1
44	0	0	1	0	1	1	1
45	1	0	1	0	0	1	1
46	0	0	1	0	1	1	1
47	0	0	1	0	1	1	1
48	1	1	1	0	0	0	1
49	0	0	1	0	1	1	0
50	0	0	1	0	1	1	1
51	0	0	1	1	0	1	1
52	0	1	1	0	1	1	0
53	0	1	1	0	1	0	0
54	0	1	1	0	1	1	1
55	1	1	1	0	1	1	1
56	1	0	1	0	1	1	1
57	1	1	1	0	1	1	0
58	0	1	1	0	1	1	0
59	0	1	1	0	1	1	1
60	0	0	1	0	1	1	1
61	0	0	1	0	1	1	1
62	0	0	1	0	1	1	1
63	0	1	1	0	1	1	1
64	1	0	1	0	1	1	1
65	1	0	1	0	1	1	1
66	0	1	1	0	1	1	1
67	0	1	1	0	0	1	1
68	0	1	1	0	1	1	0
69	0	1	1	0	1	1	1
70	0	1	1	0	1	1	1
71	0	1	1	0	1	1	1
72	0	1	1	0	1	1	1
73	0	1	1	0	1	1	1
74	0	1	1	0	1	1	1
75	0	1	1	0	1	1	1
76	0	1	1	0	1	1	0

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
77	0	1	1	0	1	1	1
78	0	1	1	0	1	1	1
79	0	1	1	0	1	1	1
80	0	1	1	0	1	1	1
81	0	1	1	0	0	1	1
82	0	1	1	0	1	1	1
83	0	1	1	1	0	1	1
84	0	1	1	0	1	1	1
85	0	1	1	0	0	1	1
86	0	1	1	0	1	1	1
87	0	1	1	0	0	1	1
88	1	1	1	0	1	1	1
89	0	1	1	0	1	1	1
90	0	1	1	0	1	1	1
91	0	0	1	0	1	1	1
92	0	1	1	0	1	1	1
93	1	1	1	0	1	0	0
94	1	1	0	1	0	1	1
95	1	0	0	0	1	1	1
96	1	0	1	0	1	1	1
97	0	1	1	0	0	1	1
98	0	1	1	0	1	1	1
99	0	1	1	0	0	1	1
100	1	1	1	0	1	0	1
101	0	1	1	0	1	1	0
102	0	1	1	0	1	1	1
103	0	1	1	0	1	1	0
104	0	1	1	0	1	1	0
105	0	1	1	0	1	1	0
106	0	0	1	0	1	1	1
107	1	1	1	0	1	1	1
108	0	0	1	0	1	1	0
109	0	0	1	1	1	1	1
110	0	0	1	0	1	1	0
111	0	0	1	0	1	0	1
112	0	0	1	0	1	1	0
113	0	0	1	0	1	1	1
114	0	1	1	0	1	1	0
115	0	0	1	0	1	1	0
116	0	1	1	0	1	1	1

Индекс риторичности	0,61

Стандартное отклонение 0,37

[illegible]

Параметры риторического диагности- рования	A1	A2	B1	B2	C	D	E
1	1	1	1	1	0	1	0
2	1	1	1	1	0	1	0
3	1	1	1	1	1	1	1
4	1	1	1	1	1	1	1
5	1	1	1	1	0	1	0
6	1	1	1	0	1	1	1
7	1	1	1	0	1	1	1
8	1	1	1	1	1	1	0
9	1	1	1	0	0	1	0
10	1	1	1	0	0	1	0
11	1	1	1	0	0	1	0
12	1	1	1	0	1	1	1
13	1	1	0	1	0	1	0
14	1	1	0	0	0	1	1
15	1	1	1	0	1	1	1
16	1	1	1	1	1	1	1
17	1	0	0	0	1	1	1
18	1	1	1	1	1	1	1
19	1	1	1	1	1	1	1
20	1	1	1	1	1	1	0
21	1	1	0	1	0	1	0
22	1	1	0	1	0	1	1
23	1	1	1	1	1	1	1
24	1	1	1	1	1	1	1
25	1	0	1	1	0	1	1
26	1	0	1	1	1	1	1
27	1	1	0	1	0	1	0
28	1	1	1	1	1	1	0
29	1	1	1	0	1	1	1
30	1	1	1	0	1	1	1
31	1	1	1	0	1	1	0
32	1	1	0	0	1	1	0
33	1	1	1	0	0	1	0
34	1	0	1	1	1	1	0
35	1	0	1	0	1	1	0
36	1	1	1	1	0	1	0
37	1	1	1	1	0	1	0
38	1	1	1	1	1	1	1

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
79	1	1	1	0	1	1	1
80	1	1	1	1	1	1	0
81	1	1	1	0	1	1	1
82	1	1	1	1	1	1	1
83	1	1	1	0	1	1	1
84	1	1	1	1	1	1	1
85	1	1	1	1	1	1	1
86	1	1	1	1	1	1	0
87	1	1	1	1	1	1	0
88	1	1	1	1	1	1	1
89	1	1	1	1	1	1	1
90	1	1	1	1	0	1	0
91	1	1	1	1	1	1	0
92	1	1	1	1	1	1	0
93	1	0	1	1	1	0	1
94	1	1	1	0	0	1	0
95	1	1	1	1	1	1	0
96	1	1	1	0	1	0	1
97	1	1	0	0	1	1	0
98	1	1	1	0	0	1	0
99	1	1	1	0	0	1	0
100	1	1	1	1	1	1	1
101	1	1	1	1	0	1	0
102	1	1	0	1	1	1	0
103	1	1	1	0	0	1	0
104	1	1	1	1	0	1	0
105	1	1	1	1	0	1	0
106	1	1	1	1	0	1	1
107	1	1	1	1	1	1	1
108	1	1	1	1	1	1	0
109	0	1	1	1	1	1	0
110	1	1	1	0	1	1	1
111	1	1	1	0	1	1	1
112	1	1	1	1	1	1	1
113	0	1	1	1	1	1	1
114	1	1	1	1	0	1	1
115	1	1	1	0	1	1	1
116	1	0	0	1	1	1	1
117	1	1	1	1	1	1	1
118	1	1	1	1	1	1	1

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
11	1	0	0	1	1	1	0
12	1	0	1	1	1	0	1
13	1	0	0	1	0	1	0
14	1	0	1	0	1	1	0
15	1	0	1	0	1	1	1
16	1	0	1	0	1	0	1
17	1	0	1	0	1	1	1
18	1	0	1	1	1	1	0
19	1	1	1	1	1	1	0
20	1	1	1	1	1	1	1
21	1	1	1	0	1	1	1
22	1	0	1	1	1	1	0
23	1	1	1	1	1	1	1
24	1	1	1	1	1	1	1
25	1	1	1	1	1	1	1
26	1	1	1	1	0	1	1
27	1	0	1	1	0	1	1
28	1	1	1	1	1	1	1
29	1	1	1	0	0	1	0
30	1	1	1	1	1	1	1
31	1	1	1	1	0	0	1
32	1	0	0	1	1	0	0
33	1	1	1	1	1	1	0
34	1	1	1	1	1	1	0
35	1	1	1	1	1	1	0
36	1	0	1	1	0	1	1
37	1	1	1	1	1	1	1
38	1	0	1	0	0	1	1
39	1	0	0	0	0	0	0
40	1	0	1	1	1	1	0
41	1	1	1	1	1	1	1
42	1	1	1	0	1	0	1
43	1	1	1	1	0	0	0
44	1	0	0	1	0	1	1
45	1	1	1	1	1	1	0
46	1	1	1	0	0	1	0
47	1	1	1	1	1	1	1
48	1	1	1	1	1	1	0
49	1	1	0	1	1	1	0
50	1	1	1	1	1	1	1

Параметры риторического диагности- рования	A1	A2	B1	B2	C	D	E
Участники							
51	1	1	1	1	1	0	0
52	1	1	1	1	1	1	1
53	1	1	1	1	1	1	0
54	1	0	0	1	0	0	0
55	1	0	1	1	1	0	0
56	1	1	1	1	1	1	1
57	1	0	0	1	1	0	0
58	1	0	1	1	1	1	1
59	1	1	1	1	1	1	1
60	1	1	1	1	1	1	1
61	1	1	1	0	0	0	0
62	1	1	1	1	1	1	1
63	1	0	1	1	1	0	1
64	1	0	0	1	1	0	0
65	1	1	1	1	1	1	1
66	1	1	1	1	1	0	1
67	1	0	1	1	1	0	0
68	1	1	1	1	1	1	1
69	1	0	1	1	1	1	1
70	1	1	1	1	1	0	0
положительная оценка параметра, чел.	70	41	60	57	56	52	38
отрицательная оценка параметра, чел.	0	29	10	13	14	18	32
положительная оценка параметра, %	100,0	58,6	85,7	81,4	80,0	74,3	54,3
отрицательная оценка параметра, %	0,0	41,4	14,3	18,6	20,0	25,7	45,7
	A1	A2	B1	B2	C	D	E

Среднее значение	1,00	0,59	0,86	0,81	0,80	0,74	0,54

Індекс риторичності **0,76**

Стандартное отклонение 0,16

[illegible][illegible]

Параметры риторического диагности- рования Участники	A1	A2	B1	B2	C	D	E
39	1	1	1	1	1	1	1
40	1	1	1	0	1	1	0
41	1	0	0	0	1	1	1
42	1	1	1	1	1	1	1
43	1	1	1	1	1	1	1
44	1	0	1	1	0	1	1
45	1	0	0	1	1	1	0
46	1	1	1	1	1	0	0
47	1	0	1	0	0	1	0
48	1	1	1	1	1	1	1
49	1	0	1	0	1	1	0
50	1	1	1	1	1	1	1
положительная оценка параметра, чел.	47	30	45	38	44	46	29
отрицательная оценка параметра, чел.	3	20	5	12	6	4	21
положительная оценка параметра, %	94,0	60,0	90,0	76,0	88,0	92,0	58,0
отрицательная оценка параметра, %	6,0	40,0	10,0	24,0	12,0	8,0	42,0
	A1	A2	B1	B2	C	D	E

Среднее значение 0,94 0,60 0,90 0,76 0,88 0,92 0,58

Индекс риториности 0,80

Стандартное
отклонение 0,15

ПРИЛОЖЕНИЕ Г. Список рисунков и таблиц

Номер и тип элемента	Название	Страница
Рисунок 1	Риторический текстотип как прототип медиатекста	165
Рисунок 2	Модель коммуниктивного контекста (по Т. А. ван Дейку)	167
Рисунок 3	Механизм вторичного прототипирования: от коммуниктивного акта к риторическому текстотипу	169
Рисунок 4	Модель коммуниктивного акта Б. Ю. Городецкого	172
Рисунок 5	Система параметров риторической текстуальности	175
Рисунок 6	Знаковая ситуация кодирования	182
Рисунок 7	Знаковая ситуация декодирования	183
Таблица 1	Тактико-стратегическая матрица риторического декодирования	197
Таблица 2	Процедурные и содержательные корреляции ЛРТ	207–208
Рисунок 8	Риторические стратегии текстообразования в свете психолингвистической теории	214
Таблица 3	Критерии исследовательской лингвистической модели Ю. Д. Апресяна	222
Таблица 4	Установочные критерии исследовательской модели РДТ	222
Таблица 5	Модель риторического декодирования текста	224
Таблица 6	Суперструктурное членение медиатекста	296–297
Рисунок 9	Уровни композиционирования	298
Таблица 7	Семантическое ядро текста интервью Л. Фединой (29.09.2020)	318
Таблица 8	Семантическое ядро текста интервью Д. Проценко (31.07.2021)	319
Таблица 9	Семантическое ядро текста интервью В. Вечерко (24.12.2021)	319
Таблица 10	Семантическое ядро текста интервью М. Лысенко (05.03.2022)	319
Таблица 11	Семантическое ядро текстов о пандемии С. Шаргунова «Стоны страны: депутатский дневник» (2020)	321
Таблица 12	Семантическое ядро текста К. Адамяна (26.04.2024)	322
Рисунок 10	Комплексная матрица лингвориторической реконструкции текстообразования	345
Таблица 13	Семантическое ядро текста интервью Е. Колесова «Поднебесная без прикрас»	369
Таблица 14	Семантическое ядро текста интервью С. Дробышевского (25.10.2022)	373
Таблица 15	Семантическое ядро текста интервью Д. Паслера (21.04.2024)	392
Таблица 16	Карта риторического диагностирования текста	405
Таблица 17	Риторические основания параметрической системы	405
Рисунок 11	Результаты риторического диагностирования текста-стимула 1	409
Рисунок 12	Результаты риторического диагностирования текста-стимула 2	410
Рисунок 13	Результаты риторического диагностирования текста-стимула 3	411
Рисунок 14	Результаты риторического диагностирования текста-стимула 4	412
Таблица 18	Субметодика интервального шкалирования результатов риторического диагностирования	413
Таблица 19	Сопоставление результатов риторического диагностирования текста-стимула 1 и текста-стимула 2	418
Рисунок 15	Параметрические кривые текста-стимула 1 и текста-стимула 2	418
Рисунок 16	Результаты диагностирования диалогичности в авторизующей функции в тексте-стимуле 3	420

Номер и тип элемента	Название	Страница
Рисунок 17	Результаты диагностирования диалогичности в адресующей функции в тексте-стимуле 3	421
Рисунок 18	Результаты диагностирования акциональности в тексте-стимуле 3	422
Рисунок 19	Результаты диагностирования диалогичности в адресующей функции в тексте-стимуле 4	424
Таблица 20	Сопоставление данных о диалогичности в функции адресации (A_2)	424
Рисунок 20	Результаты диагностирования акциональности в тексте-стимуле 4	424
Таблица 21	Сопоставление данных о диагностировании акциональности (E)	425
Таблица 22	Индексы риторичности текстов-стимулов	427
Таблица 23	Данные экспериментальной итерации 1: текст-стимул 1	539–542
Таблица 24	Данные экспериментальной итерации 1: текст-стимул 2	543–546
Таблица 25	Данные экспериментальной итерации 2: текст-стимул 3	546–548
Таблица 26	Данные экспериментальной итерации 3: текст-стимул 4	549–550